

Константин Багрянородный «Об управлении империей»

Предисловие (Г.Г.Литаврин и А.П.Новосельцев)

Введение (Г.Г.Литаврин)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно назвать среди византийских письменных памятников раннего средневековья какой-либо другой труд, который отличался бы столь же широким авторским замыслом, таким же обилием сюжетов, разнообразием жанров, как приписываемое императору Константину VII Багрянородному (908-959) сочинение "Об управлении империей", составленное в 948-952 гг. Нелегко указать и какое-либо иное произведение византийской историографии эпохи расцвета империи, которое осталось бы столь же малоизвестным своим современникам. Созданный в качестве конфиденциального справочника-руководства по управлению империей для юного наследника престола, будущего Романа II (959-963), труд Константина заведомо не предназначался даже для образованной элиты византийского общества. Слишком много в книге, на взгляд автора, содержалось доверительных советов и рекомендаций в сфере дипломатии и руководства внутренними делами государства, слишком откровенно было высказано личное отношение к некоторым представителям императорского семейства, чтобы можно было предать содержание трактата-поучения широкой огласке,

Мы не знаем даже того, действительно ли и в какой мере сочинение Константина Багрянородного имело практическое значение. Во всяком случае, менее всего вероятно, что им воспользовался именно тот, для кого оно было прежде всего предназначено, - сын Константина Роман.

Внимательного читателя и благодарного исследователя сочинение "Об управлении империей" нашло только в Новое время, более чем полутысячелетие спустя после того, как было написано. Вряд ли какой-либо письменный памятник Византии X в. пользовался ббльшим вниманием в научной литературе. Работы, посвященные его анализу, далеко превосходят количественно даже так называемую "Прокопиану" (литературу о трудах Прокопия Кесарийского, который писал в эпоху Юстиниана I в середине VI в. и среди сочинений которого также имелись предназначенные лишь для доверительного ознакомления узкого круга друзей и близких).

Для советских читателей эта книга представляет особый интерес еще и потому, что именно она содержит большую часть сведений по самой ранней истории Древней Руси, сохранившихся в сочинениях иноземных авторов той эпохи.

Полное русское издание памятника было осуществлено Г. Ласкиным в самом конце прошлого века[1]. Уже через четверть столетия оно стало библиографической редкостью, но и перевод Ласкина, сделанный с еще некритических изданий греческого оригинала, и комментарий безнадежно устарели. Отдельные фрагменты трактата "Об управлении империей" издавались впоследствии несколько раз с разного рода пояснительными примечаниями или вовсе без них. Наиболее известной и основательной среди этих публикаций является перевод В.В. Латышева и Н.В. Малицкого[2]. Несколько лет назад увидел свет новый перевод труда, выполненный Г. Г. Литавриным[3]. Однако, как было сказано во вступительной заметке к переводу, он может рассматриваться лишь как предварительный. Он не охватывает всего текста оригинала (исключена почти вся наиболее обширная глава - 53-я), лишен комментария, опубликован без греческого оригинала памятника. Кроме того, в тогдашнем переводе есть ряд неточностей и недосмотров, которые исправлены в настоящем издании.

Работа над ним была начата более 10 лет назад по инициативе В.Т. Пашуто и Г. Г. Литаврина сотрудниками Института истории СССР АН СССР и Института славяноведения и балканистики АН СССР для продолжающегося издания "Древнейшие источники по истории народов СССР".

Коротко о целях и принципах публикации. Она осуществлена на основе критического издания памятника, которое было подготовлено венгерским византинистом Д. Моравчиком и вышло впервые в 1949 г. с переводом на английский Р.Дж. Дженкинза[4]. В 1962 г. увидел свет лондонский комментарий к тексту трактата "Об управлении империей", составленный известными учеными (византинистами, ориенталистами и славистами), среди которых, помимо Д. Моравчика и Р. Дженкинза, были Д. Оболенский, Б. Льюис, Ф. Дворник, Ст. Рэнсимен[5]. В 1967 г. оригинал с переводом были переизданы, причем были тщательно собраны и приведены все конъектуры, эмендации и поправки, предложенные в научной литературе за истекшие почти 20 лет после первого издания, в том числе в многочисленных рецензиях на публикацию 1949 г.[6]

Мы перепечатаваем здесь греческий текст по последнему вашингтонскому изданию 1967 г. вместе с подстрочными примечаниями об особенностях орфографии рукописей и о

предлагавшихся (и частично принятых издателями) поправках[7]. В комментарии мы указываем наиболее важные из принятых издателями конъектур и отмечаем отдельные (весьма редкие) случаи несогласия с ними. Транслитерация личных имен, географических и этнических наименований, технических (непереводимых) терминов приближена, насколько это возможно, к их среднегреческому произношению. В переводе заключены в квадратные скобки отсутствующие в тексте памятника слова, которые мы вставляли или вместо лакун рукописи, или для того, чтобы сделать текст, иногда лапидарный, максимально понятным. Некоторые лакуны (невосполненные) отмечены в греческом тексте и в переводе отточием и оговорены в комментарии. Нумерация ссылок на комментарий, отдельная для каждой главы, дана в тексте перевода, чтобы помочь читателю, не владеющему языком оригинала.

Во Введении дано представление об эпохе, когда было создано сочинение Константина, об авторе (авторах), об источниках, на которых оно основывалось, об организации работы над ним, о главных идеях, в нем проведенных, и о значении труда как исторического источника и памятника литературы. Разумеется, во Введении все эти вопросы освещены весьма кратко. Но они множество раз затронуты, иногда значительно более полно и конкретно, в Комментарии. При анализе известий Константина мы уделяем зачастую основное внимание иным сюжетам и реалиям, нежели авторы лондонского комментария. Наш комментарий скорее дополняет, а не замещает лондонский. Так, мы ограничиваемся самыми краткими примечаниями, касающимися стран арабского Востока, западноевропейских стран и самой Византийской империи. Центр тяжести исследования и интерпретации материала приходится на главы памятника, содержащие свидетельства о Северном Причерноморье, Кавказе, Восточной и Центральной Европе и о народах Балканского полуострова (преимущественно славянских), т.е. на те сюжеты, которые (исключая, быть может, лишь главу 9 о Древней Руси) составителей лондонского комментария интересовали меньше.

Мы не приводим в Комментарии исчерпывающей литературы по той или иной теме: в рамках одной книги это практически невозможно. Указаны или важнейшие работы, или те, которые такую относительно полную библиографию содержат. Чтобы не загромождать текст Комментария, ссылки на литературу, использованную неоднократно, приведены в сокращениях, раскрытых в библиографическом указателе в конце книги.

Хронологическая таблица охватывает только главные события, упомянутые в сочинении Константина. К изданию приложены две карты - "Географическая номенклатура сочинения "Об управлении империей"" и "Византийская империя во второй половине X в." На первую нанесены содержащиеся в трактате Константина географические названия (в формах, принятых в русском переводе). К греческому и русскому текстам даны три указателя (личных имен, географических и этнических названий, технических терминов).

Введение и Комментарий написаны коллективом научных сотрудников Института истории СССР АН СССР, Института славяноведения АН СССР, ИНИОН АН СССР, а также издательства "Советская энциклопедия".

Введение и перевод - Г. Г. Литаврин.

Комментарий:

Лемма и Предисловие - М.В. Бибиков.

Главы 1-2 - М.В. Бибиков.

Глава 3 - В. П. Шушарин.

Глава 4 - М.В. Бибиков, В.П. Шушарин.

Главы 5-7 - М.В. Бибиков.

Глава 8 - М.В. Бибиков, В.П. Шушарин.

Глава 9 - Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин при участии А.А. Зализняка (коммент. 6, 8, 11, 13, 14, 16, 29, 33, 35, 40, 42, 43), Г.Г. Литаврина (коммент. 21, 31, 32, 39, 46, 48-50, 53, 56-63), М.В. Бибикова (коммент. 1, 76), Б.Н. Флори (коммент. 20).

Глава 10 - М.В. Бибиков.

Глава 11 - М.В. Бибиков при участии Т.М. Калининой (коммент. 2).

Глава 12 - М.В. Бибиков.

Глава 13 - Г.Г. Литаврин при участии В. П. Шушарина (коммент. 3-5, 8).

Главы 14-21 - А. П. Новосельцев.

Глава 22 - А.П. Новосельцев при участии М.В. Бибикова (коммент. 29-30).

Главы 23-24 - С. А. Иванов.

Глава 25 - А.П. Новосельцев, С.А. Иванов.

Глава 26 - В.К. Ронин.

Глава 27 - Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин.

Глава 28 - В.К. Ронин.

Глава 29 - О.А. Акимова.

Главы 30-31 - О.А. Акимова при участии Б.Н. Флори (гл. 30, коммент. 14-18; гл. 31, коммент. 18).

Глава 32 - Е.П. Наумов.

Глава 33 - О. В. Иванова при участии Б.Н. Флори (коммент. 8).

Главы 34-35 - Е.П. Наумов. Глава 36 - О.В. Иванова.

Глава 37 - Т.М. Калинина при участии Б.Н. Флори (коммент. 15). Главы 38-39 - В.П. Шушарин.

Глава 40 - В.П. Шушарин при участии Г.Г. Литаврина (коммент 21).

Глава 41 - Б.Н. Флоря при участии В.П. Шушарина (коммент. 3).

Глава 42 - М.В. Бибииков, А.П. Новосельцев при участии Т.М. Калининой (коммент. 27).

Главы 43-46 - В.А. Арутюнова-Фиданян.

Главы 47-52 - Г.Г. Литаврин.

Глава 53 - М.В. Бибииков, Л. И. Грацианская.

В ряде случаев (главы 9 и 13), когда один комментарий составлен несколькими авторами, в тексте указываются их инициалы, выделенные курсивом.

Библиографический указатель составлен В.К. Рониным, карты - Л.И. Грацианской и В.К. Рониным. Указатели подготовлены Л. И. Грацианской и В.К. Рониным. Научно-организационная и научно-техническая работа проведена В.К. Рониным, Л.И. Грацианской, М.Н. Перегуд.

Г.Г. Литаврин, А. П. Новосельцев

1. Ласкин Г, Сочинения Константина Багрянородного "О фемах" (De thematibus) и "О народах" (De administrando imperio) // Чтения ОИДР. 1899. Ч. I.

2. Латышев В.В., Малицкий Н.В. Сочинение Константина Багрянородного "Об управлении государством" // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 91.

3. Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. Прил.

4. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Вр., 1949. 5 Constantine Porphyrogenitus. dc administrando imperio. L., 1962. Vol. 2.

6. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Washington, 1967.

7. Принятые Д. Моравчиком сокращения: F - Fontes et loci paralleli (источники и параллельные места); У - Variae lectiones et coniecturae (разночтения и конъектуры). Списки: P - codex Parisinus gr. 2009; P1 - manus prima; P2-9 - manus recentiores; Pх - manus incerta (ante a. 1509); py - manus incerta (post a. 1509); V - codex Vaticanus-Palatinus gr. 126; V1 - manus prima; V2 - manus secunda; F - codex Parisinus gr. 2967; F1 - manus prima; F2 - manus secunda; M - codex Mutinensis gr. 179. Издания: Me - editio Meursiana; Meursius - notae Meursii; Ba - editio Banduriana; Bandurius - animadversiones Bandurii; Be - editio Bekkeriana; Bekker - apparatus criticus Bekkeri; edd. - editiones Me Ba Be; Migne - editio a Migne curata; Bury - editio cap. 29-36 a J. Bury facta.

ВВЕДЕНИЕ

Имя Константина Багрянородного (или Порфирородного) настолько хорошо известно историкам, что порой оно используется для обозначения целого исторического периода: византилисты нередко говорят об эпохе Константина Багрянородного. При этом имеется в виду главным образом отнюдь не тот факт, что ни один византийский император, начиная с Константина Великого, т.е. с IV по X в., не занимал официально трон так долго, как Константин Багрянородный (908-959) (его самостоятельное правление было недолгим: 945-959), а особая атмосфера в духовной жизни империи - время расцвета ее культуры.

Константинополь, как некогда, при Юстиниане I, стал снова средоточием роскоши, блеска и величия, невиданных ни в одной другой столице Европы. К нему вернулась слава "мастерской великолепия". Вновь расцвели изобразительные искусства. Высокого совершенства достигли художественные ремесла. Воздвигались поражающие изяществом и красотой новые дворцы знати и храмы. Углубился возобновившийся полвека назад интерес к античному культурному наследию. Широко распространенное в науке в наши дни определение - "Македонский ренессанс" - прилагается прежде всего ко времени правления именно Константина Багрянородного, третьего представителя Македонской династии (867-1056) на византийском престоле.

Яркий культурный подъем был, несомненно, связан с существенными сдвигами в экономике империи, ее социальном строе, во внутренней политической жизни, как и с изменением внешнеполитической ситуации во второй половине IX - первой половине X в.[1] Определяющей чертой эпохи Константина было бурное развитие феодальных отношений, которые стихийно старалось регулировать государство. Уже на рубеже IX-X вв. центральная власть утвердила повсеместно, и в деревне и в городе, свой постоянный строгий контроль над экономической жизнью страны. Имущество подданных императора подвергалось скрупулезной оценке на предмет обложения податями. Свободные деревни - общины, ставшие податными, были связаны круговой

порукой - общинники несли взаимную ответственность за уплату налогов в казну; крестьяне были обязаны, кроме того, служить в военном ополчении.

Тщательной регламентации подвергалось также ремесло и торговля в городах, переживавших в это время период возрождения и подъема. Ни один товар на рынке не продавался и не покупался без того, чтобы с него не была взыскана государством торговая пошлина. Особенно строгим был контроль властей за хозяйственной и общественной жизнью горожан в столице империи, осуществлявшийся в соответствии с положениями и нормами введенного в практику отцом Константина Львом VI юридического сборника - "Книги эпарха" (т.е. градоначальника Константинополя).

В первой половине X столетия получила, наконец, всеобщее распространение в империи феодальная военно-административная система управления провинциями, обеспечивавшая более совершенную организацию дела взыскания государственных налогов, обороны страны и набора феодального крестьянского ополчения. Во главе каждой фемы стоял назначенный императором стратиг, обладавший всей полнотой военной и гражданской власти. Существенно расширен, дифференцирован и упорядочен был к этому периоду и аппарат центральной власти: отдельные ведомства (логофисии, или секреты) ведали внешними сношениями и почтой, сбором налогов и пошлин, экипировкой войска и выплатой жалования наемным воинам, императорскими именами. Множество специализированных служб и канцелярий, крупных и мелких, обеспечивало разнообразные потребности императорского дворца. Началом X в. в византиноведении обычно датируется завершение оформления византийской централизованной феодальной монархии. Синклит (сенат) - совет при императоре превратился в декоративное учреждение при всецельном в своем волеизъявлении монархе. Отменяя право синклита и курий (органов городского самоуправления) назначать должностных лиц, Лев VI Мудрый, отец Константина Багрянородного, заявил об их полной бесполезности, поскольку "ныне обо всем печется император"[2].

Император опирался на мощную разветвленную бюрократическую систему власти. В империи господствовала сановная, в основном гражданская знать, к которой принадлежала в то время и правящая Македонская династия. Но одновременно складывалась, быстро усиливаясь, землевладельческая провинциальная аристократия, традиционно игравшая крупную роль в византийском войске. Объективный процесс расслоения и обезземеливания крестьян быстро набирал темпы. Несмотря на контроль за ростом крупного землевладения со стороны государства, вопреки принимавшимся с 20-х годов X в. мерам правительства, направленным на сохранение мелких крестьянских хозяйств, множество свободных крестьян становились париками - зависимыми от частных лиц (поселянами). Особенно быстро этот процесс совершался как раз в X в., в том числе в правление Константина VII, оформлялся класс феодально зависимого крестьянства. Усиливавшееся сословие крупных феодалов все острее выражало недовольство правлением гражданской знати, контролировавшей трон и сделавшей ставку на укрепление централизованных форм эксплуатации. С происками феодальной оппозиции именно на этой почве столкнулись прежде всего предшественник Константина VII Роман I Лакапин, а затем и сам Константин.

Основной конфликт двух группировок господствующего класса в борьбе за власть приходится на более позднее время (последняя четверть X - последняя четверть XI в.). Пока же, в эпоху Константина VII, империя в целом находилась на подъеме. Подчинение свободного крестьянства централизованному государству, расцвет городской экономики, утверждение феодального строя укрепили силы империи. Византия активизировала свою внешнюю политику, перейдя почти на всех своих границах от обороны к наступлению. Уже в конце IX в., в правление деда Константина Василия I Македонянина, в новом юридическом сборнике "Исагоге" вместо господствовавшего в иконоборческую эпоху во внешней политике принципа "защитить и спасти" был выдвинут новый: "сохранять имеющиеся блага, возвращать утраченные и добывать отсутствующие"[3].

Арабская опасность уходила в прошлое. Раздробленный халифат ослабил натиск. Войска империи в середине X в. вновь появились на берегах Тигра и Евфрата. Освободившиеся от арабской зависимости армянские, а также грузинские княжества становились вассалами империи. Со смертью царя Болгарии Симеона и заключением в 927 г. мирного договора, скрепленного династическим браком, надолго исчезла и болгарская опасность. Империя упрочивала свое влияние на сербохорватских землях. Стремилась она укрепить свои позиции и в Италии. Зорко следила империя и за положением дел в северных регионах, примыкавших к Черному морю: ее дипломатия старалась нейтрализовать возможную опасность своим границам со стороны укреплявшейся в этом ареале Древней Руси и печенегов.

Основные внешнеполитические успехи императоров Македонской династии, при которых империя достигла вершины своего могущества, приходятся не на время царствования Константина VII. Основы этого могущества заложил дед Константина Василий I Македонянин (867-886), а прославился своими победами и завоеваниями внук Константина Василий II Болгаробойца (976-1025). Однако и при Константине империя продолжала наращивать силы, она ничего не

утратила из приобретенного его предшественниками, а в войнах с арабами в конце его правления сумела оттеснить их еще далее на юг и юго-восток, открыв путь для наступления в Месопотамию и Сирию.

Личная судьба Константина VII Багрянородного была, пожалуй, наиболее трудной по сравнению с обстоятельствами жизни остальных представителей Македонской династии. Считаясь наследником престола, Константин - царственный ребенок, затем юноша, молодой человек и зрелый мужчина - в полной мере испытал на себе отсутствие в политической теории и практике империи твердого принципа наследственности императорской власти. Уже само рождение Константина сопровождалось крупным политическим и общественным скандалом. Сын Льва VI Мудрого (886-912) и красавицы Зои Карвонопсиды (прозвище буквально означает "Огненноокая"), Константин был в сущности внебрачным ребенком[4]. Браки Льва VI складывались поразительно несчастливо: его жены умирали одна за другой. За девять лет, с 892 по 901 г., он похоронил трех жен. Две первые оставили ему дочерей, а третья умерла при родах вместе с едва появившимся на свет сыном. Несчастный император не смел вступить в четвертый брак - церковь решительно и безоговорочно его запрещала. Даже третий брак каноны разрешали в исключительных случаях, и Льву VI стоило немалых усилий обвенчаться с предшественницей Зои Евдокией.

Константин родился в сентябре 905 г.[5] Невыразимо обрадованному отцу, обретшему, наконец, наследника, предстояла тяжелая борьба, чтобы добиться узаконения прав рожденного вне брака сына. В апреле 906 г. императора и Зою тайно обвенчал во дворце простой священник. Однако законность брака не была признана властным патриархом Николаем Мистиком (901-907 и 912-925). Лишь в конце следующего года, после того как Лев VI издал специальную новеллу, закрепляющую и светским законодательством запрет четвертого брака (таково было условие нового патриарха Евфимия: 907-912), брак Льва VI и Зои был признан церковью, и Константин обрел права императорского сына. 15 мая 908 г. не достигший трехлетнего возраста мальчик был венчан в качестве соправителя отца. Однако Константин был не единственным соправителем Льва VI. Таковым был также его дядя Александр, брат отца, коронованный еще Василием I около 30 лет назад.

11 мая 912 г., в праздник - день основания Константинополя, традиционно отмечавшийся с 330 г.. Лев VI умер, поручив заботы о сыне своему брату Александру, который, как утверждала молва, не только не питал теплых чувств к племяннику, но и намеревался уничтожить его физически. Как подтверждение этого замысла расценивались немедленная после воцарения Александра ссылка матери Константина Зои и опала сановников и слуг, приближенных к Льву VI. Впрочем, планам Александра, если он их действительно вынашивал, не суждено было сбыться: 6 мая 913 г. он скоропостижно скончался.

Константин, таким образом, оказался единственной венценосной особой на троне империи. В составе регентского совета при малолетнем автократоре (самодержце) оказались вновь ставший при Александре патриархом Николай Мистик и командующий императорским флотом (друнгарий флота) Роман Лакапин, а вскоре также и возвращенная из ссылки мать Константина Зоя. Затяжные тяжелые войны с Болгарией, вспыхнувшие снова с 913 г., обусловили повышение при дворе роли военных, в том числе Романа Лакапина, пользовавшегося поддержкой столичной бюрократии и части провинциальной знати. Его планам содействовал, по-видимому, и патриарх, перенесший неприязнь к Льву VI и Зое на их сына. Зоя и Константин оказались в сущности в полной власти упомянутых двух регентов.

В 919 г. 14-летний Константин получил в жены дочь Романа Лакапина Елену и присвоил тестю высокий чин василеопатора ("отца императора"), предоставляющий преимущественное право среди иных вельмож участвовать в управлении империей. Осенью следующего года Константин венчал Романа как кесаря (титул давался, как правило, лишь близким родичам императора), а в конце того же года - как своего соправителя. Регент, тесть и соправитель. Роман I Лакапин (920-944) перехватил по сути дела у юного Константина бразды правления империей на предстоящую четверть века, обнаружив большие организаторские способности и умение путем искусных компромиссов добиваться главной цели.

Истинные намерения Романа I, дававшего при назначении его регентом клятву синклиту не посягать на царскую власть, обнаружили менее чем через полгода: в мае 921 г. Роман I венчал в качестве соправителя своего старшего сына Христофора. Последовала целая эскалация мер, направленных на постепенное лишение Константина VII (и его возможных наследников) прав на реальное участие в делах государства. В следующем году Роман I оказался в ранге главного императора (автократора), между 922 и 924 г. Христофор был выдвинут на второе место, непосредственно вслед за отцом, а Константин оттеснен на третье; в декабре же 924 г. соправителями отца стали и два других сына Романа - Стефан и Константин[6]. В 933 г., наконец, была устранена и всякая оппозиция Роману со стороны высшего духовенства: его младший сын 16-летний Феофилакт занял трон патриарха Константинополя. Положение представителей семьи Лакапинов на троне казалось незыблемым.

Судя по данным 51-й главы труда "Об управлении империей" зятем Романа I и вдовствующей императрицей Зоей не просто пренебрегали во дворце: их держали под бдительным надзором. Они остро ощущали постоянно угрожавшую им опасность. Обстановка в семье изменилась, вероятно, после смерти Христофора в 931 г. Старый император не возвел Стефана в ранг умершего сына, и на втором месте оказался Константин Багрянородный. Среди Лакапинидов начались, по-видимому, раздоры. Ожилились, по всей вероятности, и силы, стоявшие за спиной законного наследника престола. В числе горячих приверженцев Константина VII, стремившихся обеспечить ему самодержавную власть в качестве непосредственного преемника Романа I, находилась жена Константина Елена, готовая ради мужа действовать и против отца, и против братьев. Скоро в их лагере оказался и внебрачный сын Романа дворцовый евнух Василий Ноф, обладавший острым умом и неукротимым честолюбием [7].

Конечно, атмосфера во дворце накалилась еще более после того, как Елена родила в 938 г. сына, которого в честь деда называли Романом. Беспокойство сыновей Романа I Стефана и Константина за свои права на трон резко возросло. Есть основания для предположения, что Константин VII и действовавшая в его пользу группа царедворцев сумели приблизить развязку, использовав обстоятельства заключения византийско-русского договора осенью 944 г. Дело в том, что согласно сохраненному русской летописью тексту договор был подписан со стороны империи Романом, Константином и Стефаном (имена приведены именно в этом порядке). Ясно, что Константин здесь - Константин VII Багрянородный, получивший, следовательно, с 931 г. снова ранг главного среди соправителей[8]: сын Романа I Константин был моложе Стефана и не мог быть назван ранее его. В таком случае сын Романа Константин чем-то, вероятно, прогневил отца и ему не было позволено вообще подписаться под договором. Так или иначе, но Константин VII и его сторонники сумели направить недовольство сыновей Романа против их отца, и 16 декабря 944 г. Роман I был ими низложен и сослан на о-в Прот, один из Принцевых островов близ столицы, а через 41 день, 27 января 945 г. они были, в свою очередь, беспрепятственно арестованы по приказу Константина VII и отправлены в ссылку, под стражу. Вскоре, на пасху, 6 апреля того же года Константин венчал как соправителя своего сына Романа.

Числясь императором с трех лет, Константин подлинно стал им лишь в возрасте сорока лет. Будучи столь долго отстраненным от дел управления империей, он, видимо, заполнял свой досуг изучением различных наук, ознакомлением с наследием античной литературы. Однако, слава о его учености была сильно преувеличенной. Он, безусловно, был самым образованным среди венценосцев Македонской династии, превосходя в этом даже своего отца Льва VI, не говоря уже о деде, сыне и внучке, но значительно уступал таким своим современникам, как, например, патриарх Николай Мистик. Образование Константина VII не было, по всей вероятности, систематическим. Латыни он не знал. Познания его в истории были также относительны. В связи с вопросом о том, кто преобладал в Константине - политик или ученый, - в науке делались предположения о разного рода комплексах, которые будто бы не могли не развиться в психическом складе начитанного императора, сменяемого мыслью о своем великом назначении и о своей жалкой роли в реальной действительности[9]. Тексты сохранившихся под именем Константина трудов отнюдь не оправдывают, однако, такие догадки. Они позволяют судить, хотя также предположительно, о более важном в личном плане для Константина, об отношениях, которые в середине 40-х - начале 50-х годов сложились между отцом (Константином VII) и сыном (Романом II). Реплики императора, обращенные к сыну, исполнены заботы и тревоги не только за него, но и за его способности в качестве василевса противостоять обстоятельствам.

До шести-семи лет Роман, по всей вероятности, не слишком часто общался с отцом: по обычаям той эпохи в раннем возрасте; знатные мальчики постоянно находились на женской половине, в гинекее, и только с шести-семи лет они поступали на воспитание к дядьке; с ним они находились неотлучно, и с отцом их общение становилось регулярным. Конечно, до семи лет в окружении Романа преобладали люди, близкие к Лакапинам, и отец вряд ли имел на сына какое-либо влияние. Однако и после 945 г. это влияние, как видно, не стало определяющим: все, что известно об образе жизни, интересах и поведении Романа II, свидетельствует о том, что отец и сын были по духу чужими друг другу людьми. Предполагают, что непосредственно воспитанием Романа занимался Василий Ноф. Если это верно, следует сделать вывод, что набожный, скуповатый и суровый евнух вызвал неприязнь племянника[10]: умирая, Константин VII поручил заботы о сыне не Василию Нофу, а другому евнуху, врагу Василия, Иосифу Вринге[11]. Не случайно Василий Ноф исчез со страниц источников, сообщающих о времени правления Романа II (959-963). Не случайно и то, что, придя к власти, Роман II подверг опале большую часть сановников, пользовавшихся влиянием при Константине VII. Возможно, не случайно, наконец, и упорные слухи после смерти Константина VII, что дело не обошлось без яда, данного свекру с согласия мужа женой Романа II[12], Феофано. Константина VII современники порицали главным образом за излишнее пристрастие к вину, а Романа II - за, постоянный разгул и страсть к удовольствиям, предаваясь которым, он рано утратил здоровье и внезапно скончался на 25-м году от роду. Константин в обращении к сыну проводит мысль о благородстве царского рода. Вполне

вероятно поэтому, что серьезные огорчения отцу и матери доставила и женитьба своенравного царевича (ок. 956 г.) на дочери харчевника Анастасии (Феофано). Сама Феофано, по крайней мере, ненавидела старшую царственную пару, стоявшую на пути к всевластию молодой четы. Эта чета и стала центром сплочения оппозиции Константину VII со стороны крупной землевладельческой знати, недовольной его аграрной политикой, которая, как и политика Романа I, была направлена на укрепление централизованных форм эксплуатации и в целом отвечала интересам гражданской знати: именно ее благосостояние основывалось прежде всего на выдачах из казначейства, а не на доходах с земельных владений. Как показали последующие события, юный Роман II не испытывал особых сыновних чувств ни к отцу, ни к матери, ни к родным сестрам (мать он после смерти отца пытался удалить из дворца, а сестер заточил в монастырь).

Еще накануне низложения Романа I Лакапина Константин VII в письме к Феодору, митрополиту Кизикскому, с которым император был дружен до конца жизни, жалуясь на одиночество, писал, цитируя 37-й псалом, о неискренних друзьях и об отчуждении родственных лиц[13]. Вряд ли отношения в семье изменились к лучшему и спустя десятилетие после этого письма. Не исправило их и рождение в начале 958 г. у Романа II и Феофано сына, внука Константина VII - Василия (будущего Болгаробойцы)[14].

Ко времени завершения работы над трудом "Об управлении империей" Роману было 14 лет - возраст достаточный для того, чтобы окружающие уже могли объективно оценить его недостатки и достоинства как человека и будущего самодержца. О том, что Константин VII был способен трезво судить о людях по их делам, не руководствуясь только личными симпатиями и антипатиями, свидетельствует его умение использовать опыт и знания выдающихся гражданских и военных сановников. Об этом же говорят и некоторые ремарки императора в рассматриваемом здесь его сочинении относительно Романа Лакапина, да и сама политика Константина, представлявшая собой по крупному счету лишь продолжение политики его тестя.

Видимо, Р. Дженкинз прав, полагая, что Роман II рос слабым и порочным, не оправдывая надежд отца и вызывая нарастающую тревогу Константина за судьбу сына[15]. Пожалуй, закономерен вывод, что Роман отнюдь не усердствовал в изучении наук, и это сильно огорчало его отца. Поэтому Константин VII и поспешил с составлением поучений-руководств для Романа - о том, как "править и руководить мировым кораблем"[16].

Государственными делами Константин VII занимался, во всяком случае, с января 945 г. до конца своей жизни. В какой мере к ним был причастен в конце 50-х годов Роман II, источники умалчивают полностью. Вполне вероятно, что участие это было минимальным. В сентябре 959 г. старший император отправился на Олимп (в Малой Азии), где в одном из монастырей принял монашество его друг Феодор Кизикский. Официальной целью поездки была объявлена подготовка к походу против арабов, действительным намерением было будто бы желание Константина посоветоваться с другом о мерах, которые надлежало принять для низложения патриарха Полиевкта, втайне интриговавшего против императора. На обратном пути Константин простудился и в ноябре умер. День его смерти (9, 15 или 19 ноября) представляет предмет научной дискуссии[17]. Похороны Константина VII, как некогда низложение им Лакапинидов в январе 945 г., показали, что ученый император пользовался популярностью у константинопольцев. Их устраивала его политика благопритствования и льгот для жителей столицы, традиционная для василевсов Македонской династии. Импонировала константинопольцам и сама представительная внешность царя: он был высок, строен, голубоглаз, красив.

До недавнего времени в историографии господствовала основанная на некритическом прочтении источников точка зрения, согласно которой Константин VII был скорее ученым и писателем, чем императором, что он занимался в основном науками, а не делами государства, которые он будто бы возложил на свою жену Елену, паракимомена Василия Нофа, этериарха Василия Петина, епарха Феофила и сакеллария Иосифа Врингу[18], а если иногда Константин и брался за дела империи, то предпочитал наиболее легкие из них, а именно суд, который он творил без милосердия. В последние годы, однако, этот взгляд был серьезно поколеблен: Константин изображается теперь в научной литературе как опытный политик, искусный дипломат, трезвый организатор, прекрасно знавший людей и умевший опираться на способных и энергичных помощников[19]. Противоречивые на это счет показания источников - не столько противоречия в самой политике Константина, сколько отражение ведущейся в его время подспудной борьбы в кругах знати, связанной с оценкой политического наследия Романа I Лакапина и с определением судьбы трона (права Романа II на престол, как сына "незаконнорожденного", не представлялись части высшей знати бесспорными; до смерти в ссылке Романа I в июле 948 г. было раскрыто несколько заговоров против самого Константина, да и позднее сторонники Лакапинидов не оставили своих интриг)[20].

Безусловно, обстановка и внутри империи и на ее границах была в правление Константина VII более спокойной, чем в царствование его деда, отца и тестя. Конечно, Константин VII имел возможность опираться на успехи, достигнутые его предшественниками. Но противопоставление Константина VII Роману I как непрактичного теоретика выдающемуся энергичному практику

основано в историографии преимущественно на факте резкого осуждения тестя самим Константином в труде "Об управлении империей". Действительно, чувство ненависти Константина VII к Роману I, лишившему "законного" василевса на 25 лет и тени власти, бесспорно. Однако дело обстояло здесь не столь просто. Константин руководствовался при составлении рассматриваемого труда несколькими главными идеями, стремясь обосновать прежде всего неизбежность прав своей династии на императорский трон. Для этого совершенно необходимым представлялось опорочить правление василевсов Аморийской династии (820-867), свергнутой его дедом Василием I, и бросить тень на политику и самую личность своего тестя - по существу узурпатора[21]. Императоров Аморийской династии, особенно Михаила II Травла (820-829), он обвиняет в том, что "царство ромеев по небрежению и неопытности правивших в то время опустилось почти до ничтожества"[22]. Что же касается Романа, то острые, ядовитые замечания в его адрес Константин делает многократно. Чтобы судить о них, достаточно двух примеров. В 13-й главе Константин называет Романа неучем, правившим деспотично и не в согласии с ромейскими обычаями, надменно и самовольно, нарушителем привычных и законных порядков, ненавистным еще при жизни и синклиту, и народу, и церкви, поносимым всеми и после смерти, так что, подчеркивает в заключение автор, постигший Романа Лакапина конец (свержение с престола и ссылка) - справедливая кара за его самоуправство[23]. В 51-й главе, рассказав о мерах по изоляции Константина VII и его матери во дворце, предпринятых Романом, Константин замечает, что все это тот сделал, "когда... вступил во дворец и оказался, не знаю, как выразиться, обладателем царства"[24].

Тирада Константина о благородстве царского рода и высокой образованности как неотъемлемом качестве василевса также нацелена против происходящего из "простых" людей, неграмотного Романа I, ибо невежество правителя - причина бедствий и унижений для Романии. Константин настойчиво советует сыну овладеть необходимыми для монарха знаниями, в особенности по административной и военной истории империи, - в этом василевс обязан превосходить других, т.е. придворных и чиновников, так как лишь тогда будет велик его авторитет у подданных. Неуч не имеет перед глазами образца для подражания, творит неподобающее, отменяет хорошо установленное его предшественниками, обнаруживает неспособность противодействовать внезапной смене обстоятельств, вводит новшества. "Добру не ученый", не постигший с детства ромейских порядков и не ведающий, как они сложились, не достигнет успеха, тогда как изучивший науку управления василевс будет желанным для подданных, станет почитаться ими как мудрый среди разумных и разумный среди мудрых. Именно себя и Романа II имеет в виду Константин, в противовес Роману Лака-пину, говоря о том, что наследственный порядок обретения власти в сущности санкционирован богом, "поскольку он (бог) избрал тебя и исторг из утробы матери и даровал тебе царство свое как лучшему из всех"[25] и поскольку править более способен тот, "кто с детства воспитан в царских дворцах..., кто с самого начала следовал ромейским обычаям"[26]. Император, писал Константин в другом своем труде, - это "Христос среди апостолов"[27], роль Роману I, по мысли Константина, абсолютно недоступная.

Несмотря на все эти заявления, Константин VII в сущности продолжал и внутренний и внешнеполитический курс политики Романа I, которая в целом отвечала интересам гражданской знати, которую они оба представляли. Новеллы Константина VII по аграрному вопросу соответствовали постановлениям на этот счет Романа I: Константин подтвердил распоряжения своего предшественника, сделав под давлением динатов и патриарха лишь одну уступку крупным земельным собственникам (отменил право беднейших крестьян на безвозмездное возвращение из рук динатов своих участков), зато он еще более ужесточил меры против динатов, посягавших на военнообязанные наделы крестьян-ополченцев, объявив эти наделы неотчуждаемыми вообще[28]. Как и Роман I, Константин стремился искоренить коррупцию чиновного аппарата, смещал скомпрометированных сборщиков налогов. Как и Роман I в свое время, заигрывавший с плебсом Константинополя (он погасил все долги константинопольцев хозяевам за найм квартир, построил временные укрытия от холодов для столичных нищих), Константин благоустроивал больницы и заботился об их снабжении. Популярным было оказываемое им покровительство занятиям наукой и искусствами.

Преимуществом между политикой Романа I и Константина VII наиболее четко прослеживается во внешних делах. Константин следовал, видимо, курсу Романа в отношениях с арабами, странами Запада, сербами и хорватами, печенегами, древними росами, княжествами Кавказа. Возможно, более прохладными, чем при Романе I, стали отношения империи с Болгарией, где правил зять Романа I Лакапина по внучке (дочери Христофора) Петр, получивший от Романа I титул "василевс болгар". В отношении болгар Константин VII выдерживает в труде "Об управлении империей" в целом враждебный тон[29]. Уступки же тестю Петру он считает совершенно недопустимыми. Примечательно, что в главах, посвященных сербам и хорватам, а в особенности сношениям с армянскими и грузинскими княжествами (гл. 43-46), имя Романа Лакапина не раз упоминается в положительном смысле. Его политика в этих регионах находит по сути дела одобрение Константина и признается успешной. Оказывается, Роман I и следовал

ромейским обычаям, и не отменял решений прежде царствовавших (в частности, Льва VI, отца Константина), и выполнял порой просьбы "по доброте своей" (гл. 43). Возможно, конечно, возражение: отмеченные следы симпатии к Роману I возникли под пером не самого Константина VII, а чиновников, подбиравших для него материал, в частности, тех, которые имели отношение к восточным делам и являлись, вероятно, армянами по происхождению (как армянином был и сам Роман Лакапин). Кроме того, главы, посвященные отношениям с армянскими и грузинскими князьями, подвергались, видимо, наименьшей обработке Константина, так как были подготовлены с самого начала более тщательно, чем другие части, и более компетентными людьми. Однако тот же мотив одобрения политики Романа I характерен и для глав о сербах, где рука Константина-редактора гораздо более заметна. Иными словами, нападки Константина на тестя не дают оснований для вывода о полном осуждении им политического курса Романа I, очевидные же различия между характерами и пристрастиями Романа I и Константина VII - еще недостаточное основание для заключения, что столь же разными были и направления в их политике, и результаты их деятельности. Ведь в сущности Константин VII потерпел лишь одну крупную неудачу - гибель военного флота империи в экспедиции против критских арабов в 949 г. Но и Роман I потерял почти всю Калабрию на семь лет (с 927 по 934 г.), захваченную, ограбленную и обложенную данью арабами Африки.

Невозможно обосновать тезис о неспособности Константина VII управлять империей и ссылками на чрезвычайную "непрактичность", оторванность от реалий его времени написанных Константином или составленных под его редакцией сочинений. Во-первых, при оценке степени оригинальности (и "практичности") трудов средневековых авторов следует, как кажется, исходить из принятых в ту эпоху, а не из современных критериев: склонность к анахронизмам и слепое доверие к первоисточникам были в то время обычной позицией писателя, а не особым свойством, присущим только Константину[30]. Во-вторых, предпочтением к устаревшим сведениям, слабой пригодностью для политической практики X в. отличался лишь труд Константина "О фемах", в обилии уснащенный данными VI столетия (когда фемы вообще не существовали) и представлявший собой юношескую работу автора по географии и административному устройству империи. Легендарные сообщения, фантастические известия, сказочные мотивы и анахронизмы встречаются на страницах и других его сочинений, однако в целом и книга "О церемониях византийского двора" (обрядник, регулирующий порядок приемов, церемоний и всякого рода празднеств и процессий), и труд "Об управлении империей" вполне соответствовали современным им практическим целям. Первый служил в качестве руководства, используемого в повседневной жизни императорского дворца, второй - зеркалом для молодого повелителя государства. Р. Дженкинз показал, что некоторые невероятные утверждения и искажения реальных фактов у Константина представляют собой в действительности сознательную "дипломатическую фикцию", рассчитанную на невежество и легковерие "варваров", которых не только не возбранялось, а полагалось - в интересах империи - вводить в заблуждение[31]. Что же касается других ошибок и неточностей в труде "Об управлении империей", то, согласно наблюдениям П. Яннопулоса, их следует отнести на счет провалов в знаниях, а также предрассудков автора, которых он был не чужд как сын своего времени[32].

В основном же сведения, подобранные Константином для своего наследника, и по внутренним и по внешнеполитическим вопросам достаточно поучительны и актуальны. Даже обычно рассматриваемая в историографии как случайно попавшая в труд и к публикации не предназначавшаяся 53-я глава, трактующая о легендарных событиях I в. до н.э. - IV в. н.э., была подготовлена для объяснения насущной в эпоху Константина проблемы - причин постоянной готовности фемы Херсон в Крыму выйти из состава империи в силу живучести древних полисных традиций самоуправления в этой отдаленной провинции и местного полисного патриотизма. Следы несомненного вмешательства (оно обычно предваряется замечанием - "Знай") Константина в текст редактируемых им материалов обнаруживаются почти во всех главах. Разумеется, далеко не все сентенции и идеи высказаны при этом самим императором, авторство многих из них принадлежит его безымянным соавторам, готовившим для книги соответствующие справки; тем не менее важно констатировать, что собранные для него материалы Константин сохранил в окончательном тексте книги постольку, поскольку их содержание в целом, по всей вероятности, соответствовало собственным представлениям императора.

О поистине колоссальной литературной и авторской, и в особенности организаторской деятельности Константина VII известно далеко не все. Как полагают, император поставил целью подготовить справочники энциклопедического характера почти по всем существовавшим тогда отраслям знания: агрономии, зоологии и ветеринарии, медицине, юриспруденции, воинской тактике, административном устройстве, дипломатии, системе титулов, организации дворцовых церемоний и т.д. Под руководством Константина было составлено до 53-х собраний, большая часть которых безвозвратно утрачена. Сохранившиеся же донесли до нас, хотя и в сокращениях или в выписках, немало утерянных трудов, в том числе сочинения Приска Панийского и Менандра Протиктора, посвященные описанию народов, с которыми империя сталкивалась в V-VI вв., и

дипломатическим контактам с ними. "Дипломатический" сборник не дошел до нас в полном виде. Вполне возможно, его составление предшествовало написанию труда "Об управлении империей" и его материалы были привлечены Константином по крайней мере в одном из разделов труда, обозначенном как раздел "О народах" (см. об этом ниже).

Непосредственно перу Константина Багрянородного приписывают следующие труды: "Жизнеописание Василия" (деда автора)[33], упоминавшиеся сочинения "О фемах" и "О церемониях" и, наконец, "Об управлении империей". Наибольшая степень авторства Константина признана за двумя первыми трудами. Характеристика творчества Константина в целом не составляет, однако, задачу данного Введения. В соответствии с нашей главной задачей остановимся лишь на последнем, непосредственно интересующем нас труде Константина "Об управлении империей". Оговоримся, что в кратком обзоре невозможно сколько-нибудь полная характеристика труда его источников, композиции, авторской позиции и т.д. Все эти вопросы освещены в Комментарии. Здесь же мы сосредоточим внимание на таких проблемах, как замысел труда, метод работы над ним, его основная политическая и идейная направленность.

В эмоционально приподнятом, выпрессанном обращении к сыну в преамбуле к сочинению, написанной, вне всякого сомнения, самим Константином, он заявляет, что ниже будут развиты в качестве науки управления по преимуществу две темы: первая - внешнеполитическая, о том, что представляют собой окружающие империю народы, с которыми она вступает в сношения, в чем они могут быть полезны, а в чем вредны для державы ромеев; вторая тема - внутренняя, о том, какие новшества, сравнительно с традиционными порядками, появлялись в империи с ходом времени, как они возникали и в чем их сущность. "

Вопреки этому замыслу, однако, подробно разработана в труде была только первая тема, хотя и здесь уделяемое различным народам внимание весьма разное. Вторая же тема вообще затронута в труде лишь частично. Специально рассмотрены были шесть сравнительно частных (и на частных примерах) сюжетов: о восстаниях славян на Пелопоннесе против имперской власти (гл. 49 и 50), о реорганизации устройства ряда фем (гл. 50), об организации службы на царском флоте (гл. 51), о порядке присвоения некоторых титулов и выплате руги (гл. 50), о нормах материальной компенсации военнообязанных лиц за отказ участвовать в военном походе (гл. 51, 52) и об особенностях фемы Херсон (гл. 53)

Видимо, главная причина несовпадения замысла и его воплощения состоит в упомянутом выше изменении плана и целей труда: подготавливался он в качестве справочника-обзора "О народах" (как для такового и был собран основной материал), а затем в спешке был переработан (причем лишь частично и без опоры на четкие критерии) в зеркало-поучение (руководство по внутренней и внешней политике), преподнесенное отцом своему сыну Роману к его 14-летию. Эти вопросы, как и в целом проблема композиции и последовательности написания различных частей труда, подробно и убедительно исследованы и изложены Дженкинзом в двух "Общих введениях" (к публикации самого текста труда и к Комментарию). Отметим поэтому только самое главное.

Наиболее основательной переделке подвергся первоначальный план труда, касающийся его первой части: введение (оно, по мысли Дженкинза, было написано в последнюю очередь) и первые 13 глав. Композиция лишь этой части труда сравнительно упорядочена. Что же касается дальнейшего текста, то, как полагает Дженкинз, его композиция крайне небрежна и случайна. Прежде всего, в силу недосмотра или спешки в книгу оказались включенными сырые материалы, не предназначавшиеся к публикации. Это, в частности, главы 23-25, 48, представлявшая собой лишь материал для 47-й главы, 52, использованная как источник для 51-й, и 53 почти до конца[34]. Все эти главы по содержанию не имеют никакого отношения к современным Константину проблемам международной и внутренней жизни, и не случайно ни одна из них не вводится в текст книги привычным для Константина оборотом "Знай". Случайно включенной в труд считает Дженкинз и 9-ю главу, которая послужила источником 2-й и по существу не имеет отношения к разделу, который охватывает гл. 1-12 и трактует вопрос о позиции империи в отношении "северных народов"[35].

Остальное содержание труда Дженкинз определяет как поучительное и информативное. Причем следующий (поучительный, или дипломатический) раздел образует одна написанная самим Константином 13-я глава, исключая ее начало. Самый большой по объему раздел составляют главы 14-48, которые в сущности и представляют собой сохранившуюся часть труда, подготавливаемого по первоначальному плану и соответствующего предполагаемому в рукописи названию - "О народах"[36]. Заключительным разделом являются главы 49-53, повествующие о внутренних делах[37].

Вполне вероятно, что не для всех сюжетов материал был своевременно собран и включен в книгу. Так, поражает отсутствие специальной главы о Болгарии и болгарях и крайне односторонний аспект повествования о древних росах.

В сборе материала участвовало, несомненно, много людей. При распределении заданий между ними были, вероятно, высказаны лишь самые общие пожелания о характере требующихся материалов[38]. Каждый исполнитель понимал свою задачу в меру собственного разума и

компетентности. Некоторые шли при этом, как явствует из разнообразия жанров и содержания глав, по наиболее легкому пути: подбирать то, что было более доступным или более отвечало их собственным вкусам. Так оказались собранными воедино и подлинными документы (или выписки из них) и легенды, лингвистические толкования и отрывки из хроник, географические описания и устные свидетельства и т.п. Р. Дженкинз и Д. Моравчик полагают, что названия глав первоначально находились на полях одного из списков, с которого копировалась сохранившаяся рукопись; сделаны эти маргинальные пометы были многие годы спустя после написания труда с целью облегчить его чтение, а затем при изготовлении нового списка были перенесены в текст[39]. Наиболее сильным аргументом в пользу этого является тот факт, что ряд заглавий вставлен в текст не на "свое место", "запаздывая" или "опережая" озаглавливаемый сюжет (см. гл. 1, 2, 13, 39 и др.). Однако имеются случаи и иного рода, когда текст в сущности является продолжением повествования, уже начатого в заголовке (см. гл. 9, 22, 40 и др.). Поэтому Дженкинз допускает, что некоторые заголовки уже имелись на листах, которые в качестве материалов легли на стол Константина[40]. Мы осмеливались бы допустить, что ряд заглавий вообще предшествовал самим текстам, представляя собой краткую запись тех заданий, которые должны были выполнить сборщики материала. Если принять эту гипотезу, то следует думать, что, чем детальнее заголовок главы, тем, вероятно, более конкретные и основательные сведения хотел получить Константин (см. гл. 1, 8, 9, 16, 22, 42, 44, 48-52).

Убедительно заключение Дженкинза, что позже всех прочих разделов были обработаны 1-13-я главы, носящие особенно многочисленные следы редакторской правки Константина[41]. Несомненно также, что он был единственным аранжировщиком (метранпажем) труда, придавшим ему ту композицию, в которой он дошел до нас[42]. В таком случае вызывает интерес порядок, в котором Константин расположил материал. Представляется очевидным, что император выделил и поставил на первое место главы о печенегах (1-8), а также о венграх (гл. 3, 4), росах (гл. 2), болгарях (гл. 5), хазарах, аланах, узах и черных булгарах (гл. 10-12), т.е. о народах, проживавших близ северных границ империи, потому что для времени написания труда считал особенно важными отношения империи именно с этими народами. Одна из важнейших глав труда (13-я) трактует также только о "северных народах", названных выше.

Несмотря на краткость изложения, информация первых глав достаточно обширна, и подготовительные материалы для этой части подбирали, по всей вероятности, несколько человек. Что же касается остальных глав раздела "О народах", то следует, видимо, учесть ясно выделяющиеся здесь группы глав, относящихся к одному региону или одному народу. Таковы, например, главы, касающиеся франко-итальянских сюжетов (гл. 26-28), рассказывающие о сербохорватской истории (гл. 29-36) и повествующие об армянских и грузинских княжествах (гл. 43-46). Возможно, материалы для каждой из таких групп глав готовило ограниченное число людей (от одного до двух-трех). Несомненно, уже на подготовительной стадии материалы глав 43-46 выгодно отличались от материалов предшествующих и по насыщенности фактами, и по композиции, и по ясности изложения. Судя по транскрипции личных имен и топонимов, а также по использованию нескольких армянских и грузинских технических терминов, материалы 43-46-й глав подбирали люди, компетентные и в тонкостях византийской дипломатии, и в сложностях местной политической жизни. Информаторы, безусловно, византийские чиновники ведомства внешних сношений или дворцовых канцелярий, но уроженцы армяно-грузинского региона, оказавшиеся на имперской службе.

Что касается порядка расположения глав раздела "О народах", то он представляется, на первый взгляд, лишенным всякой логики: переход от главы к главе или от группы глав к другой группе представляется случайным или осуществленным по чисто внешним ассоциативным связям. На это обстоятельство специально обращают внимание и издатели, и авторы комментария. Однако некоторая закономерность, хотя порой и формальная, в композиции раздела "О народах", по нашему мнению, все-таки прослеживается. Подавляющее большинство глав следуют друг за другом как бы по окружности, с точки зрения наблюдателя, находящегося в ее центре (Константинополе), в направлении с севера на восток, далее - на юг, запад и снова - на север и восток. Действительно, 1-13-я главы охватывают северные от империи пределы, 14-22-я описывают арабский мир (восток), 23-28-я посвящены странам Запада (Испания, Италия, Венеция), 29-36-я повествуют о сербохорватском регионе, 37-42-я главы возвращают читателя снова к "северным народам", вплоть до кавказских пределов (мораванам, печенегам, мадьярам, хазарам, аланам и зихам), и, наконец, 43-46-я главы трактуют вновь о восточных, армянских и грузинских землях.

Помимо этой поверхностной взаимосвязи между группами глав, можно указать и на ряд естественных ассоциативных переходов: от восточных владений арабов - по ходу их завоеваний - к южным (африканским) и западным (испанским, а затем итальянским); от западных стран (Италии и Венеции) - к Балканскому полуострову - сербохорватским землям, подвергавшимся, так же как и итальянские, арабским набегам; закономерен переход и от северного региона к восточному (армяно-грузинскому) в соответствии с итинерарием 42-й главы, "доводящим" путь от Западного

Причерноморья до Авагсии.

Политическая позиция Константина VII в отношении описанных в труде "Об управлении империей" стран и народов целиком основана на имперской идеологической доктрине, в разработке и пропаганде которой в эту эпоху принимали активное участие сами василевсы, в том числе дед и отец Константина VII. Однако именно деятельность Константина Багрянородного была в этом отношении особенно плодотворной. Империя, в его представлении, - "мировой корабль", император - неограниченный повелитель, наделенный высшими добродетелями ("Христос среди апостолов"), Константинополь - "царица городов и всего мира (??? ???)". Культ служения империи, единственной и божественной, - главный нравственный принцип, определяющий поведение ромеев, будь они "из повелевающих или из подчиненных"[43]. Развиваемые Константином Багрянородным идеи - не только политическая доктрина и учение об императорской власти, но и теория нравственных ценностей верноподданного византийца и катехизис его поведения.

Окружающие империю народы с точки зрения этой доктрины рассматриваются лишь как "полезные" или "вредные" для империи. Э. Арвейлер замечает, что позиция Константина является выражением крайнего имперского эгоизма, находящего ограничение лишь в физическом, вооруженном отпоре, который империя встречала у соседних народов, что Константин возродил универсалистскую греко-римскую идею о праве "избранного народа" повелевать ойкуменой, выступая в роли апологета *sui generis* "ромейского расизма"[44]

"Ромейское" устройство представляется Константину естественным, а потому идеальным. Сам бог хранит империю, а ее столица находится под особым покровительством самой богородицы. Империя не ведает раздробления власти, а поэтому не знает внутренних раздоров и кровавой анархии. Характерно, что единомыслие и твердый порядок внутри империи Константин связывает с господством единого языка, т.е. культура империи мыслится им, по всей вероятности, прежде всего как грекоязычная культура.

Преклонение и покорность иноплеменников перед империей изображаются Константином как норма в международных отношениях: империя не вступает в дружбу с иными странами и народами, а ее дарует; заключивший с ней мир обретает тем самым гарантии безопасности; все "варварские" народы (христианские и языческие), когда-либо с позволения императора или самовольно поселившиеся на землях империи, в особенности же те, которые платили империи "пакт" (дань) или приняли от нее крещение, обязаны ей повиноваться и ныне и впредь быть ее "рабами". Такова позиция царственного автора и в отношении армян и грузин, и в отношении сербов и хорватов, даже в отношении болгар, хотя на памяти Константина именно Болгария угрожала самому существованию Византийской империи как европейской державы. Согласно внушениям императора, невежественным "варварам" не только можно, но и должно откровенно лгать, утверждая, что и сами инсигнии власти (короны и мантии), и греческий огонь переданы богом через ангела непосредственно самому Константину Великому, что этот равноапостольный император запретил вступать в родство членам правящей в империи династии с представителями семейств государей иных стран (как нехристианских, так и христианских), сделав исключение только для франков, так как "сам вел род из тех краев"[45].

В подавляющем большинстве глав, в какой бы форме (старого предания, документального свидетельства или устного рассказа) ни была подана информация о том или ином народе, вполне отчетливо проступает доминирующая в них политическая идея. Так, в группе глав об Италии и Венеции утверждаются права империи на обладание этими землями (подорванные франкским вмешательством с середины VIII в.), проводится мысль, что именно империя оказывала здесь жителям наибольшие благодеяния, защищала их от врагов надежнее, чем франки, и способна защитить ныне от арабов[46]. Основная идея сербохорватского раздела состоит в утверждении, что и сербы, и хорваты были поселены на предоставленной им Ираклием в VII в. земле и с тех пор хранят верность империи, болгары же, а тем более франки не имеют никаких прав на эти территории. Доминирующий тезис пассажа об армянских и грузинских землях сводится примерно к тому же заключению; отличие, однако, заключалось в том, что права империи на территорию расселения сербов и хорватов еще в полной мере не реализованы империей (соперничает с ней в этом отношении Болгария), тогда как на Кавказе суверенитет империи уже в значительной мере установлен.

Что касается северного региона, то здесь Константин, как это уже отмечалось в историографии, делает основную ставку на союзных империи ("друзей") печенегов, военная мощь которых может быть использована и против росов, и против венгров, а также против хазар и болгар. Против хазар, по мысли Константина, империя может направить также узов, аланов и черных болгар. Предусматривает Константин и возможность разрыва союза с печенегами. В таком случае достойным их противником могли бы оказаться, если не венгры, то узы.

Необычным в этой стратегической доктрине Константина Багрянородного является полное отсутствие хотя бы малейшего намека на союзные отношения империи с Киевской Русью, между тем как, согласно главе 9, договор с ними сохранял силу и во время написания труда "Об управлении империей". Можно поэтому высказать два предположения: либо в книгу не попала (или

была утеряна) еще одна специальная глава о росах, где на этот счет были даны соответствующие рекомендации, либо статьи договора о воинской помощи росов феме Херсон в описываемый период не реализовывались, так как оказались несовместимыми с военным соглашением империи с печенегами, которых предпочитало в качестве союзников византийское правительство при Константине VII.

Нам представляется вполне вероятным также, что в труд по каким-то причинам не была включена или впоследствии была утрачена особая глава о Болгарии и болгарях. Тезис Моравчика, что в написании такой главы не было необходимости ввиду заключенного в 927 г. долговременного дружеского договора империи с Болгарией (Константин не предусматривал опасности с этой стороны), не убедителен[47]. Во-первых, опасность со стороны болгар (соперничество за земли сербов) Константин все-таки предусматривал и даже рекомендовал использовать против Болгарии печенегов; во-вторых, вопреки договору 927 г. царственный автор сохраняет повсюду неизменно враждебный тон в отношении болгар и в 13-й главе недвусмысленно высказывается против условий, на которых Роман I заключил соглашение с царем Петром в 927 г;

Как бы то ни было, ограничиваться в оценке сделанного константином современными критериями систематизации, последовательности и непротиворечивости означало бы уходить в сторону от проникновения в специфику работы средневекового автора. Практически любое из византийских сочинений, построенных на материале предшественников, могло содержать и нередко содержало в себе сведения и точки зрения, противоречащие друг другу. Может быть, современный исследователь привносит и современные акценты в характеристику целей, обусловивших появление на свет многочисленных энциклопедических собраний Константина. Если оценивать литературное наследие Константина с точки зрения его соответствия тем общекультурным и литературным тенденциям которые возобладали в империи с приходом к власти Македонской династии, то следует отметить: литературная деятельность императора-эрудита отразила свое время с такой же степенью адекватности, с какой это сделал, например, в своем творчестве патриарх Фотий.

В последние десятилетия в отечественной историографии сообщениям трактата "Об управлении империей" по истории народов нашей страны уделялось меньше внимания, чем эти сведения того заслуживают. Будем надеяться, что нынешняя публикация усилит интерес к сочинениям Константина Багрянородного и положит начало новому этапу углубленной источниковедческой работы над этими драгоценными для нас памятниками.

Г. Г. Литаврин

1. История Византии. Т. 2. С. 115-210; Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 77-81, 127-155, 177-179, 186-187, 230-233.
2. Литаврин Г. Г. Византийское общество. С. 178.
3. Zepos J., Zepos P. *Ius Graeco-Romanum: Vbl.II.* P. 240--241. 12
4. Oikonomides N. *Leo VI's Legislation of 907 Forbidding Fourth Marriages. An Interpolation in the Procheiros Nomos (IV, 25-27) // DOP. 1976. Vol. 30. P. 175-193.*
5. Sevcenko I. *Poems.* P. 187-228.
6. Ostrogorsky G. *Geschichte.* S. 225.
7. Brokkaar W. G. *Basil Lecapnus. Byzantium in the Tenth Century // Studia byzantina et neohellenica. Leiden, 1972. P. 199-224.*
8. *DAI.* P. 7.
9. *Ср.: Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus.* P. 1-14.
10. Brokkaar W.G. *Basil Lecapenus.* P. 213, 215-217.
11. *Μαργουλο Α. ??? // ???, 1981. Τ. 4. 2;. 34-95.*
12. *Scyl.* P.246.
13. *Darrouzes J. Epistoliers byzantins du X-e siecle. P., 1960. P. 324. 17-19.*
14. *Oikonomides N. La cronologia dell' incoronazione dell' imperatore bizantino Costantino VIII (962) // Studi Salentini. 1965. T. 19. P. 172-175; Sevcenko I. Poems. P. 211.*
15. *DAI.* P. 8-9; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 361-362.*
16. *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 365; DAI. P. 11; II. 3. 8.*
17. *Ср.: Ostrogorsky G. Geschichte. S. 236; Zakythenos D. Byzantinische Geschichte. S. 134; Jenkins R.J.H. The Chronological Accuracy of the "Logothete" for the Years a.d. 867- 919 // DOP. 1965. Vol. 19. P. 109; DAI. P. 9; Μαργουλο Α. ??? с. 95.*
18. *Ostrogorsky G. Geschichte. S. 232; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 358; Lemerle P. L'encyclopedisme. P. 603; Idem. Le premier humanisme. P. 268; DAI. ,P. 7-8.*
19. *Gregory T.E. The political Program. P. 122-190; Ripoché J.-P. Constantin VII Porphyrogenete. P.*

1-12.

20. Scyl. p. 238. 43-239. 58; 244-247.
21. Gregory T.E. The political Program. P. 128.
22. DAI. 29. 58-61.
23. DAI. 13. 149-175.
24. DAI. 51. 162-163.
25. DAI. P. 35.
26. DAI. 13. 151-152.
27. Const. Porp. De cerem. P. 638.
28. История Византии. Т. 2. С. 207.
29. Литаарин Г.Г. Константин Багрянородный.
30. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 367.
31. DAI. II. P. 63-65.
32. Yannopoulos P.A. Histoire et legende chez Constantin VII // The 17th International Byzantine Congress. Abstracts of Short Papers. Washington. 1986. P. 390-391.
33. См.: Чичуров И.С. Традиция. С. 95-100; Он же. Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучение Василия I и эпитафия Льва VI) // ВВ. 1988. Т. 49.
34. DAI.II.P.2.
35. Ibid. P. 2-4; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I.S. 364-365.
36. DAI. 11. P. 2-4.
37. Ibid. P. 6.
38. Ср.: Семеновкер Б.А. Энциклопедии Константина Багрянородного: библиографический аппарат и проблемы атрибуции // ВВ. 1984. Т. 45. С. 246.
39. DAI. II. P. 7-8.
40. Ibid. P. 8.
41. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 365.
42. Const. Porph. De them. P. 84.
43. DAI. 13. 90.
44. Ahrweiler H. L' ideologic politiquc. P. 35-36, 393.
45. DAI. 13. 118.
46. Lounghis T. Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation dcs etat" barbares Jusqu'aux Croisades (407-1096). Athens, 1980. P. 179-211; Nystazopoulou-Pelekidou M. Constantinople centre dc pouvoir et d'autorite // Byzantiaka. 1985. Т. 5. P. 21-32.
47. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 357, 363-364.

ВО ХРИСТЕ, ЦАРЕ ВЕЧНОМ, ВАСИЛЕВСА[2] РОМЕЕВ[3], К СЫНУ СВОЕМУ РОМАНУ,
БОГОВЕНЧАННОМУ И БАГРЯНОРОДНОМУ ВАСИЛЕВСУ

Мудрый сын радуется отцу[6], и нежно любящий отец восхищается разумом сына[7], ибо господь дарует ум, когда настает пора говорить, и добавляет слух, чтобы слышать[8]. От него сокровище мудрости[9], и от него обретается всякий дар совершенный[10]. Он возводит на трон василевсов и вручает им власть надо всем. Ныне посему послушай меня, сын, и, восприняв наставление, станешь мудрым среди разумных и разумным будешь почитаться среди мудрых. Благославят тебя народы[11] и восславят тебя сонм иноплеменников. Восприми, что тебе должно узнать в первую очередь, и умно возьми за кормило царства. Поразмысли о настоящем и вразумись на будущее, дабы соединить опыт с благоразумием и стать удачливым[12] в делах. Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений и чтобы ты не погрешил против общего блага[13]. Сначала - о том, какой иноплеменный народ[14] и в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден: [какой] и каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. Затем - о хищном и ненасытном их нраве и что они в своем безумии домогаются получить, потом - также и о различиях меж иными народами, об [их] происхождении, обычаях и образе жизни, о расположении и климате населенной ими земли, о внешнем виде ее и протяженности, а к сему - и о том, что случалось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками. После всего этого - о том, какие в нашем государстве а также во всем царстве ромеев в разные времена появлялись новшества. Все это я продумал наедине с собой и решил сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого народов; как вести с ними дела и приручать их или как воевать и противостоять [им], ибо [тогда] они будут страшиться тебя как одаренного; будут бегать от тебя, как от огня[15]; замкнуты уста их, и будто стрелами будут поражать их твои речи. Ты будешь казаться страшным для них, и от лика твоего дрожь объест их[16]. И вседержитель укроет тебя своим щитом[17], и вразумит тебя твой создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя

на пьедестале неколебимом. Престол твой, как солнце, - перед ним[18], и очи его будут взирать на тебя[19], ни одна из тягот не коснется тебя[20], поскольку он избрал тебя[21], и исторг из утробы матери[22], и даровал тебе царство свое[23] как лучшему из всех, и поставил тебя, словно убежище на горе, словно статую золотую на высоте[24], вознес, словно город на горе[25], чтобы несли тебе дань иноплеменники[26] и поклонялись тебе населяющие землю[27]. Но ты, о господи, боже мой, коего царство вечно и несокруσιμο, да пребудешь указующим путь рожденному мною благодаря тебе, и да будет блюстительство лика твоего на нем, а слух твой да будет склонен к его молитвам[28]. Пусть охраняет его рука твоя[29], и пусть он царствует ради истины, и пусть ведет его десница твоя. Пусть направляются пути его пред тобою, дабы сохранять заповеди твои. Неприятели да падут перед лицом его, и да будут лизать прах враги его. Да будет осенен корень рода его кроной плодородия, и тень плода его пусть покроет царские горы[30], так как благодаря тебе царствуют василевсы[31], славя тебя в веках[32].

1. О пачинакитах[1]: насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев.

Итак, послушай[2], сын, то, что, как мне кажется, ты [обязан] знать; обрети разумение[3], дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем. А если[4] я воспользовался ясной и общедоступной речью[5], как бы беспечно текущей обыденной прозой, для изложения предстоящего, не удивляйся нисколько, сын мой. Ведь не пример каллиграфии или аттики-зирующего стиля[6], торжественного и возвышенного, я старался представить, а заботился более, чтобы через простое и обиходное[7] повествование наставить тебя в том, о чем, по моему мнению, тебе не должно пребывать в неведении и что легко тебе может доставить тот разум и мудрость, которые обретаются в длительном опыте.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом[8] пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария[9] с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т.е. заложников[10], и апокрисиария, которые придут в богохранимый этот град[11] вместе с исполнителем сего дела[12] и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует[13] с областью Херсона[14], то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты[15].

2. О пачинакитах и росах[1]

[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными[2] также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию[3], наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают[4] у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось[5]. Но и против удаленных от их пределов врагов[6] росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность - в то время когда росы удалятся от своих [семей], - напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Знай], что и у царственного сего града[7] ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам[8] и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко - не могут же росы двум трудам противостоять[9] - побеждают и устраивают резню.

3. О пачинакитах и турках[1]

[Знай], что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими[2] и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

4. О пачинакитах, росах и турках

[Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами[1], ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир

великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами[2] и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю[3].

5. О пачинакитах и булгарах[1]

[Знай], что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами[2], поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты[3] и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступать против Булгарии[4] и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевая тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как [булгары] многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

6. О пачинакитах и херсонитах

[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов[1] находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами[2], и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии[3], и в Зихии[4], и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии, пояса, перец[5], алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь, будучи свободными и как бы самостоятельными[6], эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

7. О василиках[1], посылаемых[2] из Херсона в Пачинакию[3]

Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать [вестника] в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников[4]. Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники - одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят к ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей[5].

8. О василиках, посылаемых из богохранимого града в Пачинакию с хеландиями[1] по рекам Дунай[2], Днепр и Днестр[3]

[Знай], что и в стороне Булгарии[4] расположился народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющих рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим "законам"[5], он вручает им царские дары и принимает "друзей"[6] из их числа, сколько хочет, а затем возвращается. Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них, они бы исполнили службу будь то против росов либо против булгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них[7], стали ныне [им] страшными. Ясно это также из следу щего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам[8] по повелению василевса и сказал им: "Василевс заявляет вам[9], чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, так как прежде там располагались, - дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и в скорости находил вас", - то все архонты[10] турок воскликнули в один голос: "Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними[11], - страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей - не по нраву они нам"[12].

[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и

всегда здесь проводят лето[13].

9. О росах[1], отправляющихся с моноксилами[2] из Росии[3] в Константинополь

[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии[4] в Константинополь моноксила являются[5] одни из Немогарда[6], в котором сидел[7] Сфендослав[8], сын Ингора[9], архонта Росии[10], а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы[12], Чернигоги" и из Вусеграда[14]. И так, все они спускаются рекою Днепр[15] и сходятся в крепости Киоава[16], называемой Самватас[17]. Славяне же, их пактиоты[18], а именно: кривитеины[19], лендзанины[20] и прочие Славинии[21] - рубят в своих горах[22] моноксила во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моно-ксила, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их". И в июне месяце[24], двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву[25], которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксила[26], тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр[27]. Прежде всего они приходят к первому порогу²⁸, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски "Не спи"[29]. Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия[30], а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно, волокут их][31], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая[32] [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Острову нипрах, что значит "Островок порога"[33]. Он подобен первому, тяжок и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксила, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает "Шум порога"[34], а затем так же - четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны[35]. И так, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачина китов[36]. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах[37], проводят рабов[38] в цепях по суше на протяжении шести миль[39], пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксила по ею сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах[40], ибо он образует большую заводь[41], и переправив опять по излучинам реки свои моноксила, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает "Кипение воды"[42], и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как "Малый порог"[43]. Затем достигают так называемой переправы Крария[44], через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии[45], и пачинакиты[46] на пути к Херсону[47]. Эта переправа имеет ширину ипподрома[48], а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы[49], - насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов[50]. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий[51]. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие - кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми[52]. От этого острова росы не боятся пачинакита[53], пока не окажутся в реке Селина[54]. Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моноксила всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают[55]. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, дни приходят в реку, называемую Аспрос[56], и, подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моноксил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять

пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная[57]. От Дуная они прибывают в Конопу[58], а от Конопы - в Констанцию[59]... к реке Варна[60]; от Варны же приходят к реке Дичина". Все это относится к земле Булгарии[62]. От Дичины они достигают области Месемврии" - тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание. Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты[64] выходят со всеми росами[65] из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется "кружением"[66], а именно - в Славинии вервианов[67], другувитов[68], кривичей[69], североив[70] и прочих славян[71], которые являются пактиотами росов[72]. Кормясь[73] там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля[74], когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию[75]. [Знай], что узы могут воевать с пачинакитами[76].

10. О Хазарии[1], как нужно и чьими силами воевать [с нею]

[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как и эксусиократор Алании[2].

[Знай], что девять Климатов Хазарии[3] прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

11. О крепости Херсон и крепости Боспор[1]

[Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу[2], к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам[3], то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

12. О Черной Булгарии[1] и о Хазарии

[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

13. О народах, соседствующих с турками[1]

[Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них[2] - Франгия[3], с северной - пачинакиты[4], а с южной - ... Великая Моравия[5], т.е. страна Сфендоплока[6], которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими[7]. Хорваты же соседят с турками у гор[8].

[Знай], что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах[9].

Обрати[10], сын, очи разума твоего на слова мои, познай, что я велю тебе, и ты со временем, будто из отцовских сокровищниц, сможешь извлекать богатства благоразумия и источать аромат мудрости. Итак, знай, что у всех северных народов стала как бы прирожденной жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая[11]. Посему она требует всего, всего домогается и не имеет четких границ своим желанием, но вечно жаждет большего и взамен скромной пользы стремится извлечь великую корысть[12]. Поэтому должно неуместные их домогательства и наглые притязания отклонять[13] и пресекать правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями, которые, как мы смогли постичь на опыте[14], могут быть вот какими[15].

Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары[16], либо турки[17], либо также росы[18], или какой иной народ из северных и скифских[19] - а подобное случается частенько - послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов[20], или из мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе нужно отвечать так: "Эти мантии и венцы (а венцы у вас называются камелавкиями[21]) изготовлены не людьми, не человеческим искусством измышлены и сработаны[22], но, как мы находим запечатленным словами заповедными в древней истории, когда бог сделал василевсом Константина Великого[23], первого царствующего христианина, он послал ему через ангела эти мантии и венцы, которые вы называете камелавкиями, и повелел ему положить их в великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается[24], и не каждый день облачаться в них, но когда случается всенародный великий господний праздник. Из-за этого-то божьего повеления он убрал их; они подвешены над святым

престолом в алтаре этого самого храма и явились украшением церкви. Прочие же царские одеяния и облачения разостланными положены поверх святого сего престола. Когда же наступает праздник господа бога нашего Иисуса Христа, патриарх берет из этих одеяний и венцов нужное и подходящее для случая и посылает василевсу, а тот надевает их, как раб и слуга божий[25], но только на время процессии, и вновь после использования возвращает их в церковь, и в ней сохраняются. Мало того, есть и заклятие святого и великого василевса Константина, начертанное на святом престоле божьей церкви[26], как повелел ему бог через ангела, что если захочет василевс ради какой-либо нужды или обстоятельства, либо нелепой прихоти забрать что-нибудь из них, чтобы употребить самому или подарить другим, то будет он предан анафеме и отлучен от церкви как противник и враг божьих повелений. Если же он вознамерится сам изготовить другое, подобное [этому], то пусть церковь заберет и это по требованию на сей счет всех архиереев и синклита[27]. Не имеют права ни василевс, ни патриарх, ни кто-либо иной брать эти одеяния или венцы из святой божьей церкви. Великий страх да тяготеет над посягающими нарушить что-либо из сих божьих заповедей. Так, один из василевсов, по имени Лев, который взял себе жену из Хазарии[28], в припадке неразумной дерзости забрал один из этих венцов, когда не было господнего праздника, и без согласия патриарха надел его. Тотчас пали карбункулы на лоб его, и, муками от них изнуренный, он жалким образом лишился жизни, до времени найдя смерть[29]. Поскольку кара за такую дерзость последовала столь быстро, с той поры стало правилом, что василевс, прежде чем будет коронован, клянется и заверяет[30], что он не дерзнет сделать или измыслить ничего противного до него установленному и с древних времен соблюдаемому[31]. И тогда он венчается патриархом[32] и совершает и исполняет подобающее наступившему празднеству".

Должно, чтобы ты подобным же образом проявлял попечение и заботу о жидком огне[33], выбрасываемом через сифоны. Если кто-нибудь когда-нибудь дерзнет попросить и его, как многократно просили у нас, ты мог бы возразить и отказать в таких выражениях: "И в этом также [бог] через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина[34]. Одновременно он получил и великие наказания о сем от того ангела, как мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют[35], - и никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен [его приготовлению]. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал начертать на престоле церкви божией проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу ни христианином не почитался, ни достойным какой-либо чести или власти не признавался. А если он будет уничен в этом, тогда будет низвержен с поста, да будет проклят во веки веков, да станет притчею во языцех, будь то василевс, будь то патриарх, будь то любой иной человек, из повелевающих или из подчиненных, если он осмелится преступить сию заповедь[36]. Было определено, чтобы все питающие рвение и страх божий отнеслись к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказа и постарались убить его, предав мерзкой [и][37] тяжкой смерти. Случилось же некогда - ибо зло вечно выискивает местечко[38], - что один из наших стратигов[39], получив всевозможные дары от неких иноплеменников, передал им взамен частицу этого огня, но, поскольку бог не попустил оставить безнаказанным преступление, когда наглец вздумал войти в святую церковь божию, пал огонь с неба, пожрал и истребил его. С той поры великие страх и трепет обуяли души всех, и после этого никто более, ни василевс, ни архонт, ни частное лицо, ни стратиг, ни какой бы то ни было вообще человек, не дерзнули помыслить о чем-либо подобном, а тем более на деле попытаться исполнить либо совершить это"[40].

Но давай, впрочем, изменим тему. Разбери и узнай уместные и подходящие. ответы на иной вид неразумных и нелепых домогательств[41]. Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен[42] попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т.е. либо дочь его получить в[43] жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: "Об этом деле также страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина[44] начертаны на священном престоле вселенской церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом[45], приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройством, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками. Ибо для них одних сделал исключение сей великий муж святой Константин, так как и сам он вел род из тех краев, так что имели место частые браки и великое смешение меж франками и ромеями. Почему же только с ними одними он повелел заключать брачные сделки василевс дам ромеев? Да ради древней славы тех краев и благородства их родов. С иным же каким бы то ни было народом нельзя этого сделать[46]; а дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому - о предается анафеме. Выше было рассказано, как пресловутый ранее упомянутый василевс Лев незаконно и дерзко, вопреки согласию тогдашнего патриарха, взял и возложил венец - и немедленно был предан казни, достойной его дурного деяния. Осмелился он и

эту заповедь святого того василевса, которую, как уже было рассказано, тот установил, начертав на святом престоле, счесть недостойной внимания, почитая ее ни ' до что, вследствие чего и поставил себя вне страха божия и заповедей его. Он заключил с хаганом Хазарии брачную сделку, взял его дочь в жены и навлек таким образом великий позор и на державу ромеев и на себя самого, ибо отменил обычаи предков и поставил их ни во что[47]. Впрочем, он был не правоверным христианином, а еретиком и иконоборцем. Потому-то из-за сих его противозаконных нечестивых деяний он в божьей церкви постоянно отлучается и предается анафеме, как преступник и ниспровергатель повелений и бога, и святого великого василевса Константина[48]. Как это можно подлинным христианам заключать с неверными[49] брачные союзы и вступать с ними в родство, когда канон это запрещает и вся церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку? Или: кто из державных, благородных и мудрых василевсов ромеев допустил [это]?". А если [иноплеменники] возразят: "Но как же господин Роман василевс[50] породнился с булгарами, выдав собственную внучку за господина Петра, болгарина?"[51], - то следует ответить так:

"Господин Роман василевс был простым и неграмотным человеком, не принадлежал ни к тем, кто с детства воспитан в царских дворцах, ни к тем, кто с самого начала следовал ромейским обычаям[52]; он был не из царского и знатного рода, а поэтому он многое вершил деспотично и крайне самовластно, не повинаясь при этом запретам церкви, не следуя заповедям и повелениям великого Константина. По разумению надменному и самовольному, добру неученому, следовать надлежавшему и хорошему не желавшему, как и блюсти обычаи, от отцов переданные[53], он дерзнул сделать упомянутое, лишь тот предлог благовидный при этом выставив, что столь великое число пленных христиан благодаря этому деянию было освобождено[54], что булгары являются христианами и единоверцами нашими[55], а кроме того, что выданная была дочерью не самодержца и законного василевса, а третьего и последнего [среди них], еще подчиненного и ни к какой власти в делах царства не причастного[56]. Да и нет здесь отличий: той или иной из царских родственниц она оказалась, из далеких или близких царскому благородству [она была], ради общепольного или какого иного дела [она выдана]; [и неважно, что] самого незначительного и не властвующего [она была дочерью]. Так как вопреки канону и церковной традиции, вопреки повелению и заповеди великого и святого василевса Константина он совершил это, поэтому еще при жизни вышеназванный господин Роман был крайне ненавидим, порицаем и поносим и советом синклита, и всем народом, и самою церковью, так что ненависть [к нему] под конец стала явной и после смерти точно так же подвергали его презрению, обвинению и осуждению, введшего как новшество это недостойное и неподобающее для благородного государства ромеев дело"[57]. Поскольку каждый народ имеет различные обычаи, разные законы и установления, он должен держаться своих порядков и союзы для смешения[58] жизней заключать и творить внутри одного и того же народа. Ибо подобно тому как любое живое существо вступает в сношения с ему единокровными[59], так и у каждого народа стало правилом вступать в брачные сожителства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка[60]. Именно поэтому установилось и существует единомыслие друг с другом, взаимопонимание, дружеское общение и сожителство; чуждые же нравы и отличные узаконения обыкновенно порождают враждебность, ненависть и ссоры, что помогает возникновению не дружбы и единения, а вражды и раздоров. Ведь должно, чтобы желающие править по закону не соревновались в подражании дурно содеянному кем-либо по невежеству и самонению, но держались славных дел тех, кто царствовал в согласии с законом и справедливостью, [чтобы] они имели пред собой благие образцы для примера и подражания и в соответствии с ними пытались и сами направлять все ими совершаемое. Поэтому из-за таких самовольных дел его - я имею в виду господина Романа - постигший конец является достаточным примером для вразумления того, кто пожелает подражать его дурным поступкам[61].

Нужно, однако, вместе с прочим знать тебе, сын возлюбленный, и то, что способно при осведомленности об этом во многом содействовать тебе в совершении достойных удивления дел. А именно - [знать] опять-таки о различиях меж другими народами, об их происхождении, нравах, образе жизни, расположении и климате населенной ими земли, об ее внешнем виде и протяженности, как далее будет поведано подробнее[62].

14. О происхождении Мухумета[1]

Нечестивый и мерзкий Мухумет, о коем сарацины[2] говорят, что он их пророк, ведет род, происходя от обширнейшего племени Исмаила, сына Авраама. Ибо Низар, потомок Исмаила, провозглашается отцом всех их. Итак, он породил двух сыновей, Мундара и Равию. Мундар же породил Кусара, Каиса, Фемима, Асанда и нескольких других неизвестных по имени, которые, унаследовав Маданитскую пустыню[3], разводили скот, живя в шатрах. Имеются и глубже их живущие, не из их племени, а [происходящие] от Иектана, называемые омиритами, то есть аманитами. Рассказывают же так. Поскольку сей Мухумет был нищим сиротой, вздумалось ему наняться к некоей богатой женщине, своей родственнице, по имени Хадига[5], чтобы быть

погонщиком верблюдов и вести торговлю с иноплемениками в Египте и в Палестине. Затем, понемногу ведя себя все смелее и подольстившись к женщине, которая была вдовою, он берет ее в жены. Итак, часто бывая в Палестине и вращаясь среди иудеев и христиан, он нахватался идей и некоторых толкований писания. Страдал он недугом - эпилепсией, и печалилась сильно жена его, знатная и богатая, но соединенная с таким мужем, не только не имущим, но к тому же и эпилептиком, а он, обманув ее, говорил: "Ужасное зрю я очами видение ангела по имени Гавриил и, не вынося вида его, помрачаюсь и падаю". Ему поверили, ибо лживо свидетельствовал о том же некий арианин, псевдомонах, ради постыдной корысти. Так, одураченная, она и прочим единоплеменным женщинам возвестила, что он является пророком. Хитрая ложь достигла ушей филарха[6] по имени Бубахар[7]. Когда жена Мухумета умерла и оставила его преемником и наследником своего состояния, оказался он знатным и весьма богатым человеком, и его дурное заблуждение и еретичество охватили края Эфрива[8]. Поучал сей безумный совратитель доверчивых людей, что убивающий врага либо убитый врагом попадает в рай; и о чем-то ином болтал[9]. Молятся они и звезде Афродиты, которую называют Кувар, и возглашают в своей молитве так: "Алла уа Кувар", что значит: "Бог и Афродита"[10]. Ибо бога они обозначают словом "Алла", "уа" употребляют вместо союза "и", "Кувар" именуют звезду и говорят поэтому: "Алла уа Кувар".

15. О роде Фатимидов

Знай, что Фатима была дочерью Мухумета и от нее происходят Фа-тимиды[1]. Они не из [местечка] Фатемиды в стране Ливия, а проживают в краях севернее Мекки, дальше от могилы Мухумета. Арабский народ к войнам и битвам исключительно подготовлен. Именно с этим родом шел на войну Мухумет, опустошил много городов и подчинил много стран[2], потому что они мужественны и воинственны, так что, если в войске их насчитывается до одной тысячи, то это войско оказывается непобедимым и неодолимым. Скачут они не на конях, а на верблюдах; во время войны не надевают ни панцирей, ни шлемов, но [только] розовый плащ; вооружены они длинными копьями, щитами размером с человека и огромными деревянными луками, которые лишь немногие мужи с трудом могут натянуть.

16. Из правила, которое вывел математик Стефан о выступлении сарацин, - в какой год от основания мира оно случилось и кто тогда держал скипетр царства ромеев

Выступили сарацины 3 сентября десятого индикта, в двенадцатый год правления Ираклия, в год от основания мира 6130. Гороскоп же самих сарацин указывал на месяц сентябрь, третье число, пятый день недели. В эти времена главным вождем арабов был Муамеф, которого арабы называют Мухуметом[1] и который, став их пророком, обладал властью над арабами девять лет.

17. Из хроники блаженного Феофана

В этот год, то есть в 6139 г.[1], умер Муамеф, вождь сарацин и лжепророк, избрав вместо себя Абу-Бахара (он же Бупактор), своего родственника[2]. Обманутые евреи в начале появления Муамефа вообразили, что это ожидаемый ими Христос. Поэтому некоторые из выдающихся среди них пришли к нему, чтобы принять его веру и оставить веру Моисея, который видел бога. Увидев же его за поеданием мяса верблюда, они поняли, что он не тот, за кого они его почитали. Но они обучили его беззаконию против христиан и оставались с ним. Как раз они склонили его принять некую часть их закона, в частности обрезание и кое-что другое, что и соблюдают сарацины. И так, первым последовал за ним и объявил его пророком Абу-Бахар, поэтому тот и оставил его преемником. Ересь Муамефа охватила края Эфрива, сначала скрытно в течение десяти лет, далее проявилась в войне, длившейся также десять лет, затем явно исповедовалась одиннадцать лет. Муамеф учил своих подданных, что убивший врага или убитый врагом беспрепятственно достигает рая. А раем он называл мясную пищу, напитки и соитие с женщинами; там, мол, текут реки вина, меда и молока, краса жен несравненная, здесь неведомая, а иная; что соитие продолжительно, а наслаждение постоянно, и кое о чем ином болтал, полным распутства и глупости, как и о том, чтобы сострадать другим и помогать обиженным[3].

18. Второй вождь арабов Абу-Бахар - три года

Этот Абу-Бахар первым овладел городом Газа и всю ее округу. Умер же Абу-Бахар, пробыв эмиром три года, и власть перенял Умар[1], который правил арабами двенадцать лет.

19. Третий вождь арабов Умар

Итак, сей Умар выступил против Палестины и, расположившись в ней, осаждал Иерусалим в течение двух лет, пока не взял его хитростью[1], ибо Софроний, епископ Иерусалима, подвижный божественным рвением и отличаясь дальновидностью, получил от Умара крепкое ручательство за церкви всей Палестины, что они останутся неразрушенными и не подвергнутся грабежу. Повидав его, Софроний сказал: "Истинно это мерзость и запустение на месте святе, предсказанное пророком Даниилом"[2]. Умар мечтал о храме иудеев, который воздвиг Соломон, чтобы обратить его в капище своего богохульства. Так и остается это поныне[3].

20. Четвертый вождь арабов Уфман[1]

Он занял войной Африку[2] и, установив налоги с афров, вернулся. Его стратигом был Мавия[3], разрушивший Колосс Родосский и разграбивший остров Кипр и все его города. Он захватил остров Арад, сжег его город и покинул остров, оставшийся не населенным вплоть до сих дней. Взяв остров Родос, Мавия уничтожил колосс, стоявший на нем 1360 лет после его установления, купив который, некий купец - иудей из Эдессы погрузил медь колосса на девятьсот верблюдов. Это Мавия совершил поход и против Константинополя; он разорил Эфес, Галикарнас, Смирну и прочие города Ионии[4]; стал он и пятым вождем арабов после смерти Уфмана на двадцать четыре года[5].

21. Из хроники Феофана: год от сотворения мира 6171

Знай, что перед смертью Мавии, вождя арабов, в Ливан вторглись мардаиты[1], овладели им от Черной Горы вплоть до святого города[2] и захватили возвышенности Ливана. Множество рабов и местных жителей перебежали к ним, так что через недолгое время число их достигло многих тысяч. Узнав об этом, Мавия и его советчики сильно испугались. Он отправил послов к самодержцу Константину, прося о мире. По сему поводу правоверным василевсом Константином, сыном Погоната[3], посылается Иоанн, по прозвищу Пичикавдис. Когда он прибыл в Сирию, Мавия принял его с большой честью. Меж обеими сторонами был согласован письменный договор о мире, укрепленный клятвой на условиях уплаты агарянами василевсу ромеев ежегодного пакта из трех тысяч золотых монет, восьмисот пленных мужчин и пятидесяти породистых коней. В то время царство арабов было разделено на две части: в Эфриве властью овладел Али, а Египтом, Палестиной и Дамаском правил Мавия[4]. Жители Эфрива вместе с сыновьями Али выступили против Мавии. Мавия также вооружился против них и дал бой близ реки Евфрат. Сторона Али была побеждена, и Мавия захватил Эфрив и всю землю Сирии. Его род правил 85 лет[5]. После этого выступили из Персии так называемые маврофоры, владычествующие поныне, напали на род Мавии и уничтожили его[6]. Зарезали они и Маруама, их главу[7]. Уцелели лишь немногие из [потомков] Мавии; их, вместе с одним из внуков Мавии, маврофоры преследовали вплоть до Африки. Именно этот внук Мавии с небольшим числом людей переправился в Испанию в дни Юстиниана Ринотмета[8], отнюдь не Погоната. Нашими историками это не описано, ибо с тех времен, как Великий Рим был взят готами[9], начали умаляться дела римские, и никто из историков не упомянул ни о краях Испании, ни о роде Мавии. А "История" блаженного Феофана повествует так. И вот умер Мавия, вождь сарацин, бывший стра-тигом 26 лет, а эмиром 24 года. Власть над арабами шесть лет держал Изид, его сын. Когда он умер, арабы Эфрива взбунтовались и, возмуться, поставили над собою вождем Авделу, сына Зувера[10]. Услышав об этом, населяющие Финикию, Палестину и Дамаск агаряне пошли против Усы, эмира Палестины, избрали Маруама и поставили его вождем, который и держал власть девять месяцев. Когда же он умер, Авимелех[11], его сын, принял власть и держал ее двадцать два года и шесть месяцев. Он захватил тиранов и убил Двделу, сына и преемника Зувера. В это время умер василевс Константин, сын Погоната, правивший царством ромеев 17 лет[12]. Царствовал после него Юстиниан, его сын[13].

Усвой, что вождь арабов, который пятым по счету после Муамефа обладал властью над арабами[14], происходил не из рода Муамефа, а из другого колена. Сначала он был избран Уфманом, вождем арабов, в стратиги и навархи[15] и послан с крупными силами и 1200 оборудованными для боя судами против государства ромеев. Он дошел до Родоса[16] и, там вооружившись, прибыл оттуда к Константинополю, но, проведя здесь продолжительное время и разорив все вокруг Византия, вернулся, не достигнув цели. Придя на Родос, он разрушил стоящего на нем колосса. Это было медное изваяние Солнца, позлащенное с головы до пят, имеющее в высоту восемьдесят локтей и соразмерную с высотой толщину, как об этом свидетельствует надпись, начертанная на основании, у ног колосса, и гласящая так: В восемь десятков локтей на Родосе Лахис из Линда колосса поставил.

Медь же от статуи он забрал, переправил ее в Сирию и выставил на продажу для всякого желающего. Купил ее еврей из Эдессы, перегрузивший ее с моря на 980 верблюдов. Итак, когда умер Уфман, принял власть над арабами сам Мавия. Он овладел также святым градом и краями

Палестины, и Дамаском, и Антиохией, и всеми городами Египта. Алим же, бывший зятем Муамефа по его дочери, звавшейся Фатимой, овладел Эфривом и всю Суровую Аравией. Далее, в эти дни поднялись на войну друг с другом Алим и Мавия, поспоривши из-за власти - кому из них владеть всей Сирией. Сошлись они у реки Евфрат и завязали упорный бой друг другом. Когда битва разгорелась и пало много с обеих сторон, возопило множество агарян и в том и в другом из двух воинств: "Чего ради мы рубим и рубят нас, а род наш уходит из мира людей? Пусть будут отобраны два старца с обеих сторон, и кого бы они ни избрали, тот усть и имеет власть". Алим и Мавия согласились с их мнением и, сняв пальцев свои перстни (это знак власти у агарян), вручили их двум стартам отдали свою власть на усмотрение двух старцев, совершив клятвенный обряд и постановив, что, кого бы ни избрали старцы, тот и будет гос-ппяином и вождем всех сарацин. Когда два старца вышли в середину меж военными порядками обеих сторон, они встали в промежутке между лагерями, лицом друг к другу. Старец Алима считался у народа сарацин благочестивым, из тех, которых они называют кади, т.е. правоверными и освященными. Старец же Мавии был благочестив лишь с виду, а на деле хитер и дерзок и превосходил остальных людей в коварстве. Старец Марии сказал старцу Алима: "Скажи ты первым, что хочешь, ибо ты разумен и благочестив и намного превосходишь меня годами". И старец Алима отвечал так: "Отрешил я Алима от власти, когда снял его перстень с руки его и надел на свой палец; снимаю я перстень Алима и со своего пальца, отрешая также и его от его власти". А старец Мавии ответил: "Я привел Мавию к власти, так как надел перстень его на мой палец; надеваю я перстень Мавии и на его палец". Затем они разделились друг от друга. Мавия, таким образом, овладел всю властью над Сирией, ибо поклялись эмиры друг другу: "Что бы ни сказали старцы, мы повинемся их речам". Поэтому Алим, взяв свое войско, ушел в края Эфрива со всем своим родом и там закончил жизнь[17]. После смерти Алима его сыновья, считая решение отца бредом, восстали против Мавии и завязали с ним жестокою войну. Однако, потерпев поражение, они бежали от лица его, и Мавия, послав своих людей, убил их всех[18]. С тех пор вся власть над арабами перешла к Мавии.

Знай, что этот Мавия был внуком Софиама[19]. А внуком Мавии был Масалмас, ходивший походом на Константинополь[20]. По его просьбе быцла воздвигнута сарацинская мечеть в царском претории. Но он не был вождем арабов - вождем сарацин был Сулейман[21], а Масалмас занимал пост стратига. Сулейман пришел против Константинополя со своим флотом, а Масалмас - по суше и из Лампсака переправился в области Фракии, ведя с собою 80 тысяч стратиотов. Но по промыслу божию и флот Сулеймана, вождя арабов, и пешее войско Масалмаса - все со стыдом отступили, разбитые и побежденные и флотом, и стратиотами василевса. И пребывало наше государство долгое время в мире под водительством и охраной сего града со стороны владычицы нашей приснодевы и богородицы Марии, непорочного и святого лика которой устыдился и смутился сам Сулейман, упавший с коня.

22. Из хронографа блаженного Феофана об этом же: о Мавии и его роде; о том, как он переправился в Испанию. Василеве ромеев Юстиниан Ринотмет

Таково начало его царствования. После этого он был свергнут Леонтием, затем вновь вернулся, свергнув Леонтия и Апсимара, проведя их обоих в триумфе на ипподроме и уничтожив[1]. В этот год Авимелех отправил к Юстиниану [послов], чтобы укрепить мир на том условии, чтобы василевс успокоил корпус мардаитов из Ливана и запретил их набеги; Авимелех[2] же будет давать ромеям каждый день тысячу номисм[3], одного породистого коня и одного раба-эффиопа, и чтобы василевс и Авимелех делили поровну, как общие, налоги с Кипра, Армении и Ивирии[4]. Ваилевс отправил Павла магистриана[5] к Авимелеху для утверждения согласованного, и была составлена письменная при свидетелях крепость[6]. Почтенный дарами магистриан вернулся. Послав [своих людей], василевс забрал 12 тысяч мардаитов, умалив ромейское могущество, ибо все ныне населенные арабами на границах города от Мопсуестии до Четвертой Апмении[7] были беззащитными и безлюдными из-за набегов мардаитов, а с их роспуском ужасные бедствия претерпела Романия от арабов вплоть до нашего времени. В том же году, вступив в Армению, василевс принял там мардаитов из Ливана, разрушив [эту] медную стену. Порвал он также мир, утвержденный с булгарами[8], нарушив налаженные его собственным отцом нормальные порядки.

Еще в правление Авимелеха арабы выступили против Африки, захватили ее и поставили в ней гарнизоны из своего войска. В то время Леонтий лишил Юстиниана власти над ромеями и, сослав его в Херсон, овладел царством. Когда же Апсимар Тиверий перенял царство у Леонтия и овладел скипетром ромеев[9], умер Авимелех, вождь арабов, и Уалид, сын его, правил в течение девяти лет[10]. В тот же год снова вернулся Юстиниан на царство, и так как правил он легкомысленно и беспечно, агаряне полностью овладели Африкой. Тогда внук Мавии переправился с немногочисленным войском в Испанию и, соединив всех людей своего рода, завладел Испанией[11], отчего агаряне, населяющие поныне Испанию, прозываются "мавиатами". Их потомками являются и агаряне, живущие на Крите[12], так как, когда Михаил Травл[13] захватил

власть над ромеями, случилось длившееся до трех лет восстание Фомы[14], и так как василевс был тогда поглощен текущими делами, живущие в Испании агаряне, сочтя время удобным, снарядив крупный флот и начав от пределов Сицилии, опустошили все Кикладские острова. Прибыв к Криту, найдя его богатым и незащищенным, ибо никто не взялся за оружие и не сопротивлялся они захватили его и владеют им вплоть до сего дня. Уалиду наследовал Сулейман и правил три года[15]. Тогда Масалмас, стратиг Сулеймана выступил с войском по суше, а Умар по морю. Но с содействия божия они со стыдом вернулись, не достигнув цели[16]. Сулейману же наследовал Умар и держал власть над арабами два года[17]. А Умару наследовал Азид осуществлявший власть в течение четырех лет[18]. Его преемником был Исам, обладавший властью 19 лет[19]. Когда он умер, шесть лет власть имел Маруам[20]. Когда же умер Маруам, обладателем власти над арабами стал Авдела; он правил 21 год[21]. Когда он умер, вождем арабов оказался Мадис; он держал власть девять лет[22]. Когда его не стало, обладателем власти над арабами стал Аарон. Он держал власть 23 года[23].

В это время, т.е. когда власть над ромеями...[24] Ирина и Константин[25], в год от основания мира 6288. В этом году вождь арабов Аарон умер во внутренней Персии, называемой Хорасаном[26], и власть унаследовал Моамед, его сын, бездарный во всех отношениях, взбалмошный человек, восстав против которого в этой стране Хорасан вместе с отрядами отца, его брат Авдела стал причиной гражданской войны[27]. С тех пор арабы Сирии, Египта и Ливии, раздробившись на множество царств, губили и дела государства и друг друга, убийствами, грабежами и всяческими безрассудствами, приведя в смятение и себя самих и подвластных им христиан[28]. Тогда-то были опустошены и церкви во святом граде Христа, бога нашего, монастыри двух великих лавр, лавры святых Харитона и Кириака и лавры святого Саввы, и прочие киновии[29] святых Евфимия и Феодосия. Эта кровавая анархия и против чужих, и против наших длилась пять лет.

До сего места упорядочил по годам историю арабов во святых Феофан пздвигший монастырь так называемого "Великого поля"[30], бывший с материнской стороны дядей великого благочестивого и христианнейшего василевса Константина, сына Льва, мудрейшего и благого василевса, янука Василия, владевшего, да блаженна его память, скипетром царства ромеев.

23. Об Ивирии[1] и Испании

Ивирии две, одна у Геракловых столпов[2], по имени реки Ивир[3], о которой упоминает Аполлодор в [сочинении] "О земле",[4]: "в Пиренеях есть большая река Ивир, текущая изнутри [страны]". Говорят, что Ивирия делится меж многими народами, как Геродор написал в 10-й [книге] "Истории о Геракле"[5]: "А народ этот ивирский, о котором я сказал, что он населяет берег пролива, будучи един родом, различается именами племен. Сначала - живущие в крайних частях запада называются кинитами[6] (а для идущего от них к северу это уже глиты[7]), затем - тартисии[8], далее - элевсинии[9], после же - мастины[10], за ними - келкианы[11], потом идиородан"[12]. Артемидор же во второй [книге] "Географий"[13] говорит, что Ивирия разделяется следующим образом: "Внутренняя часть от Пиренейских гор до мест у Гадир называется одинаково и Ивирией, и Испанией. Римлянами она была поделена на две епархии...[14] вся, простиравшаяся от Пиренейских гор до Нового Карфагена и истоков Бетиса[15], а вторая провинция - до Гадир[16] и Лиситании[17]. Называется она и Ивиритис. Парфений в "Левкадиях"[18] [пишет]: "Поплывет в Ивиритис вдоль берега". Вторая же Ивирия[19] находится близ персов. Народ [назван] ивирами подобно пиерам, визирам[20]. Дионисий [пишет]: "Близ Столпов народ великосердых ивиров"[21], а Аристофан в "Трифалите"[22]: "Узнающие в древности [бывших под властью] ивиров Аристарха" и "ивирь, которых ты поспешно ведешь ко мне на помощь". Артемидор во второй [книге] "Географий": "Грамотой же италов пользуются живущие у моря ивиры"[23]. От родительного "Ивирос" женский род "Ивирис". "Эллинка, а не ивирка" - [пишет] Менадр в "Аспиде"[24]. Употребляется также: "Ивирик" - "Первый для кого-либо Ивирикский..." (?) [25]. Ивирия делится надвое, а ныне натрое, как Маркиан в "Перипле" [пишет] о ней: "Итак, сначала Ивирия была разделена римлянами надвое, а теперь - натрое: Бетикскую Испанию, Луситанскую Испанию и Тарраконисию"[26]. От родительного Аполлоний[27] [производит] именительный "Ивирос", как от "филакос" - "филак". В "Паронимах" он говорит: "Именительные падежи выводятся из родительных - "идор" - более чем двусложных подобно [новому] именительному, с острым ударением на первом слоге, как в простой форме, так и в сложной[28]. Итак, просто: "мартир", "мартирос", "мартис", "Харопс", "Харопос", [новый именительный] - "Харопос": "повелителя Харопия"[29]; "Троизин", "Троизинос", [новый именительный] - "Троизинос" - "сын Троизиния"[30]; "Ивир", "Ивирос", [новый именительный] - "ивирос", от чего у Квадрата (в "Римском тысячелетии", 5)[31] есть [образование] "Ивирийцами": "Воюющие с лигиями[32] и ивирийцами". То же самое и Ав-рон в "Паронимах"[33] говорит. "Сам козлобородый ивир" - сказано в "Нежностях" Кратина[34]. Говорят, что ивиры пьют воду, как и Афинею во второй [книге] "Пирующих софистов" [пишет][35]: "Филарх[36] в седьмой книге говорит, что все ивиры пьют воду,

хотя они являются самыми богатыми людьми (ибо обладают множеством серебра и золота), постоянно едят они один раз [в день], как он говорит, из-за скупости, а одеяния носят роскошнейшие".

24. Об Испании

Откуда название Испания? От гиганта, у которого было такое имя - Испан. Две Испании - провинции Италии: Великая и Малая. Упоминает о ней Харакс в 10-й книге [своих] "Хроник"[1]: "Когда в Малой, Внешней Испании снова восстали луситаны[2], то против них был послан римлянами стратиг Квинт". Он же [пишет] об обеих [Испаниях]: "Квинт, военачальник римлян в обеих Испаниях, побежденный Вириафом[3], заключил с ним договор". В 3-й [книге] "Эллиник" Харакс говорит, что она называется Ивирией: "Эллины сначала называли Испанию Ивирией, еще не зная названия всего народа, по той части их земли, которая находится у реки Ивир и называется по ее имени, - так именовали всю [Испанию]". А в Испанию, говорят, ее переименовали позже.

25. Из истории блаженного Феофана Сигрианского

В том же году[1] Валентиниан[2] не только не смог спасти Британию, Галлию и Испанию, но потерял и Западную Ливию - таково название страны афров - при следующих обстоятельствах. Были два стратига, Аэций и Бонифаций, которых Феодосий[4] послал в Рим по просьбе Валентиниана. Однако, когда Бонифаций получил власть над Западной Ливией, Аэций из зависти оклеветал его, будто он задумал возмущение и стремится овладеть Ливией. Сказав также это Плакидии[5], матери Валентиниана, Аэций пишет Бонифацию: "Если за тобой пошлют, чтобы ты явился, - отказывайся, так как ты оклеветан и василевсы хотят хитростью схватить тебя". Прочтя это и, как родному сыну, доверяя Аэцию, Бонифаций, будучи вызван, не явился. Тогда василевсы сочли Аэция верноподданным. В то время готы[6] и иные многочисленные народы обитали в наиболее верных областях, вплоть до Дуная. Особенно заслуживающими внимания из них являются готы, визиготы, гепиды[7] и вандалы[8], кроме как по имени ничем другим не различающиеся и говорящие на одном языке. Все они исповедуют зловерие Ария. При Аркадии и Гонории[9], перейдя Дунай, они поселились в земле ромеев[10]. Гепиды же, из которых впоследствии выделились лонгиварды и авары[11], заселили места в округе Сингидона[12] и Сермия[13]. Визиготы, опустошившие с Аларихом Рим, ушли в Галлию и овладели ее населением[14]. Готы же, обладавшие сначала Паннонией, через 19 лет царствования Феодосия Юного после его разрешения населили земли Фракии[15] и, пробыв во Фракии 58 лет[16], под водительством Февдериха, их патрикия[17] и консула[18], с позволения Зинона[19] захватили западное царство. Что же касается вандалов, то они, соединившись с аланами[20] и германцами, ныне называемыми франками, и, перейдя реку Рейн под предводительством Годигискла, поселились в Испании[21], являющейся первой страной Европы начиная с Западного Океана. Бонифаций, в страхе перед василевсами ромеев, отплыв из Ливии, пришел в Испанию к вандалам, и, поскольку Годигискл уже умер, а властью располагали его сыновья Готфарий и Гизерих, он, склоняя их, обещал им разделить Западную Ливию на три части, чтобы каждый вместе с ним управлял одной третью и чтобы сообща отражать любого врага. На этих условиях вандалы, переправясь через пролив², заселили Ливию от Океана до Триполи, что у Кирены. Визиготы же, снявшись из Галлии, овладели и Испанией[23]. Некоторые лица из ромейского сената, друзья Бонифация, сообщили Плакидии о лживости обвинения Аэция, показав и письмо Аэция к Бонифацию, ибо Бонифаций послал его им. Пораженная Плакидия ни в чем, однако, не обвинила Аэция, но отправила к Бонифацию увещательное клятвенное послание. Когда умер Готфарий, самодержцем вандалов стал Гизерих[24], Бонифаций же, получив послание, выступил против вандалов, после того как к нему прибыло большое войско из Рима и Византия во главе с Аспаром[25]. В состоявшемся сражении с Гизерихом войско римлян было разбито. Так, прибыв с Аспаром в Рим, Бонифаций был избавлен от подозрений, доказав истину. Африка, однако, оказалась в руках вандалов. Тогда и Маркиан[26], бывший воином на службе у Аспара, а впоследствии василевсом, был живым взят в плен Гизерихом.

Да будет известно, что существуют три амермумна[27] во всей Сирии, в царстве арабов, первый из которых сидит в Багдаде и ведет род от Муамефа, или Мухумета; второй же находится в Африке и происходит от колена Алима и Фатимы, дочери Муамефа, или Мухумета, поэтому они и называются Фатимидами; третий же сидит в Испании, он - из рода Мавии[28].

Да будет известно, что в начале господства сарацин над всей Сирией амермумн обосновался в Багдаде. Он владел всей Персией, Африкой, Египтом и Счастливой Аравией. Ему принадлежали следующие великие эмираты, или стратигиды: первый эмират - Персия, т.е. Хорасан[29], второй эмират - Африка, третий эмират - Египет, четвертый эмират - Филистиим, или Рамвле, пятый эмират - Дамаск, шестой эмират - Хемпс, или Эмеса, седьмой эмират - Халеп, восьмой эмират -

Антиохия, девятый эмират - Харан, десятый эмират - Эмет, одиннадцатый эмират - Эсиви, двенадцатый эмират - Мусел, тринадцатый эмират - Тикрит[30]. Когда же Африка была вырвана из-под власти амермумна, что в Багдаде, стала самовластной и провозгласила своего амермумна[31], первым эмиратом осталась, как было и ранее, Персия, или Хорасан, вторым Египет и далее - прочие, как ранее перечислено. Не столь давно, однако, когда амермумн Багдада снова стал слаб, оказался самостоятельным эмир Персии, т.е. Хорасана. Он объявил себя самого амермумном, повесив коран на табличках на свою шею, подобно ожерелью. Он уверяет, что сам происходит от рода Алима[32]. Мало того, эмир Счастливой Аравии всегда и всецело был [ранее] под властью эмира Египта, но и он стал самостоятельным и объявил себя также амермумном. Он тоже утверждает, что происходит от рода Алима[33].

26. Родословная славного короля Гуго[1]

Да будет известно, что король Италии, старший Лотарь, дед славного короля Гуго[2], происходит из рода Карла Великого, о котором много песен, энкомиев и рассказов, повествующих о его воинских подвигах[3]. Итак, сей Карл был единодержцем всех королевств[4], а царствовал сам в Великой Франгии[5]. В дни его никто из остальных королей не дерзал назвать себя королем - все были у него в подчинении[6]. Карл, отправив в Палестину множество золота и несметных богатств, воздвиг там многочисленные монастыри[7]. Затем упомянутый Лотарь, взяв свои войска и выступив на Рим, овладел им в борьбе и был коронован тогдашним папой[8]. На обратном пути в свою державу, в Папию, он прибыл в крепость Плаценту, отстоящую от Папии на 30 миль. Здесь он умер[9]. У него был сын по имени Адельберт, который взял в жены старшую Берту и породил от нее ранее названного короля Гуго[10]. После того как умер старший Лотарь, Лодоик", родной [внук][12] Лодоика, придя из Великой Франгии, овладел Папией. Он был не венчан[13]. После этого он явился в Верону, в крепость, отстоящую от Папин на 120 миль, и, когда он прибыл туда, жители крепости восстали против него и, схватив, ослепили[14]. Властью овладел тогда Беренгарий[15] (дед нынешнего Беренгария)[16], который, войдя в Рим, был коронован. После сего множество народу заявило Родульфу[17], находящемуся в Бергонии: "Приходи сюда, и мы передадим тебе королевство и убьем Беренгария". Он пришел из Бергонии в края Папии, и половина народа осталась с Беренгарием, а половина - с Родульфом. В войне Беренгарий одолел в первом сражении, а в новой битве победил Родульф[18]. Войско Беренгария бежало, лишь Беренгарий, покинутый, прикинулся мертвым, лежа меж мертвецами и накрывшись своим оленьим плащом[19], а ногу свою держал наружу. Один из воинов Родульфа, проходя, ударил его по ноге копьём, но он даже не шелохнулся. Поскольку он не шевелился, тот отстал от него, считая его мертвецом. Войско Родульфа не знало, что это Беренгарий. По окончании битвы Беренгарий встал, один пришел в свой дворец, снова овладел царством, воевал с Родульфом и победил его. После этого они договорились друг с другом и поделили страну надвое: один получил одну ее часть, другой - другую[20]. Родульф же находился под волей и властью Беренгария. Затем явились в Папию из Бергонии три маркиза, чтобы изгнать [ее] правителей и самим овладеть [ею]. Это были: Гуго, сын Талиаферна[21], Бозо и Гуго, брат Бозо, названный выше, благороднейший король. Пришли они с сильным войском[22]. Узнав об этом, Беренгарий изготавился, выступил ему навстречу для битвы, обложив, морил голодом и дал приказ своему войску не убивать никого, но где бы и кого бы из них ни схватили, отрубать схваченному нос и оба уха и отпускать. Так это и делалось. Итак, наблюдая это, вышеозначенные три предводителя, выйдя босыми с божественными евангелиями в руках, явились к Беренгарию, моля о прощении и клянясь никогда до конца жизни его не приходить туда. И он позволил тогда им уйти в их страну. Затем, когда Беренгарий ушел в Верону, его убил Фалемберт, его кум[23], и тогда всем королевством овладел Родульф. После сего народ всей страны заявил Гуго, названному ранее королю: "Приходи, и мы передадим тебе страну". Когда он прибыл, народ поднял его, ввел его во дворец и поставил его королем[24]. Родульфу же он сказал: "Удались с богатством своим, хочешь - в свою страну, не хочешь - я иное место". Родульф ушел в Бергонию, в свою страну, и правил там многими людьми. Когда он умер, Гуго, поименованный выше король, отправился в Бергонию и взял в супруги жену Родульфа, которая носила также имя Берты. Дочь же ее, по имени Аделаса[25], он отдал за Лотаря, сына своего, нынешнего короля Италии[26]. А прибывшая в Константинополь и обручившаяся с Багрянородным Романом, сыном Константина, христоролюбивого деспота[27], была дочерью сего славного короля Гуго, которая звалась Бертой[28] по имени своей бабки, старшей Берты, что царствовала после смерти Адельберта, своего мужа, [десять] лет[29], [а] переименована была в Евдокию, по имени и бабки[30], и сестры Константина, христоролюбивого деспота.

27. О феме[1] Лагувардия[2], о ее принципатах[3] и архонтиях[4]

Да ведомо будет, что в древние времена всею властью над Италией, т.е. над Неаполем, Капуей, Беневентом, Салерином, Амальфи, Газтой и всей Лагувардией[5], обладали ромей, а

именно, когда Рим был царственным городом. После же того, как царская власть[6] перешла в Константинополь, все это было поделено на два царства[7]; с того времени царствующий в Константинополе направлял двух патрикиев[8]: один патрикий правил Сицилией, Калаврией, Неаполем и Амальфи, а второй патрикий сидел в Беневенте и правил Папией, Капуей и всем прочим. Ежегодно они платили василевсу определенную сумму для казначейства[9]. Все эти ранее паименованные страны были населены ромеями. Однако во времена царицы Ирины[10] посланный туда патрикий Нарсес правил Беневентом и Папией[11], а папа Захария, афинянин, владел Римом. Случилось, что разгорелись войны в краях Папии[12], и патрикий Нарсес израсходовал на войско уплачиваемые в казну пакты[13], не послав вносимое им по норме. Нарсес сообщал: "Я надеюсь, что скорее от вас будут посланы мне деньги, так как весь взысканный с этих мест взнос я израсходовал на разразившиеся войны, а вы, напротив, с этих мест требуете выплат". Услышав об этом и разгневавшись, царица Ирина отправила ему веретено и прялку, написав ему: "Прими то, что тебе подобает. Ибо мы полагаем, что тебе более пристало прясть, чем, подобно мужу, с оружием в руках защищать, направлять и вести в бой ромеев". Прочтя это, Нарсес ответил царице:

"Поскольку вы сочли меня столь же способным прясть и ткать, как и женщина, веретеном и прялкой, я напяду такую пряжу, что пока живы ромеи, они не смогут ее распутать". Лагуварды[14] тогда жили в Паннонии, где недавно поселились турки[15]. Отправив им всевозможные плоды, патрикий Нарсес объявил им: "Идите сюда и взгляните на землю, текущую, как сказано, молоком и медом[16], лучше которой, как я думаю, нет у бога. И, если она понравится вам, поселитесь в ней, и во веки веков будете благославлять меня"[17]. Услышав это и согласясь, лагуварды, забрав своих домочадцев, пришли в Беневент[18]. Но жители крепости Беневент не позволили им войти внутрь крепости, и они поселились вне крепости, близ стены[19], у реки, выстроив там малую крепость, почему она и называется "Цивитанова", т.е. "новая крепость"[20], которая стоит и поныне. Входили они [потом] и внутрь крепости, и в церковь и, хитростью одолев жителей крепости Беневент, перебили всех и овладели крепостью. А именно: внеся внутри своих посохов мечи и в церкви разом ринувшись в бой (?), они перебили, как сказано, всех[21]. Затем, выступив в поход, подчинили всю эту землю и землю фемы[22] Лагувардия и Калаврия вплоть до Папии, без Идрунта, Каллиполя, Русиана, Неаполя, Гаэты, Сирента и Амальфи[23]. Первой крепостью была древняя и великая Капуа[24], второй - Неаполь, третьей - Беневент, четвертой - Гаэта, пятой - Амальфи. Салерин был заселен при Сикарде[25], когда лагуварды поделили принципаты. От времени, когда была разделена Лагувардия, вплоть доныне, т.е. до 7 индикта 6457 г. от основания мира, прошло 200 лет[26]. Жили два брата, Сикон и Сикард[27]. Сикон владел Беневентом, краями Бари и Сипенда[28], а Сикард - Салери-цом, Капуей и краями Калаврии. Неаполь же являлся древним преторием[29] посылаемых патрикиев, и правящий Неаполем обладал и Сицилией, так что, когда прибывал патрикий в Неаполь, дука этого города уходил в Сицилию[30]. Капуа же была особенно большим городом[31]; она была взята вандалами, т.е. африканцами[32], и они разрушили ее. Поскольку она оставалась пустой крепостью, лагуварды поселились в ней. И когда вновь африканцы напали на них[33], епископ Ландульф отстроил крепость у моста через реку[34] и назвал ее "Новой Капуей", существующей и ныне. С того времени, как была построена эта Капуа, прошло 73 года[35]. Неаполь же, Амальфи и Сирент всегда были у василевса ромеев[36].

Да будет известно, что "мастромилис" означает на ромейском языке "катепан войска"[37].

Да будет ведомо[38], что венетики, прежде чем приплыть и поселиться на островках, на которых живут ныне, назывались энетиками[39] и обитали на суше в следующих крепостях: крепость Конкорда[40], крепость Юстиниана[41], крепость Нуна[42] и прочие многочисленные крепости.

Должно знать[43], что, когда приплыли ныне называемые венефиками, а сначала энетиками, они прежде всего выстроили сильную крепость (в которой и ныне сидит дука Венеции), окруженную со всех сторон на шесть миль морем, куда впадают 27 рек[44]. На восток от этой крепости также имеются острова. И на этих островах нынешние венетики также построили крепости[45]: крепость Коград, в которой находится великая митрополия и покоится много останков святых[46], крепость Риваленса, крепость Лулиан, крепость Апсан, крепость Роматина, крепость Ликенция, крепость Пинеты, называемая Стровил, крепость Виниола, крепость Воес, в которой есть храм св. апостола Петра, крепость Илитуалба, крепость Литуманкерса, крепость Вронион, крепость Мадавк, крепость Ивола, крепость Пристины, крепость Клугия крепость Врунд, крепость Фосаон, крепость Лавритон.

Следует знать, что и другие острова находятся в той же стране Венеции.

Да будет известно, что и на материке, в земле Италии, имеются крепости венефиков, каковыми являются следующие: крепость Капрэ, крепость Неокастрон, крепость Финес, крепость Экил, крепость Аимана, еликий эмпорий Торцелон, крепость Муран, крепость Ривалт (что значит "самое высокое место"), в которой сидит дука Венеции, крепость Каверченца[47] Следует знать, что есть [здесь] также эмпорий и укрепления[48].

28. Рассказ о том, как был населен город, ныне называемый Венецией

Должно знать, что в древности Венеция была неким пустынным местом, безлюдным и болотистым. Теперь называющиеся венетиками были франками из Аквилеи и прочих мест Франгии[1], и жили они на суше, напротив Венеции. Когда же Аттила, василевс аваров[2], явился, разорил и погубил все Франгии, то все франки в ужасе перед василевсом Аттилой начали спасаться бегством из Аквилеи и прочих крепостей Франгии, прибывать на безлюдные острова Венеции и возводить там хижины. Итак, когда этот василевс Аттила разорил все пространство суши, дошел вплоть до Рима и Калаврии, оставя далеко в стороне Венецию, сбежавшиеся на острова Венеции люди, обретя безопасность и как бы стряхнув ужас, пожелали все поселиться там, что и сделали, живя там и поныне[3]. После ухода Аттилы, многие годы спустя, подобным образом явился король Пипин, который правил тогда Папией и прочими королевствами[4], ибо у этого Пипина были три брата[5], которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями[6]. Когда король Пипин явился против венетиков с крупным сильным войском[7], он обложил переправу, ведущую с суши на острова Венеции, в месте, называемом Аивола[8]. Поэтому венетики, видя, что на них идет со своим войском король Пипин и что он намерен отплыть с конями к острову Мадамавку (этот остров лежит близ материка), бросая шпангоуты, перегородили всю переправу. Оказавшись в бездействии, войско короля Пипина (ибо он был не в состоянии переправить их в ином месте) простояло напротив венетиков, на суше, шесть месяцев, воюя с ними ежедневно[9]. Тогда как венетики поднимались на свои суда и устраивались позади набросанных ими шпангоутов, король Пипин стоял со своим войском на морском берегу. Венетики, воюя луками и пращами, не позволяли им переправиться на остров. Так, ничего не достигнув, король Пипин заявил венетикам: "Будьте под моею рукою и покровительством, ибо вы происходите из моей страны и державы"[10]. Но венетики ему возразили:

"Мы желаем быть рабами василевса ромеев, а не твоим[11]". Однако побуждаемые долго сваливавшимися на них бедами венетики заключили мирный договор с королем Пипином на условии уплаты ему крупного пакта[12]. Но с тех пор ежегодно пакт уменьшается, хотя сохраняется и доныне. Ибо венетики уплачивают правителю королевства Италии, или Папии, ежегодно легкую дань из 36 литр[13]. Таким-то образом прекратилась война между франками и венетиками. Когда же народ начал спасаться бегством в Венецию и скапливаться здесь, так что собралось множество народа, они провозгласили дукой над собой человека, превосходящего прочих благородством. Первый дука появился в их среде прежде, чем против них пошел король Пипин[14]. Дука в то время находился в месте, именуемом "Цивитанува", что означает "Новая крепость". Но поскольку названный островок находится близко от суши, с общего решения они перенесли дука на другой островок, на котором он расположен и ныне, так как тот отдален от суши настолько, насколько можно различить человека, сидящего на коне[15].

29. О Далмации[1] и соседствующих с нею народах

[Знай], что василевс Диоклетиан очень любил Далмацию; поэтому, вывезя людей из Рима вместе со своими домочадцами, он поселил их в стране Далмации. Как переселенцы из Рима, они называются римлянами и носят это прозвание вплоть до сего дня[2]. Так вот, сей василевс Диоклетиан построил также крепость Аспалаф и воздвиг в ней дворец, который невозможно описать ни словом, ни на бумаге и руины которого до нынешнего дня свидетельствуют о древнем благоденствии, хотя подточили его долгие годы[3]. Кроме того, построил тот же василевс Диоклетиан крепость Диоклею[4], теперь находящуюся во владении Диоклетианов, отчего и прозвище "Диоклетианы" осталось как название жителей той страны. Владение этих римлян простиралось до реки Дунай[5]. Когда некоторые из них пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то, переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами[6]. [Ранее же] ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по ею сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полбн и вернулись. С тех пор римляне установили две смены[7] и, отслужив от пасхи до пасхи, меняли свое [пограничное] войско, так что в великую святую субботу они встречались друг с другом: одни - возвращаясь от укреплений, другие же - отправляясь на эту службу. Ибо близ моря, ниже той же самой крепости, есть крепость под названием Салона, размером вполонину Константинополя[8], в коей все римляне сходятся, вооружаются, выступают отсюда и отправляются к клисуре[9], отстоящей от этой самой крепости на четыре мили, которая и доныне зовется Клиса, ибо затворяет [проход] идущим с той стороны. Оттуда же они уходят к реке. И так эта смена [войск] осуществлялась многие годы, и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами, поразмыслив, сказали: "Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними". Засим славяне, они же авары, посоветовавшись таким образом, когда однажды римляне переправились, устроили засады и,

сражаясь, победили их. Взяв их оружие, знамена и прочие воинские знаки и переправившись через реку, названные славяне пришли к клисуре. Увидев их, находившиеся там римляне, приметя также знамена и вооружение своих единоплеменников, сочли и их самих таковыми. Когда же названные славяне достигли клисуры, они позволили им пройти. Пройдя же, славяне тотчас изгнали римлян и овладели вышеупомянутой крепостью Салона[10]. Поселясь там, с той поры они начали понемногу разорять римлян, живших в долинах и на возвышенностях уничтожали [их] и овладевали их землями. Прочие же римляне находили спасение в крепостях побережья и доньне владеют ими, каковыми являются Декатеры, Раусий, Аспалаф, Тетрангурин, Диадоры, Арва, Векла и Опсары, жители которых и теперь называются римлянами[11].

[Знай], что с царствования Ираклия[12], василевса ромеев (о чем будет рассказано при описании хорватов и сербов)[13], вся Далмация и окружающие ее народы, как-то: хорваты, сербы, захлумы, тервунюты, каналиты, диоклетианы и аренданы, именуемые также паганами...[14] Когда же царство ромеев по небрежению и неопытности правивших в то время опустилось почти до ничтожества, особенно при Михаиле Травле из Амория, жители крепостей Далмации стали самостоятельными, не подвластными ни василевсу ромеев, ни кому-либо другому[15]. Кроме того, тамошние народы: хорваты, сербы, захлумы, тервунюты, каналиты, диоклетианы и паганы - также взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными[16]. Архонтов[17] же, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов[18], как это в правилах и в прочих Славиниях[19]. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристями. При христоролюбивом василевсе Василии они отправили апокрисиариев, прося и умоляя его о том чтобы некрещеные из них были крещены и они были бы, как и поначалу, подвластными царству ромеев. Выслушав их, блаженный сей и приснопамятный василевс послал василика вместе с иереями и крестил их всех кто оказался из упомянутых выше народов некрещеным[20]. Тогда, после крещения, он поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими[21]. С тех пор и доньне архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного. Что же касается паганов, называемых на языке ромеев аренданами[22], то они, [поселившись] в непроходимых и обрывистых местностях остались некрещеными. Ведь к тому же "паганы" на языке славян означает "нехристи"[23]. Но после этого и они, отправив послов к тому же приснопамятному василевсу, просили, чтобы крестили и их; послав, он крестил и их также[24]. Так как (как мы уже говорили) из-за небрежения и неопытности правивших дела ромеев пришли в упадок, жители крепостей Далмации оказались самовластными, ни василевсу ромеев, ни кому-либо иному не подчиненными[25]. Через некоторое время, в царствование Василия, приснопамятного и незабвенного василевса, сарацины[26], прибыв из Африки, с 36 кораблями [под командованием] Солдана, Сава и Калфуса[27], достигли Далмации и разорили крепость Вутовы, крепость Россу и нижнюю крепость Декатеры[28]. Пришли они и к крепости Раусия и осаждали ее 15 месяцев[29]. Тогда, в силу обстоятельств, раусеи дали знать незабвенному василевсу Василию, говоря: "Смилуйся над нами, не допусти нашей гибели от отвергающих Христа". Василевс, сострадая, послал патрикия[30] Никиту, друнгария флота[31], прозвище коего Оорифа[32], с сотней хеландий[33]. Сарацины, проведав о прибытии судов патрикия друнгария флота, бежали, оставив крепость Раусий, переправились в Лагувардию и, осадив крепость Бари, взяли ее. Тогда Солдан, построив там дворец, владел всей Лагувардией вплоть до Рима в течение 4 лет[34]. Затем, по этой самой причине, василевс направил посольство к Лодоиху, королю Франгии[35], и к папе римскому, чтобы они помогли посланному василевсом войску. Согласясь с просьбой василевса, король и папа прибыли оба с большой силой, соединились с посланным василевсом войском, вместе с хорватом, сербом, захлумом, тервунютами, каналитами, раусеями и со всеми из крепостей Далмации (все эти люди прибыли по царскому повелению)[36] и, переправясь в Лагувардию, осадили крепость Бари и взяли ее[37].

Должно знать, что хорватов и прочих славянских архонтов перевезли в Лагувардию на собственных своих судах жители крепости Раусий. И крепость Бари, и страну, и весь полон забрал василевс ромеев, а Солдана и прочих сарацинов взял Лодоих, король Франгии, и увел их в крепость Капую и в крепость Беневент[38]. Никто не видел Солдана смеющимся. И король изрек: "Если кто-либо покажет мне Солдана смеющимся или правдиво сообщит об этом, я дам тому много денег". После этого кто-то увидел его смеющимся и сообщил об этом королю. Позвав Солдана, король спросил, почему он смеялся. Тот ответил: "Я увидел повозку с ее вращающимися колесами и засмеялся потому, что я некогда был главой, а ныне ниже всех, и что бог снова может возвысить меня". С того момента Лодоих приглашал его к своему столу и ел с ним. Архонты же Капуи и Беневента приходили к Солдану, спрашивали его о врачевании и уходе за лошадьми и о прочих делах, ибо он был стар и опытен. А Солдан, будучи коварен и хитер, сказал им: "Хочу сообщить вам [одно] дело, но боюсь, как бы от вас об этом не стало известно королю - тогда я погублю свою жизнь". Они поклялись ему, и, осмелев, он сказал им: "Король хочет сослать всех вас в Великую Франгию, и если вы не верите, подождите немного и я докажу вам". Уйдя, он сказал Лодоиху: "Дурны архонты места сего, и ты не сможешь владеть этой страной, если не уничтожишь

динатов[39], противодействующих тебе. Закуй в оковы первых людей крепости и сошли их в свою страну, и тогда, как ты [того] хочешь, прочие подчинятся тебе". Когда он убедил его исполнить этот совет, а [Лодоих] повелел изготовить железные цепи для изгнания, то отправился к архонтам и заявил: "Вы и теперь не верите, что король превратит вас в изгнанников и имя ваше исчезнет из памяти людей? Впрочем, если хотите окончательно удостовериться, пойдите и посмотрите, что сейчас изготавливают все кузнецы [крепости] по повелению короля. Если вы не увидите, что они делают цепи и оковы, то будете знать, что все сказанное мною вам является ложью. А если я говорю правду, позаботьтесь о вашем спасении, отблагодарите и меня, давшего вам добрый и спасительный совет". Архонты же, убежденные речами Солдана и к тому же увидевшие цепи и оковы, обрели окончательную уверенность и с той поры замыслили гибель короля Лодоиха. Король, не ведая ни о чем этом, отправился на охоту. А когда он вернулся, архонты уже захватили крепость и не позволяли ему войти. Король Лодоих, видя мятеж архонтов, направился в свою страну[40]. А архонты сказали Солдану: "Что же ты хочешь, чтобы мы сделали тебе за доставленное нам тобою спасение?" Он попросил отпустить его в свою страну, что и было сделано, и Солдан отправился в Африку, свою страну. Не забыв, однако, старой своей злобы, он выступил в поход и прибыл с войском к Капуе и Беневенту, чтобы осадить и подчинить их. Правящие же теми крепостями отправили послов к королю Лодоиху во Франгию, чтобы, придя [с войском], он помог им против Солдана и африканцев. Однако король Лодоих, узнав об этом и о том, к какой уловке прибег Солдан, убедив архонтов, что "король хочет сослать вас в оковах во Франгию", заявил им в ответ: "Даже в том, что я ранее сделал для вас, я раскаиваюсь, а именно что спас вас от врагов ваших. Вы же воздали мне злом за добро и так как вы прогнали меня, то теперь я рад гибели вашей". Тогда, потерпев неудачу у короля Франгии, они направили послов к василевсу ромеев, чтобы он оказал им помощь и избавил от этой напасти. Василеве со своей стороны обещал помочь им. Когда же апокри-сиарий возвращался из царственного града, неся благую весть о союзе с василевсом, пославшим его, он был схвачен стражами Солдана, не успев войти под защиту крепости. Ибо Солдан знал заранее, что отправлено письмо с мольбой к василевсу ромеев, и постарался схватить их апокрисиария, что и случилось. Когда тот был пойман, Солдан узнал о выполненном им поручении и что через несколько дней прибудет помощь ромеев. Тогда Солдан заявил этому апокрисиарию: "Если ты сделаешь, что я велю тебе, то будешь награжден свободой и великими дарами, а если нет, то будешь страшной казнью лишен жизни". Когда тот обещал выполнить, что ему будет приказано, Солдан заявил: "Велю тебе стать близ стены, позвать пославших тебя и сказать им: "Я исполнил поручение, которое должен был исполнить, умоляя за вас василевса ромеев. Знайте, однако, что напрасным оказалось мое путешествие, василевс совершенно не принял во внимание вашу мольбу - не ждите от василевса помощи". Когда апокрисиарий обещал с радостью исполнить это, его подвели ближе к крепости, и он, пренебрегши всем, о чем говорил Солдан, ни угроз его не страшась, ни обещаниями его не соблазняясь, но лишь страх божий имея в душе, решил про себя: "Лучше будет умереть мне одному и не дать одурачить и предать на смерть столько душ людских". Итак, когда он оказался близ стены, то позвал всех архонтов и сказал повелевающим этой крепостью: "Господа мои, я выполнил свою службу и сообщаю о [благом] ответе для вас василевса ромеев. Но заклинаю вас сыном божьим, спасением всей крепости и самих душ ваших, чтобы вы вместо меня облагодетельствовали детей моих и супругу, надеющуюся обнять меня. Как вы поступите с ними, такова будет вам и награда от справедливого подателя благ - господя, грядущего судии живых и мертвых". Сказав это, он ободрил их следующими словами: "Солдан погубит меня, смерть нависла надо мною, но стойте крепко, не малодушничайте, подождите немного - через несколько дней явится спасение, посланное вам василевсом ромеев!" Когда он прокричал это, державшие его люди Солдана, услышав сверх ожидания то, что он сказал, заскрежетали на него зубами и стремились опередить один другого, чтобы лично убить его. После смерти апокрисиария Солдан, боясь подходящих сил василевса, вернулся в свою землю[41]. С тех пор и поныне жители Капуи и Беневента находятся под властью ромеев, в полном услужении и подчинении, благодаря оказанному им великому сему благодеянию[42].

[Знай], что крепость Раусий не называется Раусием на языке ромеев, но в силу того, что она стоит на скалах, ее именуют по-ромейски "скала-лава", поэтому ее жители прозываются "лавсеями", т.е. "сидящими на скале"[43]. В просторечии же, нередко искажающем названия перестановкой букв и переменившем название и здесь, их называют раусеями. А эти же самые раусеи владели древней крепостью Питавра[44]. В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одни были убиты, другие обращены в рабство. Сумевшие бежать и спастись поселились на обрывистых местах, там, где ныне находится крепость, которую они выстроили сначала небольшой, затем - заново - побольше; а после этого опять удлинили стены из-за совершавшегося понемногу расширения и увеличения числа [жителей], пока крепость [не достигла нынешних размеров][45]. Из людей, переселившихся в Раусий, упомянем следующих: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин, Валентин - отец протоспафария Стефана. С тех пор, как из Салоны они переселились в

Раусий[46], минуло по сей день, т.е. до 7-го индикта 6457 г., 500 лет[47]. В этой же крепости покоится св. Панкратий во храме св. Стефана, стоящем в центре самой крепости[48].

[Знай], что касается крепости Аспалаф (это означает "малый дворец"), то воздвиг ее василевс Диоклетиан. Он пользовался ею как собственным домом, выстроив внутри двор и дворец, большая часть которого была разрушена. Сохранилось до наших дней немного, среди прочего - помещение епископии крепости и храм св. Домна, в котором покоится сам св. Домн. Этот храм служил [некогда] усыпальницей и самому василевсу Диоклетиану[49]. Под храмом имеются сводчатые камары, которые служили темницами[50]; в них он безжалостно заключал святых, обрекаемых им на муки. Покоится в сей крепости и св. Анастасий.

[Знай] о стенах этой крепости, что они выстроены не из кирпича и не из бетона, а из прямоугольных каменных блоков, имеющих в длину по одной оргии[51] (нередко и по две), а в ширину - также по одной оргии. Они соединены и скреплены друг с другом железными скрепами, залитыми свинцом. В этой крепости возвышаются многочисленные колонны с капителями наверху. На этих [колоннах] сам василевс Диоклетиан намеревался воздвигнуть сводчатые камары и покрыть [ими] всю крепость, выстроив свой дворец и все жилища крепости на этих сводах, в два и три этажа - так, чтобы все это накрыло некую часть самой крепости. Стена этой крепости не имеет ни перипата[52], ни бастioned, а только высокие парапеты и бойницы для стрельбы из лука.

[Знай], что крепость Тетрангуриин является малым островком на море; он имеет тянущийся до материка очень узкий перешеек, наподобие моста, по которому жители проходят в самую крепость. Тетрангурином она называется потому, что мала и подобна огурцу[53]. В этой крепости покоится святой мученик Лаврентий, архидиакон[54].

[Знай], что крепость Декатеры на языке римлян означает "стесненная и задушенная", ибо море вклинивается, как узкий язык, до 15 или 20 миль [вглубь] и крепость расположена [у конца] этого морского залива[55]. Вокруг этой крепости высокие горы, так что только летом можно видеть солнце, так как тогда оно стоит посреди неба, а в зимнее время - никогда. В сей крепости лежат нетленные мощи св. Трифона[56], излечивающие любой недуг, а в особенности терзаемых нечистыми духами. Храм его - купольный[57].

[Знай], что крепость Диадоры на языке ромеев значит "йам эра", что означает "уже была", т.е. ко времени, когда был построен Рим, эта крепость уже была воздвигнута. Это крупная крепость. В просторечии ее именуют Диадора[58]. В сей крепости лежит во плоти св. дева Анастасия[59], дочь Евстафия[60], царствовавшего [там] в то время, а также св. Хрисогон, монах и мученик[61], и его святые вериги. Храм св. Анастасии[62] продолговатый, подобно Халкопратийскому храму[63] с зелеными и белыми колоннами, весь покрытый изображениями древнего письма восковыми красками. Пол его представляет чудесную мозаику. Близ него находится другой купольный храм, св. Троицы[64]; сверх этого храма надстроен еще один храм наподобие хор, также купольный, в который поднимаются по винтовой лестнице.

[Знай], что под властью Далмации находится множество всевозможных островков вплоть до Беневента, так что суда там никогда не страшатся бури. Среди этих островков [на одном] находится крепость Векла, на другом островке - Арва, на третьем - Опсары[65], на четвертом островке - Лумври-кат, которые населены и ныне. Прочие же безлюдны, с заброшенными крепостями, имена которых таковы: Катавревено, Пизух, Селво, Скерда, Алоип, Скирдакисса, Пиротима, Мелета, Эстиуниз и прочие всякие, которым не придумали названий[66]. Остальные же крепости, находящиеся на материковой части фемы и захваченные названными славянами, стоят безлюдными и пустыми, ибо никто не живет в них[67].

30. Рассказ о феме Далмация[1]

Если знание - благо для всех, то и мы, усвоив познание о делах, не окажемся вдали от этого [блага]. Поэтому-то мы и делаем доступным для всех, кто будет жить после нас, изложение как об этих, так и об иных достойных деяниях, так, чтобы в результате достичь двойной пользы.

Итак, спрашивающие об утрате Далмации - как это она была захвачена народами славян - могут узнать [об этом] из следующего ниже. Но сначала необходимо поведать о ее положении. Издревле Далмация брала начало от пределов Диррахия[2], а именно - от Антибари[3], и простиралась до гор Истрии, а в ширину достигала реки Дуная. Вся эта область находилась под властью ромеев, и эта фема являлась наиболее длительной из других западных фем. Но она была захвачена народами павян следующим образом. Близ Аспалафа имеется крепость, которая именуется Салоной - строение василевса Диоклетиана, да и сам Аспалаф также воздвигнут Диоклетианом, и там находился его царский [дворец]. в Салоне же жили его мегистаны[4] и много простого народа. Крепость эта была главной во всей Далмации. Поэтому ежегодно из прочих крепостей Далмации конные стратиоты[5] собирались [здесь] и высылались из Салоны числом до тысячи для несения стражи на реке Дунай против аваров, ибо авары сделали своим местом пребывания противоположную сторону реки Дунай, где ныне турки[6], ведя кочевую жизнь. Отправляясь [туда] ежегодно, жители Далмации часто видели на той стороне реки скот и людей.

Поэтому вздумалось им однажды переправиться и поведать, кто же эти люди, живущие там. Итак, переправясь, они обнаружили одних аварских женщин и детей, тогда как мужчины и юноши находились в военном походе. Поэтому, совершив внезапное нападение, они захватили их в полон и без ущерба вернулись, доставив эту добычу в Салону. Затем, когда авары возвратились из похода и узнали о случившемся - в чем они пострадали, они взволновались, недоумевая, однако, откуда им нанесен удар. Поэтому решили подождать случая, чтобы из него узнать обо всем. Далее, когда, как обычно, были снова отправлены из Салоны таксеоты[7] (однако это были не те, что ранее, а другие, хотя они то же самое в отношении тех держали в помыслах), они переправились, [направляясь] против аваров, но так как те оказались собравшимися воедино, а не рассеянными, как прежде, не только ничего не сделали, но и претерпели самое ужасное. Ибо одни из них были убиты, а прочие были схвачены живыми, никто не избежал рук [аваров].

Порасспросив пленных, кто они и откуда, и узнав, что от них они претерпели упомянутый удар, а также повыпытав [у них] о достоинствах их земли и словно полюбив ее уже по слуху, авары заключили живых пленников в оковы, надели на себя их одежды, как носили их те, и, сев на коней, взяв в руки их знамена и прочие значки, которые те носили с собой, все поднялись в воинском порядке и двинулись против Салоны. Поскольку же при допросах они узнали и время, когда таксеоты возвращаются с Дуная (а это была великая и святая суббота), они прибыли как раз в этот день. Основная масса войска, когда они были уже где-то поблизости, затаилась, а около тысячи, которые имели для обмана коней и одежды далматинцев, вышли открыто. Жители крепости, признав свои значки и одеяния, зная также и день, в который те по обычаю возвращаются, открыли ворота и приняли прибывших с радостью. Авары, войдя, тотчас овладели воротами и, знаком осведомив о свершенном деле войско, приготовились к вторжению и нападению. Так они перебили всех жителей города, а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней. Одни городки у моря не сдались им, а были удержаны ромеями и то лишь потому, что средства для их жизни они добывают на море[8].

Итак, увидев, что земля эта прекрасна, авары поселились на ней. Хорваты[9] же жили в то время за Багиварией[10], где с недавнего времени находятся белохорваты[11]. Один из родов, отделяясь от них, а именно - пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры. Туга и Вуга, - вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом - и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов[12]. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами[13]. Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т.е. "белыми хорватами"[14], имеющими собственного архонта[15]. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе - Саксии)[16], и являются нехристианами[17], вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками[18].

От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося лишь посольствами с архонтом Хорватии[19]. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране[20]. Но франки настолько были жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их война друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцилин[21]. С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов[22].

Итак, страна их была разделена на 11 жупаний[23], а именно: Хлевиана, Ценцина, Имоты, Плева, Песенда, Парафа-пассия, Вревера, Нона, Тнина, Сидрага, Нина[24]. Боян[25] их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской[26]. У помянутая Хорватия и прочие Славинии[27] расположены следующим образом: Диоклея лежит по соседству с малыми крепостями Диррахия, а именно - у Элисса, Элкия и Антибари[28], и простирается до Декатер, а со стороны гор граничит с Сербией. От крепости же Дека тер начинается архонтия Тервуния[29]; она тянется до Раусия, а с ее горной стороны граничит с Сербией. От Раусия начинается архонтия захлумов. Она простирается до реки Оронтия[30], а у морского побережья граничит с наганами; на севере, со стороны гор, - с хорватами[31], а сверху - с Сербией[32]. От реки Оронтия начинается Пагания, она тянется до реки Зендина[33] и имеет три жупании: Растоцу, Мокр и Дален[34]. Две жупании, т.е. Растоца и Мокр, прилегают к морю; они владеют длинными судами. Жупания же Далена расположена вдали от моря, и ее население живет обработкой земли. От них поблизости находятся четыре острова: Мелеты, Куркра, Враца и Фарос[35], прекрасные и плодородные, где есть заброшенные крепости и много виноградников. Живущие на островах обладают скотом и тем существуют[36].

От реки Зендина начинается Хорватия. Она простирается вдоль моря до пределов Истрии, а точнее - до крепости Алвуна[37], а со стороны гор тянется где-то над фемой Истрия[38]. Граничит она у Цендины и Хлеваны со страной Сербией. Страна Сербия [как бы] прикрывает с материка все остальные страны [из названных], на севере она граничит с Хорватией'

а на юге - с Булгарией[39]. С того времени, как названные славяне поселились [здесь], овладев всем пространством Далмации, [обитатели] ромейских крепостей живут возделыванием земли на островах. Но так как паганы постоянно пленяли их и истребляли, они покинули эти острова, стремясь возделывать землю на материке. Однако этому воспрепятствовали хорваты, ибо они еще не платили подати хорватам, а все, что с недавнего времени отдают славянам, они вносили своему стратигу. Будучи не в состоянии прожить, они явились к приснопамятному василевсу Василию, поведав ему обо всем изложенном. Поэтому блаженный сей василевс постановил, чтобы они все даваемое стратигу отдавали славянам и жили в мире с ними, а стратигу предоставляли бы некую малость лишь в знак подчинения и зависимости от василевсов ромеев и своего стратига. С тех пор стали эти крепости подплатежными славянам и уплачивают им пакты[40]: крепость Аспалаф - в 200 номисм[41], крепость Тетрангури - в 100 номисм, крепость Диадоры - в 110 номисм, крепость Опсары - в 100 номисм, крепость Арва - в 100 [номисм], крепость Векла - в 100 [номисм], т.е. вместе 710 номисм, помимо вина и прочих различных продуктов, а все это [оценивается] выше, чем [названная сумма] в номисмах. Крепость Раусий лежит меж двух стран, захлумами и Тервунией. Виноградники жителей крепости находятся в обеих этих странах, и они уплачивают архонту захлумов 36 номисм и архонту Тервунии также 36 номисм.

31.0 хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время

[Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся "белыми", которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами - некрещеными сербами[1]. [Имя] хорваты на славянском языке означает "обладатели большой страны"[2]. Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромейцев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом. Поэтому-то они и прозывались римлянами, что были переселенцами из Рима в этих краях, а именно - в ныне именуемой Хорватии и Сербии. Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне[3]. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга[4]. Василеве Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов[5]. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг.

[Знай], что та страна, в которой поселились хорваты, сначала находилась под властью василевса ромеев, поэтому и сохранились поныне дворец и ипподромы василевса Диоклетиана в стране хорватов, в крепости Салона, близ крепости Аспалаф[6].

[Знай], что эти крещеные хорваты не желают воевать против чужих стран, лежащих вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор и дали св. апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой, если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу[7]. Через много лет, во дни архонта Терпимера, отца архонта Красимера, прибыл из Франгии (что между Хорватией и Венецией) некий муж по имени Мартин, из весьма благочестивых, хотя и одетых по-мирски, который, как говорили сами хорваты, совершил много чудес. Сей благочестивый муж, будучи слаб и не имея ног - так что его поднимали и носили четыре человека, куда бы он ни захотел, - заклинал хорватов хранить ту же заповедь святейшего папы до скончания их жизни, вознося за них и сам молитву, подобную молитве папы[8]. По этой причине ни длинные суда этих хорватов, ни кондуры[9] никогда не отправлялись войною против кого-либо, если только не напали на них самих. до на этих судах отправляются желающие вести торговлю из хорватов, обходя (от крепости к крепости) и Паганию, и залив Далмации вплоть до Венеции[10].

[Знай], что архонт Хорватии сначала, то есть с царствования василевса Ираклия, подвластен как слуга василевсу ромеев и никогда не подчинялся архонту Булгарии[11]. Но и булгары не ходили войною против хорватов, кроме архонта Булгарии Михаила Бориса, который, отправясь против них для войны и не будучи в силах добиться успеха, заключил с ними мир, одарив при этом хорватов и получив дары от них[12]. Однако эти самые хорваты никогда не платили пакта булгарам, хотя обе стороны частенько доставляли друг другу дары из благорасположения[13].

[Знай], что в крещеной Хорватии имеются населенные крепости: Нона, Белеград, Белицин, Скордона, Хлевена, Столпон, Тенин, Кори, Клавока[14].

[Знай], что крещеная Хорватия выставляет конницу до 6000 воинов, пешее войско - до ста

тысяч, длинных судов - до 80, а кондур - до 100. Длинные суда имеют по 40, кондуры - по 20 мужей [команды], малые же кондуры - по 10 мужей[15].

[Знай], что это большое войско и множество народа Хорватия имела до архонта Красимера. Когда же он умер, а сын его Мирослав, правивший четыре года, был убит бояном Привунием и в стране произошли раздоры и множество столкновений[16], уменьшились и конница и пешее войско, как и число длинных судов и кондур у державы хорватов. Ныне она имеет 30 длинных судов, больших и малых кондур... конницу... и пешее войско...[17]

[Знай], что Великая Хорватия, называемая "Белой", остается некрещеной До сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов[18]. Она не обладает ни длинными судами, ни кондурами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, - путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется "Черным"[19].

32. О сербах[1] и о стране, где они живут ныне

Да будет ведомо, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также "белыми"[2] и живущих по ту сторону Турции[3] в местности, именуемой ими Воики[4]. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также "Белой"[5]. Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев. Приняв его, сам василевс Ираклий предоставил ему в феме Фессалоники[6] как место для поселения Сервии, которая с той поры и получила это прозвание[7]. Сербами же на языке ромеев обозначаются "рабы", почему и "сервилами" в просторечии называется обувь рабов, а "цервулианами" - носящие дешевую, нищенскую обувь. Это прозвище сербы получили потому, что стали рабами василевса ромеев[8]. Через некоторое время этим сербам вздумалось вернуться в свои места, и василевс отослал их. Но когда они переправились через реку Дунай, то, охваченные раскаянием, возвестили василевсу Ираклию через стратига, управлявшего тогда Белеградом, чтобы он дал им другую землю для поселения[9]. Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов[10] были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах[11]. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую[12]. Когда же Булгария находилась под властью ромеев, [булгары были в мирных отношениях с сербами[13]. Затем когда умер сей архонт Серб[14], прибегнувший к [помощи] василевса, по наследству правил его сын, затем внук и так далее - архонты из его рода[15]. Через некоторое время был в этом роду среди них Воисеслав, затем его сын Родослав, сын этого - Просигоис[16] и его сын Властимир. Вплоть до этого Властимира булгары были в мирных отношениях с сербами, как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении у василевса ромеев и пользуясь его благодеяниями[17]. В правление же этого Власти-мира Пресиам, архонт Булгарии, пошел войной на сербов, желая покорить их, однако после трехлетней войны не только ничего не достиг, но и погубил множество своих воинов[18]. После смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына - Мунтимир, Строимир и Гоиник[19], поделившие страну. В их правление явился архонт Булгарии Михаил Борис[20], желая отомстить за поражение Пресиама[21], своего отца. Воюя [с ним], сербы оказались настолько сильнее, что взяли в плен сына Михаила - Владимира[22] с двенадцатью великими боиладами[23]. Тогда, конечно, сокрушаясь о сыне, Борис против воли заключил мир с сербами[24]. Желая вернуться в Булгарию и боясь, как бы сербы не заманили его в засаду на пути, он попросил для своей безопасности детей архонта Мунтимира, Борена и Стефана[25], которые и сберегли его невредимым вплоть до самых границ, то есть до Расы[26]. В благодарность за эту услугу Михаил Борис дал им большие дары, и они взамен дали ему в качестве подарка двух рабов, двух соколов, двух собак и 80 штук меха, о чем булгары говорят как о пакте[27]. Через недолгое время упомянутые три брата, архонты Сербии, выступили друг против друга, и, когда одолел один из них, Мунтимир, он, желая один располагать властью, схватил и отдал в Булгарию двух других. Только Петра, сына одного из братьев - Гоиника, он оставил возле себя и заботился о нем. Но Петр, бежав, прибыл в Хорватию, о чем будет рассказано несколько позже. Вышеупомянутый находящийся в Булгарии брат Мунтимира Строимир имел сына Клонимира, которому Борис дал в жены булгарку. В Булгарии у него рдился Часлав[28]. Мунтимир же, изгнав братьев и получив власть, породил трех сыновей, Прибеслава, Брана и Стефана, а после его смерти ему наследовал первый сын Прибеслав. Итак, через один год, выступив из Хорватии, упомянутый ранее Петр, сын Гоиника, остраняет от власти своего двоюродного брата Прибеслава с двумя его братьями и сам принимает власть, а те, бежав, являются в Хорватию[29]. Через три года Бран, придя для войны

против Петра, был разбит им, попал в плен и был ослеплен[30]. По прошествии двух лет Клонимир, отец Часлава, также бежав из Булгарии, достиг Сербии и вступил с войском в одну из ее крепостей, Достинику[31], с намерением захватить власть[32]. Воюя против него, Петр убил его и управлял еще 20 лет, начав править в царствование Льва, блаженного и святого василевса[33], подчиняясь и выполняя для него службу. Он заключил мир с Симеоном, архонтом Булгарии, так что даже и кумом его сделал[34]. После же времени, в которое царствовал этот господин Дев, протоспафарий[35] Лев Равдух, удостоенный после этого титулом магистра³⁶ и должностью логофета дрома[37], а тогда бывший стратигом в Диррахии, оказался в Пагании, находившейся в то время под властью архонта Сербии[38], с целью помогать советом и содействовать самому архонту Петру в некоей службе и делах"[39]. Возревновав к сему, Михаил, архонт захлумов[40], сообщил Симеону, архонту болгар, что василевс ромеев удостоил даров архонта Петра, чтобы он соединился с турками и выступил против Булгарии. Произошла в то время и битва при Ахелое между ромеями и булгарами[41]. Поэтому Симеон, будучи взбешен этим, послал против архонта Сербии Петра Сигрицу Феодора и известного Мармаина[42] с войском, а с ними был и архонтопул[43] Павел, сын Брана, которого ослепил Петр, архонт Сербии. Итак, болгары, коварно действуя против архонта Сербии и вступив с ним в кумовство, скрепленное клятвой, что они не причинят ему никакого ущерба, обманом заманили его к себе и, немедленно связав, увели его в Булгарию. Он умер в тюрьме. Вместо него пришел [к власти] Павел, сын Брана, и правил три года[44]. А василевс господин Роман, имея в Константинополе архонтопула Захарию, сына Прибеслава, архонта Сербии, послал его с той целью, чтобы он стал архонтом в Сербии. Однако, уйдя и напав, он потерпел поражение от Павла. Тот схватил его и передал булгарам, где его держали в оковах. Затем, через три года, когда Павел враждовал с булгарами, [они] отправили Захарию, ранее посланного василевсом господином Романом, и тот, изгнав Павла, сам овладел властью над сербами[45]. Захария тотчас вспомнил о благодеяниях василевса ромеев: он стал врагом болгар, не желая вообще подчиняться им, но склонный скорее быть под властью василевса ромеев. Так что, когда Симеон послал против него войско с Мармаином и Сигрицей Феодором, он их головы и оружие отправил с поля битвы к василевсу ромеев в качестве трофеев (ибо между ромеями и булгарами еще продолжалась война). Он никогда не прекращал направлять посольства к василевсам ромеев, как и архонты до него, будучи в подчинении и на службе у них. Но Симеон опять послал новое войско во главе с Книном, Имником и Ичбокклией против архонта Захарии, отправив с ними также и Часлава. Тогда Захария, испугавшись, бежит в Хорватию[46]. Булгары же известили жупанов, чтобы те прибыли к ним и приняли Часлава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели [лишь] до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию, забрали весь народ от мала до велика и увели в Булгарию[47]. Некоторые, однако, бежав, ушли в Хорватию. Страна оказалась пустынной[48]. Итак, в то время эти болгары вторглись в Хорватию во главе с Алогоботуром[49] с целью войны, и все были перебиты там хорватами[50]. Через семь лет Часлав, бежав от болгар с четырьмя другими, прибыл из Преслава[51] в Сербию, но обнаружил в стране лишь 50 мужчин, не имеющих ни жен, ни детей, занятых охотой и [так] кормивших себя[52]. Овладев с ними страной, он сообщил об этом василевсу ромеев, прося его о защите и помощи, обещая нести службу и повиноваться его повелениям, как и архонты до него. И с тех пор василевс ромеев не переставал благодетельствовать его, так что и пребывавшие в Хорватии, Булгарии и в прочих странах сербы, которых рассеял Симеон, услышав об этом, собрались к нему. Прибыло много беглецов из Булгарии и в Константинополь; василевс ромеев послал их к Чаславу, одев и облагодетельствовав. Благодаря богатым дарам василевса ромеев сплотил и заселив страну, как было прежде, он по-рабски подчинился василевсу ромеев, соединив эту страну и укрепясь в ней в качестве архонта с содействия василевса и в результате его больших благодеяний[53].

[Знай], что архонт Сербии изначально, то есть с царствования василевса Ираклия, по-рабски подчинен василевсу ромеев и никогда не был подвластен архонту Булгарии.

[Знай], что в крещеной Сербии имеются населенные крепости: Дестиник[54], Черनावуская, Мегиретус, Дреснеик, Лесник[55], Салинес[56], а в местности Босона[57] - Катера и Десник[58].

33. О захлумах и о стране, которую они ныне населяют[1]

[Знай], что страна захлумов находилась ранее во власти ромеев, я имею в виду римлян, которых василевс Диоклетиан переселил из Рима, как о них уже рассказано [нами] в повествовании о хорватах[2]. Эта страна захлумов и была в подчинении у василевса ромеев, но, поработанная аварами, она была полностью опустошена, а ее население уничтожено. Ныне живущие там захлумы являются сербами[3], со времен того архонта, который искал убежища у василевса Ираклия. Имя же захлумы они получили от горы - так называемого Хлума[4], иначе

говоря, на славянском языке захлумы означает "[живущие] за холмом", ибо в этой местности имеется большой холм, на вершине которого находятся две крепости: Бона и Хлум, а за тем же холмом протекает река под названием Бона[5], что означает "хорошая".

[Знай], что род анфипата и патрикия[6] Михаила, сына Вусевуцы[7], архонта захлумов, прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личики) и поселился на реке, именуемой Захлума[8].

[Знай], что в стране захлумов имеются населенные крепости: Стагн[9], Мокрискик, Осляя, Галумаиник, Добрискик[10].

34. О тервуниотах и каналитах и о стране, которую они ныне населяют

[Знай], что страна тервуниотов[1] и каналитов[2] - едина[3]. Тамошние обитатели происходят от некрещеных сербов[4], проживая [здесь][5] со времен того архонта (который, уйдя из некрещеной Сербии, попросил убежища у василевса Ираклия) и вплоть до архонта Сербии Властимира[6]. Итак, сей архонт Властимир выдал свою дочь за Краину, сына Белаи, жупана Тервунии. Желая оказать честь своему зятю, он нарек его архонтом, сделав его самовластным. От него родился Фалимер, а от него - Чузимер. Но архонты Тервунии всегда были послушны архонту Сербии[7]. Тервуния на славянском языке означает "сильное место", ибо эта страна обладает множеством укреплений[8].

[Знай], что в подчинении у этой страны Тервунии находится другая страна, называемая Канали. На славянском же языке Канали значит "тележная", так как из-за равнинности того места там всякое дело выполняют с помощью повозок[9].

[Знай], что на территории Тервунии и Канали имеются населенные крепости: Тервуния[10], Орм[11], Рисена[12], Лукаветы[13], Зетливи[14].

35. О диоклетианах и о стране, которую они ныне населяют

[Знай], что страна Диоклея также прежде находилась во власти римлян, которых переселил из Рима василевс Диоклетиан (как рассказано [об этом] в истории о хорватах[1]), и была в подчинении у василевса ромеев. Порабощенная также аварами, и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов, Тервуния и страна Канали[2]. Название Диоклея происходит от крепости в этой стране, которую воздвиг василевс Диоклетиан. Ныне это пустующая крепость, по ею пору именуемая Диоклеей[3].

[Знай], что в стране Диоклее имеются большие населенные крепости: Градеты[4], Нуграде[5], Лондодокла[6].

36. О паганах, называемых также аренданами, и о стране, которую они ныне населяют[1]

[Знай], что страна, в которой теперь живут паганы, также ранее находилась во власти римлян, которых, переселив из Рима, василевс Диоклетиан расселил в Далмации. Сами же паганы происходят также от некрещеных сербов времени того архонта, который искал помощи у василевса Ираклия. Также порабощенная аварами, и эта страна была опустошена, а заселена снова при василевсе Ираклии. Паганами же они названы потому, что не приняли крещения в то время, когда были крещены все сербы. Ведь на славянском языке паганы означает "нехристи", а на языке ромеев их страна называется Аренда[2], поэтому их сами ромеи и именуют аренданами.

[Знай], что в Пагании имеются населенные крепости: Мокр, Веруллия, Острок и Славинеца[3]. Владеют они также следующими островами: большой остров Куркра, т.е. Кикер (на котором имеется и крепость)[4]; другой большой остров Мелеты[5], т.е. Малозеаты, который упоминает в "Деяниях апостолов" св. Лука[6], называя его Мелитой; на нем змея ужалила в палец св. Павла, и св. Павел сжег ее в костре; другой большой остров Фара: еще большой остров Врац[7]. Но есть и другие острова, не находящиеся во власти самих паганов: остров Хоары, остров Иис, остров Ластовон[8].

37. О народе пачинакитов[1]

Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих[2], будучи соседями и хазар, и так называемых узов[3]. Однако пятьдесят лет назад[4] упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы[5]. Пачинакиты же, обратясь в бегство бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне[6], обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их[7], поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет[8].

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем[9], имея столько же великих архонтов. А фемы таковы[10]: название первой фемы Иртим, второй - Цур, третьей - Гила, четвертой - Кулпеи, пятой - Харавои, шестой - Талмат, седьмой - Хопон, восьмой - Цопон. Во времена же в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре - Куела, в Гиле - Куркутэ, в Кулпеи - Ипаоса, в Харавои - Каидума, в феме Талмат - Косту, в Хопоне - Гиаци, а в феме Цопон - Батана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцицур, фема Сирукалпеи, фема Вороталмат и фема Вулацопон, - расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным[11], напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов[12]. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Турцией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране России местностями, с ультинами[13], деревленинами[14], лензанинами[15] и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании - на шесть дней, от Мордии[16] - на Десять дней, от России - на один день, от Турции - на четыре дня от Булгарии - на полдня[17], к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников[18].

Должно знать, что по юю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты[19]. Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиерти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар[20].

38. О родословной народа турок и о том, откуда они происходят

[Знай], что народ турок имел древнее поселение[1] близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия - по прозвищу их первого воеводы[2]. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведии, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус[3]. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами[4]. Турок было семь племен[5], но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы[6], из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет[7], воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах[8]. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него[9]. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством)[10], двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок". Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, - они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией[12], в местах, именуемых Ателкузу[13], в которых ныне проживает народ пачинакитов. Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство,

[требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: "Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему"[14]. Отвечая хагану, тот произнес: "Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться[15]. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц[16] и имеющий сына по имени Арпад[17]. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему". Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю - "закану"[18] хазар подняв его на щите[19]. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта[20], и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции[21] из этого рода[22]. Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день[23]. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку[24], в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные[25], и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания[26].

[Знай], что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл[27], четвертая река, называемая Брут, пятая река, именуемая Серет[28].

39. О народе каваров[1]

Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар[2]. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар[3], и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой - язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день.

40. О родах каваров и турок

Первый - этот, от хазар отколовшийся, вышеназванный род каваров, второй - род Неки, третий - Мегери, четвертый - Куртугермат, пятый - Тариана, шестой - Генах, седьмой - Кари, восьмой - Каси[1]. Так, соединясь друг с другом, кавары вместе с турками поселились в земле пачинакитов. После этого, позванные Львом, христолюбивым и присно памятным василевсом, они переправились [через Дунай] и, воюя против Симеона[2], наголову разбили его, наступая, дошли до Преслава[3] и заперли

его в крепости по названию Мундрага[4], вернувшись затем в собственную страну. В то время архонтом они имели Лиундику[5], сына Арпада. Однако после того как Симеон вновь помирился с василевсом ромеев и обрел безопасность, он снесся с пачинакитами и вступил с ними в соглашение с целью нападения на турок и уничтожения их. Когда турки отправились в военный поход, пачинакиты вместе с Симеоном пришли против турок истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали оттуда турок, охраняющих свою страну[6]. Турки же, возвратясь и найдя свою страну столь пустынной и разоренной, поселились в земле, в которой проживают и ныне и которая именуется, как сказано, по вышеназванным наименованиям рек. А место, в котором прежде находились турки, именуется по названию протекающей там реки Этель и Кузу[7], где с недавнего времени расселяются пачинакиты. Итак, турки, гонимые пачинакитами, пришли и поселились в земле, в которой живут теперь. В этом месте имеются некоторые постройки, оставшиеся с древних времен: прежде всего - мост василевса Траяна[8], в начале Турции, затем - в трех днях [пути] от этого моста - Белеград[9], в котором находится башня святого и великого василевса Константина, потом, по обратному течению реки[10], тот знаменитый Сермий[11], на расстоянии двух дней пути от Белеграда, а от сего места - Великая Моравия, некрещеная[12], которую опустошили турки и которой правил прежде Сфендоплек[13].

Таковы древние постройки и названия местностей по реке Истр[14], а места выше них, которые охватывают все обиталище турок[15], они называют ныне по именам текущих там рек.

Реки же эти следующие: первая река Тимисис, вторая река Тутис, третья река Морисис, четвертая - Крисос и еще одна река Типа[16]. Соседствуют с турками с восточной стороны болгары, где их разделяет река Истр, называемая также Дунаем[17], с северной стороны - пачинакиты[18], с более западной - франки, с южной - хорваты[19]. Эти восемь племен турок[20] не подчиняются собственным [особым] архонтам[21], но имеют соглашение сражаться вместе, со всем тщанием и усердием на реках[22], в какой бы стороне ни возникала война. Первым главою они имеют архонта из рода[23] Арпада - последовательно, и двух других гилу[24] и карху[25], которые имеют ранг судьи. Каждый род имеет архонта.

Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства.

Должно знать, что Арпад, великий архонт Турции, породил четырех сыновей[26]: первым Таркауса[27], вторым Иелеха[28], третьим Иутоцуса[29], четвертым Залтаса .

Должно знать, что первый сын Арпада, Таокаус, породил сына Тевелиса[31], второй сын, Иелех, породил сына Эзелеха[32], третий сын, Иутоцус, породил сына Фалициса[33], нынешнего архонта, а четвертый сын, Залтас, породил сына Таксиса[34].

Должно знать, что все сыновья Арпада умерли, а внуки его, Фалис, Тасис[35] и их двоюродный брат Таксис, живы.

Должно знать, что умер Тевелис и что имеется его сын Термацус[36] - друг, недавно приходивший[37] вместе с Вулцусом[38], третьим архонтом и кархой Турции.

Должно знать, что Вулцус карха - сын Кали[39] кархи и что имя Кали есть имя собственное, а карха - достоинство, как и гила, который выше кархи.

41. О стране Моравии

Да будет ведомо, что архонт Моравии Сфендоплок был мужественен страшен соседним с ним народам[1]. Были у этого Сфендоплока три сына, и' умирая, он разделил свою страну на три части и оставил трем сыновьям [каждому] по одной части, первого определив великим архонтом, а двух других - подчиняться слову первого сына. Он убеждал их не впадать в раздор и не идти один против другого, показав им это на примере. А именно: принеся три палки и связав их, он дал их переломить первому сыну, а когда он не смог, дал второму, как затем и третьему. Потом, разъединив три эти палки, он раздал всем трем по одной. Взяв их и получив повеление сломать, они тотчас переломили их. Таким примером он убедил их, сказав: "Если вы пребудете нераздельными, в единодушии и любви, то станете неодолимыми и непобедимыми для врагов, а если среди вас случится раздор и соперничество, если вы разделитесь на три царства, не подчиненные старшему брату, то разорите друг друга и окажетесь целиком добычей соседних с вами врагов"[2]. После смерти этого Сфендоплока[3], пробив в мире один год, они впали в раздоры и вражду меж собою, затеяв междоусобную войну друг с другом. Турки, явившись, совершенно разгромили их и завладели их страной, в которой живут и ныне. Остатки населения рассеялись, перебежав к соседним народам, болгарам, туркам, хорватам и к прочим народам4.

42. Землеописание от Фессалоники[1] до реки Дунай и крепости Белеград[2], до Турции[3] и Пачинакии[4], до хазарской крепости Саркел[5], до Росии[6] и до Некропил[7] находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона[8] вместе с Боспором[9], в которых находятся крепости Климатов[10]; затем - до озера Меотида[11], называемого из-за его величины также морем, вплоть до крепости по имени Таматарха[12], а к сему - и до Зихии[13], Папагии[14], Касахии[15], Алании[16] и Авасгии[17] - вплоть до крепости Сотриуполь[18]

Должно знать, что от Фессалоники до реки Дунай, на котором находится крепость по названию Белеград, путь занимает восемь дней, если путешествовать не в спешке, а с отдыхом. Турки живут по ту сторону реки Дунай, в земле Моравии[19], а также по ею сторону, между Дунаем и рекой Савой. От понизовья реки Дунай, против Дистры[20], начинается Пачинакия[21]. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, которой стоят триста таксеотов[22], сменяемых ежегодно. "Саркел" же означает у них "Белый дом"; он был построен спафарокандидатом[23] Петроной, по прозванию Каматир[24], так как хазары просили василевса Феофила[25] построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган[26] и пех[27] Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василеве, склонясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии[28] катепана[29] Пафлагонии[30]. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отпра вился к месту на реке Танаис[31], в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек. Затем этот выше названный спафарокандидат Петрона, прибыв к василевсу после постройки крепости Саркел, сказал ему: "Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и

местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам[32] и архонтам"[33]. Ведь до василевса Феофила не бывало стратига, посылаемого [туда] из этих мест, но управителем всего являлся так называемый протевон с так называемыми отцами города. Итак, василевс Феофил, размышляя при сем, того или этого послать в качестве стратига, решил, наконец, послать вышеозначенного спафа-рокандидата Петрону как приобретшего знание местности и понимания дел отнюдь не лишнего, которого он и избрал стратигом, почтив чином протоспафария[34], и отправил в Херсон, повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних[35]. Так совершилось строительство крепости Саркел. От реки Дунай до вышеозначенной крепости Саркел 60 дней пути. В пространстве этой земли имеются многочисленные реки, величайшие из них две - Днестр и Днепр. Имеются и другие реки, так называемая Сингул, Ивил, Алматы[36], Куфис[37], Богу[38] и многие иные. В верховьях реки Днепр живут росы; отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям; Пачинакия занимает всю землю [до][39] Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата[40] и тридцати краев[41]. Расстояние по побережью моря от реки Дунай до реки Днестр[42] 120 миль[43]. От реки же Днестр до реки Днепр 80 миль, так называемый "Золотой берег"[44]. От устья реки Днепр идут Адары[45]. Там есть большой залив, называемый Некропила, по которому совершенно невозможно пройти. От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке - болота и бухты, в которых херсониты добывают соль[46]. От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов[47], а расстояние - 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за [его] величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него - река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию[48], и в Хазарию, и в Мордию[49]. Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мили на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше[50]. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам. С восточной стороны Меотидского озера впадает много всяких рек: река Танаис, текущая от крепости Саркел, Харакул[51], в которой ловится верзитик[52]; есть и иные реки, Вал и Вурлик, Хадир[53] и прочие многочисленные реки. Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик[54] и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех[55]. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух[56], разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис[57], на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии - страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы[58], а выше этих гор - страна Алания. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, - это Турганирх, Царваганин и другой островок[59]. В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях - другой[60], на котором во время набегов аланов зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Аваджию - вплоть до крепости Сотиируполя. Она простирается на 300 миль.

43. О стране Тарон[1]

Впрочем, возлюбленный сын, достаточно рассказано тебе о северных скифах, знание которых при случае окажется тебе полезным и пригодным во всех отношениях. Следует также, чтобы ты не остался в неведении о [странах] к восходу солнца, почему они вновь стали подданными ромеев, после того как прежде ускользнули от их владычества[2].

Известный Крикорикий[3], архонт Тарона, первым склонился и подчинился василевсу ромеев. Однако с самого начала он вел себя двулично: на словах прикидывался, что чтит дружбу василевса, а на деле творил угодное катархонту сарацинов[4]. При разных обстоятельствах он бывал предводителем войск, выступавших из Сирии против подвластных василевсу ромеев фем, обо всем, тайно замышляемом у ромеев против враждебных сарацин, он сообщал в Сирию, все случающееся у нас он постоянно с помощью секретных писем открывал амермумну[5]; казаться он хотел пекущимся о делах ромеев, а проявлял себя скорее как поборник и ревнитель дел сарацин. Впрочем, он постоянно слал дары, которые у тамошних варваров считаются почетными, приснопамятному среди василевсов Льву[6] и получал в ответ еще больше и драгоценней от благочестивого василевса, который неоднократно увещал его с помощью грамот прибыть в царственный град[7], чтобы лицезреть василевса и приобщиться у него милостей и чести. Боясь, однако, что это послужило бы к огорчению и оскорблению амермумна, он измышлял отговорки и

болтал попусту, будто бы не может оставить свою страну лишенной собственного попечения, чтобы она, мол, не была разграблена сарацинами.

Этот архонт Тарона, схватив как-то в битве сыновей Аркаика[8], то есть двоюродных братьев так называемого патрикия[9] Крикорика, отца протоспафария[10] Асотия, держал их в оковах у себя. О них и Симватий[11], тогдашний архонт архонтов[12], просил блаженнейшего василевса, чтобы он послал к Тарониту и позаботился о возвращении его племянников, которые были сыновьями упомянутого Аркаика, дабы их не отправили к амермумну. Ибо патрикий Григорий был родственником Симватия, архонта архонтов. Вняв этой просьбе Симватия, блаженнейший василевс Лев послал известного евнуха Синута[13], бывшего тогда хартуларием срочных дорог[14], и к архонту Тарона ради его дела, и к Адранасиру[15], куропалату[16] Ивирии[17], по некоему иному делу, дав ему для обоих подобающие подарки. Но так как упомянутый Синут был оклеветан Феодором[18], переводчиком из армян, перед названным приснопамятным василевсом, вместо него был отправлен в качестве василика[19] протоспафарий Константин[20], domestик ипургии[21], сын Липса, ныне анфипат патрикий[22] и великий этериарх[23], получивший приказом повеление забрать подарки, посланные для архонта Тарона Крикорика, и самому явиться в Тарон, а Синуту приказать отправиться к Адранасиру, куропалату Ивирии, как уже было ведено. Достигнув Тарона и отдав Крикорикю посланные ему дары и грамоты василевса, означенный протоспафарий забрал незаконного сына Таронита, который именовался Асотием, и привел его в царственный град. Василевс, почтив его достоинством протоспафария и вполне достаточно облагодетельствовав, отправил к его отцу с тем же протоспафарием. Забрав затем оттуда Апоганема[24], брата Крикорика, архонта Тарона, сей Константин привел его к блаженному василевсу вместе с двумя сыновьями Аркаика, которого, также почтив достоинством протоспафария и милостиво приняв много раз, василевс вновь отправил через того же Константина в собственную страну к его брату.

После этого, пробыв в Халдии[25] достаточно долго, упомянутый Константин был приказом направлен в Тарон - прибыть и взять Крикорика, архонта Тарона и явиться в царственный град. Что он и сделал[26]. Когда сей Крикорикий прибыл в богохранимый град и был почтен достоинством магистра[27] и стратига[28] Тарона, был дан ему и дом для жительства, называемый "[Домом] варвара"[29] - теперь это дом паракимомена Василия[30]. Был почтен он также ежегодной рогой[31] в десять литр золота и десять других литр в милиарисиях[32], так что в целом было двадцать литр. Пробыв некоторое время в царственном граде, он снова благополучно был доставлен тем же протоспафарием Константином в его собственную страну.

После этого Апоганем опять явился к блаженному василевсу и был возведен им в достоинство патрикия. Склонили его и к тому, чтобы вять в жены дочь упомянутого Константина. Под этим предлогом он попросил также дом, и получил он тоже "Дом варвара" без хрисовула[33]. Облагодетельствованный василевсом, он тогда вернулся в свою страну, чтобы вновь прибыть и заключить брак. Но через несколько дней после благополучного прибытия в свою страну он завершил срок своей жизни. Брат же его Крикорикий своими грамотами испрашивал входа в царственный град для получения назначенной ему роги из рук святого василевса и для пребывания в течение некоторого времени в богохранимом граде. К сему он просил о получении для жительства дома, предоставленного ранее его брату, который блаженный василевс и дал ему по той причине, что он недавно подчинился и для того, чтобы побудить прочих архонтов востока к подобному желанию подчиниться ромеям. Однако он не дал хрисовульного документа о дарении ему этого дома.

По прошествии достаточного числа лет, когда скипетр царства ромеев взял блаженный василевс Роман, этот Крикорикий заявил, что он не в состоянии владеть "Домом варвара", и просил о получении вместо него проастия[34] в Кельцине[35] или [проастия] Тацата[36], или в каком-либо ином месте, где велит василевс, чтобы в случае набега агарян на его страну он мог отправлять туда свою родню и имущество. Василевс же, не располагая точными сведениями о деле, но, думая, что Таронит имеет "Дом варвара" по царскому хрисовулу блаженного Льва, дал ему проастий Григоры в Кельцине[37], а взамен забрал, разумеется, дом. Но и он не выдал ему хрисовула на проастий.

Через некоторое время этому василевсу написал Торник, племянник Таронита, сын известного Апоганема: ""Дом варвара" блаженнейший василевс Лев даровал моему отцу, а после смерти моего отца - поскольку ч был малолетним и сиротою - дядя мой из-за своей власти овладел его домом, постоянно обещая мне, что когда я достигну совершеннолетия, то получу отеческий дом. А ныне, как я узнал, мой дядя отдал этот дом твоей царственности и получил в возмещение проастий Григоры в Кельцине"

От этих-то царских милостей архонту Тарона зародилась и выросла зависть к нему и у Какикия, архонта Васпаракана[38], и у Адранасира, куропалата Ивирии, и у Асотикия[39], архонта архонтов, которые, ропща, написали василевсу, по какой, мол, причине один Таронит пользуется царской рогой, а все они не получают ничего. "Ибо какую, - говорили они, - особую, помимо нашей, несет он службу или в чем он больше нас приносит пользы ромеям? Посему должно, чтобы или мы так же,

как он, получали рогу, или он оказался лишенным этого дара". Блаженный василевс Роман написал им в ответ, что не от него определена рога Тарониту, чтобы и ее теперешняя отмена была в его власти, а от блаженнейшего василевса. И несправедливо это - преемникам отменять установленное прежде царствовавшими. Написал он, впрочем, и самому Тарониту, ставя его в известность об огорчении и ропоте названных мужей. Тот же заявил, что не может предоставлять ни золота, ни серебра, но обещал, помимо посылаемых по форме подарков, давать одеяния и медные сосуды, стоящие до десяти литр, что и выплачивал в течение трех или четырех лет. После этого он известил, что не в силах предоставлять такой пакт[40], он просил, впрочем, о том, что либо он получает рогу безвозмездно[41], как при блаженнейшем василевсе Льве, либо она отменяется. Поэтому ради того, чтобы не были в обиде Какикий, куролат и прочие, упомянутый блаженный василевс Роман отменил ее. Но как бы для его утешения он возвел после этого сына его Асотия, оказавшегося в городе, в патрикии и, достаточно его облагодетельствовав, отослал домой.

Когда магистр Крикорикий оставил эту жизнь, Торникий, сын Апоганема, заявил, что имеет сердечное желание явиться для лицезрения василевса. В ответ василевс отправил протоспафария переводчика Кринита[42], который и привел в город упомянутого Торникия. Василевс возвел этого Торникия в ранг патрикия. Предъявил он, однако, права и на "Дом варвара" и, услышав, что его дядя, получив проасти в Кельцине, отказался от власти на дом, сказал, что его дядя не может менять отеческое наследие Торникия. Он просил о получении либо дома, либо проастия, а если это невозможно, то пусть то и другое перейдет к василевсу, чтобы не обладали этим его двоюродные братья. По этой причине василевс, когда старец Таронит уже умер, отобрал проасти и дома не отдал взамен, поскольку, как было выше сказано, не было выдано хрисовула на какое-либо из этих имуществ.

После сего явился в царственный град известный Панкратий[43], старший сын того Крикорикия Таронита. Он был возведен василевсом в достоинство патрикия и стал стратигом Тарона. Попросил он и выдать за него одну из царских родственниц, и василевс дал ему в жены сестру магистра Феофилакта[44]. После заключения брака было составлено и завещание, в котором он заявлял: "Если у меня родятся сыновья от сей жены, то чтобы они обладали всею странюю моею как наследием предков". К сему он попросил василевса отдать ему проасти Григоры, чтобы поселить в нем патрикию, свою жену, а после ее смерти этот проасти снова будет у его царственности. Василевс дал согласие и на это и, значительными милостями его удостоив, отослал вместе с женою в его страну. Сыновья же магистра Крикорикия, и сам патрикий Панкратий, и патрикий Асотий, весьма огорчали и притесняли их собственного двоюродного брата, патрикия Торникия, который, не вынося их нападений, написал василевсу, чтобы он послал верного человека принять его страну, а его самого, жену и ребенка его доставить к василевсу. Василевс отправил протоспафария Кринита, переводчика, чтобы, согласно его просьбе, принять [страну] и привести его в богохранимый град. Когда Кринит достиг этой страны, он уже не застал его в живых. Перед смертью он распорядился, чтобы вся его страна была подвластна василевсу ромеев, а жена и его ребенок отправились к василевсу. По ее прибытии василевс дал ей для жительства монастырь в Псомафевсе[45] протоспафария Михаила, некогда бывшего коммеркиарием[46] Халдии. Упомянутый Кринит был вновь отправлен василевсом, чтобы принять страну Апоганема, то есть долю патрикия Торникия. Но в ответ оттуда направили послов сыновья Таронита, двоюродные братья умершего, прося взамен отдаваемого ими Улнутина[47] дать им страну их двоюродного брата, ибо они не смогут прожить вообще, если василевс овладеет странюю их двоюродного брата как своей собственной. По доброте своей согласясь, василевс выполнил их просьбу и отдал им страну Апоганема, их двоюродного брата, а сам взял Улнутаин вместе со всей его округой. Вся же страна Тарон оказалась разделенной пополам, одной ее половиною владели сыновья магистра Крикорикия, а другой - сыновья патрикия Апоганема, их двоюродные братья.

44. О стране Апахунис[1] и о крепостях Манцикиерт[2], Перкри[3], Хлиат, Халиат[4]. Арцес[5], Тиви[6], Херт, Саломас[7] и Цермацу[8]

Должно знать, что до Асотия[9], архонта архонтов, отца Симватия, архонта архонтов (которого обезглавил эмир Персии Асосатэ[10] и который породил двух сыновей - Асотия[11], после отца ставшего архонтом архонтов, и Апасакия[12], затем почтенного в качестве магистра), три упомянутые крепости - Перкри, Халиат и Арцес - были под властью Персии.

[Знай], что архонт архонтов сидел в Великой Армении[13], в крепости Карс[14], и владел как тремя вышеназванными крепостями, Перкри, Халиатом и Арцесом. так и Тиви, Хертом и Саламасом.

[Знай], что Апелварт[15] правил Манцикиертом и находился под властью [Асотия], архонта архонтов, отца Симватия, архонта архонтов. Но сам Асотий, архонт архонтов, дал этому Апелварту также крепость Хлиат, Арцес и Перкри, ибо упомянутый Асотий, архонт архонтов, отец

Симватия, архонта архонтов, владел всеми странами востока. Когда же Апелварт умер, его власть получил его родной сын Авелхамит[16], а когда умер Авелхамит, его властью обладал его старший сын АPOSEВАТАС[17]. Когда Симватий, архонт архонтов, был убит эмиром Персии АПОСАТЭ, АPOSEВАТАС самовластно и бесконтрольно, как господин и независимый правитель, владел и крепостью Манцикиерт, и прочими крепостями и странами. Он подчинился, [однако], василевсу вместе с двумя другими его братьями, АПОЛЕСФУЕТОМ¹⁸ и АПОСЕЛМИ[19], ибо domestик схол[20] при всяком случае нападавал на их крепости, разорял и опустошал их страны. Они предоставляли и пакты василевсу ромеев за их крепости и земли. Но со времени вышеназванного АСОТИЯ, архонта архонтов, отца Симватия и деда как второго АСОТИЯ, так и магистра АПАСАКИЯ, вплоть до времени жизни второго АСОТИЯ, архонта архонтов, эти три крепости находились под властью архонта архонтов, и брал с них архонт архонтов пакты. Кроме того, и крепость Манцикиерт со страной АПАХУНИС, КОРИ[21] и ХАРКА[22] находились под властью и господством того же архонта архонтов вплоть до того времени, когда АPOSEВАТАС, эмир Манцикиерта, вместе с его двумя братьями, АПОЛЕСФУЕТОМ и АПОСЕЛМИ, подчинились василевсу, предоставляя пакты и за крепости, и за их земли. Когда [же] архонт архонтов оказался рабом василевса ромеев, как им назначаемый и от него получающий это достоинство, оказались, разумеется, у василевса ромеев также и находившиеся во владении того крепости, городки и земли.

[Знай], что, когда Симватий, архонт архонтов Великой Армении, был схвачен АПОСАТЭ, эмиром Персии, и был им обезглавлен, АPOSEВАТАС, сидящий в крепости Манцикиерт, владел крепостью ХАЛИАТ, крепостью ПЕРКРИ и городком АРЦЕС.

[Знай], что второй брат АPOSEВАТАСА, АПОЛЕСФУЕТ, и его племянник и пасынок АХМЕТ владели крепостью ХЛИАТ, крепостью АРЦЕС и крепостью АЛЦИКЕ[23] и сами подчинились василевсу ромеев, оказались под его властью и уплачивали пакты (как и старший их брат АPOSEВАТАС) за их крепости и их земли[24].

[Знай], что третий брат АPOSEВАТАСА и АПОЛЕСФУЕТА, АПОСЕЛМИ, владел крепостью ЦЕРМАЦУ вместе с землями ее. И он подчинился василевсу ромеев и давал пакты, как и старший его брат АPOSEВАТАС и второй его брат АПОЛЕСФУЕТ[25].

[Знай], что, когда умер АPOSEВАТАС, крепостью Манцикиертом с ее территориями и всем ее владением обладал АБДЕРАХИМ[26], сын АPOSEВАТАСА; когда же умер АБДЕРАХИМ, второй брат АPOSEВАТАСА, дядя АБДЕРАХИМА, владел крепостью Манцикиерт и всеми выше означенными странами, а когда умер и он, владел третий брат, то есть АPOSEВАТАСА и АПОЛЕСФУЕТА, АПОСЕЛМИ и Манцикиертом, и всеми прежде названными странами. [Знай], что АPOSEВАТАС имел сына АБДЕРАХИМА и [еще] АПЕЛМУЗЕ[27]. [Знай], что АПОЛЕСФУЕТ имел пасынка и племянника АХАМЕТА, ибо дуло у него сына, а пасынка и племянника своего он считал за сына. [Знай], что АПОСЕЛМИ имел сына АПЕЛВАРТА, ныне владеющего Манцикиертом.

[Знай], что, когда умер АPOSEВАТАС, он оставил эмиром АБДЕРАХИМА, своего сына; второй же его сын АПЕЛМУЗЕ был слишком мал и поэтому был не принят во внимание для занятия власти отца и своего брата.

[Знай], что АPOSEВАТАС, старший брат, сидел в крепости Манцикиерт владел, как сказано, следующими странами: АПАХУНИС, КОРИ и ХАРКА. Он давал за них пакты василевсу ромеев. Когда он умер, владел его сын АБДЕРАХИМ и сам платил вышеупомянутые пакты, ибо, как сказано, брат его АПЕЛМУЗЕ был совершенно мал.

[Знай], что, когда умер АБДЕРАХИМ, а брат его АПЕЛМУЗЕ был не принят в расчет как ребенок, владел крепостью Манцикиерт и подчиненными ей вышеназванными странами второй брат АPOSEВАТАСА, ранее упомянутый АПОЛЕСФУЕТ, дядя АБДЕРАХИМА, и из-за младенчества оставленного в небрежении брата его АПЕЛМУЗЕ.

[Знай], что, когда умер АПОЛЕСФУЕТ, крепостью Манцикиерт вместе с ранее названными местами владел третий брат АPOSEВАТАСА, то есть АПОСЕЛМИ. А названные выше АХАМЕТ, племянник и пасынок АПОЛЕСФУЕТА, с ведома и по желанию АПОЛЕСФУЕТА владел ХЛИАТОМ, АРЦЕСОМ и ПЕРКРИ. Ибо АПОЛЕСФУЕТ, не имея сына, как сказано ранее, этого племянника и пасынка своего считал наследником всего своего имущества, крепостей и своих земель.

[Знай], что, когда умер АПОСЕЛМИ, владел крепостью Манцикиерт с его округой его сын АПЕЛВАРТ. А АХМЕТ владел тремя крепостями: крепостью ХЛИАТ, крепостью АРЦЕС и крепостью АЛЦИКЕ.

[Знай], что этот АХМЕТ был рабом василевса, как выше сказано, пре доставляя пакты и за себя самого, и за своего дядю АПОЛЕСФУЕТА. Но АПЕЛВАРТ хитростью и коварством умертвил его и захватил три эти крепости:

крепость ХЛИАТ, крепость АРЦЕС и крепость АЛЦИКЕ. Василеве должен вернуть их как являющиеся его собственностью.

[Знай], что все эти вышеназванные крепости и ранее упомянутые страны де были под властью Персии или под властью амермумна, но находились, как сказано, в дни господина василевса ЛЬВА под властью Симватия, архонта архонтов, а после этого оказались под властью трех братьев, вышеозначенных эмиров: АPOSEВАТАСА, АПОЛЕСФУЕТА и АПОСЕЛМИ. В их дни они были подчинены,

обложены пактом и оказались под властью василевсов ромеев.

[Знай], что, если василевс владеет этими тремя крепостями, Хлиатом, Арцесом и Перкри, персидское войско не может выступать против Романии, поскольку они находятся между Романией и Арменией и являются заслоном и стоянками для войск[28].

45. Об ивирах

Должно знать, что ивиры, а именно - люди куроалата[1], похваляясь, утверждают, что происходят от жены Урии (Хеттеянина), прелюбодействовавшей с Давидом, пророком и василевсом. Они происходят, по их словам, от рожденных ею детей Давида, являются родственниками Давида, пророка и василевса, а тем самым и пресвятой богородицы, ибо и она происходила от семени Давидова. Поэтому мегистаны[2] ивигов беспрепятственно берут в жены своих родственниц, полагая, что соблюдают древнее законоположение. Они говорят, что род их идет из Иерусалима и что они были предупреждены во сне уйти из тамошних мест и поселиться в краях Персии, а именно - в той стране, в которой живут ныне. Предупрежденными же и ушедшими из Иерусалима были знаменитый Давид и его брат Спандиат[3]. Этот Спандиат, как они утверждают, обрел от бога милость не быть пораженным в битве мечом в любой член тела, кроме сердца, которое он и защищал в сражениях неким прикрытием. Поэтому персы боялись и страшились его, а он победил и подчинил их и поселил своих родичей ивигов в труднодоступных местах, находящихся и ныне в их владении, из которых они понемногу расселились, увеличившись в числе и став великим народом. Итак, впоследствии, когда василевс Ираклий[4] выступил войной против Персии, они соединились с ним и участвовали в походе и с тех пор подчинили (скорее страхом перед Ираклием, василевсом ромеев, чем собственной силой и могуществом) много городов и мест персов, поскольку со времени, когда василевс Ираклий победил персов и в ничто обратил их царство, персы стали легко одолимы и готовы к покорности не только для ивигов, но и для сарацин. Поскольку, как они сами говорят, они происходят из Иерусалима, постольку великое почтение они питают к нему и к гробу господина нашего Иисуса Христа, и от времени до времени щедро шлют деньги патриарху святого града и тамошним христианам[5]. А вышеозначенный Давид, брат Спандиата, породил Панкратия, Панкратий породил Асотия, Асотий - Адранасэ[6], которого Лев, христоролюбивый василевс ромеев, почтил саном куроалата. Спандиат же, брат ранее названного Давида, умер бездетным. Со времени переселения их из Иерусалима в ныне населяемую ими страну минуло до сей поры (то есть до 10 индикта 6460 года от сотворения мира[7]), до царствования Константина и Романа, христоролюбивых и багрянородных василевсов ромеев[8], - 400 лет или даже 500.

Следует знать, что христоролюбивый и багрянородный приснопамятный василевс Лев, услышав, что в месте под названием Фасиана[9] сарацины, придя, обратили тамошние церкви в крепости, послал патрикия, стратига Армениаков[10] Лалакону[11] вместе со стратигом Колонии[12], стратигом Месопотамии[13] и стратигом Халдии[14], и они разрушили эти крепости, освободив церкви и разорив всю Фасиану, находившуюся в то время во владении сарацин. Затем он снова отправил магистра Катакалона, доместика схол[15], который, придя к крепости Феодосиуполь[16] и опустошив всю округу, предав страну Фасиану и крепости вокруг нее той же гибели, вернул нанесенный таким образом великий удар по сарацинам. А в царствование господина василевса Романа магистр Иоанн Куркуас, отправившись против крепости Тивия, на пути к ней разорил всю страну Фасиану, ибо ею владели сарацины. Но и патрикий Феофил, брат ранее названного магистра Иоанна, когда он впервые был стратигом в Халдии, разграбил эту страну Фасиану, так как и тогда она была во власти сарацин. Ибо пока не был заключен договор с феодосиуполитами, в стране Фасиане не оставалось ни деревни, как и у крепости Авник[17]. А ивиры постоянно хранили любовь и дружбу с феодосиуполитами, авникиотами, манцикиертцами и со всей Персией, но в Фасиане они никогда не овладевали [какими-либо] местами.

[Знай], что господин Лев, василевс, и господин Роман, и сама наша царственность неоднократно домогались крепости Кецеон[18], чтобы захватить ее и ввести [туда] таксатов[19] (дабы Феодосиуполь не получал оттуда снабжение хлебом), и уверяли и куроалата, и его братьев[20], что, после того как Феодосиуполь будет взят, они [вновь] получают эту крепость. Но ивиры не согласились сделать это из-за любви к феодосиуполитам и из нежелания, чтобы крепость Феодосиуполь была разорена. Напротив, они возражали господину Роману и нашей царственности, говоря: "Если мы делаем это, мы можем показаться бесчестными в глазах соседей наших, например - магистра и эксусиаста Авасгии[21], Васпараканита[22] и правителей армян[23]. Они смогут сказать, что василевс считает ивигов неверными, и куроалата, и братьев его, что он не доверяет им и потому забрал у них крепость. Лучше пусть василевс пошлет турмарха[24] или какого-нибудь василика, и пусть тот сидит в крепости Кецеон и надзирает". И они получили отповедь в повелении: "Какая польза посылать турмарха или василика? Даже если вступит [в крепость] либо турмарх, либо василик, то он может войти [лишь] с десятью или двенадцатью людьми и сумеет [с ними] расположиться на постой, который он получит у вас. Но

поскольку много существует путей, которые ведут в крепость Феодосиуполя, он не может видеть из крепости караваны[25], входящие в крепость Феодосиуполя, а караваны могут вступать в Феодосиуполь ночью, когда те ничего не подозревают". Итак, из-за нежелания ивигов, чтобы Феодосиуполь был разграблен, а скорее - ради того, чтобы он был снабжен хлебом они не послушались и не отдавали крепость Кецеон, хотя получили и письменные клятвы, что, после того как Феодосиуполь будет взят, эта крепость будет возвращена им.

[Знай], что ивиры никогда не испытывали желания грабить или пленять в округе крепости Феодосиуполя или его деревень, или в крепости Авникий, или в деревнях вокруг него, или в крепости Манцикиерт и в ее владениях.

[Знай], что, поскольку куропалат настаивает на местах Фасианы, домогаясь всей Фасианы и крепости Авникий, под тем предлогом, что он имеет хрисовулы блаженного василевса господина Романа и нашей царственности, копии их он и послал нам с протоспафарием Зурванелом[26], своим азатом[27], рассмотрев их, мы обнаружили, что они не имеют никакой силы. Ведь хрисовул нашего тестя содержит обещание самого куропалата, как он подтвердил это клятвой, подписавшись собственной рукой, хранить верность нашей царственности, сражаться с нашими врагами, а друзей защищать, подчинить восток нашей царственности, овладевать крепостями и совершать великие дела к угоде нашей[28]. А ему было обещано тестем нашим, что если он будет блюсти такую верную службу и благоразумие, то пребудет неколебимым и сам, и его родичи во власти своей и господстве, и [василевс] не изменит границы его мест, но сохранит их в соответствии с договорами с прежними василевсами и не переступит по ту сторону рубежей, что [василевс] не препятствует ему в разрушении Феодосиуполя и прочих вражеских крепостей, хотя бы он осаждал их один или с помощью нашего войска. Вот какие пункты содержат хрисовулы, которые не дают куропалату никакого оправдания, ибо один из них, [хрисовул] тестя нашего, возвещает, что мы не оттесняем его от древних пределов его страны и, если он может, один ли или с нашим войском, то да осадит и разрушит Феодосиуполь и прочие крепости врагов, но не овладеет ими в полную собственность и господство; другой же [хрисовул] - нашей царственности - гласит, что какие бы места он сам ни был в состоянии [ныне] собственною силой подчинить у агарян (как и его племянник, магистр Адранасэ)[29] или ни подчинил впредь, то да имеет их в собственности и господстве. Поскольку он собственной силой не подчинил ни Феодосиуполя, ни Авникия, ни Мастата[30], то не должен и владеть ими, как находящимися по сю сторону реки Эракса[31], то есть Фасиса, ибо крепость Авникий донене была самостоятельной и самовластной, имеющей собственного эмира. Неоднократно войско василевса разоряло ее, да и протоспафарий и стратиг Иоанн Арравонит[32], и патрикий Феофил, ныне стратиг Феодосиуполя, и прочие стратиго брала в ней великую добычу и полон, сжигая ее деревни, тогда как куропалат никогда не разорял ее. Когда ее деревни были опустошены нашей царственностью, подкрались ивиры и завладели ими, пытаясь затем захватить крепость. Эмир же, часто побуждаемый патрикием и стратигом Феофилом и видящий, что ниоткуда не получает он надежд на жизнь, покорился и согласился стать рабом нашей царственности, отдав заложником собственного сына. Мастат, однако, оставался у феодосиуполитов. Когда магистр Иоанн осаждал Феодосиуполь в течение семи месяцев, то из-за того, что не смог овладеть им, он, послав войско, взял эту крепость Мастат и ввел в нее протоспафария Петрону Воилу[33], бывшего тогда катепаном Никополя. А магистр Панкратий[34], участвовавший в походе на Феодосиуполь вместе с самим магистром [Иоанном], когда тот собрался уходить, попросил отдать ему эту крепость, принеся ему письменную клятву держать ее и никогда не отдавать сарацинам. Поскольку Панкратий был христианином и рабом нашей царственности, [Иоанн], поверив его клятве, отдал крепость названному Панкратию, а тот вновь вернул ее феодосиуполитам. Когда Феодосиуполь был взят, ивиры, подобравшись [к Мастату], овладели им. Итак, у них нет оснований требовать ни крепости Мастат, ни Авникия. Но так как куропалат является верным и истинным рабом и "другом" нашим[35], то в соответствии с его просьбой границей Фасианы да будет река Эракс, то есть Фасис[36], так что левой стороной от нее, в направлении к Ивирии, пусть владеют ивиры, а правая, которая обращена к Феодосиуполю 7, будь там крепости или деревни, пусть находится у нашей царственности, иначе говоря - чтобы река была границей между обеими сторонами, как блаженный Иоанн Куркуас, когда он был еще жив, на вопрос об этом сказал, что река удобна в качестве границы. Истинное же право не обосновывает никакой власти куропалата ни на владение землями по его сторону реки, ни на обладание ими по ту сторону, ибо все эти места феодосиуполитов пленили и выжгли войска нашей царственности, и никогда без нашего войска ивиры не выступали и не разоряли Феодосиуполя, а, напротив, относились к его жителям всегда как к друзьям и торговали с ними. На словах они хотели бы, чтобы Феодосиуполь был захвачен, а в глубине сердца никогда не желали, чтобы он был взят. Но царственность наша, как сказано, из любви к куропалату пожелала, чтобы река Эракс, или Фасис, служили границей меж обеими сторонами, и [ивиры] должны довольствоваться означенными владениями и не домогаться ничего большего.

Да будет известно, что Панкратий и Давид Мабалис, а это означает "всесвятой", были сыновьями великого Симватия Ивира[3]. Ардануци достался в наследство Панкратию, а Давид получил иную страну. Панкратий породил трех сыновей, Адранасера, Куркения и патрикия Асотия (он же Кискасис)[4], и разделил меж ними свою страну. Ардануци достался его сыну Куркению[5], а когда тот умер бездетным, он оставил его своему брату Асотию, то есть Кискасису. Патрикий же Асотий, он же Кискасис, взял в зятя по своей дочери известного Куркения, магистра, который, укрепившись, насильно отобрал у своего тестя Асотия Ардануци и отдал ему взамен Тирокастрон[6] и поречье Ацары[7], являющейся границей Романии у Колорина. Женой же патрикия Асотия Кискасиса была сестра магистра Георгия, экскусиаста Авагии[8]. Когда поднялись друг против друга магистр Куркений и магистр Георгий, экскусиаст Авагии, то из-за того, что патрикий Асотий был в военном союзе с экскусиастом Авагии, Куркений, одолев, отнял и возмещение, которое он дал ему за Ардануци, изгнал его, и тот ушел в Авагию. Когда умер магистр Куркений, Ардануци был оставлен его жене, дочери патрикия Асотия Кискасиса, как ее вотчина. А когда страну магистра Куркения делили оружием куропалат Асотий, магистр Георгий, экскусиаст Авагии, и магистр Панкратий, брат вышеназванного куропалата, они пришли, [наконец], к соглашению и каждый взял находящееся поблизости от него. Ардануци лежал по соседству с Симватием, сыном ранее упомянутого Давида. Тогда все они захватили жену магистра Куркения, то есть дочь патрикия Асотия Кискасиса, говоря [ей] так: "Ты, будучи женщиной, не можешь владеть крепостью". И отдал тогда Симватий в возмещение за крепость женщине [иные] деревни и забрал эту крепость Ардануци.

Должно знать, что между этими ивирами имеется следующий вид родства. Мать Давида и [мать] Адранасэ куропалата, отца нынешнего куропалата Асотия, были дочерьми двух братьев, то есть двоюродными сестрами. Женой Симватия, сына Давида, была дочь магистра Панкратия, отца Адранасэ, нынешнего магистра, а когда она умерла, Адранасэ взял сестру Симватия, сына Давида.

[Знай], что крепость Ардануци весьма сильна, обладает она и большим рабством[9], подобно небольшому городу[10]; товары из Трапезунда, из Ивирии, из Авагии, из всех армянских стран и из Сирии приходят туда, и она взимает с этих товаров огромный коммеркий[11]. Область[12] же крепости Ардануци, то есть Арци, велика и плодородна и является ключом и к Ивирии, и к Авагии, и к мисхиям[13].

[Знай], что блаженный василевс господин Роман отправил патрикия и друнгария флота Константина[14], бывшего в то время протоспафарием и манглавитом[15], дав ему магистратский иматий[16], для того чтобы сделать магистром Куркения Ивира. После того как патрикий и друнгарий флота Константин, уйдя, дошел до Никомидии[17], [в Константинополь] вошел монах Агапий из обители Кимина, который в то время посетил святой град[18] ради поклонения. Когда он проходил по Ивирии, он побывал в крепости Ардануци. Патрикий Асотий, называвшийся также Кискасис, враждовал [тогда] со своим зятем Куркением и сказал монаху Агапию; "Заклинаю тебя богом и силою честного и животворящего креста, чтобы ты, уйдя в город, сказал василевсу, дабы он послал [людей], принял мою крепость и имел ее под своею властью". Монах Агапий, вступив в город, рассказал василевсу о том, что говорил ему патрикий Асотий Кискасис. Поскольку же вышеназванный патрикий и друнгарий флота Константин находился в Никомидии по ранее упомянутому делу об избрании Курения Ивира в магистры, он получил по повелению василевса питтакий[19] патрикия Симеона протоасикрита[20], гласящий: "Святой наш василевс повелевает оставить все твои поручения и срочно отправиться к патрикию Асотию, называемому также Кискасисом, и принять его крепость Ардануци, ибо он известил нашего святого василевса через монаха Агапия, чтобы был послан верный и близкий человек для принятия его крепости Ардануци. Когда ты прибудешь в Халдию, возьми дельных архонтов, которых уы знаешь как мужественных и верных людей, вступи и овладей этой крепостью". Когда патрикий и друнгарий флота Константин прибыл в Халдию, он взял дельных турмархов и архонтов и войско числом до 300 человек и вступил в Ивирию, его перехватил блаженный Давид, брат Асотия, нынешнего куропалата[21], спросив его: "Куда ты послан василевсом, какую службу ты должен исполнить, ведя с собою такое войско?" Ибо они опасались из-за смерти куропалата Адранасэ, как бы василевс не решил возвести в куропалаты Куркения, так как тем временем сыновья куропалата Адранасэ после смерти их отца имели некие раздоры со своим двоюродным братом. Поскольку Куркений отправил к василевсу с великими дарами своего первого человека[22], прося о куропалатстве или о магистрате, четверо братьев, а именно - сыновья куропалата Адранасэ, подозревали, что [Константин] прибыл туда ради того, чтобы сделать Куркения куропалатом. Патрикий Константин, однако, ответил: "Я веду такое войско, чтобы возвести в магистры Куркения". После того как этот патрикий Константин прибыл в страну Куркения, он почтил его как магистра и, простившись с ним, [сказал]: "Я отправляюсь к магистру Давиду". Сей патрикий Константин имел повеление от василевса и подарки также для Давида. И вступил он в крепость патрикия Асотия Кискасиса, в Ардануци, и отдал ему повеление для него от василевса, гласящее что-то не о крепости Ардануци,

а о других делах. Сказал же ему патрикий Константин следующее: "Хотя повеление ничего не говорит о крепости Ардануци, но, так как монах Агапий пришел к василевсу и известил его о том, что ты заявил о крепости Ардануци, василевс и послал меня, чтобы я принял крепость и ввел в нее приведенное [мною] войско". Поскольку же, как ранее упомянуто, патрикий Асотий Кискасис находился во вражде со своим зятем Куркением, он предпочел отдать свою крепость василевсу. Патрикий Константин имел с собой знамена и дал [одно из них] патрикию Асотию Кискасису. Тот же, укрепив его на копье, передал патрикию Константину со словами: "Водрузи это наверху стены, чтобы ведали все, что от нынешнего дня эта крепость является крепостью василевса". И когда патрикий Константин совершил это, водрузил знамя на верху стены и, согласно обычаю, восславил василевсов ромеев, всем стало известно, что патрикий Асотий - он же Кискасис - подарил крепость Ардануци василевсу. Итак, великий Давид не отдал свою страну василевсу, хотя она близка к границам турмы Акамси и Мургулы[23]. Итак, патрикий Константин известил василевса, отправив два донесения, одно повествующее о том, как он почтил Куркения в магистры и как Куркений принял магистрат и восславил василевса, другое же, рассказывающее о крепости Ардануци, как он принял ее от патрикия Асотия Кискасиса, о том, что великий раздор и вражду имеют друг с другом патрикий Асотий и его зять магистр Куркений, и о том, чтобы василевс [поэтому] послал подмогу для защиты этой крепости и, если это возможно, чтобы прибыл [туда] и domestik схол[24]. Видя [все] это, ивиры, и магистр Куркений, и магистр Давид, брат куропалата Асотия, написали василевсу: "Если твоя царственность соглашается на это и вступает в глубь нашей страны, мы отходим от служения твоей царственности и соединяемся с сарацинами, поскольку можем выдержать битвы и войны с ромеями и, будучи вынуждены, можем двинуть войско и против крепости Ардануци, и против ее области, и против самой Романии". Прочтя это в грамотах вышеназванных архонтов, услышав [то же] от посланных ими людей и боясь, как бы они не соединились с сарацинами и не привели войска Персии против Романии, василевс отрекся, заявляя: "Я не писал протоспафарию и манглавиту Константину об этой крепости и ее области, чтобы он принял ее, а он, так сказать, по собственному неразумию сделал это". Так сказал василевс, желая окончательно успокоить их, а сам протоспафарий и манглавит Константин получил приказ, исполненный оскорблений и угроз: "Кто велел тебе делать это? Поскорее уходи из крепости, заведи Асотия, сына покойного куропалата Адранасэ, и приведи его сюда, чтобы мы почтили его саном его отца, куропалата". Получив это, патрикий Константин оставил патрикия асотия Кискасиса в его крепости Ардануци, а сам, выступив, отправился к великому Давиду, передал ему повеление, которое имел для него, вернулся, вступил в Ивирию и нашел собравшихся воедино и магистра Куркения, и магистра Давида, брата куропалата Асотия. И начали они задирать и поносить патрикия Константина, говоря: "Ты оказался скрытным и дурным человеком, ибо не сказал нам о крепости Ардануци, что собираешься овладеть ею". И еще: "Не подходит это василевсу - владеть ею, ибо мы запросили по этому делу василевса и узнали, что василевс совершенно не ведает об этом деле, а ты сделал это из дружбы к патрикию Асотию Кискасису". Патрикий же Константин, возразив им, как подобает, взял Асотия, сына куропалата Адранасэ, привел его в город, и он был почтен василевсом в куропалаты[25].

Что же сказать относительно случившегося в какие-либо времена между ромеями и различными иноплеменными народами? Ибо достойно, дражайший сын, чтобы ты не избегал знания об этом, дабы в подобных случаях, когда произойдет то же самое, у тебя благодаря предварительной осведомленности нашлось удобное противодействие[26].

47. О переселении киприотов история повествует следующее

Когда остров был захвачен сарацинами[1] и в течение семи лет оставался ненаселенным[2], а архиепископ Иоанн[3] со своим народом[4] прибыл в царственный город, от василевса Юстиниана[5] случилось пожелание[6] на шестом святом синоде[7], чтобы тот вместе с его епископами и с народом острова получил Кизик[8] и совершал бы хиротонию[9], когда где не случится епископа, до тех пор пока не восстановятся самовластие и права Кипра (ибо и сам василевс Юстиниан был киприотом, как доньше от древних киприотов утвердилось мнение[10]), так что было решено на святом шестом синоде рукоположить архиепископа Кипра проедром[11] Кизика, как записано в 39-й главе этого шестого святого синода.

Через семь лет по божьей воле василевс был побужден вновь заселить Кипр[12]. Он отправил к амермуму Багдада[13] трех знатных киприотов, бывших уроженцами этого острова, называвшихся Фангумисами[14], вместе с неким разумным видным василиком[15], написав амермуму, чтобы он отпустил на место находившийся в Сирии народ острова Кипра[16]. Вняв письму василевса, амермум разослал по всем [частям] Сирии знатных сарацин, собрал всех киприотов и переправил на место. Василевс же также отправил василика и переправил тоже живших в Романии [киприотов], то есть в Кизике, в Кивирреотах и во Фракисиях[17]. И остров был заселен.

48. Глава 39-я шестого святого синода, случившегося в Трулле большого дворца[1]

Поскольку брат и сослужитель наш Иоанн, проедр острова киприотов, вместе со своим народом переселился в Геллеспонтскую епархию - по причине варварских набегов и для того, чтобы избавиться от неволи у иноплеменников и подчиниться лишь скипетрам христианнейшей власти - из-за упомянутого переселения с острова, по провидению человеколюбивого бога и трудами христоролюбивого и благочестивого нашего василевса, мы постановляем, чтобы сохранились неизменными права, предоставленные некогда богоносными отцами в Эфесе трону ранее названного мужа[2], чтобы Новый Юстиниануполь[3] обладал правами города Константинианы, а в нем поставленный боголюбивейшей епископ стоял над всеми Геллеспонтскими епархиями[4] и чтобы он рукополагался собственными епископами, в согласии с древним обычаем (ибо решили богоносные наши отцы, дабы сохранялись обычаи в каждой церкви), так что епископ города кизикинов подчинен проедру названного Юстиниануполя, подобно прочим всем епископам, подвластным упомянутому боголюбивейшему проедру Иоанну, от которого, ежели потребует необходимость, будет рукополагаться и епископ самого города кизикинов[5].

Так как мы столь детально изложили тебе и поведали выше об иноплеменных народах, справедливо было бы, чтобы ты обрел верное знание не только о переменах в управляемом нами государстве, но и обо всем царстве ромеев в различные времена[6], так, чтобы осведомленность о более близком и о собственном, упрочившись в тебе более, чем в других, сделала тебя более желанным для подданных[7].

Следует знать[8], что при Константине, сыне Константина, называемого также Погонатом[9], некий Каллиник[10], перебежавший к ромеям из Илиуполя[11], изготовил жидкий огонь[12], выбрасываемый через сифоны, с помощью которого ромеи, сжегши флот сарацин у Кизика, добыли победу.

49. Спрашивающий, каким образом славяне были поставлены на службу и в подчинение[1] церкви Патр[2], пусть узнает из настоящего описания

Когда скипетр ромеев держал Никифор, они, находясь в феме Пелопоннес[3] и задумав восстание, захватили сначала дома соседних греков учинили грабеж[4]. Затем же, двинувшись на жителей города Патр[5], они торили равнины у его стен и осадили самый [город][6], имея с собою также африканских сарацин[7]. Когда прошло достаточно времени и у наводящихся внутри стен начал сказываться недостаток необходимого, и в воде и в пище, они вынесли решение вступить в соглашение, получить заверение в безопасности и тогда подчинить им город[8]. Поскольку, впрочем, тогдашний стратиг[9] находился на границе фемы в крепости Коринф[10] и была надежда, что он придет и нападет на народ славян, ибо заранее был оповещен архонтами[11] об их набеге, жители города постановили - прежде всего отправить посланцев в находящиеся к востоку части гор, понаблюдать и вызнать, не приближается ли стратиг, дав наказы и знак посланному, чтобы он, если увидит идущего стратига, при своем возвращении склонил знамя, как свидетельство о приходе стратига, а если этого нет, то чтобы держал знамя прямо, дабы впредь они не надеялись на приход стратига. Итак, лазутчик, уйдя и узнав, что стратиг не приближается[12], вернулся, держа знамя прямо. Однако по благости божией, ради заступничества апостола Андрея, когда конь споткнулся и всадник покачнулся[13], знамя склонилось, и жители крепости, увидя данный знак и с уверенностью полагая, что стратиг подходит, открыли ворота крепости и храбро бросились на славян[14]. Воочию узрели они и перевозванного апостола, верхом на коне, вскачь несущегося на варваров[15]. Разгромив, разумеется, их наголову, рассеяв и отогнав далеко от крепости, он обратил их в бегство. А варвары, видя это, будучи поражены и ошеломлены неудержимым натиском против них непобедимого и неодолимого воина, стратига, таксиарха[16], триумфатора и победоносца, перевозванного го апостола Андрея, пришли в замешательство, дрогнули, ибо страх обуял их, и бежали в его всесвятой храм[17].

Итак, стратиг, когда прибыл на третий день после разгрома и узнал о победе апостола, сообщил василевсу Никифору и о набеге славян, и о грабеже, полоне, разорении, опустошении и иных ужасах, которые при набеге они причинили краям Ахеи[18], а также о многодневной осаде и непрерывном нападении на жителей крепости, как и о попечении, заступничестве, разгроме и полной победе, свершенной апостолом, как его воочию видели скачущим, преследующим врагов за их спинами и поражающим их, так что сами варвары осознали попечение о нас и заступничество апостола и посему сами искали убежища в его благочестивом храме. Василеве же, узнав об этом, распорядился так: "Поскольку разгром и полная победа одержаны апостолом, долгом является отдать ему все воинство неприятелей, добычу и доспехи". И он повелел, чтобы и сами враги со всеми их семьями, родичами и всеми им принадлежащими, а также и все их имущество были уделены храму апостола в митрополии Патр[19], в которой перевозанный ученик

Христа свершил подвиг в борьбе[20]; и выдал о сем сигиллий этой митрополии[21].

Старые люди и еще ранее жившие поведали об этом, передавая устно последующим временам и людям, дабы, согласно пророку, грядущее поколение ведало о чуде, случившемся по заступничеству апостола, передало и рассказало о нем своим сыновьям, дабы они не забыли о благодеяниях, которые свершил бог через заступничество апостола[22]. С тех пор, таким образом, отданные митрополии славяне кормят стратигов, василиков и всех отправляемых народами в качестве заложников посланцев[23], имея для этого собственных стольников[24], поваров и всяких приготовителей пищи для стола, тогда как митрополия ничем не отягчается для этого, а славяне сами доставляют эти припасы[25] согласно распределению и соучастию своей общины[26]. Впрочем, приснопамятный и мудрейший василевс Лев издал сигиллий[27], тщательно перечисляющий, что должны предоставлять эти приписанные к митрополиту люди[28], чтобы он не обирал их или чтобы как-либо иначе, по несправедливому измышлению, не подвергал их взысканиям[29].

50. О славянах в феме Пелопоннес[1], о милингах и эзеритах[2], и об уплачиваемых ими пактах[3], как и о жителях крепости Майна[4] и об уплачиваемом ими пакте

Следует знать, что славяне фемы Пелопоннес, восстав во дни василевса Аеофила и его сына Михаила, стали самостоятельными, творя грабеж, драбощение, разбой, поджоги и воровство[5]. В царствование Михаила, сына Феофила, в фему Пелопоннес был послан стратигом[6] протоспафарий[7] Феоктист[8], прозвище которого от Вриенниев[9], с войском и крупными силами, а именно с фракийцами, македонцами и прочими западными Аемами, чтобы воевать с ними и подчинить их[10]. И он подчинил и покорил "сех славян и прочих не подвластных[11] в феме Пелопоннес, остались, однако, одни милинги и эзериты[12] у Лакедемонии[13] и Элоса[14]. Так как там есть большая и очень высокая гора, по названию Пентадактил[15], и так как она, наподобие шеи, вдается на большое расстояние в море, а также потому, что место это трудно доступно, они поселились по склонам этой горы, на одной стороне милинги, а на другой - эзериты[16]. Вышеупомянутый протоспафарий и стратиг Пелопоннеса Феоктист, будучи в состоянии подчинить и их[17], наложил на милингов 60 номисм, а на эзеритов 300, которые они и уплачивали, когда он был стратигом[18], как вплоть доныне слух об этом сохранился у местных жителей[19]. Но в царствование господина василевса Романа[20] являвшийся стратигом в этой феме протоспафарий Иоанн Протевон[21] донес самому господину Роману о милингах и эзеритах, то, восстав, они ни стратига не слушаются, ни царскому повелению не подчиняются[22], а являются как бы независимыми и самоуправляющимися[23], не принимают от стратига архонта[24], не согласны ходить с ним в военные походы, не склонны исполнять иные службы для казны. Пока дошло его донесение[25], стратигом для Пелопоннеса был избран протоспафарий Кринит Аротра[26]. Когда донесение протоспафария и стратига Иоанна Протевона, извещающее о восстании упомянутых выше славян и о дурном повиновении, а вернее - неповиновении приказам василевса, прибыло и было пред ликом василевса господина Романа прочитано, сему протоспафарию Криниту было ведено, чтобы он, поскольку они оказались в таком восстании и неповиновении, выступил против них, разгромил в борьбе, покорил и уничтожил их[27]. Итак, начав войну против них в марте месяце, сжегши их посева и разорив всю их землю, он преодолевал их сопротивление и вражду до месяца ноября[28]. С этого времени, видя свою погибель, они попросили о переговорах по поводу подчинения и о том, чтобы явилось прощение за совершенное ранее[29]. Поэтому названный выше протоспафарий и стратиг Кринит наложил на них более тяжелые пакты, чем они платили: на милингов сверх 60 номисм, которые они платили прежде, 540 номисм, так что весь пакт их составил 600 номисм, а на эзеритов - сверх 300 номисм, уплачивавшихся ранее, еще 300 номисм, так что весь их пакт возрос до 600 номисм[30], которые сам протоспафарий Кринит взыскал и внес в бога хранимый китон[31]. Когда же протоспафарий Кринит был перемещен в фему Эллада[32], а стратигом в Пелопоннес был избран Варда Платипод[33], когда беспорядок и мятеж случился от этого протоспафария Варды Платипода и от его единомышленников - протоспафариев и архонтов[34], изгнавших из фемы протоспафария Льва Агеласта[35], и когда тотчас последовало и нападение слависианов[36] на эту фему, эти славяне[37], то есть милинги и эзериты[38], направили посланцев к господину Роману василевсу, упрашивая и умоляя простить им добавки к пактам[39], чтобы платить им, как они платили раньше. Поскольку же, как было упомянуто, вторглись в фему Пелопоннес слависианы, василевс, боясь, чтобы они, присоединясь к славянам, не учинили полной гибели этой фемы[40], дал им хрисовул[41], дабы они платили пакты, как и раньше: милинги - 60 номисм, а эзериты - 300 [номисм][42]. Итак, такова причина добавки к пактам и ее снятия для милингов и эзеритов.

Да будет ведомо, что жители крепости Майна[43] происходят не от племени ранее упоминавшихся славян, а от более древних ромеев[44], которые и до сего дня называются у местных людей эллинами, ибо в более отдаленные времена были идолопоклонниками и почитателями идолов, наподобие древних эллинов, а стали христианами, будучи крещены [лишь]

в царствование приснопамятного Василия[45]. Место же, в котором они обитают, безводно и недоступно, однако богато оливами, что и доставляет им утешение[46]. А расположено это место у грани Малей, то есть по ту сторону Эзера по направлению к приморью[47]. По той причине, что они полностью были подчинены и принимали архонта от стратига, повиновались и подчинялись приказам стратига[48], они вносили с давних времен[49] дакт в 400 номисм[50].

Должно знать[51], что стратигида[52] Каппадокия[53] была старой турмой[54] стратигиды Анатолики[55].

Должно знать, что стратигида Кефаллиния[56], то есть островки, была древней турмой стратигиды Лагувардия[57], а стратигидой стала при Льве, христоролюбивом деспоте[58].

Должно знать, что стратигида Калаврия[59] была старым дукатом[60] стратигиды Сицилия.

Должно знать, что стратигида Харсиан[61] была древней турмой стратигиды Армениаки[62].

Должно знать, что при христоролюбивом деспоте Льве от фемы Вукелларии[63] были переданы в фему Каппадоки следующие банды[64]: топотирисия[65] Варета[66], топотирисия Валвадона, топотирисия Аспона и топотирисия Акаркус; а от фемы Анатолики в фему Каппадоки были переведены следующие банды: топотирисия Евдокиад, топотирисия "Святой Агапит", топотирисия Афразия. И эти семь банд, то есть четыре от Вукеллариев и три от Анатоликов, стали одной турмой, ныне называемой Коммата.

Должно знать, что при христоролюбивом деспоте Льве от фемы Вукелларии в фему Харсиан были переданы следующие банды: топотирисия Мириокефал, топотирисия Тимиос Ставрос и топотирисия Веринуполь, и стали они турмой, теперь называемой Саниана. А от фемы Армениаки в фему Харсиан были переведены следующие банды: топотирисия Комодром и топотирисия Тавиа и были добавлены к упомянутой турме Харсиан. От Каппадоков же в фему Харсиан были переданы следующие банды: турма Каса целиком и топотирисия Нисса с Кесарией[67].

Да будет известно, что в прошлые времена фема Хозан находилась под сарацинами[68], подобно тому как и сама фема Асмосат была под сарацинами. А Ханзит и Романополь[69] были клисурами мелитиниатов[70]. От горы Фатилан все по ту сторону принадлежало сарацинам, а Текис[71] был у Мануила[72]. Камаха[73] же была пограничной турмой Колонии, а турма Кельцина относилась к Халдии[74]. Месопотамия же в то время не была фемой[75]. Однако христоролюбивый и вечнопамятный василевс Лев, дав слово, вывел известного Мануила из Текиса, ввел его в Константинополь и сделал протоспафарием[76]. Имеет же этот Мануил четырех сыновей, Панкратуку, Иахнуку, Мудафара и Иоанна[77]. Панкратуку василевс сделал иканатом[78], а затем стратигом в Вукеллариях, Иахнуку сделал стратигом в Никополе[79], а Мудафару и Иоанну дал царскую землю[80] в Трапезунде, почти всех достоинствами[81] и сделал им много благодеяний. И создал тогда василевс фему Месопотамия[82], и избрал известного Ореста Харсианита[83] стратигом [ее]. В то время он повелел, чтобы турма Камаха была под фемой Месопотамия, а потом также подчинил турму Кельцина той же феме Месопотамия. Ныне же все они, оказавшись под властью ромеев, добавлены при деспоте Романе к феме Месопотамия, и Романополь, и Ханзит.

Должно знать, что при христоролюбивом деспоте Льве Лариса[84] была турмой Севастии, Кимвалей был турмой Харсиана, а Симпосий[85] был пустыней, простиравшейся до краев Ликанда[86]. В царствование христоролюбивого деспота Льва Евстафий, сын Аргири, отозванный из изгнания, был избран стратигом в Харсиан, а Мелиа был еще беглецом в Мелитине[87]. И Ваасакий с двумя своими братьями, Крикорикием и Пазуной, как и известный Исмаил Армянин, написали и самому [василевсу], и упомянутому Аргиру о том, чтобы получить им посредством хрисовула обещание, выйти и быть поставленными[88] - Ваасакию и его братьям в Ларису с присвоением Ваасакию имени клисурарха[89] Ларисы, что и случилось, а Исмаилу - клисурархом в Симпосий, что также произошло, Мелии же стать турмархом в Евфратии, в Трипии[90], в пустыне, что и случилось. Когда же мелитианиты[91] выступили и убили названного Исмаила, Симпосий остался покинутым. А когда Ваасакий был обвинен вумысле предательства и изгнан, турма Лариса снова была подчинена Севастии, стратигом там был назначен Лев Аргир, сын Евстафия, впоследствии ставший магистром[92] и домашником схол[93]. что же до Мелии, сидящего в Евфратии, то когда был избран в Харсиан Константин Дука[94], вышеупомянутый Мелиа удалился сам, овладел старой крепостью Ликанд, отстроил ее, укрепил и осел там, и она была поименована христоролюбивым василевсом Львом в качестве клисуры. Затем он перешел из Ликанда на гору Цаманд, воздвиг и там ныне стоящую крепость; она, как и та, называлась клисурой. Овладел он и Симпосием, сделав его турмархатом[95]. При христоролюбивом же деспоте Константине, в первое царствование, когда правила с ним его мать Зоя[96], Ликанд стал стратигидой[97], и первым стратигом Ликанда был назван патрикий Мелиа, разумеется, тот, который был в то время клисурархом в Ликанде. Этот Мелиа - благодаря проявленной им верности василевсу ромеев и многим до бесконечности подвигам его против сарацин - был впоследствии удостоен титула магистра.

Следует знать, что Авара была турмой под фемой Севастиа, а при деспоте Романе[98] стала клисурой.

Да будет известно[99], что укрепилось древнее обыкновение, согласно которому катепан мардаитов[100] Атталии[101] избирается василевсом, поэтому и блаженнейший василевс Лев избрал в качестве катепана Ставракия, по прозвищу Платис, который отличался в течение значительного времени, но нехорошо распорядился к концу[102]. Ибо, когда протоспафарий и асикрит[103] Евстафий[104] был послан в фему Кивирреоты как "эк-просопу"[105], случились меж ними зависть и столкновения. Ставракий Платис, полагаясь на патрикия Имерия, логофета дрома[106], как на посредника своего у василевса, противодействовал "эк-просопу" Евстафию и держался особенно враждебно в том, в чем считал того поступающим или распорядившимся вне сферы [его] долга. В свою очередь, "эк-просопу" Евстафий вел себя к Ставракию неприязненно и не единожды замышлял нападки и хитрости. По сей причине упомянутый Евстафий доносил на Ставракия: "Фема Кивирреоты не может иметь двух стратигов, то есть меня и Ставракия[107], катепана мардаитов, но ведь когда я постановляю и хочу управлять, желает делать [то же] катепан мардаитов, и, будучи самовластным, творит по произволу все, что ему взбредет". Слал он и прочие разные клеветнические словеса и, сочинив против него немало козней, одно составя правдиво, другое придумав лживо и сумасбродно. А тот, полагаясь как раз на патрикия и логофета дрома Имерия, писал о том же, тогда как в то время патрикий Имерий был скорее другом Евстафия, чем Ставракия, хотя впоследствии они оба, поссорившись, стали совершенными врагами, полными ярости. Итак, василевс, получив это донесение Евстафия и будучи убежден просьбами патрикия Имерия, дал должность того самого катепана [мардаитов] протоспафарию и "эк-просопу" Евстафию[108]. Когда же блаженный василевс сменил жизнь утлую на вышнюю, его брат Александр[109], став обладателем власти автократора, подобно тому как заменял всех, избранных для какой-либо власти блаженным василевсом, его братом, убеждаемый злорадными и зловредными людьми[110], так он сменил и названного ранее Евстафия, назначив вместо него другого. Поскольку пресловутый Хасе, происходивший от рода сарацин, сарацином оставшийся и по мыслям, и по образу жизни, и по исповеданию[111], раб патрикия Дамиана[112], поскольку этот самый протоспафарий Хасе обладал в то время большой свободой в разговоре с господином Александром василевсом, как и протоспафарий Никита[113], брат Хасе, он-то и стал стратигом Кивирреотов по воле господина Александра василевса. Итак, сей Никита, брат вышеупомянутого Хасе, просил василевса: "Поскольку подобает облагодетельствовать меня как старого твоего друга, единственную к твоей царственности имею просьбу, и справедливо, чтобы ты выслушал меня". Когда же, недоумевая, василевс спросил, что это за просьба, и обещал исполнить, какой бы она ни была, названный выше Никита попросил: "Прошу царственность твою сделать сына моего катепана мардаитов Атталии". Склонясь к его просьбе, василевс, введя во время процессии в Хрисотриплин[114] сына протоспафария Никиты спфарокандидата Аверкия, избрал его катепаном мардаитов Атталии[115], как блаженный василевс Лев прежде названного Ставракия Платиса. А издревле имеется старый обычай, как сказано у древних, что василевсом избирается катепан мардаитов[116].

Должно знать[117], что при василевсе Феофиле[118] паракимоменом оказался остиарий[119] Схоластикий; при Михаиле[120], сыне Феофила, паракимоменом был патрикий Дамиан[121], а затем, при том же василевсе, паракимоменом стал Василий, [впоследствии] христолюбивый василевс[122]. А при Василии, христолюбивом деспоте, паракимомена не было в течение всего его царствования. При христолюбивом деспоте Льве паракимоменом стал патрикий Самона[123], а после него, при том же василевсе, - патрикий Константин[124]. При василевсе Александре паракимоменом оказался патрикий Варват[125], а при христолюбивом деспоте Константине им снова стал патрикий Константин, упомянутый выше при деспоте Льве, а при деспоте Романе - патрикий Феофан[126], при Константине же во второе автократорство[127] им стал патрикий Василий[128].

Да будет ведомо[129], что при христолюбивом и приснопамятном василевсе Льве жил пресловутый старец Ктена, весьма богатый клирик, который был также domestikом[130] в Новой церкви[131], являлся же он мастером в пении, равно какому в те времена не было. Сей Ктена надоел патрикию Самоне, ибо тот был в то время паракимоменом, прося посодействовать ему у василевса, чтобы Ктена стал протоспафарием, носил эпикуцул[132], хаживал в Лавсиак[133], заседал как протоспафарий и получал бы рогу[134] в одну литру[135], а взамен этого Ктена дал бы василевсу сорок литр. Но василевс не соглашался сделать это, говоря, что это невозможно: "На великое бесславление для моего царствования стал бы клирик протоспафарием". Услышав об этом от патрикия Самоны, Ктена сам добавил к сорока литрам одну пару серег, оцененную в десять литр, и столик серебряный с позолоченным звериным рельефом, оцененный также в десять литр. Убежденный просьбами патрикия и паракимомена Самоны, василевс принял сорок литр, пару серег и позолоченный серебряный столик с рельефом, так что весь дар этого Ктены достиг шестидесяти литр. Василевс сделал его затем протоспафарием, и он получил в то время в качестве роги одну литру. Жил же этот Ктена, после того как был почтен протоспафарием, два года, то есть [вскоре] умер. Получал же он рогу в течение двух лет по одной литре[136].

51. О том, каким образом был построен царский дромоний[1], о протокаравах[2] этого дромония и немало о протоспафарии фиалы[3]

Должно знать, что вплоть до царствования блаженной памяти мудрейшего василевса Льва[4] не существовало царского дромония, на который вступал бы василевс, а входил он на красный аграрий[5]. Однако при христоролюбивом деспоте Василии[6], когда этот василевс отправлялся в бани Прусы[7] и вновь, когда он отбывал посмотреть мостик Ригия[8], строившийся его повелением и попечением, он поднимался на дромоний, а другой дромоний следовал сзади. Входившие же на него гребцы были с царского агрария и из моряков-стенитов[9]. В древности Стеной имел хеландии[10] царского флота числом до десяти. Поскольку же блаженный василевс делал все чаще свое пребывание в Пигах[11] по той причине, что там возводился им этот дворец, подобно тому как в Эвдомоне[12], в Иерии[13] и во Врие[14], он входил на аграрий по старому обычаю. Но когда он отправлялся в более отдаленную поездку, например в бани Прусы и для наблюдения за мостом Ригия, он вступал, как выше сказано, в дромоний[15], а другой дромоний следовал сзади, так как большинство архонтов[16] поднималось с василевсом, а прочие - на второй дромоний. Однако приснопамятный и мудрейший василевс Лев, будучи расположен более милостиво к магистрам, патрикиям и близким [ему] синклитикам[17], желая всегда их[18] радовать и рассудив, что аграрий недостаточен для приема большого числа архонтов, построил дромоний и постоянно вступал на него, куда бы ни захотел отправиться. С ним отправлялись те, кого он хотел из архонтов, магистров и патрикиев. Ибо по обычаю в аграрий с василевсом не вступал никто, кроме друнгария виглы[19], друнгария флота[20], логофета дрома[21], этериарха[22], мистика[23] и начальника прошений[24], а также, если он находился в городе, то и доместика схол[25], и паракимомена[26], и протовестиария[27], а из китонитов[28], кого прикажет василевс. Итак, вот каким образом построил дромоний Лев, приснопамятный и мудрейший василевс, а через некоторое время он построил и второй дромоний, который и был назван "вторым" и получил прозвище "Свита"[29]. Ибо и в дальние поездки отправлялся блаженный этот василевс, на пример, в Никомидию, на Олимп[30], в Пифию[31], поэтому были потребны два дромония для обслуживания и отдыха как его, так и его архонтов. Поскольку он нередко отправлялся в ближние поездки, он оставлял один экипаж на ипподроме для охраны дворца, потому что корпус арифма[32], согласно укрепившемуся древнему обычаю, уходил в поход с доместиком схол, а остающиеся на ипподроме [не] уходят, согласно обычаю, с василевсами в поездки[33].

[Знай], что изначально у протоспафария фиалы была царская должность: этот протоспафарий держал и имел под собою[34] всех гребцов царских аграриев, русиев и мавров[35], кроме аграриев августы, ибо аграрии августы, и русии и мавры, находились под управлением и властью начальника трапезы августы[36]. Однако в царствование Льва, приснопамятного и мудрейшего василевса, новоотстроенные по царскому приказу дромонии имел этот протоспафарий фиалы под своей властью, как и гребцов этих дромониев. Поэтому вышеназванный протоспафарий фиалы каждый день и каждый вечер по старому обычаю приходил и садился в фиале (поэтому-то он и назывался протоспафарием фиалы), решал, судил в соответствии с правом и улаживал тяжбы между гребцами с аграриев и с дромониев, им управляемых. И когда находил кого-нибудь, вопреки должному либо поступающего, либо обижающего кого-нибудь, либо проявляющего нерадение в своей службе, он крепко наказывал того плетьюми. И таким образом, как рассказано, все гребцы дромониев, как и аграриев василевса, русии и мавры, находились под рукою и надзором протоспафария фиалы. А что касается аграриев августы, и русиев и мавров, то они находились под рукою и наблюдением начальника трапезы августы, хотя отчет начальник трапезы делал об этих аграриях не августу, а василевсу. При Льве, блаженной памяти мудрейшем василевсе, протоспафарием фиалы был протоспафарий Иоанн, прозвище которого Фалассон, а после него протоспафарий Подарон, после этого протоспафарий Лев Армянин[37], отец протоспафария и манглавита[38] Арсения. Они, протоспафарий Подарон и протоспафарий Лев Армянин, оказались протэлатами[39] патрикия и друнгария флота Насара, и при Василии, христоролюбивом деспоте, были взяты с флота и стали протэлатами агрария василевса. В царствование же приснопамятного и мудрейшего василевса Льва, когда он построил дромонии, благодаря их мужеству и морскому опыту, он сделал их протокаравами. Когда случалась опасность, василевс вводил гребцов двух дромониев с двумя протокаравами первого дромония в суда-хеландии, давая им полное необходимое вооружение, как-то: щиты, копья, лучшие шлемы и прочее, что подобает носить стратиотам-морякам[40]. Их забирал патрикий и друнгарий флота Евстафий[41] вместе с царским флотом и отправлялся против врагов. Все это василевс сделал потому, что патрикий и друнгарий флота Евстафий стремился к войне с врагами. А вместо тех царским дромонием управлял старец Михаил и [Михаил][42], известный умница из бывших в то время протэлатами. На веслах же в дромониях до возвращения царских гребцов сидели стениты из личного состава Стенона. А когда гребцы возвращались из похода, они снова оказывались на собственной службе, как было раньше. Затем василевс, милостиво расположенный к протоспафарию Подарону, так как тот был мужествен, дал ему также власть протоспафария фиалы: ведь он прославился более всех на

войне, и, по свидетельству патрикия и друнгария флота Евстафия, не было другого такого же по храбрости, усердию, остальным добродетелям и в особенности по благо-мыслию и исключительной верности василевсу. А поскольку он был неграмотным, то по повелению василевса с ипподрома приходил судья, заседал с ним вместе в фиале и судил гребцов[43]. Аграриями же августы, как было сказано, владел начальник трапезы августы. После этого василевс избрал Подарена и Льва Армянина топотиритами[44] царского флота, а протокаравами[45] своего дромония назначил упомянутого старца Михаила, бывшего тогда протэлатом дромония, а некогда служившего вторым златом[46] агрария христолюбивого деспота Василия; [назначил он] и другого Михаила, прозвище коего Варкала, который был прежде протэлатом на флоте друнгария и патрикия Евстафия, когда тот переправлял турок и громил Симеона, архонта Булгарии[47]. Впрочем, этот Симеон, архонт Булгарии, зная о прибытии на реку флота и о том, что флот должен переправить против него турок, соорудил лесы, то есть весьма прочные и крепкие канаты[48], чтобы турки не могли переправиться. И благодаря этой выдумке туркам не удалось переправиться с первой попытки. Тогда вышеупомянутый Михаил Варкала с двумя другими моряками, взяв свои щиты и мечи и хабро и быстро выскочив из хеландии, перерубили лесы, то есть канаты, и открыли проход туркам. Итак, турки, видя этого Варкалу и поражаясь его храбрости - ведь он один, опередив двух моряков, первым разрубил канат -, заявили в удивлении, что ему подобает именоваться патрикием и быть главою флота. Услышав о мужестве этого Варкалы, василевс сделал его вторым златом на царском дромонии. Затем, когда Подарон и Лев стали топотиритами, старец Михаил и этот Варкала были избраны протокаравами дромония[49].

[Знай], что ранее названный Лев Армянин, отец протоспафария манглавита Арсения, умер, будучи топотиритом на флоте, а протоспафарий Подарон через некоторое время был назначен стратигом в фему Киверреотов.

[Знай], что, когда Подарон[50] стал топотиритом, протоспафарием фиалы был избран протоспафарий Феофилакт Вимвилидис, приходившийся племянником протоспафарию Иоанну, коему прозвище Фалассон, и оставался [на этом] посту несколько лет в годы первого автократорства багрянородного христолюбивого деспота Константина[51]. Итак, когда он умер, то вышеназванный старец Михаил был почтен саном протоспафария и избран протоспафарием фиалы, поскольку он сильно состарился и утомился, в течение множества лет служа протокаравом. И когда василевс входил в фиале в дромоний[52] и отправлялся в поездку или куда-нибудь еще, добрый тот старец, незабвенный по своему морскому опыту, становился посреди дромония, побуждая и ризывая гребцов дромония сильнее и крепче грести и работать весами, а заодно советуя тогдашним протокаравам держать руль и направлять царский корабль в согласии с непогодой и дыханием ветров. Итак, когда он умер, то из-за малолетства василевса[53] и неразборчивости патрикия и паракимомена Константина[54] оказался протокаравом известный Феодот[55], бывший в то время протэлатом, почтенный в разное время [чином] кандидата, стратора, спафария, спафарокандидата, а затем протоспафария и протоспафария фиалы[56], он был зятем ранее названного старца Михаила. Ибо в согласии со старым обычаем никогда протокарав василевса не становился и не был назначаем протоспафарием, даже спафарокандидатом, но или кандидатом, или стратором, или, самое большее, спафарием[57]. Только при Льве, приснопамятном и мудрейшем василевсе, этот Михаил был почтен как спафарий, а после этого - спафарокандидат. Однако из-за того, что василевс был мальчиком, как уже сказано, и из-за неразборчивости патрикия и паракимомена Константина протокаравы оказались спафарокандидатами, а этот Михаил - протоспафарием. Когда же василевс господин Роман вступил во дворец и оказался, не знаю, как выразиться, обладателем царства[58], он из-за расположенности Феодота к христолюбивому деспоту и василевсу Константину не только сместил его, но и подверг наказанию бичеванием и острижением и отправил в вечное изгнание, в коем тот и завершил свою жизнь. Оставил он пресловутого Константина Лориката, бывшего протокаравом вместе с [Михаилом], так как из страха он проявил себя преданным ему и собственноручной письменной клятвой отрекся от расположения и любви к василевсу Константину; [Роман] почтил его сначала спафарокандидатом, сделав первым протокаравом и избрав протоспафарием фиалы, а вскоре почтил и как протоспафария. Итак, сей человек через наущение клирика Иоанна, ставшего по поущению божию ректором[59], донес блаженному василевсу господину Роману: "Протоспафарий Феофилакт, начальник трапезы августы, поскольку он является опорой и защитой матери василевса[60] да и самого василевса, по необходимости должен сочувствовать своим господам и благодетелям. Какая нужда разделять состав аграриев фиалы меж двух властей? Ведь начальник трапезы августы, руководимый преданностью к василевсу и августу, способен совратить управляемых им аграриотов августы, а более того - и гребцов с дромониев. И они замыслил какой-либо мятеж против твоей царственности". Говоря так, он убедил того дурного и коварного ректора, а через него - и василевса. Ибо легковесный и шаткий разум скор к тому, чтобы сбиться с пути и склониться ко всякому, говорящему и замышляющему с коварной целью. Говоря таким образом, он добился своего, а добившись, получил власть над аграриями августы. И с тех

пор утвердился порядок, по второму протокарав царского дромония располагает и управляет все ми гребцами, и с царских дромониев, и с аграриев августы, и к тому же является протоспафарием фиалы[61]. Должно знать[62], что при христоролюбивом и приснопамятном василевсе Льве имело место взыскание наличных денег[63] в фемах Запада через протоспафария Льва Цикану, бывшего стратигом[64], с тех, кто предпочел не участвовать в походе[65].

Должно знать, что опять-таки при этом христоролюбивом и приснопамятном Льве имело место взыскание наличных денег с фем Запада[66] через магистра Иоанна Эладу, который тогда же стал и патрикием.

Должно знать, что также при деспоте Романе, пожелавшем, чтобы пелопоннесцы отправились в поход в Лагувардию в то время[67], когда стратигом на Пелопоннесе был протоспафарий Иоанн Протефон, эти пелопоннесцы снова предпочли не ходить в поход[68], а выставить [взамен] тысячу коней, оседланных и взнузданных, и один кентинарий в наличной монете, что они и предоставили с большой готовностью[69].

52. Имевшая место, как сказано выше, подать конями в феме Пелопоннес при деспоте Романе[1]

Митрополит Коринфа - четыре коня; митрополит Патр - четыре коня; все епископы фем[2] - по два коня; протоспафарий[3] - по три коня; спафарокандидаты - по два коня; спафарии и страторы - по одному коню; царские и патриаршие монастыри[4] - по два коня; монастыри архиепископов[5], митрополитов и епископов - по два коня; неимущие монастыри - один конь с двух вместе. Обладатели же должностей на службе у василевса[6], моряки[7], ловцы раковин, изготовители пергамента коней не поставляли[9].

Должно знать, что со всего войска Пелопоннеса за этот поход было взыскано: по пяти номисм [с воина], с совершенно же неимущих - по пяти номисм с двух [воинов] вместе, отчего, как выше сказано, и составилась один кентинарий в звонкой монете[10].

53. Повествование о крепости Херсон

Когда Диоклетиан[1] царствовал в Риме, а венценоцем и протевонном в стране херсонитов был Фемист, сын Фемиста[2], Савромат из босориан, сын Крискорона[3], собрав сарматов, населяющих берега Меотиды[4], выступил против ромеев[5] и, захватив страну лазов[6] и победив тамошних[7], дошел до реки Галис[8]. Император Диоклетиан узнав об этом, а именно, что страна лазов и Понтика[9] разорены, отправил туда войско, желая противодействовать сарматам. Экзархом войска был трибун Констант[10]. Прибыв к Галису с войском, Констант расположился там, препятствуя сарматам переправляться через Галис. Поскольку же Констант был не в состоянии соперничать с ними, он пришел к заключению, что никак иначе невозможно изгнать сарматов, если не отправить на войну против них и на разорение их семей кого-либо из соседящих со страной боспориан и Меотидским озером, чтобы, услышав об этом, Савромат отказался от войны. И он извещает об этом императора, чтобы тот отправил посланцев к херсонитам, поднял их против сарматов, поскольку они были их соседями, и чтобы они напали войной на их семьи, дабы Савромат, узнав, поскорее отказался от войны. Император Диоклетиан, услышав об этом, тотчас послал к херсонитам, побуждая их к союзу с Константином и к тому, чтобы, выступив в поход, они разорили страну боспориан и сарматов и пленили их семьи. Так как венценоцем и протевонном страны херсонитов был тогда Хрест, сын Папия[11], херсониты, охотно повинаясь слову императора, размышляли, впрочем, каким бы образом могли они захватить и город Савромата Боспор[12] и крепости на Меотиде[13]. Собрав мужей из соседних крепостей, приготовив военные колесницы и поместив на них хироволистры[14], они оказались около города боспориан и, сделав засады в течение ночи, малыми силами завязали сражение с городом. Ведя битву у стен с рассвета до третьего часа дня, они прикинулись обращенными в бегство, не обнаруживая хироволистр, имевшихся в приготовленных колесницах. Разумеется, в Боспоре, посчитав, что херсониты, побеждаемые в силу их малочисленности, обратились в бегство, приободрившись выступили, чтобы их преследовать. А херсониты, ненамного, как говорят, отступив, начали поражать преследователей - боспориан из хироволистр; находившиеся в засадах херсониты, поднявшись и окружив боспориан, перебили всех их и, вернувшись, захватили Боспор, а также крепости на Меотидском озере и все семьи савроматов и расположились в Боспоре, никого более не убивая, кроме продолжающих воевать, и, удерживая Боспор, охраняли его. Когда прошло несколько дней, Хрест, сын Папия, говорит женщинам-савроматкам: "У нас не было нужды воевать с вами, но так как Савромат отправился разорять страну ромеев, того-то ради мы, побуждаемые императором ромеев, как его подданные, напали на вас войной. Поэтому, если вы хотите жить в вашем городе, давайте отправим послов к вашему господину Савромату о том, чтобы он заключил мир с ромеями в присутствии наших послов и ушел оттуда. Тогда мы отпускаем вас и удаляемся в наш город, но так, впрочем, чтобы Савромат передал сначала сюда наших

послов и известил нас через своих людей об условиях мира. Затем мы отпускаем вас и удаляемся. Но если Савромат задумает пуститься на какую-либо хитрость, например - замыслив запереть нас здесь и воевать против нас, и мы узнаем об этом через наших соглядатаев, то мы перебедем вас всех от мала до велика и лишь тогда уйдем отсюда. Какая, однако, выгода Савромату, если погибнут вся его семья и город?" Слушавшие это жены Савромата постарались выполнить все с точностью. Итак, херсониты отправляют к Савромату вместе с боспорянами пять своих послов, извещая его о случившемся и об условленном. Когда послы прибыли к Савромату в район реки Галиса, они известили его обо всем совершенном херсонитами против боспорянов. Он же, оказавшись в большом затруднении и желая будто бы, как говорят, чтобы послы херсонитов отдохнули с дороги, сказал им: "Так как вы устали, я хочу, чтобы вы отдохнули несколько дней, а затем я исполню все, сказанное вами... затем пойдите к людям из Рима, узнайте от них и убедитесь, что я правдив с вами и далек от обмана". Когда херсониты ушли к Константу вместе с послами Савромата, они были спрошены обо всем случившемся меж ними, известили также Константа обо всем совершенном ими в стране боспорянов и на Меотидском озере - о том, как захватили семьи Савромата, и что в силу этой необходимости Савромат пошел на мир. Узнав об этом, Константин, однако, был очень огорчен. Он сказал херсонитам: "Какая мне польза от союза с вами, после того, как я заключил договор при условии давать им столько золота?" Херсониты ему отвечают: "Не печалься, повелитель, если хочешь, мы расстроим договор о дани". Константин говорит им: "А как это возможно?" Херсониты отвечают ему: "Заяви со своей стороны Савромату: "Уже заключенные между нами соглашения обрели силу. Поскольку, впрочем, по твоей вине и я сделал затраты и большие расходы на войско [на пути] от Рима до этого места, возмести и ты мне это, и я отдам тебе все твои семьи и твой город"". Обрадованный Константин сообщил об этом Савромату. Савромат, узнав и крепко опечалась, извещает Константа, говоря так: "Не желаю ни давать чего-либо, ни получать, хочу только, чтобы ты послал ко мне херсонитов, чтобы я отправился отсюда". Херсониты говорят Константу: "Не отпускай нас, пока не получишь всех пленных". Тогда Константин извещает Савромата, заявляя: "Отправь ко мне всех пленников, которых имеешь, и я отпущу херсонитов". Савромат, услышав об этом, против воли и желания отпустил пленников, которых имел, всех до единого. Итак, Константин получив обратно всех, оказавшихся добычей, задержал у себя двух послов херсонитов, а прочих отправил к Савромату, Савромат, взяв их, послал из страны лазов с собственными людьми, чтобы им были переданы и город Боспор, и их семьи. Сам же Савромат с его народом отправился в путь в полном порядке, чтобы херсониты спокойно передали семьи и удалились. Херсониты, приняв своих послов в Боспоре и узнав обо всем совершенном Константином и Савроматом, передали человеку Савромата и Боспор, и крепости на Меотиде, и все семьи без ущерба и в мире достигли страны херсонитов. Константин же, когда Савромат удалился из ромейских пределов, и сам снарядился в Рим и известил обо всем совершенном херсонитами императора, доставив и двух их послов, увидя которых, милостиво приняв и богато одарив, император сказал им: "Что хотите, чтобы я Дал вам и вашему городу за такое благомыслие и помощь?" И те ответили императору: "Мы не хотим, повелитель, ничего иного, кроме единственной просьбы - чтобы от власти вашей были предоставлены нам приличествующая свобода и освобождение от налогов". Император, охотно уступив их просьбе, щедро предоставил им права и свободы и полное избавление от налогов, отослав их с великими дарами в страну херсонитов, так как они оказались подлинными подданными императора ромеев. Константин также был весьма почтен у императора Диоклетиана как мужественно отразивший войну савроматов. Став знатным и сановитым, он через недолгое время принял и царство ромеев, когда Диоклетиан снова удалился в Никомидию[15].

После того как Константин умер, в Риме царствовал Константин, его сын[16]. Когда он пришел в Византию[17] и против него был некоторыми в Скифии[18] затеян мятеж, он вспомнил сказанное его отцом Константином о благомыслии и союзной службе херсонитов и отправил в страну херсонитов послов[19], чтобы они выступили против страны скифов и сразились с восставшими против него. Венценосцем и протевом страны херсонитов был тогда Диоген, сын Диогена[20]. Херсониты, охотно повинувшись повелению, приготовив со всем тщанием военные колесницы и хироволистры, достигли реки Истра и, переправившись через нее, сразились с повстанцами и победили их. Император, узнав о нанесенном ими поражении, повелел им отправиться на родину, а протевоман, призвав их в Византию и богато одарив, сказал так: "Поскольку и ныне вы добросовестно трудитесь ради нас, как и при благочестивых предках нашей божественности, то и мы, утверждая права свободы и избавления от налогов, уже данные вам в стране ромеев нашей царственной дланью, жалуюм им также золотое изваяние с царской мантией и застежкой и золотой венец для украшения вашего города вместе с нашим документом о свободе и избавлении от налогов и вас, и ваших судов. Кроме того, по причине вашего благорасположения мы даем вам также золотые кольца с выбитыми [на них] нашими благочестивыми изображениями, с помощью коих вы, запечатывая при случае посылаемые вами нам донесения и просьбы, докажете нам, что послы являются подлинно вашими. К сему еще мы предоставляем вам ежегодно жилы и пеньку, железо и оливковое масло для изготовления ваших хироволистр и даем вам на ваше пропитание

тысячу аннон[21], чтобы вы были стрелками из хироволистр, определив, что эти продукты и все обычно посылаемое мы должны ежегодно отправлять вам отсюда в страну херсонитов". Херсониты, получая эти анноны и разделив их меж собою и своими сыновьями, снарядили [должное] число [воинов]. Таким образом, вплоть доныне их сыновья зачисляются в [это] число сообразно с состоянием стратии родителей. Почтенные тогда припасами и великими дарами боголюбивым императором Константином, Диоген и его люди прибыли в страну херсонитов, доставя и божественные щедроты.

Через некоторое время после того, как это случилось, Савромат[22], внук Савромата, бывшего сыном Крискорона, воевавшего Лазику, собрав войско с Меотидского озера, поднялся на херсонитов, желая, как говорят, отомстить за оскорбление пленением, нанесенное ими его деду при императоре Диоклетиане. Херсониты, узнав об этом - венценосцем и протевомом Херсона был тогда Виск, сын Суполиха[23], - и приготовившись к противоборству, сами встретились с Савроматом вне города, в местах, называемых Кафа[24], и сразясь с ним, поскольку бог помогал херсонитам, победили Савромата и прогнали его, поставя пограничные знаки в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили Савромата и где сам Савромат и оставшиеся у него люди принесли клятву, что никогда они не переступят ради войны установленные меж ними границы, но что каждая из стран владеет собственными местами, начиная от обозначенных пределов. Затем Савромат ушел в Боспор, а херсониты - к себе.

После того как это кончилось таким образом, через некоторое время снова другой Савромат[25], снарядясь и взяв с собою множество мужей с Меотидского озера, затеял войну против херсонитов. Перейдя клятвой утвержденные в Кафе первым Савроматом границы (что никогда никто из боспориан не дерзнет преступить их ради войны), пересек их сей Савромат, будто бы желая силой отнять у него землю вызволить и получить обратно. Разумеется, херсониты - а венценосцем и протевомом страны херсонитов был в те времена Фарнак, сын Фарнака[26] - также выступили против Савромата. Встретившись друг с другом в местах прежде названной Кафы, встали обе стороны на горах. Савромат, будучи велик ростом, был уверен в себе, бахвалился, понося херсонитов и полагаясь также на бесчисленное множество находившихся с ним. А Фарнак был мал ростом по сравнению с Савроматом и, видя толпу Савромата, порешил со своим войском, что он один сразится с Савроматом и не погубит бесчисленное множество людей. Итак, когда это решение было вынесено, Фарнак заявляет полчищу Савромата, говоря: "Какая надобность в том, чтобы произошла гибель такой толпы? Ведь не вы по собственному почину обратились к войне, а Савромат побудил вас. Посему возжелайте принудить его на поединок со мной, и если я с богом одолею его, вы уйдете в свои места без ущерба, а он сам и его город подчинятся мне; а если он одолеет меня, вы также уйдете в свои места, а он вступит в мои". Толпа савроматов, с удовольствием приняв это, побудила Савромата на поединок с Фарнаком. Итак, Савромат, зная, что Фарнак очень мал ростом, а он сам весьма велик, возрадовался этому, уверенный в своей силе и в доспехах, которыми пользовался, будучи защищен [ими]. Когда так было решено, Фарнак говорит своему войску: "Когда я отправлюсь с богом на поединок и вы увидите, что спина Савромата обращена к вам, а лицо - к своим людям, у меня же мое лицо - к вам, а моя спина - к врагам, все вы исторгните один крик, произнеся единственно: "А! а!" и не повторяйте крика". Итак, когда оба отправились для поединка на равнину и поменялись местами так, что, когда Фарнак оказался на стороне Савромата, а Савромат - на стороне Фарнака, войско Фарнака издало единый крик: "А! а!" Савромат же, услышав этот звук, обернулся, стремясь узнать, что за крик случился в войске Фарнака. Когда Савромат повернул лицо назад, приоткрылась немного пластина его шлема, и Фарнак, тотчас подскочив, ударил копьем Савромата и убил его. Когда Савромат упал, Фарнак, сойдя с коня, отрубил ему голову. Оказавшись победителем в борьбе, он распустил воинство Меотиды, а людей из Боспора забрал как пленников, отняв их землю. Он поставил в Кивернике, далеко от страны херсонитов, пограничные знаки, оставя им земли лишь в сорок миль[27]. Эти пограничные знаки остаются на месте и поныне, тогда как упомянутые первые пограничные столбы находятся в Кафе. Немногих из боспориан удержав у себя для земледелия, Фарнак позволил всем прочим, удостоив сострадания, уйти к боспорианам. Отпущенные Фарнаком за проявленные им к ним благодеяния и человеколюбие воздвигая в его честь стелу в Боспоре. С тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено[28].

После этих событий, когда[29] венценосцем и протевомом страны херсонитов был Ламах[30], а над боспорианами царствовал Асандр[31], боспориане, исполненные великой злобой против херсонитов и совершенно неспособные уговориться от коварств, постоянно стремились отплатить каким-либо возмездием херсонитам за пленения. Итак, узнав, что Ламах имеет единственную дочь Гикию[32], а у Асандра есть сыновья[33], они хлопотали о заключении брака, чтобы благодаря этому, безопасно наступая, отомстить стране херсонитов. Итак, они отправляют послов в страну херсонитов с увещаниями: "Поскольку мы знаем, что истинная любовь имеется между нами и мы бесхитростно относимся друг к другу, давайте породнимся меж собою, дайте нам в невестки дочь Ламаха, прота вашего, за сына Асандра, нашего господина, или возьмите его к себе в зятя, и мы

будем знать, что верны друг другу, поскольку сын царя находится с вами". Херсониты отвечают им так: "Мы не согласны отдать вам нашу дочь, если же вы хотите дать нам в зятя одного из сыновей Асандра, вашего царя, мы это принимаем, впрочем, так, чтобы сын Асандра, прибывший к нам, для того чтобы стать зятем, никогда не имел возможности попытаться вернуться в страну боспориан ради свидания либо беседы со своим отцом. Если же он даже помыслит об этом, сразу, в тот же час сам умрет". Когда послы были отпущены, достигли страны боспориан и сообщили об этом, Асандр вновь отправил послов, говоря херсонитам: "Если вы говорите правду и заверяете меня в том, что Ламах согласен сочетать свою дочь с моим старшим сыном, то я пошлю его вам, чтобы он там стал зятем".

Ламах же в те времена, как известно, славился большим богатством в злате и серебре, рабами и рабынями, разным скотом и многочисленными владениями. Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы[34], где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так чтобы из входивших в город его животных каждое стадо - коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов - входило через свои воротца и шло в свое стойло. Итак, херсониты упросили Ламаха, чтобы он взял в зятя сына Асандра. Когда Ламах согласился на их просьбу, прибыл в Херсон сын Асандра и женился на Гикии. Когда миновал небольшой срок в два года, Ламах умер, а мать Гикии умерла еще раньше. Поэтому Гикия по прошествии года после погребения отца, когда приближалась годовщина, желая устроить праздник в память своего отца (венценосцем и протевонном Херсона был тогда Зиф, сын Зифона[35]), попросила знатнейших людей города, чтобы они без гордости вместе со всем народом согласились принять от нее вино, хлеб, оливковое масло, мясо, птиц, рыбу и прочее, потребное для празднества, дабы в день памяти Ламаха все горожане с женами и детьми и со всеми их семьями радовались и веселились, водили хороводы каждый в своем доме и на площади и не брались вообще за какое-либо дело, заверив клятвенно горожан, что в течение всего времени своей жизни она каждый год в день памяти Ламаха будет давать им подобным образом все для праздника. Когда все было так устроено [и] подтверждено ею клятвенно, ее муж, сын Асандра, питающий втайне коварство и ищущий случая для предательства, узнав обо всем сказанном Гикией и утвержденном клятвой, удивился и похвалил Гикию за клятвенную заповедь как относящуюся должным образом к родителям, согласясь и сам. Как говорят, веселиться и совершать возлияния ради такого договора. затем, когда прошел день памяти и праздник, он известил жителей Боспора через своего раба, сообщив им: "Я нашел способ, благодаря которому мы можем без труда овладеть Херсоном. Итак, вы с перерывами будете посылать мне по десять или двенадцать добрых парней, помимо гребцов на судне, как будто бы посылая мне дары. Когда же ваши суда, прибыв, причалят в Символе[36] и будут там стоять, я пошлю и доставлю на конях в город приехавших парней и посланное вами". Таким-то образом в течение двух лет из прибывавших время от времени с дарами боспориан, сын Асандра, чтобы не была ведома городу хитрость, переводил этих [людей] пешком из Символа, а через несколько дней, вечером, при всех, отпускал их наружу, как можно в более поздний час. Отойдя от места на три мили, когда спускался глубокий мрак, они возвращались и приходили к так называемому Лимону[37], а оттуда на корабле он доставлял их в Сосы и через воротца, которые имел в стене, вводил их в свой дом, так, что никто не знал об этом, кроме трех его рабов-боспориан, единственных верных ему людей, одного - уходящего в Символ и извещающего, чтобы суда ушли, другого - возвращающего боспориан и ведущего в Лимон, третьего - доставляющего их на судне из Лимона в Сосы и возвращающего их в дом Ламаха. С их помощью он кормил их в кладовых дома, при неведении Гикии о коварстве, ожидая, как сказано, ежегодного дня памяти Ламаха, празднества всего города и отхода ко сну, чтобы восстать самому ночью и с боспорианами, и со своими рабами, сжечь город и перебить всех. Когда в течение двух лет в доме Гикии собралось до двухсот боспориан и день памяти Ламаха был уже близок, случилось, что рабыня Гикии, горничная, бывшая у нее большой любимицей, была из-за провинности изгнана с глаз ее и заперта. В нижней части помещения, в котором рабыня была заперта, содержались боспориане. Когда рабыня сидела и прядла лен, вышло так, что катушка ее веретена свалилась и, покотившись, упала в глубокую дыру у стены. Встав, чтобы поднять ее, она увидела ее лежащей в глубокой дыре и, не будучи в состоянии вытащить ее из-за глубины, она была вынуждена оторвать от пола у стены одну плитку, чтобы достать катушку, и увидела через отверстие внизу, в нижнем помещении, толпу находившихся там мужей. Увидя, она ловко положила на место плитку, чтобы не было заметно людям внизу, и, тайно послав одну из рабынь, позвала госпожу свою, дабы она пришла к ней, так как она должна услышать и увидеть нечто важное. Гикия, смягченная богом, пришла к рабыне, и когда она вошла одна в помещение и закрыла дверь, пав к ее ногам, рабыня сказала: "Госпожа, ты имеешь власть над негодной своей рабой. Но я хочу показать моей госпоже нечто странное и неожиданное". Гикия сказала ей: "Говори без страха и покажи, что это такое". Рабыня, подведя ее к стене и ловко подняв плитку, говорит ей: "Посмотри через отверстие, госпожа, на спрятавшуюся внизу толпу боспориан". Гикия, увидев и поразившись этим делом, сказала: "Не праздное это наблюдение". И заявляет рабыне:

"Как ты расцениваешь это дело?" Рабыня же отвечает: "Воистину, по воле божией, госпожа, упала катушка с моего веретена и, покотившись, свалилась в эту дыру, а я, будучи не в состоянии ее достать, была принуждена оторвать плитку и тогда увидела их". Та же повелела рабыне положить аккуратно плитку на ее место и, привлекая ее и обняв, поцеловала ее от души и сказала ей: "Ты ни в чем неповинна, дитя, да простится тебе проступок, ибо бог восхотел, чтобы ты прегрешила, дабы коварство открылось нам. Смотри поэтому, изо всех сил сохраняй тайну и не осмеливайся никому на свете доверить ее". Впрочем, она держала ее постоянно при себе, больше, чем ранее, как свою доверенную. Позвав двух из своих родственников, бывших особо верными ей, Гикия говорит им наедине: "Отправясь, соберите к себе втайне протевонов и благородных людей города, и пусть они изберут трех зерных мужей, способных хранить тайну и делать дело и пусть обяжут их все клятвенно, чтобы они исполнили у меня все, что я пожелаю просить их. Пусть они будут тайно присланы ко мне, и я имею нечто настоятельное и полезное городу доверить им. Только поскорее делайте то, что я говорю вам". Когда ее родственники ушли и втайне рассказали об этом протевонам, тотчас те избрали трех мужей, которых сами знали как верных людей и, связав их всех клятвой, что если они согласятся что-нибудь либо делать для Гикии, либо давать, то не откажутся от своих слов, но до конца исполнят обещанное ей ими. Когда они тайно ушли к Гикии, она приняла их и говорит им: "Можете ли вы заверить меня клятвой, что сделаете то, о чем я захочу попросить вас?" Они же ответили ей: "Воистину, госпожа, мы готовы, о чем бы ты ни попросила нас, заверить тебя, что до конца исполним твой приказ". Тогда Гикия говорит им: "Поклянись мне, что если я умру, похороните меня посреди города[38], и я скажу вам мою тайну. Видите, тяжкого чего-либо я не требую от вас". Муж, выслушав это, со всею готовностью заверили ее клятвенно, говоря: "Если ты умрешь, то мы похороним тебя посреди города и не вынесем тебя за стены". Гикия, убежденная их клятвами, говорит им: "В ответ на вашу клятву и я, разумеется, открываю вам мою тайну. Так вот. Я желаю, чтобы вы знали, что мой муж, питающий природную злобу своего города, коварство и зависть против нас, введя втайне по частям толпу боспорян в мой дом, кормит до двухсот вооруженных людей без моего ведома о деле. Но бог ныне по случаю открыл мне это. Итак, он, как кажется, имеет такую цель: когда я дам праздник городу в память моего отца и вы, отвеселившись, уснете, он ночью восстанет с имеющимися у него боспорянами и своими рабами, подожжет ваши дома и перебьет вас всех. Так вот - подходит день памяти моего отца, и должно в соответствии с моей клятвой дать вам по обычаю все для праздника, и у меня имеется все наготове. Пожелайте поэтому и вы все прийти в веселии, попросить и получить все с готовностью, чтобы он еще не помыслил, что мы знаем о деле и чтобы внезапно не началась гражданская война. Пожелайте поэтому открыто по обычаю веселиться, но умеренно, и водить хороводы на площадях, но заготовьте каждый в ваших домах Дерево, вязанки и плотные факелы, так что, когда надоедят вам ликования и танцы, вы прикинетесь, что уходите на отдых, а я также поскорее устану и повелю запереть свои калитки, и вы тотчас в полном спокойствии с вашими рабами и рабынями, принеся всем домом дерево, вязанки и факелы, положите их к моим калиткам и воротцам и вокруг всего дома, вылив масло на дерево, чтобы скорее загорелось, и, когда я захочу и прикажу вам, тотчас бросите огонь, а сами с оружием встанете вокруг дома, чтобы где бы вы ни увидели выходящих из дома через двери, убивали их. Итак, уйдя, расскажите об этой тайне и подготовьте все, что я вам велела". Горожане, услышав об этом от трех мужей, все быстро сделали согласно словам Гикии. Когда настал день поминовения, как будто веселясь, Гикия послала за мужами города, приглашая их брать все для праздника. Помогал и ее муж при этом и просил, чтобы им было дано побольше вина для веселья. Горожане, охотно получая все, радовались, как было им ведено, и водили весь день хороводы. Когда же наступил вечер, горожане стали уставать и уходить в свои дома для отдыха, ибо пировали они всем домом. Гикия, приглашавшая всех своих людей в своем доме пить без оглядки, чтобы они, поскорее опьянев, ложились спать, только горничным своим повелела пряхать и себя саму оградила от вина. Ибо, найдя порфирный кубок, она дала его своей горничной, знавшей о деле, и велела ей налить в него воды. А муж ее, видя порфирный кубок, не догадался, что она пьет воду. Когда же наступил вечер и горожане, как уже было сказано, устали, Гикия говорит своему мужу: "Так как мы навеселились, пойдем отдыхать и мы". Муж ее, услышав, еще больше обрадовался и поспешил улечься, ибо не мог он сам сказать так же, чтобы не вызвать подозрения у жены о той хитрости, которую замыслил. Итак, Гикия повелевает запереть воротца и все калитки и принести ей ключи, как обычно. Когда это было сделано, она говорит своей доверенной горничной, знавшей о заговоре: "Поспеши с прочими горничными ловко забрать все мои украшения и золото и уложить все нужное и приготовьтесь, чтобы, когда я скажу вам, вы последовали за мною". Они же, сделав все по ее приказу, были наготове. Когда ее муж будто бы лег, чтобы поскорее уснуть, а на деле чтобы поскорее встать для заговора против города, Гикия избегала ложиться, пока не заснет вся ее семья. Муж ее заснул от большого возлияния. Гикия, видя его спящим, ловко замкнула на ключ спальню и, заперев мужа, спустившись из дома со своими горничными, выйдя спокойно через калитки и закрыв их, побудила горожан поскорее разжечь огонь вокруг дома. Когда огонь был зажжен и дом загорелся, если кто-нибудь из находившихся внутри оказывался в состоянии

выпрыгнуть или вырваться, его убивали горожане. Так как весь дом вместе с людьми в нем сгорел до основания, бог спас город херсонитов от козней боспориан. А Гикия, когда ророжане хотели разрыть ее сгоревший дом и очистить место для строительства, не позволила этого, а, напротив, побудила весь город, каждого из горожан, носить и насыпать здесь всякие свои отбросы, чтобы весь ее дом был засыпан ими как служивший делу заговора против города. Поэтому до наших дней это место называется Дозором Ламаха[39].

Когда все это так кончилось, херсониты, понимая, сколь неизмеримо благодеяние, совершенное с помощью божией для них Гикией, и что она ничего решительно не пощадила из своего имущества, а важнее всего считала спасение города, воздвигли в награду за такое ее деяние две медные статуи на площади города, изображающие ее в юном возрасте, в каком тогда она находилась, и передающие своим видом величие ее благодеяния и любовь ее к горожанам, поскольку, будучи в юном возрасте, она оказалась столь разумной, что спасла с помощью бога свое отечество. Тогда как на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города. На пьедестале статуи они описали все совершенные ею с помощью божией благодеяния для горожан. Если находится любитель прекрасного, он регулярно от времени до времени обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть на нем о событиях и вспомнить о совершенном ею и о провале козней боспориан[40].

Через некоторое время, когда венценомцем и протевеном страны херсонитов был Стратофил, сын Филомуса[41], Гикия, будучи весьма Умна и желая испытать херсонитов и узнать, действительно ли они намерены исполнить клятвенное обещание и похоронить ее посреди города, сговорившись со своими рабынями, прикинулась сначала потерявшей ко всему интерес, а затем и умершей. Рабыни, обрядив ее, сообщили горожанам в таких словах: "Умерла госпожа наша, и в каком месте должно ее похоронить, укажите нам". Херсониты, услышав, что умерла Гикия, и поразмыслив, отнюдь не стремились соблюсти существо клятвы, а именно - похоронить ее посреди города, но подняв ее, вынесли для похорон за пределы города. Но когда ложе было опущено около могилы, Гикия, сев и оглядев всех горожан, сказала: "Таково-то ваше клятвенное обещание? Так-то вы все соблюдаете? Горе, однако, поверившему в верность херсонита!" А херсониты, видя исполненный ею над ними розыгрыш, крайне пристыженные совершенным предательством, всячески умоляли ее успокоиться, простить им грех и не бранить их более. Впрочем, они заверили ее повторной клятвой, что они похоронят ее не вне, а внутри города, что, конечно, потом и исполнили. Ибо когда она была еще жива, в месте, которое ей понравилось, они поставили ее гробницу, воздвигли еще одну медную статую и, позолотив, водрузили ее у ее могилы в качестве дополнительного заверения.

Должно знать, что вне крепости Таматарха[42] имеются многочисленные источники, дающие нефть[43].

Следует знать, что в Зихии[44], у места Паги, находящегося в районе Панагии[45], в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое - желтое, третье - черноватое.

Да будет известно, что в Зихии, в месте под названием Па-паги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит "пыль", есть фонтан, выбрасывающий нефть.

Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух. Хамух же - имя основателя деревни, старика. Поэтому та деревня так и называется Хамух. Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня[46].

Следует знать, что в феме Дерзина[47], близ деревни Сапикий и Дервени по названию Епископий, имеется источник, дающий нефть.

Должно знать, что в феме Цилиаперт[48], под деревней Срехиаваракс имеется источник, дающий нефть. Да будет известно, что, если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям[49], должно тогда, сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров-херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика[50]: один - на побережье фемы Армениаки[51], другой - на побережье фемы Пафлагония[52], третий - на побережье фемы Вукелларии[53], чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы и потом доставить об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукел-ларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром. Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр[54], выдаваемые крепости Херсон из казны, и две [литры] пакта[55], а затем стратиг[56] уйдет из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там.

[Знай], что если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов[57], то не могут существовать.

[Знай], что если херсониты не доставляют зерно из Аминса[58], Пафлагонии, Вукеллариев и склонов Армениаков, то не могут существовать.

К ЛЕММЕ И ПРЕДИСЛОВИЮ

Унаследованное от античной литературы Предисловие (Прооймион) к сочинению играло важную роль в произведениях византийских авторов. Исследователи не случайно оценивают подобный зачин как своего рода словесный "жест" изготовки к повествованию (см.: Аверинцев С. С. Греческая "литература" и ближневосточная "словесность" // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 220-224). В византийских исторических памятниках Вступления выполняли функцию как утверждения темы произведения, принципов изложения материала, так и сжатой формулировки авторской позиции в отношении своего труда (см.: Чичуров И.С. К проблеме. С. 203-217). Р. Дженкинз отмечает четырехчастный характер Предисловия в сочинении Константина Багрянородного: 2-12 - о практическом значении мудрости для императора (ср.: DAI. 1.4-8; 13.12-14, 19S-197; 43.3-4; 46.167-169; 48.25-27); 12-24-краткое изложение содержания книги (ср. 13.197-200; 46.166-167; 48.23-25); 24-39-пророчество будущей славы царствования Романа II; 39-48 - мольба о божественном покровительстве Роману (DAI. II. P. 9). При выявлении различных стилистических уровней произведения Константина Багрянородного (Tartaglia L. Livelli stilistici S. 197-206) особо следует отметить функции библейской стилистики Предисловия. Фразеология, заимствованная из Ветхого завета, отвечала, по замечанию Дженкинза средневизантийскому идеалу "соломонова правителя" (ср.: Const. Porph. De cerem.P.455; 570. 17; ср. также: Treitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S. 135; Grabar A. L'empereur. P. 95; Schlumberger G'.Un empereur. P. 185, 263; Vasiliev A.A. Byzance. Vol.II. Partee 2. P. 387). Предисловие традиционно датируется 952 г., хотя осторожнее было бы полагать, что оно составлено после подготовки всего сочинения в целом.

1. Ср.: Const. Porph. De cerem. P. 3.455. О двойственной функции власти византийского императора - как царя земного, так и одновременно раба Христа - см.: Dolger Byzanz. S. 23. Treitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S. 146. Anm. 8.

2. О титуле "василевс" см.: Brehier L. L'origine. P. 165 П.; Mason H.J. Greek Terms; ср.: Dolger F. Byzantinische Diplomatie. S. 102 П., 130 ff. В ранневизантийских источниках обозначал царей древности (например, птолемеевского Египта и т.п.), с VII в. служил официальным наименованием византийского императора вместо применявшихся ранее латинских терминов *imperator*, *caesar*, *augustus*. Впервые в официальных документах титул "василевс" для обозначения императора известен по новелле Ираклия 629 г. (Dolger F. Regesten. Bd. I. N 199; Zachariae aLingenthal. Jusgraeco-romanum. Lipsiae, 1857г. P. III. S. 44 ff.). С тех пор становится обычным титулом византийского императора, хотя применялся и по отношению к иноземным правителям, особенно в компилятивных хрониках (см.: Rosch G. ONOMA. S. 37 ff.). С VIII в. (*ibid.* S. 109 ff.) или IX в. (Brehier L. L'origine. P. 161 sg.; Острогорски Г. Автократор и самодержац. С. 99и след. Dolger F. Byzantinische Diplomatie. S. 130-131) в официальных документах стал употребляться исключительно как титул византийского императора. С VII в. известен также титул ??? - "великий император" (Schreiner P. Zur Bezeichnung "Megas" und "Megas Basileus" in der byzantinischen Kaisertitulatur // BYZANTINA. 1971. Т. 3. S. 173 ff) Распространение в Византии титула "василевс" традиционно объясняли причинами внешнего порядка: Ираклий после победы в персидском походе заимствовал титул которым греки обычно именовали персидских монархов (Brehier L. L'origine. P- 172 ff.; Bury J. Selected Essays. Cambridge, 1930. P. 99-109). О той же идее - правда, с учетом позднеантичных традиций -см.: ShahidL. The Iranian Factor. P. 295-312. Однако титул "василевс" - уже до персидского похода Ираклия употреблялся в Византии универсально для обозначения правителей (Brandy K. Der byzantinische Kaiserbrief aus St. und die Schrift der friihmittelalterlichen Kanzleien // Archiv fiir Urkundenforschung. 1908. Bd. 1. S. 34 ff.; Ostrogorsky G. Geschichte. S. 89; Rosch G. ONOMA. S. 106 ff.).

3. Ромеи (т.е. дословно - "римляне", от ??? - Рим) - транслитерация греческого самоназвания византийцев, которые считали себя продолжателями традиций Древнего Рима, а своих василевсов - непосредственными преемниками власти римских императоров (византийскую столицу - Константинополь называли и Новым Римом: Fenster E.. Laudes Constantinopolitanae). Содержание термина "ромеи" было для средневековых греков не столько этническим, сколько конфессионально-политическим. Сами византийцы (ромеи - "римляне"), как правило, непосредственно не сопоставляли себя с современными им жителями Рима (см.: Литаврин Г.Г. Византийское общество С. 166-167). Этнический же термин (FraiKoi - "греки") они избегали употребить применительно к самим себе. Прежде считалось, что титул "василевс ромеев" ??? ???)

правители Византии приняли лишь после признания ими в 812 г. коронации франкского короля Карла Великого в качестве императора в 800 г. Новый титул должен был подчеркнуть превосходство византийского ("римского") императора над "императором франков" (Trsitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S. 161, 187. Anm. 117; Dolger F. Byzanz. S. 80. Anm. 17; Ohnsorge W. Abendland und Byzanz. S. 27, 30)- Г. Рэш показал, однако, что термин "василевс ромеев" применялся в Византии официально как императорский титул задолго до 812 г. и отнюдь не в связи с причинами лишь внешнего порядка (Rosch G. ONOMA. S. 111 ff.). Он зафиксирован на печатях.

4. Ср.; Const. Porph. De cerem. P. 587. 6-7. Император считался божьим избранником, венчанным на царство Христом (см.: Treitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S.34-38, 61-62, 114; Ensslin W. Das Gottesgnadentum. P. 163-165; Brehier L. Les Institutions. P. 55).

5. "Рожденный в Порфире". Ср.: Const. Porph. De cerem. P. 11. 253. "Порфира" (как и порфирный цвет) являлась символом императорской власти (Ensslin W. Das Gottesgnadentum, P. 156.7), а сам термин употреблялся в императорских аккламациях X в. (Const. forph, De cerem. P. 39.20; 45.22; 47.14 etc.). В техническом смысле слово "Порфира" - особый покой в императорском дворце, традиционное место рождения детей правящих василевсов (Delbrueck R. Antike Porphywerke. В.; Leipzig, 1932. S. 27, 148). "Багрянородный" - наследник, родившийся в Порфире, когда отец его сидел на императорском троне. Однако в X в. отнюдь не все "багрянородные" наследники рождались в Порфире (см.: Georg. Cedr. P. 338.20 - 339.2; Theoph. Cont. P. 147.15-17). По замечанию Р. Дженкинза, термин "багрянородный" мог происходить и от второго значения "Порфиры" (отец занимал престол в день рождения ребенка), поскольку известен не раньше эпохи императора Льва VI, родившегося после воцарения отца-узурпатора Василия I (ср.: Liudpr. Antap. P. 1.5; 45.43. См. подробнее: DAI. II. P. 10).

6. Вся последующая часть Предисловия построена на библейских цитатах и текстовых иллюзиях. Ср.: Притчи, 11,1: "Сын мудрый радуется отцу"; 15, 20: "Мудрый сын радуется отцу".

7. Ср.: Theoph. Cont. P. 446. 1-9.

8. Ср.; Ис., 50, 4-5: "Он пробуждает, пробуждает ухо мое, чтобы я слушал.... Господь бог открыл мне ухо".

9. Ср.: Притчи, 2, 6: "Ибо Господь дает мудрость".

10. Ср.: Иак., 1, 17: "Всякое деяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше".

11. Ср.: Псалт., 71, 17: "И благословятся в нем племена; все народы ублажат его".

12. Ср.: Theoph. Cont. P. 70.3.

13. Ср.: Leon. Tact. Col. 677 CD. Далее Константин излагает как основной замысел труда, так и принципы своей внешней политики. Он намерен рассмотреть систему взаимоотношений империи с окружающими ее народами с точки зрения политической выгоды для Византии; определить способ подчинения каждого из этих народов; предупредить о возможных претензиях "варваров" к Византии; дать представление о происхождении, обычаях, природных условиях жизни интересующих империю народов.

14. См. коммент. 8 к гл. 1.

15. Ср.: Второзак., 28,7: "Одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя".

16. Ср.: Ис., 33, 14: "Трепет овладел нечестивыми".

17. Ср.: Зах., 9, 15: "Господь Саваоф будет защищать их".

18. Ср.: Псалт., 88, 37: "Семя его пребудет вечно, и престол его, как солнце предо мною"

19. Ср.: 1 Паралип., 21,3.

20. Ср.: Иов, 5,19: "В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло".

21. Ср.: Второзак., 14,2: "И тебя избрал Господь".

22. Ср.: Галат., 1,15: "...Бог, избравший меня от утробы матери моей".

23. Ср.: Ездр., 1,2: "Все царства земли дал мне Господь".

24. Ср.: Псалт., 17, 34: "И на высотах моих поставляет меня"; Иезек., 40,2: "И поставил на весьма высокой горе".

25. Ср.: Матф., 5,14: "Вы - свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы".

26. Ср.: Псалт., 71,10: "Цари Аравии и Савы принесут дары". Ср. также: Const. Porph. De cerem. P. 40, 14-15. См.: Treitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S. 76. 184

27. Ср.: Псалт., 32,14: "С престола, на котором восседает, он презирает на всех, живущих на земле"; 71,11: "И поклонятся ему все цари; все народы будут служить ему".

28. Ср.: Псалт., 67,20: "Бог возлагает на нас бремя, но он же и спасает нас". 29. Ср.: Исх., 13,19: "И посетит вас бог".

30. Ср.: Исх., 33,22: "И покрою тебя рукою моею".

31. Образ, также заимствованный из Библии (Псалт., 71,16.) Ср. также: Theoph. Соц P. 212. 10-11; 225.20.

32. Ср.: Theoph. Chron. P. 478. 16-17; Theoph. Cont. P. 70.2-3 etc. В библейских словес. ных образах Константин передает актуальную для него идею об утверждении принципа

наследственности императорской власти, мысль о величии этой власти в сочетании с тревогой за судьбу сына-наследника.

К ГЛАВЕ 1

Вся часть сочинения Константина Багрянородного от гл. 1.16 до гл. 13.11 (за исключением гл. 9) представляет собой изложение практики византийской дипломатии по отношению к северным соседям империи. Д. Моравчик характеризовал данный раздел как "практический урок" византийской внешней политики (DAI. II P. 12). Поэтому предполагается, что в первых главах произведения отражено реальное положение для середины X в. Однако у ученых нет согласия на этот счет: Г. Манойлович (Manojovic G. Studije. Knj. 182. S. 11-12), В. Греку (Greco V. Das sogenannte Geschichtswerk. S. 77-80) отмечали учебно-дидактический, а П. Лемерль - книжный, учено-энциклопедический характер произведения (Lemerle P. L'encyclopedisme a Byzance // Cahiers d'histoire mondiale. 1966. Vol. 9, N 3. P. 603 sq.; Idem. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture et Byzance des origines au X-e siecle. P., 1971. P. 277 sq.). Анализ сведений Константина о кочевниках Северного Причерноморья убеждает в актуальном характере приводимых в трактате данных для византийской внешней политики к середине X в., хотя о конкретных источниках информации Константина можно говорить лишь в отдельных случаях и в основном предположительно (Huxley G. Steppe-Peoples. S. 77-89). Важнейшей внешнеполитической проблемой Византийской империи в середине X в. была печенежская (История Византии. Т. 2. С. 203). С печенегами Константин связывает целый комплекс международных отношений. Видя в печенегах главную пружину своих внешнеполитических акций, Византия стремится влиять с их помощью на ход политических дел в Юго-Восточной и Восточной Европе. Моравчик (DAI. II. P. 12-13) привел сводку предлагаемых датировок раздела о печенегах. Г. Манойлович (Manojovic G. Studije. Knj. 187. S. 76-77) считал главы 2-8, 9.114, 12 и 13.9-11 частями монографии о печенегах, написанной в конце правления Льва VI (886-912) и отражавшей этногеографическую ситуацию после того, как печенеги вытеснили "турок" (венгров) из Ателькузу (Междуречья) на север к верховьям Днестра, но до оседания венгров в Паннонии. По его мнению (Ibid. S. 69-73), данные Константина (4.10-11 и 8.21) доказывают близость венгров в это время к печенегам, ибо после ухода венгров за Карпаты они не могли бы легко (ср.: DAI.4) атаковать печенегов. Эту же датировку принял Ф. Дворник (Dvornik F. Les Legendes. P. 243). Однако Моравчик отметил, что в 951 г. (37.13-14) печенеги были в четырех днях пути от Венгрии (37.47-48) и что не было и необходимости направлять тогда печенегов против Болгарии (ср.: 8.20). Для датировки событий существенны сведения Константина, что печенеги уже были соседями болгар и часто нападали на них (см.: 5.3-14; 8.22), что печенеги могли препятствовать набегам "турок" (венгров) на Византию (4.3-13) и что они не раз их уже побеждали (3.2-5; 4.11-13; 8.21-22; 13.9-11). Эти и другие соображения (DAI. II. P. 12-13) не позволяют датировать описываемые события временем до венгерского заселения Паннонии. Ср.: Fodor I. Kazarok, bolgarok, magyarok. Szeljegyzetek Peter B. Golden konyvehez // Archaeologiai Ertesito 1984. N 11. 100-109 1.

1. Речь идет о печенегах (тюрк. *Becenek*) (Gombocz Z. Ober den Volksnamen besenyo // Turan. 1918. T. 3. S. 209-215; Bang W. (Ober den Volksnamen besenyo// Ibid. S. 436-437; Nemeth J- Die petschenegischen Stammesnamen // Ungarische Jahrbucher. 1930. Bd. 10. S. 27-34). Остальную литературу см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 87 ff.; Bd II. S. 249 ff. В русских летописях - Печен-бги, Печен-бзи (Молодчикова И.А. "Повесть вренных лет" как источник о взаимоотношениях Киевской Руси с печенегами // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. Ч. 2. С. 25-26). В византийских источниках употребление этого термина Константином (см. также: Const. Porph. De serem. P. 691. 5-7) - одно из наиболее ранних [до этого времени этноним встречается в сочинениях константинопольского патриарха (901-907, 912-925) Николая Мистика - ??? (PG. T. CXI. Col. 72 D, 73 ACD etc.)]. У Константина зафиксирована и другая форма этнонима - Пат'уакси (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 247-248), получившая потом широкое распространение в византийской традиции и ставшая регулярной для обозначения печенежских племен. Моравчик (Ibid. S. 249) приводит параллели и из других языков: латинского (*Pizenaci*), армянского (*Pacinak*), грузинского (*Pac'amg*), осетинского (*Bedzanag*). Таким образом, термин, используемый Константином, является византийским воспроизведением самоназвания народа (его этнонима). В начальном разделе трактата материал о печенегах относится к их истории в Подунавье, тогда как вопросы происхождения печенежских племен, их древней истории и взаимоотношений с другими племенами освещены в последующих главах (см. гл. 37 и след.). В Северное Причерноморье тюркские племена печенегов перекочевали из Азии в конце IX в. под натиском, как полагают, тюркоязычных народов, в частности гузов (узов), двинувшихся в конце IX в. из Приаралья и бассейна Сырдарьи в Восточную Европу (Голубовский П. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев, 1884. С. 18 и след.; Jettmar K. Die fruhen Steppen-Volker. Baden-Baden, 1964; Gyorffy Gy. Sur la question. P. 283-292; Божилев И.

България. С. 37 и след.). Близким соседом печенегов в заволжский период их истории был Хазарский хаганат (Артамонов М.И. История хазар. С. 336 и след.; Плетнева С.А. Хазары. С. 66 и след.; ср.: Новосельцев А. П. Хазария. С. 20-32). Стремясь ослабить давление со стороны печенегов, хазары заключили союз с узами (торками). Разбитые узамы (см. гл. 14), печенеги двинулись в Хазарию. Овладев причерноморскими степями, печенеги стали расширять зону своей активности. Об их появлении в Причерноморье источники впервые сообщают около 889 г. (Regin. Chron. P. 131-132). Вытеснив в 90-е годы IX в. из Причерноморья мадьяр (гл. 37. См. также: Feher G. Zur Geschichte der Steppenvölker. S 257 i.; Gyorffy Gy. Sur la question. P. 283-292), печенеги в самом конце XI в. оттеснили также уличей, живших в луке Днепра, на север - в Поросье (Плетнева С.А. Печенеги. С. 214). С этими событиями связывается постройка близ Стугны хорошо укрепленного уличского города Пересеченя и разрушение славяно-тиверских городов в Приднестровье (Рыбаков Б.А. Уличи // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 3-17; ср. также гл. 14). С разгромом тиверцев был завершен, как полагают исследователи, захват печенегами причерноморских степей (ср.: Boba I. Nomads, Northmen and the Slavs. Eastern Europe in the Ninth Century // Slavo-Orientalia. Wiesbaden, 1967. Bd. 2. S. 10). Деление печенегов на два объединения отражено, возможно, в сообщении Константина о границе между ними по Днепру. Восточное (левобережное) объединение тяготело к Хазарскому хаганату, западное было больше связано с Болгарией и Византией (ср.: Shepard J. The Russian Steppe-Frontier. P. 218-237). На рубеже IX-X вв. печенеги распространяются на Нижнее Подунавье (Васильевский В.Г. Труды. Т. I. С. 8 и след.; Златарски В. История. Т.1, ч. 2. С. 378 и след.; Расовский Д.А. Печенеги С. 1-66; Gregoire H. Byzance, les Khazars, les Magyars et les Petchenegues // VIF CIEB. Resumes des comm. P. 1940. P. 6-7). Зона распространения печенегов, описываемая Константином в начальных главах, сложилась, скорее всего, к началу X в. Территория "Печенеги" (ср. гл. 42), согласно традиционному мнению, охватывала в конце IX - начале X в. огромную территорию - от Дона до левого берега Дуная (Rambaud A. L'Empire grec. P. 393; Успенский Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX-X вв. Киев, 1889. С. 6, 11; Vasiliev A.A. Histoire. Vol. I. P. 428-429; Grousset R. L'Empire des steppes. P. 238; Мутафчиев П. История на Византия. С., 1947. Ч 1. С. 284-285; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 87; Плетнева С.А. Печенеги. С. 214; ср.: Расовский Д. А. Печенеги. С. 3). Опираясь на свидетельства ал-Мас'уди (X в.), П. Диакону датирует появление печенегов в Нижнем Подунавье временем около 934 г. (Diaconu P. Les Petchenegues. P. 36-37). Несмотря на эти споры, ясно что печенеги в конце IX в. во многом определяют политическую ситуацию на Балканах и в Подунавье. Так, победа болгарского царя Симеона в 896 г. над Византией при Болгарофиге и последующий за этим мир, невыгодный для византийцев, во многом связаны с привлечением Симеоном на его сторону печенежских вождей, которые нанесли поражение венграм - союзникам империи. Диакону считает, что все пространство от Дона до Сирета стало после 896 г. владением печенегов (Diaconu P. Les Petchenegues. P. 34), ограниченным с востока пределами Хазарии (о хазарских памятниках к западу от Днепра: Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. N 142. С. 7 и след., 185 и след., карта на с. 187). Что касается западных территорий, занятых печенегами, то, вопреки обычным отождествлениям упоминаемых Константином рек ??? = Днепр, ??? = Буг, ???; = Днестр (см. гл. 38), Диакону идентифицирует эти гидронимы с названиями рек Ботна, Когилник Ялпуг (Diaconu P. Les Petchenegues. P. 36), т.е. "продвигает" зону расселения печенегов к середине X в. уже на территорию Пруто-Днестровского междуречья. Однако И. Божиллов (България. С. 55-57; Boiilov I. Les Petchenegues. P. 170-175), не соглашаясь с представлением об овладении печенегами к этому времени южной частью Пруто-Днестровского междуречья, указывает на Дунай как границу между Болгарией и "Печенегией". Необоснованность локализации печенегов на территории между Прутом и Днестром подчеркивает и Д. Дьёрффи (Gyorffy Gy. Sur la question P. 283 sq.). Основная масса связываемых с печенегами археологических памятников IX-X вв. обнаружена в бассейне Дона, а не в Пруто-Днестровском междуречье (Плетнева С.А. Печенеги. С. 153-154). В середине X в. южная степная зона между Прутом и Днестром, по мнению Божилова, прочно находилась в руках болгар (Божиллов И. България. С. 59; ср.: Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав. С. 21). Появление печенегов даже в междуречье Буга и Днепра Божилов (България. С. 40) относит только ко времени, близкому к составлению труда "Об управлении империей", т.е. к 948-952 гг. Согласно данным Константина, однако, к середине X в. область расселения печенегов простиралась от средней части Карпат до излучины Дона (см гл. 42). По территории "Печенегии" протекали Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут и Сирет с востока к этой территории примыкали земли хазар и узов, с севера - древней Руси, с запада и юго-запада находились венгры, с юга - комитат Дристры, юго-восточная граница отделяла эту область от византийских владений в Крыму (Коледаров П. Историческата география. С. 58). Одно из первых сообщений о печенегах в русских летописях относится к 915 г.: "В лѣто 6423. Приидоша печенъзи первое на Русскую землю и сотворивше миръ с Игорем, и приидоша к Дунаю" (ПВЛ. Ч.1. С. 31). В первой половине X в. печенеги были объектом активной дипломатии как Византии, так и Руси. Крупных столкновений с печенегами Византия не знала вплоть до XI в., хотя печенеги привлекались то на сторону Византии против болгар или

русских, то на сторону Руси против Византии, Хазарии и Болгарии (Мавро дина Р.М. Киевская Русь и кочевники: (печенеги, торки, половцы). Историографический очерк. Л., 1983). Так, во втором десятилетии X в. Византия пыталась создать коалицию против Болгарии с участием печенегов. С этой целью к печенегам был отправлен в качестве посла херсонский стратиг Иоанн Вогас (он был, возможно, печенежского происхождения: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 92). Послѣдство Иоанна Вогаса (Georg. Mon. Chron. V, 10. P. 804.20-805.5; 807.19-808.3, Theoph. Cont. P. 386.23-387.7; 389.20-390.5; Leon. Gramm. Chron. P. 293.5-13; 295.18-296.2 Scyl. P. 201.51- 202.55; 204.21-25; Zonar. Epit. P. 464.10-465.2; Nic. Patr. Epist., 9. Col. 72 D) рассматривается как важный этап в политике Константинополя после второй болгарско-византийской войны и датируется теперь временем, близким к битве при Ахелое 917 г. Неудача посольства Иоанна Вогаса связывается теперь (вопреки В. Златарскому: История. Т. I, ч. 2. С. 374) с активной самостоятельной политикой Симеона, вступившего в непосредственные контакты с печенегами. Возможно, печенеги участвовали в разгроме византийцев Симеоном при Ахелое 20 августа 917 г. (Божилов И. България. С. 52).

2. Ср.: Притчи, 1,8. Издатель справедливо отмечает, что этот пассаж принадлежит скорее к Предисловию чем к главе 1, как это сделано в издании, сохраняющем композицию рукописи.

3. Ср.: Притчи, 1,5.

4. Ср.: Const. Porph. De cerem. P. 5.2-4.

5. Константин утверждает принцип простоты и ясности стиля изложения (см.: Moravcsik Gy. ??? // Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini. Roma, 1939. Т. I. P. 518-520). 6. Означении античной словесности как образца для византийской риторики см.: Hunger H. On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969/1970. Т. 23/24. P. 17-38; Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. S. 147 ff. 7. Ср.: Const. Porph. De them. P. 82.13; 83.21.

8. Термин ??? применялся к этническим группам населения, противопоставлявшимся ромеям. Для византийцев - это иноверцы и язычники (ср.: Const. Porph. De cerem. (p. 58. 13-16) или иноземцы, например, франки (ср.: Ibid. P. 749.12-13), болгары (ср.: Leon. Diac. Hist. P. 79.6-7). См.: Treitinger O. Die ostromische Kaiser- und Reichsidee. S. 78-79; Lechner K. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. Munchen, 1954. S. 51. О политической теории, которой руководствовались византийцы в отношениях с чужеземцами (εισϋγρ), см.: Ostrogorsky G. Die byzantinische Staalenhierarchie. S. 49-53.

9. Здесь; посланник (Treitinger O. Apokrisiaris // Reallexicon fur Antike und Christentum. Stuttgart, 1942. Bd. I. S. 501-504). Как обозначение секретарской должности термин зафиксирован в VI в. в Оксириных папирусах (Oxyrhynchus Papyri / Ed. B.P. Grenfeld, A.S, Hunt. L., 1898. P. 144.15), но и в ранневизантийских источниках употреблялся в значении "вестник", "посланник", "посол" (см., например, у Исидора Пелусиота - PG. Т. LXXVII. Col. 1225 A). В этом наиболее распространенном значении термин употреблен и Константином. С IX в. апокрисиарием называли иногда и просто посредника, агента (например, у патриарха Тарасия - PG. Т. XCVIII. Col. 1476 C etc.). См.: Sophocles E.A. Greek Lexicon. Vol. I. P. 222.

10. Этот заимствованный из латинского языка термин (лат. obses) (ср.: 1.21; 7.5 и след.; 8.13 и след.; 45.142) употреблялся для обозначения заложников в византийских памятниках и до Константина Багрянородного (см.: Du Cange C. Glossarium. Vol. II. P.1073).

11. Об эпитетах, применявшихся по отношению к Константинополю, см.: Fenster E. Laudes Constantinopolitanae.

12. По Д. Моравчику, это куратор апокрисиария (ср.: Vogt A. Basile I", empereur de Byzance et la civilisation byzantine a la fin du IXe siecle. P., 1908. P. 166; Brehier L. Les institutions. P. 302; Emerceau A. Apocrisiaires et apocrisariat. Notes de l'apocrisariat, ses varietes a travers Phistoire // Echos d'Orient. 1914. Vol. 17. P. 289-297, 542-548). Функции апокрисиария зависели и от ранга того, кого он представлял, и от ранга того к кому он был послан. Различались светские и церковные апокрисиарии. Среди первых можно выделить царских и воинских посланников, среди вторых - патриарших, епископских, монастырских и т.п. В обязанности апокрисиариев входили и функции наблюдателей (Коев Т. Die Institution der apokrisiaris // EB. 1978. N 4. P. 57-61).

13. Ср.: dai. 6.2-3; 37.49. О терминах, обозначающих понятия географической близости, см.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие "граница". С. 69-73.

14. "Округ" (???) - здесь, очевидно, соответствует техническому термину "фема" (см.: Pertusi F La formation; Karayannopoulos J. Die Entstehung). Фема, официально называвшаяся "Климаты" (см. коммент. 15 к гл. 1), именовалась и по ее столице - Херсону (ср.: const. Porph. De them. P. 98-100; 182-183; DAI. 42.39-54). Оставшись в стороне от движения варваров (прежде всего гуннов), Херсон (античный Херсонес) в IV-V вв. сохранял значение восточного форпоста Восточно-Римской империи. Замечание Захария Ритора (VI в.) о том, что в Херсоне "живут люди воинственные и варварские", недостаточно для заключения о преобладании в городе в этот период "варварского" населения. Из надписи императора Зенона (488 г.) известно, что в Херсоне находился хорошо вооруженный гарнизон; в городе функционировало и налоговое ведомство - викарат (Шестаков С 77. Очерки. С. 95 и след.; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 22). В конце V - начале

VI в. в городе велось интенсивное крепостное строительство (Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 19 и след.). В VI в. возобновилась чеканка собственной бронзовой монеты (Соколова И.В. Монеты). Херсонская церковная епархия существовала с начала IV в. Несмотря на более заметные, чем в других городах империи, черты хозяйственной автаркии Херсон в ранневизантийский период представлял собой провинциальный центр, доминировавший в Таврике. Некоторый упадок Херсона в VII - первой четверти IX в. (прекращение выпуска собственной монеты, ослабление торговых связей с Константинополем) связывается как с распространением на Таврику власти хазар, так и с общим кризисом византийского города в эту эпоху (Якобсон А.Л. Крым. С. 29 и след.: Он же. Раннесредневековый Херсонес. С. 35 и след.; ср.: Шестков С. 77. Очерки. С. 36; Соколова И. В. Монеты). Спорным остается вопрос о пределах херсонского самоуправления в конце VII - начале VIII в. в связи с появлением титула "протопопита" Херсона (Theoph. Chron. P. 377.22-380.8), т.е. его "первого гражданина" (Соколова И. В. Монеты. С. 107 и след.). Согласно мнению ряда ученых, Херсон был вплоть до 833 г. "независимым" городом-государством, находившимся в дружественных отношениях с Византией (Соколова И. В. Администрация Херсона. С. 207-209; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. P. 270). Вряд ли, однако, можно говорить о полной его независимости. Неоднократные военные экспедиции в Херсон при Юстиниане II свидетельствуют о большом значении, придававшемся городу в Константинополе и в это время (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 39-42, 62-65, 128-133). К середине VIII в. позиции Византии в Юго-Западной Таврике ослабели; постепенно расширялось влияние хазар, появившихся в Херсоне уже около 710 г. (Васильевский В.Г. Труды. Т. II, ч. 2. С. 397-400; Dunlop D.M. The History. P. 174). Утверждение хазар в Юго-Западной Таврике привело к нарушению торговых связей между поселениями этого района и Херсоном, к упадку земледелия и сокращению хлебной торговли Херсона (Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 37; Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика, Киев, 1974. С. 157). Эта ситуация отразилась и в сообщениях Константина Багрянородного (см. гл. 53). В 833 г. император Феофил с целью укрепления позиций Византии превратил Херсон в административно-военный округ империи - фему, поставив во главе ее стратига (DAI. 53; Theoph. Cont. P. 123-124). Под его начало попали местные правители - архонты (Theoph. Cont. P. 123-124). К этому периоду относятся и известные восстания херсонитов, сопровождавшиеся изгнанием императорских стратигов (например, в 891 г.: Georg. Mon. Cont. P. 855; Theoph. Cont. P. 360). Однако ко времени написания трактата "Об управлении империей" Херсон оставался для Византии главным аванпостом ее внешней политики в Северном Причерноморье. Фема Херсона (или "Климаты") зафиксирована во всех известных тактиконах IX-X вв. (Oikonomides N. Les listes; ср.: Benešević V. Die byzantinischen Ranglisten // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 1926-1927. Bd. 5. S. 123). О Херсоне в связи с фемной организацией см. также: Const. Porph. De them. P. 182-183; DAI. II. P. 153-156, 205-209. Во времена Константина Багрянородного Херсон играл видную роль в системе византийско-печенежско-хазарско-русских отношений. Часть печенегов, вклинившись в земли между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, прервала их связи. Попытки хазар вытеснить оттуда печенегов потерпели неудачу (Плетнева С.А. Печенеги. С. 213 и след.). С этой ситуацией связано сообщение Константина о "близости" печенегов к Херсону и об "окружении" ими Боспора. Для локализации "Печенегии" в южнорусских степях в первой половине X в. существенно, что связи Византии с печенегами около 917 г. (миссия Иоанна Богаса; см. коммент. 1 к гл. 1) осуществлялись через Херсон (Theoph. Cont. P. 390.1 Georg. Mon. Cont. P. 807; Zonar. Epit. P. 464.14-15). По идее, основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова, в междуречье Дона и Днепра (ср. гл. 8) (Божилев И. България. С. 40). Ко времени составления сочинения Константина Херсон находился под властью византийской администрации (Sorlin I. Les traites. P. 447 sq.), о чем свидетельствует русско-византийский договор 944 г. (Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne, les traites byzantino-russes du X-e siecle // Bulletin International de l'Academie Politique des Sciences et des Lettres. 1953. Suppl. 7. P. 11-12; Wosniak F. The Nature. P. 144 sq.; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 225; Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи. С. 41-52). Возобновившаяся с 866/867 г. чеканка собственной бронзовой монеты продолжалась в Херсоне вплоть до конца X в.; тогда же в Херсоне функционировали чиновники византийского таможенного ведомства - коммерциарии: их печати X в. обнаружены там (Соколова И. В. Администрация Херсона. С. 208).

13. Официальное название фемы Херсона (см. в "Тактиконе Успенского": Oikonomides N. Les listes. P. 115). Фема занимала южную часть Крымского полуострова (Vasiliev A.A. The Goths. P. 117; Philippson A. Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden, 1939. S. 122). Сам термин "Климаты" связан с идущими от позднеантичной традиции представлениями о горизонтальном делении поверхности земли на некие "климатические", т.е. широтные, зоны (обычно выделялось семь "Климатов") (Honigsmann E. Die sieben Klimata und die ??? ???). Heidelberg, 1929. Литературу см.: Nystazopoulou M. Note sur ΓΑπολυτε de Hase improprement appele Toparque de Gothic // Bulletin de Correspondance Hellenique. 1962. T. 86. P. 324, п. 7). Предложено толкование греч. ??? как перевод местного имени *sala - "склон" (Трубачев О.Н. Таврские и

К ГЛАВЕ 2

1. О росах см. коммент. 1 к гл. 9.

2. Ср.: ДАИ. 37.42; 47. В начале X в. печенеги кочевали между Доном и Дунаем (см. коммент. 1 к гл. 1). Их кочевья находились в одном дне пути от Киева. С 915 по 1036 г. Киев 16 раз воевал с печенегами (не считая мелких стычек). Политика Руси по отношению к печенегам не сводилась к постоянной конфронтации. Так, Игорь включил их в свое войско во время походов на Византию 943-944 гг. (ПВЛ. Ч. 1. С. 33; Половой Н.Я. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // ВВ. 1958. Т. 14. С. 138-147). Правда, В. Гюзелев (Добруджанский надпис на събитията в България през 943 г. // Исторически преглед. 1968. 6. С. 45) считает, что в данном случае печенеги были орудием Византии, а не Киева; однако это предположение не нашло поддержки (Божилев И. България. С. 60).

3. О названии "Росия" см. коммент. 3 к гл. 9.

4. О русско-печенежской торговле см.: Левченко М.В. Очерки. С. 201; Литаврин Г.Г., Каждан А. П., Удальцова З.В. Отношения Древней Руси и Византии в XI - первой половине XII в. // The Proceedings of the Congress of the Byzantine Studies. Oxford, 1967; Новосельцев Д.77., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси. С. 81-108.

5. Следует отметить ошибочность информации Константина об отсутствии скота у росов, - информации, полученной, вероятно, от византийского купца, а не от болгарина или печенега, знавших лучше реальную ситуацию. Археологические исследования показали, что скотоводство было важной отраслью сельского хозяйства Древней Руси. Как свидетельствуют остеологические материалы, именно оно обеспечивало население большей частью мясной пищи. "Молочные продукты, в частности сыр, издавна входили в рацион питания восточных славян. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне. Шкуры и кости животных использовались в кожевенном и косторезном ремесле. Соотношение костей домашних и диких животных почти во всех без исключения древнерусских археологических памятниках демонстрирует безусловное преобладание скотоводства по сравнению с охотой. Древнерусское стадо включало в себя крупный рогатый скот, лошадь, свинью, овцу и козу. Наиболее часто встречаются в раскопках кости крупного рогатого скота. Очевидно, именно это животное играло ведущую роль в мясной пище населения. Количество костей лошади, обнаруженных на древнерусских памятниках, в несколько раз уступает количеству костей крупного рогатого скота. Однако эти цифры, очевидно, отражают не реальное соотношение этих видов в стаде, а сокращение употребления конины в пищу в связи с распространением использования лошади на пашне и отчасти христианским запретом. Мелкий рогатый скот был менее многочислен, причем кости овец встречаются значительно чаще козых" (Археология СССР. Древняя Русь г, замок, село. М., 1985. С. 225-226).

6. Кроме походов дружин князей Олега и Игоря на Византию (ПВЛ. Ч. 1. С. 33-34) Константин мог под отдаленными войнами росов подразумевать поход Игоря 943/944 г. в Закавказье (Якубовский А.Ю. Ибн-Мисхавейх о походе русов на Бердаа в, X. - 943-944 гг. // ВВ. 1926. Т. XXIV. С. 88-89. Половой Н.Я. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // Там же. 1958. Т. 14. С. 138-147; Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 103), сведения о котором могли дойти до Византии как от хазар (может быть, через херсонитов), так и от самих русских

7. Т.е. Константинополь. Об эпитете см.: Fenster E. Laudes Constantinopolitanae.

8. См. коммент. 27 и др. к гл. 9; ср.: 42.60-62.

9. В гл. 9 Константин пишет, что росы, напротив, способны и проводить ладьи по водным путям и противостоять печенегам. Возможно, за замечанием о невозможности отражать натиск кочевников во время переправы судов стоит какой-то известный Константину конкретный эпизод захвата печенегами торгового каравана росов.

К ГЛАВЕ 3

1 От тюркск. Тюрк" (Турк). Известны восточные формк термина. Письменные памятники зафиксировали термин с VI в. для обозначения ряда народов (древние тюрки VI-VII вв., хазары IX в., мадьяры X-XI вв., вардариоты XI-XIV вв., сельджуки XI-XIII вв.). Поскольку этнонимы и этникины памятников при их переводе нельзя заменять, "переводить" этниконами языка, на который осуществляется перевод, те допустимо было бы в русском переводе сочинения Константина писать "???" имея в виду, что русский этникон "турки" ныне обозначает современное население Турции. Значения греческого этникона объясняют его генезисом. В начале знакомства соседей с кочевыми племенами севернее Согдианы последних стали называть собирательным именем тюрков (Габашвили В.Н. Сведения. С. 46). В памятнике западных тюрков первой половины VIII в. "турк" - "собирательное имя военного союза племен... Это имя долго не получает конкретного

этнического содержания" (Толстое С. 77. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. N 1. С. 81). "Термин т^урк" - "собирательное имя, которое объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения" (Кононов А.Н. Опыт анализа термина Турк // СЭ. 1949. N 1. С. 47). В арабской географической литературе IX-X вв. "слово тюрк появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства..." (Бартольд В.В. Соч. Т. 5. С. 584). Первое посольство западных тюрок появилось в Константинополе в 563 г., второе - в 568 г. В последнем находились согдийцы, от которых византийцам стал известен термин "тюрк" (Harmatta J. Bizanc es a tiirkok kapcsolatainak kezdetei // Antik Tanulmányok. Bp., 1962, 9.k. N 1-2. 39-53. 1.). Он обозначал тогда кочевые племена севернее Согдианы (Габашвили В.Н. Сведения. С. 46). Эти обстоятельства делают понятным применение византийцами термина ??? уже в качестве этникона народов определенной территории и близких хозяйственно-культурных типов. Для древних тюрок такое применение не имело оснований: византийцы принимали общность разных племен за один народ-этнос. В дальнейшем этникон то Орког стал отражать представление византийцев (в некоторых памятниках IX в.) о хазарах и о мадьярах как об одном народе-этнотипе. Вскоре этникон стал обозначать мадьяр в отличие от других народов (указание источников, исследований: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica Bd. II. S. 320-327; DAI. II. P. 13-14; Ligeti L. A magyar. 321-332. 1.). Византийский памятник - речь Арефы (около 861 - около 932 г.) 902 г. - впервые упоминает мадьяр, применяя этникон "турки" (MABF. 13. 1.). Мнение, согласно которому мадьяры имели этноним (самоназвание) "тюрк" (DAI. II. P. 14), отвергнуто исследователем-филологом (Ligeti L. A magyar. 332.1.). Константин пользовался, судя по всему тремя источниками информации о мадьярах: донесениями посла Гавриила (см. гл. 8), сообщениями мадьярских вождей Термачу и Булчу (может быть, также Дьюлы и Булчу), посетивших Константинополь предположительно около 948 г. (гл. 40; MABF. 85-86. 1.), и рассказами хазар из числа телохранителей императора (о них см.: MABF. 35. 1.). Сюжет информации о мадьярах данной главы близок к рассказу о миссии Гавриила (гл. 8). Но сведения о мадьярско-печенежских отношениях записаны из разных источников. Здесь отражен отрицательный этнический стереотип мадьяр, существовавший, вероятнее всего, у хазарских информаторов императора. В гл. 8 - не "трепет" мадьяр перед печенегами, а нежелание воевать с ними. Утверждение о "турки" как этнониме мадьяр не учитывает данных о времени появления этнонима (самоназвания) "мадьяры". Происхождение этого этнонима объясняется в народном предании мадьяр, записанном, правда, впервые лишь в 1282-1285 гг. придворным священником короля Ласло IV Шимоном Кезаи в его "Деяниях венгров" (SRA. I. P. 144-145). Там сказано, что родоначальники двух народов, Хунор и Мадьяр, произошли от одной праматери - животного (то тема). Имена братьев восходят, скорее всего, к древнейшему слою предания. Имя первого представляет собой этикон оногуров (Szucs J. Nemzet. 536. 1.). Второе имя - эпоним (он же - этноним) мадьяр. Согласно преданию, оба народа - "братья". Обыденное сознание народа, создававшего мифы, пыталось обычно объяснить общеизвестные к моменту мифотворчества явления, в частности и тот факт, что мадьяры и оногуры жили вместе, но (и это весьма важно) имели разные самоназвания и названия. Совместное обитание мадьяр и оногуров в Северном Причерноморье датируется второй половиной V - первой половиной VII в. Следовательно, уже в это время мадьяры имели свой этноним, так как иначе было невозможно создать миф о его происхождении. Свидетельство о существовании до X в. самоназвания "мадьяры" содержится также в традиции о наименовании союза племен как мадьярского, сохраненной в сочинении венгерского Анонима (рубеж XII-XIII вв.). Героями повествования здесь выступают "семь лиц княжеского достоинства, которых зовут именем семи мадьяр (Hetumoger)" (SRA. I. P. 33, 37, 39, 41, 47, 50, 94). Важно, однако, что термин "семь мадьяр" (хетумогер - хетмадьяр) был известен Анониму в его первоначальном значении - как связанное с самоназванием "мадьяры" наименование союза из семи племен, которое они дали ему сами. В одном из описаний военных действий под именем "семи мадьяр" фигурируют отнюдь не вожди, а рядовые воины-разведчики (Ibid. P. 78). Ясно, что "хетмадьяр" - название союза племен, образованное по типу таких наименований тюркских союзов, в которых использовались этнонимы: союз оногуров - "десять огулов", союз тогуз-огуз - "девять огузов" (Nemeth Gy. A honfoglalo. 39- (40. 1.). Самоназвание "хетмадьяр" появилось в то время, когда самоназвание "мадьяры" уже упрочилось, но их союз состоял еще из семи племен, т.е. до присоединения к ним трех племен каваров (см. гл. 39), предположительно датируемого временем после 860 г. (под 881 г. кавары упоминаются в последний раз в качестве отдельной от мадьяр силы) (Gyorffy Gy. Tanulmányok. 44, 79.1.). Сохранение в неизменном виде наименования "хетмадьяр" после этой даты как традиции (существовавшей и на рубеже XII-XIII вв.) свидетельствует не только о том, что союз из восьми или десяти племен, куда входили и кавары (одно или три племени), существовал непродолжительное время, в течение которого традиционное представление о "семи мадьярах" не могло измениться, но и о том, что данное традиционное представление (а вместе с ним - и самоназвание мадьяр) разделяли сами мадьяры по крайней мере до второй половины IX в. Поэтому не может вызвать сомнений значение арабского этникона "м. дж. г. р." как воспроизведение самоназвания мадьяр в

сочинении Ибн Русте, который передал отдельные части труда ал-Джайхани, составленного около 922 г. (Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 376) или около 900 г. (Левицкий Т. "Мадьяры". С. 57) и отразившего в сообщениях о мадьярах ситуацию, характерную примерно для 70-х годов IX в. (см. преамбулу к коммент. к гл. 38). Характерно, что Ибн Русте, считавший мадьяр "одной из частей (групп) тюрок" (что не соответствует действительности), знал самоназвание мадьярской этносоциальной общности, служившее ее главным отличием. Судя по всему, сведения об этнониме "мадьяр" получены информатором восточного автора от самих мадьяр. Определение их места в классификации народов как части "тюрок" характерно для арабских географов. Можно предполагать, что уже в X в. византийцы знали, что "мадьяры" - самоназвание народа, известного в Византии под другими этнонимами. В древнерусском (XIV в.) переводе несохранившегося греческого текста - полемического сочинения против "латинян" - говорится о крещении в Константинополе двух князей народа, который назван "пеони, глаголемъ оугри, иже сами нарицаются магаре" (Повесть о латынех. С. 187). Анализируя ценный памятник, Моравчик предположил, что его греческий оригинал был составлен не ранее начала XII в. Свидетельство о мадьярах автор этого оригинала, видимо, почерпнул из несохранившегося сочинения, написанного, вероятно, около 985 г. и использованного, очевидно, Иоанном Скилицей, который сообщает о посещении Константинополя двумя мадьярскими предводителями (Булчу и Дьюлой) и об их крещении (Scyl. P. 237; MABP. 85-86. 1.; Moravcsik Gy. *Studia byzantina*. P. 328-330). Все это исключает возможность того, чтобы представители мадьяр при посещении Византии именовали себя "турками". Решающим же аргументом против упомянутого допущения является тот факт, что мадьяры XI-XIV вв. использовали наименования "турк", "тёрёк" в качестве этикетов для обозначения отличных от мадьярского населения этнических групп, селившихся в его среде. Об этом со всей определенностью свидетельствуют документально зафиксированные этнопонимы и этноантропонимы (Kristo Gy., Makk F., Szegfu L. *Adatok*. 1. k. 11-12. 1.). Полагаем поэтому, что, применяя этнокон "турки" по отношению к мадьярам, византийцы следовали литературной традиции, начало которой было положено в речи Арефы и развито в "Тактике" Льва VI Мудрого (составлена после 904 г., но до 912 г. и воспроизводила в ряде случаев текст военного трактата Маврикия рубежа VI-VII вв.). Исходя из своих знаний военной организации и тактики конного народа - мадьяр. Лев Мудрый сравнил то, что ему было известно, с описаниями тюрок (их самоназванием было "кёктюрк") у Маврикия, нашел эти описания в основном соответствующими его сведениям о мадьярах и перенес данные Маврикия, модифицировав их, на мадьяр, обозначив их также этноконом "турки". Факторами, способствовавшими такому отождествлению (из него по существу исходили информаторы Константина), являлись принадлежность мадьяр к тому же типу военной организации, к какому относились и турки конца VI - начала VII в., описанные Маврикием под этноконом "турки", а также наличие у византийцев сведений только о той части венгерского этноса, которая составляла войско мадьяр, и отсутствие сведений об их самоназвании. Переносу на мадьяр этнокона "турки" способствовало также обыкновение византийских авторов использовать собирательные и архаичные имена народов (Литаврин Г. Г. Некоторые особенности. С. 210-211 216; Moravcsik Gy. *Studia byzantina*. S. 320; Idem. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 13-17). Свидетельства византийских памятников (с венгерскими переводами, характеристиками источников и библиографиями исследований каждого памятника), отражающих сведения о мадьярах X-XIII вв. и о венгеро-византийских отношениях, см. в посмертно опубликованном труде Д. Моравчика (MABF). Об этих отношениях систематическое исследование всех источников с учетом предшествующего изучения: Moravcsik Gy. *Byzantium*, исследование отдельных аспектов: Moravcsik Gy. *Studia byzantina*. Библиография работ по истории венгеро-византийских отношений X в.: *Jak*. III. 321-326. 1. 2. Ср.: *DAI*. 4.11-13; 8.21-33; 13.9-11; 38.55-57; 40.16-19. О печенежско-венгерских отношениях к середине X в. см. также преамбулу к коммент. к гл. 1.

К ГЛАВЕ 4

1. О необходимости мира с печенегами ср.: *DAI*. 1.17; 5.5.
2. Ср.: *DAI*. 6.11; *Const. Porph. De cerem.* P. 691. 4-7. По мнению Д. Моравчика, употребление термина ураццата свидетельствует о том, что печенеги были совершенно независимыми, самостоятельными контрагентами в отношениях с империей (*DAI*. II. P. 14). См. также: *DolgerF. Byzanz*. S. 37-38; Idem. *Byzantinische Diplomatie*. S. 141; *Ostrogorsky G. Die byzantinische Staatenhierarchie*. S. 49.
3. Об отношениях печенегов и венгров ср.: *DAI*. 3.3; 8.21-22; 13.9-11; 38.55-57; 40.16-19. Запись этих сведений Константина осуществлена, несомненно, до 895 г. когда мадьяры перешли через Карпаты и начали осваивать Среднее Подунавье, так как о каких-либо нападениях печенегов на здешние места обитания мадьяр неизвестны.

К ГЛАВЕ 5

1 От тюрк. *Bulyar*. См.: SiSmanov I.D. L'etymologie du nom "Bulgare" // *Keleti Szemle* 1903. Т. 4. S. 47 ff., 334 П.; 1904. Т. 5. S. 88 ff.; Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1953. Bd. I. S. 102; Дуйчев И. Славяни и първобългари // *Известия за Институт за българската история*. 1951. Т. 1/2. С. 193 и след.; Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 104-105. Латинские варианты этнонима: *Bulgari, Bulgarii, Bulgares, Vulgares*. Древнеславянские формы: Блъгаре, Блъгаре, Блъгары, Блъгари, Болгаре, Болгары, Болгари. Восточные варианты см.: Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 105. Недавно предложенная этимология *bulgari*

Славянские племена Подунавья получили имя "болгары" от тюрк Аспаруха, вставшего во главе союзного государства, утвердившегося в 680-681 гг. между Дунаем и Балканами (см.: Литаврин Г.Г. *Формирование и развитие*. С. 140-148; Ангелов Д. Проблемы предгосу дарственного периода на территории будущего Болгарского государства // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М., 1987. С. 14-15). Этнокон "болгары" распространился затем - сначала как политоним - на все население государства (Литаврин Г. Г. *Формирование и развитие*. С. 155, 158), утратив узко этнический смысл, чтобы ко второму десятилетию X в. стать этническим самоназванием (этнонимом) для всего, теперь уже славянского населения Болгарии (Ангелов Д. *Образуване на българската народност*. С., 1981. С. 189 и след.; Литаврин Г. Г. *Формирование этнического самосознания*. С. 70-74). В конце IX в. Болгария снова стала серьезным и могущественным противником Византии (Browning R. *Byzantium*; Литаврин Г. Г. *Формирование и развитие*. С. 167-170). Успешные военные действия вел против Византии болгарский царь Симеон (893-927 гг.), отодвинув далеко на юг болгаро-византийскую границу в начале X в., заняв в 914 г. Адрианополь и став фактически хозяином на всем пространстве от Константинополя до Фессалоники. Он провозгласил себя "василевсом болгар" (ср.: Ставридо-Зафрака А. ???). Проектировался брак дочери Симеона с малолетним тогда Константином Багрянородным (Божилев И. *Цар Симеон*. С. 128 и след.). В ответ на усиление Первого Болгарского царства Византия стремилась создать антиболгарскую коалицию (Browning R. *Byzantium*. P. 63 sq.). В начале 20-х годов имели место многочисленные походы болгар на Византию, вплоть до стен Константинополя (921, 922, 923-924, 924 гг.). В 925 г. Симеон принял титул "василевса ромеев и болгар" (*Cambridge Medieval History*. Vol. IV. Part. I. P. 508. N 3). Известна его печать с надписью ??? ("Симеон во Христе василевс ромеев"): Besevliev V. *Die protobulgarischen Inschriften*. В., 1963. S. 330-331. N 89 а. По всей вероятности, Симеон добился превращения в 926 г. архиепископии Болгарии в патриархат, независимый от Константинополя (Runciman S. *A History of the First Bulgarian Empire*. L., 1930. P. 173-174; Тойнбе А. *Constantine Porphyrogenitus*. P. 360). Сын Симеона Петр заключил в 927 г. с Византией мирный договор. В середине X в. Византия еще продолжала платить Болгарии дань (ср.: Тойнбе А. *Constantine Porphyrogenitus*. P. 358 sq.; Browning R. *Byzantium*; Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth*. P. 115 sq.; *История на България*. Т.2. С. 238 и след.; Петров П. *Образуване на Българската държава*. С., 1981. 2. Ср.: *DAI*. 1.17:4.3.

3. Ср.: 8.5; 37.41-48. См.: Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII-IX вв. // *ВВ*. 1960. Т. 17. С. 142-143.

4. Стратиг Херсона Иоанн Вогас (см. коммент. 1 к гл. 1) имел приказ императрицы Зои направить печенегов против болгар (Georg. Mon. Cont. P. 879.12-19, 882.3-20; Theoph. Cont. P. 386.23-387.13, 389.20-390.21; Nic. Patr. Epist. Col. 72-76). По сообщению Николая Мистика, в 924-925 гг. печенеги готовились к вторжению в Болгарию (Nic. Patr. Epist. Col. 149-153). Константин не исключает возможности новых столкновений с болгарами: его общий тон в труде "Об управлении империей" в отношении Болгарии отнюдь не дружественный. Ср.: Литаврин Г. Г. *Константин Багрянородный* (в печати). Как показал И. Божилев (*България*. С. 52 и след.), между болгарами и печенегами существовали в целом хорошие отношения со времени правления Симеона и до конца существования Первого Болгарского царства. В этот период и дунайская граница между ними была достаточно прочной.

К ГЛАВЕ 6

1. Ср.: *DAL* 1.25; 8.5; 9.67; 37.38.

2. О торговле с Херсоном см. гл. 53.

3. От тюрк. *Qazar*. Литературу см.: Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 334. Латинские формы этнонима: *Chazari, Chasiri*. Д. Моравчик приводит и восточноеязычные формы: кит. *Ko-sa, Ho-sa*, арм. *H'azirk'*, сир. *Hasar*, перс. *Hazar*, араб. *Hazar*. Славянские формы: Хазары, Хозары, Казары, Козары, Косары (Kramers J.H. *Analecta orientalia*. Leiden, 1954. Vol. I. P. 130-146). В VIII-XI вв. термин "Хазария" обозначает в византийских источниках страну народа хазар (??? - см. гл. 10). Этот же смысл топоним имеет и у Константина (Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 334). Этноним "хазары", впервые зафиксированный у Стефана Александрийского (610-641), является византийской передачей тюркского самоназвания хазар. Византия в период с VII по IX в. активно старалась вовлечь хазар в союзные коалиции против персов, затем арабов, рассматривая их как

традиционного союзника в Северном Причерноморье (История Византии. Т. 2. С. 203), поскольку и тем и другим угрожали кочевники северных степей и арабы. В 860-861 гг. Византия пыталась ввести при дворе хагана христианство (посольство Константина-Кирилла). Эпизодически серьезные противоречия в политике Византии и Хазарии возникали и в VIII в. (Dvornik F. *Les legendes*. P. 148-212). Обострялись отношения хазар с империей и в правление Василия I (867-886) (Mosin V. *Les Khazares*. P. 309-325). Однако связи Византии с хазарами не прервались. Во время войны с Симеоном в византийских войсках сражались и хазары, хотя отношения уже тогда стали ухудшаться, поскольку Константинополь искал опору в христианской Алании, соперничавшей с соседней Хазарией. Еще более напряженными и даже враждебными они стали в правление Романа I Лакапина (920-944). Хазарская проблема была острой и во внешней политике Древней Руси (Пашуто В. Т. *Внешняя политика*. С. 91 и след.). Принятие правителем росов в первой половине IX в. хазарского титула "хаган" (ср.: *Annales Bertiniani*. A. 839; Kmiotowicz F. *Tituly wladcow Slowian w tzw. "Relacji anonimowej", wschodnim zrdde z konca IX w. // Slavia antiqua*. 1976. 23. S. 175-189) свидетельствовало не только об интенсивных русско-хазарских связях, но и об осознании независимости Руси, ее равноправия с хаганатом (Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *История СССР*. 1982. N 4. С. 150-159). Русская политика по отношению к Хазарскому хаганату в конце IX - начале X в. значительно активизировалась (Пашуто В.Т. *Внешняя политика*. С. 92 и след.). Период, непосредственно предшествовавший составлению труда "Об управлении империей", характеризовался новым обострением византийско-хазарско-русских отношений. В 932 г. Византия сумела направить аланского правителя против хазар, затем она попросила Русь вмешаться в эти события (Артамонов М.И. *История хазар*. С. 363-364). Древние росы совершили успешное нападение на хазарский город Самкерц (либо предместье Керчи: Mosin V. *Les Khazares*. P. 322; либо - что менее вероятно - Тамань: Артамонов М.И. *История хазар*. С. 373). В ответ на интриги империи хазары завоевали ряд Византийских приморских городов в Крыму, осадили Херсон (исход осады неизвестен; см.: Коковцов У.К. *Еврейско-хазарская переписка*. С. 118-119). В итоге аланский союз империи потерпел неудачу: поход аланов на хазар 932 г. закончился поражением, византийские священнослужители были изгнаны из Алании. Византия отказалась от посягательств на Хазарию (Кузнецов В.А. *Аланские племена; Он же. Средневековая Алания*; ср.: Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX-X вв. // *Изв. АН СССР*. 1946. Т. 3. N 5). В неясной связи с этими событиями Русь, вероятно, и выступила против Византии, организовав завершившийся неудачей поход Игоря 941 г., а затем поход в Закавказье в 943/944 г. Видимо, русско-хазарские взаимоотношения в это время были мирными: хазары пропустили росов на пути к Кавказу не потому, что их походы были в интересах Хазарии (Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии // *ВВ*. 1961. Т. XVIII. С. 85-104; 0" же. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // *Там же*. Т. XX. С. 90-105; Он же. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в. // *Зап. Одесск. археологич. об-ва*. 1960. Т. I (34). С. 343-353), а потому, что уже не могли росам воспрепятствовать (Артамонов М.И. *История хазар*. С. 384. Поимеч. 69). С начала X в. на хазарскую степь интенсивно наступали печенеги (Плетнева С. А. *Хазары*. С. 67-68); к середине X в. северные провинции Хазарии были уже заняты печенегами и даже номинально не входили в состав хаганата. Решающий удар по могуществу хазар нанес Святослав во второй половине 60-х годов X в. (Пашуто В.Т. *Внешняя политика*. с. 93 и след.; Плетнева С.А. *Хазары*. С. 71 и след.). Литературу см.: Weinryb B.D. *The Khazars. An Annotated Bibliography // Studies in Bibliography and Booklore*. 1963/1964. Vol. 6; Dunlop D.M. *The History*; Sorlin I. *Le probleme des Khazares et les historiens sovietiques dans les vingt dernieres annees // TM*. 1968. 3. P. 423-455.

4. Политическое объединение группы адыгских племен, обитавших на побережье Черного моря между Кубанью и Никопсисом. Название "зихи" встречается и у более ранних византийских авторов.

5. Название "влаттии" ("пурпур") (Liddel H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Vol. I. P. 318) связывается (не без сомнения) с финикийским именем Афродиты (Ioannis Lydi *De mensibus / Ed. R. Wunsch*. Lipsiae, 1898. I. 21; ср.: Sophocles E.A. *Greek Lexicon*. Vol. I. P. 310). Обычная форма слова - "р^атта" (ср. лат. *blatta*): *Edictum Diocletiani // Mommsen T., Blummer Я. Der Maximaltarif des Diocletian*. B., 1893. P. 24.2; *Eiphanius* (a. 402) // *PG*. T. XLI, III. Col. 185C. Ср.: *Eparch. Biblion*, IX, 6. Византийскому названию драгоценных тканей, главным образом шелковых, - "влаттии" соответствовало славянское - "паволоки" (Византийская книга эпарха. С. 151). "Прандии" - "лента, тесьма, пояс, шнур". См.: *Theoph. Chron*. P. 359.7. "Прандиями" назывался мелкий галантерейный товар - ленты, повязки, головные платки, покрывала (*Const. Porph. De cerem*. P. 189; Византийская книга эпарха. С. 156), вообще, готовое для употребления изделие из ткани (Беляев Д.Ф. *Очерки, материалы и заметки по византийским древностям*. СПб., 1891. Т. 1. С. 17). Феофан "прандиями" называет головной убор варваров (*Theoph. Chron*. P. 232). "Харерии" - вид шелковой (персидской) ткани: *Sophocles E.A. Greek Lexicon*. Vol. II. P. 1161. В "Книге эпарха" упоминается среди товаров сирийского импорта: "... ткань харерия, доставляемая из Селевкии и других местностей" (*Eparch*,

Biblion. IX, 6). Ср.: Du Cange C. Glossarium. Vol. II. P. 1733. О поясах см.: Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani libri III, 2, 13 / Ed. R. Wiensch. Lipsiae, 1903. P. 68.23-24; Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. Vol. I. P. 132.11; Const. Porph. De cerem. II. P. 188, 420. Перец в Византию привозили из Индии (Византийская книга эпарха. С. 203; Pigulewskaja N. V. Byzanz auf den Wegen nach Indien. В., 1969. S. 78), причем перец длинный и белый, как и другие пряности, например, корицу и кардамон (Ирмшер И. Византия и Индия // ВВ. 1984. Т. 45. С. 67). Византийцы использовали перец для приготовления мясных блюд (Коколес Ф. ??? // ЕЕBS. 1941. Е. 26), а также как добавку к вину (Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae / Rec. H. Beckh. Lipsiae, 1895. VIII. 31; Геопоники / Пер. Е.Э. Липшиц. М.; Л., 1960. С. 154). О средневековой торговле перцем см.: Schaubе A. Handelsgeschichte der romanischen Volker. Munchen; В., 1906. S. 89, 162-165; Wheeler R.E.M. Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955. P. 148-149.

6. О статусе печенегов по отношению к империи ср.: DAI. 4.10 и коммент. 2 к гл. 4.

К ГЛАВЕ 7

1. Служители императора, выполнявшие его поручения (Oikonomides N. Les listes. P. 370).

2. Д. Моравчик рассматривает главы 7 и 8 как описание процедуры, которой следует придерживаться византийским послам, отправляющимся к восточным и западным печенегам (см.: DAI. 7.2 и 37.34-49). Первых легко было достигнуть, отправившись из Херсона, вторых - уже в устье Дуная (8.3). Об общих инструкциях послам подобных миссий см.: PG. Т. CXIII. Col. 637 BC (DAI. II. P. 15). Вероятный источник данных сведений - рассказы византийских послов в "Печенегию" (Тоунбее А. Constantine Porphyrogenitus. P. 599).

3. Этим термином Константин Багрянородный обозначает область расселения печенегов. В более ранних источниках топоним Пат^ауакш встречается у Николая Мистика (Nic. Patr. Epist. Col. 73 C) (см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 247). Термин в византийских текстах редкий: известны еще лишь два случая его употребления - в анонимной тактике X в. (Incerti scriptoris byzantini saeculi X liber de re militari / Ed. R. Vari. Lipsiae, 1901. P. 29.12) и в XI в. у Иоанна Скилицы (Scyl. 486.11).

4. Об охранниках (???) см. также: Liutpr. Legatio. P. 206.22; Brehier L. Les institutions. P. 310.

5. О притязаниях печенегов и других "северных народов" ср.: DAI. 13.15-16.

К ГЛАВЕ 8

1. Византийское тяжелое военное судно, вмещавшее 100-500 человек (Antoniadis-Bibicou H. Etudes d'histoire. P. 94). Согласно другому мнению, "хеландия"- лишь просторечное название дромония (см. коммент. 1 к гл. 51) (Ahrweiler H. Byzance. P. 411-417).

2. Вполне основательно предположение Д. Моравчика, что послы к западным печенегам о которых здесь идет речь, могли встречать их прежде всего в устье Дуная. В этот период Дунай был границей Болгарии и территории распространения печенегов, (ср.: DAI. 42.20-21). См.: Златарски В. История. Т. I, ч. 2. С. 373 и след.; ср.- DAI. II. P. 15.

3. Передача "ъ" в славянских названиях (Дънепр, Дънестр) через краткий "а" характерна для византийской ономастики (ср. юго-славянский материал: Skok P. Kako bizantiski pisci pi^аu... slovenska mjesna i licna imena // Starohrvatska prosvjeta. N.S. 1927. n 1. p. 60-76, 161-196; Idem. Ortsnamenstudien. S. 213-244). В связи с этим в науке был поставлен вопрос о славянском информаторе Константина по данным сюжетам (Тихомиров М.Н. Происхождение. С. 76; Левченко М.В. Очерки. С. 209-210; Хаджини-колов В. Българо-руските стопански отношения и връзки до освобождението ни от турско иго // Трудове на Висшия икономически институт "Карл-Маркс". 1957. Кн. 1. С. 34; Koledarov P. West Black Sea Coast Ports in the Late Middle Ages. Listed on Nautical Chartes // Etudes historiques. Sofia, 1970. Т. V. P. 241 sq.).

4. Выражение "в стороне (цѣро<;) Булгарии" вызвало острые споры. Болгарский историк И. Божилев (България. С. 55 и след.) видит здесь доказательство того, что "регион (цѣро<;) Болгарии" простирался во время правления Константина до Днепра, часть печенегов, по соглашению с болгарским царем, жила в пределах Болгарии, и к ним можно было прибыть и по Дунаю, и по Днестру, и по Днепру. Предположение это не представляется убедительным: гл. 37.39-41 не оставляет сомнений в том, что и в комментируемом месте имеется в виду лишь непосредственное соседство земель западных печенегов с территорией Болгарии и что границей между Печенегией и Болгарией было устье Дуная (См. комм. 17 к гл. 37).

5. О "заканах" (???) см.: DAI. II. P. 145-146 и коммент. 18 к гл. 38. Константин передает, несомненно, славянское слово; видимо, само это понятие, а, возможно, и нормы права были заимствованы печенегами у славян. Ср. также гл. 38.52. Впрочем, Д. Моравчик отмечает, что термин "закан" в качестве идиомы проник даже в средневековый греческий (он воспроизведен в словаре "Суда" X в. под словом ???). Как на историографический курьез, можно указать на мнение И. Маркварта, истолковавшего ??? Константина как обозначение должности (Marquart J.

Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 35). О среднем роде см.: Manojhvic G. Studije. Knj. 187. S. 98).

6. Понятие "друзья" использовалось византийцами для обозначения своих союзников. Об их статусе см.: Dolger F. Byzanz. S. 38, 65-66; ср.: DAI. 1.20-24; 9.69 (sub linea).

7. Об этих нападениях ср.: DAL 3.3; 4.11-13; 13.9-11; 55-57; 16-19. См. также коммент. 1-2 к гл. 3.

8. Единственное известное свидетельство о миссии клирика Гавриила. Наиболее вероятно предположение Д. Моравчика, что она имела место после 927 г. Эта датировка убедительно обоснована ученым. Он указывает на то, что Византия между 913 и 925 гг. рассчитывала на помощь печенегов в войне с Болгарией, так что вряд ли могла направлять венгров против своих возможных союзников. Однако ситуация изменилась после смерти Симеона и заключения мира с Болгарией (927 г.): империя могла быть заинтересована в отвлечении внимания венгров и печенегов от своих границ, толкнув их друг на друга. В отказе венгров от предложения Гавриила (вытеснить печенегов и занять область, из которой венгры были некогда изгнаны печенегами) Моравчик видит отзвук поражения венгров от печенегов в 896 г. (см.: DAI. 38. 60-61). (DAI. II. P. 16; MABF. 36.1; здесь и обзор других датировок; ср.: Moravcsik Gy. Byzantium P. 53-54). Рассказ передан, несомненно, со слов самого Гавриила (MABF. 37.1.; МЕН. 283.1.). Магьяры представлены здесь, в противоположность печенегам, как зависимые от императора люди, т.е. так же, как и в "Тактике" Льва Мудрого (они "даже скорее стремятся к тому, чтобы показать себя подданными ромеев": MABF. 23.1. §76). Конечно, здесь отражен этнополитический стереотип, характерный для представителей господствующего класса Византии и не отражавший действительности. Народ "ромеев", как справедливо заметил исследователь, "представал в их изображении... как особый, убранный богом, призванный властвовать над другими..." (Литаврин Г. Г. Некоторые особенности. С. 203).

9. Именно из этих слов Д. Моравчик заключил (DAI. II. P. 15), что во время посольства Гавриила венгры („турки“) были зависимы от Византии. Однако, во-первых, слово "повеление" отнесено в рассматриваемой фразе не к венграм, а к Гавриилу, во-вторых, сам Константин Багрянородный в трактате "О церемониях" говорит о том, что к архонтам венгров посылались урაცата (MABF. 34. 1.), а этот термин имеет в виду независимых контрагентов (ср.: DAI. 4.10).

10. Греческий термин "архонт" (???) был широко распространен в византийской социально-политической практике (Ферлуга J. Ниже војно-административне јединице. С. 90-92). В византийской литературе X-XI вв. термином "архонт" обозначали как знатных персон, имевших определенный титул и занимавших высокую должность (глава провинции, воинского подразделения, административного учреждения и т.п.), так и не имевших должности богачей, а также чужеземных правителей (болгарских царей, русских князей, племенных вождей кочевников и т.д.). Ср.: Hauptmann Lj. Koje su sile. S. 171; Koder J. Zu den Archontes. S. 128-131; Ferluga J. Archon. S. 254-266. Тот же термин предписывалось употреблять в императорских посланиях при обращении к вождям венгров (Const. Porph. De cerem. P. 691.4). См. также коммент. 10 к гл. 9.

11. Место, трудное для понимания; Д. Моравчик указывает венгерскую параллель к греческому переложению слов архонтов, расценивая их как достоверные (DAI. II. P. 16) и предлагает перевод: "... Мы не поставим себя после печенегов". Р. Дженкинз переводит: "Мы не поставим себя на путь печенегов".

12. Из последних строк главы явствует, что магьяры были независимы от византийского императора: его поручение не было выполнено, так как не отвечало интересам мадьяр. Ср.: DAI. II. P. 15-16; Dolger F. Regesten. Bd. I. S. 70. О точности воспроизведения слов архонтов мадьяр позволяет заключить то обстоятельство, что передана интонация, характерная для устной речи. Фраза, таким образом, адекватно и непосредственно отражает, скорее всего, этнический стереотип печенегов, существовавший у мадьяр (см.: DAI. II. P. 16). Однако здесь нет выражения страха перед печенегами, который Константин приписывает мадьярам в гл. 3.

13. Константин сообщает важные сведения, характеризующие отгонное скотоводство как основу экономической жизни печенегов: в поисках пастбищ они перемещались в летнее время из-за Днепра к берегам Черного моря и дунайским равнинам, а осенью отходили назад. Эти сведения согласуются с материалами археологических исследований погребений кочевников. Ориентировка скелетов в большинстве степных могильников головой на юго-запад - показатель зимних захоронений. Курганы в южнорусских степях расположены беспорядочно. Судя по археологическим данным, У печенегов не было постоянных зимовищ, как не было и кладбищ. "Это были кочевники периода военной демократии, всегда готовые к войне и грабежам" (Археология СССР. Степи Евразии. С. 217, 221).

Основное содержание главы 9 - описание водного пути из Киева в Константинополь с краткими упоминаниями северной части Днепровского пути (от Новгорода до Киева) и этнополитической ситуации в Древнерусском регионе. Заключительная фраза об узах, фактически открывающая

следующую, десятую, главу и перекликающаяся с главами о печенегах (гл. 1-8), по мнению всех исследователей, попала в главу 9 случайно при переписке сочинения из-за неясности или отсутствия деления на главы (DAI. II. P. 18). Вместе с тем описание Днепровского пути отнюдь не является однородным ни по содержанию, ни по источникам. Наиболее очевидно, что отмечается всеми исследователями (Ibid. P. 18-20), его деление на два раздела: собственно описание пути (9,3-104) и повествование о "полюдьях", т.е. о формах взимания дани "росами" с подвластных им славянских племен (9, 104-113) - то, что названо у Константина "образом жизни росов". Различное происхождение разделов подтверждается употреблением в них одних и тех же названий в отличных фонетических формах: Киева - ??? (Киова К.Е.) (9, 8), ??? (Киова К.Е.) (9, 15) в первом разделе и ??? (Киавон К.Е.) (9, 106, 111) во втором (отметим при этом, что во втором разделе передача названия в обоих случаях одинакова, тогда как в первом транслитерации различаются и между собой, как если бы автор или переписчик был не совсем уверен в передаче [или звучании] слова) и "кривичи" - ??? (Кривитаино К.Е.) (9, 9-10) и ??? (Кривитсон К.Е.) (9, 108, причем вторая форма значительно правильнее отражает звучание древнерусского слова). Надо добавить и то, что именно во втором разделе, и только в нем, встречаются древнерусский *terminus technicus* в греческой транслитерации - "полюдье": ??? (9, 107), а также вероятные кальки с древнерусского: ??? (9, 106) - "со всеми росами" (см. коммент. 65 к гл.9) и ??? (9, 110) "кормьясь" (см. коммент. 73 к гл. 9). Таким образом, второй раздел главы (9, 104-113) обнаруживает значительно более близкое знакомство с древнерусской политической ситуацией и терминологией, нежели первый, и передает последнюю существенно точнее. Поэтому напрашивается предположение, что данный раздел основан на информации человека, не только знавшего древнерусские реалии, но и владевшего древнерусским языком.

Состав первого раздела (9, 3-104) более сложен. Он в свою очередь распадается на ряд тематических пассажей, возможно различного происхождения.

Первый из них - это описание подготовки однодеревок-моноксил к плаванию в Константинополь (9, 3-24). Именно в связи с этой темой в повествование включены названия шести городов, находящихся на пути "из варяг в греки": от Новгорода до Киева. Д. Оболенский выделяет список городов как отдельную часть (DAI. II. P. 18), в чем думается, нет необходимости, так как он не является самостоятельным перечнем, а подчинен задаче рассказать, откуда приходят в Киев моноксилы. Представляется, что выделение именно этих городов (кроме Любеча и Вышгорода, лежащих уже в непосредственной близости от Киева) тесно связано с последующей информацией и информатором раздела, поскольку в приводимой здесь ономастике прослеживаются скандинавизмы. Обращает на себя внимание и то, что перечисленные в северной части пути города (см. коммент. 5 к гл. 9) не только были крупнейшими торговыми и политическими центрами, но и хорошо известны как пункты пребывания великокняжеских, состоящих в значительной степени из скандинавов, дружин (см. коммент. 6, 11, 13 к гл.9).

Второй пассаж - описание Днепровских порогов (9, 24-79). Подробность и яркость его, указание мелких деталей внешнего вида порогов, характеристика способов преодоления каждого из них свидетельствуют о том, что описание вышло из-под пера очевидца, на собственном опыте познакомившегося с трудностями плавания по этому отрезку Днепровского пути. Включение именно в этот пассаж собственно византийских (точнее константинопольских) реалий: сопоставление ширины первого порога с циканистерием (9, 26; см. коммент. 30 к гл. 9), а переправы Крария с ипподромом (9, 68; см. коммент. 48 к гл. 9) указывают на то, что автором его является житель Константинополя: побывавший в Киеве купец или, как предполагает большинство исследователей (DAI. II. P. 19), член византийского посольства в Киев, участвовавший в подписании договора 944 г.

К характеристике порогов примыкает и, видимо, принадлежит тому же автору пассаж о жертвоприношениях на о. Св. Григория, который также содержит мелкие детали; их изложение выдает очевидца. Завершается этот пассаж обобщением отношении росов и печенегов, о чем речь шла неоднократно и в главах 1-8, и в главе 9.

Оба пассажа содержат значительное количество топонимов и два личных имени, передача которых обнаруживает разноречивость. Так, сохранение носового е в имени *Сфендославос и форм с / в названиях порогов *Островунипрах и *Вулнипрах как будто свидетельствуют о южнославянской передаче названий, как считало большинство исследователей, но может быть объяснено и из древнерусского языка, как это показал А.А. Зализняк (см. коммент. 8, 33, 40 к гл. 9). Остальная ономастика распадается на две языковые группы: древнерусскую (Милиниски, Чернигога, Киова и др. и "славянские" названия порогов) и древнескандинавскую ("росские" названия порогов). К последней возможно, принадлежит также сохранение -ню- в имени *Ингор (< Ingvarg, Игорь) и *гардас

Третий тематический пассаж этого раздела (9, 80-104) посвящен описанию пути от о. Св. Эферий до Месемврии. Представляется, что он имеет принципиально отличное от предшествовавших двух пассажей и второго раздела гл. 9 происхождение. По своей структуре и элементам описания: перечисление стоянок, времени пути между ними, условий плавания - он

приближается к распространенным еще с античного времени и продолжавшим функционировать и в средневековье периплам. Можно предполагать, что составитель главы 9 включил необходимый для полноты описания раздел соответствующего перипла, возможно, дополнив его сообщением о печенегах, нападающих на потерпевших кораблекрушение мореплавателей вплоть до устья Селины, заимствованным из концовки предшествующего пассажа (9, 78-79).

Следы компилирования нескольких источников и редактирования текстов отмечены в "периплическом" пассаже и во втором разделе главы, где составитель отсылает читателя к предшествующему повествованию - "как было рассказано" (9, 87 и 112) и, начиная второй раздел, перебрасывает мостик к началу главы - "образ жизни этих самых росов..." (9, 104).

Таким образом, по содержанию и источникам глава 9 объединяет два раздела, первый из которых членится на три пассажа: описание сбора монохил в Киеве и Вити-чеве; описание Днепровских порогов и пути до о. Св. Эферий, источниками которых являлись наблюдения очевидца и информация двуязычного "роса"; и фрагмент византийского перипла. Второй раздел, основанный на сообщениях русскоязычного информатора, посвящен описанию жизни "росов".

Состав и тематика главы 9 существенно отличают ее от остальных частей сочинения "Об управлении империей". Она включена в первую часть труда Константина, "дидактическую", и совершенно не соответствует ей по своим задачам. Поэтому большинство исследователей полагает, что она должна была находиться во второй части повествования, рассказывающей "о народах" (DAI. II. P. 18). Но и там аналогий главе 9 нет. Внимание Константина во второй части сосредоточено на политической обстановке в описываемом регионе, на отношениях с империей, христианизации народов. Ничего подобного нет в главе 9, хотя первая половина - середина X в. - время интенсивных экономических, политических, культурных контактов Древнерусского государства с Византией.

1. Термин *Ро~с (через омегу с тильдой К.Е.) у Константина обозначает народ или его часть; производные *Росиа (см. также гл. 2, 6, 37, 42) - принадлежащую росам землю, ??? (буквально "поросски") - язык, на котором они говорят. В связи с этим в науке с давних пор ведутся споры: 1) о появлении термина Ро~с/Ро'с; 2) о его распространении в византийских источниках; 3) о его происхождении и, наконец, 4) о его содержании.

Первые упоминания "росов" в византийских текстах относятся к IX в. Это сообщение о нашествии на малоазийский город Амастриду (по южному берегу Черного моря) варваров росов - народа, как все знают, дикого и жестокого" (???) (Васильевский В. Г. Труды. Т. III. С. 64. Schultze V. *Altchristliche Städte und Landschaften. Gutersloch*, 1930. Bd. III. S. 212-217) в "Житии Георгия Амастридского" (Beck H.-G. *Kirche*. S. 512; Sevchenko I. *Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 121-127). "Росы" упомянуты также в двух проповедях патриарха Фотия, связанных с нашествием росов на Константинополь в 860 г. (Laourdas B.S. ??? (Фотион... К.Е.). *Thessalonike* 1959, С. 42.8-43.12; Mango C. *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople* Cambridge (Mass.), 1958. P. 98). Первое актовое упоминание "росов" зафиксировано в известном Окружном послании Фотия "восточным патриархам" 867 г. (Grumel V.) *Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople*. P., 1936. Vol. I. Fasc. 2. P. 88-90, N 481): "Народ..., ставший у многих предметом частых толков (в других переводах - пресловутый, К.Е.), превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, - так называемый народ рос" Ро'с (Photii *epist.* Vol. I. N 2. P. 50. 293-296). Этот народ, по Фотию, - "подданный и дружественный" Византии (??? и ??? - о значении этих терминов см.: Литаврин Г. Г. *Болгария и Византия* С. 256-263; Obolensky D. *The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIe CIEB*. Belgrad, 1964. Vol. I. P. 56-58). Другие случаи употребления Фотием наименования "рос" в той же форме (???) известны по "Амфилохиям" (PG. T. CI. Col. 285) и - в качестве антропонима *Ро~с, - по письму N 103 (Photii *epist.* Vol I. N. 103. P. 143. 125, 129).

Исследовательская традиция, идущая от В. Г. Васильевского, позволяет считать "Житие Георгия Амастридского" сочинением Игнатия, написанным до 842 г. и, следовательно, первым упоминанием "росов" в византийских источниках. Из современных ученых этой точки зрения придерживается прежде всего И. Шевченко, основывающийся на стилистической близости "Жития" к другим произведениям Игнатия и на органичности в "Житии" пассажа о "росах", хотя он и выделен композиционно (Sevfenko I. *Hagiography...* P. 122, п. 63). Ряд исследователей считает пассаж о "росах" позднейшей интерполяцией, относя его данные к событиям 860 г. или даже 941 г. (последователи А. Грегуара, А. Васильев и др.: Da Costa-Louillet G.Y *eut-il des invasions Russes dans l'Empire Byzantin avant 860? // Byzantion*. 1941. T. 15. P. 231-248; Idem. *Saints de Constantinople aux VIII-e, IX-e, X-e siècles // Byzantion*. 1954. T. 24. P. 479-492; Vasiliev A *The Russian Attack on Constantinople in 860*. Cambridge (Mass.), 1946. P. 70-89). М. Ниста-зопулу, Э. Арвейлер, А. Маркопулос видят фразеологическое и идейное сходство этого текста с сочинениями Фотия. Невозможность датировать описанное в "Житии" нашествие племенем по 842 г. объясняется, по их мнению, дружественным характером русско-византийских отношений около 840 г. (Ahrweiler H. *Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination*,

1971. N 5. P. 55; Marcopoulos A. La vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // JUB, 1979. Bd. 28. S. 75-82; ср.: Nystazopoulou M. La Chersonese taurique a l'epoque byzantine, P., 1960 (These dactylogr.). P. 106, n. 1), засвидетельствованным Бертинскими анналами под 839 г. (Mango G. Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // ЗРВИ. 1973. Кн. 14/15. С. 17). Отметим, однако, локальность события, описанного "Житии", которая не исключает возможности нападения росов на отдаленный от столицы византийский город (Амастриду). Молчание других византийских источников о русско-византийском конфликте до 842 г. также не может служить контраргументом.

Название Rhos Вертинских анналов считается обычно отражением греческой формы термина в латинском памятнике середины IX в. Там сообщается о том, что отправленные из Константинополя ко двору Людовика Благочестивого в Ингель-хейм шведы "назвали себя... "Рос"" (se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant.-Annales Bertiniani. A. 839).

Сообщения двух других византийских источников, якобы упоминающих русских, в настоящее время нашли иное, более убедительное объяснение. "Церковная история" Псевдо-Захария (VI в.), видимо, под влиянием эсхатологической легенды о Гоге и Магоге в перечне паралюдей и чудовищных народов называет народ Hros (отождествлявшийся с "русами": Marquart J. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. S. 355-357, 383-385; Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. N 4. С. 83-90; Пигулевская Н.В. Имя "рус" в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952. С. 42-48). Однако, по всей вероятности, сирийский источник "Церковной истории" имеет в виду народ "рос" (???) греческого перевода Книги Иезекииля (Иез. 38, 2-3; 39,1; см.: Dvornik F. The Making. P. 307-309; Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus' // Les pays. P. 175-183; Петрухин В.Я. Комментарий // Ловмянский X. Русь и норманны. С. 283). Второе сообщение - это упоминание роиош Ῥοιὸσβια, которые по "Хронографии" Феофана 810-814 г. (Theoph. Chron. 446. 27 sq.), составляли часть флота Константина V в 774 г. (ср.: Летопись византийца Феофана / В пер. В. И. Оболенского и Ф.А. Терновского; С предисл. О.М. Бодянского. М., 1887. С. 327; Мишулин А.В. древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. 1941. N 1 (14). С. 280: здесь к тому же ошибочно указан 765 г.; Vernadsky G. Ancient Russia. L., 1943. 279-280). Толкование "русские корабли" ошибочно, ибо прилагательное ??? (русиос, через ou+сигма, К.Е.) имеет значение "алый", "пурпурный", "багряный" (Sophosles E. A Oreek Lexicon. Vol. II. P. 972; Liddel H.G.. Scott R. A Greek-English Lexicon. Vol. II. P. 1575) и обозначает, таким образом, цвет кораблей: "алые хеландии" (см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 143-144. Ср. то же: DAI; а также ниже: коммент. 5 к гл. 51).

Ко времени Константина Багрянородного, таким образом, этникон "рос" стал привычным в византийской традиции и постепенно был "втянут" в греческую парадигматику. Дополнительным подтверждением этого является употребление Константином парадигматически корректного термина Ρο~с (см. коммент. 3 к гл. 9).

Наряду с термином, имеющим корневую огласовку (ο) (с чертой К.Е.), отметим и следы распространения в греческом языке рассматриваемого периода варианта с огласовкой (υ), на что ретроспективно указывают этниконы ??? (Русиа К.Е.) в актах Русского афонского монастыря (Lemerle P., Dagron G., Circovic S. Actes de Saint-Panteleemon. P., 1982. N 8, 17, 71-72, 76; 9, 4; 16, 2), в ряде других греческих текстов, а также Rusios в сочинении Лиутпранда (середина X в.) (Liudpr. Antap. V, 15: gens quaedam... quam a qualitate corporis Graeci vocant... Rusios...), как отражение в латинской транслитерации греческого ??? (русиои К.Е.)

Происхождение названия Ρο~с в византийских источниках - спорная проблема. Комментаторы лондонского издания (DAI. II. P. 20-21) производят греческое Ρο~с/Ρο'с из славянского "Русь", объясняя замену омега/ου фонетической близостью и взаимозаменяемостью омега/ου в "северногреческих" диалектах (со ссылкой на: Ekblom R. Rus- et vareg-. S. 8; Hatzidakis G.N. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892-1893. S. 348 ff.) или возможным тюркским, например хазарским, посредничеством (Томсен В. Начало. С. 88-89; Stender-Petersen A. Varangica. P. 84). Но и это объяснение остается также пока лишь гипотезой, поскольку чередование омега/ου действительно свойственно и греческому языку византийского времени, причем не только его северным диалектам. Следы бытования в византийской среде этникона ??? (рус- К.Е.) с корневым (и) говорят о возможной связи греческого названия Руси с русским термином. Показательно, что употребление термина с (и) относится к фактам автономии (Лиудпранд воспроизводит название народа по наименованию наемного корпуса в Византии; акты Русского монастыря на Афоне могут отражать речь ктиторов - носителей русского языка).

Надо отметить, что и формы с (ο) корневым, впервые засвидетельствованные в житиях первой половины IX в. и в Бертинских анналах, также могут являться прямым отражением слова gors- (если принять скандинавскую этимологию слова "русь" - см. ниже), понимаемого как самоназвание отрядов скандинавов, проникавших в глубь Восточной европы вплоть до Черного моря. Во всяком случае, указанные три наиболее ранних Упоминания появляются в результате непосредственного знакомства с этими отрядами, Сражение Бертинских анналов ("назвали себя... "Рос"" подтверждает это предположение.

Другая точка зрения на происхождение названия Ро~с предполагает его чисто книжную основу. Речь идет о применении для обозначения русских библейского термина "рош", известного по Септуагинте в форме рос (омега просто, К.Е.); (Флоровский А. "Князь Рош" у пророка Иезекииля (гл. 38-39): (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. С., 1925. С. 505-520; Сюзюмов М.Я. К вопросу. С. 121-123. Отметим бездарный вариант воспроизведения термина в современном издании Септуагинты). Ро'с трижды фигурирует в Книге пророка Иезекииля (Иез., 38, 2, 3; 39, 1) в выражении: ????. Сближение византийского Ро~с с библейским рош основано на понимании последнего как этнонима, обозначающего северных варваров, главой которых был Гог (см.: Wilhelm Gesenius' hebraisches und aramaisches Handwörterbuch über das alte Testament / Bearb. v. F. Buhl. B.; Göttingen; Heidelberg, 1959. S. 738; Born A. van den. Bibel-Lexikon / Hrsg. v. Haag. Leipzig, 1969; Grollenberg L.H. Atlas of the Bible. L., 1956. P. 161).

Однако существует мнение и об употреблении слова ??? (рош) в Септуагинте в его исконном значении древнееврейского ??? - "глава", т.е. фраза из Книги Иезекииля понимается как "... архонта-рош Фувала и Мешеха" (Sophocles E. A Greek Lexicon. Vol. II. P. 974), что находит соответствие в Вульгате и в некоторых других текстах Эсхатологическая легенда о Гоге и Магоге, которые во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к "городу возлюбленному" (Отк., 20, 7-8), была широко распространена в Византии (Andersson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations Cambridge (Mass.), 1932; Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972). В этом смысле показательно восприятие Львом Диаконом (вторая половина X в.) нападения русских на Константинополь в 860 г. как исполнения пророчества Иезекииля (Leon. Diac. Hist. P. 150. 15-19). Однако упоминания Гога и Магога в связи с нашествием северных "варваров" на Византию могли иметь место и без какой бы то ни было связи с народом (?) "рош" (см., например, о нашествии скифов и гуннов у Андрея Кесарийского: PG. T. CVI. Col. 416)

Несклоняемость этнонима Ро~с/Ро'с византийских текстов сама по себе не может свидетельствовать о книжном, библейском происхождении термина (Сюзюмов М.Я. К вопросу. С. 123). Ошибочно также мнение, что несклоняемый термин "рос" в византийской традиции занимает исключительное положение в отличие от других иноязычных этнонимов, подвергшихся морфологической адаптации (??? (Пачинакои, Туркои, Варангои, Франгои К.Е.) и др.), и это будто бы свидетельствует о невозможности его прямого заимствования. Как раз наоборот: и в ранневизантийской традиции, и у Константина Багрянородного несклоняемые формы этнонимов и других терминов являются следствием прямой транслитерации иноязычных названий народов (Moravcsik Gy, Byzantinoturcica. Bd. II. S.v.: ???, Коиртоиуерцат и т.д. Показательно наличие в византийском словоупотреблении параллельных форм: ??? и т.д.).

Третье предположение касается возможной генетической связи греческого Ро~с/Ро'с с широко распространенным в топо- и этнонимике среднеазиатского, северокавказского и севернопричерноморского ареала, вероятно, иранским корнем "рос-" (варианты см.: Толстов С. П. Из предыстории. С. 39-59; Vernadsky G. The Origin, P. 167-179). Однако эта точка зрения слабо обоснована; это относится и к крымскому топонимическому ряду Россофар - Россока - Росса и др. (см.: Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем "рос-" // АДСВ. 1973. Т. 10. С. 229-234; Он же. Росы в Крыму // СА. 1974. N 3. С. 87-99).

Таким образом, в вопросе о влиянии библейского термина на бытование византийского этнонима Ро~с/Ро'с следует различать два аспекта: 1) языковой, генетический (тезис о возникновении этника как книжного заимствования) и 2) литературно-художественный (проблема контаминации представлений об эсхатологическом нашествии библейских племен с образной характеристикой "варваров"-современников).

Влияние библейской образной системы на непосредственные впечатления византийцев несомненно. Обыгрывание термина-этника, подобное тому как это имеет место у Льва Диакона (см. выше), - явление, характерное для византийских этнологических построений (см.: Бибииков М.В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII - первой половины XIII в.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 99-100).

Что же касается собственно этимологии и содержания названия, то наиболее распространенная гипотеза - об отражении в византийском Ро~с (с влиянием библейской традиции или без него) названия "русь" - неизбежно влечет за собой вопрос об этимологии и значении восточнославянского "русь". Ответ на этот вопрос в значительной степени определяет и интерпретацию слова Ро~с у Константина (М.Б.)

Крайне затрудняет решение проблемы названия "русь" то обстоятельство, что история этнонима и история этноса, как правило, не расчленены. Частный и, строго говоря, относящийся к области исторической этнонимике вопрос включен как один из центральных в широкую историческую проблематику происхождения Древне-русского государства, а иногда и подменяется ею. До самого последнего времени он решался в зависимости от общих взглядов исследователя на происхождение Древнерусского государства: норманистских (которым почти во всех случаях соответствует скандинавская этимология) или антинорманистских (что нередко и ныне выражается

в поисках его южнорусских, прибалтийско-славянских, иранских, кельтских или иных истоков). О современном состоянии изучения русско-скандинавских отношений раннего средневековья см.: Авдусин Д.А. Современный антинорманизм // *Вопр. истории*. 1988. N 7. С. 25-44; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Послесловие // *Ловмяньский Х. Русь и норманны*. С. 230-245.

Очевидно, что проблема происхождения названия "русь", каково бы оно ни было, не равнозначна проблеме становления древнерусской государственности как социальноэкономического и политического процесса; это отметил еще В.О. Ключевский (Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1963. С. 114; см. также: Попов А.И. Названия. С. 47; Хабургаев Г.А. Этнонимия. С. 216 и след.; Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 163-164). Более того, как писал Ф. Энгельс, "названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 93. См. также: Алексеев В. П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // *СЭ*. 1968. N 2. С. 35-45). В истории наименований европейских государств и народов известны случаи как сохранения названия покоренных народов при радикальном изменении этнического состава населения после завоевания (Британия - после завоевания кельтов германцами, Англия - несмотря на покорение англосаксов нормандцами), так и усвоения названия победителей при сохранении устойчивых этнических признаков покоренных народов (Франция - по названию германского племенного союза франков, растворившихся в галло-римской среде, Болгария - по названию славянизировавшихся тюрков-болгар и др.). Поэтому необходимо четко различать вопрос о происхождении слова "русь" (т.е. об истории этнонима), который должен решаться в первую очередь в рамках этимологических, т.е. лингвистических, исследований, и вопрос об эволюции его значения на восточнославянской почве, что требует учета исторических факторов. См. также: Мельникова Е.А., Петрухин В. Я. Эволюция названия "русь" в процессе становления Древнерусского государства (до XI в.) // *Вопр. истории* (в печати).

Выяснение первого вопроса - этимологии и эволюции значения названия "русь" - осложняется отсутствием письменных источников VIII-X вв. на Руси и крайней скудностью сведений, подчас не поддающихся однозначной интерпретации, в иноязычных памятниках этого времени, в связи с чем все существующие этимологии являются реконструкциями, основанными на более или менее полном привлечении сведений позднейших (вплоть до XII в.) источников, а также - косвенно - материалов археологических исследований. Степень убедительности таких реконструкций различна, наиболее аргументированной - с языковой, археологической и исторической точек зрения - представляется скандинавская.

Скандинавская этимология названия широко принята зарубежными и рядом советских исследователей, в первую очередь лингвистов, а также историков и археологов. Слово "русь" рассматривается обычно как этноним и связывается с древнескандинавским корнем *rotþ-* через финское *Ruotsi*. Эта теория в любой ее модификации предполагает несколько этапов развития слова: а) формирование древнескандинавского исходного наименования; б) его распространение в финноязычной среде; в) его последующее заимствование восточными славянами.

а) Исходной формой финского *Ruotsi* считаются производные от др.-герм. глагола с и.-е. основой **egē-*: др.-исл. *goa*, др.-англ. *rowan* - "грести" и др. Предлагались следующие возможные исходные формы: др.-шв. *Rodhsin* - название жителей области *ослаген* (*Roslagen* < *Rotpslagen, совр. Руден - *Roden*) на восточном побережье Швеции из др.-герм. *rods (ср.: др.-шв. *rodher* - "весло, гребля". См.: *Kunik A.A. die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven*. SPb., 1844. Bd. I. S. 67-70, 89-96, 163-167); др.-шв. композиты *rodsmen*, *rodskarlar*, *rodsbyggjar*, заведетельствованные в источниках XIII-XIV вв., от др.-шв. *rotþer* - "гребля, судоходство, плавание" (Томсен В. Начало. С. 84-87); те же композиты со значением "жители проливов, шхер", т.е. жители Средней Швеции, от др.-шв. *rotþer* - "пролив между островами, неглубокое морское пространство" (*Ekblom R. Rus- et vareg-*. S. 9-10; *Idem. Roslagen-Rusland // ZfSP*. 1957. Bd. 26. N 1. S. 47-58); др.-шв. *rtþrt "гребное судно", откуда **Rotþ(r)in* > *Rotpslaghm* (*Roslagen*) по аналогии со *skeppslag* - "округ, поставлявший в ополчении одно судно", поэтому *rotpsmen* = *skeppslagmen* (*Hjarne E. Roden. Upphovet och namnet, Omraden och jarlen // Namn och Bygd*. 1947. V. 35. S. 28-60).

Все отмеченные гипотезы апеллируют к древнешведским формам, прямое обращение к которым, однако, невозможно, поскольку выделение древнешведского, как и других диалектов, произошло лишь в X-XI вв. (Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.; Л.; 1953. С. 26-27; *Haugen E. The Scandinavian Languages. Cambridge (Mass.)*, 1976. P. 135, 142, 150-157). На более раннее возникновение фин. *Ruotsi* по историческим причинам указывали В. Томсен и А. Погодин (Погодин А.Л. Вопрос о происхождении имени Руси // *Сборник в честь на Васил Н. Златарски*. С. 271-273). Подробное фонетическое обоснование заимствования фин. *ruotsi* в VI-VII вв. дал С. Экбу, который показал, что исходной должна быть архаичная форма **rotþ(u)R* или редуцированная, т.е. более вероятная для того времени **rotþ(e)R*, где конечное -R в силу незавершенности процесса ротацизма могло звучать как [z], а не как [r] (*Ekbo S. От ortnamnet //*

ANF. 1958. В. 73. Н. 3/4. С. 187-199; Idem. The Etymology of Finnish Ruotsi-Sweden // Les pays. P. 143-145).

Представляется, что поиски конкретной словоформы, исходной для фин. Ruotsi малоперспективны из-за скудости сохранившегося древнегерманского лексикона и не имеют научной ценности, поскольку существование самого корня и его производных во всех германских языках середины I тысячелетия н.э. несомненно. Любой из композитов с первой основой *rotþ-* мог закономерно отразиться в западнофинских языках как Ruotsi / Roots.

Комплекс значений др.-герм. **gorþu-* - "гребля, весло, плавание на гребных судах" проявляется во всех германских языках. В шведской рунической надписи первой половины XI в. засвидетельствовано значение "поход [на гребных судах]": *han. uas. buta. bastr. i rutpi (i rodi). hakunar* - "Он был лучшим из бондов в походе Хакона" (Nibble, Up. 16). Корень **rotþ-* был продуктивен и как первая часть композитов (*Rotpslagen, rotpskarl, rotpsmadr* и др.), в том числе обозначавших участников походов [которые вряд ли для времени до X в. можно отождествлять с ледунгом - королевским морским войском-ополчением, как полагает С. Экбу (Ekbo S. От *ortnamnet*, S. 197). Ср. слово *vikingr* - обозначение и морского грабительского похода, и его участника]. Поэтому можно предположить, что скандинавы, проникавшие еще в довикингскую эпоху на территории финских племен, обозначали себя каким-то словом, производным от *rotþ-*, и познакомились финны именно с этим "профессиональным" самоназванием.

б) Контакты скандинавов и населения Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики по археологическим данным ощутимы уже с бронзового и раннего железного века и усиливаются в середине I тысячелетия н.э. Судя по погребальным памятникам, скандинавы с середины I тысячелетия проникают в Западную Финляндию (типично вендельские погребения в ладье появляются с конца VI в.: Anderson G. Boatgraves in Finland // Suomen museo. Helsinki, 1963. Vol. 70. P. 5-23; Muller-Wille M. Bestattung im Boot // Offa, 1968/1969. В. 25/26. 1970. С. 150-152) и на Аландские острова. где в конце I тысячелетия формируется метисная фенно-скандинавская культура (Мейнандер К.Ф. Биармы. С. 37), а также на побережье современной Эстонии, где встречены погребальные комплексы второй половины I тысячелетия, близкие скандинавским (Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. L. 251-253). Эти контакты создавали почву для заимствования и распространения в финноязычной среде самоназвания военных групп скандинавов в форме фин. Ruotsi / эст. Roots (совр. - Швеция Ruotsalainen / rootslane - "шведы"; водск. Rotsi, лив. Ruot's - "Швеция").

Косвенным подтверждением изначального значения слова **rotþ(e)R* - участник морских походов является распространение в ту же вендельскую эпоху в среде шведской родоплеменной знати обряда погребения в ладье (Лебедев Г.С. Шведские погребения в ладье VII-XI веков // СкСб. 1974. Вып. XIX. С. 155-186), характеризующего ее новый социальный статус. Эти погребения известны и в зоне скандинавской колонизации в Финляндии, и на Аландских островах; изолированный скандинавский некрополь с кремациями в ладье появляется в IX в. в урочище Плакун под Ладогой (Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 158-159).

В качестве этнонима название получило распространение на севере и северо-востоке Европы в финноязычной среде во всяком случае к середине VIII в. (Falk K.-O. Einige Bemerkungen. S. 147-159). Западнофинские языки устойчиво используют его как этноним для обозначения шведов (Magiste J. Fi. Ruotsi. S. 200-209; Itkonen E. Lappalaisten esihistoriaa valaisevia sanoja. Helsinki, 1946). Но уже в ряде карельских и саамских диалектов этноним обнаруживает неоднозначность и используется для обозначения как шведов, так и собственно русских (ср.: др.-рус. "немцы", обозначавшее этнически различные народы Западной Европы, саам. Targa, Targa - "Норвегия" и "Русь" и др.), т.е. пришлого, иноэтнического населения, собиравшего дань; функциональное родство затушевывало для местного населения этнические различия (Попов А. И. Названия. С. 47-50). В языке коми - далее на восток - корень "роч-" (из общеперм. *гос, заимствованного из прибалтийско-финских языков: Лыткин В. И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 243), а также ненец, "луца" (*luatsa), эвенк, "луча", "нуча" и др. имеют единственное значение "русский", поскольку население этих областей сталкивалось только с русским колонизационным потоком.

Существование слова Ruotsi / Roots во всех западнофинских языках с единым значением свидетельствует или о его исконности (что предполагал Ю. Мягисте: Magiste J. Fi. Ruotsi. S. 200-209), или о заимствовании его в период западнофинской языковой общности (Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967. С. 153-156), которая относится к VI-VIII вв. н.э. (Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1986. С. 80). Предполагаемое (на основании фонетических закономерностей развития германских языков) время заимствования слова *rotþs-* в финские языки - VI-VII вв. - соответствует именно периоду западнофинской языковой общности.

Представлению же об исконности слова Ruotsi / Roots противоречит узость его семантики (этноним и производные от него хороним и отэтнонимическое прилагательное) и отсутствие

производных. Мягисте указал всего три слова сходного звучания и крайне узкого специализированного значения: фин. *ruota* - "рыбья кость, планка", откуда *ruotia*, *ruotsia* - "чистить рыбу от костей"; эст. *good*, *roots* - "твердое, защищающее изнутри более слабые внешние части" (Magiste J. Fi. *Ruotsi*. S. 209). Однако для двух из них (фин. *ruota* и эст. *good*) предполагается также скандинавское происхождение, а третье (фин. *ruotia*) является производным от *ruota*.

Таким образом, середина - начало второй половины I тысячелетия н.э. с точки зрения развития германских и финских языков, а также северогерманско-финских контактов представляется наиболее вероятным временем проникновения в прибалтийско-финские языки слова *rotps-* в форме *Ruotsi / Roots*.

в) Третий этап развития слова связан с его проникновением в восточнославянскую среду. Представляется убедительным обоснование перехода зап.-фин. *uo/oo*>др.-рус. *у*, так как славянское *у* в это время было долгим гласным, фонетически ближайшим к прибалт.-фин. *-o-*, тогда как слав. *-o-* был кратким, очень открытым типа *a~o*. Этот переход подерживается ближайшей аналогией *suomi*>сумь и общим соответствием др.-рус. *у* фин. *uo/o*, обнаруживаемым в финских заимствованиях из древнерусского языка (*гумно*>*kuomina*, *лужа*>*luoso* и др. (Kalima J. *Die slavischen Lehnwörter*. S. 42).

Возможность перехода фин. *ts*>др.-рус. с подвергалась сомнению, так как, по мнению некоторых славистов, оно должно было отразиться не как *-с-*, а как *-ц-* (Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 100). Однако еще А. А. Шахматов указывал, что др.-рус. *-ц-* было мягким звуком, не тождественным фин. *-ts-*, поэтому более вероятно передача последнего звуком *с* (Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1. С. 67; см. также: Vasmer M. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. В., 1971. Bd II. S. 801). Г. Шрамм, подробно рассмотревший этимологический аспект проблемы, указал два возможных объяснения перехода *ts*>*с*: 1) время образования др.-рус. *-ц-* не установлено, и этот переход мог осуществиться до возникновения звука *-ц-* в древнерусском языке; 2) если *-ц-* уже и существовало, то *с* могло возникнуть как упрощение консонантной группы *-ts-* (ср. *verpa*>весь) (Schramm G. *Die Herkunft*. S. 19-20). Итак, переход *Ruotsi*>"русь" представляется в достаточной степени фонетически обоснованным.

Появление скандинавов среди финских племен Восточной Европы (от Приладожья до Верхнего Поволжья) к концу I тысячелетия н.э. совпало со славянской колонизацией этого региона. Вероятны ранние контакты всех трех этнических компонентов в Ладоге (появление здесь норманнов датируется серединой VIII в.: Рябинин Е.А. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // *СкСб*. 1980. Вып. XXV. С. 161-178; Петренко В.П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Л., 1984. С. 83-90). Показателен смешанный характер расселения скандинавов, финно-угров, балтов и славян, не образующих в Ладоге компактных этнических массивов (Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога*. Л., 1985. С. 17-19), фенно-славяно-скандинавские контакты отмечены также в Новгороде (после 862 г., если верить летописной датировке), в конце VIII - начале IX в. на мерянском Сарском городище под Ростовом (Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // *СкСб*. 1981. Вып. XXVI. С. 141-149) и, по-видимому, в Ярославском Поволжье (если принимать за свидетельство раннего присутствия там норманнов рунические знаки на монетах тиммеревского клада последней трети IX в. (Дубов И. В. Тиммеревский комплекс - протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // *Финно-угры и славяне*. Л., 1979. С. 116-118). Причем культура курганов Ярославского Поволжья по некоторым характерным чертам (наличие глиняных амулетов-лап и др.) близка метисной культуре Аландских островов, где эти амулеты датируются более ранним временем (Мейландер К.Ф. Биармы. С. 37; Ярославское Поволжье в IX-XI вв. М., 1963. С. 86-87); вероятно, таким образом, проникновение в Верхнее Поволжье уже метисного фенноскандинавского населения, встретившегося с местными поволжско-финскими племенами (меря) и пришлыми славянами.

Тесные фенно-славянские этнокультурные связи засвидетельствованы и значительным числом лексических заимствований в обоих (но более - в финских) языках в эту эпоху, Ю. Миккола датирует древнейшие славяно-финские лексические связи VIII в. (Mikkola J.J. *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch*. Helsinki, 1938 S. 9); Я. Калима указывает на VII в. как наиболее раннюю возможность (Kalima J. *Die slavischen Lehnwörter*. S. 149); В. Кипарский также относит их к VII-IX вв. (Кипарский В. О хронологии славяно-финских лексических отношений // *Scando-Slavica*. 1958. Vol. IV. P. 127-136).

Именно в этой зоне контактов встречаются хотя и немногочисленные, как показала Е.А. Рыдзевская (Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу: (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // *Изв. АН СССР, Отд-ние обществ, наук*. 1934. N 7. С. 485-532; N 8. С. 609-630 - в противоположность мнению Р. Экблума: Ekblom R. *Rus- et vareg-*; ср. также: Vasmer M. *Wikinger-spuren im Rußland* // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl.* 1931. Jg. 1931. N. XXIV. S. 649-674), топонимы - производные от корня "рус-", а также гидроним - Руса (Русса) с производным Порусье, упомянутый

в Воскресенской летописи в сказании о Гостомысле, которое Д.С. Лихачев считает "возможно, весьма древним" (ПВЛ. Ч. 2. С. 214).

Таким образом, скандинавская этимология названия "русь", предполагающая следующие ступени: др.-герм. *rotps-* (самоназвание приплывавших на земли финнов скандинавов)>зап.-фин. *Ruotsi / Ruots* (имеющее этносоциальное содержание)>др.-рус. русь, на всех этапах фонетически закономерна и поддерживается историческими условиями скандинаво-финно-славянских контактов VI-IX вв.

"Южнорусская", или "среднеднепровская" этимология слова "русь" распространена среди советских и некоторых зарубежных историков и археологов [Тихомиров М.Н. Происхождение. С. 60-80; Рыбаков Б. А. Древние русы. С. 23-104; Мавродин В.В. Происхождение названий "Русь", "русский", "Россия". Л., 1958; Толочко Л. 77, Древняя Русь. Киев, 1986. С. 31; Vernadsky G. The Origin P. 167-179, 333-339 (наряду с выделением "второй руси", пришедшей с Рюриком. Ср. гипотезу В.А. Брима о независимом происхождении корней "рос-" и "рус-": Брим В.А. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние обществ, наук. Л., 1931. N 2. С. 201-247); Idem. Ancient Russia. P. 275-278; Riasanovsky A. A History of Russia. 3rd. ed. Oxford, 1977. P. 27-30]. Понимаемое как этноним, слово "русь" сопоставляется с рядом топонимов и этнонимов, частью засвидетельствованных начиная с I тысячелетия до н.э. античными византийскими авторами в Северном Причерноморье, частью сохранившимися в топонимике до настоящего времени в Среднем Поднепровье.

Во-первых, устанавливается соответствие с этно- и топонимической основой, видимо, иранского происхождения (Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II. С. 435-437) *ruks/roxs* - "светлый" (варианты: рокс-, рас-, раке-, ракс-, рокш-, рош- и префиксированные аорс-, араке-, арси-), ареал второй в V в. до н.э. - V-VI вв. н.э. охватывал Среднюю Азию, Северный Кавказ и Северное Причерноморье (Толстов С. П. Из предыстории. С. 39-59; Vernadsky G. The Origin. P. 167-179).

Во-вторых, предполагается тождественность названия "русь" и гидронима Рось (др.-рус. Ръсь; правый приток Днепра) с производными названиями притоков Роська и Россава и топонимами Поросье, г. Родня и др. Этимология гидронима Ръсь считается неясной (Трубачев О.Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968. С. 237, 262). Высказанное В. Курашкевичем мнение о том, что оно родственно слову "русло", основано на приводимых им неточных чтениях (Россь, Росса=Русь, Урсь, без ссылок на источники), а объяснения возможности двоякого развития *ъ->о* и *ъ->у* он не дал (Kuraszkiwicz W. Ros // SSS. 1972. Т. IV. Cz. 2. S. 553).

Однако, показав существование продуктивной этно- и топоосновы "рос-" на юге Восточной Европы, сторонники этого направления априорно приняли его идентичность корню "рус-" и благодаря этому заключили, что этноним "русский", название Древнерусского государства "Русь" и пр. имеют южнорусское, может быть, в основе своей иранское, происхождение (Седов В. В. Восточные славяне. С. 111-112). Однако в древнерусских письменных источниках этноним встречается исключительно с корневым *-у-*. В гидрониме же Ръсь засвидетельствован редуцированный гласный, лишь в XII в. в результате падения "еров" развившийся в сильной позиции в *-о-* (ср.: *търгъ>торгъ*, *вълкъ>волкъ* и др.). Он восходит к общеслав. *ъ* < и.-е. *-и-* (Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 253_261; Мейе А. Общеславянский язык. С. 45-46; Mikkola J.J. Urslavische Grammatik. Th. 1. S. 39-41). Звук же *у* в слове "русь" мог развиваться только из и.-е. дифтонгов **ou*, **eu* или **au* (Мейе А. Общеславянский язык. С. 45-46, где специально оговорено, что *-у-* ни в каких случаях не могло возникнуть в русском языке из *-ъ-*; Mikkola J.J. Urslavische Grammatik. Th. 1. S. 56). Как показал А. В. Назаренко, объяснение чередования *ъ>о/у* не только пока отсутствует, но и представляется маловероятным в связи с переходом праслав. *-с-* после гласного *-у-* в *-х-* (Назаренко А. В. Об имени. С. 46-47; см. также: Schramm G. Die Herkunft. S. 26).

Этимологическая независимость корней "рус-" и "ръс-", а также их довольно строгая пространственная дистрибуция для древнейшего слоя гидронимов (Руса и производные на севере Восточной Европы / Ръсь и производные на юге) свидетельствуют против "среднеднепровской" гипотезы происхождения названия "русь" (Martel A. Un point d'histoire de vocabulaire russe: Rossija, Russkij // Melanges publics en l'honneur de Paul Soyer. P., 1925 P. 270-279; Respond S. Pochodzenie. S. 35-50; Попов А.И. Названия. С. 53-56).

Не подтверждается эта гипотеза и археологическим материалом. Б. А. Рыбаков на основании данных Псевдо-Захария о "народе рус" полагал, что в Среднем Поднепровье, в том числе и в бассейне р. Рось, в VI-VII вв. развилась особая культура, получившая название "древности русов" (Рыбаков Б.А. Древние русы. С. 23-104; Он же. Киевская Русь. С. 67-90; см. также: Седов В. В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 16-22). Г.Ф. Корзухина продемонстрировала полиэтничность этой культуры и поставила под сомнение ее связь со славянскими древностями и тем более мифическим народом "рос" Псевдо-Захария (см. выше) (Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА. 1955. Т. 22, С. 61-82; см. также: Третьяков 77. Я.

У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 105- 110). Во всяком случае, на самой р. Рось собственно славянские памятники вплоть до Древнерусской эпохи (XI-XII вв.) не обнаружены (см. каталог: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984); по р. Рось позднее проходила граница древнерусского государства с кочевниками.

Исконно славянская" этимология корня "рус" предлагается С. Роспондом (Роспонд С. *Miscellanea onomastica Rossica*. III. Несколько замечаний о названии "русь" // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979. с 44-47); Rospond S. *Pochodzenie*. S. 35-50). Он называет, полностью отвлекаясь от гидронима Ръсь, две возможные исходные общеславянские основы: 1) общ.-слав. *rud-/*rus- - *rud-sa<=rudъ - "русый" и 2) общ.-слав. *ru-/*ry- - "плыть, течь" (русло, польск. rupo, ruszyc). Первоначальным образованием от одной из этих основ Роспонд считает гидроним Рус(с)а (а также название города Старая Русса и местности Порусье), из которого развился этноним "русь". При этом автор ссылается на текст Воскресенской летописи (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 262: "...Прозвашася [словене] Русь реки ради Руссы, иже впадоша во езеро Илмень" (отметим, что Д.С. Лихачев указывает по меньшей мере три различных объяснения названия "русь", встречающихся в поздних летописных сводах. - ПВЛ. Ч. 2. С. 214, 244). Эта гипотеза требует дополнительных лингвистических обоснований (ср.: Назаренко А. В. Об имени, где указано на вероятное неславянское происхождение слова "русь" в силу фонетической невозможности сохранения исконного славянского -s- после -u- Schramm G. *Die Herkunft*. S. 44-46), объяснения возможности образования гидронима от указанных основ, взаимоотношения с южнорусским гидронимом Ръсь и хронологии формирования этнонима.

Мнение о "готской" этимологии (Куник А.А. Примечания к кн.: Дорн Б. Каспий, о походах древних русских на Табаристан // Зап. имп. Академии наук, 1875. Т. 26. Кн. 1. С. 54-55, 430-436; Шмурло Е. Восьмой археологический съезд (9-24 января 1890 г. Будилович А.С. К вопросу о происхождении слова "Русь". Доклад на VIII археологическом съезде в Москве 1890 г. // ЖМНП. 1980. N 5. С. 25-29) не получило распространения, хотя временами делаются попытки его возрождения (Sederlind S. *Russernas rike. Till fragan om det ostslaviska rikets uppkomst*. Stockholm. 1978) с целью обоснования готской теории образования Древнерусского государства. Слово "русь" возводится ее сторонниками к гот. *hrotps - "слава", восстанавливаемому из засвидетельствованных в письменных источниках прилагательного hrotpeigs (вин. п. мн. ч.) - "торжествующий, победоносный, славный" и ряда однокоренных слов в других германских языках. Как показал Ф.А. Браун, фонетическое обоснование перехода *hrotps>"русь" затруднительно: если гот -o- могло дать др.-рус. -у- (ср.: гот. boka>др.-рус. букв, гот. doms>др.-рус. дума), то в области консонантизма таких соответствий нет: начальное h+плавный согласный не отпадало в древнерусском языке (ср.: гот. hlaifs> др.-рус. хльбъ); неясно, каким образом готское -rt- могло перейти в др.-рус. -сь- (Браун Ф.А. Разыскания в области готско-славянских отношений // Сб. ОРЯС имп. Академии наук. 1899. Т. 64. N 12. С. 5-7; Он же. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия "Русь" // Зап. Нео-филологич, о-ва при имп. Санкт-Петербургском ун-те. 1892. Вып. II. N 1. С. 45-58).

Маловероятно это заимствование и с исторической точки зрения. Хотя готы прошли по территории Восточной Европы и осели в Северном Причерноморье и Крыму, их влияние прослеживается лишь на юге позднейшего восточнославянского ареала, на севере же и северо-западе Восточной Европы (где представлена топонимика с корнем "рус-") оно отсутствует полностью. Поэтому трудно предположить, что быстро переместившиеся на юг готы (маршрут их миграции, кстати, неясен, но очевидно, что в бассейнах Западной Двины, Верхнего Днепра и в Поильменье они не проходили) оставили за собой название, ставшее обозначением местного населения на огромной, незатронутой ими территории (Тихонова М.А. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н.э. // *Studia archaeologica in memoriae Harri Moora*. Археологические исследования, посвященные памяти Харри Моора. Tallinn, 1970. С. 202-206). Вместе с тем нельзя не отметить, что этнополитическая история готов в Северном Причерноморье изучена крайне слабо, к чему привлечено внимание в работах: Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье результаты и перспективы // Балто-славянские исследования, 1982, М., 1983 С. 227-263; Лебедев Г. С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л. 1988. Вып. 1. С. 79-99.

"Прибалтийско-славянская" этимология, в отличие от "исконно славянской" и "готской", широко привлекавших материалы сравнительного индоевропейского и славянского языкознания и оперировавших источниками аутентичными, опирается в основном на поздние и вторичные источники и исторические заключения общего характера. Наиболее обстоятельно она была изложена С. А. Гедеоновым (Гедеонов С.А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1-2), а затем кратко повторена А.Г. Кузьминым (Кузьмин А.Г. "Варяги" и "Русь" на Балтийском море // *Вопр. истории*. 1970. N 10. С. 28- 55) без существенной дополнительной аргументации. Гедеонов отметил существование в западноевропейских источниках (по преимуществу XII-XIII вв.) этнонимов и

хоронимов сходного со словом "русь" звучания: Rut(h)eni (Rut(h)enia), Rugi (Rugia), а также название о. Рюген. Основой для выведения слова "русь" из них было нередкое употребление названий Rut(h)enia и Rugia для обозначения Руси, а также славянского населения о. Рюген - ран (последний перечень текстов см.: Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР, 1980 г. М., 1982. С. 159-175).

Соположение разновременных и разного происхождения хоронимов и этнонимов с общим первым слогом ru- (Rutheni, Rugi, Ruzzi, Russi), несмотря на длительность традиции (предложено еще в 1840-е годы), так и не нашло до сих пор убедительного обоснования хотя бы в отношении его правомерности как такового. Так, этноним и отэтнонимический хороним Rut(h)eni и Rut(h)enia засвидетельствованы в античных источниках с I в. до н.э. как обозначение одного из кельтских племен, населявших Аквитанию. Его использование в источниках XI-XIII вв. свидетельствует отнюдь не о его актуальности в это время, а о характерной для средневековой географии ориентации на античную картографическую традицию, что вело - и нередко - к отождествлению сходно звучащих наименований современных автору и античных, утративших историческое содержание (ср.: Dacia и Dania, Galatia и Галичская Русь. См. подробнее: Чекин Л. С. Традиционные и новые сведения в западноевропейской географии XII-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 г. М., 1986. С. 157-163). Не предложена сторонниками этой гипотезы и убедительная аргументация возможности чередования руг- / рус- (ср. ниже о гипотезе О. Прицака).

К "прибалтийско-славянскому" направлению примыкает гипотеза Я. Отрембского, который связал название "русь" с гидронимом Русса, который имеет, по его неаргументированному предположению, "балтийско-славянское" происхождение (Otrebski J. Rusb // Lingua poznaniensis. 1960. T. 8. S. 219-227).

"Кельтская" этимология названия опирается на кельтский субстратный этноним Rut(h)eni (Unbegaun B.O. L'origine du nom des Ruthenes // Unbegaun B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969. P. 128-135; Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопр. истории. 1974. N 11. С. 54-83). Первая серьезная попытка дать лингвистическое (при опоре на работу: Назаренко А. В. Об имени) и историческое объяснение этой этимологии содержится в статье Прицака (Pritsak O. The Origin of the Name rus/rus' // Turco-Tatar Past. Soviet Present. Studies Presented to Alexandre Bennigsen. P., 1986. P. 45-65). Указывая, что формы Ruzzi, Ruzaramarcha появляются в первой половине IX в. в латинских памятниках Каролингской империи (Баварский географ, грамота Людовика Немецкого Нидеральтайхскому монастырю), он полагает, что эти формы возникли из корня *Rut-/*Rut-en в результате второго верхненемецкого передвижения согласных (что было показано А. В. Назаренко) и связывает его с кельтским этнонимом Rut(h)eni, сохранившимся в античных источниках I в. до н.э. В нижненемецких диалектах, где второе передвижение согласных отсутствовало, эта форма была заменена, по мнению Прицака, формой с сибиллянтном j, т.е. Ruzz-/Ruz->Russ-/Rus- [по Назаренко, в.-нем. Ruz(z)-, н.-нем. Rus(s)c-, романск. Rus(s)-]; форма же Rugi возникла на территории рипуарских франков в результате гуттуриализации исходного *Rut->*Rudi->*Rugi. Историческими носителями этого наименования в середине I тысячелетия н.э. стали, по мнению Прицака, еврейские купцы, называемые у арабского писателя первой половины IX в. Ибн Хордадбега "ар-разаниа" (BGA. T. VI. P. 154. См. о них: Калинина Т.М. Торговые пути. С. 68-82), которые вели трансевропейскую торговлю и, смешавшись с фризскими купцами и скандинавскими викингами, образовали на Волге политическое объединение, позднее славянизовавшееся и развившееся в русское государство (Pritsak O. The Origin of Rus\ Vol. I. P. 25).

Возведение Прицаком названий Ruzzi и Ruzaramarcha в немецких латиноязычных источниках к кельтскому Rut(h)eni может быть справедливым, но надо подчеркнуть вслед за Назаренко: "Совпадение др.-в.-нем. Ruz(z)- и ср.-в.-нем. R(i)dzen (<*Rut-. -Сост.) с др.-рус. Роусь не означает..., что древневерхненемецкий термин должен был непременно быть заимствован из древнерусского. Не исключено, что оба этнонима развились самостоятельно..." (Назаренко А. В. Об имени. С. 56-57). Нет языковых данных и для предположения о заимствовании др.-в.-нем.>др.-рус. Поэтому вероятнее всего, что корни Rut- и "рус-" отношения друг к другу не имеют. Это тем более вероятно, что историческое построение Прицака о торговля компании "русь" не обосновано.

Гипотеза об "индоарийской" этимологии выдвинута О.Н. Труба чевым в результате исследований индоевропейских языков периода, непосредственно последовавшего за распадом индоиранской языковой общности (Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопр. языкознания. 1977. N 6. С. 13-29). Труба чев полагает, что слово "русь" - отражение региональной традиции называния Северного Причерноморья "Белой, Светлой стороной". Эта традиция, по мнению автора, еще дославянская и дотюркская, и потому он возводит слово "русь" к местному бессуффиксному варианту др.-инд. ruksa-, допуская в качестве гипотезы специфическую индоарийскую ассимиляцию *russ-. Критику этой гипотезы см.: Schramm G. Die Herkunft. S. 31-33.

Значение названия Рo~с у Константина было обусловлено, с одной стороны, сложившейся в Византии традицией обозначения "северных варваров", совершавших с начала IX в. нападения на византийские города, а затем вступивших в торговые, дипломатические и, возможно, конфессиональные контакты с Константинополем; с другой стороны, той конкретной информацией о политической, этнической, социальной ситуации в Восточной Европе, которую он получил лично. Совмещение этих не полностью идентичных данных (их частичное несовпадение было неизбежно в силу их разновременности, тем более что восточнославянское общество переживало в то время интенсивные процессы государствообразования) обусловило двойственность содержания, вкладываемого Константином в название Рo~с.. Впрочем, такая двойственность была заложена уже в исходном - этносоциальном - значении слов Ruotsi и "русь", однако ко времени Константина, насколько можно судить по договорам Руси с греками, она была уже в значительной степени преодолена.

Для Константина народ "росов" тождествен со скандинавами, хотя эксплицитно это не находит выражения. Император последовательно противопоставляет росов славянам (славяне - пактиоты росов, что повторено дважды, росы исключены из перечней славиний; наконец, "росские" названия порогов имеют прозрачную скандинавскую этимологию. SorliinL. Les temoignages. P. 178, 180 sq.; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. P. 348; ср.: Dvornik F. The Making. P. 315 sq.; DAI. II. P. 41), а их язык - славянскому (см. коммент. 27 к гл. 9).

Этническое значение названия Рo~с у Константина, очевидно, опирается на предшествующую византийскую традицию, восходящую к началу IX в. (см. выше) и находит аналогию в употреблении слова "русь" в древнерусских источниках, в первую очередь в Повести временных лет (перечни народов европейской части мира, легенда о призвании варягов). Оно подтверждается также морфологической структурой, что выявляется при сопоставлении с основными типами древнерусских этнонимов и хоронимов.

Собственно славянские этнонимы имели две основные модели: 1) аппеллятивная основа + суффикс -ян-/-ан- или -ен (из общ.-слав. *janin, 5enin); ср.: словене, северяне, древляне; 2) топографическая или псевдопатронимическая основа+патронимический суффикс -ич- (из общ.-слав. -itjo); ср.: кривичи, радимичи и пр. Обе модели относятся к общеславянскому времени (Respond S. Struktura pierwotnych etnonimow slowianskich. // RS. 1966. T. 26. Cz. 1. S. 29-32; Cz. П. Formacje po rozpadzie dialektalnym (IX w. i nn.) // Ibid. 1968. T. 29. Cz. 1. S. 18, 24-25), но первая, возможно, является более поздней (Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. N 6. С. 59). Первая модель обнаруживает в древнерусском языке несравненно более высокую продуктивность (более 20 наименований в Повести временных лет по сравнению с шестью второго типа), охватывая не только славянские по происхождению и этнической принадлежности этнонимы, но и заимствованные книжные (агаряне, ассиояне. римляне и др.), а также - позднее - названия жителей городов и местностей (смоляне, кияне). В ряде случаев возникают параллельные формы: меря - меряне, амазонки - амазоняне.

Среди этнонимов, обозначающих неславянские народы, выделяются две модели: собирательные наименования на -а-: меря, мордва, мурома (Хабургаев Г. А. Этнонимия. С. 167-168), относящиеся к восточнофинским народам; и собирательные женского рода, основанные на фонетической передаче самоназваний с конечным палатальным согласным, отражающим финское конечное -i-: кърсь, корсь<финск. *kurh-, лат. kursa, лит. kursas: чудь (<готск. triuda?) <саам. норв. cutte, cudcte, саам. шв. cute, cude - "преследователь, враг", саам. кольск. cutte, cut; сумь<финск. Suomi, эст. Soome Маа, лив. Suom; ямь, емь<финск. Нате (название области); весь<финск. *veysi, verpsa; водь<водск. vad'd'a, финск. vaaja ("клин"); лопь<финск. lappi; либь<лат. libis, libietis и др. (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973; Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. II. S. 762). Все они относятся к западнофинским и балтским племенам. Этноним "русь" морфологически тождествен этнонимам именно последней группы.

На неславянскую этническую принадлежность первоначальной руси указывает и то, что этническая группа "русь" не включается летописцем ни в один из перечней славянских "племен", расселившихся по Восточно-Европейской равнине (ПВЛ. Ч. 1. С. 11, 13, 15).

Для обозначения государственных образований выявляются три основные модели: 1) употребление соответствующего этнонима для обозначения территории, занимаемой этносом (ср.: "пойти в ляхи"); 2) отэтнонимическое прилагательное+географический термин "земля" (Агарянская земля, Агрянская земля и др.), причем этнонимы могли быть как собственно славянского, так и иноязычного происхождения; 3) заимствованные книжные наименования (Ефиопья, Мисия, Мармария), проникшие с византийской и южнославянской литературой на Русь. В этом контексте очевидно, что названия "Русь" и "Русская земля" образованы в полном соответствии с наиболее продуктивными моделями территориальных наименований, засвидетельствованных древнейшими русскими письменными источниками, развивавшимися в восточнославянской языковой среде. Пути формирования этих названий указывают на то, что в их основе лежит этноним "русь".

Понимая под "росами" скандинавов, Константин вместе с тем отчетливо связывает название с

определенной социальной группой, противопоставленной массе славян. Он подчеркивает их правящее положение: славяне являются их пактиотами, "росы" собирают во время полюдья с них дань (см. коммент. 65 к гл. 9), имеют резиденцию в Киеве. Упоминание "всех росов", которые выходят по осени из Киева в полюдье, указывает достаточно ясно на ту социальную группу, которую Константин имеет в виду, - великокняжескую дружину, которая, по сообщениям Повести временных лет, осуществляла полюдье.

Социальное значение названия Ро~с также находит поддержку в древнерусских источниках. Слово "русь" рассматривалось как социальный термин, обозначающий привилегированную верхушку общества: славянскую (Юшков С. В. Общественно-политический строй. С. 57-63; Тивериадский Л.С. К вопросу о происхождении руси в связи с этногенезом славян // Ист. зап. 1942. Т. 13. с. 40-53) или скандинавскую в Восточной Европе (Smal-Stocky R. The Origin of the Word "Rus" // Slavistica. 1049. Т. 6. P. 5-18); военное сословие (Акопов Г. Б. Этимология названия "Рус" в свете теории этнической консолидации // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. 1967. N. 6. С. 89-101); княжескую дружину и знать (Падалка Л. В. Происхождение и значение имени "русь" // Тр. 15-го Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1914. Т. 1. С. 364); торговую купеческую организацию международного характера (Pritsak O. The origin of Rus'. Vol. I. P. 25) или просто купцов скандинавского происхождения (Vitestam G. The People of ar-Rus as Merchants According to Arabic Sources // Kgl. Vitterhets historik och antikvitets Akademien. Filologisk-filosofisk serien. 1975. B. 15. S. 15-22). Для обоснования этой трактовки привлекались указанные сведения Константина, а также сообщения в восточных источниках о народе "ар-рус".

Возможность социально-терминологического понимания слова в восточных источниках кроется в том, что арабские путешественники и купцы могли видеть лишь две категории народа "ар-рус": купцов, с которыми они торговали, и дружинников, составлявших военные отряды и направлявшихся на юг и восток, т.е. представителей феодализирующейся верхушки общества. Поэтому присутствие социального оттенка в описании "ар-рус" в восточных источниках закономерно, но оно не затушевывает его этнического содержания. Что же касается этнической принадлежности народа "ар-рус" в восточных источниках, то трудно не согласиться с мнением большинства исследователей, что этим названием первоначально обозначались скандинавы.

Оба указанных значения термина Ро~с у Константина тесно связаны с реконструируемой эволюцией понятия "русь" в процессе образования Древнерусского государства (см. подробнее: Мельникова Е.А., Петрухин В. Я. Название "русь" в этнокультурной... С. 24-38). Спорадические набеги скандинавских отрядов еще в довикингскую эпоху сначала на восточнобалтийское побережье, позднее - вверх по рекам Балтийского бассейна, набеги, дополнявшиеся со временем оседанием части скандинавов в таких центрах, как Старая Ладога, "Рюриково" городище и др., создали основу для этноязыковых контактов. Проникновение скандинавов в финские земли в результате походов на судах, участники которых, гребцы и воины, называли себя *gotps-*, обусловило превращение "профессионального" самоназвания в экзоним (иноназвание) в финской среде, позднее развившийся в этноним, и этнонимический хороним. В северо-западной области контактов всех трех этнических групп оно проникает в древнерусский язык, как этносоциальный термин с доминирующим этническим значением. Вместе сдвигающимися на юг и юго-восток отрядами название *gotps-* разносится по Восточной Европе и в результате непосредственных контактов фиксируется в византийских источниках IX в. и Вертинских анналах в формах Ро~с и Rhos сохраняя значение "профессионального" самоназвания.

Во второй половине IX - первой половине X в., когда началось формирование древнерусской народности и происходило становление раннефеодального государства главной консолидирующей силой становилась великокняжеская дружина. В условиях перерастания племенных союзов в государственное образование наиболее существенной была борьба с племенным сепаратизмом, и именно здесь скандинавы представляли удобную, этнически нейтральную военную силу, которую великие князья могли использовать против родоплеменной знати для объединения разноэтнических территорий под своей властью. Это, видимо, вызвало приток скандинавских воинов в дружины древнерусских князей, так же как и привлечение ("призвание") скандинавских вождей дружин к управлению союзом нескольких разноэтнических племен в Новгороде в середине IX в. (Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 51-61), а по предположению Х. Ловмянского - и в Киеве (Ловмянский Х. Русь и норманны, С. 135, 270, примеч.). Опора первых древнерусских князей на независимые от славянских племенных интересов отряды скандинавов, составлявших в это время ядро княжеской дружины, создавала предпосылки для перенесения названия отрядов на дружину целиком.

Распространение понятия "русь" на полиэтнические дружины вело к быстрому размыванию первоначально четко выраженной этнической приуроченности названия к скандинавам (ср. о понятии "русь" как обозначении надплеменного политического образования: Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 102-105), что отражено, в частности, в ономастике договоров с греками 911 и 944 гг.: в последнем среди имен

скандинавского происхождения появляются имена восточнославянские и другие. Об ассимиляции и славянизации скандинавов красноречиво говорят археологические материалы середины - второй половины X в.

К середине X в. по всей территории расселения восточных славян от Киева до Ладоги распространяются дружинные древности, складывается "дружинная культура", впитавшая в себя и сплавлившая воедино элементы разноэтничного происхождения. Ее носителями являются прежде всего великокняжеские дружины, присутствие которых отмечается по археологическим данным на важнейших водных путях Древнерусского государства: в Верхнем Поднепровье и Поволжье, в Поволховье, а также в Киеве и в Черниговской земле. Включение этих земель в сферу действия великокняжеских дружин знаменует их консолидацию и формирование территории государства, подвластного "великому князю русскому". Отсутствие четкой этнической атрибуции прилагательного "русский" в договорах подчеркивается тем, что имена доверителей, заключающих договор "от рода русского", имеют не только скандинавское, но и славянское, балтское и финское происхождение, т.е. понятия "русь", "русский" не свзываются со скандинавами или славянами, а все территории, подчиненные великому князю, называются "Русской землей" ("всякое княжье и все люди Руския земля" - ПВЛ. Ч. 1. С. 35).

Таким образом, в процессе консолидации разноэтнических территорий под эгидой великокняжеской государственной власти возникает расширительное географическое понятие "Русь", "Русская земля", которое нашло отражение у Константина во встречающемся впервые в византийской литературе названии Росиа (см. коммент. 3 к гл. 9).

Отождествление названия племенного союза (позднее - народности) с наименованием его правящей верхушки представляет типичное для раннего средневековья явление: приравнивание части и целого как взаимозаменяемых единиц (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 71-75). Наиболее близкую и яркую аналогию представляет отражение взглядов на "народ" в памятниках раннесредневекового героического эпоса, где проводится регулярное (но неосознанное) замещение понятия "народ" (целое) понятием "дружина" (часть), которая в англосаксонском эпосе "Беовульф" постоянно называется "все даны", "народ фризов" и т.д. (Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М. 1987. С. 90), у славянских народов - "все чехи", "весь народ" в "Чешской хронике" Козьмы Пражского (Флоря Б.Н. Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности // Развитие этнического самосознания. С. 135-136).

Весьма близкую аналогию эволюции содержания названия "русь" представляет наименование "болгары", развивавшееся от обозначения тюркских отрядов Аспаруха через политоним, утративший этнический смысл, к этнониму, обозначавшему славянское население, и хороним "Болгария" (см. коммент. 1 к гл. 5).

Таким образом, в употреблении Константином терминов Ро~с и Росиа отразились три этапа эволюции названия "русь" на восточнославянской почве. Во-первых, он связывает росов со скандинавами, интегрированными в восточнославянское общество; во-вторых, именуется тем же термином полиэтничные великокняжеские дружины; в-третьих, вводя хороним 'Росла, распространяет название на все территории, подвластные великому князю, сидящему в Киеве. Эти, казалось бы противоречащие друг другу интерпретации объяснимы в условиях относительно быстрой эволюции семантики слова "русь" у восточных славян при интенсивных процессах социальной, культурной и этнической консолидации, когда еще не было забыто древнейшее значение слова, но оно начало функционировать уже и в расширительном, полиэтническом значении, постепенно превращаясь в территориальное название (см. также: Мельникова Н.А., Петрухин В.Я. Название "русь" в этнокультурной... С. 24-38). Кроме того, полисемия названия Ро~с у Константина, очевидно, отражает в целом "особенность византийской этнонимии, где этнические термины не являются этни-конами в узком и строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик" (Бибииков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СКСб. 1986. Вып. XXX. С. 101). (Е.М., В.П.)

2. в узком смысле слова моноксилы (однодеревки) - долбленки, т.е. лодки, выдолбленные из одного бревна (DAI. II. P. 23-25), Однако, судя по дальнейшему описанию, собственно долбленки использовались, по-видимому, в качестве килевой части более сложных конструкций типа поздней русской набойной ладьи-насады с наставными бортами из планок, пригодной для морских плаваний. Суда с клинкерной обшивкой использовались и викингами. Выделение в Русской Правде четырех типов судов - морских ладей, набойных ладей, стругов и челнов - указывает на разнообразие видов кораблей в зависимости от характера плавания (по морю или рекам) и его целей (торговые, военные) (см.: Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. М.; Л. 1948. Т. 1. С. 282-288). С точки зрения конструкции морских судов интересны находки корабельных частей, в том числе уключины из слоев X в. в Ладоге (Петренко В.П. Работы Староладожской экспедиции // Археогические открытия. 1977 г. М., 1978. с. 28; Он же. Раскоп на Варяжской улице: (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 112, 116; ср. летописное известие о взятии Олегом дани с греков "на ключ", уключину - ПВЛ. Ч. 1. С. 24);

ладейных заклепок, крепивших доски бортов и сохранявшихся на кострище в курганах X в. (Авдусин Д.А. Скандинавские погребения. С. 80) днища долбленной ладьи, перекрывавшей погребение у Белгорода Киевского (Мезенцева Г. Г., Прилипка Я. П. Новые открытия на раскопках Белгорода Киевского // Археологические открытия, 1976 г. М., 1977. С. 340). Эти находки подтверждают описание сборной конструкции кораблей (см. подробнее: DAI. II. P. 24-25). Длина крупнейшего скандинавского корабля эпохи викингов из Гокстада (середина IX в.) -23,3 м с мощным дубовым килем длиной 17 м. Согласно договору о дани, взимаемой Олегом с греков, в ладье помещалось 40 человек (ПВЛ. Ч. 1. С. 24; см также: Varangian Problems. Copenhagen, 1970. P. 165-169; Фиркс И.ф. Суда викингов. Л., 1982). Походы "варваров" на моносилах против Византии упоминаются в византийских источниках с середины V в. [см. особенно сообщение об осаде Фессалоники славянскими племенами, среди которых упомянуты драгуниты (см. коммент. 68 к гл.9), между 615 и 620 гг. (Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия. С. 43, 65-66)] Скилица, рассказывая о нападении русского флота в 1043 г., подчеркивает, что моносилы как тип кораблей присущи именно росам (Sc. Syn. P. 430. 45-47).

3. Термин Росия как обозначение территории восточнославянского государства, соответствующее летописным наименованиям "Русь" и "Русская земля", впервые в византийской литературе встречается в сочинении Константина "О церемониях" (De serem. P. 594. 18, 691. 1. См.: DAI. II. P. 20). Сопоставимыми с названиями "русская земля" и "страна русская" стали в византийских источниках выражения ??? (DAI. 37. 43) и ??? (Horander W. Theodores Prodromes. Historischi Gedichte. Wien, 1974. N 59. 191). В южнославянских памятниках для обозначения государства он употребляется лишь с 1387 г., в России - со второй половины XV в (Соловьев А.В. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. XII С. 134-146). Известная форма, употребительная в новое время, - с двумя с ("Россия"), в греческих текстах встречаются в XIV в. (Nicephori Gregorae Byzantinae historiae libri postremi/Ed. I. Becker. Bonnae, 1855. P. 199, 12, 511. 18), в русских источниках - с XVI в. (см.: Соловьев А.В. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. XII. С. 146).

4. Выражение ??? допускает несколько толкований.

1) "Внешняя Росия" - подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, "внутренняя" (этого термина у Константина нет - он восстанавливается как оппозиция к "внешней" Росии) - собственно Киев, откуда выходят "все росы" в полюдье. В этом случае к "внешней Росии" придется причислить даже Вышгород - Вусеград (см. коммент. 14 к гл. 9), княжеский "Ольгин град" в середине X в., что маловероятно.

2) "Внешняя" и "внутренняя" Росии - два основных пункта пребывания росов: Немогард - Новгород, где сидел Святослав, и Киев, в котором Константин помещает "всех росов". Тогда все прочие города, перечисленные императором, не включаются ни во "внешнюю", ни во "внутреннюю" Росию (ср.: Насонов А.Н. "Русская земля". С. 31; Mosin V.A. Начало Руси. Норманы в восточной Европе // BS. 1931. Рос.3. P. 305), а принадлежат пактиотам росов - славянам (ср. обозначение Витичева как крепости-пактиота росов; см. коммент. 25 к гл. 9). В гл. 37 Росия противопоставлена землям уличей, древлян, лендзян и прочих славян, платящих ей дань. Возможно, Константин, повсюду противопоставляя славян и росов, пытался разделить их и территориально, чему соответствовала и полученная им информация о "всех росах" в Киеве. Из самого трактата очевидно, что росы присутствовали и в Новгород и, как следует из данных археологии, в других пунктах, отмеченных Константином (см. коммент. 6, 11, 13, 16 к гл. 9). Росы и княжеская дружина вообще не могли замкнуться в стенах лишь двух подвластных росам крепостей: дружинные погосты в X в. известны по всей Восточной Европе на важнейших речных магистралях Древнерусского государства (Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории. С. 100-112). Таким образом, и земли между Киевом и Новгородом, и особенно речные пути, по-видимому, не были нейтральной зоной, куда росы наезжали лишь на время полюдья - они были закреплены за киевским князем системой погостов.

3) Гипотетическая "внутренняя" Росия - страна полян (Manojjovic G. Studije. Knj. 187. S. 24) или Русь в узком смысле - Киевская, Черниговская и Переяславская земли (Приселков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. Сер. историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 233-235; Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 89). Однако Чеонигов назван наояду с Новгородом и Смоленском вне связи с Киевом, равно как Вышгород и Любеч (на территории полян Переяславль же не назван вообще: города "Русской земли" в узком смысле не выделяются Константином в отдельную группу (ср.: DAI. II. P. 25). А.Н. Насонов ("Русская земля". С. 31) находит у Константина противопоставление "внешней Росии" с новгородом собственно Росии, где князем (архонтом - см. коммент. 10 к гл. 9 и коммент. 10 к гл. ^) был Игорь, сидевший в Киеве. Но договор Игоря с греками 944 г. ПВЛ. Ч. 1. С. 34-39), упоминающий наряду с послами великого князя Игоря, княгини Ольги и других также "сла" Святослава, заключен был от "всех людей Руския земля". Таким образом, киевский великий князь в X в. - не князь Руси в узком смысле, но правитель всей Русской земли, включая Новгород, как, по-видимому, и следует понимать титул "архонт Росии" у Константина. В гл. 37 Константин противопоставляет территорию (хору) Росии землям славян, платящих дань Росии, в которой Насонов видел Русь в узком смысле.

Но Константин говорит о южных границах Руси и округах (хорах), с которыми соседят печенеги, поэтому сужение территории Руси до Среднего Поднепровья неправомерно.

4) "Внешняя Русия" - Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском (DAI. II. P. 26; ср. наименование Смоленской и Новгородской земель Верхней Землей - Ипатьевская летопись, 1148 г.: ПСРЛ. СПб. 1908. Т. 2. Стб. 369). В этом случае перечисленные вслед за Новгородом (относительная самостоятельность которого подчеркнута тем, что называется новгородский князь Святослав) Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород входят во "внутреннюю Русию". Непосредственная связь Любеча, Чернигова и Вышгорода с Киевом не подлежит сомнению. Смоленское Поднепровье по данным нумизматики (Янин В.Л. Денежно-весовые системы. С. 149-151) в середине X в. входило в ареал южнорусской денежно-весовой системы, что свидетельствует о включении территории смоленских кривичей в сферу влияния Киева; полюдь с кривичей собирал киевский князь. По Б.А. Рыбакову, маршрут полюдья (по периметру племенных территорий древлян, дреговичей, кривичей и северян) проходил через перечисленные Константином города, поворотным пунктом был Смоленск (Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 316 и след.). В таком случае вероятно, что "внутренняя Русия" - это территория Руси, освоенная полюдем киевского князя (ср.: Рыбаков Б.А. Первые века. С. 36-37). Вместе с тем в рекон-струкцию Рыбакова не учтены упомянутые Константином "прочие славяне", с которых собиралось полюдь, и платившие дань Руси уличи и лендзяне, наряду с древлянами не входившие, согласно Константину (см. гл. 37 и коммент. 15), в Русию. Неясным остается и положение Смоленска, который древнерусская традиция относит к Верхней Земле наряду с Новгородом (ПВЛ. Ч. 2. С. 350-351).

Существует также ряд других менее обоснованных гипотез о локализации "Внешней" и "Внутренней" Руси (см.: DAI. II. P. 26). Среди последних - их отождествление О. Прицаком с "каганатом Руси", состоящим из двух территорий, которыми для седины X в. являлись Днепровский путь - "Внешняя Русия" и Ростовская земля (метрополия) - "Внутренняя Русия". См.: Pritsak O. Where Was Constantine's Inner Rus' // Harvard Ukrainian Studies. 1983. Vol. VII. P. 555-567.

5) Наиболее убедительным представляется предположение А. Поппэ, что деление Руси на "внешнюю" и "внутреннюю" проводилось самими византийцами; таким образом, внутренняя Русия - ближайшие к Византии земли в Приднепровье, "внешняя Русия" - отдаленная Новгородская земля (Porre A. Rhosia // SSS. 1972. Т. 4. Cz. 2. S. 496-497). Ср.: Soloviev A. ??? // Byzantion. 1938. Vol. 13. P. 2331). Д. Оболенский отмечает, что Новгород лежал на периферии Древней Руси с точки зрения и Константина, и правителей Киева (DAI. П. P. 26). "Внешняя ар-Русийа" упомянута ал-Идриси, но, как и у Константина, нигде не противопоставлена "внутренней" (Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине Русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 216) - Впрочем, тот же автор упоминает "внутренних" и "внешних" басджиртов (Там же. С. 216). Если учесть, что восточные авторы, например ал-Хорезми (Калинина Т.М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Там же. С. 184, 196), следовали Птолемию в традиции разделения Скифии на внешнюю и внутреннюю, то закономерен вопрос, не повлияла ли эта античная традиция и на сочинение Константина. Существенно, что он упоминает также внутреннюю Персию (гл. 22) в соответствии с античной традицией, внешнюю Испанию (гл. 24, она же "Малая"). Ср. также выделение "окольных Славиний" (???) на Балканах в византийских текстах IX-X вв. (см.: Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия. С. 88). Таким образом, наиболее вероятно, что Константин следовал античному "эгоцентрическому" принципу выделения внутренней и внешней частей описываемого региона (по отношению к описываемому), а не собственно древнерусской традиции (см.: Петрухин В.Я., Шелов-Коведяев Ф.В. К методике исторической географии "Внешняя Русия" Константина Багрянородного и античная географическая традиция // ВВ. 1988. Т. 49. С. 184-190).

5. Нижеследующий перечень древнерусских городов, поставляющих моносилы росам, последовательно называет центры, лежащие на Днепровском пути, от самого северного - Новгорода - по мере их приближения к Киеву. Это выделение части Днепровского пути к северу от Киева перекликается с выделением Константином "внешней", т.е. дальней Руси (см. коммент. 4 к гл. 9). Систематичность перечня подтверждает справедливость предлагаемой интерпретации топонимов. Особый интерес представляет синтаксическое выделение Константином первого центра - Новгорода: "одни из Немогогарда, ... другие из крепости Милински, из Телиуцы..." Именно он (в отличие от Любеча и др.) играл первоочередную роль в функционировании Невско-Днепровского пути и был крупнейшим средоточием ремесла и международной торговли. В скандинавских памятниках и в XII-XIII вв. сохраняется представление о Новгороде как столице Руси. Это сообщение Константина весьма важно как свидетельство сложения на Руси к середине X в. сети поселений, связанных едиными внешнеэкономическими и политическими целями.

6. Общепринята интерпретация топонима *Немогогардас как Новгорода Великого. Исключение составляют мнения В.А. Пархоменко, который считал, что под ним кроется название какого-то другого города, расположенного южнее (Пархоменко В.А. У истоков русской государственности

(VIII-XI вв.). Л., 1924. С. 34, примеч. 8), и В. Лясковича, полагавшего, что этим топонимом обозначалась новая, вновь отстроенная часть Киева (Ляскович В. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время // ЖМНП. 1913. N4. С. 232-235); однако эти мнения представляются неосновательными, Дж. Бьюри предложил широко принятую в настоящее время конъектуру: -м- вместо -в-, т.е. *Невогардас (Bury J. The Treatise. P. 543. Note 1). Основываясь на этой конъектуре, А.Н. Кирпичников сопоставил основу *Нево- с названием Ладожского озера "Нево" и предположил, что ойконим *Невоградас относится не к Новгороду, а к "городу на озеро Нево" - Старой Ладого, которая в середине X в. была крупнейшим торговым и ремесленным центром Северной Руси (Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 55). (Е.М., В. П.)

Представляет большой интерес передача второй основы сложного слова через *-гард- с -ар-. Можно предполагать, что здесь отразилось фонетическое состояние, предшествующее развитию восточнославянского полногласия; полную аналогию составляет -ер в наименованиях древлян - *Дервлениони, *Вервианон (ср.: Дурново Я.Я. Введение. С. 226). В самом деле, примеров с полногласием (оро, ере, оло) в сочинении Константина нет вообще; записям *Немогардас, *Дерв-противостоят только *Вунсеград (Вышгород) и *Праха ("порог"), где -ра- явно отражает южно-, а не восточнославянскую огласовку. Не исключено также влияние древнескандинавского наименования Новгорода Великого - Holmgardr (Мельникова Е.А. Восточноевропейские топонимы. С. 199-210). Д. Оболенский рассматривает эту возможность как единственную (DAI. II. P. 26). Из трех однотипных ойконимов только *Немогардас содержит форму *-гардас в отличие от *Вунсеград и *Нуградас (см. коммент. 14 к гл. 9 и гл. 35). Если информатором Константина здесь был норманн, то он почти наверняка считал что "росское" и славянское названия Новгорода Великого различаются лишь в первой части (соответственно Holm- и nov-, novo-), а во второй части совпадают. (А.З.)

Археологические материалы, одновременные известиям Константина, свидетельствуют о важном политическом и экономическом значении Новгорода (Археологическое изучение Новгорода. М., 1978; Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода М., 1982). Однако находки скандинавских вещей, которые можно было бы связать с пребыванием там дружины "росов", незначительны (см.: Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 23, 39, 84, 181); их намного больше Городище под Новгородом, где, по предположению Б.А. Рыбакова, размещались норманны (История СССР с древнейших времен. Т. 1. С. 489). Это предположение, а также вероятность того, что Городище было резиденцией новгородских князей и их дружин уже в IX-X вв., были подтверждены работами Е.Н. Носова (Носов Е.Н. Новгород и Рюриково Городище в IX-XI вв. (К вопросу о происхождении Новгорода) // Труды V Международ. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I. Вып. 26. С. 5-14). (КМ., В. П.)

7. Употребление формы имперфекта ??? от глагола ??? соответствующего др.рус. "седе" (от "сидеть" в значении "править, занимать престол"), рассматривалось как показатель того, что ко времени написания гл. 9 правление Святослава в Новгороде (см. коммент. 8, 9 к гл. 9) окончилось (после смерти Игоря осенью 944 г.). Д. Оболенский предположил, что составитель этой части гл. 9, писавший в то время, когда Святослав находился в Новгороде, употребил форму наст. вр. ???, замененную впоследствии имперфектом для согласования сообщения с реальной ситуацией (DAI. II. P. 18, 29). По мнению Оболенского, использование древнерусских терминов (ср. коммент. 66 к гл. 9) в переводе или транслитерации указывает на то, что одним из информаторов мог быть человек, владевший древнерусским языком. Наконец, учитывая неточности в употреблении глагольных форм и содержание всей фразы, вполне вероятно, что она была написана до смерти Игоря и отражала реальную политическую ситуацию на Руси (DAI. II. P. 18-19). Киевский князь Святослав Игоревич. Согласно Ипатьевской летописи, родился в 942 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 36); умер в 972 г. Славянское имя князя является важным свидетельством быстрой - в третьем поколении - ассимиляции скандинавской по происхождению династии русских князей в славянской среде. (Е.М., В. П.)

Надо отметить, что славянское *све- передано Константином как *сфен- т.е. с носовым согласным (аналогично транслитерируется оно и у Льва Диакона; ср. ниже передачу Константином имени Игорь как *Ингор - коммент. 9 к гл. 9, а также лензанинои - коммент. 20 к гл. 9). Вопреки распространенному мнению (см. прежде всего: Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода. § 193), сочинение Константина не может служить прямым свидетельством того, что к середине X в. носовые гласные в древнерусском языке уже утратили свой носовой характер. Написаниям *Сфентославос, *лензанинои, *Ингор здесь противостоят два написания без носовой согласной: *Неасет и *Верутзе (см. коммент. 35 к гл. 9) и ??? (см. коммент. 42 к гл. 9). Мнение о том, что лишь последние два написания отражают восточнославянское произношение, а первые три по тем или иным причинам следует считать непоказательными (см., в частности: Дурново Н.Н. Введение. С. 225- 226), основано на предположении о полном изначальном единстве восточнославянского языка. Исследование древненовгородского (по материалам берестяных грамот) и древнепсковского диалектов показало, однако, что полного единства здесь в действительности не было. Соответственно, и процесс деназализации носовых гласных в принципе мог происходить в

разных восточнославянских говорах отнюдь не одновременно. Сосуществование написаний с -ню- без -ню- в сочинении Константина говорит скорее в пользу именно такого предположения. (А.З.)

Сведения о том, что Святослав "сидел" в Новгороде, сохранились только у Константина. Это известие - раннее подтверждение традиции сажать на новгородский престол сына великого киевского князя (ср.: Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и др.), которое согласуется с фактом относительной самостоятельности Новгорода, - что, возможно, повлияло на выделение "внешней Руси". Х. Ловмянский считал, что о княжении Святослава в Новгороде Константину было известно уже во время заключения договора с Игорем в 944 г. (Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 154), поскольку при этом присутствовал посол Святослава. Однако в момент убийства Игоря в 944 г. Святослав, согласно летописи, пребывал в Киеве с Ольгой и кормильцем Асмудом (ПВЛ. Ч. 1. С. 40). Если принять известие Константина о княжении малолетнего Святослава в Новгороде, то можно предпо-ложить, что за него правил кормилец Асмуд (как впоследствии в Киеве - Ольга). Упоминание Константином пребывания Святослава на Новгородском столе может тогда служить датирующим признаком - свидетельством составления гл. 9 или во время правления Игоря, т.е. до осени 944 г. (если принять предположение Д. Оболенского о первичности формы настоящего времени ??? - DA1. II. P. 28; см. коммент. 7) или вскоре после 944 г. (если имперфект ??? стоял с самого начала и означал, что Святослав, ранее сидевший в Новгороде, теперь находится в другом месте - в Киеве). (Е.М., В. П.)

9. Киевский князь Игорь, сын Рюрика. Имя - скандинавского происхождения: Игорь Ingvarr (в раннесредневековой Швеции имя Ингвар было распространено в династии конунгов из рода Инглингов). Иную точку зрения см.: Respond S. Ono-mastische slavo-nordica. Kritische Berne rkungen // Sprawozdania Wroclawskiego towarzistwa naukowego, 1965. Wroclaw, 1967. Т. 20. Ser. A. 54. Характерно, что греческое написание *Иггор [*гг - читается как -нг, о~ - омега. К.Е.] (также у Льва Диакона *Иггорос - род. п. от или *Игго~р Leon. Diac. Hist. P. 106.5, 144.6; и Лиудпранда; Inger: Liudpr. Antap. V, 15) сохран носовой согласный, выпавший др.-рус. "Игорь", но сохраненный в повторном заимствовании того же имени "Ингварь". Это может свидетельствовать о скандинавском происхождении информатора Константина рассматриваться как след незавершенной фонетической адаптации имени.

Игорь правил, по сообщению Повести временных лет, с 912 г. (хронология его жизни до вокняжения в Киеве сомнительна. Ср.: ПВЛ. Ч. 2. С. 249-250, 295). Сведения о его гибели во время полюдья летописец помещает под 6453 г. (Там же. Ч. 1. С. 39-40); поскольку Константин говорит о начале полюдья в ноябре, гибель Игоря, видимо, произошла в ноябре 944 г. (Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX-X вв. // IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 68). Благодаря походу на Константинополь в 941 г., а затем в 944 г. (Игорь дошел только до Дуная), о чем рассказывают как Повесть временных лет, так и византийские источники (византийские источники о походе 944 г. не сообщают К.Е.), Игорь был хорошо известен в Византии, а заключение им договора 944 г. могло привлечь в Киев византийское посольство. По мнению Д. Оболенского, автором раздела гл. 9, посвященного плаванью из Киева в Кон-стантинополь, мог быть участник этого посольства (DA1. II. P. 19).

10. Архонт - здесь обычный титул киевского князя в официальных документах виза тийской канцелярии (DA1. II. P. 29). О титуле "архонт" вообще см. коммент. к гл. 8.

11. Общепринята идентификация топонима *Милиниска с названием Смоленска, одного из древнейших русских городов. Форма "Смольньскъ" - производная от "Смольня" (название реки, на которой стоит Смоленск; от "смола"); прочие этимологии (включая скандинавскую) неубедительны. В транслитерации названия у Константина первая йота, очевидно, возникла под влиянием последующих двух йот. Опускание начальной сигмы объясняется двояко. Н.Н. Дурново предполагал, что первоначально слово стояло в род. п.: *(апо тес Смилиниска) где две смежные сигмы слились в одну (Дурново Н. Н. Введение. С. 224, примеч. 4). Р. Якобсон предложил возводить словосочетание *(апо тен Молиниска) к древнерусскому "и-Смольньска", которое могло быть реинтерпретировано составителем как "из Мольньска", откуда им. п. - *Молиниска (DA1. П. P. 30). (А.З.).

Сообщение Константина о крепости Смоленска породило дискуссию среди археологов о том, какой именно населенный пункт он имеет в виду и что такое Смоленск в середине X в. (Авдусин Д.А. О Гнездове; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв. М., 1980. С. 135 и след.). В современном Смоленске не открыты ни слои, ни укрепления X в., поэтому со времен А.А. Спицына высказывалось предположение, что древний Смоленск располагался на месте Гнездова, на Днепре, в 12 км ниже современного города, где помимо дружинных курганов открыты городище и селище. Однако гипотеза о Гнездове как о древнем Смоленске, центре кривичей, не подтверждается последними исследователями (Авдусин Д.А. О Гнездове; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории. С. 100-112). Самовыражение "крепость Милиниски" аналогично упоминанию "крепости Киоава, называемой Самватас" (коммент. 17 к гл. 9). Если предположить, что, как и в случае с Киевом -Самватасом, речь идет не о самом городе (коммент. 17 к гл. 9), а о крепости вне

его, то вероятно, что "крепостью Смоленска" информатор Константина назвал укрепленное поселение в Гнездове (ср. также соотношение Новгорода и Городища (коммент. 6. к гл. 9)). Это предположение, однако, не может опираться на синтаксис словосочетания кастро+топоним, так как родительный и именительный падежи топонима неупорядочены: крепость Херсона (гл. 7), но крепость Херсон (гл. 11), крепость Милиниски (род. п.), но большой ряд топонимов в им. п. Кастрон у Константина сплошь означает сам город, а не его акрополь или крепость, защищающую одноименный город (ср. гл. 11) крепость Херсон; гл. 27: крепость Беневент и др.).

Смоденск упомянут в русских источниках в числе древнейших русских городов как пленный центр кривичей (ПВЛ. Ч. 1. С. 13), полюдь с которых, по сведениям Константина, собирал киевский князь. По имеющимся ныне данным, центром, из которого осуществлялся сбор полюдь на Смоленщине в X в., был погост в Гнездове, где стояла дружина, оставившая погребальные памятники (большие курганы и камерные гробницы), аналогичные памятникам в дружинных некрополях Киева и Чериговщины (Петрухин В. Я., Пушкина Т.А. К предыстории. С. 107). Самые большие и богатые курганы сохраняют черты скандинавского погребального обряда и некоторые предметы скандинавского инвентаря (Авдусин Д.А. Скандинавские погребения), но норманнский похоронный ритуал в Гнездове трансформирован под влиянием славянского населения. Курган N 13 из раскопок Авдусина, содержащий типично скандинавское трупосожжение в ладье и корчагу с древнейшей русской кириллической надписью (первая четверть X в.), показателен и как памятник вероятного двуязычия "росов" в первой половине X в., и как свидетельство южных связей Гнездова: и сама корчага, и ее вероятное содержимое (горчица) - предметы южного импорта (Херсонес?) (Авдусин Д.А. Гнездовская корчага // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 110-113; сводку интерпретаций надписи на корчаге см.: Еленский И. Расшифрована ли Гнездовская надпись // Болгарская русистика. 1975, N 5. С. 24-29). На связи Гнездова с Византией в X в. указывает ряд находок: поливные блюдо и тарелка, шелковые ткани, византийские монеты в курганах и на поселении. (Е.М., В.П.)

12. Наиболее распространена идентификация топонима *Телиутца с древнерусским "Любеч", хотя с формально-лингвистической точки зрения соответствие *Телиутца-"Любечь" необъяснимо (остается лишь допустить, что греческая передача этого узвания подверглась существенным искажениям; о других предложенных чтениях см.: dai. ii. p 30).

Любеч назван в Повести временных лет под 882 г. (ПВЛ. Ч. 1. С. 20) среди городов, взятых Олегом (по мнению Д. С. Лихачева, упоминание здесь Любеча - вставка ставителя Повести - ПВЛ. Ч. 2. С. 250-251). Получение Любечем византийской дани по договору 907 г. (Там же. Ч. 1. С. 24), а также встреча возле Любеча войск Ярослава Мудрого и Святополка в 1015 г. подтверждают его важное положение в системе древнерусских городов. Б. А. Рыбаков считает Любеч северными воротами гипотетической "внутренней Руси" (Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев). В связи с упоминанием об одnodеревках, идущих из Любеча, интересно название урочища Кораблище, расположенного возле любечского городища: Рыбаков связывает этот микротопоним с наличием на урочище корабельных сосен. В городе обнаружены слои и два клада дирхемов X в. (Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 301). Рыбаков отмечает наличие византийских монет на месте, где могла быть пристань, и дружинных курганов вблизи города (Рыбаков Б.А. Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. 1960 Вып. 79. С. 29).

13. Приведенная Константином форма, по предположению Н.Н. Дурново, отражает древнерусский топоним Чернигов (им. п. *Чернигога) в форме род. п. -"из Чернигова" Дурново Н.Н. Введение. С. 225), где замену -р- на -у- он объясняет графической ассимиляцией с первой гаммой. (А.З.)

Чернигов упомянут в Повести временных лет среди подвластных Олегу городов д 907 г. (А.А. Шахматов считает, что это упоминание заимствовано летописцем договора 911 г.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. С. 114). О подчиненности Чернигова Киеву свидетельствуют и археологические данные: возле города располагался дружинный некрополь X в. с большими курганами, близкими гнездовским (Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 14-52), а в 16 км к юго-западу от Чернигова - дружинный лагерь у села Шестовица с некрополем, включающим камерные гробницы, аналогичные киевским (Блхфельд Д.1. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. 1977). Большие черниговские курганы характеризуют древнерусскую дружинную культуру во всем разнообразии ее связей (показательно, что самый знаменитый них - Черная могила - датируется монетой Константина Багрянородного и его сына Романа: 945-959 гг. - Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. С. 28-29). По своему положению (на ответвлении Днепровского пути по Десне) и как центр территории северян Чернигов играл важную роль в экономической и политической жизни Руси, что подтверждается и упоминанием его в договоре 907 г. как города, получающего византийскую дань. (Е.М., А 77.)

14. Топоним *Вусеграде Константина согласуется с названием "Вышгород" (др.-рус. "Вышегородъ" или "Вышьгородъ"), т.е. "Верхний город". Как признается всеми исследователями, огласовка в записи Константина - южнославянская. Конечное -е, скорее всего, отражает локативное окончание -ъ (Дурново Н.Н. Введение С. 255). (А.З.)

Вышгород упомянут под 946 г. как "Ольгин град", которому идет треть древлянской дани (две трети идут Киеву. - ПВЛ. Ч. 1. С. 43). Он располагался в 15 км. выше Киева на высоком берегу Днепра. По-видимому, использовался киевскими князьями в качестве экстерриториальной резиденции уже с X в. (Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 294-298; Археология Украинской ССР. Т. 3. С. 303-310) (Е.М., В. П.)

15. Однодеревки проходили значительную часть пути "из варяг в греки" от Новгорода к Днепру, видимо, по описанным в летописи артериям (Волхов - Ильмень - Ловать. -ПВЛ. Ч. 1. С. 11. Ср. коммент. 22 к гл.9). Собственно Днепровский путь, по данным нумизматики, начинает функционировать позже Волжского (Янин В.Л. Денежно-весовые системы. С. 105). Д.А.Авдусин датирует его интенсивное использование X в. (Авдусин Д.А. Гнездо и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1974. С. 159-169). Г.С. Лебедев, опираясь на распространение восточного серебра, относит зарождение пути "из варяг в греки" уже к началу IX в., основная же масса византийских монет, по его данным, проникает в Скандинавию именно в X в. (Лебедев Г. С. Эпоха викингов. С. 140, 234). Однако Аскольд и Дир, прошедшие Днепровским путем в 60-е годы IX в., изображаются летописью как первопроходцы, не знающие Киева (ПВЛ. Ч. 1. С. 18-19); Олег, следуя тем же путем в 882 г., сажает своих мужей в Смоленске и Любече, в Киеве же прикидывается купцом, идущим "в греки" (Там же. С. 20) из Новгорода. Первые летописные сообщения о функционировании Днепровского пути как пути торгового как будто говорят против раннего - с первой половины IX в. - сколько-нибудь регулярного функционирования всего пути.

На этом пути расположены все русские города, упомянутые Константином (Чернигов находился на его ответвлении - коммент. 5 к гл. 9). Путь служил в X в. не только главной внутригосударственной магистралью, связующей два основных центра, Новгород и Киев, и все подчиненные Киеву земли (по Днепру возвращаются в Киев дружины росов после полюдьа), но через Русь связывал Скандинавию и Прибалтику с Византией. Основные сведения, которыми располагал Константин, касаются южной (ниже Киева) части Днепровского пути (в отличие от Повести временных лет, где наиболее подробно характеризуется его северный участок, особенно на водоразделе Днепра, Западной Двины и Волги). Император чрезвычайно подробно осведомлено стоянках на этом отрезке пути (Витичев, о. Хортица и др.), о порогах (вплоть дою внешнего вида) и т.п. Детальность описания, подчас доступная только очевидцу вероятно, указывает на то, что информатор или автор этой части гл. 9 был лично знаком с участком от Киева до Константинополя.

16 Название Кюйра, встречающееся в главе трижды (в формах *то Киоава, *тон Киова и *тон Киавон, уверенно идентифицируется с Киевом, который упомянут в Повести временных лет в числе древнейших русских городов. Конкуренция трех разным огласовок в передаче этого названия никоим образом не ставит под сомнение приведенной идентификации, но служит яркой иллюстрацией того, что записи славянских названий в сочинении Константина носят лишь приблизительный характер (А.З.)

Столица Древнерусского государства и резиденция великого князя со времен" обоснования там Олега (882 г.), согласно Константину, - местопребывание "архонта Росии" и "всех росов", скорее всего, дружины великого князя. В городе изучены культурные напластования X в. и одновременный некрополь, включающий дружинные гробницы (Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1). Наиболее характерный тип дружинных погребений X в. - камерные, близкие скандинавским (ср. коммент. 13 к гл. 9), но имеющие местные особенности - срубные конструкции камер (Лебедев Г. С. и др. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978. С. 12), что свидетельствует о самостоятельном развитии этого типа погребального обряда на Руси. Особое значение киевских камерных гробниц для характеристики древнерусской дружинной культуры заключается в том, что сходные памятники обнаружены не только на соседней Черниговщине, подвластной киевскому князю, но и в других важнейших пунктах Древнерусского государства - в Смоленском Поднепровье (Гнездово), Верхнем Поволжье (Тимерево), Пскове, Ладоге, видимо, на Волыни; очевидно, эти памятники принадлежали "росам" - дружинникам, связанным с Киевом и осуществлявшим постоянный контроль в городах и на погостах, подвластных киевскому князю (Мельникова Е.А., Петрухин В. Я., Пушкина Т.А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии // История СССР. 1984. N 3. С. 58).

Связи киевской дружины с Византией документируются немногочисленными находками монет (Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. С. 210-211), в том числе золотой монетой Константина Багрянородного, найденной в погребальном комплексе с весами и гирьками (Там же. С. 161). (Е.М., В.П.)

17. Название *Самватас встречается только в этом сочинении Константина. Предлагавшиеся скандинавские этимологии названия: из sand-bakki - "песчаная отмель" или sandbakka - "песчаная возвышенность" (Томсен В. Начало С. 64; Pipping H. De skandinaviska nnepmamm // Studier i nordisk filologi. 1911. В. V. S. 25-26), из sand-vad - "песчаный брод" (Bugge S. Oldsvenske Navne i Rusland // ANF. 1885. В. II. S. 170-171) неудовлетворительны. Также малоубедительны попытки вывести название *Самватас из иранского личного имени Смбад со ссылкой на возможные тесные связи

Киева с Арменией (Март Н.Я. Избранные работы. Л., 1936. Т. II. С. 284). Их критику см.: Ильинский Г.А. *Самватас. С. 166-177; Лященко А. И. Киев и *Самватас. С. 66-72. Там же приведены более 20 других предлагавшихся этимологии.

Распространена, хотя и не достаточно обоснована, славянская этимология названия: из *So-vodъ или *So-voda (ср. слов. sovoden - "слияние", чешек, souvoden - "сток двух рек", рус. суводь - "сулой, водоворот"), предложенная Г.А. Ильинским (Зденек; С. 173-176). Он предполагал, что *Самватас - обозначение пристани на Днепре около Киева, расположенной у места впадения в Днепр Десны.

Весьма распространенной является тюркско-хазарская этимология названия, рассматривающая его как композит sam- ("высокий, верхний") + bat ("сильный") со значением "верхнее укрепление", "высокая крепость", что соответствует реальному местоположению Киева (этимологию см.: Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от Хвека. Берлин, 1924. С. 18-20; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М. 1953. С. 346-347).

Последняя выдвинутая гипотеза, уточняющая предположение Ф. Вестберга (1898 г.), связывает название *Самватас с распространенным в раннесредневековой еврейской литературе названием легендарной реки Самбатсион (*Самватион), "Субботней", локализуемой некоторыми источниками в Северном Причерноморье. Это название могло применяться к Днепру и Киеву в среде еврейско-хазарской общины, жившей в Киеве в первой половине X в. (Архипов А.А. Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 224-240; Он же. *Самватас. С. 108-111), в целом же вопрос об этимологии названия остается открытым.

Если не считать "Самватас" иноязычным названием самого Киева, а особой крепостью (к чему склоняются многие исследователи: Ильинский Г.А. *Самватас. Лященко А.И. Киев и *Самватас; Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 320; Лебедев Г.С. Эпоха викингов. С. 240-241; О.Н. Трубачев полагает даже, что Киев как полицентрический тип протогородов" состоял из нескольких первоначальных (отдельных) поселений; каждое из них имело собственное название, которые при слиянии поселений были вытеснены одним, *Кујевъ - Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян // Вопр. языкознания. 1982. N 5. С. 15), то неясна и ее локализация. Большинство исследователей отождествляет Самватас с детинцем на Старокиевской горе. Г.С. Лебедев считает это отождествление сомнительным (название киевского детинца, по его мнению, должно было попасть и в другие источники) и помещает Самватас на Лысой горе, возле которой, как он полагает, располагался обособленный дружинный некрополь (Лебедев Г.С. Эпоха викингов. С. 240-241). Самватас, по Лебедеву, основан "находником" Олегом, не решившимся закрепиться в самом Киеве, и потерял свое значение во второй половине X в. с упреждением княжеской династии. Сходное предположение высказал ранее Б.А. Рыбаков, считающий Самватас особым урочищем, может быть, на Почайне (Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 320) и исходящий из тезиса, что норманны не в состоянии были обосноваться в древнерусских городах и закреплялись в лагерях под их стенами - в урочище Угорском под Киевом (где остановился Олег с малолетним Игорем), в Гнездове под Смоленском, на Городище под Новгородом (История СССР с древнейших времен. Т. 1. С. 489) (по археологическим данным Городище старше Новгорода, Гнездово старше Смоленска. К.Е.). 18. Термин тсактотси (от греч. яктоу, имеющего значение и "договор", и - чаще - "дань" - см. гл. 21, 28, 30 и др.) может означать и данников, и союзников (DAI.II) P. 33). Отношение славян к росам и их князю Константин характеризует неоднозначно: с одной стороны, для обозначения даннических отношений он употребляет термин ??? (лендзяне) в гл. 37, 43-45; с другой - упоминает Витичев как крепость пактиот росов (коммент. 25 к гл. 9), что позволяет предполагать более широкое значение термина *пактиотос: союзник, участник похода. Кроме того, сообщение Константина, что славяне спускались с одnodеревками по Днепру в Киев весной, одновременно росами, возвращающимися из полюдья (видимо, из перечисленных выше пунктов; см. коммент. 4 к гл. 9) и продавали здесь одnodеревки, свидетельствует и о союзнических, а не только о даннических отношениях. Вероятно, они также вступали в разноплеменные дружины киевского великого князя. В целом ситуация, описываемая Константином в гл. 2 (о печенегах) и 9, соответствует данным Повести временных лет об этнополитической истории в середине X в.: в походе на Византию в 944 г. "Игорь же совокупив вои многи, варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа... поиде на Греки въ лодьях и на конихъ" (ПВЛ. Ч. 1. С. 33-34). Показательно, что, по Повести временных лет, херсониты воспринимают войско руси и славян как единое образование с названием "Русь" ("Идуть Русь, и наяли суть к собе печенеги". - Там же. С. 34) Договорные отношения между скандинавами и славянами предполагаются уже начиная с призвания варягов для правления "по ряду" (Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения; Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 132-133, 269). А. П. Новосельцев считает, что древляне-пактиоты убили Игоря именно потому, что он нарушил "договор" и попытался собрать дань дважды (Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX - первой половины X в. (полюдье) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 26).

Это сообщение Константина обусловило интерпретацию названия "русь" как социального термина (см. коммент. 1 к гл. 9; Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 202 287 - там же указана

литература). В Повести временных лет сходная характеристика дана уже неславянским племенам начала XII в. на периферии Русского государства - "инии языци, иже дань даютъ Руси" (см.: Насонов А.Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источноковедения. М., 1959. Вып. VII С.452-554).

19. Кривичи (???) - племенное объединение восточных славян, занимавших, согласно Повести временных лет, верховья Днепра, Западной Двины и Волги, с племенными центрами в Полоцке, Смоленске и Изборске. Кривичам приписываются длинные курганы VI-X вв., ареал которых совпадает с летописной территорией племенного союза (Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974; Он же. Восточные славяне. С. 158-166). На Смоленщине в X в. длинные курганы сменяются полусферическими, генетически связанными с древнерусскими курганами XI-XII вв. (Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжениями на территории Смоленской земли // Вести. МГУ. История. 1975 N 5. С. 53-65). Вероятна связь миграционной волны древнерусского населения с освоением Смоленской земли системой полюдь: не случайно большая часть полусферических курганов концентрируется вокруг дружинных курганов Гнездова к середине X в.

20. Самоназвание упомянутой Константином славянской этнополитической общности (реконструируется как *ledjane), фактически тождественное самоназванию поляков. Этноним является производным от общ.-слав. *led- (ср.: leda - "необработанное поле", откуда, возможно, первоначальное значение термина - жители led-); от того корня происходит этноним Lendizi (слав. *ledjitji, позднее -ledzici) в тексте "Баварского географа" (IX в.) (Lehr-Sptawinski T. Ledzice - Ledzanie - Lachowie // Opuscula Casimiro Tymbieniecki septuagenario dedicata. Poznan, 1959. S. 195-197; Idem. Lachowie // SSS W-wa. 1967. T. 3. Cz. 1. S. 12). К этому же корню восходит др.-рус. ljadskij - "польский" и ljach <= *ledchъ <= *ledch - "поляк" (от др.-рус. lech происходит лит. lenkas) и венг. lengyel - "поляк" (DAI. II, P. 34-35; Lehr-Sptawinski T. Ledzice. S. 199, 202, 207).

Все эти выявленные филологами данные и связи никак не позволяют согласиться с точкой зрения Г.А. Хабургаева, возрождающего старое (принятое еще Л. Нидерле) чтение "лучане" - жители г. Лучьска (Луцка) и его округа в бассейне р. Припять, что, по его мнению, соответствует тенденции распространения оттопонимических названий нф -jan- к западу от Днепра (Хабургаев Г. А. Этнонимия. С. 186-187). Так как этноним использовался позднее для обозначения поляков, а в гл. 9 есть данные о географической локализации лендзян (они, как и все "прочие Славинии", располагаются на одном из водоемов, впадающих в Днепр), то Г. А. Ильинский, ссылаясь на летописную дегенду о происхождении радимичей и вятичей от "ляхов" (ПВЛ. Ч. 1. С. 14), предложил видеть в них радимичей - племенное объединение восточных славян, живущих на р. Сож - притоке Днепра (Ильинский Г.А. Кто были *лендзиане .S. 314-319). (Б. Ф.)

Вместе с тем предполагать, что название "лендзанины" замещало именно этноним раимичей среди славян - пактиотов росов (ср. также: Корольюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964. С. 98-99), трудно, так как, во-первых, и в перечне пактиотов у Константина упомянуты "прочие Славинии", а во-вторых, неясно, были ли радимичи под властью Киева в X в.: поход, приведший к покорению радимичей Киевом, состоялся в 984 г., а полюдь, по Б. А. Рыбакову, шло в обход их территории (Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 321-322). Такой идентификации противоречат и данные о лендзянах в DAI. 37 (см. коммент. 15 к гл. 37). (Е.М., В.П.)

21. Термин *Славинии впервые употреблен в византийских источниках в отношении поселившихся на Балканах славян в VII в. (у Феофилакта Симокатты). Означал как район расселения славянского племени или племенного союза, так и особую догосударственную социально-политическую организацию славян, позволявшую им регулировать внутренние отношения, отстаивать независимость от внешних сил и организовывать военные предприятия. Во главе каждой Славинии стоял вождь ("архонт" или "рикс"), окруженный родоплеменной знатью; в VIII - начале IX в. Славинии на Балканах (в том числе и в окружении владений империи) проявили тенденцию к превращению в государственные образования. Процесс этот привел к возникновению сербских и хорватских княжеств, но был прерван Византией на землях Фракии, Греции и Пелопоннеса (см.: Литаврин Г.Г. Славинии VII-IX вв. С. 193-203; Иванова О. В., Мавоин Г. Г. Славяне и Византия. С. 84-90). Константин, видимо, понимает термин и как место расселения племени (или союза племен), и как совокупность населения племени, и как особую общественную структуру, которая подчинена внешней силе (росам) и является в целом ее данником (ср.: DAI. 28. 19, 29.68, 30.94). О том, что Славинии на Руси в X в. представляли собой крупные племенные образования (Княжения), можно судить по свидетельствам летописи о восстании древлян против Игоря, упоминающему своего княжения "в Деревех" и др. (Г. Л.)

22. Сообщение Константина о "горах", в которых рубят моносилы, неясно. В северной части Днепровского пути (ср. коммент. 15 к гл. 9), откуда доставляются моносилы в Киев, т.е. на участке Новгород - Вышгород, есть лишь одна возвышенность - Валдайская на водоразделе Днепра - Западной Двины - Ловати - Волги: "Оковский лес" (см.: Алексеев Л. В. "Оковский лес" Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 5-11); не исключено, что именно эту возвышенность имел в виду император, который, не обладая детальной информацией о ней,

распространил ее на территорию всех Славинии. Ср. сообщение Пселла о русском походе на Византию 1043 г., готовясь к которому росы "нарубили где-то в глубине своей страны лес для строительства судов (Михаил Пселл. Хронография. С. 95). Наиболее протяженные речные магистрали, связанные с "Оковским лесом", - Западная Двина и Ловать - с путем по Западной Двине было связано поселение (погост) X в. в Торопце (на р. Торопе), в окрестностях которого известны курганы со скандинавским инвентарем и клад восточного серебра (Корзухина Г.Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СКСб. 1964. Вып. VIII. С. 297-313). На Ловати под Великими Луками известен поселок X в., обслуживавший торговый путь (Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II, С. 140-148). Очевидна связь этих пунктов с деятельностью дружины "росов". Такова одна возможная интерпретация этого места.

Не менее вероятно остроумное предположение Д. Оболенского (DAI. II. P. 35-36), что слово *оре является переводом древнерусского термина "гора", которым обозначались не только возвышенность. Холм, но и любое высокое, сухое место. Он отмечает связь понятий "гора" и "лес" в древнерусских представлениях (ср.: поляне живут "на горах в лесех" - ПВЛ. Ч. 1. С. 16; южнослав. гора - "лес". См.: Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969. С. 22-103) и предполагает, что в рассказе об изготовлении монохил славяноязычный информатор использовал терминах "гора", понимая под ним лесистую местность, тогда как автор воспринял его буквально и перевел соответствующим образом.

23. Константин выделяет три этапа постройки и снаряжения монохил. Первый, вероятно, состоял в выдалбливании стволов деревьев для будущей лодки, разведении бортов и ряда других операций (Воронин Н.Н. Средства. С. 282; DAI. II. P. II. P. 36-37). часть работы выполнялась на месте, в Славиниях (сходное описание подготовки флота для похода Руси на Византию в 1043 г. дает Пселл. - См. коммент. 22 к гл. 9). Затем заготовки, по словам императора, сплавлялись по Днепру к Киеву, где их оснащали веслами, уключинами и пр. При этом, как указывает автор, использовалось снаряжение старых, видимо, пришедших в негодность лодок (ср. коммент. 2 к гл. 9). Можно предполагать, что здесь наращивались борта и устанавливались мачты (Воронин Н.Н. Средства. С. 283-284; Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 319-321; DAI. II. P. 36-37). Третий этап - переоснащение монохил - проходил в конце Днепровского пути в устье Днепра. Г.Г. Литаврин предполагает, что флотилия насчитывала от 100 до 200 судов (Литаврин Г.Г. Древняя Русь. С. 65).

24. Наилучшие погодные условия плавания по Черному морю - в июне и июле. Осенью росы должны были покинуть Константинополь, чтобы успеть к ноябрю - времени полюдьи - вернуться в Киев (DAI. II. P. 37). В июне же было совершено первое нападение росов на Константинополь в 860 г. Поэтому можно предполагать, что монохилы собирались в Киеве в апреле, а май уходил на их снаряжение. По подсчетам Д. Оболенского, на плавание от Витичевадо Константинополя на торговых судах (более медленных, чем военные) должно было уходить до 6 недель (DAI. II P. 37).

25. *Витетсев идентифицируется с летописным Витичевым (вар.: Вытечев, Видичев, Вятичев, Видачев и др.). Этимология славянского названия неясна. В связи с анализом рунической надписи из Альстада (Норвегия), которая, возможно, содержит топоним Витичев в форме *i uitholmi* < *Vitaholmr, Б. Клейбер высказал предположение, что это название образовано от др.-исл. *viti/vete* - "сигнальный огонь, костер" (Kleiberi Alstadstenen i lyset an vye utgravninger ved Kiev //Viking. 1965. B. 29. S. 61-75). Он полагает, что укрепление было основано как сторожевой форпост против степняков скандинавской дружиной Олега в конце IX в. (ср.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 46-53).С. Роспанд считает возможным связать топоним с корнем *vlti/viti*: др.-рус. *вить*, польск. *witwa* - "верба" и т.д. (Роспанд С. Структураи стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика, М, 1972. С. 39-41).

Витичевский холм упомянут в Повести временных лет лишь под 1095 г. в связи с основанием на нем города Святополком Изяславичем. Раскопками Б.А. Рыбакова на холме открыты два городища. На северном, отождествляемом с Витичевым, жизнь прекратилась в XI в., по-видимому, в связи с основанием нового города. На нем обнаружены остатки башни, перекрытые слоями золы и земли, - по реконструкции Рыбакова, башня служила для световой сигнализации: Витичев охранял Днепровский брод, чем, вероятно, объясняется его особая роль среди других сторожевых крепостей, отмеченная Константином. Рыбаков также подчеркивает стратегическую роль Витичева (Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев). Идентификация Витичева с Уветичем, упомянутым в летописи под 1100 г. (ПВЛ.Ч 1. С. 181; ср.: Ч. 2. С. 460), сомнительна и вызвала возражения (Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 14, 55, 286).

26 Сбор монохил в Витичеве, а не Киеве Д. Оболенский объясняет тем, что здесь караван поджидал суда, идущие из Переяславля, стоящего на р.Трубеж, которая впадает в Днепр в 50 км ниже Витичева. Переяславль не упомянут Константином, при том что в договорах Руси с греками X в. он назван третьим после Киева и Чернигова центром Русской земли. Представляется убедительным мнение о том, что список городов был вставлен в текст договоров составителем Повести (Lind J.H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East-European Review. Vol. 62. N 3. 1984. P. 362-370). Археологические данные подтверждают

позднюю (933 г.) летописную дату основания Переяславля (Археология Украинской ССР Т. 3. С. 281-286). Витичев был местом сбора русских войск вплоть до XII в. (Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 35-36). На Днепровском пути в середине X в. это была последняя крепость, подчиненная "росам", что и делало ее последним возможным пунктом для сбора моноксил.

27. Император описывает путь вниз по Днепру, указывая: а) днепровские пороги как места, представляющие особые навигационные сложности (это сочинение Константина содержит единственное в раннесредневековой литературе их описание), и б) места стоянок кораблей направляющихся в Константинополь. Он называет семь днепровских порогов. Их количество у авторов нового времени варьировалось от 9 до 12 в зависимости от того, считались ли некоторые из них одним протяженным порогом с несколькими уступами, или разными порогами (см.: Описание речек сею стороною Днепра и по той стороне Днепра. 1697 г. ноября в 20 день // Зап. Одесского ОИДР. Одесса, 1853. Т. 3. С. 580, где указано 12 порогов; в описании, составленном Управлением путями сообщений в 1846 г., указано 9: Там же. С. 581-586). Они тянулись на 67,7 км и представляли собой ряд стремнин и уступов, опасность которых отмечали многие путешественники. Подробную характеристику порогов см.: ДАИ. II. Р. 38-40; см. также: Зуев В. Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона. СПб., 1787. С. 251-260; Stuckenberg J.Ch. Hydrographie des Russischen Reiches. SPb., 1847. Bd. III. S. 252-255; Эварницкий Д. И. Вольности запорожских Козаков. Историко-топографический очерк. СПб., 1890. С. 33-41; Timonoff M.V.E. Les Cataractes du Dniepre. Spb., 1894. P. 60-72; Bagrow L. The First Map of the Dnieper Cataracts // *Imago mundi*. 1953. Vol.X. P. 87-98.

28. Ниже следует описание семи крупнейших днепровских порогов, названия которых Константин приводит в греческой транслитерации и в переводе (или с пояснением значения названия) на греческий язык. В пяти случаях из семи Константин предлагает по два названия каждого из порогов на двух языках, которые он называет "росским" и "славянским".

Выяснение языковой принадлежности "росских" и Славянских" названий является предметом дискуссий. Вторая группа топонимов - несомненно восточнославянская. Гипотеза К.-О. Фалька, основанная на ряде новых чтений названий порогов (см. коммент. 29 и след. к гл. 9) и сопоставлении их передачи с традиционной практикой транслитерации иностранных названий в современной Константинополитской византийской литературе, об отражении в них фонетических инноваций, свидетельствующих о выделении к этому времени украинского языка (Folk K.-O. *Dneprforsamas namn*; *Idem*. ???), вызвала резкую критику со стороны Ё. Сальгрена (Sahlgren J. *Valda ortnamnsstudier*. S. 77-86) и Г. Шевелева (Shevelov G. *On the Slavic Names*; см. также: Толкачев А.И. О названии. С. 29-60). Эти и другие лингвисты указывают, что ни свидетельства письменных источников, ни материалы сравнительной восточно-славянской фонологии не дают оснований для подобных выводов. В настоящее время оущепризнано, что "славянские" названия порогов являются древнерусскими.

Что касается "росских" названий, то все они наиболее удовлетворительно этимологизируются из древнескандинавского (до диалектного распада) или древнешведского (с восточноскандинавскими инновациями) языка. Впервые интерпретация "росских" названий как скандинавских была предложена еще И. Тунманном (Thunmann J. *Untersuchungen*. S. 386-390).

Попытки вывести "росские" названия из иранских или тюркских языков, предпринимавшиеся в разное время, успеха не имели (ср., например, фантастическую попытку М.Ю. Брайчевского этимологизировать их на основе "скифо-сарматских" языков: Брайчевский М.Ю. "Русские" названия порогов у Константина Багрянородного // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.*: (История и археология). Киев, 1985. С. 19-30), так же как и предположение об их языковой неоднородности, как "международной номенклатуры", которая включала разноязычные топонимы (Юшков. С.В. *Общественно-политический строй*, с. 51-53; Левченко М.В. *Очерки*. с. 208-210).

Кроме прозрачной скандинавской этимологии корней названий, в пользу скандинавской принадлежности говорит и их структура, соответствующая основным типам образования микротопонимов, обозначающих в Скандинавских странах островки на реках, мели, пороги и пр. По морфологической структуре "росские" названия порогов разделяются на три группы. 1) Апеллятивы + географический термин *fors* (от др.-исл. *fors*, др.-шв. *foss* - "водопад"). Это названия второго, пятого и возможно, четвертого порогов, аналогичные *Störfors*, *Degefors*, *Langfors*, *Hogfors*, *Djurfors* и другим в Швеции (Sahlgren J. *Valda ortnamnsstudier*. S. 63), где апеллятивы характеризуют называемый объект (ср. топонимы с терминами *h61mr* - остров", *gruna* - "подводная мель", *har(a)* - "каменная мель" и др.: Патр В. *Ortnamnen i Sverige*, 2 utl. Lund, 1970. S. 49-50). 2) Причастия настоящего времени от глаголов, характеризующих порог по действию: третий и шестой пороги. Эта форма также широко распространена в микротопонимии Скандинавии: ср. *Rjukandi* ("дымящийся" - название водопада в Норвегии), *Drifandi* ("бьющий вверх" - водопад в Исландии), *Rennandi* ("бегущий" - мифологическая река в "Старшей Эдде"). 3) Именное название порога, характеризующее его, - седьмой и, возможно, четвертый пороги. Грамматическая форма и структура названия первого порога неясны.

Использование Константином слова *jScooism* - "по-росски" для обозначения языковой принадлежности названий вызвало противоречивые толкования в рамках "норманнского вопроса". Ряд советских историков, крайних антинорманистов, полагают, что определение "росский" употреблено здесь ошибочно в силу недостаточной осведомленности информатора Константина (Тихомиров М.Н. Происхождение. С. 75-77; Юшкпв С. В. Общественно-политический строй. С. 51-53).

Не представляется убедительной и крайняя норманистская точка зрения о существовании особого "варяжского" или "скандинаво-русского" языка или наречия (контаминации древнешведского и древнерусского языков), названного у Константина "росским" (Томсен В. Начало. С. 73-74). Следы языковых связей обнаруживаются лишь в лексике - наиболее подвижной части языка. В древнерусском языке, по подсчетам К. Торнквист, к числу бесспорных заимствований можно отнести около 30 слов, исключая ономастику (до нее их насчитывали до 120); из них лишь около 10 попали в древнерусский до XIV в. (Thornqvist C. Studien fiber die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm, 1948). В древнешведском насчитывается 12 слов древнерусского происхождения или тюркских, попавших через древнерусское посредство (Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 62-75). Для сравнения достаточно отметить, что скандинавское завоевание Англии, продолжавшееся с конца IX по 1042 г., оставило следы в лексике (до 10% словарного состава) и морфологии английского языка, что нормандское завоевание Англии привело к созданию романского лексического пласта, к изменениям в фонетической системе языка и некоторым инновациям в морфологии (Bjorkman E. Scandinavian Loan-Words in English // Studien in englische Philologie. 1900. Bd. 7; 1902. Bd. 11; Serjeantson M. A History of Foreign Words in English. L., 1937. P. 64-82; Ильиш Б.А. История английского языка. М., 1968. С. 167-171, 183-192, 208-209). Указанный Томсеном единственный случай контаминации славянского и скандинавского корней в топонимии (*град/gardr*) как результат смешения языков вызывает большие сомнения, так как топонимы с этим корнем удовлетворительно объясняются как собственно скандинавские (Мельникова Е.А. Восточноевропейские топонимы). Таким образом, каких-либо доказательств существования "варяжского языка" в Восточной Европе, который мог бы быть назван у Константина "росским", нет. В неизбежно двуязычной прослойке (дружинная и торговая среда), несомненно, происходили искажения и контаминации - в основном на лексическом уровне - языковых форм. Однако, насколько можно судить и по данным древнерусского и древнешведского языков, и по сообщению поздней "Саги об Ингваре" об изучении русского языка дружинниками Ингвара во время их пребывания в Новгороде (*Yngvars saga vfn'orli*. København, 1912. S. 12), проблема языкового общения решалась путем освоения норманнами русского языка (в той или иной степени). Особого же - лексически, морфологически и фонетически оформленного - языка или диалекта в условиях количественно подавляющего славянского населения и быстрой ассимиляции скандинавов создано не было.

Употребление слова "по-росски" по отношению к бесспорно скандинавским наименованиям порогов, очевидно, говорит о том, что Константин на основании полученной информации отождествляет язык росов с древнескандинавским, т.е. с языком части дружинников киевских князей. В то же время сам факт перечисления императором названий на двух языках подтверждает двуязычие этой среды. Однако ни "росские", ни славянские наименования не несут каких-либо следов языковых взаимовлияний: славянизации скандинавских или скандинавизации славянских топонимов. Возможно, на существование прослойки, говорившей на этих двух языках, указывает сообщение Льва Диакона о посылаемых Иоанном Цимисхием в лагерь Святослава лазутчиках, "владеющих обоими языками" (Лев Диакон. История. 6. 58). Вряд ли под вторым (кроме славянского) языком имеется в виду греческий: его знание было само собой разумеющимся.

Таким образом, языковая принадлежность названий представляется несомненной: "славянских" - древнерусскому, "росских" - древнескандинавскому языкам. Более сложны и спорны три других вопроса, связанные с интерпретацией названий порогов, сформулированные еще в 1955 г. Г. Шевелевым, но до сих пор не получившие разрешения.

Во-первых, неясно соотношение трех элементов: "росского", славянского названий и греческого перевода или пояснения. В разных случаях их соотношение различно: от полного совпадения всех трех элементов (для второго порога) до полного их расхождения (для седьмого порога). Поэтому, по словам Шевелева, "исследователь должен решить, будет ли он подходить к каждому случаю индивидуально, или искать какую-либо общую систему" (Shevelov G. On the Slavic Names. P. 505). Выявить систему соответствий до сих пор не удалось, и большинство исследователей вынуждено анализировать каждую группу названий изолированно или объяснять все случаи отклонений от избранной системы.

Во-вторых, спорным является вопрос о языке первоначальных названий порогов (древнерусском или древнескандинавском). Если принять (с определенными оговорками и поправками) мнение Константина о соответствии "росских" и славянских названий, как это делает

большинство ученых (А. Карлгрен предполагает первоначальное существование двух самостоятельных систем: Karlgren A. Dneprfossemes nordisk-slaviske navne. S. 14-25), то очевидно, что одна из групп названий является переводом другой. Представляется неубедительным предположение К.-О. Фалька, что номенклатура порогов сложилась в IX в. в процессе освоения скандинавами Днепровского пути и была заимствована и переведена славянами (Falk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 39-40). Критику этого взгляда см.: Shevelov 'G. On the Slavic Names. Особенно P. 526). Заслуженно более широкое распространение получил взгляд о первоначально славянском происхождении названий порогов, расположенных в зоне, примыкающей к области расселения восточных славян (Миллер АО. Названия. С.19-31; Ekblom R. Die Namen. S. 151-174; Толкачев А.И. О названии. С. 36). Это предположение, как кажется, подтверждается и тем, что при несовпадении значений "славянских" и "росских" названий перевод соответствует первым, а не вторым (см. коммент. 29, 35, 42, 43 к гл. 9).

Наконец, в-третьих, неоднозначен и ответ на вопрос о языковой принадлежности информатора Константина: был ли он скандинавом или славянином, или две группы названий почерпнуты из разных источников. М.В. Левченко (Очерки. С. 210) "редполагает существование двух информаторов: болгарского купца, знакомого с Днепровским путем, и скандинава, служившего в Византии. Некоторые транслитерации славянских названий действительно свидетельствуют о возможном южнославянском посредстве. Однако убедительных доказательств этой гипотезы нет. Фальк указывает, что пропуски некоторых названий ("по-росски" или "по-славянски"), приведение одного названия при сходстве его звучания в обоих языках свидетельствуют скорее об одном информаторе, каковым, по его мнению, должен был быть "двуязычный варяг" (Falk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 231). Дж. Бьюри, однако, отметил, что славянские названия в целом подвергались меньшему искажению, чем "росские", а это может указывать на славянское происхождение информатора (Bury J. The Treatise. P. 541; см. также: Karlgren A Dneprfossemes nordisk-slaviske navne. S. 24-25; Миллер В. Названия. С. 30). Д. Оболенский высказывает предположение, что автором 9-й главы мог быть византиец - член посольства в Киев в 944 г., получивший там сведения от какого-либо скандинава, хорошо владевшего древнерусским языком, или славянина, знавшего скандинавский (DAI. II. P. 19).

29. Название порога *Эссупи Константин поясняет: "Эссупи, что означает по-росски и по-славянски "Не спи"". Это как будто предполагает одинаковое или по крайней мере сходное звучание скандинавского и славянского названий. *Эссупи, как принято считать, отражает славянское "не съпи", соответствующее и приводимому Константином значению топонима. Опушение начального *v* объяснялось еще А. Бандури (Bandurius A. Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae. P., 1711. Col. 173) его слиянием с конечным *v* предшествующего слова, т.е. восстанавливалась форма *Нессупи.

"Росское", т.е. скандинавское, название порога (см. коммент. 28 к гл. 9), однако, убедительно восстановить не удастся. Пытаясь согласовать значения славянского и "росского" названий, Томсен предложил выражение *ne sofi* - "не спи" от др.исл. глагола *sofa* (Томсен В. Начало. С. 54), фонетически близкое славянскому "не съпи" Однако сам Томсен был вынужден отказаться от этой интерпретации, так как, во-первых, отрицательная частица *ne* обычно не употреблялась вне сложных отрицаний типа *hvartki... ne* и др.; во-вторых, повелительное наклонение сильных глаголов (к которым принадлежит глагол *sofa*) не имело окончания *-i*, типичного лишь для слабых глаголов на *-e*, и, в-третьих, формы повелительного наклонения не употреблялись в древнескандинавских топонимах. Позднее он предложил читать *ves uppi* (от глагола *vera* (архаичн. *vesa*) *uppi* - "быть бодрствующим" (Thomson V. Samlede afhandlinger. Kobenhavn; Kristiania, 1919. B. I. S. 299-300). Однако и эта форма не может полностью объяснить греческую транслитерацию с двумя сигмами и выпадением начального *-v*.

Л. Карлгрен предположил, что *Эссупи представляет собой древнешведское причастие наст. вр. *supandi* от др.-исл. *supa* "пить, сосать", видоизмененное в "не спи" в результате народной этимологизации в славяноязычной среде, т.е. название этого порога - того же морфологического типа, что и названия Геландри и Жеанди (Karlgrén A. Dneprfossernes nordisk-slaviske navne. S. 103-105). (Е.М. В. П.) Во всяком случае, несомненно, что греческий перевод "не спи" отражает интерпретацию этого названия как "не съпи", хотя сама эта интерпретация могла быть и вторичной (т.е. возникнуть в качестве народной этимологии). (А.З.)

К.-О. Фальк предложил новое чтение: ??? как транскрипцию славянского "уступи" (мн.ч. от "уступь", которое обозначало также "порог": Срезневский И.И., Материалы. Т. 2. Кол. 1208), созвучного др.-шв. *stupi* - "водопад" (Folk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 83-90).

Древнескандинавская параллель славянскому "уступи" может представлять собой образование с апеллятивом *stup*, обозначающим отвесную стену уступа и иногда использующимся в образовании названий порогов в Скандинавии. Чтение Фалька было с оговорками принято Г. Шевелевым (Shevelov G. On the Slavic Names. P. 507-508, 527) и Р. Экблумом (Ekblom R. Die Namen. S. 167-169), но подверглось критике Е. Сальгрена, который предположил, как и в случае с названием ??? образование слабого существительного от др.-шв. глагола *supa* со значением "сосать, всасывать"

(которое, однако, не встречается в шведских топонимах): Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 77-78. Позднее он предложил чтение названия как др.-шв. a-supri - "всегда поглощающий, засасывающий" от др.-шв. наречия a (др.-исл. ж) и др.-исл. sori - "глоток" (Ibid. S. 74-75).

Таким образом, интерпретации Сальгрена, как и вторая гипотеза Томсена, плохо согласуются с греческой транслитерацией и значением названия, приведенные Константином. Конъектура Фалька, хотя и возможная, не учитывает значение названия хотя сближает фонетически "росское" и славянское названия. Наиболее распространенным и убедительным остается предположение, что Константин сохранил лишь славянский топоним, "росский" же был утерян при копировании текста (DAI. II. P. 43).

Первый названный Константином порог традиционно отождествляется со Старо-Кайдацким (Барсов Я. 77. Очерки. С. XII), упомянутым впервые в форме Кодак (Кадак) в "Книге Большому Чертежу" (XVII в.). Этот порог - первый из девяти - находился в 18 км вниз от станицы Днепропетровская и состоял из нескольких уступов. (Е.М., В.П.)

30. Императорский манеж для конно-спортивных игр на территории Большого дворца в Константинополе. Точные размеры его неизвестны; предполагается, что его ширина достигала 70 м (DAI. II. P. 43-44).

31. В рукописи - лакуна. Принимаем конъектуру Ив. Дуйчева - ????. (Г.Л.)

32. Вместо неясного ??? принимаем конъектуру Меурсия ??? ("ударяя, толкая, направляя"). (Г.Л.)

33. Оба названия второго порога и его перевод на греческий язык хорошо согласуют между собой. "Росское" *Улворси отражает др.-исл. и др.-шв. Holmfors, возможно, в форме дат.п. ед.ч. Holmforsi. Первая основа holm-/(h)ulm- означает "остров" и широко применяется в образовании топонимов как -d- Скандинавии (Bornholm), так и вне ее (Holmgardr). Вторая - терминологическая - основа -fors ("водопад") также широко распространена (см. коммент- 28 к гл. 9). Значение "росского" названия - "Островной порог". (Е.М., В.П.)

Славянское название *Островунипрах сравнительно точно отражает словосочетание "островный праг"; огласовка -ра- - явно южнославянская; возможно также, что в слове "островный" -ь- сменился на -ъ- (отсюда передача его в виде -ou-) в силу южнославянского смещения -ъ- и -ь- (Толкачев А. И. О названии. С. 49-50). Таким образом, это название, скорее всего, дошло до Константина через южнославянское посредство. (Ср. сведения о "горах" - коммент. 22 к гл. 9.)

В конечном *-х- слова *-прах многие исследователи усматривают отражение фрикативной согласной, выступающей в более позднее время в украинском языке. Чтобы избежать этой трудности, А.М. Селищев (Селищев А.М. [Реп.] Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924 // Изв. ОРЯС АН СССР. 1927. Т. 32. С. 312) возводит *-прах не к слову "праг" ("порог"), а к слову "прах" ("водяная пыль", "брызги"), которое этимологически соответствует др.-сканд. -fors ("водопад, порог") (хотя и не столь полно, как утверждает Селищев, поскольку исконные ступени огласовки здесь различны). Однако слово "прах" применительно к "водяной пыли", "брызгам", "порогу" нигде в славянском мире не засвидетельствовано. Гипотезу Селищева справедливо критикует А.И. Толкачев (О названии. С. 56-57); он же указывает на то, что конечное *-х- (вместо ожидаемого -гамма-) может быть объяснено закономерностями адаптации иноязычных названий в греческом языке. Отсутствие гласной после *-х- в *-прах (равно как после -т- в *Неасит - см. коммент. 35 к гл. 9) не может служить свидетельством того, что в древнерусском языке X в. пали конечные редуцированные: оно может объясняться состоянием фонетической эволюции в южнославянском; возможна также переделка окончания в устах норманна или грека (А.З.)

Таким образом, и "росское", и славянское названия совпадают по значению: "Островной порог". Как отметил еще Томсен (Начало. С. 54-55), в переводе Константина те же элементы названия переставлены местами: "Островок порога", когда следовало бы: ????. Ё. Сальгрен объясняет перестановку невнимательностью автора или копииста (Sahlgren J. Wikingferfarten. S. 317).

Этот порог обычно отождествляется с одним из двух следующих за Кодаком порогов: Лоханским или Сурским, оба они включают ряд мелких островков. Поскольку эти пороги располагались на небольшом расстоянии друг от друга (ок. 500 м), не исключено, что они считались одним протяженным порогом (см.: Томсен В. Начало. С. 55; Folk K.-O. Dneprforsamas namn. S. 25). (Е.М., В.П.)

34. Для третьего порога Константин приводит одно название *Геландри, поясняя, что по-славянски оно означает "шум порога". Приведенное им наименование является не славянским, а "росским", т.е. скандинавским, и соответствует др.-исл. gjallandi, др.-шв. gaellandi, причастию наст. вр. от глагола gjalla/gaella - "громко звучать", звенеть" (О происхождении р в транслитерации см.: Vasmer M. Zu den Namen. S. 99-100). Таким образом, значение "росского" названия согласуется с указанным Константином и с известным по источникам XIX в. названием четвертого порога Звонец или Звонкий. Славянский топоним в тексте отсутствует; предполагается, что он был образован от корня "звон-". Обычно его отсутствие объясняется случайным пропуском у Константина. А.

Карлгрен, однако, полагает, что славянское название не дано Константином из-за его созвучия "росскому", и возводит его к славянским корням gul-, gl- gal-, gol-, обозначающим различные звукоподражательные сочетания (Karlgrén A. Dneprfossernes nordisk-slaviske navne. S. 135-137). Эта точка зрения малоубедительна, поскольку название порога с корнем "звон-" (семантически оправданным в данном случае) сохранилось до XX в. Порог Звонец находился в 5 км от Лоханского.

35. Подробно описывая четвертый порог, Константин указывает два его названия: Русское* Аифор и славянское *Неасит. "Русское" название имеет скандинавское происхождение. Существуют две интерпретации его в зависимости от толкования второй части топонима. Если она понимается как др.-шв. fors, утратившее в греческой транслитерации конечную -с-, то перед нами образование, подобное *Улворси (см. коммент. 33 к гл. 9) и *Варуфорос (см. коммент. 40 к гл. 9), которые сохранили конечное -с-. Название *Аифор могло утратить этот звук в греческой передаче на стыке со словом, начинавшимся с сигмы. На эту возможность указал еще И. Тунманн (Thumann J. Untersuchungen. S. 388). Ё. Сальгрен, соглашаясь с этим толкованием второй части названия, предположил, что первая - производное от др.-исл. eictr, др.-шв. aeidr - "волок, перешеек", и весь композит aei(d)fors имел значение "водопад на волоке" что согласовывалось бы с условиями преодоления этого порога (Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 70-73, где приведены многочисленные примеры употребления слова eidr в топонимах). Аналогичные названия, Edefors, известны в Хельсингеланде Медельпаде и других областях Швеции.

По интерпретации В. Томсена (Томсен В. Начало. С. 56-61), это название соответствует др.-шв. aifor(r), где вторая часть композита является прилагательными forr - "стремительный", а первая соответствует др.-шв. -ae- (др.-исл. e) - "всегда, постоянно". На основании палеографических и семантических соображений К.-О. Фальк отказался от чтения И. Тунманна и Е. Сальгрена и присоединился к мнению Томсена, указав, что оно поддерживается двумя возможными случаями употребления этого названия в шведских рунических надписях: aifur (Pilgard, Gotland) и ifurs (Fjuckby, Uppland: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. N 17 b 87; Krause W. Der Runenstein von Pilgards. Göttingen, 1952), где в первом случае также отсутствует конечное -с- (Falk K.~O. Dneprforsarnas namn. S. 148), Однако, как справедливо указал Сальгрен, прилагательные в эпоху викингов не использовались в образовании топонимов (Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 65) и морфологически реконструкция Томсена не имеет аналогий. Р. Экблум (Ekblom R. Die Namen S. 171-173) выражает сомнения в интерпретациях и Томсена, и Сальгрена. полагая, что вопрос об этимологии названия *Аифор остается открытым. (Е.М., В.П)

Славянское название порога *Неасит очевидным образом связано с его позднейшим названием Ненасытен, Ненасытецкий. Появление Константина ("так как в камнях порога гнездятся пеликаты") соответствует значению ст.-слав. не-асыть ("пеликан") вполне вероятно, что такое осмысление вторично, т.е. возникло уже на южнославянской почве (Толкачев А. И. О названии. С. 40-41), Первичное значение иеславянского nejesyть - "ненасытный". Именно оно и могло лежать в основе первоначального восточнославянского названия порога. Мощь этого порога вполне отвечает такому названию, В пользу такого предположения говорит и его позднейшее название. Конъектура Томсена (Томсен В. Начало. С. 58-59): *Невасит - не представляется необходимой, Замена древнего "неиасыть" новым "ненасытьнь, нenasытьць" могла наступить позже, когда слово "нсюсьп" стало утрачивать свою первоначальную морфологическую прозрачность. (А.З.).

Порог отождествляется с известным в XIX в. порогом Ненасытецкий, одним из самых опасных на Днестре, в 6,5 км ниже четвертого порога.

36. О нападениях, печенегов см. также ниже в сообщении о переправе через Днепр (см, коммент. 44-46 к гл. 9): опасность этого участка Днепро-Восточного пути неоднократно упоминается и в Повести временных лет: именно здесь погиб на пути из Византии Святослав; киевские князья высылают к порогам охрану для сопровождения "гречников" (купцов, торговавших с Византией) и т.д. (ПСРЛ. М., 1908. Т. 2. Стб. 468,541), В гл. 2 указывается, что торговые отношения "росов" с Византией возможны лишь при условии мира с печенегами.

37. Вещи, находящиеся в моносилах, упоминаются также при описании первого порога, Вероятно, имеются в виду товары для продажи в Константинополе. Возможно, кроме рабов (см. ниже коммент. 38 к гл. 9), росы везли в Византию икру и дорогую соленую рыбу (семейства осетровых), так как сезонная добыча икры в низовьях Днепра совпадала с временем прохода в Черное море каравана на Константинополь (Литаврин Г.Г. Древняя Русь. С. 73). Подробнее см.: ДАИ. II. Р. 44-45.

38. Рабы - единственный вид "товара", упомянутый Константином в связи с экспедицией росов в Константинополь. Видимо, рабов держали в цепях во время пеших переходов у порогов, чтобы воспрепятствовать побегу: о прецедентах бегства рабов от росов в Византии свидетельствуют договоры Руси с греками 911 и 944 гг. Рабы на ходили сбыт на рынках Константинополя, особенно в середине X в.

39. В X в. употреблялись византийская (1574 м 16 см) и римская (1480 м) мили (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 32-36). Протяженность Ненасытецкого порога, по

описаниям, около 2,5 км, что в несколько раз меньше указанной Константином длины: 6 византийских миль = 9 км. Поэтому Д. Оболенский предполагает, что росы высаживались на берег значительно выше порога, а спускали моносилы значительно ниже (DAI. П. Р. 48) (Г. Л.)

40. Для пятого порога Константин приводит "росское" название *Варуфорос и славянское *Вулнипрах, однако не объясняет их значения. "Росское" название отражает др.-исл. *barufors*, композит, имеющий в качестве второй части слово *fors* в грецизированной форме *форос (ср. коммент. 33 и 35 к гл. 9); первая основа композита - др.-исл. *baru* - род.п. ед.ч. от *bara* - "волна" (Томсен В. Начало. С. 61; Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. с 72; Ekblom R. Die Namen. S. 171). К.-О. Фальк полагает, что название можно связать с встречающимся в древнескандинавских топонимах термином *vaga* (род. п. *varu*) - "остров, скала, выступающая из воды", т.е. в целом значение топонима - "водопад с высокими утесами и островками" (Falk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 163-164). Это чтение признано Сальгренем возможным (Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 72). Критику чтения Фалька см.: Shevelov G. On the Slavic Names. P. 511-512). (Е.М., В.П.)

Все исследователи, кроме Фалька, связывают славянское название *Вулнипрах с древнерусским "вълна" ("волна"). Правда, характер аффиксальной морфемы в *Вулни- не вполне ясен; с разной степенью вероятности здесь можно видеть: "вълньни" (в этом случае *Вулни может быть опиской вместо *Вулниуб), „вълньнъ" (*Вулни вместо *Вулнин), „вълнигъ" (или „вълнъгъ"; ср. позднейшее название порога), „вълны" (род. п. ед. ч.; правда, порядок слов в этом случае ненормален для древнерусского и вся конструкция может быть объяснена лишь как калька со скандинавского *barufors*, возникшая в устах норманна). Фальк (Falk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 166-171) истолковывает *Вулни как *vignu* из *voljbnuyb* ("вольный") и видит в этом написании свидетельство того, что в южнорусском говоре X в. уже пали срединные редуцированные и о в новозакрытом слоге перешло в и. Гипотеза Фалька маловероятна, в частности, потому, что связь названия данного порога именно со словом „волна" надежно засвидетельствована позднейшим его украинским названием Волшг, Волшг (тогда как название Вшьний носил совсем другой порог - последний по счету) (А.З.)

Порог отождествляется с шестым днепровским порогом, носившим название Волнигский, Волниский (Барсов Н.П. Очерки. С. XIII, укр. Вовшг) и лежавшим в 14км ниже Ненасытецкого. (Е.М., В. П.)

41. Объяснение Константина "ибо он образует большую заводь" не соответствует значению ни "росского", ни славянского топонимов: "Волновой порог". Ал. Лерберг предложил поэтому эмендацию: *динин- - "водоворот" вместо *лимнин- (Lehr-berg A.C. Untersuchungen zur Eriauterung der alteren Geschichte Russlands. SPb., 1816. S. 366-367), которая была принята Томсеном и др. Н.В. Малицкий, однако, счел возможным не исправлять текст, так как *лимнин- позволяет интерпретировать "заводь" как "запруда" и указывает, по его мнению, на наличие небольшой гавани внизу порога (Латышев В. В., Малицкий Н.В. Сочинение. С. 56, примеч. 24).

42. Для шестого порога Константин приводит все три компонента: "росское" название *Леанди, славянское *Веручи и перевод - "Кипение воды", однако в существующих интерпретациях они не согласуются между собой. "Росское" название имеет прозрачную этимологию, являясь причастием наст. вр. др.-исл. *hiaejandi*, др.-шв. *le(i)andi* от глагола *hkeja/lea* - "смеяться" (Томсен В. Начало. С. 61-62; Миллер В.О. Названия. С. 27; Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 64-69). (Е.М., В. П.)

Славянское название отражает др.-рус. "въручии" ("кипящий, пузырящийся"). Греческое -е- соответствует здесь звуку -ь-, -оу- передает восточнославянское -у- из *-о-(ср. выше коммент. 8 к гл. 9). Попытка Б. Клейбера (Kleiber B. Zu den slavischen Namen der Dnjeprschnellen // ZfSP. 1959. Bd. 28. H. 1. S. 90-91) связать это название со словом "ручей" неубедительна. (А.З.)

Локализация порога неопределенна. В. Томсен отождествляет его с Таволжанским, упомянутым в XVI в. и расположенным между Будиновским (Будило, будильный) и Лишним. Однако Таволжанский не является в полном смысле порогом и даже, как правило, не отмечался на картах. Подробнее см.: DAI, II. P. 50. (Е.М., В.П.)

43. В той форме, как они даны Константином, три компонента названия этого порога не соответствуют друг другу ни морфологически, ни семантически. "Росское" название рассматривалось В. Томсеном и вслед за ним другими исследователями как дат. п. мн. ч. *strokum* от др.-исл. *strok* (п.) / *struk* (м.) - "течение в проточной воде" (Томсен В. Начало. С. 62-63). Однако использование дательного падежа в названиях речных объектов нетипично для древнескандинавских языков (в противоположность названиям населенных пунктов), на что указал Ё. Сальгрен (Sahlgren J. Valda ortnamnsstudier. S. 73) - Пытаясь объяснить окончание -оув в греческой форме, он предположил, что название *Струкун отражает один из типов названий шведских порогов, образо-ванных как слабая отглагольная форма от сильных глаголов: *strukn - *stryka* (ср. *Rotn - *ryta*, *sugn* - *suga* и др. (Ibid. S. 64). Предложенное Сальгренем название этимологически совпадает с названием озера и острова в Вестеръетланде *Straken*

Попытка согласовать "росское" и славянское названия привела К.-О. Фалька предположению, что *Струкун может являться формой дат. п. мн. ч. *strukum* от др.-исл. *struk* - "узкая часть русла реки, теснина" (Falk K.-O. Dneprforsarnas namn. S. 207-217). Он привел значительное число

аналогичных употреблений дательного падежа шведской топонимии эпохи викингов, ссылаясь на мнение К. Хальда о продуктивности этого типа образования топонимов (Hold K. De danske Stednavne paa -um // Universitets-Jubilaeeets danske Samfund. Kobenhavn, 1942. N 333. S. 49). (Е.М.. В.П.)

На основании палеографических соображений Фальк предложил принятую и здесь конъектуру *Настрези вместо *Напрези, считая изменение исконного -стр- на -пр- ошибкой переписчика (Falk K.-O. Dneprforsamas namn. S. 217-222). Он рассматривал *Настрези как отражение незасвидетельствованного слова *nastrъzъje, производного от strъzъ ("узкое место реки с сильным течением, стрежень"). Более убедительной представляется интерпретация Р. Экблума (Ekblom R. Die Namen. S. 151-154, 156-167, 174) на strъzi ("на стрежне"). Славянское название означает, таким образом, "порог на стрежне", т е вполне соответствует по смыслу скандинавскому названию этого же порога. Топонимы с предлогами „на" и „въ" (типа „На броду", „Въ бору") хорошо известны в Древней Руси-так назывались, в частности, многие населенные пункты в древней Новгородской земле. (А. 3.)

Идентификация порога затруднительна. Обычно он отождествляется с восьмым или с девятым порогом, называвшимися соответственно Лишний и Вильный (Вольный) Подробнее см.: DAI. II. P. 52. (Е.М.. В.П.)

44 "Переправу Крария" принято отождествлять с засвидетельствованным с конца XVI в. названием брода "Кичкас", расположенного в 15 км ниже порога Вильный, последнего из днепровских порогов. Наиболее убедительное обоснование названия предложил К.-О. Фальк (тюркские и армянские этимологии признаны неубедительными). Указывая на то, что в греческом минускуле переписчики часто путали буквы -бетта- и -к-, Фальк предложил читать *Врариу вместо *Крарию. В этом случае он считает возможным связать название с выражением др.-шв. Vrar faeria (от vra в форме род. п. ед. ч. vrag - "угол, поворот") - "переправа у поворота", где vrag было понято как имя собственное и передано *Врариу (с греческим окончанием -iou), а faeria правильно переведено как тсераца - "переправа" (Falk K.-O. *Перама тоу Крарию). С. 106-137). Он приводит ряд древнескандинавских и древнеанглийских аналогий употребления этих слов в топонимике и указывает на топографические особенности соответствующего места на Днепре, объясняющие возникновение названия (ниже последнего порога Днепр делает крутой поворот, сужаясь до 183 м). Ср.: Vasmer M. Zu den Namen. S. 98-101. Как следует из текста, брод Кичкас был важным пунктом на торговых путях юга Восточной Европы. Здесь пересекались Днепровский путь с путем из Киева в Крым (Херсон; см. коммент. 47 к гл. 9), а также маршруты сезонных миграций печенегов; возможно, здесь же проходила дорога в Хазарию, на Нижнюю Волгу и в Таматарху (Тмутаракань). Последняя связывалась с Киевом также водным путем: через Днепр и Черное море (см. коммент. 12 к гл. 42).

45. Собственно "херсониты из Росии" (???). Обычно считается, что это жители Херсона, возвращающиеся обратно из Руси.

46. Речь идет, следовательно, о печенегах, живших на правом берегу Днепра, которые переправлялись на левый берег, чтобы продолжать путь к Херсону. (Г.Л.)

47. О связях Руси с Херсоном в X в., преимущественно торговых, можно судить по глиняной таре - остаткам амфор, производимых в Херсоне и встречающихся на древнерусских поселениях по Днепровскому пути вплоть до Гнездова (Археология Украинской ССР. Т. 3. С. 476, 547). А.Л. Якобсон предполагает, что наиболее интенсивными были связи херсонитов с Приазовской Русью - "росами", обосновавшимися в X в. в Тмутаракани (хазарской Таматархе); по договору с греками 944 г. Русь обязана была защищать Корсунскую землю от черных болгар, обитавших в Приазовье, русский же князь не имел права контроля над городами "Корсунской страны", что может свидетельствовать о непосредственной близости базы русских дружин к Херсону (Якобсон А.Л. Крым. С. 57-61). Впрочем, вопрос о времени появления древнерусского населения в Крыму и в Тмутаракани остается дискуссионным.

48. Данные археологии и письменных (косвенных) свидетельств о ширине ипподрома (он располагался близ Большого императорского дворца и использовался для спортивных состязаний и праздничных церемоний) расходятся (около или более 100 м). Ширина же Кичкаской переправы определяется в 150-180 м. Д. Оболенский считает, что эти сведения приблизительно соответствуют действительности (DAI. II. P. 53). (Г.Л.)

49. Место, трудное для понимания. Принимаем конъектуру Р. Дженкинза (??? место ???) и его понимание ???, не как "высоты", а как "длины" порога. (Г.Л.)

50. Речь идет, видимо, о высоком правом берегу Днепра, с которого спускаются печенеги к переправе. (Г. Л.)

51. Остров Св. Григорий - о. Хортица, лежащий в нескольких километрах ниже брода Кичкас. В Воскресенской летописи (под 1223 г.) назван Варяжским островом (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 130). В последующее время постоянно использовался как русская база против половцев и монголо-татар (ПВЛ. Ч. 1. С. 183-184 и др.). На острове обнаружены остатки древнерусского поселения, древнейший слой которого датируется X-XI вв. О торговой активности населения могут

свидетельствовать обнаруженные здесь арабские монеты (Сокульский А.Л. и др. Раскопки славянского поселения на острове Хортица // Археологические открытия, 1976 г. М., 1977. С. 373-374). Во время строительства Днепрогэса в 1928 г. у Хортицы на дне Днепра были обнаружены четыре меча и один клинок без рукояти. Судя по надписям, клинки - франкского происхождения, по орнаментации рукоятей - смонтированы в Скандинавии во второй половине X - начале XI в.; еще один меч X в. найден в протоке устья Днепра (Кирпичников А.Н. Русское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. С. 29,48-49,78). Чрезвычайно интересно наименование острова, данное ему, конечно, христианами, может быть - уже русскими (их было немало даже среди ближайшего окружения Игоря, как об этом позволяет судить договор с греками 944 г.). В таком случае следующее ниже описание языческих обрядов, совершаемых росами в начале их пути к Константинополю, можно расценить как проявление сознательной конфронтации с приверженцами проникавшего на Русь христианства (остров носил имя христианского святого). Ср.: ДАИ. II. Р. 54-55.

52. Исследование ритуала жертвоприношений на о. Св. Григорий породило полемику об этнической принадлежности отправлявших культ. Делались попытки, опираясь на сравнительный материал, доказать скандинавскую (ДАИ. II. Р. 55-56) или славянскую (Дуйчев И. С. К вопросу. С. 31-34) их принадлежность. Поиски этнической атрибуции ритуалов представляются, однако, малоперспективными: поклонение дубу (см.: Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. 1, гл. 19; Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования. С. 6-167), принесение в жертву петухов (Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. 3. С. 165-166) и мелкие приношения еды божествам известны едва ли не всем бродам Европы. Аналогии, прежде всего этнографические, могут быть полезны для Уяснения семантики ритуалов. Так, в восточнославянских заговорах дуб (береза и т.п.) может выступать как мировое древо, расположенное на острове среди океана (Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования. С. 31-32), что напоминает реальную ситуацию на о. Хортица перед выходом в Черное море. Ритуалы, приуроченные к мировому древу, наделялись наибольшей сакральностью: вероятно, стрелы, втыкавшиеся по кругу, ограждали сакральную территорию, на которой совершался ритуал. В славянской традиции, восходящей к индоевропейской, дуб - дерево громовника Перуна, атрибутом и оружием которого считались стрелы (Там же. С. 85-86. Ср. находки стрел на славянском святилище на р. Воргол: Москаленко А.Н. Святилище на р. Воргол // СА. 1966. № 2. С. 203-209). Перуном клялись Олег и его дружина; с благодарностью к высшему существу обращались, по-видимому, и росы, прошедшие пороги - самую опасную часть пути. Показательно, что именно на водных артериях, связанных с активностью росов, обнаружены два языческих памятника, свидетельствующих о культе дуба: первый был обнаружен на дне Десны между Черниговом и Остром - ствол дуба с всаженными в него четырьмя кабаньими клыками (Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. С. 159-160); второй такой же дуб был найден при расчистке русла Днепра ниже устья Десны: в его ствол было вставлено девять кабаньих челюстей. Вероятно, дуб стоял у переправы через Днепр на пересечении пути из Чернигова в Киев и "из варяг в греки**" (Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян // СЭ. 1979 №2 С. 106-115). Жертвоприношение петухов связано, по всей вероятности, с гаданием о предстоящем плавании. Приводимые И.С. Дуйчевым параллели - жертвы петухов, которых топили (по сообщению Льва Диакона) воины Святослава в Дунае, а также петуха и курицы, брошенных в погребальную ладью в рассказе Ибн Фадлана, - связаны с погребальным и поминальным культом. Описание Ибн Фадлана не может быть подтверждением того, что "принесение петухов в жертву - исключительно русский обычай" (т.е. славянский: Дуйчев И.С. К вопросу. С. 33), так как оно воспроизводит ритуал типично скандинавского трупосожжения в ладье.

53. Меурсий предлагает опустить здесь отрицание *oi* ("не"), ибо, как следует из дальнейшего, вплоть до р. Селины росы именно боятся печенегов. Поправка устраняет очевидное противоречие в тексте, хотя не снимает полностью сомнений, так как росы боятся печенегов и в районе порогов, а не только начиная от о. Св. Эферий ("от этого острова"). (Г.Л.)

54. Обычно отождествляется с Сулиной, центральным из трех рукавов дельты Дуная (ДАИ. II. Р. 57).

55. Остров Св. Эферий традиционно отождествлялся с о. Березань напротив дельты Днепра. Другая гипотеза отождествляет о. Св. Эферий с западной частью Кинбурнского полуострова, которая в древности представляла собой остров, омываемый лиманом, морем и рукавом Днепра (Погорелая В. В. Остров св. Эферия // Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г. М., 1985. С. 188-198).

Стоянки скандинавов на островах в дельте Днепра подтверждаются находкой на о. Березань фрагмента рунической надписи на камне, имеющем черты сходства с готландскими руническими камнями (Браун Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // Изв. Археологической комиссии. СПб., 1907, Вып. 23. С. 66-75; Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 154-155). Археологические раскопки указывают на временный, но периодически возобновлявшийся характер заселения о. Березань в X-XI вв., что связано, видимо, с обитанием там моряков и рыбаков (Горбунова К. С. О характере поселения на острове Березань // Проблемы археологии. Л., 1979. Вып. II. С. 170-174). Там росы переоснащали свои моносилы для

морского путешествия. О важности о. Св. Эферий и для росов, и для византийцев свидетельствует договор 944 г.: русские не имели права зимовать в устье Днепра, на Белобережье и у Св. Елферия (Эферия. О летописных вариантах названия см.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. С. 57, примеч.). С наступлением осени они должны были отправляться на Русь (ПВЛ. Ч. 1, С. 37), что соответствует сведениям Константина о начале полюдьи в ноябре. Вряд ли, однако, запрет росам зимовать на о. Эферия связан с полюдьем или с попытками росов использовать стоянку здесь для каких-либо иных путешествий по морю поздней осенью. Скорее всего, запрет обусловлен опасениями со стороны византийцев конкуренции, которую росы как рыбаки и добытчики соли могли бы составлять херсонитам, если бы стали здесь постоянными поселенцами (см.: Литаврин Г. Г. Древняя Русь. С. 73). Дальнейший путь росов по морю разделен на дневные переходы (ночью плавание прекращалось, ладьи причаливали, и люди сходили на берег). Одним из самых длинных однодневных переходов был, по всей вероятности, первый: от о. Св. Эферий до устья Днестра - около 230 км. Причем здесь, в устье Днестра, росы останавливались на ночь, видимо, не на берегу (из страха перед печенегами), а на островах или отмелях дельты.

56. Река в бассейне Днестра; ее название (*Аспрос - "Белая") было, вероятно, связано с наименованием приднестровского города Аспрокастра (рус. Белгород). Во время написания трактата местность у р. Аспрос контролировалась печенегами (с наступлением весны их кочевья передвигались в этот район; ср. гл. 8. См.: DAI. П-Р. 57). (Г. Л.)

57 От Селины (устье Дуная), согласно Константину, начинается "земля Булгарии", где росы не боятся не только печенегов, но и никого, т.е. прежде всего болгар. Г.Г. Литаврин (Древняя Русь. С. 73-74) в связи с этим предполагает, что право русских торговых караванов останавливаться на землях Болгарии было утверждено специальным болгаро-русским договором, заключение которого следует, видимо, относить к началу правления Ольги (945-946 гг.); не исключено, что на этих стоянках росы совершали торговые сделки и с болгарскими купцами (как на пути к Константинополю, так и при возвращении). Археологические находки древнерусских изделий этой эпохи в Болгарии подкрепляют такое предположение (история на България. Т. 2. С. 349-350). (Г.Л.)

Фонола идентифицируется в настоящее время с с. Летя в Северной Добрудже (Румыния) (Там же. С. 349, 477). Представляется, что дневной переход от Дуная до Конопы (как и следующий) - самые малые по протяженности (см. также переходы от р. Варны до р. Дичины). Не подтверждает ли это обстоятельство, что остановки росов преследовали не только цели отдыха, но и посещения торговых пунктов на болгарском побережье? (Г.Л.)

59. Совр. Констанца в Румынии. Далее - лакуна в тексте рукописи. Р. Дженкинз предлагает заполнить ее словами "от Констанции". (Г.Л.)

60. Река Варна - ныне р. Провадия, устье которой находится в районе совр. Варны (античный Одесос). Название реки считается славянским по происхождению (История на България. Т. 2. С. 265). (Г.Л.)

61. Река Дичина - совр. Камчия, ее устье - между Варной и Несебром. Ср.: DAI. II. 58. (Г.Л.)

Характерная деталь: славянский союз племен (или племя) - "северы" имелся и на Балканах; стоянки росов у Констанции, Дичины и Варны находились в районе расселения славянского племенного союза северов, который как особая Славиния пользовался еще во второй половине VIII в. правами автономии в Первом Болгарском царстве и обладал значительной военной силой (Литаврин Г. Г. Формирование и развитие. С. 152-153). (Е.М., В.П.)

62. Замечание "все это относится к земле Булгарии" (второе в небольшом пассаже) позволяет предполагать, что именно р. Дичина (Камчия) служила во время написания труда границей между Болгарией и Византией. Причерноморские города Анхиал (Поморие), Созополь и Месемврия не раз переходили в IX в. из рук в руки. Завоеванные Симеоном, они были возвращены Петром империи по договору 927 г. (DAI. II. Р. 58; ср.: История на България. Т. 2. С. 370; Литаврин Г. Г. Древняя Русь. С. 75, примеч. 22). (Г.Л.)

63. Совр. Несебр. Г. Г. Литаврин полагает, что здесь оставалась вплоть до возвращения большая часть торговых судов и большинство гребцов и воинов, сопровождавших купеческую флотилию росов. В Константинополь отправлялись лишь товары (может быть, на византийских судах) и купцы (как и послы князя и знати росов), которые в соответствии с договорами 911 и 944 гг. имели право до шести месяцев располагаться в пригороде Константинополя "Св. Мамант" (близ одноименного монастыря на северном берегу Золотого Рога). По приблизительным подсчетам, общая численность росов, прибывавших с одним караваном, составляла не менее тысячи человек, и хотя бы по этой причине (не говоря уже о ясно выраженных в договоре 944 г. соображениях безопасности столицы и ее жителей) в отведенной росам резиденции могла разместиться едва ли десятая часть прибывших (Литаврин Г. Г. Древняя Русь. С. 63-68). (Г.Л.) 64. Исходя из множ. ч. термина "архонт" (см. коммент. 9 к гл. 9), можно предполагать существование нескольких дружин с предводителями-архонтами, собиравшими полюдь, как в случае со Свенельдом и Игорем, взимавшими дань с древлян (ПВЛ. Ч. 1. С. 39-40), или нескольких архонтов в одной дружине. Ср. упоминание "всякого князя" в Договоре Игоря с Византией 944 г. (Там же. С. 35) и "архонтов России" в описании Константином Багрянородным приема Ольги (Const. Porph. De cerem. II, 15). 65.

Вероятно, выражение "все росы" соответствует словосочетанию "вся русь" в легенде о "Ризвании варягов и в договорах с греками (ПВЛ. Ч. 1. С. 18, 26, 52; ДАИ. II. Р. 59; ср.: Vernadsky G. *Kievan Russia*. New Haven, 1928. P. 137-140). Еще Б.Д. Греков считал, что "вся русь" означает в данном контексте дружину, собирающую по-людье (История СССР. М., 1947. С. 74); ср. замену слов "вся русь" а легенде о призвании варягов (ПВЛ) на выражение "дружина многа" (НПЛ. С. 106). Фиксация подобного выражения может быть отмечена уже в договоре Олега 911 г., заключенном "от всех иже суть под рукою его сущих Руси" (ПВЛ. Ч. 1. С. 26). К.-О. Фальк предположил, что выражения "все росы" у Константина и "вся Русь" в летописи восходят к традиционному обозначению участников похода, в том числе морского (Falk K.-O. *Einige Bemerkungen*. S. 149-150. Ср. коммент. 1 к гл. 9). Таким образом, Средины X в. сохраняется традиционное социальное значение слова, наряду этническим.

66. Полюдье означало объезд князем с дружиной подвластных ему территорий целью сбора дани, а позднее и саму дань. Б.А. Рыбаков воссоздал маршрут полюдья по кольцу рек: последовательность полюдья, возможно, отражена в перечислении Константином славянских племен. Сначала сборщики полюдья отправлялись к ближайшему от Киева племени вервиан-древлян (см. коммент. 67 к гл.9); сообщению о начале полюдья у древлян соответствуют и сведения летописи о взимании Игорем дани с древлян осенью, когда начиналось полюдье. Затем сборщики дани направлялись через Любеч по Днепру к дреговичам-другивитам (см. коммент. 68 к гл. 9) вплоть до Смоленска в кривичском Верхнем Поднепровье затем по Десне к северянам-севериям (см. коммент. 70 к гл. 9) и через Чернигов и Вышгород возвращались в Киев. Предполагаемый маршрут включает все пять городов, перечисленных в начале главы. По Рыбакову, росы в ходе полюдья совершали кратковременные остановки в специальных пунктах - становищах, куда свозилась дань (Рыбаков Б.А. *Смерды // История СССР*. 1979. N 2. С. 39-47; Он же. *Киевская Русь*. С. 318-329). Однако в Гнездове (оно, а не Смоленск, по-видимому, служило поворотным пунктом "кружения") дружина в X в. стояла постоянно; к постоянным пунктам-погостам можно отнести и Шестовицы, и Седнев 'на Черниговщине, и другие погосты вне зоны, охваченной регулярным полюдьем на территории "прочих Славиний", чьи племенные названия не упомянуты Константином.

Греческая транскрипция древнерусского слова "полюдье" показательна как свидетельство адаптации росами именно славянского слова (в исландских сагах также употребляется заимствование из древнерусского: *polutasvarf*. См.: Stender-Petersen A. *Varangica*. P. 151-164), хотя этимологически сходный институт в самой Скандинавии носил название "вейцла" (Гуревич А. Я. *Свободное крестьянство феодальной Норвегии*. М., 1967. С. 126-143). Древнейшие известия о ежегодных объездах "царем" славян и о сборе дани одеждой содержатся в сочинении арабского автора X в. Ибн Русте (Новосельцев А. П. *Восточные источники*. С. 389; Он же. *Арабские источники об общественном строе восточных славян IX - первой половины X в. (полюдье) // Социально-экономическое развитие России*. М., 1986. С. 22-26).

Участвуя в полюдье, росы содействовали оформлению в восточнославянском обществе системы сбора дани. Продукты дани - воск, мед, меха, рабы - реализовывались на внешних рынках, в том числе в Византии (Юшков С. В. *Общественно-политический строй*. С. 59; Рыбаков Б.А. *Киевская Русь*. С. 329 и след.). Частично это подтверждается материалами дружинных курганов, расположенных возле погостов и в самом Киеве, которые содержат монеты, остатки тканей и предметы роскоши из Византии и стран Востока. Именно после сбора полюдья, согласно Константину, росы отправляются в Византию; торговые отношения с ней регулировались договорами 911 и 944 г. По данным археологии, расцвет торговли с Византией начинается именно в X в.; находки византийских монет зафиксированы по всему пути "из варяг в греки" (Даркевич В. П. *Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село*. М., 1985. С. 394). Такая форма эксплуатации, как сбор дани и ориентация на внешние рынки характерны для раннефеодальных государств. Полюдье сохранялось до XII в. в форме фиксированной денежной повинности: в грамоте Мстислава Владимировича 1130 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 140. N 81) говорится об "осеннем полюдье".

67. По мнению всех исследователей, этноним *Verpidvoi* (В вместо Л представляет собой, несомненно, ошибку переписчика) обозначает древлян - восточнославянский союз племен, населявший территорию между Днепром, Горынью и верховьями Южного Буга. Древляне убили князя Игоря, пытавшегося повторно собрать дань, но были покорены его вдовой Ольгой в 945 или 946 г. - события, актуальные в момент составления трактата, который подтверждает подвластность древлян киевскому князю. Археологические памятники древлян X в. изучены слабо: известны общеславянские полусферические курганы с трупосожжением или трупоположением без погребальной ямы (Седов В.В. *Восточные славяне*. С. 101-106)

68. *Друговиты Константина отождествляются с дреговичами - восточнославянским племенным союзом, населявшим территорию между Припятью и Западной Двиной. Их археологические памятники X в. исследованы слабо: открыты общеславянские полусферические курганы с трупосожжением и трупоположением (Седов В.В. *Восточные славяне*. С. 113-119).

69. (Ср. коммент. 19 к гл. 9.)

70. *Северии Константина отождествляются с северянами - восточнославянским племенным союзом, населявшим поречье Десны, Сейма и Сулы. Этническая территория северян совпадает с ареалом роменской культуры VIII-X вв.; к середине в в. лесостепное левобережье Днепра вплоть до устья Сейма, возможно, было подчинено непосредственно Киеву, о чем свидетельствует однородность археологических памятников на правобережье и левобережье, а также дружинный некрополь X в. в Седневе (Зайцев А. К. Черниговская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 63-66) и, возможно, разноплеменной некрополь в Гочева (Седов В. В. Восточные славяне. С. 139 и след.).

71. Неоднократно отмечалось, что в перечнях славянских племен (двух в гл. 9 и одном в гл. 42) Константин не упоминает полян - восточнославянское племя (или племенной союз) в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. В этом молчании императора видели свидетельство отождествления им полян и росов (Пархоменко В.А. у истоков русской государственности (VIII-IX вв). Л., 1924. С. 39-41, 51-53, особенно 54; Тихомиров М.Н. Происхождение названий "Русь". С. 77; Левченко М.В. Очерки. С. 205-208). Эта точка зрения противоречит тексту Константина, где под "росами" понимается великокняжеская дружина на Руси по преимуществу скандинавского происхождения (см. коммент. 1, 28 к гл. 9).

Действительно, поляне ранее других племенных объединений славян утратили свои племенные особенности, включившись в процесс консолидации древнерусской народности: для летописца начала XII в. они "поляне, яже ныне зовомая Русь" (ПВЛ. Ч. 1. С. 21; ср. Ч. 2. С. 240). Последний раз в историческом контексте они упомянуты под 944 г. в войске Игоря (Там же. Ч. 1. С. 33) наряду с варягами, русью, словенами, кривичами и тиверцами, которых болгары именуют уже общим наименованием - "идуть Русь" (Там же. С. 34; ср. коммент. 1 к гл. 9). Вместе с тем, как уже отмечалось в связи с лендзянами (см. коммент. 20 к гл. 9), Константин упоминает наряду с вервианами-древлянами, другувитами, кривитеинами, севериями и "прочих славян, которые являются пактиотами росов" (ср. также гл. 37: "ультины, дервленины, лензанины и прочие славяне"). Это затрудняет попытки уточнения состава славян-пактиотов.

Следует отметить, что перечень восточных славян у Константина в существенной части близок обозначениям Славиний, известных на Балканах: параллели на Балканах имеются для этниконов дреговичей, кривичей, северян. Считается, что эти соответствия отражают процессы расселения славян из прародины на Балканы и по Восточной Европе (см.: Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. № 6. С. 48-67; Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Киев, 1980. С. 11-45).

72. Опактиотах см. коммент. 17 к гл. 9.

73. В сходном значении "кормление" упоминается в Повести временных лет (ПВЛ. Ч. 1. С. 97 - 1018 г., С. 116 - 1069 г.), когда дружина разводится по городам "на покорм" (Пашуто В.Т. Черты. С. 52). Ибн Русте сообщает, что "руссы питаются лишь тем, что привозят из земли славян"; более подробно сообщение Гардизи: "Всегда 100-200 из них ходят к славянам и насильно берут у них на свое содержание, пока там находятся" (Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 397, 400). Таким образом, сбор дани - полюдья сопровождался "кормлением" князя и дружин. Система кормления в измененном виде продолжала существовать вплоть до XVI в.

74. Начало апреля - средняя дата ледохода в Верхнем Поднепровье.

75. Распространенное в византийской литературе (на тех же основаниях, что и термин Ромей" - см. коммент. 3 к Предисловию) обозначение Византийской империи (ср. гл. 22, 44, 46, 47, 53).

76. Замечание об узак - явная интерполяция (сделанная, быть может, самим Константином) или грубый дефект композиции гл. 9. От тюрк. *Огуз > Uz. См.: Marquart J. Über den Volksname der Komänen. Leipzig, 1914. S. 24 ff.; Kossanyi B. // Szazadok. 1923-1924. Bd. 57/58. S. 519 ff. В русских летописях соответствует этнику "торки" - "торкы" "торцы". Впервые в Повести временных лет упоминается под 985 г. В византийских источниках самое раннее употребление термина - у Константина Багрянородного (в рукописном варианте известна несклоняемая форма *ous см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. v.). В основном встречается в источниках XI в. Известны и другие византийские наименования узов-торков огузы(???) и гунны (???)

Тюркские кочевые племена узов (огузов) населяли в X в. территории к северо-востоку от Каспийского моря, между Волгой и Аральским морем (Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzige. S. 337-341; Grousset R. L'Empire des steppes. 1941. P. 240-241; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 90-94). Еще в заволжских степях начался процесс не только вытеснения печенегов, но и слияния шедших к востоку огузских (торческих) племен с печенегами, на что обратили внимание уже современники, например Ибн Фадлан (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана). Ученые не склонны выделять самостоятельный торческий период в истории юга нашей страны, так как узы кочевали в донских и приднепровских степях недолго: они прошли по Причерноморью на Балканы, устремившись к византийским пределам (Археология СССР. Степи Евразии. С. 213).

Исследователи отмечали некоторую "нелогичность" упоминания узов и в конце гл. 9, и в гл. 10, хотя внимание к ним в связи с хазарами вполне логично (Bury J д The Treatise. P. 520-521; Manojovic G. Studije. Knj. 187. S. 43; DAI. II. P. 18). К. Макартни (The Magyars. P. 146-147) считал даже, что "узы" в гл. 10 - интерполяция привнесенная из гл. 37, 5-8, где сказано о союзе узов с хазарами (М.Б.)

К ГЛАВЕ 10

1. О соседстве узов и хазар ср. также: DAI. 37.4.

2. От греч. ??? - "власть" и ??? - "владеть", "иметь", т.е. "обладатель власти". Одно из византийских наименований правителя иноземного народа. Титул упомянут и в "Книге церемоний" (Const. Porph. De cerem, P. 688. 2) (Ostrogorsky G. Die byzantinischen Staatenhierarchie. S. 52; Soloviev A. Le nom byzantin de la Russie // BS. 1947. Т. 9. P. 34, п. 10). Сходный термин ??? - "эксусиаст" употреблялся применительно как к могущественным Фатимидам, так и к аланам и авасгам - вассалам Византии.

Социально-политическая терминология византийских источников, касающаяся аланского господствующего класса, неоднозначна. Поэтому высказывалось предположение о существовании реального различия в политическом статусе упоминаемых Константином "эксусиократора Алании", с одной стороны, и "архонта Азии" (Const. Porph. De cerem. P. 688. 2,6) - с другой. Различие в терминологии истолковывалось в том смысле, что "наряду с чисто официально-государственным титулом "эксусиократора Алании", существовало и понятие, "целиком связанное с родовым строем", - "старейшина асов" (Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С. 233). Однако оснований для принятия этой гипотезы нет (Бибииков М.В. Византийские источники. С. 143).

Аланией византийцы называли как территорию расселения на Северном Кавказе ираноязычных племен - аланов, так и политическое образование, игравшее в начале X в. на северо-восточной периферии Византии роль ее аванпоста против хазар и кочевников южнорусских степей. До проникновения в Предкавказье, к началу гуннских нашествий IV в. аланы обитали к востоку от Дона (Altheim F. Geschichte der Hunnen. B., 1959. Bd. 1. S. 342). Формирование аланской материальной культуры приходится на V в., когда в зону их расселения входила уже вся центральная часть Северного Кавказа от верховьев Кубани до пределов Дагестана (Кузнецов В.А. Аланские племена. С. 30-35). С конца VI в. до конца VII в. византийские памятники молчат об аланах, что, возможно, было связано с их зависимостью от хазар (Кулаковский Ю.А. Аланы. Отд. II). В VIII в. единственным известием об аланах является сообщение Феофана (391. 5-395.2) о посольстве Льва III на Кавказ, расцениваемое как свидетельство политической независимости аланов от хазарской власти (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 42 и след" 65 и след., 136). Доказательством непрекращавшихся, видимо, византийско-аланских связей является обращение аланов в IX в. в христианство (Кулаковский Ю.А. Аланы. С. 142-144). В VIII-IX вв. аланы, в силу давления черных болгар, потеряли часть территории в районе совр. Кисловодска (Кузнецов В.А. Аланские племена. С. 30).

К X в. относят формирование средневековой ираноязычной аланской народности на территории от притока Кубани Урупа на западе до притока Терека - Аргуна на востоке. Выделились три основных варианта аланской материальной культуры: западный (верховья Кубани), центральный (Кабардино-Балкария) и восточный - в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (Кузнецов В.А. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии // Учен.зап. Кабардино-Балкарск. НИИ. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 149).

Рост политической самостоятельности Алании на рубеже IX-X вв. сопровождался постепенным ослаблением политического влияния Хазарского хаганата. Важные последствия для политического положения Алании в X в. имели походы древнерусских дружин на Каспий и в Закавказье. Так, в составе коалиции русов во время похода на Бердаа в 943/944 г. были и аланы. Победы Святослава над хазарами завершили и борьбу Аланского государства за освобождение от политического влияния хазар (Гадло А.В. Восточный поход. С. 59-68). В X в. наиболее подробные сведения об аланах сообщает ал-Масуди (Минорский В.Ф. История Ширвана. С. 204-207).

Вместо распространенных ранее представлений о невысоком уровне политического развития Алании (Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинири, 1959. С. 86 и след., 142 и след.) теперь высказывается мнение о том, что X-XII вв. являлись периодом наивысшего расцвета военного могущества и культуры аланского населения Северного Кавказа, что именно тогда произошло у аланов оформление раннефеодальной государственности. Этот период истории Алании и отражает свидетельство Константина (Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С. 23 и след.;

Гогошвили Г. Д. Византия и Алания // Изв. АН ГрузССР (Мацне). Сер. ист., археол., этногр. и ист. искусства. 1978. N 2. С. 60-79; Гадло А.В. Этническая история. С. 187 и след.; Авдиенко В. Г.

Этносфера Алании как фактор христианизации: (К постановке проблемы) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 102-105; Кузнецов В.А. Очерки по истории алан. 3. В.А.Кузнецов локализует "Климаты" Хазарии, т.е. области, подвластные хаганату, лишь в районе Нижнего и Среднего Прикубанья (Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С. 15 и след.). А.В. Гадло, напротив, считает что здесь имеется в виду более обширный район Северного Кавказа, борьба за влияние в котором и определила характер алаано-хазарских конфликтов (Гадло А.В. Восточный поход. С. 60 и след.; Он же. Этническая история. С. 196-197).

О географии и административно-политической структуре хаганата см.: Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. N 3. С. 63-74; Он же. Хазарские поселения в Дагестане // Там же. N 2. С. 200-216; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; ср.: Koestler A. The Thirteenth Tribe. The Khazar Empire and its Heritage. L. 1976; Golden P.B. Khazar Studies. Vol. 1-2; Bazin L. Pour une nouvelle hypothese sur l'origine des Khazars // Byzantino-Altaica. Bochum, 1983. S. 51-71. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 67 и след.

Целью Византии, как следует из рассматриваемого текста, было закрепление своего влияния в северокавказском регионе путем отторжения от Хазарии Крыма и Боспора (см. гл. 11) и укрепления алаано-византийского союза против хазар; вместе с тем предполагалось, используя силы кочевников (печенегов и узов), противопоставить их не только хаганату, но и Алании.

К ГЛАВЕ 11 [\(Наверх\)](#)

1. Крепостью" Боспор Константин называет город на восточной оконечности Крымского полуострова (на месте совр. Керчи) - прямой наследник античного города Пантикапей, основанного в первой половине VI в. до н.э. Еще в античную эпоху милетская колония в Таврике получила название Боспор Киммерийский, став затем центром Боспорского государства, разгромленного гуннами в 70-х годах усиление печенежского натиска, на рубеже ix-X вв. хазарский гарнизон, вероятно, еще удерживал Боспор и Таманский полуостров (Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 55).

Ко времени составления трактата Константина Багрянородного этот регион уже стал объектом интенсивных внешнеполитических действий Древней Руси силу острого столкновения в Северном Причерноморье интересов прежде всего Византии и Руси, боровшихся за влияние в Таврике и Приазовье.

Свидетельство Константина отражает, по-видимому, еще хазарский период истории Боспора, когда в завоеванном в VIII в. городе сидел хазарский тудун, а сам город назывался, судя по переписке Иосифа, К-р-ц (Коковцов П. К. Еврейской хазарская переписка. С. 101-102).

2. Город-крепость в излучине Дона, на левом берегу Старицы, на западном рубеже владений Хазарского хагана (Nagrodzka-Majchrzyk T. Miasta chazarskie Itil i Sarkel II Przegląd Orientalistyczny. 1973. T. 1 (85). S. 45-50). Название лучше всего истолковывается как "Белый дом" (сар/шар-"белый", гил - "дом"; последнее слово-иранского корня; см.: Bartholomae Ch. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten // Sitzungberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse. 1920. Bd. XI. Abh. 2. S. 22), или "Белая крепость". Древнерусское наименование - Белая Вежа (Белая башня, Белая Крепость). Название Саркел сходно с упоминаемым в еврейско-хазарской переписке наименованием Ш-р-кил (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 102). Константин уточняет, что у хазар название "Саркел" означает "белая гостиница", что вполне соответствует тюркскому значению "белый" или "желтый" дом (Там же. С. 105; Minorsky V. Hudud al-'Alam. P. 453, п. 4; Dunlop D.M. The History. P. 186). В "Анонимной записке" второй половины IX в. в пересказе Ибн Русте встречается еще одна близкая форма названия некоего хазарского города - Capture (ZA. 11/2. S.28 - текст, 29 - перевод). Ее также связывают с Саркелом (Marquart J. Streifztlge. S. 1; Minorsky V. Hudud al-'Alam. P. 452-454; Zajzykowski A. Ze studiów. S. 50-52). Старая теория, что Саркел был частью столицы Хазарии - Итиля (Кудряшов Н. Половецкая степь. М., 1948. С. 34, примеч. 7; Заходер Б.Н. Каспийский свод. Ч. 1. С. 193-194), ныне окончательно отброшена (Артамонов М.И. История хазар. С. 316-320; Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 44-45; Dąbrowski K. (i inn.) Npnowie europejscy. S. 269-279). Саркел был воздвигнут между 834 и 837 гг. Городище было в свое время хорошо изучено археологически (Плетнева С.А. Хазары. С. 52 и след.), ныне остатки города лежат на дне Цимлянского моря в 15 км от берега. Раскопанная крепость имела форму четырехугольника размером 193,5X133,5 м, с кирпичными стенами толщиной около 4 м и многочисленными башнями. Поперечная стена делила крепость на две части, причем юго-восточная часть, не имевшая выход" наружу, была, вероятно, цитаделью с сооруженной в южном углу квадратной башней-донжоном (Артамонов М.И. Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. N 62. С. 7-18). Город населяли как хазары, из которых состоял гарнизон крепости, так и болгары, славяне, гузы. Раскопки свидетельствуют о развитых ремеслах и торговле в городе. В 965 г. князь Святослав во время похода против хазар взял Саркел, ставший затем на какое-то время русской крепостью (Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 93 и след.). Ю.А. Кулаковский видел

в аланах, закрывавши хазарам проход к Саркелу, Херсону и Климатам, неких особых, "припонтийских аланов. В.А. Кузнецов убедительно показал, что в данном случае сочинение Константина отражает общую политическую ситуацию в Центральном Предкавказье, где аланы установили к середине X в. свой контроль над степями Северного Кавказа: в расширении территорий под пастбища проявлялась острая потребность развивавшейся экономики аланов, сдерживаемой до X в. их зависимостью от хазар (Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. С. 23 и след.).

3. Как сказано выше (коммент. 13 к гл. 10), в IX-X в. обострились византийско-хазарские отношения; Византия побуждала к нападениям на Хазарию прежде всего печенегов и аланов. Не всегда эта политика приносила империи успех. В спровоцированном ею алано-хазарском конфликте 932 г. хаган с помощью наемников-узов разбил аланов и взял в плен их правителя. Победитель предпочел, однако, не устанавливать свое непосредственное господство в Алании: хаган принял пленника с почестями и даже женил своего сына на аланской царевне. В результате аланы на время даже возвратились к язычеству, изгнав христианских священнослужителей (Артамонов М.И. История хазар. С. 363-364).

К ГЛАВЕ 12

1. Ср. DAI, 42.77. Черная Булгария известна также по Повести временных лет: согласно договору Игоря 944 г. с Византией, русский князь обязывал защищать "Кор-сунскую землю" (округ Херсона) от черных болгар, нападавших из Приазовья. Локализация спорна: область Кубани (Ласкчн Г. Сочинения Константина Багрянородного. М., 1899. С. 76; Златарски В. История. Т. I. Ч. 1. С. 114) или междуречье Днепра и Дона (Westberg F. Die Fragmente des Toparcha Gothicus // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1901. Т. V/2. S. 103, 107; Marquart J. StreifzUge. S. 503; Vasiliev A.A. The Goths. P. 101). Д. Моравчик (DAI. II. P. 62) считает возможным отождествить Черную Булгарию с Волжской (см. также: Брун Ф. Черноморье. Т. I. С. 31-32, 100, 107; Macartney C.A. On the Black Bulgars // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 1930-1931. Bd. 8. S. 150-158, Смирнов А.П. Волжские Булгары. М., (951; ср.: Гадло А.В. О черных и внутренних болгарях. Одна из спорных проблем исторической этнографии южнорусских степей // Географическое общество. Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып. 6. С. 3-25). В материалах Комиссии АН СССР "Константин Багрянородный" высказано, однако, другое мнение: "Видно, что лежала (Черная Булгария) по соседству с Хазарией и притом ближе к Руси. Нельзя отождествлять (ее) с Волжской Булгарией (Брун Ф.К. Черноморье. I. С. 31, 100) и с территорией Кубани, занятой аланами (=Иловыйский (Д.И.)) отекания о начале Руси. (С.) 290; Ласкин (Г. Сочинения). (С.) 76). Вернее думают Вестберг и Маркварт: (она находилась) между Днепром и Хазарией, занимая часть старинной области кутигуров или котрагов к западу от Танаиса. Ср.: Середонин (С.М.) Лекции. С. 86" (Архив АН СССР. Ленинградское отд-ние. Ф. 126. Оп. 1. N 10).

Действительно, как явствует из сообщений Константина, русы, направляясь в Таврику, проходят от Днепра путь через Черную Булгарию и Хазарию, что делает уязвимой волжскую локализацию Черной Булгарии Константина.

Что касается хазарско-булгарских отношений в X в., то, по свидетельству царя Иосифа, данниками Хазарии были ее северные и северо-восточные соседи - буртасы, эрзя, черемисы, а также болгары и сувары (Коковцов П. С. Еврейско-хазарская переписка. С. 98). Судя по сообщениям Ибн Фадлана, находившегося в 922 г. при болгарском дворе (Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939; Kowalska M. Ibn Fadlan's Account of the Journey to the State of the Bulgars // Folia Orientalia. Krakow, 1973. Т. 14. S. 219-230), Волжская Булгария и в начале X в. зависела от хазар (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана).

К ГЛАВЕ 13

Название главы отражает содержание лишь начальной ее части (13.3-11), которая находится явно не на месте, как и вся предшествующая глава (чье место - в конце гл. 10) Композиционно отрывок о "турках" и их соседях связан с гл. 40, а замечание о печенегах как силе, способной угрожать "туркам", - с гл. 3, содержание которой оно попросту повторяет. Этот повтор сам по себе - ценное дополнительное свидетельство важности расчетов империи на союз с печенегами против других "северных варваров", а также серьезности опасений Константинополь перед возможными новыми набегами венгров ("турок") на владения империи (см. коммент. 7 к гл. 8). Весь этот пассаж если не написан самим Константином, то, несомненно, им самим отредактирован. Текст соответствующей этому пассажи заметки составлял, по всей вероятности, особый листок, отдельный от тех, в которых содержались материалы глав 1-8.

Ремарка о том, что печенеги способны нападать на "турок", сделана здесь сам Константином, как это явствует из его же замечания: "как уже было сказано выше в главе о пачинакитах". Д. Моравчик обращает внимание на то, что такое замечание не соответствует действительной композиции всей первой части труда: царственный автор говорит лишь об одной главе о

печенегах, тогда как речь о них шла в восьми главах (DAI. П. Р. 63). В связи с этим можно высказать несколько предположений об истории рукописи. Видимо, в момент составления (а отчасти и написания) комментируемого пассажа Константин предусматривал иное, более четкое распределение материала по главам в первой части. Данное место памятника подтверждает также идею Р. Дженкинза, что существующие ныне титулы глав первой части (как и всех глав труда) уже имелись в виде названий разрозненных заметок и материалов, когда Константин приступил к работе над ними, а не были поздними маргинальными пометами на рукописи, впоследствии перенесенными в текст каким-то ее переписчиком; подтверждает этот пассаж и вывод о том что основное содержание гл. 13 осталось не озаглавленным именно потому, что часть главы (13.12-200) была целиком написана Константином: никто не предоставлял ему Здесь озаглавленных заметок, а император не счел нужным давать разделу особое наименование (DAI. II. Р. 8). Можно предположить также, что заголовки черновых материалов (они-то и сохранились) - не результат творчества собирателей материала и составителей справок, а запись сюжетов, продиктованных Константином как задание, о чем писать еще в самом начале работы над трактатом.

Дженкинз полагает, что пассаж 13.3-8 должен был составить, по мысли Константина, начало главы о "турках" (DAI. II. Р. 8, 63). Нам это кажется маловероятным. Мы представляем себе работу над разделом о "турках" иначе. Скорее всего, сбор материала вели несколько человек. Справка о соседних с "турками" народах, составленная одним из исполнителей, была отвергнута другим, собравшим значительный материал для гл. 40 и в том числе по тому же вопросу - о соседях "турок" (DAI. 40.41-44). Отрывок 13. 3-18 оказался, таким образом, своего рода "дубликатом", которым Константин и распорядился по-своему, не слишком занимаясь поисками более стройной композиции.

Основное содержание гл. 13 представляет собой заключение к первой части труда, излагающее главные принципы имперской дипломатии, которым надлежит неукоснительно следовать в отношениях с "северными варварами". То, что в этом заключении речь идет лишь о них, недвусмысленно подчеркнута дважды (см.: 13.14-15 и 13.24-25), поэтому нет необходимости специально доказывать, что Константин не имеет в виду ни сарацинов, ни западные народы (DAI. II. Р. 63). Интереснее другое: о ком из этих "северных варваров" (печенегов, венгров, русских, болгар, сербов, узов, хазар) Константин ведет здесь речь прежде всего. По-видимому, следует сразу же исключить все кочевые народы (печенегов, узов, а также венгров, которых византийцы также считали номадами). Вряд ли имеет в виду Константин и сербов и болгар: они - христиане (а не "нечестивцы", о которых тут говорится), да и осведомлены о значении регалий императорской власти (рекомендации же Константина, как будет видно далее, рассчитаны на полное неведение "варваров" в этом вопросе). Мы полагаем поэтому, что в гл. 13 имеются в виду в первую очередь росы и хазары. (Правда, в "Жизнеописании Василия", своего деда, Константин говорит о крещении росов еще в 60-х годах IX в. Вероятно, однако, император знал, что этот акт не имел серьезных последствий: ни в трактате "Об управлении империей", ни в сочинении "О церемониях" нет и намек на то, что князья росов или их подданные были христианами. Стремясь основывать свои доверительные рекомендации на реальных фактах, Константин здесь, по нашему мнению, причислил росов к "нечестивым" северным народам.) При этом возможно, что, говоря о трех видах "неуместных домогательств" "варваров", Константин в каждом случае подразумевает прежде всего какой-либо один из названных им народов (например, требование передать "варварам" "жидкий огонь", употреблявшийся обычно в морском бою, могли, скорее всего, предъявлять росы, а не хазары).

Дженкинз считает весь "дипломатический раздел" наиболее поздней частью труда, датируя ее 952 г. (DAI. II. Р. 7-8, 63). Очевидно, что часть гл. 13, заключающая "дипломатическое поучение" как обобщение всей первой части, написана позже глав 1-12. Но датировка ее 952 г. опирается лишь на гипотезу о завершении в этом году всего труда как подарка сыну Константина Роману ко дню его 14-летия (см. Предисловие). Такая датировка возможна, но она не доказана. Ясно одно: Константин опирался на свой личный опыт автократора, каковой он мог накопить лишь после низложения сыновей Романа I 27 января 945 г., а на приобретение этого опыта потребовался, разумеется не один год. Другое важное обстоятельство: здесь Константин, судя по контексту, относит венгров к языческим народам, тогда как известно, что около середины X в. (в 948 г.) вожди венгров Булчу (Вулцус) и Дьюла приняли - при участии самого Константина - христианство в Константинополе (см. коммент. 1 к гл. 3). Следовательно, 948 г. может действительно рассматриваться как *terminus ante quem* написания гл. 13, а саму ее, может быть, следует датировать концом 40-х - началом 50-х годов X в. 1. Отрывок о соседях "турок" до сих пор остается предметом споров. Местоположение каждого из соседних с венграми народов у Константина представляется мало соответствующим известным историческим фактам: если вопрос о "Франгии" и хорватах еще может найти сколько-нибудь удовлетворительное решение, то отнесение Великой Моравии к южным соседям венгров, а печенегов - к северным труднообъяснимо. Мало того, во время написания трактата Великой Моравии вообще уже не существовало: как сказано тут же в

тексте несколькими строками ниже, это государство было разгромлено венграми.

Д. Моравчик полагает, что малокомпетентный автор данного фрагмента перепутал местоположение Великой Моравии с областью расселения южных мораван. Более убедительной представляется гипотеза Дженкинза. Он считает, что комментируемый отрывок был испорчен позднейшими переписчиками: была пропущена строка между артиклем ? и словом ???, которая могла иметь примерно такой вид: *Хроватиа. ???, т.е. испорченное место должно было звучать: "а с южной - Хорватия. Местность же эта была некогда Великой Моравией..." и т.д. В обоснование такой точки зрения Дженкинз указывает на гл. 40.41-44, где четко южными соседями "турок" объявлены хорваты. *ih* разделяет давно высказанное мнение, что комментируемый здесь текст был основан на информации именно данного места гл. 40 (DAI. II. P. 7). 2. Буквально: "с более западной стороны" - Франгия, а "с более северной" - печенеги. Д. Моравчик разделяет мнение Г. Манойловича (Studije. Knj. 187. S. 116), что прилагательные в сравнительной степени *дутикотерон и *бореиорин следует понимать как "юго-запад" и "северо-восток" (DAI. II. P. 62). Но это, как мы увидим далее (см. коммент. 3-5 к гл. 13), не устраняет всех затруднений.

3. "Франгию" или "Франгии" Константин упоминает еще 17 раз. Он знает, что бывшая империя Карла Великого уже не составляет политического единства (см. подробнее коммент. 5 к гл. 26). Особо подчеркивает он также, что "Франгия", в которой правит Оттон I, - это, в сущности, "Саксия" (см.: 30.74 и коммент. 16 к гл. 30). Лиудпранд Кремонский писал, что под "франками" византийцы понимали "как латинян, так и немцев" (Liutpr. Legatio, 33). Однако было бы неосторожным усматривать в употреблении терминов "Франгия" и "франки" одинаковые закономерности, так как здесь иногда наблюдались существенные различия (ср.: Советы и рассказы. С. 584-585). В комментируемом пассаже во "Франгии" следует видеть, по нашему мнению, Восточно-франкское королевство, с которым венгры пришли в прямое соприкосновение с момента своего поселения на Панноиской равнине (История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 104-105). В таком случае слово ??? отнюдь не обязательно понимать как "юго-запад": владения этого королевства лежали прямо на западе и даже на северо-западе от венгров. В гл. 40 (40.43) параллелизм выражения *дутикотерон - *бореиорин отсутствует: о франках сказано, что они соседи "турок" ???, о печенегах же - что они соседи венгров *прос де то бореион, т.е. прямо "на севере" (ср. употребление слов *дутикотерон и *бореиорин в 37.41-42). (Г.Л.)

Сведения о франках как западных соседях мадьяр могли содержаться в информации мадьяр, хотя сам этникон "франки" мадьярам в середине X в. был неизвестен. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что для обозначения франков мадьяры заимствовали их южнославянское обозначение "влах" ("власи") - мадьярское "олас": именно хорваты, говорившие на кайкавском и чакавском диалектах, и словенцы называли франков "власи" (Knieszka I. A magyar nyelv. 360. 1.). (В.Ш.)

4. Таким образом, как северных соседей венгров Константин трижды вполне определенно указывает печенегов (ср. точно так же в 40.43). Однако это представляется сомнительным более того, что здесь нет ошестительно никаких сведений о восточных соседях венгров, тогда как в гл. 40 этими соседями объявлены болгары, что, видимо и соответствует действительности (см.: 5.8 и коммент. 4 к гл. 5). Во всяком случае наука не располагает данными о каких-либо поселениях печенегов в конце IX-X в к северу от венгров или даже о печенежских набегах на Паннонскую равнину через Северные Карпаты или в обход северных отрогов Карпат (Diaconii P. Les Petchenegues. P. 13-21) Мало того, нет сведений и о том, что печенеги после ухода венгров в Паннонию вообще где бы то ни было с ними соседствовали.

В связи со всем этим можно, на наш взгляд, высказать два предположения. 1. Эта часть информации о печенегах как соседях венгров восходит ко времени, когда венгры еще имели свой стан в Восточном Прикарпатье, т.е. до их ухода через Карпаты в Панионию. Такая точка зрения уже высказывалась в литературе (DAI. II. P. 62). 2. Константин (или его соавтор), возможно, действительно полагает, что владения печенегов достигали северных границ мест расселения венгров. В самом деле, он указывает, что западные соседи венгров - франки, южные - предположим, хорваты, восточные (согласно гл. 40) - болгары. Но он же неоднократно и настойчиво подчеркивает что венгров можно держать вдали от границ империи именно с помощью печенегов (см.: 3.4-5; 4.3-5; 4.9-11; 8.13-33 etc.). И, говоря о соседях "турок" (должны же печенеги быть соседями венгров, чтобы нападать на них и держать их в страхе), автор отвел печенегам единственное остающееся "не занятым" на границе с Венгрией место - "север": видимо, район, прилегающий к северным отрогам Карпат. не исключено, однако, еще одно толкование: Константин знал от печенегов, что они способны совершить на венгров нападение (пройти на Паннонекую равнину по северному берегу Дуная печенеги могли, как ранее - и гунны, и авары), но в его представлении для этого печенеги должны были быть соседями венгров. А раз так, то он и "искал" сопредельный район между теми и другими. Напомним, что и посол империи в Паннонию, к венграм, клирик Гавриил (см. гл. 8) считал возможным нападение венгров на печенегов. Следовательно, и последние могли нападать на первых. (Г.Л.) Имеется и еще одно объяснение: печенегов как своих северных соседей воспринимали сами мадьяры, поскольку для их обыденного

сознания было характерно смещение частей света; информация же о мадьярах, переданная в трактате Константина, исходила от них самих. (В. Ш.)

5. Государство западных славян в бассейне Среднего Дуная, возникшее в конце viii начале IX в. и достигшее расцвета в 60-80-х годах IX в. Определение "Великая" в источниках, современных ей, не встречается. О гибели Великоморавской державы в начале X в. см. подробнее: DA1. 41 и коммент. 3-4 к гл. 41; DA1. 38 и коммент. 23 к г.38.

Жители Великой Моравии едва ли могли быть соседями венгров с юга. Принимая версию Р. Дженкинза о пропуске строки в этом месте (см. коммент. 1 к гл. 13), мы считаем, что и Константин видел в южных соседях венгров именно хорватов - обитателей Хорватского королевства; это подтверждает текст гл. 40, о котором уже говорилось выше. (Г.Л.)

Особенно важно сходство локализаций Великой Моравии в гл. 13 и 40, где она помещена западнее "Сермия" на Саве (совр. Сремска Митровица), т.е. также южнее областей первоначального расселения венгров в междуречье Дуная и Тисы и в Задунавье (южнее Дравы). По всей видимости, указанные сходные локализации содержались в известиях, полученных от различных представителей мадьяр и в разное время (в 927-934 гг. от посла Гавриила и ок. 948 г. при дворе в Константинополе от венгерских вождей). Это говорит об относительной устойчивости обыденных воззрений мадьяр, полагавших, очевидно, что уничтоженная ими Великая Моравия располагалась южнее мест их обитания. А о том, где они находились в Среднем Подунавье, говорят данные археологии: из 350 мадьярских могильников и отдельных погребений конца IX - первой половины X в. лишь 68 находятся в Задунавье, остальные - восточнее Дуная, В свою очередь 58 памятников Задунавья расположены относительно компактно в его северной и северо-восточной части - севернее озера Балатон и правого притока Дуная реки Шио (Erdelyi I. Zur Frage der ethnischen Grenzen des landnehmenden Ungarntums // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1977. Bd. 6. S. 77, карта). Таким образом, если учитывать только места обитания мадьяр в конце IX - начале X в. в Задунавье, то южнее этих мест оказываются расположенными значительные пространства Задунавья, не говоря уже о междуречье Дравы и Савы. У мадьяр могло возникнуть впечатление о былой принадлежности этих территорий южнее Балатона и реки Шио Великоморавской державе: как свидетельствуют западные латиноязычные памятники (MMFH. I. P. 74, 96, 113-116; 119; III. P. 319), в 892- 893 гг. и в первой половине 900 г. великоморавский князь контролировал территорию Задунавья фактически до Дравы, т.е. владел землями южнее тех районов северного и северо-восточного Задунавья, которые в первой половине X в. стали местом обитания мадьяр. О временном господстве князей Великой Моравии в южном Задунавье могли знать предводители мадьяр, которые в 895-898 гг. были заняты освоением земель Среднего Подунавья, расположенных восточнее Дуная. Весной 899 г. предводители мадьяр установили мирные и даже союзнические отношения с восточнофранкским королем Ариульфом, который направил пятитысячный отряд мадьяр в Италию. Из союзников великоморавских князей мадьяры превратились в врагов. Возвращался отряд мадьяр из Италии через южное Задунавье после июня 900 г., когда мадьяры опустошили "большую часть Паннонии" (MMFH. I. P. 127). Это не коснулось, естественно севера и северо-востока Задунавья, где поселилась с весны 899 г. по лето 900 г. та часть мадьярской этносоциальной общности, которая не осталась восточнее Дуная. Тогда началось освоение мадьярами районов, лежащих севернее областей, попадавших временами под контроль великоморавских князей. Возвратившийся из Италии в южное Задунавье отряд мадьяр столкнулся здесь с отрядами великоморавского князя, который рассматривал мадьяр как союзников Арнульфа и, следовательно, как своих врагов. Мадьярское предание сохранило память об этом столкновении с мораванами в Паннонии (SRA. I. P. 164, 281). Отсюда и информация Константина, полученная от венгров, о Великой Моравии как их южной соседке. (В. III.)

6. Речь идет о князе Святополке, наиболее выдающемся из правителей Великоморавского государства (871-894).

7. Об истории утверждения "турок" - венгров на Паннонской равнине и об их столкновениях с Великой Моравией см. подробнее: DA1. 38, 40 и коммент. к этим главам. 8. В исправном протографе сочинения южными соседями венгров были названы, скорее всего, хорваты, причем обитатели именно Хорватского королевства. Д. Моравчик, игнорируя вопрос о реальных южных соседях венгров, полагает, что хорваты, которые "соседей с турками у гор", являются не южными, а "северными (т.е., как видно, "белыми") хорватами", действительно жившими в то время к северу от Паннонской равнины. Ученый ссылается при этом на труды Г. Фехера и Ф. Дворника (DA1. II. P. 63). Нам не представляется убедительной такая точка зрения. Во-первых, она находится в противоречии с данными гл. 40. 44, где хорваты названы южными соседями венгров. Во-вторых, Моравчик никак не объясняет, почему, по его мнению, Константин дважды говорит о соседях "с севера" (о печенегах, а затем о хорватах). Не исключено, что в данном случае под хорватами Константин понимает население Чешского княжества, не зная этнического наименования его подданных (а поэтому и именуя их "хорватами") (?). См. об этом коммент. 14-15 к гл. 30. (Г.Л.)

Контакты мадьяр с жителями приморской Хорватии (от побережья Адриатического моря до гор

Капелла и от полуострова Истрия до города Сплита) к середине X в. несомненны (Melicfi J. A honfoglalaskori Magyarorszag). (В.Ш.)

9. О печенегах и их отношениях с венграми см.: DAI. I-8, 37 и коммент. к этим главам.

10. Здесь начинается не озаглавленное Константином его заключение к "дипломатиче-кому" разделу. О стиле и идеях, вступления к пассажи-заключению см. коммент. к Предисловию.

11. Почти в тех же выражениях о "жадности" скифов (т.е. росов) к деньгам говорит и младший современник Константина Лев Диакон (Leon. Diac. Hist. P. 77.4-10). Впрочем это утверждение вполне традиционно для византийской историографии, по крайней мере с V-VI вв.

12. Константин имеет в виду разного рода (чаще всего военные) услуги, оказываемые Византии "северными народами", которые, как говорит император, требовали взамен непомерно высокой платы (ср. гл. 7).

13. Принимаем конъектуру Д. Моравчика: ??? вместо ??? рукописи. 14. Важное указание на личный опыт дипломатической деятельности, который Константин VIII практически мог накопить лишь в годы самостоятельного правления, начиная с 27 января 945 г.

15. Уже эта фраза свидетельствует о чисто "дипломатическом" ответе на домогательства "варваров", который отнюдь не обязательно должен основываться на аргументах соответствующих истинному положению дел. Р. Дженкинз полагает, что император сознательно рекомендует сыну во всех трех случаях, когда правители "северных народов" потребуют от империи для себя каких-либо вещественных инсигний императорской власти, "греческого огня" или вступления в родство с правящей династией, обосновывать отказ им заведомо фиктивными ссылками на якобы непреложные нормы сакрального права и заветы Константина Великого (DAI. II. P. 63).

16. См. об этом гл. 10 и 11 и коммент. к ним.

17. См. об этом гл. 7, 8.

18. О росах см. гл. 2, 4, 8 и особенно 9 и коммент. к ней. Заметим, однако, что поскольку комментируемый пассаж написан самим Константином в конце 40-х - начале 50-х годов X в. и поскольку император излагает здесь собственный дипломатический опыт, постольку трудно допустить, что автор имеет в виду результаты встреч с русскими послами в Константинополе при заключении договора Игоря с греками: договор был заключен, как ясно сказано в самом этом документе, "в 6453 г.", в правление Романа I, Константина и Стефана, т.е. до 15 декабря 944 г. (даты низвержения Романа I) Тогда Константин VII не обладал еще никакой реальной властью и не мог принимать деятельного и ответственного участия в переговорах с русскими (см.: ПВЛ. Ч. 1. С. 33), хотя и мог при этом присутствовать (он подписал договор вслед за Романом I, третьей была подпись Стефана, сына Романа). Упомянув здесь росов, Константин имеет в виду собственный опыт общения с ними, накопленный с января 945 г. до начала 50-х годов, в частности опыт дипломатических сношений и личной встречи с княгиней Ольгой, если принимать в расчет отстаиваемую нами новую датировку ее поездки в Константинополь: не 957, а 946 г. (см.: Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и "дары" императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 71-92; Он же. Руссковизантийские связи. С. 41-52).

19. "Скифскими" народами византийские авторы X в. называли зачастую болгар, русских, венгров, печенегов. Поскольку Константин особо выделил здесь росов, венгров и хазар, то под "иными северными и скифскими" народами могут подразумеваться печенеги и узы (см.: Литаврин Г.Г. Некоторые особенности. С. 211 и след.; ср. гл. 43).

20. Императорские одежды (не говоря уже о таких регалиях власти, как венец, скипетр и пр.) имели сакральное значение, в том числе их форма, материал и цвет. Так, употреблять ткани цвета пурпура как раз во время правления императоров Македонской династии под страхом смертной казни было запрещено всем подданным императора, светским и духовным; ткани этого цвета запрещено было продавать иностранцам и вывозить за границу (см.: Византийская книга епарха. VIII. N 1. С. 81 и коммент. на с. 183 и след). Лишение императора пурпурных одеяний означало отстранение его от власти, а облачение в них (например, узурпатора) указывало на фактическое обладание высшей властью или о претензиях на трон. Однако значительная часть нормативного императорского гардероба конституировалась еще в дохристианскую эпоху и имела отчасти персидское происхождение, так что дальнейшие ссылки Константина VII не на традицию и обычай, а на "божественное" происхождение одеяний - сознательная дипломатическая фикция (DAI. II, P. 63-64). Отмечая, что претензии "варварских" правителей северных стран на одеяния и инсигнии императорской власти носили престижный характер, Р. Дженкинз полагает, однако, что Константин VII прибегает к столь примитивной и, по существу, весьма не точной аргументации ("божественное происхождение", запрет Константина Великого) именно потому, что "варварам" были непонятны тонкости сложной и древней византийской доктрины императорской власти (DAI. II. P. 64). Но здесь уместно одно уточнение: аргументация Константина действительно примитивна, но что касается "варваров", то они, по нашему мнению, потому и предъявляли свои притязания на знаки имперского достоинства, что прекрасно понимали их значение, т.е. сознательно претендовали на уравнение их статуса при общении с византийским императором. По свидетельству Скилицы (Scyl.

Р. 237), венгерский вождь Булчу (Вулосудис) удостоился титула патрикия (см. о нем коммент. 17 к гл. 25). Следовательно, он получил и полагавшиеся носителю этого титула знаки отличия и одеяния. В таких случаях чужеземные архонты были осведомлены и о правах и значении указанного титула, как и о том, что хотя это титул первого класса, но лишь 7-й по разряду и что его носили многие византийские вельможи. Вполне вероятно поэтому, что архонты, сознавая свое положение государей, а не просто знатных лиц, могли предъявить тут же, в Константинополе, притязания на знаки царского достоинства, а не достоинства придворного вельможи империи.

21. Обычное при византийском дворе того времени обобщенное и обыденное наименование императорской короны - термин, не имеющий технически точного значения. По мнению Р-Дженкинза, фраза "венцы у вас называются камелавкиями" написана Константином - во избежание неясности или недоразумения - скорее для византийцев (для сына), чем для "варваров", поскольку "варвары" именовали просимую ими корону не "камелавкией", а "стеммой", хотя имели при этом в виду именно ту "камелавкию", которую тогда носил император (DAI. II. P. 64-65; Piltz E. *Kamelaukion et mitra Insignes byzantins imperiaux et ecclesiastiques*. Uppsala, 1977. P. 99 sq.).

22. Вновь сознательная фальсификация, так как и одежды, и регалии императора как предметы имели наследственного характера и не передавались от императора-предшественника к его преемнику: они и подновлялись, и целиком заменялись трудом ремесленников императорских мастерских.

23. Император Константин I Великий (324-337) принял крещение только перед смертью, так что говоря о его воцарении по воле божьей, Константин VII следует позднейшей христианской традиции, а не историческим фактам. Около середины VIII в. в византийской официальной доктрине Константин Великий стал непревзойденным образцом повелителя империи, "идеальным государем", основателем Нового Рима и самой христианской державы (см.: Чичуров И.С. Место "Хронографии" Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV - нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1981 г. М., 1983. С. 64-138; Он же. Традиция. С. 95-100; Он же. Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучение Василия I и эпитафия Льва VI) // ВВ. 1988. Т. 49). Эта идея имела в то время господствующий характер в византийском обществе; какие-либо "заветы" и установления, приписываемые Константину, трактовались как имеющие непререкаемый авторитет. Эта идея прокламировалась и пропагандировалась византийцами и среди "варваров". Поэтому ссылки Константина VII на "заветы" Константина Великого - обычный для византийской литературы метод аргументации (по сути дела фиктивной) как наиболее верное средство для обоснования отказа правителям "варварских" народов в их домогательствах.

24. имеется в виду св. София в Константинополе. Лишь незначительная часть императорских инсигний и одеяний хранилась в этом храме, в основном же - в царском вестиарии (гардеробе) и хитоне (царской сокровищнице), а также тронном зале - Хрисотриклинии Большого императорского дворца. Регалии власти и парадное облачение использовались императором не только по церковным праздникам, но и в праздники светского характера и при торжественных приемах. Патриарх при этом не выбирал для императора того, что было положено для случая. Выбор регалий и одеяний и самый ритуал облачения были зафиксированы в специальных церемониальных правилах этикета, систематизированных почти одновременно с написанием труда "Об управлении империей" в царском обряднике - "О церемониях византийского двора" (Const. Porph. De cerem. I, 35) (DAI. II. P. 65-66).

25. греч. ??? означает "прислужник" и даже "раб". Константин сознательно использует этот термин, чтобы усилить свою аргументацию: он абсолютно не волен нарушить издревле сведенный священный порядок.

26. Престол (алтарь) св. Софии, стоявший в храме при Константине VII, был сооружен во времена Юстиниана I, в период между освящением св. Софии и смертью этого императора, в 536-565 гг. т.е. никак не был связан с Константином I. Данных о том, что на этот престол была перенесена какая-либо надпись, дошедшая от времени Константина Великого, нет. Сохранившиеся же свидетельства о надписи на алтаре св. Софии не имеют никакого отношения к трактуемому сюжету (см.: DAI. II. P. 66).

27. Сознательное преувеличение роли имперского синода (совета архиереев при константинопольском патриархе) и синклита (совета высшей знати при императоре) все с той же целью - внушить "варварам", что император бессилен нарушить священные установления

28. имеется в виду император Лев IV, по прозвищу Хазарин (775-780). Прозвище это он получил не потому, что женился на хазарке, а потому, что являлся сыном хазарки, на которой был женат его отец Константин V (741-775). Но и Константин V женился на дочери хазарского хагана по повелению отца - Льва III Исавра (717-741), еще будучи наследником престола, при заключении договора с Хазарским хаганатом в 732 г. Иначе говоря, Константин VII ошибается, и на этот раз его ошибка - не преднамеренный обман: это попросту недостаточная осведомленность в отечественной истории.

29. Константин V (муж хазарки) умер в возрасте около 60 лет, по византийским понятиям -

отнюдь не преждевременно. Умер он к тому же не в дворцовой постели после длительной болезни, а во время военного похода против болгар. Лев IV умер действительно молодым, однако его репутация никак не могла в глазах византийцев X в. пострадать от воспоминаний о каком-либо его предосудительном браке. Его жена, афинянка Ирина, сторонница иконопочитания, была в качестве регентши юного Константина VI фактической правительницей империи, в 787 г. она восстановила (как оказалось, временно) иконопочитание, т.е. официально отреклась от политики, столь сурово осуждаемой Константином VII (История Византии. Т. 2. С. 60-64).

30. Первые достаточно определенные свидетельства о клятве коронуемого императора восходят лишь к началу IX в., а не ко времени, последовавшему сразу за правлением Константина V или Льва IV. Даже если признать подлинной клятвенной обещания Михаила I (811-813), о которых сообщает Феофан, то и в этом случае вего "клятве" не говорилось ни слова о том, о чем пишет Константин VII (см.: DAI. II. P. 66).

31. В очередной "фикции", излагаемой Константином, верно лишь то, что в византийской официальной идеологии этого периода (характеризуемого как время безраздельного господства гражданской чиновной бюрократии) одной из высших добродетелей монарха признавалась приверженность к традиционным методам и формам правления, к соблюдению издавна заведенных порядков и, напротив, крайняя осторожность при юридическом оформлении или введении каких-либо "новшеств". Таково и воззрение Константина: о "новшествах" он упоминает и в своем Предисловии.

32. Венчанию императора патриархом придавалось огромное политическое и идеологическое значение, однако этот акт не являлся непременным условием обретения законных прав на власть: коронация могла быть осуществлена духовным лицом и более Низкого ранга (см.: DAI. II. P. 66).

33. "Жидкий", или "греческий огонь" - горючая смесь, основу которой составляла природная чистая нефть. Секрет жидкого огня состоял не столько в соотношении входящих в смесь ингредиентов, сколько в технологии и методах ее использования, а именно: в точном определении степени подогрева герметически закрытого котла и в степени давления на поверхность смеси воздуха, нагнетаемого с помощью мехов. В нужный момент кран, запирающий выход из котла в сифон, открывался, к выходному отверстию подносилась лампадка с открытым огнем, и с силой выбрасываемая горючая жидкость, воспламенившись, извергалась на суда или осадные машины врага (Haldod G. Byrne M. A Possible Solution to the Problem of Greek Fire // BZ. 1977. Bd. 70. S. 91-99). Применение "греческого огня" в конце VII-XI в. неоднократно приносило Византийцам победу, особенно в морских сражениях. Горючая смесь не только испепеляла суда врагов, она горела также на воде, не позволяя спастись вплавь (залить ее можно было лишь уксусом - Liutgr. Antap. P. 84). Указанные выше условия применения этого грозного оружия предполагали у "мастеров" дела (см. коммент. 39 к гл. 51) высокую опытность и осторожность, так как находившаяся под давлением смесь была взрывоопасной. Гибель в бою "мастера" у сифона делала бесполезным и все устройство для метания огня, так как обращение с "жидким огнем" требовало длительных навыков. В IX-XI вв. его захватывали в сражениях болгары и арабы, но у них оно не нашло эффективного применения, как это было на имперском флоте. В 941 г. при нападении князя Игоря на Константинополь его флот был уничтожен "греческим огнем", что оставило глубокий след в памяти восточных славян (см.: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. С. 44-45). Вполне резонно предположение авторов лондонского комментария, что именно Русь во время переговоров о мире в 944 г. могла просить у Романа I, а затем, в 945-952 гг., у Константина VII предоставить ей данное оружие (DAI. П. P. 66). Ведь при заключении договора речь шла не только о мире, но и о военном союзе: русские должны были оберегать интересы империи в Крыму, и это давало им моральное право на обладание "греческим огнем". Да и сам Константин пишет о том, что "огонь" "многokrato просили у нас", т.е. во время уже его единоличного царствования. В последние годы Ф. Коррес, занимаясь проблемой "греческого огня" специально, пришел к выводу, что, во-первых, вопрос еще не нашел удовлетворительного решения и что во-вторых, действие этого оружия преувеличено коестоносами в их рассказах о нем на западе (Коррес Ф: ??? 1983 Т. 3. с. 123-124 ??? ??? 1985). Заметим в связи с этим, что преувеличения в таком случае были сделаны прежде всего в самой византийской хронографии, начиная с Феофана, а не крестоносцами XI-XII вв.

34. Вновь случай явного дипломатического лицемерия, причем ради убедительности отказа передать "жидкий огонь" варварам император не щадит даже памяти родного отца, Льва VI который специальной новеллой (N 63) повелел ни при каких условиях не передавать это оружие иноземцам под страхом тяжчайшей кары (Noaiies P., Dam A. Les novelies de Leon VI le Sage. P., 1944. P. 231-233). Константин VII вновь ссылается на "завет" Константина Великого, а не на указ отца. Этот пример "дипломатической лжи" особенно ярок потому, что в этом же трактате, в гл. 48.28-32, сам Константин VII сообщает об изобретении "жидкого огня" неким Каллиником из Илиуполя в правление Константина IV (668-685) и об успешном его применении в 674-678 гг. против арабского флота в Мраморном море.

35. Может быть, лишь здесь, при ссылке императора на своих "дедов" и "отцов", можно увидеть намек на упомянутую новеллу Льва VI. Впрочем, лично Константин вряд ли слушал на

этот счет поучение отца (ему было шесть лет, когда тот умер; дед же Василий скончался за 20 лет до рождения Константина). Под городом, где должен изготавливаться "греческий огонь", имеется в виду, конечно, Константинополь, а под "изготовлением" - скорее всего, отбор нефти нужного качества (высокая степень возгонки) и техника обращения с кратко описанным выше устройством для метания "огня".

36. Сомнительный для византийской доктрины высшей власти в X в. тезис о равенстве императора перед канонами и законом с прочими подданными. В период, когда жил и правил Константин VII, уже господствовала идея, согласно которой василевс сам был "законом" и в его волеизъявлении его ограничивали лишь "страх божий" (т.е. правила христианской этики) и нормы нравственности (см.: Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 178-180; Советы и рассказы. С. 55-80). Видимо, эта идея высказана Константином VII все с той же целью усилить аргументированность своего отказа иноземцам передать им "греческий огонь" - мысль, возможно, удачная при подобной дипломатической акции, но опасная в ситуации внутривизантийской нестабильности.

37. Принимаем конъектуру Д. Моравчика (добавление союза ???).

38. Константин имеет в виду происки дьявола.

39. Стратиг - в широком смысле слова военачальник, в узком наместник, правитель административного округа (фемы - см. коммент. 1 к гл. 27), соединявший в своих руках гражданскую и военную власть (см.: Советы и рассказы, С. 141-343), а также комендант отдельного города или крепости (Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches. P. 36-52).

40. Этот эпизод не известен по другим источникам. Все сказанное выше о дипломатических приемах, рекомендуемых императором в гл. 13, позволяет предполагать, что и данное описание является вымыслом (DAI. II. P. 67).

41. Следующий ниже пассаж пользовался особенно пристальным вниманием исследователей. При этом отмечалось, что, согласно официальной византийской доктрине, вступать в родство через брак представителей молодого поколения императорской династии с членами правящих домов любых иных (даже христианских) держав (в том числе и с Каролингами) означало нарушить один из важных принципов имперского правопорядка. Однако на практике такого рода нарушения были довольно многочисленными, и Константин отмечает далеко не все из них (DAI. II. P. 67).

42. Ясное пояснение, какие народы из "северных" имеет в виду Константин VII: это "неверные и нечестивые" народы, т.е. не христианские (см. преамбулу к коммент. к гл. 13).

43. Принимаем конъектуру Ст. Кириакидиса: ??? ("в") вместо ??? ("или").

44. И в данном случае ссылка на Константина Великого фиктивна: Трулльский собор, запретивший браки членов императорской семьи с иноземными правителями, состоялся в 691-692 гг. - через три с половиной века после смерти Константина I.

45. Р. Дженкинз справедливо отмечает, что Константин VII сознательно играет здесь на двойственности значения слова ???; - вообще народ, но также народ языческийне-христианский (DAI, II. P. 68). Позиция императора здесь явно не четка и не корректна: фактически он (за одним исключением, о котором - см. след. коммент.) выступает против заключения браков с иноземцами вообще, вступая в противоречие с решением Трулльского собора, где есть оговорка, что если "иноземец" является христианином, то брак не возбраняется (DAI. II. P. 68).

46. Исключение для франков в устах Константина VII вполне понятно: его сестра по отцу Анна была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 г был женат на Берте-Евдокии, побочной дочери Гуго Арльского (вплоть до ее смерти) (см. преамбулу к коммент. к гл. 26). Пытаясь обосновать свою позицию, император ссылается на то, что Константин Великий "вел род из тех краев", что браки между франками и ромеями были частыми и что род франков благороден и покрыт славой. Однако Константин Великий родился в Нише, т.е. вел род не "из тех краев". Точнее представлено дело в написанной в 949 г. монодии на смерть невестки Константина VII Берты, где указаны подлинные причины франко-византийских династических связей: желание обрести политических и военных союзников в лице западных государей, у Константина VII было три дочери, поэтому вполне вероятно, что он в 945-952 гг. получал неоднократные предложения о вступлении через них в родство с правящими домами "северных варваров", в частности с венгерскими архонтами и с древними росами (Святослав был, кстати говоря, примерно одного возраста с дочерью Константина VII Феодорой).

47. По-видимому, этот мнимый "грех" Льва IV, по мысли Константина VII, был гораздо менее тяжким, чем еговольное обращение с императорскими регалиями: из-за женитьбы на хазарке он оказался "вне страха божия", а за самовольное использование царского венца был немедленно наказан смертью. Как было сказано (см. коммент. 28 к гл. 13), Константин VII ошибается, приписывая брак с хазаркой Льву IV. Знаменательно, однако, что и выше, и здесь автор умалчивает о предварительном (перед выходом замуж) крещении хазарки - жены Константина V. Тот факт, что сам хазарский народ и его хаган не только после этого союза не стали христианами, но и приняла в конце VIII в. иудаизм, мог дать повод к резкому осуждению упомянутой женитьбы, по крайней мере в последующей историографической традиции, которой следует и Константин VII.

48. Константин VII называет здесь наиболее вескую причину враждебности к Льву IV: его приверженность иконоборчеству. После окончательного восстановления иконопочтения в 843 г. память иконоборческих императоров ежегодно предавалась церковной анафеме (DAI. II. P. 68).

49. Снова то же умолчание о крещении хазарки, принявшей имя Ирины, до брака ее с Константином V. Сознательное ли это умолчание, или Константин VII не знал об акте крещения - дилемма, которую мы склонны решать скорее в пользу первого предположения.

50. Далее следует явно враждебный выпад Константина VII против своего тестя Романа I Лакапина (920-944). Сначала регент при малолетнем Константине VII, Роман добился его брака со своей дочерью Еленой в 919 г., через год был коронован как соправитель Константина VII, а в период между 20 мая 921 и 24 декабря 924 г. короновал также своих собственных сыновей Христофора, Стефана и Константина. При этом Христофор получил более высокий ранг, чем законный наследник престола Константин VII, как убедительно показал Г. Острогорский (Ostrogorsky G. Geschichte. S. 225, Anm. 1). Константин VII был таким образом оттеснен на третье место и не имел реальной власти вплоть до низложения Лакапинидов. См. Введение.

51. После длительных болгарс-византийских войн при Симеоне и после смерти болгарского царя в 927 г. между преемником Симеона Петром (927-970) и Романом I был заключен мирный договор, скрепленный 8 октября того же года браком Петра и дочери Христофора Марии, которая (если Христофор был коронован весной 921 г.) вряд ли была "порфирородной". Как здесь, так и в других главах труда, тон Константина при упоминании о болгарях и Болгарии по преимуществу враждебен (см. Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный; см. также Введение).

52. Имеет ли Константин в виду начало жизненного пути Романа или его царствования, не ясно. По некоторым данным, Роман Лакапин происходил из армянского рода Константин VII намекает, видимо, на тот факт, что Роман вырос не в халкидонитской (православной) семье и лишь позднее, перед поступлением на царскую службу, должен был перейти в православие. В Византии X-XI вв. большинство армянского населения и у границ империи, и в ее восточных провинциях исповедовали монофизитство. Выше в этой же главе (DAI. 13, 115-116) Константин VII приписывает приверженность особым чуждым "ромейскому устройению" обычаям как раз иноверцам, нехристианам. Иначе говоря, в подтексте, видимо, прячется мысль, что Роман был вначале монофизитом, т.е. еретиком. Такое толкование представляется нам более оправданным, так как если допустить, что Константин имеет в виду нарушение Романом "ромейских обычаев" лишь в начале его правления, то тогда все иные выпады Константина против тестя теряли бы смысл. Лиудпранд сообщает, что происхождение Романа I было неясным (Liudpr. Antap.P. 84), тогда как род Константина возводился к Константину Великому (Ibid. P. 88). Очевидно, во время посещения Лиутпрандом Константинополя (949 г.) эта легенда была уже широко распространена.

53. Этот пассаж может, по нашему мнению, содержать намек царственного автора на законность принципа наследственности императорской власти, который долго не мог упрочиться в Византии. Именно Македонская династия, к которой принадлежал сам Константин VII, была первой династией, представители которой держали престол в своих руках почти 200 лет (с 867 по 1056 г.). Константин VII проводит здесь мысль, что подлинно царские добродетели могут быть свойственны лишь государю, рожденному и воспитанному в пурпуре, т.е. обретшему права на престол в силу легитимности наследственного принципа власти. Психологически этот акцент под пером Константина VII, учитывая его личную судьбу, вполне понятен.

54. Действительно, заключение мира и брачного союза сопровождалось освобождением значительного числа византийцев, взятых в плен в ходе войн Симеона с империей (см. Златарски В. История. Т. I, ч. 1. С. 504 и след.).

55. Ко времени женитьбы Петра на Марии-Ирине Болгария, принявшая христианство из Византии в 865 г., была уже более 60 лет христианской державой.

56. Перевод данного места вызвал дискуссию: двух ли лиц или одно (и кого именно) имеет в виду автор, говоря: ????. Г. Острогорский и Э. Штейн видели здесь двух лиц: Романа I (автократор, т.е. самодержец) и Константина VII (законный василевс), поскольку, по их мнению, автократором Константин был лишь в годы 913- 920 и 944-959, а Христофор не может быть причислен ни автократорам, ни к законным василевсам. Р. Дженкинз считает это понимание мало соответствующим греческому тексту и предлагает относить оба термина к одному Констанну VII, т.е., по его мысли, царственный автор пишет здесь только о себе, рассматривая Романа I лишь как узурпатора (DAI. II. P. 68). Мы считаем такое толкование не совсем точным. Константин действительно мог понимать под "самодержцем и законным василевсом" именно себя, из чего, однако, совсем не вытекает с непреложностью, будто он здесь дал понять, что Роман I в его глазах лишь узурпатор. Во-первых, и здесь !! 147, 149), и неоднократно ниже (32.100, 107; 43.89, 118, 131 etc.) Роман I назван "василевсом". Во-вторых, не мог же Константин VII, считая Романа I узурпатором, именовать его сына Христофора "третьим", разумеется, василевсом (13.162-163). Константин действительно мог не иметь в виду Романа I вообще, так как ему было важно подчеркнуть, что выданная за Петра внучка Романа - не "порфирородная" принцесса, а дочь фактически не имевшего власти Христофора. Некорректность автора проявилась здесь, по

вашему мнению, в том, что он, видимо, считает себя подлинным автократом и для периода между 920 и 944 г., хотя автократом мог быть в любой момент лишь один из василевсов и им был в это время, несомненно. Роман I. Кроме того, ничто как будто не подкрепляет его утверждения, что Христофор (до его смерти в 931 г.) занимал именно "третье" место после Романа I и Константина VII. Скорее всего, именно сам Константин VII был оттеснен на третье место (см. коммент. 50 к гл. 13 и Введение). Лиутпранд определенно утверждает, что Роман I ставил Христофора выше Константина VII (Liudpr. Antap. P. 91).

57. Р. Дженкинз справедливо отмечает, что избранный Константином VII повод для дискредитации памяти Романа I (брак Марии и Петра) весьма неудачен. Царственный автор не нашел, в сущности, убедительных аргументов для изображения этого брака как явного случая нарушения правопорядка и канонов и как некоего "новшества" Романа I.

Браки членов семьи самого Константина VII с "латинянами" и особенно брак его сына романа II (правда, несколько лет спустя после написания гл. 13) с Феофано, дочерью харчевника представляли собой, пожалуй, гораздо большее отступление от византийского ригоризма в этом вопросе, чем устроенный Романом I брак его внучки с "василевсом болгар" (DAI. II. p, 68).

58. Принимаем конъектуру Р. Дженкинза: ??? вместо ??? рукописи.

59. На первый взгляд, сравнение, недостойное учености автора, однако Константин лишь комментирует здесь один из соответствующих канонов Трулльского собора (что волк не сочетается с овцой) (DAI. II. P. 69).

60. Утверждение императора явно не в ладу с действительностью. В полиэтничной и космополитичной империи браки между ее иноплеменными, но православными подданными были явлением заурядным. Сам Константин VII был женат на армянке или, во всяком случае, на полуармянке Елене, дочери Романа I; следовательно, и в жилах его детей текла армянская кровь. Следует, видимо, допустить, что единство "рода", племени и языка, в понимании императора, - это единство подданства, веры и именно греческого языка (языка церкви и государства).

61. Соблюдение справедливости и правопорядка Константин VII связывает также, очевидно, с сохранением и упрочением принципа наследственности высшей власти, исключающего захват трона узурпаторами, которые поступают дурно по своему невежеству и самомнению (подобно Роману I).

62. Данное место (13.197-200) почти буквально совпадает со строками Предисловия (Prooimion. 19-21). Можно предположить, что до того, как появились эти строки Предисловия, изложенную в них программу иллюстрировали главы I_13 первого, "дипломатического", раздела. Строки же 19-21 Предисловия, повторенные в конце "дипломатического заключения" к первому разделу (13.197-200), являются указанием на содержание следующего, второго раздела трактата, иначе говоря, абзац со строки 195 (13.195-200) представляет собой, в сущности, неозаглавленное введение к этому второму разделу ("О народах").

К ГЛАВЕ 14

1. Мухаммед, или Мухаммад (ок. 570/580-632), основатель ислама. Происходил из племени курейш, обосновавшегося в окрестностях Мекки, из знатного, но обедневшего рода. Курейшиты относились к североарабским племенам (низаритам или маадитам). По библейскому преданию, вошедшему и в Коран, североарабские племена происходили от незаконного сына Авраама Ишмаила (Исмаила). О Мухаммеде см.: Blachere R. Le probleme de Mahomet. P., 1952; The Encyclopaedia of Islam, sv. Muhammad.

2. Арабы. О византийских этимологиях слова ??? см.: Christides V. The Name 'Arabes' and their False Byzantine Etymologies // BZ. 1972. Bd. 65. S. 329-3.V

3. Согласно византийским, а позднее и арабо-мусульманским представлениям,-slotжив-шимся под влиянием первых, исторической родиной арабов была "земля Мадиамская" (ср.: Ис. 2, 16 и след., комментарий - Knauf V. MaSi&ti // Zeitschrift der deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1985. Bd. 135. S. 17). Ср. сиро-христианскую точку зрения Ибн ал-Ибри. Мухтасар фи-т-та' рих ад-дувал. Бейрут, 1890. 28.8.

4. Здесь, очевидно, имеются в виду южноарабские племена, возводившие свою легендарную родословную к Кахтану, потомку Авраама. Их именovali йеменитами.

5. Хадиджа - первая жена Мухаммеда, вдова (или разведенная жена) одного из мекканских купцов. Женитьба на ней не только обеспечила Мухаммеду, человеку небогатому, материальные средства, но и привлекла к пророку некоторых представителей мекканской знати.

6. Предводитель племени, глава народа, неподвластного Византии.

7. Абу Бакр, именитый мекканский купец, одним из первых принявший сторону Мухаммеда и его учение. Дочь Абу Бакра Айша стала после смерти Хадиджи одной из жен пророка. После смерти Мухаммеда Абу Бакр стал первым халифом мусульман.

8. Эфрив (Ясриб) - другое название Медины (букв.: "город" или - более старое значение - "страна"), города, куда Мухаммед вынужден был бежать от своих врагов 26 июля 622 г. Эта дата

позже стала начальной датой мусульманского летоисчисления (хиджра, букв.: "переселение").

9. Традиционное для византийских авторов изложение основ ислама (Eichner W/ Die Nachrichten über den Islam bei den Byzantinern. Glückstadt, 1936. S. 144-157; ср. также Khouri A. Les théologiens byzantins et l'Islam. VIII-XIII S. Louvain, 1969. Vol/ I-II). "Арабская формула "аллах акбар" - "бог велик". Византийцы вольно истолковали ее как "бог и Афродита", стремясь обвинить Мухаммеда в приверженности язычеству.

К ГЛАВЕ 15

1. Фатима дочь Мухаммеда (от Хадиджы), была замужем за двоюродным братом пророка Али четвертого халифа (656-661). Фатимиды (909-1171) - династия, правившая сначала на территории современных Алжира и Туниса, затем в Египте. Считали себя потомками Фатимы и Али через их сына Хасана.

2. Мухаммед в своих походах фактически не выходил за пределы Аравийского полуострова, но к моменту смерти сумел объединить основные бедуинские племена Хиджаза (западная часть Аравийского полуострова) и тем подготовить почву для дальнейшей ус-пешной внешней экспансии арабов.

К ГЛАВЕ 16

1. См. коммент. 1 к гл. 14. Константин считает Мухаммеда первым халифом мусульман (ср.: DAI. 17.2-3), хотя в действительности им был Абу Бакр.

К ГЛАВЕ 17

1. У Продолжателя Феофана (референта Константина), по-видимому, находился в распоряжении несколько иной текст "Хронографии" (Theoph. Chron. P. 332.22; ??? = 6122 г.). Константин дает ??? = 6139 г. Ср. также: DAI. 19.1-11-Theoph. Chron. P. 339.15 - 26. (разночтения).

2. Абу Бакр. Ср. коммент. 7 к гл. 14 и коммент. 1 к гл. 16.

3. Описание мусульманского рая показывает, что Феофан был знаком с основами ислама, возможно, в устной передаче, хотя как христианин он постарался представить мусульман развратниками и безнравственными людьми.

К ГЛАВЕ 18

1. Омар ибн Хаттаб - второй халиф (634-644), один из первых сподвижников пророка, происходил из знатного мекканского рода. При нем арабы нанесли решительные поражения Византии и Сасанидам в Иране. Омар назван у Константина "третьим" халифом, поскольку первым он считает самого Мухаммеда.

К ГЛАВЕ 19

1. DAI. 19.4: ??? (Theoph. Chron. P. 339.15-26: ???). См.: Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII в. - середина XIII в. М., 1984. С.30.

2. Дан. 9, 27; Матф., 24, 15; Мар., 13, 14.

3. Речь идет о постройке на месте, где по преданию был храм Соломона, мусульманской мечети, считающейся и по сей день одним из важнейших святынь мусульманского мира. См.: Peters F.H. Who Built the Dome of the Rock? // Graeco-Arabica, 1983. T. 2. P. 119-138.

К ГЛАВЕ 20

1. Осман - третий (у Константина "четвертый") халиф (644-656), происходил из рода Омейядов, первенствовавшего в Мекке до победы Мухаммеда. При Османе продолжались успешные завоевания арабов.

2. Африка - византийская провинция, охватывавшая приблизительно пределы современного Туниса.

3. Муавия - Родственник Османа, будущий халиф; выдвинулся в правление Османа, став наместником Сирии. Он первый начал организовывать морские походы арабов, используя для этой цели жителей средиземноморского побережья, прирожденных мореходов.

4. Иония - область эллинской колонии на побережье Эгейского моря (в совр. Турции). 5. Муавия стал халифом (661-680) не после смерти Османа, а после гибели четвертого халифа Али (656-661) и подавления многочисленных восстаний, последовавших за его кончиной.

К ГЛАВЕ 21

1. Вероятно, от арамейского "марад" ("восставить, поднять мятеж", отсюда "моуруда" - "мятежник"). Полагают, что мардаиты Феофана тождественны "джараджима" арабских источников (см.: The Encyclopaedia of Islam, sv. Djaradjma). Ср.: Тер-гевомян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 71-72: мардаиты - христианский народ неизвестного происхождения; ср. также: История Византии. Т. 2. С. 42.

2. Имеется в виду Иерусалим.

3. Данное место трактата Константина Багрянородного подтверждает тезис Э. Брукса о том, что Погонатом звали не Константина IV (668-685), а его отца Константа II (641-668) (DAI. II. P. 75).

4. Речь идет о времени после смерти халифа Османа, когда официальным халифом был Али, но в разных местах державы появились претенденты на главенство в мире ислама, и среди них наиболее сильным был Муавия из рода Омейядов. Опорой Али была Аравия. Муавию поддерживали в основном арабы Сирии, к нему тайно склонялся завоеватель Египта полководец Амр.

5. Изложение неточно. В сражении между войсками Али и Муавии в долине Сиффин верх одержал Али, но его нерешительность оттолкнула от него сторонников крайних действий против Омейядов. Вскоре Али был убит и власть перешла к Муавии. Род Омейядов правил до 750 г.

6. Речь идет об антиомейядском выступлении, начавшемся в Хорасане в 745 г. В нем приняли участие все враги династии, в том числе сторонники Аббасидов, потомков Аббаса, дяди пророка. Феофан именуется восставших "маврофоры", так как они выступали под черным знаменем и носили одежду черного цвета - цвет Аббасидов.

7. Мерван II - последний омейядский халиф (744-750).

8. Арабы переправились в Испанию в 711 г. под командованием арабского правителя Северо-Западной Африки Мусы ибн Нусайра в правление императора Юстиниана II Ринотмета (685-695, 705-711).

9. Рим был захвачен войском короля вестготов Алариха в 410 г.

10. Абдаллах, сын Зубейра, родич Мухаммеда, возглавивший антиомейядское восстание в Хиджазе. Восстание было подавлено полководцем Муавии Хаджаджем.

11. Абд ал-Малик - халиф (685-705). Автор называет его библейским именем Авимелех (Быт., 20; 1-18).

12. Здесь речь идет о Константине IV (ср. коммент. 3 к гл. 21 и коммент. 9 к гл. 48).

13. Юстиниан II Ринотмет (см. коммент. 8 к гл. 21).

14. Автор имеет в виду Муавию (см. коммент. 3, 5 к гл. 21).

15. Командующий флотом.

16. Экспедицией на Родос в 654 г. руководил Абу-л-А'вар.

17. Рассказ о войне Али с Муавией в целом отражает историческую канву событий, хотя в нем есть и апокрифические элементы. Ср.: Сериков Н.И. Некоторые труднопознаваемые фрагменты византийских памятников: (варианты прочтения и толкования) // Бартольдские чтения, 1987 г. М., 1987. С. 81-85.

18. У Али и Хадиджи было два сына Хасан и Хусейн, внуки пророка. Хасан мирно закончил свои дни в Аравии; у него было множество потомков, именуемых в мире ислама шерифами. Хусейн же, спровоцированный сторонниками Муавии, решился на войну. С небольшим отрядом приверженцев он был в районе Кербелы (в совр. Ираке) окружен войсками Муавии и убит в сражении. Приверженцы секты шиитов в исламе окружили имя Хусейна ореолом святости, с ним связан знаменитый обычай шахсейвахсей.

19. Муавия был сыном Абу Суфьяна, главы рода Омейядов.

20. Маслама ибн Абд ал-Малик, сын халифа Абд ал-Малика, известный арабский полководец, в 717-718 гг. осаждал Константинополь, ходил походом в Закавказье и в горный Кавказ.

21. Сулейман, брат Масламы, халиф (715-717).

К ГЛАВЕ 22

1. Юстиниан II был в 695 г. свергнут, лишен носа и сослан в Херсонес, откуда с помощью болгар возвратился на престол в 705 г. Переворот 695 г. возглавил известный в Византии полководец Патрикий Леонтий, ставший императором (695-698). В 698 г. он также был свергнут командующим флотом Апсимаром, который правил под именем Тиверия III (698-705), пока, в свою очередь, не был низложен Юстинианом II.

2. Абд ал-Малик (см. коммент. 11 к гл. 21).

3. Номиса - византийская золотая монета (1/72 либры - фунта).

4. См. коммент. 1 к гл. 46.

5. Чиновник, причастный к дипломатическим делам и полицейской службе.

6. Византия и халифат, будучи соперниками в борьбе за гегемонию в Передней Азии, иногда заключали между собой соглашения против общих врагов. В данном случае речь идет о совместных действиях против повстанцев на территории Ливана. Практика эта восходит к более ранним временам, когда, например, империя выделяла средства для укрепления Дербентского прохода, находившегося под контролем Сасанидов.

7. Четвертая Армения - часть Великой, или Большой Армении, перешедшая к Риму по договору с Ираном в 385 г., образовав одну из византийских провинций, созданных при Юстиниане I из присоединенных к империи армянских земель (центр - город Мартирополь). См.: Адонц Н.Г. Армения. С. 165-173.

8. В 708 г. Юстиниан попытался отнять у болгарского хана область Загоры, которую за три года до этого сам уступил ему в благодарность за помощь.

9. См. коммент. 1 к гл. 22.

10. Валид I - халиф (705-715).

11. См. коммент. 8 к гл. 21.

12. Арабы в 827 г. высадились на Сицилии и примерно в те же годы - на Крит. Захват Крита был неоднократным, но поэтапным (Christides Y. The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824): A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam. Athenes, 1081).

13. Михаил II Травл - император (820- 829).

14. Речь идет о восстании византийского военачальника Фомы Славянина в 820-823 гг. См. о нем; Ibid. P. 86-95.

15. О Сулеймане см. коммент. 21 к гл. 21.

16. Имеется в виду большой поход на Константинополь в 717-718 гг. (см. коммент. 20 к гл. 21).

17. Омар II - халиф (717- 720).

18. Йазид II - халиф (720-724).

19. Хишам - халиф (724-743).

20. Мерван II - халиф (744-750). Феофан пропускает трех омейядских Халифов (Валида II, Йазид III и Ибрагима), правивших в течение двух лет.

21. Мерван II был последним халифом из рода Омейядов. С 749 г. начинается династия Аббасидов в лице халифов ас-Саффаха (749-754) и ал-Мансура (754-775), который здесь назван Авделой.

22. Махди - третий халиф из рода Аббасидов (775-785).

23. Харун ар-Рашид - халиф (786-809); перед ним чуть более года халифом был ал-Хади. Харун выступает здесь под библейским именем Аарон.

24. Лакуна в рукописи.

25. Ирина, жена Льва IV, регентша при своем малолетнем сыне Константине VI (780-797), в 797 г. свергла и ослепила его, став единовластной правительницей Византии; в свою очередь была низложена в 802 г.

26. Историческая область (территория совр. Северо-Восточного Ирана, Северо-Западного Афганистана и юга Туркменской ССР).

27. Харун ар-Рашид умер в 809 г. во время поездки в Хорасан. После его смерти началась распря между его сыновьями Амином и Мамуном. Последнего поддержали феодалы Восточного Ирана, и в 813 г. он взял Багдад и восстановил единодержавие в государстве. 28. В первой половине IX в. халифат стал распадаться на отдельные независимые и полу-независимые государства. Одними из первых обособились династии Северной Африки (Идрисиды, Аглабиды и т.д.).

29. Киновиями назывались общежительные монастыри (наряду с которыми существовали и отшельнические - келлиотские), получившие в Византии в конце концов наибольшее распространение. Правила общежительного монастыря предписывали равенство всех его обитателей в быту, еде, имущественном состоянии и т.д. Киновия рассматривалась как идеальное единство братии (Hussey J. Byzantine Monasticism // History. 1939. Т. XXIV. Vol. 93. P. 58; Janin R. Le monachisme byzantin au Moyen age // Revue des Etudes byzantines. 1964. Т. 22. P. 31; Каждая А.П. Византийский монастырь XI-XII вв. как социальная группа // ВВ. 1971. Т. 31. С. 53-55; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. 2. АиП. Miinchen, 1977. S. 127; Kazhdan a. hermetic cenobitic and secular Ideals in Byzantine Hagiography of the Ninth (and Tenth) Centuries // Greek Orthodox Theologic Revue. 1985. Т. 30. P. 473-487).

30. По свидетельству Жития Феофана, написанного Константинопольским патриархом Мефодием (843-847), Феофан, через некоторое время после принятия пострига, отправился на о. Калоним, где на своей земле на собственные средства основал монастырь призвав туда иноков монастыря Феодора Монохерария (Methodii patriarchae Constantinopolitani Vita S. Theophanis Confessoris / Ed. V.V. Latyšev // Зап. Российск. Академии наук. Сер. VIII. Пг., 1918. Т. 13. N 4. С. 16. 3-9). Остатки строений монастыря "Великого поля", игуменом которого стал сам Феофан, сохранились на о. Калоним к северу от Сигрианы, на побережье Мраморного моря - между Кизиком и устьем р. Риндака (Mango C., Sevfenko). Some Churches and Monasteries on the Southern

К ГЛАВЕ 23

Главы 23 и 24 представляют собой выписки из словаря Стефана Византийского (VI в.) эксцерпированы, соответственно, статьи "Ивирия" и "Испания". Это лишь необработанные подготовительные материалы для отсутствующего раздела о Кордовском халифате (DAI. II. P. 80-81). В 909г. в Северной Африке возникло новое государство, угрожавшее как Византии, так и испанским арабам, - Фатимидский халифат. В результате укрепились связи Константинополя с Кордовой: в 945/6 и в 947гг. в Испанию отправлялись византийские посольства, а в 948 и в 949гг. Константин принимал послов халифа (Const. Porph. De cerem. 571, 580; Liutpr. Antap. VI. 5). Видимо, в 956 г. флоты обеих государств совместно разгромили флот Фатимидов у Сицилии. Однако двусторонние отношения омрачались планами империи отвоевать Крит, захваченный в 20-х годах IX в. испанскими арабами; во всяком случае, готовя в 949г. экспедицию против острова Константин послал сторожевые корабли для наблюдения за испанским берегом (ToynbeeA. Constantine Porphyrogenitus. P. 491). Таким образом, Кордовский халифат занимал важное место во внешнеполитических планах империи, чем и диктовалась необходимость соответствующего раздела в сочинении Константина.

1. Греч. название Испании.
2. Совр. Гибралтарский пролив.
3. Совр. р. Эбро.
4. Аполлороду (Афинскому), знаменитому грамматiku II в. до н.э., Страбон и Стефан ошибочно приписывают труд "О земле", или "Путешествие по всей земле", известный лишь в цитатах Стефана.
5. В рукописи - "Геродот", однако конъектура "Геродор" принята всеми издателями Геродор Гераклеийский (V в. до н.э.) написал "Историю о Геракле" - единственное его сочинение (сохранилось во фрагментах). В кн. X описывалось, видимо, путешествие Геракла на крайний запад, за коровами Гериона. Попутно Геродор дает историкогеографические сведения, восходящие к источнику, которым, возможно, пользовался и Гекатей Милетский.
6. Иберийское племя на крайнем юго-западе Пиренейского полуострова. Упомянутого Геродотом (II, 33; IV, 49), Полибием (X, 7,5) и др.
7. Лигурийское племя, обитавшее в среднем течении р. Гвадианы.
8. Жители древнего государства Тартесс в Андалузии, получившего название от одноименного города в устье Гвадалквивира. Здесь - племя турдетанов, обитавшее позднее на той же территории.
9. Иначе элвествии (олвисию) - племя, жившее у Гибралтарского пролива.
10. Иначе массиены - иберийское племя.
11. Племя на южном и восточном побережье Испании. Помимо отрывка Геродора, этноним встречается на иберийских монетах.
12. Место испорчено. Издатели предложили шесть различных конъектур, но убеждены в том, что имеется в виду какой-то топоним, а не этноним.
13. Артемидор Эфесский жил во II-I вв. до н.э. Автор "Перипла внутреннего моря" и "Географии" в 11 книгах, содержащих данные физико-географического и историко-политического характера. По утверждению Страбона (III, 137), Артемидор сам бывал в Испании.
14. Лакуна в рукописи.
15. Совр. Гвадалквивир.
16. Первая финикийская колония в Испании (совр. Кадис).
17. Иначе Лузитания - приблизительно территория совр. Португалии. Завоевание Пиренеев римлянами началось в 218 г. до н.э. и шло с севера на юг. В республиканскую эпоху большая (северная) провинция называлась Испания Ближняя, а меньшая (южная) - Испания Дальняя.
18. Парфений Nikeйский - греческий поэт I в. до н.э. - I в. н.э. В цитате передано, по всей видимости, пророчество какого-то бога (Mythographi Graeci / Ed. E. Martini. Lipsiae, 1902. Vol. II. Fasc. 1. sup. P. 17), но о содержании элегии ничего неизвестно.
19. Иверией (Иберией) античные авторы именовали также территорию Восточной Грузии (Картли). См. коммент. 1 к гл. 46.
20. О племени пиеров ничего неизвестно. Визирь - кавказское племя, упоминаемое Плинием (VI, 11), Страбоном (XII, 549), Аммианом Марцеллином (XXII, 8, 21) и др.
21. Дионисий Перизет - автор II в. н.э. Приведена цитата из его стихотворного "Описания мира" (Geographi Graeci Minores / Ed. C. Miiller. P., 1861. Vol. II. P. 117. V. 282).
22. Комедия Аристофана "Трифалит" была написана около 411 г. до н.э. В приводимых отрывках речь идет об афинском стратеге Аристархе.
23. Согласно Страбону, свою письменность имело племя турдетанов.

24. Менандр (342/341-292/291) - главный представитель "новой" аттической комедии. От его комедии "Аспис" ("Щит") осталось лишь шесть отрывков (Mesander. Reliquiae / Ed. A. Koerte. Lipsiae, 1959. Vol. II. P. 36-38).

25. Снова цитата из Дионисия Перизгета (см. коммент. 21 к гл. 23). Текст испорчен. В оригинале (P. 108.69) он звучит так: "Для тех, кто начинает (плыть по Средиземному морю), самым первым является Ивирское море".

26. С некоторыми неточностями воспроизведен отрывок из "Перипла внешнего моря" Маркиана (II, 7). Ниже Маркиан поясняет, что Бетика лежит к востоку и к западу от Геракловых столпов; Лузитания - вся у Западного океана, а Тарраконисия выходит как к Средиземному морю, так и к Северному океану, т.е. Бискайскому заливу (Marciani Periplus mans exten // Geographi Graeci Minores. P., 1855. Vol. I. P. 544). Реорганизация испанских провинций была произведена в 27 г. до н.э.

27. Аполлоний Дискол - александрийский грамматик. Здесь и ниже - цитаты из сочинений его сына Элия Геродиана, жившего в Риме в I в. до н.э., а тот ссылается на сочинение собственного отца "Паронимы", т.е. "Слова, образованные от имен".

28. Место испорчено либо переосмыслено. У Геродиана сказано: "Те слова в родительном падеже, в которых более двух слогов, имеют, подобно именительным, острое ударение на третьем слоге от конца" (Aelii Herodiani Reliquiae / Ed. A. Lentz. Lipsiae, 1867. Vol. I. P. 196.)

29. Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный" (Илиада. II, 672).

30. "Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада"- (Илиада. II, 847).

31. Азиний Квадрат написал в III в. н.э. труд "Римское тысячелетие" в 15 книгах. Эта цитата разрывает обширное заимствование из Геродиана.

32. Греческое обозначение лигуров (древних, возможно, доиндоевропейских племен), населявших главным образом Италию и Галлию, но живших и в Испании.

33. Греческий грамматик, работавший в Риме. Его трактатом "О паронимах" широко пользуется Стефан.

34. комедиограф V в. до н.э., автор комедии "Малфаки", от которой осталось лишь 10 фраз. Возможно, что, слова "и сам" принадлежат Аврону и не являются частью цитаты из Кратина, (Comicoorum atticorum fragmenta / Ed. Th. Kock. Lipsiae, 1880. Vol. I. P. 46).

35. Афиней из Навкратиса - автор гигантского сочинения "Дипнософисты" ("Пирующие софисты"), написанного около 200 г. н.э. В данном месте перечисляются знаменитости, не пившие вина.

36. Греческий историк III в. до н.э., автор истории Эллады с 272 по 219 г. В тексте Афиней не указан номер книги Филарха, а также нет пояснения о золоте и серебре; видно это поздняя схолия.

К ГЛАВЕ 24

1. Харакс из Пергама - историк II-III вв. н.э. Его перу принадлежат "Элленика" ("Греческая история") в 40 книгах и "Хроники" - произведение, о котором упоминает только Стефан.

2. Имеется в виду восстание 147-139 гг. до н.э. Против восставших действовал проконсул Квинт Фабий Максим Сервилиан.

3. Руководитель восстания лузитан, пастух. Нанес римлянам ряд поражений. В 141 г. заключил с ними мир.

К ГЛАВЕ 25

Глава распадается на два не связанных между собой отрывка. Первый является довольно аккуратной выпиской из "Хронографии" Феофана (Theoph. Chron. I. P. 93.31-95.25). Очевидно, он был заказан Константином как часть материалов по истории Испании. Текст списан с рукописи, являвшейся протографом дошедшей до нас Codex Vaticanus 154: все довольно существенные ее отличия от других рукописей труда Феофана повторены и Константином. Об отличиях Codex Vaticanus 154 именно для данного пассажа см.: Theoph. Chron. II. P. 436-439. В этой части повествования Феофан опирался на Прокопия, но Константин к нему не обращался: там, где хронист неправильно понял Прокопия: ??? - "готские народы" (111,2,2) как ??? - "готы и народы" (Theoph. Chron. 1.94.10). - эту ошибку воспроизвел и Константин.

1. 422 г. н.э.

2. Валентиниан III - император Западной Римской империи (425-455). 3. Флавий Аэций (около 390-454) - полководец, в 451 г. разгромивший Атиллу. Бонифаций - полководец, наместник Африки.

4. Феодосий II - император Восточной Римской империи (408-450), воспитатель Валентиниана III и его тесть.

5. Галла Плакидия, сестра императоров Аркадия и Гонория, жена императора Констанция.

6. Восточногерманские племена, в III в. отвоевавшие у римлян Дакию. Тогда же произошло разделение их племенного союза на остготов (Прокопий и Феофан называют их просто готами) и

вестготов (визиготов). В IV в. готы приняли христианство арианского толка.

7. Группа германских племен, входившая в гуннский союз и переместившаяся с ним из Восточной Европы в Среднее Подунавье.

8. Группа восточногерманских племен, переселившихся с Балтийского моря на Средний Дунай. В IV в. поселены в Паннонии в качестве федератов империи.

9. Аркадий - император Восточной Римской империи (395-408); Гонорий - император Западной Римской империи (395-423). При них в 395 г. произошло разделение Римской империи.

10. Вестготы поселились в Мезии как федераты империи около 382 г.

11. В действительности Гепидское королевство было в 567 г. уничтожено союзом ланго бардов и аваров. Ни те, ни другие не были ветвью гепидов. О лангобардах см. коммент. 14 к гл. 27. Об аварах см. коммент. 6 к гл. 29. Данное построение Феофана, как и нижеследующие хронологические расчеты, являются собственными добавлениями хрониста к Прокопию.

12. Совр. Белград (античный Сингидунум). Область вокруг города была уступлена Юстинианом I племени герулов (Прокопий VII, 33, 13). Однако в том пассаже, на который опирается Феофан (III, 2, 6), Прокопий пишет, что гепиды владели окрестностями и Сирмия, и Сингидона.

13. Совр. Сремска Митровица (Югославия). Сирмий был занят гепидами, поскольку по словам Прокопия (VII, 33, 8), совершенно обезлюдел.

14. Вестготы во главе с Аларихом восстали в 395 г. В 408 г. они вторглись в Италию и в 410 г. разграбили Рим. В 412 г. они ушли в Галлию и в 418 г. временно осели там. См. коммент. 23 к гл. 25.

15. Феодосий II допустил остготов во Фракию в конце 20-х годов V в.

16. Остготы ушли из Фракии в Италию в 488 г.

17. Почетный титул высокого ранга (см.: Guiland R. Recherches. T. II. P. 178-202; Oikonomides N. Les listes. P. 294-295).

18. Теодорих - остготский король (ок. 454-526), основавший в 493 г. королевство в Сицилии.

19. Зинон - император Восточной Римской империи (474-475 и 476-491 гг.). Именно Зинон возвел Теодориха в ранг патрикия и консула, он же толкнул готов на запад.

20. Ираноязычные племена, обитавшие в Предкавказье, Прикаспии, Северном Причерноморье. После разгрома аланов гуннами значительная их часть ушла на запад с вандалами. Об аланах см. коммент. 2 к гл. 10 и коммент. к гл. 37-38.

21. Первые вандалы попытались перейти через Рейн в 405 г., но были отброшены франками. В этом сражении пал король вандалов Годегизелк (Годигискл). Новым королем был избран его сын Гундерих (Готфар), которому удалось 1 января 406 г. в районе Майнца перевести вандалов, аланов и свевов на левый берег Рейна. Пройдя через Галлию, эти племена в 409 г. временно осели в Испании. См. коммент. 22 к гл. 25.

22. Переправа через Гибралтар была произведена в мае 429 г.

23. Готские военные отряды из Галлии стали появляться в Испании уже с 421 г. Однако возле ухода вандалов некоторое время в Испании не было иных варварских королевств, кроме свевского (на крайнем северо-западе страны). Вестготы начали завоевывать Пиренейский полуостров только во второй половине V в., особенно с 468 г.

24. Гейзерих стал королем вандалов в 428 г. Бонифаций же вернул себе расположение правительства к началу 429 г. Из двух версий, поедложенных Прокопием. Феофан выбирает ту, согласно которой Гейзерих и Гундерих правили совместно вплоть до осады Гиппон-Регия, когда Гейзерих устранил брата. Но Прокопий же сообщает, что лично он слышал от вандалов (III, 3, 34) и другую версию: Гундерих попал в плен к "германцам" еще в Испании и был распят.

25. Бонифаций больше года выдерживал осаду вандалов в городе Гиппон-Регий, а затем ушел оттуда в июле 431 г, Флавий Аспар высадился в Африке в 432 г.

26. Маркиан - император Восточной Римской империи (450-457).

27. Амир ал-муманин - "повелитель правоверных", титул халифа.

28. Первый амир ал-муманин - халиф из рода Аббасидов, потомок дяди пророка; второй - фатимидский правитель Египта, считавший себя потомком Мухаммеда и Али (династия Фатимидов: 909-1171); третий - омейядский правитель в Испании (Андалусии). Испанские Омейяды: 756-1031 гг.

29. Любопытное отождествление Персии с Хорасаном объясняется той ролью, которую эта восточноиранская область играла в событиях VIII-X вв., а также в возрождении персидской культуры в это время.

30. Константин лучше всего осведомлен в делах наиболее близких к империи мусульманских областей, а потому у него перечислены рядом и такие огромные области, как Хорасан, и относительно мелкие округа Сирии, где в ту пору правили эмиры из рода Хамданидов.

31. Речь идет о правителе из рода Фатимидов.

32. На востоке Ирана уже в IX в. возникли полунезависимые государства Тахиридов (821-873) и Саффаринов (867-911). Во времена Константина здесь существовало сильное государство

Саманидов с центром в Средней Азии (819-1005). Саманиды формально признавали власть багдадского халифа, но были вполне самостоятельны.

33. Речь идет о зайдитских имамах, считавших себя потомками Али и утверждавших, что лишь они имеют право на первенство в исламе.

К ГЛАВЕ 26

Эта глава - позднейшее добавление к "итальянскому" разделу трактата, сделанное не ранее 952 г. и помещенное сразу за подобной же вставкой в гл. 25.56-85. Содержит краткий обзор событий в Итальянском королевстве с 869 по 944 г.; цель его - прославление короля Гуго, дочь которого Берта-Евдокия была замужем за сыном Константина Романом. Родословная свата императора возводится здесь к Карлу Великому, низложение Гуго в 945 г. и его смерть в 947 г. не упоминаются, хотя "нынешним королем Италии" назван его сын Лотарь. Прославляя своего свата как потомка Карла, Константин тем самым оправдывает свое лояльное отношение к бракам византийских властителей с франкскими принцессами (ср. гл. 13.116-122). Информация об итальянских делах записана не позднее ноября 950 г. (дата смерти молодого Лотаря). Возможные источники - сообщения византийских и франкских послов начиная с эпохи Льва VI, прежде всего беседы самого Константина с послом итальянского короля Лиутпрандом Кремонским в 949 г. Другой вероятный источник - рассказы сестры Константина по отцу Анны (она некоторое время была женой Людовика III Слепого, короля Прованса) и, возможно, самой юной Берты-Евдокии. На использование именно устных источников указывают и многочисленные неточности в изложении (ср.: DAI. П. Р. 83).

1. Гуго (ум. 947) - сын Берты, дочери Лотаря II, граф Арльский, герцог Прованский регент королевства Нижняя Бургундия (Прованс) (до 933), король Италии (926-945).

2. ??? здесь и в 26.15-16 (???) означает "старший". Возможно, речь идет о прадеде Гуго, внуке Карла Великого императоре Лотаре I, правившем в Италии с 823 по 855 г.; к нему больше подходит эпитет ???. Действительно, *паппос, можно перевести и как "дед", и как "прадед". Р. Дженкинз предпочел перевести "дед", ибо, как следует из дальнейшего (смерть от чумы), имеется в виду, скорее, Лотарь II (825-869), дед Гуго, король названной по его имени Лотарингии (855-869). В Италии же правил с 855 г. его старший брат император Людовик II (ум. 875).

3. Об этих первых песнях и сказаниях о Карле в IX-X вв. см.: Paris G. *Histoire poetique de Charlemagne*. P., 1905. P. 37-52; Menendez Pidal R. *La Chanson de Roland y el neotradicionalismo*. Madrid, 1959. P. 270-273, 289.

4. Титул "императора (*базилеус) франков" (ср.: Theoph. Chron. P. 494.21) был в 812 г. признан Византией за Карлом как единовластным правителем (*монократор), подчинившим себе других западных монархов. Его преемников (с 871 г. - уже официально) в Константинополе рассматривали лишь как *регес (ср.: DAI, 29.105). Подробнее см.: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. S. 238-244; Idem. *Konstantinopel*. S. 86-89.

5. Отступая от античной традиции, император предпочитает широко распространенные в его время в Византии географические названия, зачастую слишком общие и неточные (ср.: Tartaglia L. *Livelli stilistici*. S. 201). Для византийцев X в. *Франгия (также во мн. ч. *пасаи аи Франгиаи) была наиболее общим обозначением западных территорий, некогда подвластных франкам (ср.: DAI, 13.4; 28.5, 7, 9, 19; 30.72, 74,85; 31.5; 32.5), или же только Итальянского королевства Каролингов с центром в Павии (ср.: 29.105, 118, 162, 165; 31.44). Под *э мегалэ Франгиа Константин понимает собственно Трансальпинскую "Франкию" (ср.: 26.18; 29.134). Об этих терминах см. также: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. S. 241-243.

6. Неверно: в самой империи Карла королевский титул носили, кроме него, его сыновья Пипин Младший и Людовик, управлявшие соответственно Италией и Аквитанией как короли-вассалы. О том, что в дипломатической переписке Карла с королями соседних с его империей стран выражалась идея их подчиненности франкскому властителю, сообщает биограф Карла Эйнхард (*Einhardi Vita Karoli*, 16). О месте *prjuei*; в византийской дипломатической иерархии см.: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. S. 238-251.

7. О сношениях Карла с Багдадским халифатом и франкской политике в Палестине рассказывает Эйнхард (*Einhardi Vita Karoli*, 16, 27). Подробнее см.: Borgolte M. *Der Gesandtenaustausch der Karolinger mit den Abbasiden und mit den Patriarchen von Jerusalem* Munchen, 1976. S. 45-107.

8. Здесь Константин также, возможно, спутал Лотаря II, деда Гуго, с Лотарем I, коронованным в Риме в апреле 823 г. (Лотарь II не был императором).

9. Лотарь II умер от чумы в Пьяченце в августе 869 г.

10. Говоря о родственниках Гуго, Константин допускает еще три ошибки: Адальберт Богатый (ум. 915), маркграф Тосканский, был не сыном, а зятем Лотаря II; "старшая Берта" (ум. 925) была не снохой, а дочерью Лотаря II; отцом Гуго был не Адальберт, а первый муж Берты Теобальд, граф Арльский (ум. 890). Возможно, первые две ошибки были сделаны намеренно, дабы

представить Гуго прямым потомком Карла Великого именно по мужской линии (DAI. II. P. 86).

11. Людовик III Слепой (ум. 928) - внук императора Людовика II, король Нижней Бургундии (Прованса), король Италии (900-905), император (901-905). О его походах в Италию в 900 и 905 гг. рассказывает Лиутпранд (Liudpr. Antap. II, 36-41). Подробнее о лицах и событиях, упомянутых в этой главе, см.: Hartmann L.M. Geschichte Italiens. Bd. III. H. 2; Fasoli G. I re d'Italia; Hiestand R. Byzanz; Dummer J. Die Schriften.

12. ??? - учкв "собственный", "свой", иногда "родственник", что и предпочел Р. Дженкинз (kinsman). Принимаем конъектуру Ив. Дуйчева: добавить далее ??? ("внук").

13. Ошибка: как король Италии Людовик III был коронован в Павии в октябре 900 г., а как император - в Риме в феврале 901 г.

14. Людовик III был ослеплен в Вероне в июле 905 г.

15. Беренгарий I (ум. 924) - правнук Карла Великого, маркграф Фриульский, король Италии (888-924), император с декабря 915г.

16. Беренгарий II (ум. 966) - маркграф Иврейский, король Италии (950-961).

17. Родульф II (ум. 937), король Верхней (Трансьюранской) Бургундии, король Италии (922-925), король объединенной Бургундии (933-937). О его походе на Павию в 922 г. и о битве при Фьоренцуоле близ Пьяченцы в июле 923 г. см.: Liudpr. Antap. II, 60, 64-67.

18. О первоначальной победе Беренгария нет других сведений. Возможно, имеется в виду его победа при Брешии над Адальбертом Иврейским (Liudpr. Antap. II, 61-62), после которой тот спас свою казну примерно тем же способом, каким Беренгарий у Константина спасает свою жизнь.

19. ??? - "косуля"; может быть, плащ из шкуры косули (?). Возможно также - щит (ср.; DAI. 51.83).

20. Речь шла собственно не о разделе, а об установлении четких границ между областями, уже фактически подвластными королю Родульфу и императору Беренгарию. Об этом договоре см.: Hartmann L. M. Geschichte Italiens. Bd. III. H.2. S. 192,206. Anm.9; Fasoli G. I re d'Italia. P. 93; Hiestand R. Byzanz. S. 140-141.

21. Возможно, племянник Гуго (Previle-Orton Ch. W. Italy. P. 341) или зять Людовика III (Hiesland R. Byzanz. S. 147).

22. Наиболее вероятная дата неудачного похода Гуго и его брата Безо (ум. после 936) в Италию - 923 г. (Previte-Orton Ch.W. Italy. P. 339; DAI. II. P. 86; Hiestand R. Byzanz. S. 147).

23. Об убийстве Беренгария I в Вероне в апреле 924 г. повествует также Лиудпранд (Liudpr. Antap. 68-73).

24. Второй поход Гуго в Италию датируется 926 г. В июле этого года он был коронован в Павии.

25. Родульф умер в июле 937 г. О последующих браках его вдовы Берты, ставшей женой Гуго, и дочери Адельхейд, вышедшей за его сына Лотаря, сообщает также Лиудпранд (Liudpr. Antap. IV, 13).

26. Лотарь (ум. 950) - сын Гуго, король Италии (945-950).

27. Деспот - в X в один из официальных титулов византийских императоров (василевс, август) или их соправителей, прежде всего сыновей и братьев императора (Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le despote // REB. 1959. T. 17. P. 50-54; Ферjanчuh Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама, Београд, 1960. С. 3 и след., 9 и след., 50 и след.).

28. Обручение Берты-Евдокии, дочери Гуго, с Романом состоялось в сентябре 944 г. Принятая здесь по предложению Р. Дженкинза конъектура (26.68: вместо ??? - ???, "была") предполагает, что гл. 26 была написана уже после смерти принцессы, которая умерла в 949 г.

29. Принимаем конъектуру Р. Дженкинза: лакуна после етт| ("лет") (а не после ??? - "ее") и добавление оека ("десять"), а не яеуте ("пять") вместо лакуны. "Старшая Берта" вдова Адальберта II Богатого, маркграфиня Тосканская, действительно правила 10 лет (915-925), так что термин ерасто.биоб вполне может относиться к ней и употреблен здесь, как и в ряде других мест, не в техническом значении. Однако, поскольку текст, видимо, частично испорчен, Дженкинз допускает, что термин может относиться и к "младшей Берте". Тогда вместо лакуны следует поставить яАуте: Берта-Евдокия была замужем за Романом 5 лет (944-949).

30. Евдокия Ингерина - жена Василия I, мать Льва VI.

31. Евдокия (ум. 892) - дочь Льва VI от первой жены, старшая сестра Анны и сестра по отцу Константина Багрянородного.

К ГЛАВЕ 27

Эта глава, как и большинство других глав "информативного" раздела трактата (гл. 14-16), не содержит сведений, относящихся к истории после середины IX в Предположение Р. Дженкинза, что материал для гл. 27, как и для ряда других глав этого раздела, готовился одновременно со сбором сведений для трактата "О фемах" т.е. в то время, когда замысел сочинения "Об управлении империей" еще не созрел окончательно но, представляется обоснованным. Поскольку,

по мнению Дженкинза, гл. 23-25 попали в состав труда по недосмотру (это - сырой и, может быть, побочный материал), то гл. 27 должна была следовать сразу за "сарацинским" разделом (гл. 14-22) (dai. ii. P. 2-5). Судя по дате, указанной самим Константином в 27.53-54 ("7 индикт 6457 г."=949 г.), можно предполагать, что гл. 27 была составлена в 949 г. - возможно, для задуманного тогда императором труда "О народах". Не исключено, однако, что эта дата является позднейшей вставкой (DAI. II. P. 3-5,88). Глава состоит из двух не связанных между собой частей: первая (27.1 - 70) повествует о византийской власти в Италии и о расселении там лангобардов, вторая (27.71-96) вместе с гл. 28 образует особый "венецианский" раздел. Следы стиля самого императора более заметны во второй части.

1. Административный округ (провинция) в Византийской империи. Большинство историков относит начало новой структуры провинциального управления в Византии (так называемого "фемного строя") к правлению Ираклия (610-641). Однако фемная структура формировалась постепенно, в ходе успешных войн с арабами, персами славянами; окончательно она сложилась лишь в X в. И гражданская, и военная власть в феме принадлежала обычно стратигу (см. коммент. 39 к гл. 13) (см.: Ostragorsky G. Geschichte. S. 80-84, 88).

2. Фема Лангобардия была образована в начале 90-х годов IX в., когда византийцы отвоевали всю Южную Италию (не считая Калабрии) до границ Папского государства, Понятие "фема Лангобардия" охватывало в X в., помимо областей Апулии и Лукании, также прилегающие лангобардские герцогства и приморские города Неаполь, Амальфи и Гаэта. Иногда власть над фемами Лангобардия и Калабрия передавалась временно одному стратигу (см.: Falkenhausen von V. Untersuchungen. S. 21-23, 29-39).

3. Имеются в виду лангобардские герцогства Капуа-Беневенто и Салерно.

4. Особый вид административной области, признающей зависимость от империи, но сохраняющей автономию. Архонтии, как правило, лежали на границах империи и были населены иноязычными по отношению к грекам народами (Ferluga J. L'amministrazione P. 87-164). Здесь имеются в виду Амальфи и Гаэта.

5. Упоминание "Лангобардии" здесь, разумеется, анахронизм: лангобарды в Италии появились лишь в 569 г. (ср.: Bertolini O. Il problema cronologico dell'ingresso dei Longobardi in Italia // Atti del Congresso di studi longobardi. Udine, 1970. P. 29-48).

6. Мы переводим: "царская власть", подразумевая после *то базилеион - *кратос. Р. Дженкинз предпочитает переводить: "царский престол", "царская резиденция" (DAI. P. 113: the sect of empire). См., однако: Const. Porph. De them. P. 58.8: *то базилеион кратос - в сходном по значению выражении.

7. Фраза охватывает историю по крайней мере двух с половиной веков и весьма не точна, Столица была перенесена в Константинополь в 330 г. Раздел империи произошел в 395 г., а то разделение власти в византийских владениях в Италии, которое здесь имеется в виду, состоялось в период между образованием Равеннского экзархата (около 584 г.) и его ликвидацией лангобардами в 751 г.: при разделе северные районы Италии были подчинены равеннскому экзарху, а южные - наместнику Сицилии. Однако к 600 г. власть экзарха над Капуей, Беневенто и Павией была утрачена: они были завоеваны лангобардами (DAI. II. P. 89). Описанная здесь ситуация близка к той, которая сложилась в 892-895 г.: стратиг из Беневенто управлял всей фемой Лангобардия (ср.: Falkenhausen van V. Untersuchungen. S. 13-14).

8. О титуле "патрикий" см. коммент. 17 к гл. 25.

9. Речь идет о налогах, ежегодно поступавших из провинций.

10. Как отметил Р. Дженкинз, хронология исторических событий в гл. 27 настолько перепутана, что ее данные не могут служить достоверным источником (DAI. II. P. 88). В рассказываемом ниже эпизоде представлены как современники исторические лица жившие на протяжении двухсот лет: патрикий Нерсес - полководец Юстиниана I, завершивший в 555 г. отвоевание Италии у остготов и ставший ее первым полномочным наместником; папа Захария (741-752) и императрица Ирина. Дженкинз считает эту Ирину женой не Льва IV (775-780), а его отца Константина V (741-775), поскольку лангобардский памятник, на котором, по мысли ученого, основан этот пассаж, связывает падение имперской власти в Италии именно с уничтожением Равеннского экзархата (751 г.). Да и для самих византийцев было бы естественней относить потери в Италии к эпохе предаваемого анафеме иконоборца Константина V, чем ко времени Ирины, регентши при малолетнем Константине VI, благоволившей иконопочитателям (DAI. II. P. 89). Однако нам представляется, что логичнее видеть в Ирине как раз жену Льва IV: ослепив сына, она фактически правила империей в 780-802 г. (ср.: Ohnsorge W. Konstantinopel. S. 52-64, 75-76). Бесспорно, автор имеет в виду именно полновластную правительницу. Конечно, с этим не согласуются ни время понтификата папы Захарии, ни год падения Равенны. Путаница же в имени императрицы исключена: речь, безусловно, не идет о современнице Нерсеса Феодоре, жене Юстиниана I, так как подобное ее вмешательство в ход государственных дел не могло иметь места. По мнению Дженкинза, слабо осведомленный в отечественной истории автор опирался на полулегендарную версию событий лангобардского происхождения, сообщенную капуанскими посланцами в Константинополе в 929 г. (ср.

коммент. 24 к гл. 27) (DAI. II. P. 89).

11. Нарсеса действительно обвиняли в том, что он допустил вторжение лангобардов (ср.: Hauptfeld G. Zur langobardischen Eroberung Italiens // *MI6G.* 1983. 91. Jg. S. 38). Однако правил он всей Италией, а не только Беневенто и Капуей.

12. Если относить эту войну ко времени Нарсеса, то, вероятно, имеются в виду его сражения с остготами, отдельные отряды которых продолжали сопротивляться до 60-х годов VI в. (История Византии. Т. 1. С. 320).

13. В документах X в. пакт - обычно арендная плата за наем земли, иногда также рента париков своему господину. Здесь, как и в большинстве других случаев у Константина, - ежегодная подать (дань), вносимая в имперскую казну зависимыми от Византии политическими образованиями иноплемеников. Не позволяет ли это место предполагать, что в первые десятилетия после отвоевания итальянских владений имперская система налогообложения еще не была введена в Италии? Не уплачивали ли в знак повиновения города и области, составлявшие при остготах административные единицы, особую дань империи? (см.: DAI. 21.14).

14. Племенное объединение ряда германских и отчасти негерманских племен, располагавшееся с V в. до 60-х годов VI в. в Паннонии (см.: Pauli Hist. Langob. 1, 22).

15. Фраза о "турках" - видимо, редакторская вставка самого Константина, не раз подчеркивавшего значение этого события. В таком случае "недавно" в понимании автора означает "примерно 45-50 лет назад".

16. Библейский образ земли обетованной (ср.: Ис., 3,8; 13,5; 33,3; Лев., 20, 24; Числ., 13,28; 14,8; 16, 13-14).

17. Это свидетельство отражает античную традицию, согласно которой "варвары" обитают в малопригодных для жизни краях и считают переселение на земли Римской (Византийской) империи величайшим благом из-за их природных богатств. 18. Беневенто лежит в Южной Италии, и путь лангобардов до этого города не был столь быстрым и легким. Впрочем, завоеваниям лангобардов способствовала свирепствовавшая в Италии эпидемия чумы, а затем жестокий голод. 19. Беневенто был захвачен лангобардами около 570 г., однако приводимые ниже подробности легендарны: разрушенные еще в правление остготского короля Тотилы (541-552) стены Беневенто к 570 г. еще не были восстановлены (DAI. П. P. 89).

20. Почти точная транслитерация латинского топонима *Civitas nova* и точный перевод на греческий (*неокастрон = "Новая крепость"). 21. Перевод выражения ??? представляет затруднения. Р. Дженкинз переводит: "они крутились и внезапно атаковали" (DAI. P. 115). В комментарии ученый пишет, что обычное значение ??? - вещи (или люди), собранные на одном месте, - здесь не подходит, и поэтому он принимает иное значение ("вместе", "разом") (DAI. II. P. 89-90).

22. Упоминание здесь фемы - анахронизм. См. коммент. 2 к гл. 27.

23. Ныне Павия, Отраито, Галлиуоли, Россано, Неаполь, Гаэта, Сорренто, Амальфи.

24. Именно эти слои, подчеркивающие преобладание Капуи, дают основание предполагать, что в гл. 27 использована версия событий, сообщенная послами Капуи в Константинополе (DAI. II. P. 88).

25. Салерно был заселен путем насильственного перемещения Сикардом Беневентским (813-839), амальфитян в 837 г.

26. Цифра явно ошибочная, поэтому предполагалось исправить 200 (*сигма) на 100 (*ро) и относить раздел владений к 849 г. (DAI. P. 117; II. P. 88, 91).

27. Сикон, герцог Беневентский (817-831), был не братом, а отцом Сикарда. Раздел же владений был произведен не между Сико и Сикардом, а, вероятно, в 849 или 851 г. между преемником Сикарда Радельхизом и братом Сикарда Сикенульфом, ставшим после раздела герцогом Салернским (ср.: DAI. II. P. 88; Panetta R. I Saraceni. P. 85).

28. Сипонто, ныне Манфредония на побережье Апулии.

29. Преторий - судебное учреждение, часто административное здание провинциального наместника, а также тюрьма; здесь - город, резиденция стратига. В сочинении "О фемах" (Const. Porph. De them. P. 60. 18) Константин называет Неаполь "митрополией" (главным городом) фемы Лангобардия. Там же (Ibid. P. 16.21-17.3) он подчеркивает различие между городом-преторием и прочими городами.

30. Фраза как будто предполагает, что временами в Неаполе не было патрикия - наместника фемы, а власть находилась тогда в руках дуки города. С приездом же патрикия дука отправлялся как подчиненное ему лицо в Сицилию. Впрочем, не ясно, о каком времени ведется повествование: о времени до падения Равеннского экзархата (751 г.) или - что более вероятно - об эпохе, когда существовала уже фема Лангобардия. Если принять первое предположение, то интерпретация термина "дука" затруднительна: представители византийской администрации в провинциях в VII-VIII вв. дуками не именовались. Р. Дженкинз принимает толкование Ф. Дэльгера (BZ. 1931. Bd. 31. S.440): это мог быть местный правитель, который по крайней мере номинально находился в зависимости от Византии (DAI. II. P. 90). Сама ситуация, однако, противоречит этому допущению:

дука представляет власть империи, а при приезде патрикия отправляется как его заместитель управлять Сицилией. Термин "дука" проще объяснить, если допустить, что речь идет о конце IX-X в.: известно, что под властью правителя фемы в то время находились военачальники тагмных профессиональных отрядов в провинции; в отсутствие патрикия (катепана, стратига?) они замещали его, а с его появлением принимали от его имени управление другим административным районом (см. о дуке провинциальной тагмы: Советы и рассказы. С. 430-431). Ср. гл. 27.69-70. Об употреблении термина ???, у Константина см. также: Falkenhausen von V. Untersuchungen. S. 7-8.

31. Вновь подчеркнута преобладание Капуи (ср. коммент. 24 к гл. 27), причем в то время, когда город еще не имел столь большого значения: лишь в 899 г. он стал столицей объединенного герцогства Капуа-Беневенто,

32. Имеется в виду захват Капуи в 456 г. Гейзерихом, королем вандалов, правившим в Северной Африке (см. коммент. 24 к гл. 25). Город действительно был разрушен, но и в 571 г., когда его заняли лангобарды, он был еще частично населен (DAI. II. P. 90).

33. Здесь под "африканцами" имеются в виду арабы, которые, овладев в 827 г. Сицилией, начали вторгаться и в Южную Италию. В 40-х годах IX в. предводитель арабов в Бари (город они взяли в 841 или 842 г.) Хальфун, помогая герцогу Радельхизу, разорил владения его соперника Сикенульфа, в том числе и Капую (см.: Panetta R. I Saraceni. P. 61-63).

34. Имеется в виду река Вольтурно.

35. Цифра 73 вызывает сомнения. Если признать 949 г. как время написания гл. 27, то основание Новой Капуи следует отнести к 876 г.; если же принять 929 г., то основание города надо датировать 856 г. Вопрос остается открытым (DAI. II. P. 91).

36. Утверждение не совсем точно: с 30-х годов IX в. и почти до его конца власть империи в этих городах была чисто номинальной (см.: Falkenhausen von V. Untersuchungen. S. 10-12, 15).

37. Транслитерация (*magistrum militum* - *мастромилес) передает, по-видимому, особенности тогдашнего произношения. Как полагает Р. Дженкинз, эта фраза является репликой на 27.58-61. Катепан (от греч. *катепано - "тот, кто наверху", "верховный") - первоначально (в IX в.) предводитель воинского подразделения, сформированного из иноземцев (Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Les termes designant le commandant en chef des armées byzantines // EEBS. 1959. T. 29. P. 58.) С X в., с созданием наряду с фемами новых административных единиц - катепанатов катепаны (их иногда называли также дуками) стали наместниками крупных пограничных округов, важных в стратегическом отношении, и обладали в своем округе всей полнотой военной и гражданской власти (Литаврин Г.Г. Болгария. С. 264-269; Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches, P. 46, 52-64; Wasilewski T. Les titres de duc, catapan et de pronoetes dans l'empire byzantin du IX-e jusqu'à XII-e siècles // Actes du XII-e CIEB- Beograd, 1964. T. 1. P. 233-239). Об употреблении термина катетшуо у Константина см. также: Falkenhausen von V. Untersuchungen. S. 46-47. Р. Дженкинз склонен ставить катепана (главу местного войска) по рангу ниже дуки города, ссылаясь на 45.147 и 50.169-170, а также на упоминание "дуки Неаполя" в трактате "О фемах" (Const. Porph. De them. P. 690. 23) (DAI. II. P. 91). Однако все эти три контекста не позволяют сделать вывод о преобладании дуки над катепаном. Той же интерпретации которую дает Дженкинз, противоречит как пассаж в 27.58-61, так и то обстоятельство, что в комментируемой фразе подчеркнута, на наш взгляд, главное в управлении отдаленной провинцией: речь идет о главе фемы (патрикий = *magister militum* = катепан), а не о его заместителе.

38. Последняя часть гл. 27 и гл. 28 образуют особый раздел, в котором Р. Дженкинз выделяет четыре подраздела: 1. Топография венециков (27,71-96); 2. Заселение венецианской лагуны (28.1-16); 3. Поход Пипина 809-810 гг. (28.16-43); 4. Возникновение автономного дуката Венеции (28.43-51). Раздел основан на местной венецианской традиции, причем сведения Константина зачастую столь подробны и точны, что представляется вероятным использование не только устных, но и письменных источников, из которых могли черпать также первые венецианские хронисты XI-XII вв. Материал, видимо, был отредактирован самим императором с провизантийских позиций (Kreischmayr H. Geschichte von Venedig. S. 19, 58; DAI. II. P. 91-93).

39. Традиция, переданная у Павла Диакона, связывает термин *Heneti* с греч. *аиветои ("достославные"), к которому "у латинян прибавляют одну букву" (Pauli Hist. Langob. II, 14). Эту же традицию восприняли позднее и венецианские хронисты (Iohan. Chron. P. 63; Origo. P. 154). О терминах *венетиа и *венетикои у Константина см.: Kreischmayr H. Die Beschreibung. S. 484. Anm. 3.

40. Конкордия Сагиттария к северу от Каорле.

41. Идентификация спорна: возможно. Эгида, вновь основанная Юстином II под названием Юстинополь (ныне Копер в Истрии) (DAI. II. P. 91).

42. Идентификация также спорна: предположительно между Падуей и Альтино (Ibid.).

43. В полном соответствии с местной традицией, переданной и в самих венецианских хрониках (Iohan. Chron. P. 59-60, 63-64), Константин подчеркивает здесь происхождение "новой", островной Венеции от "старой" - римской провинции на северо-востоке Италии (ср.: Cessi R. Venezia ducale. P.

14. N 1; Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P.55-68,78-80).

44. Константин явно имеет в виду современную ему резиденцию дождей на острове Риальто. Между тем в 28.47-51 сообщены правильные сведения: первоначально центр административной власти в лагуне располагался в крепости Цивитас Нова, или Неокастрон (Гераклиана, ныне Эраклеа) на реке Пьяве к северо-востоку от Венеции.

45. Это описание крепостей (см.: Kretschmayr H. *Die Beschreibung*. S. 482-489; Lanfranchi L., Zille G.G. *Il territorio del ducato veneziano dall' VIII al XII sec.* // *Storia di Venezia*. Venezia, 1958. Vol. II. P. 5-47) отражает не современную Константину, но более старую (возможно, еще начала IX в.) местную топографическую традицию. Оно охватывает известные также по венецианским памятникам (Iohan. Chron. P. 63-66; Origo. p. 34-35, 78-80, 164-168) поселения и местности: Градо, Бибьоне (?), "Лугнанум" (?) (Порто Линьяно), "Аузанус" (?) (Порто ди Базелеге), "Роматине" (Лидо ди Альтанеа), "Лингвенцие" (Лидо ди Ливенца), "Пинети" (Лидо Пинето), "Виньолас" (Лидо делле Виньоле), "литус Бовенсе" (Лидо Каваллино), "Альбум" (Лидо Пикколо), литус Мерцедис" (Лидо ди Сант'Эразмо), "Бронион" (Сан Николо ди Лидо?), Маламокко, Альбиола (Сан Стефано ди Портосекко на Лидо ди Пеллестрина), Пеллестрина, Кьоджа, Брондоло, Фоссоне, Лорео, Каорле, "Цивитас Нова" (Эраклеа), Фине, Экуилло (Иезоло), Аммиана, Торчелло, Мурано, Риальто, Кавардзере.

46. В начале VII в. в Градо возникло епископство, соперничавшее с Аквилейским патриархатом этого же времени в Градо находились мощи св. Эуфемии, Гермагора, Феликса, Фортуната и других аквилейских святых. В 699 г. Граденский патриархат стал митрополией всего подвластного тогда Византии северного побережья Адриатики, включая Венецию (Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P. 316, 327-331; Mor C.G. *Grado Bisanzio a Venezia* // *Memorie Storiche Forogiuliesi*. 1979. 59. P. 11-23). Прославление Граденского патриархата как "Новой Аквилеи" - митрополии "всей Венеции" было важным элементом венецианской исторической традиции X-XI вв. (Iohan. Chron. P. 62-64), согласно которой жители лагуны с самого начала подчинялись собственному независимому церковному центру (ср.: Carile A., Fedalto G. *Le origini*, P. 41-42, 77-78). Этот элемент местной традиции нашел отражение и у Константина.

47. К материковым отнесены здесь и крепости на прилегающих к берегу "внутренних островах": Каорле, Эраклеа, Фине, Иезоло, Аммиана, Торчелло, Мурано и Риальто (Kretschmayr H. *Die Beschreibung*. S. 487-488; Cessi R. *Venezia ducale*. P. 77-78) Упоминание здесь Риальто - явное недоразумение: судя по 28.50, Константин знал что это остров.

48. Примечательно, с каким вниманием следили византийцы в X в. за ростом эконо-мического и политического могущества Венеции - будущей "царицы Адриатики" Эмпорий - торговый порт, рынок.

К ГЛАВЕ 28

1. О термине *Франгия см. коммент. 3 к гл. 13 и коммент. 5 к гл. 26. *Франгос - здесь: житель Запада вообще, т.е. стран, некогда подвластных франкам.

2. Речь идет, разумеется, о гуннах, которых в средние века часто смешивав с аварами (ср. :Einhardi Vita Karoli, 13; Iohan. Chron. P. 75).

3. Отраженная здесь местная традиция, восходящая к IX в. и связывающая заселение лагуны с разорением гуннами Аквилеи в 452 г., передана и в венецианских хрониках (Iohan. Chron. P. 70; Origo. P. 30, 50, 154). В действительности лагуна заселялась постепенно, с конца V до середины VII в.: жители окрестных мест бежали на острова из страха сначала перед гуннами, затем перед готами и лангобардами (см.: Cessi R. *Venezia ducale*. P. 13-18, 31-35, 51-55, 66-67).

4. Пипин Младший (777-810) - третий сын Карла Великого, король Италии (781-810).

5. Имеются в виду бастард Карла Пипин Горбатый и его "законные" братья: Карл Младший (ум. 811), наследник престола, и Людовик Благочестивый (778-840), король Аквитании (781-814), император с 814 г. Ср. коммент. 6 к гл. 26.

6. О термине *Склавинии см. коммент. 21 к гл. 9. Здесь Константин имеет в виду славян вдоль всей восточной границы Франкской империи, над которыми Каролинги с конца VIII в. стремились утвердить свой военнополитический контроль. Говорить о включении славянских княжеств при Карле Великом в состав империи источники не позволяют (см.: Ernst R. *Die Nordwestslaven und frankische Reich*. В., 1976; /онин В.К. О "власти" Карла Великого над славянами // ССл. 1984. N 1. С. 33-45). Одна ко уже в IX в. складывается миф о господстве Карла и его преемников над всем славянским Востоком (см.: Ронин В.К. Славянская политика Карла Великого в западноевропейской средневековой традиции // Средние века. 1986. Вып. 49. С. 7-11).

7. К началу IX в. Венеция лишь номинально подчинялась византийской власти. Обращение венецианских дождей, как и правителей Задара, в 805 г. к Карлу Великому (вероятно, как к арбитру в решении каких-то внутри- или внешнеполитических проблем) вызвало немедленное вмешательство Византии: отправив свой флот в Далмацию и Венецию, Никифор I вновь укрепил позицию империи в северной части Адриатики. На протяжении 807-809 гг. Венеция лавировала между Павией и Константинополем, пока в 809 г. византийцы, стремясь, видимо, ограничить

сепаратизм дожей, не вступали в переговоры с королем Пипином, чему венецианские власти всячески препятствовали. "Узнав их коварство", византийский флот отбыл из Венеции, и теперь уже Пипин, "побуждаемый вероломством венецианских дожей", двинул войска на мятежный город. Такова франкская версия событий, изложенная в современных им "Анналах королевства франков" (*Annales regnum Francorum*. A. 806-810). Венецианская же традиция, переданная в начале XI в. в хронике Иоанна Диакона (*Iohan. Chron.* P. 103-104), связывает разрыв "договора, который венецианский народ издавна имел с королем Итальянским", с действиями самого Пипина. Эта же версия отразилась и в сочинении византийского императора. Подробнее см.: Cessi R. *Venezia ducale*. P. 140-151; Pertusi A. *L' Impero Bizantino e l'evolvere dei suoi interessi nell' AltoAdriatico // Le origini di Venezia*. Firenze, 1964. P. 72-73; Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P. 233-235, 345-346.

8. Альбиола на Лидо ди Пеллестрина.

9. Осада Венеции длилась с осени 809 по весну 810 г.

10. т.е. из Аквилеи и других городов, в то время подвластных франкам.

11. Константин подчеркивает здесь преданность венецианцев Византии, оставшуюся в IX-X вв. одним из элементов их официальной политической идеологии (см.: Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P. 36-43, 78-79).

12. Источник этих сведений не известен. Франкские анналы сообщают, что Пипин полностью подчинил себе Венецию, но что в октябре того же 810 года Карл Великий возвратил ее Никифору I (*Annales regni Francorum*. A. 810). Напротив, вся венецианская традиция, отраженная и в хрониках, и в полотнах А. Вичентино в Палаццо Дожей, и в поэме Л. Ариосто, повествует о победе жителей лагуны и об отступлении Пипина (ср: *Iohan. Chron.* P. 104). По-видимому, король действительно установил ненадолго контроль над лагуной, однако конфликт в целом был урегулирован не договором Пипина с Венецией, а лишь в ходе переговоров Карла с Никифором I в 810-812 гг. Ср.; Cessi R. *Venezia ducale*. P. 151-153.

13. Наложил ли Пипин на венецианцев ежегодную подать, вопрос дискуссионный (см.: DAI. II. P. 93). По договорам с Беренгарием I (888 г.), Родульфом (924 г.) и Гуго (927 г.) Венеция обязалась платить королям Италии, правившим в Павии, 25 фунтов серебра ежегодно (*MGH Legum sectio II. Capitularia. Hannoverae*, 1897. T. 2. P. 146, 149, 151). Литра равнялась 72 номисмам (в середине X в. - примерно 320 г золота).

14. Первый дука (дож) был избран в Венеции, очевидно, лишь в 726 или 727 г., и с этого времени она стала автономным дукатом в составе Византийской империи (см.: Cessi R. *Venezia ducale*. P. 90-103; Mor C.G. *Aspetti della vita costituzionale veneziana fino alia fine del X sec. // Le origini*. P. 126-131; Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P. 223-231). В юзникновении института дожей местная историческая традиция видела особую престижность - утверждение Венеции как независимого единого политического организма (ср.: *Iohan. Chron.* P. 91, 94).

15. не совсем точно: в 40-х годах VIII в. административный центр дуката переместился из "Цивитас Нова", или Гераклианы, в Маламокко и лишь в 811 г., сразу же после войны с Пипином, - на остров Риальто (см.: Cessi R. *Venezia ducale*. P. 68-69, 106-109, 154-156; Carile A., Fedalto G. *Le origini*. P. 23, 200-201, 224-225, 235-236, 339, 346).

К ГЛАВЕ 29

Глава 29 объединяет разнородный материал различного происхождения и идейной направленности. Композиционно в ней выделяется несколько плохо скомпонованных частей. Повествование о населении Далмации и о разорении ее "варварами", за которым сразу же следует описание далматинских крепостей, опирается на историческую традицию городского романского и романизованного населения Далмации и в некоторой степени служит обоснованию его приоритета перед окрестными славянами. Это повествование разбивается рассказом об истории отношений Византии с западнобалканскими народами и описанием победы императора Василия I над арабами, включающим в себя также легенду о предводителе арабов Солдане; данная часть главы отражает главным образом политические симпатии самого Константина.

1. Название "Далмация" имеет в главе разное географическое содержание в зависимости от того, идет ли речь о времени до или после варварских вторжений. Римская, а затем византийская провинция Далмация простиралась вдоль Адриатического побережья от реки Раша в Западной Истрии до устья Албанской Дрины и уходила в глубь Балканского полуострова приблизительно до реки Савы. В результате варварских нашествий VI-VII вв. территория византийской Далмации сократилась до нескольких прибрежных городов островов, перечисляемых ниже в этой главе.

2. Современных Константиноу далматинских памятников, отражающих местную историческую традицию, не сохранилось. В более поздних источниках воспроизведенная здесь легенда о происхождении романского населения Далмации не зафиксирована. Однако сама идея тесной связи Далмации и ее жителей с Римом доминировала в городской исторической мысли и разрабатывалась далматинской средневековой историографией ради обоснования превосходства жителей городов над славянским окружением (см., например, начальные главы хроники Фомы

Сплитского, XIII в. - HS). Стремясь отмежеваться от соседнего славянского сельского населения, Жители далматинских городов-коммун определяли себя как "латиняне" (Latini). Константин употребляет адекватный термин *романои, переводимый здесь как "римляне", также вкладывая в него этническое содержание. Вводя эту форму, император подчеркивает отличие далматинцев от преемников власти римлян - византийцев ("ромеев" - *ромаиои). Известно, однако, что в X в. далматинские города в этническом отношении не были однородными и уже включали в себя определенный процент славянского населения.

3. Речь идет о знаменитом дворце римского императора Диоклетиана (284-305 одним из наиболее выдающихся сооружений эпохи Поздней Римской империи, остатки которого сохранились до наших дней. Дворец был построен в местечке Аспалаф; в нем Диоклетиан, происходивший из этих мест, провел последние годы жизни после отречения в 305 г. (см. коммент. 49 к гл. 29). В VII в. в его стенах возник город Спалатум - Сплит, основанный беженцами из разрушенной варварами Салоны (см. коммент. 8, 10 к гл. 29).

4. Город на месте старого иллирийского поселения при слиянии рек Зеты и Морачи. После административной реформы Диоклетиана - центр провинции Превалис. В начале VII в. город был разрушен аvaraми и славянами. По названию города южная часть провинции получила то же наименование. Сербское название этой области - Дукля, именно ее и имеет в виду Константин. Ее славянское (сербское) население автор именует Диоклетианами. О жителях Диоклеи см. гл. 35 и коммент. 2. Употребляемая Константином форма "Диоклея", заимствованная из легендарной традиции, приписывавшей основание города Диоклетиану (см. гл. 35. 9-11) посредством вульгарной этимологизации более древнего названия (употребляемого Птолемеем и Плинием) - *Доклеа, Doclea. На связь сообщения о Диоклее с местной традицией указывает, в частности, аналогичное известие Фомы Сплитского: "на земле же гетов, которая теперь зовется Сервией или Рашкой..., он (Диоклетиан) распорядился построить город, который назвал по своему имени Диоклеей" (HS. P. 10-11).

5. Здесь Дунай указан как граница. Римской империи (ср. коммент. 1 к гл. 30).

6. Союз центральноазиатских племен монгольского, тюркского и иранского происхождения. В середине VI в. авары вторглись в степи Западного Прикаспия и далее - в Северное Причерноморье. В 558 г. в Византию прибыло их первое посольство, возглавляемое Кандихом. Империя использовала аваров для борьбы с враждебными ей черноморскими племенами (савирами). После 565 г. авары предприняли ряд походов в Центральную Европу, а в 567 г. в союзе с лангобардами разгромили гепидов и заняли их земли в Паннонии. В конце 60-х годов VI в. после ухода лангобардов в Италию и покорения аvaraми новых племен (в том числе и некоторых славянских) возникла обширная полиэтническая держава - Аварский хаганат с центром в Нижней Паннонии, откуда авары совершали набеги на славян, франков, баваров, лангобардов, а также на Византию (систематические вторжения на территорию империи начались в 70-е годы VI в.). Однако внутренняя слабость хаганата и восстания покоренных племен обусловили упадок военного могущества аваров. В 626 г. они понесли сокрушительный урон под Константинополем, в середине VII в. были вытеснены из Северного Причерноморья, а с созданием в 680 г. Болгарского царства существенно ограничилась их власть - и в Подунавье. В конце VIII - начале IX в. авары были окончательно разгромлены Карлом Великим, действовавшим в союзе со славянами. В дальнейшем авары были полностью ассимилированы народами Западного Причерноморья и Подунавья (см.: Siadeczky-Kardoss S. Avarica. Ober die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986 и приведенную там литературу).

Отождествление аваров и славян встречается и у других византийских писателей (например, у Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике). Подобное смешение имело под собой историческое основание: господство аваров над славянами в Аварском хаганате, совместные набеги аваров и славян начиная с последней трети VI в. на византийские провинции Балканского полуострова. Вторжение аваров и славян в глубь Балкан, в том числе и в Далмацию, датируется правлением императора Фоки 7. *Аллагион - в военной терминологии: сменный гарнизон, военное соединение численностью до 400 человек; место его расквартирования (см.: DAI. II. P. 189); здесь - смена войск.

8. Салоны основана сиракузскими греками в IV в. до н.э. Подчинена римлянами в 78-76 гг. до н.э. Столица римской и ранневизантийской провинции Далмация. Размеры Салоны здесь сильно преувеличены: Константинополь в VI-VII вв. насчитывал несколько сот тысяч жителей, тогда как в Салоне с окрестностями проживало, как полагают, не более 60 тыс. человек (см.: Dyggve E. History of Salonitan Christianity. Oslo 1951. P. 4). В средневековой Далмации интерес к прошлому Салоны был замечен главным образом в Сплите. Его хронисты рассматривали историю своего города в неразрывной связи с салонской и как прямое ее продолжение. Не исключено, что зафиксированное Константином представление о размерах Салоны возникло именно в Сплите.

9. Термин *клеисура (букв. "ущелье") употреблен здесь в значении "пограничное укрепление" (и одновременно "административное подразделение провинции" - см. гл. 50). Поэтому перевод Р. Дженкинза "пограничный проход" (frontier pass) неточен: в тексте идет речь о крепости Клис,

расположенной в 4 км к северу от Салоны и закрывавшей проход к Адриатическому побережью со стороны Боснии. Сам Константин под-(еркивает этимологическую близость названия крепости (*Клеиса) к глаголу ??? ("запирать", "закрывать").

10. Очевидно далматинское (возможно, сплитское) происхождение рассказа о взятии Салоны (ср. коммент. 1 к гл. 30). Об этом, в частности, свидетельствует точное географическое описание района Салоны и Сплита, отмеченное преувеличение размеров Салоны и особенно утверждение, что Клиса закрывает проход к морю идущим "с той" (восточной) стороны. Прослеживается также стремление принизить как самих аваров - славян ("безоружные племена"), так и значение их победы (одержана лишь благодаря хитрости). Впечатление грандиозности событий, изложенных в этом пассаже, использование прямой речи указывают на существование исторического предания, положенного в основу повествования. Другой рассказ Константина о взятии Салоны см. в гл. 30. Иная версия завоевания города представлена в хронике Фомы Сплитского. Пространно, с драматическими легендарными подробностями сообщает он о внезапном нападении "варваров" (в изображении Фомы - объединенных войск "готов", славян - "лингонов" и "куретов" - предков хорватов) на Салону, жители которой из-за внутренних раздоров не смогли остановить врагов, о жестоком разорении города и бегстве его жителей на острова (HS. P. 23-31). При всем отличии этой версии от рассказов Константина генетическая связь основных их элементов, отражающих, по всей видимости, историческую реальность (стремительность нападения, оттеснение романского и романизованного населения Далмации к морю), несомненна. В частности, и у Фомы отсутствует всякое упоминание о какой бы то ни было верховной власти. С одной стороны, это может объясняться сохранением исторической памяти о действительно незначительной зависимости периферийной Далмации от Византии в период варварских нашествий. Показательно в этом смысле сообщение "Летописи попа Дуклянина" (южнославянского памятника второй половины XII в., вобравшего в себя различные балканские исторические традиции) о самостоятельном выступлении против завоевателей ("готов", по терминологии "Летописи") "короля далматинцев", резиденция которого находилась "в большом и прекрасном городе Салоне". С другой стороны, в X-XI вв. в городах Далмации происходило формирование институтов городского самоуправления, развившихся в XII-XIII вв. в коммунальную систему. Этот процесс сопровождался складыванием особого городского самосознания и, соответственно, особой исторической традиции, возвеличивающей прошлое города. Этапы ее развития (в Сплите), по всей видимости, и отражены в преданиях о разорении Салоны.

Точная дата падения Салоны не установлена. Согласно археологическим данным, в начале VII в. город действительно подвергся разграблению (Katie L. Vjerodostojnost Tome Arci dakone i posljedni dani Solina // VAHD. 1952. Knj. 53). По данным Константина это событие произошло до воцарения Ираклия в 610 г. Однако большинство исследователей относит падение Салоны к 612-615 гг., опираясь на датировку последнего христианского надгробия городского некрополя (см., например: Wilkes J.J. Dalmatia. L., 1969. P. 437; Klaić N. Povijest Hrvata. S. 132). Ряд югославских ученых предлагает ныне более позднюю дату, поскольку при раскопках Салоны обнаружены византийские монеты 624/5 и 630/1 гг. (Marović J. Reflexions about the year of the destruction of Salona // VAHD. 1984. Knj. 77. S. 293-314; ср.: Jakšić N. Constantine Porphyrogenitus S. 315-326). В литературе высказана гипотеза, что река, упоминаемая в рассказе Дунай (поскольку авары и славяне перешли Дунай уже в конце VI в.), а Цетина, протекающая в нескольких километрах к юго-востоку от Салоны (Новаковић Р. Нека запажана. С. 1-17; см. также коммент. 1 к гл. 30). Намечены и возможные пути передвижения войск от Цетины к Салоне - через укрепления Асиниум (Синь) и Тилурум (Триль)/(аИ;с N. Constantine Porphyrogenitus. S. 322-325).

11. Об этих крепостях см. коммент. 3, 4, 27, 49, 53 к гл. 29.

12. Ираклий - византийский император (610-641).

13. См. подробнее гл. 31 и 32.

14. Лакуна. Предполагают, что фраза завершалась словами "были подвластны императору ромеев" (см.: DAI. II. P. 103; ВИИИ. С. 14. Бел. 20). Ср. аналогичные сообщения в гл. 31.11-12 и 32.22-23, 26-27 и далее. О перечисленных славянских племенах см. гл. 30-36.

15. Все последующее повествование о взаимоотношениях Византии с западнобалканским народами и о борьбе империи с арабами тенденциозно. Константин стремится возвеличить основателя Македонской династии Василия I (867-886), скомпрометировав его предшественников из Аморийской династии, в особенности Михаила II Травилы (820-829). Действительно, в его правление вследствие арабского наступления и восстания Фомы Славянина (820-823) империя оказалась в тяжелом положении. И ем не менее обвинение Михаила II в потере контроля над далматинскими городами необоснованно. Уже в VII-VIII вв., когда главной заботой правителей Византии была защита ее важнейших центров от внешних врагов, города периферийной Далмации обладали значительной политической автономией.

16. Византия до середины IX в. не предпринимала систематических акций против славянских племен на восточном берегу Адриатики. Эти земли принадлежали Византии лишь номинально (Ферлуга J. Византия); следовательно, заявление Константина о восстании местных славянских

племен тенденциозно и приведено с той же целью компрометации Амореиской династии. Хорватский князь в то время находился в вассальной зависимости от франкского императора. Однако далматинские города оставались фактически независимыми от Византии отнюдь не до самого воцарения Василия I. В первой половине IX в. здесь была создана подвластная империи архонтия (см. Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Т. 12), а вскоре после 870 г. она была преобразована в фему (Ферлуга Я. Византиска управа у Далмацце. Београд, 1957 С. 38-86: Ferluga J. L'anninistrazione. P. 186).

17. Об архонтах см. коммент. 10 к гл. 8 и коммент. 10 к гл. 9. Славянские вожди и правители обозначались в византийской официальной титулатуре как архонты идо.ипосж их подчинения империи (ср.: Koder J. Zu den Archontes), Опираясь на этот пассаж. И. Кодер утверждает, что архонтов для славян назначала лишь империя. Выводу Кодера противоречат, на наш взгляд, данные глав 30.77.90; 33.9; 34.5; 36.6 об архонтах сербских племен, под предводительством которых те вступили в контакт с императором Ираклием. Независимым от кого-либо (в том числе от Византии) архонтам захлумов и тервуниотов платили дань сами подвластные империи города Далмации (гл. 30. 140-142). Даже если согласиться с Кодером, что титул архонта мог жаловать лишь император, это не означает отсутствия у славян каких бы то ни было вождей (некоторые из них нам известны поименно начиная с VI в.). Ср.: Ferluga J. Archon. P 258. О некорректности высокомерного заявления Константина об отсутствии архонтов у славян см.: Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия. С. 87.

18. Здесь: старейшины рода или племени (ср.: Грачев В.П. Сербская государственность С. 199-208). Ср. коммент. 47 к гл. 32.

19. О Славиниях см. коммент. 21 к гл. 9.

20. О крещении хорватских и сербских племен и отражении этого события в сочинении Константина см. гл. 30-32.

21. Возможно, Константин имеет в виду возведение в 878 г. на хорватский престол византийского ставленника Здеслава "из рода Трпимира" (Iohan. Chron. P. 125), т.е. из правящего в Хорватии рода, права которого были таким образом признаны Византией.

22. Неретвляне, или паганы (аренданы), жили в прилегающей к Адриатическому морю области между реками Неретва и Цетина. На длительное сохранение у них языческого культа указывают следы славянской мифологической топонимии в районе южнее Сплита (см.: Skok P. Kako bizantiski pisci pifu slovenska mjesna i licha imena // Starohrvatska prosvjeta. 1927. Sv. 1. S. 68).

23. Попытка Константина толковать этникон "паганы" (лат. pagani) как славянское слово свидетельствует о незнании императором латыни. Сложный вопрос о времени усвоения славянами этого термина (в форме "поганые") для обозначения язычников и мусульман мы оставляем в стороне (ср.: Срезневский И.И. Материалы. Т. 2. S.V.).

24. b 870 г. неретвляне захватили папских легатов, которые возвращались с церковного собора в Константинополе. В результате действий направленного против них византийского флота неретвляне ненадолго признали власть империи (Chronicon Salernitanum//ActaUniv.Stockholmiensis.Studialat. 1956. Vol. 3. P. 117). Тогда же, по-видимому, произошло и их крещение (Klaic N. Povijest Hrvata. S. 217), которое Константин стремится представить как добровольное.

25. Об этом см. коммент. 15-16 к гл. 29.

26. Африканские арабы (см. гл. 14-22), уже утвердившиеся к тому времени в Сицилии и Южной Италии.

27. Солдан (т.е. султан) - Муфарит ибн Салим, эмир Бари (861-871); Кальфус, или Хальфун принимал участие в завоевании арабами Бари в 841 г. (ср. коммент. 33 к гл. 27); Сава, или Сама - в 840 г. был правителем Тарента (Васильев А.А. Византия и арабы. СПб.. 1902. С. 13)

28. Вутовы - город Будва в Черногорском приморье, в 10 км к юго-востоку от Котора, с 168 г. н.э. находился под римской властью; Росса - Росе, небольшой населенный пункт в западной части полуострова Луштицы (Ууиуфи И. О населу Россе у среднем вијеку // Исторшски записи. Београд, 1977. Кн., 34. Св. 3-4); Декатеры - Котор (см. коммент. 55 к гл. 29). В результате кампаний 866-867 гг. арабы опустошили острова Кварнерского залива и далматинское побережье. По-видимому, тогда и были разорены Будва, Росе и нижняя часть Котора.

29. Рагуза - совр. Дубровник. Арабы осаждали крепость с 866 по 868 г.

30. О патрикиях см. коммент. 17 к гл. 25.

31. Командующий флотом (ср. гл. 46 и 51).

32. Никита Оорифа, командующий византийским флотом в 853 и 867-872 гг. (см.: DAI. II. P. 104).

33. О хеландиях см. коммент. 1 к гл. 8.

34. Ст. Кириакидис предлагает конъектуру: теоовра ("четыре") вместо оарйкоута ("сорок").

35. Людовик II (ум. 875) - король Италии, император (855-875).

36. Славяне из южнодалматинских племен побережья могли находиться в составе византийского войска после снятия осады Рагузы. Упоминание о хорватах как сподвижниках

Византии неверно. Хорватского князя Домогоя - вассала франкского императора - призвал на борьбу против арабов не Василий, а Людовик (см. подробнее: Hartmann L.M. *Geschichte Italiens*. Bd. III. H. 2. S. 288 ff.).

37. Бари был взят 2 февраля 871 г. Подробнее об осаде Бари см.: DAI. II. P. 104-105; Panetta R. I *Saraceni*. P. 89-95, 105-107, а также коммент. 38 к гл. 29.

38. Изложенная Константином версия (добровольное подчинение Рагузы Василию I, бегство сарацинов в Италию от византийского флота, инициатива императора в освобождении от арабов "всей Лагувардии", которую Василий затем взял себе, отдав франкам лишь пленных) также направлена на возвеличивание деяний его деда Василия I. С этой целью и здесь Константин фальсифицирует некоторые факты. Бари был захвачен арабами в 841 г., тогда как снятие осады Рагузы, благодаря помощи посланного Василием флота, произошло только в 868 г. По свидетельству Иоанна Диякона, Бари находился в руках арабов в течение 30 лет (Iohan. Chron. P. 119). Согласно Салернской хронике, инициатором союза против арабов выступил не Василий, а Людовик II (*Chronicon Salernitanum*. P. 104). 400 кораблей Василия I прибыли в Бари в 869 г. (*Annales Bertiniani*. A. 869), но из-за франко-византийских разногласий деятельного участия в осаде города не принимали, так что уже в 870 г. византийский флот под командованием Никиты Оорифы воевал против неретвлян. Взятый в 871 г. (возможно, при каком-то содействии Византии) войсками Людовика, Бари отошел к Византии только в 876 г. Константин отмечает помощь папы в отвоевании Бари. Действительно, при Василии I наметилась тенденция к сближению Византии с папством, особенно в 70-е годы IX в., когда арабы угрожали Средней Италии.

39. Букв. "сильные", влиятельные, а также богатые люди.

40. В основе этого легендарного рассказа лежит реальное событие - заговор при поддержке Византии лангобардских герцогов против Людовика II, влияние которого в Южной Италии после взятия Бари особенно возросло. В августе 871 г. Людовика оказался пленником беневентского герцога, но уже в ноябре того же года был освобожден в связи с арабским наступлением на Беневенто (DAI. II. P. 105' Panetta R. I *Saraceni*. P. 108-110).

41. Описанная история относится, возможно, к осаде арабами Салерно. После поражения под Бари они предприняли наступление на Неаполь, Салерно и Беневенто. В 872 г. Людовик II, придя на помощь правителю Салерно, разбил арабов. Византийцы не принимали участия в этой операции, но помогали герцогу Беневенто. Так что, вопреки свидетельству Константина, не только византийцы, но и франки действовали против арабов, хотя и порознь. Причем Беневенто отошел к Византии только в 891 г. Что касается Солдана, то он не мог участвовать в осаде Салерно: он был в это время еще пленником в Беневенто. О лангобардском происхождении легенд о Солдане см.: DAI. II. P. 102.

42. Константин преувеличивает степень покорности, которую оказывали Константинополю владетели этих южноиталийских областей. Известно, например, что беневентский герцог Ландульф поддержал восстание в византийских владениях Южной Италии в 920-921 гг., разбил имперские войска и занял Апулию (*История Византии* Т. 2. С. 195).

43. Приведенное объяснение названия Раусий (Рагуза) основано на вульгарной этимологии - от романского далматинского *lau* или *lava* ("скала"). Высказывается предположение об албанском источнике (или албанском посредстве) названия "Рагуза": алб. форма *grush* ("виноград", "ягода") возводится к основе *ragus-* или *ragusi-* (см.: Калужская И.А. Об одном названии винограда в балканских языках // *Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии*. М., 1984. С. 19).

44. Питавра, или Эпидавр (совр. Цавтат) - древнее иллирийское поселение, с IV в. до н.э. принадлежало грекам, затем стало римской колонией. История разрушения города и основания его жителями Рагузы восходит к местному преданию. Сообщение Константина исторически достоверно: оно согласуется с археологическими свидетельствами. Предполагается, что Эпидавр был разрушен аварами и славянами около 614 г. (Dovan A. *Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do pocetka VI st. (do propasti Epidauruma)* // *Anali hist. in-ta JAZU u Dubr.* 1966. N 10-11). Его жители находили спасение не только на о. Раусий (в 15 км к северо-западу по побережью), но и в прибрежных укреплениях (Marovif A. *Arheoloska iskanjanja u okolici Dubrovnika* // *Ibid.* 1965. N 9-10 S. 16-29).

45. Создание крепости ("старого города") Рагузы действительно происходило в три этапа - строительство укрепления на утесах западной оконечности острова, первый городской квартал ("Каштель"), возникновение второго квартала на прилегающей территории в VIII в. ("св. Петр") и третьего ("Пустиерна") - в VIII-IX вв. (Фрейденберг М.М. *Дубровник и Османская империя*. М., 1984. С. 12-13; Lufii J. *Povijest Dubrovnika*. S. 13-15). Принимаем конъектуру Дж. Бьюри вместо испорченного места (в рукописи: ...???)

46. Признается достоверность также известия о поселении в Рагузе части салонских беженцев (Lu!it J. *Povijest Dubrovnika*. S. 15). Перечень конкретных имен взят, видимо, из списка старейших аристократических фамилий Рагузы (DAI. II. P. 106). Некоторое соответствие этому известию содержится в хронике Фомы Сплитского: "построили Рагузу и поселились в ней" жители Эпидавра

вместе с беженцами "из романского города" (HS. P. 30).

47. 6457 г. от сотворения мира = 1 сент. 948 - 31 авг. 949 г. Дата служит *terminus post quem* написания гл. 29. Падение Салоны отнесено здесь к 449 г. (ср. коммент. 10 к гл. 29). Однако цифра 500 - скорее всего ошибка переписчика: согласно конъектуре Ф. Шишича нужно *фи' (300) вместо *тау' (500). Г. Лябуда предлагает *кси' (600).

48. С церковью св. Стефана связывают развалины церкви во дворе дубровницкой епископальной семинарии. Их датировка колеблется в пределах VI-XI вв. Лишь Константин сообщает о захоронении в Дубровнике св. Панкратия (по церковной традиции - епископ Тавроминейский, обращенный апостолом Петром). Возможно, здесь отразилась попытка клира Рагузы соединить историю своей церкви с деяниями апостолов (ср. коммент. 46 к гл. 29). Филипп де Диверсис (XV в.) в описании церкви св. Стефана среди захороненных там лиц св. Панкратия не упоминает (DAI. II. P. 107).

49. Рассказ о дворцовом комплексе Диоклетиана составлен, несомненно, по описаниям очевидца. Интерпретация названия Аспалаф противоречит изображению дворца как большого, величественного сооружения (ср. объяснение названия Спалатум у Фомы Сплитского - от слова *rallantheum*, которым "древние называли большие дворцы" - HS. P. 5). В литературе наиболее признана этимология от слова ??? (разновидность терновника, распространенная на далматинском побережье). Эти известия о Диоклетиане соответствуют двум основным сюжетам, в которых он выступает в средневековой далматинской (в особенности сплитской) историографии: как строитель дворца и как гонитель христиан. Не случайно здесь и упоминание лишь дух святых - Домния и Анастасия: именно их культ оформлялся в VII-XI вв. как культ патронов сплитской церкви (Чернышев А. В. Сплитская легенда о Домнии и Анастасии и политическая реальность далматинского средневековья // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 136-138). Согласно церковной традиции, они были казнены в Салоне при Диоклетиане в 304 г. и захоронены здесь же. После варварских нашествий немало христианских реликвий, в том числе мощи святых Домния и Анастасия, были перенесены в Рим. Сообщение Константина - наиболее ранняя фиксация факта захоронения этих святых в Сплите. По местному преданию, пересказанному Фомой, первый архиепископ Сплита перенес их мощи из Салоны в бывший мавзолей Диоклетиана (HS. P. 34-35). Хотя вопрос о подлинности мощей в Риме и Сплите неясен, сам акт переноса каких-то мощей (под видом останков Домния и Анастасия) вполне вероятен в связи с утверждением сплитской церковью своих епископальных прав в качестве преемницы салонской церкви. Притязания сплитской архиепископии на первенство в Далмации ярко отразились в мифе о Домнии как ученике св. Петра. По-видимому, вопрос о связи св. Домния с деяниями апостолов наиболее остро стоял в начале X в. Церковный собор в Сплите в 925 г. признал достоверность такой традиции (Codex diplomaticus. P. 31). Очевиден отзвук этих событий и в рассказе Константина, хотя он и не упоминает о мученичестве Домния и Анастасия при Диоклетиане (DAI. II. P. 108-109),

50. Подвальные помещения без окон использовались как кладовые, тюрьмы, позднее - и как часовни (крипты).

51. Мера длины, равная примерно 2 м.

52. Пространство на верхней внутренней, за зубцами, стороне стены. Здесь несли стражу воины: с перипата они обороняли крепость (город) при вражеской осаде. Утверждение, что Аспалаф не имел ни перипата, ни бастионов, Ф. Дворник считает неточным (DAI. II. P. 109).

53. Тетрангуриум (Трагуриум, совр. Трогир) - поселение, основанное греческими колонистами в III в. до н.э. С I в. принадлежало римлянам. Местоположение города описано верно. Объяснение его названия (от слова ??? - огурец) - плод народной этимологии местного происхождения (см.: ВИИНО С. 23).

54. Римский христианский мученик III в. Захоронен в Риме. По местному преданию, погребен в Трогире, почитается как покровитель трогирской церкви.

55. Декатеры (совр. Котор) - греческое поселение, основанное после III в. до н.э. Римляне завладели им около 168 г. до н.э. Котор расположен на берегу залива, имеющего узкий выход в море. Хорошо осведомленный о положении города, Константин связывает его название с лат. *catena* ("узы, оковы") (DAI. P. 110; Kaczmarczyk Z. Miasta dalmatinske. W-wa, 1975. S. 301).

56. Христианский мученик, погибший в Никее, в Малой Азии, в середине III в. По далматинской легенде, нобили Котора выкупили его мощи у венецианских торговцев в начале IX в.

57. Храм св. Трифона был построен в начале IX в. В 841 г. разрушен арабами. Его остатки были найдены при реставрационных работах в церкви, посвященной тому же святому и построенной в XII в. (DAI. II. P. 110). Константин характеризует сооружение, которого в его время уже не существовало: свидетельство разновременности информации, приведенной в гл. 29.

58. Диадора (Ядер, Ядра, совр. Задар) - первоначально поселение либурнов, При Августе (27 г. до н.э. - 14 г. н.э.) здесь была основана римская колония. После разрушения Салоны Задар стал центром византийской Далмации. Приводимая этимология (от лат. *iam erat*) - очевидно, местного происхождения: первенствующее положение Задара подкрепляется древностью города (старше

Рима) (ср.: Suic M. Zadar S. 16-26). По сплитской легенде (HS. P. 31), город основан частью беженцев из Салоны и назван по имени реки Ядера.

59. Римская патрицианка, обращенная в христианство св. Хрисогоном (см. комме 61 к гл. 29), помогала христианам Рима и Аквилеи во время гонений Диоклетиана и была казнена в Сирмиуме (Среме). В начале IX в., по местному преданию, император Никифор I подарил ее мощи задарскому епископу Донату (Racki F. Documenta. P. 306-310). В X в. св. Анастасия была объявлена святой покровительницей Задара.

60. Данных о царе Евстафии нет: видимо, персонаж какой-то легенды.

61. Фригийский мученик времен Диоклетиана. По преданию, его мощи были перенесены из Аквилеи в Задар (Racki F. Documenta. P. 18, 21). В Задаре был монастырь св. Хрисогона, перестраивавшийся в X в. (Codex diplomaticus. P. 45).

62. Церковь св. Анастасии не сохранилась, но уцелел саркофаг, надпись на котором удостоверяет, что в нем лежат мощи св. Анастасии.

63. Халкопратийский храм находился в Константинополе, в районе торговцев медными изделиями (отсюда название - Халкопратии).

64. Церковь св. Троицы (позднее - св. Доната) сохранилась в первоначальном виде до настоящего времени. Она датируется предположительно началом IV в.

65. Векла - Крк. Арва - Раб. Опсары - Црес.

66. Лумврикат, Селво, Скерда, Алоип, Пиротима, Мелета - соответственно Бригада Силва, Шкарда, Олиб, Премуда и Молет в Задарском архипелаге. Катавтрено - остров Какау, Kerkuata около Задара. Согласно другому объяснению, это название объединяет два топонима - Tusonum, Cotunum (совр. село Кун на о. Пашман) и о. Тревено в Задарском архипелаге. Пизух отождествляется с о. Гисса (совр. о. Иж) либо с о. Дуги Оток, на котором в средневековье находился город Пчух. Скерда-кисса - предположительно остров Scardizza, Scardica около Задара или о. Кисса (совр. Паг). Название могло быть также составлено из двух частей - *Скерда (скала Шкерда возле о. Пага) и *кисса - о. Кисса. Топоним Эстениуз возник, по-видимому, в результате слияния двух названий островов - Гисса и Сеструнь (ВИИИ. С. 25-26. Бел. 61-69; DAI. II. P. 112).

67. Новейшие раскопки свидетельствуют о непрерывном существовании некоторых из бывших романских поселений, в частности в районе Салоны (Rapamc Z. Prilog proucavanju kontinuiteta naseljenosti u salonitanskom ageru u ranom srednjem vijeku // VAHD. 1980. Knj. 75. S. 189-217). Константин приводит, следовательно, тенденциозные сведения, видимо, далматинского происхождения.

К ГЛАВЕ 30

Глава 30 отличается от других наличием вводной части, содержащей отвлеченные замечания о благе познания, некоторыми особенностями стиля, в частности отсутствием характерного для других глав обращения "знай" или "должно знать" и др. Дж. Бьюри в связи с этим предположил, что глава является позднейшей интерполяцией (Bury J. V. The Treatise. S. 517-577). Происхождение, датировка, достоверность сообщений гл. 30 до сих пор вызывают споры (DAI. II. 3. 97-99).

Глава была вставлена в текст трактата, возможно, уже после его редактирования, поскольку: 1) описание захвата Салоны аварами и славянами - фактически вариант аналогичного рассказа в гл. 29; 2) сведения о хорватах противоречат тому, что рассказывается о них в гл. 29 и 31: в гл. 30 проводится мысль об их самостоятельном поселении на Балканах и об их собственной инициативе в принятии христианства. тогда как в гл. 29 и 31-36 подчеркнута определяющая роль Византии в истории западнобалканских славян. Трудно поэтому считать инициатором в составлении гл. 30 самого Константина (DAI. II. P. 101). Б. Графенауэр полагает, что она могла быть добавлена к трактату после смерти императора (Grafenauer B. Prilog. S. 15-18).

Распространено мнение о народной (хорватской и далматинско-романской) основе гл. 30: ее автор больше, чем автор 29 и 31 глав, осведомлен в исторических событиях, происходивших в Далмации (Grafenauer B. Prilog; Klaić N. Najnoviji radovi. S. 31-60), и является, видимо, уроженцем Далмации (DAI. II. P. 101, 113). Народные предания, безусловно, использованы в описании некоторых эпизодов (переселение хорватов, их борьба с франками), однако не весь текст главы можно отнести на счет хорватской или далматинской народной традиции. Не могли быть заимствованы из народных преданий сведения о границах расселения венгров и "белых хорватов" в X в., об императоре Оттоне I и т.п. (Новаковић З. Нека запажана. С. 52).

Согласно традиционному представлению, гл. 30 явилась результатом "единой переработки различных частей в новое цельное повествование" (Grafenauer B. Prilog. S. 29).

Однако анализ показывает, что эти отдельные части были написаны не только разными авторами, но и в разное время, к тому же они и не подвергались единой редакторской правке. Глава содержит как фактические противоречия - например, дважды по-разному указаны размеры территории Далмации и Хорватии (Ферјанчић Б. Структура. С. 76), так и разноречивые историографические традиции.

Дата составления гл. 30 остается спорной (Grafenauer V. Prilog. S. 26-27; DAI. II. P. 97-99). Поскольку отношения между "белыми хорватами" и венграми могли нормализоваться (как это сообщается в гл. 30) лишь после победы Оттона I над венграми при Аугсбурге в 955 г., большинство исследователей считает, что глава была составлена после 955 г., т.е. позже основного текста труда. Как *terminus ante quem* признан 973 г. - год смерти Оттона I (в главе он упоминается еще как живой).

1. Пассаж о расположении Далмации и о захвате ее славянами является, возможно, переработкой данных гл. 29 о покорении Далмации. Очевидно византийское происхождение этой части главы, на что указывают характер ошибок и расхождений с соответствующим текстом гл. 29, отразившим далматинскую традицию. В гл. 29 сообщается о распространении владений "римлян", т.е. переселенцев из Рима, до Дуная, а в гл. 30 говорится о власти над этой территорией "ромеев", т.е. подчеркивается ее принадлежность Византии, причем и сами жители Далмации именуется "ромеями". Границей Далмации здесь ошибочно назван Дунай, тогда как в гл. 29 такого утверждения нет. Неверно в гл. 30 приписано Диоклетиану и строительство Салоны. Анахронизмом является определение Далмации периода ее завоевания как фемы (об образовании фемы Далмация в IX в. см.: коммент. 16 к гл. 29). Употребление в отношении этой территории слова "западная" ясно указывает на византийский источник пассажа. По мнению Р. Новаковича, автор пассажа плохо знал природные условия Далмации, в частности, в районе Салоны и Сплита. Поэтому он опустил некоторые географические подробности, сообщаемые в гл. 29, и неверно идентифицировал безымянную реку гл. 29 с Дунаем (Новакович Р. Нека запажана. С. 17-21; см. коммент. 5 к гл. 29).

2. Южный предел Далмации после реформы Диоклетиана. Диррахий (слав. Драч, алб. Дуррес) основан в VII в. до н.э., в правление Диоклетиана - центр провинции Эпир. В начале IX в. стал столицей образованной тогда же одноименной фемы (Ferluga J. Byzantium. P. 71-85). Здесь имеется в виду территория фемы Диррахий.

1. Антибари (совр. Бар) основан романскими беженцами из Диоклеи в начале VII в., в IX-X вв. - важный оборонительный пункт Византии на Адриатике. Находился напротив итальянского города Бари, отсюда его название.

4. Влиятельные, могущественные люди.

5. Воины из свободных крестьян, наделяемые в месте службы земельными участками.

6. Венгры вторглись в Среднедунайскую низменность в конце IX в. (см. коммент. 1 к гл. 38), Сообщение о месте жительства "турок" (венгров), очевидно, является вставкой и противоречит содержащимся в гл. 29 сведениям о расположении "турок" относительно Дуная.

7. Воины сменных гарнизонов. Как показало недавно исследование, проведенное М. Григориу-Иоанниду, таксеоты (ср.: 42.23), именуемые также таксатами (ср.: 45.68), - чуждые воины особых отрядов в фемах, несущие службу в то время, когда фемное (крестьянское) ополчение распущено по домам (*Григориу-Иоанниду ??? Thessaloniki, 1985). Однако по смыслу рассказа о захвате Салоны здесь и в гл. 29 эти таксеоты размещались на границе в течение всего года, а перед отправкой туда несли службу в крепостях.

8. Имеются в виду города, упомянутые в гл. 29. Характерна уменьшительная форма - миграции хорватов (см.: Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. N 6. С. 48-67; Ditten H. Bemerkungen. S. 443-447).

10. Бавария.

11. О "белохорватах", или "белых хорватах", см. коммент. 14 к гл. 30.

12. Рассказ о приходе хорватов в Далмацию и об их победе над аварами восходит к хорватской легендарной традиции, в которой подчеркивалась инициатива самих предков далматинских хорватов в переселении и завоевании ими прав на Далмацию в борьбе с аварами. Среди имен мифических персонажей представлен эпоним - "Хорват". Происхождение других имен, обозначающих, как полагают, вождей племен, дискуссионно (DAI. II. P. 116-117). Об устойчивости отдельных мотивов поедания в местной средневековой историографии свидетельствует сообщение Фоци Сплитского о приходе в Далмацию "из Польши и Чехии" "семи или восьми колен знати" славянского племени "лингонов" (HS. P. 25), а также известие "Летописи попа Дуклянина" о появлении на Балканах "готов-славян", пришедших из "северной страны". Легенда близкая к преданию в гл. 30 об истории поселения хорватов на Балканах, но различаясь с ним по политической направленности, изложена в гл. 31. (Подробнее о различных гипотезах о расселении хорватов см. коммент. 3 к гл. 31.)

13. О длительном обитании аваров на территории Хорватии свидетельствуют также распространенные здесь топонимы с корнем *obr* (славянское наименование авар - "обры") (SiSic F. Povijest Hrvata. S. 671-680; Margetic L. Konstantin Porfirogenet S. 65-67).

14. Помимо сочинения Константина этноним "белые хорваты" встречается также в описании славянских племен во вводной части Повести временных лет: "хрорате белии к серебь, и хорутане" (ПВЛ. Ч. 1. С. 11). Поскольку название "хорваты" мы находим в самых разных частях славянского мира (данные о его распространении см.: Niederle L. Slovanske starožitnosti. Praha,

1906. Т. П. S. 244, 271; 1919. Т. III. S. 194-223), то вопрос о реальном содержании этнонима "белые хорваты" может быть решен лишь путем анализа сведений Константина о районе их местожительства. Сведения такого рода имеются не только в гл. 30, но также в гл. 31 и 32. По наблюдениям исследователей, они восходят к двум разным источникам: в гл. 30 - северного, франкского (хорваты живут за "Багиварией" - Баварией), в гл. 31 и 32 - южного, не обязательно византийского (хорваты живут "за Туркией" - Венгрией) происхождения. Однако данные обоих предполагаемых источников указывают на один и тот же район поселения "Белые хорваты" помещены у "Франгии", "близ Франгии", как хронист, по-видимому, определяет владения Оттона I (см. коммент. 16 к гл. 30), а точнее - за "Багиварией", т.е. их земля граничит с такой частью державы Оттона I, как Бавария. Другой страной, с северными пределами которой граничит земля "белых хорватов", является "Туркия", т.е. Венгрия ("белые хорваты" живут "по ту сторону Туркии"). Наконец, третий ориентир - соседство "белых хорватов" с "некрещеными сербами", т.е. сербами. Эти ориентиры показывают, что область расселения "белых хорватов" может быть локализована лишь на территории Чехии.

15. Упоминание, что хорваты имеют собственного князя, приводит к такому выводу) Константин говорит здесь не о племенном союзе, а о государстве. Его сообщение, что "Белая Хорватия" подвергается нападению печенегов (гл. 31), указывает на то, что границы этого государства заходили далеко на восток, захватывая польские и древнерусские земли (о границах расселения печенегов см. подробнее гл. 1 и 37). Столь обширным политическим объединением могло быть в середине X в. лишь Древнечешское государство (см.: towmianski H. Początki. Т. П. S. 163-168). Сообщение Константина - самое раннее свидетельство о восточных границах Древнечешского государства. Остается неясным, почему это государство выступает у Константина как "Белая", или "Великая Хорватия", а его население - как "белые хорваты". Можно лишь предполагать, что по какой-то причине на все государство было перенесено название входившего в его состав объединения "хорватов" на территории Восточной Чехии, во главе которого стояли позднее, во второй половине X в., князь Славник и его сыновья. (Об этом объединении см.: Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 97-98, 112-114.) Поскольку памятники IX-XI вв., упоминающие западнославянских "хорватов" (дополнения к англосаксонскому переводу "Истории" Орозия, грамота Пражскому епископству 1086 г.), четко отличают территорию их обитания от земли "вислян", а затем от "Краковской провинции", то гипотеза о том, что упомянутые в источниках этого времени хорваты проживали на территории Южной Польши (обоснование такой гипотезы см.: Lowmianski H. Początki. Т. II. S. 142 i pp.), не представляется уделительной. Мнение О. Дворника, что Древнечешское государство называется у Константина "Хорватией", потому что князь "хорватов" Славник был соправителем Болеслава I (DAI. II. P. 98), - лишь догадка, не подкрепленная какими-либо данными.

16. Оттон I - германский король (936-973), император (962-973). "Саксия" - Саксония, здесь: обозначение Германии в целом. "Франгия" (ср. коммент. 5 к гл. 26) в гл. 30-32 тождественна "Саксии", что связано, вероятно, с представлением о преемственности Германской державы Саксонской династии X в. от Восточно-Франкского королевства Каролингов IX в. Сообщение о том, что "белые хорваты" подвластны Оттону I, подтверждает предположение о франкском происхождении этого пассажа. Середина X в. была временем конфликтов между Чехией и империей. В течение 14 лет Болеслав Чешский вел войну с Оттоном I, завершившуюся миром лишь в 950 г. (Fiala Z. Vztah ceskeho statu k nemecké risi do počátku 13 st. // Sborník historický. 1958. 6. S. 47-49). Основываясь на этом, некоторые исследователи относят написание гл. 30 ко времени после 950 г. (DAI. II. P. 97-98). Однако следует учитывать, что мы можем иметь здесь дело и просто с отражением немецких претензий на верховенство, выдававшихся в Константинополе за реальный факт (Labuda G. Pierwsze państwo. S. 216).

17. Это утверждение Константина (возможно, результат необъективной информации немецких послов - Ibid. S. 215) не соответствует действительности. Князь чехов Борживой принял христианство из Великой Моравии еще в начале 80-х годов IX в. (Trestik D. Počátky Premyslovců. Praha, 1981. S. 87-88). Князь "хорватов" Славник в 961 г., когда его посетил по дороге на Русь архиепископ Адалберт, был, несомненно, христианином, но указание Бруно Кверфуртского на его родство (очевидно, по матери) с германским королевским родом позволяет полагать, что христианином был, очевидно, и отец Славника - современник Константина.

18. О родственных связях и дружеских отношениях "хорватских", или чешских князей с "турками" (венграми) нет каких-либо конкретных свидетельств. В 50-х годах X в. Болеслав Чешский вел войны с венграми (сведения об этих войнах попали даже во французские хроники). Однако в более ранний период, судя по ряду косвенных данных, отношения могли быть дружественными (Lowmianski H. Początki. Т. IV. S. 424, 427-430).

19. По распространенному мнению, "Иллирик и Паннония" - здесь: Славония, занятая посавскими славянами, образовавшими там собственное княжество. По косвенным данным, оно вошло в состав хорватского государства при князе Томиславе (ок. 910-928) (Klaic П'. Povijest

Hrvata. S. 277-279), что, как полагают, и отразилось в этом сообщении (Sisic F. Povijest Hrvata. S. 406; Grafenauer B. Prilog. S. 70). И во франкских источниках при описании военных действий Каролингов против аваров в конце VIII в. "Иллириком и Паннонией" названы земли между Савой и Дунаем (ср.: Annales Laureshamienses. A. 791 // MGH Scriptores. Hannoverae, 1826. T. I. P. 19-20). Л. Маргетич предполагает франкское происхождение приведенного известия (Margetic L. Konstantin Porfirogenet. S. 87).

20. Подчинение хорватов франкам возводится здесь ко времени, когда они еще жили "за Багиварией". Однако первые достоверно известные контакты франков и далматинских хорватов датируются самым ранним концом VIII в. Хорватский князь стал вассалом франкского монарха, вероятно, в начале IX в. По договору 812 г., Византия, которой формально принадлежала Далмация, признала права Каролингов на земли, заселенные хорватами. После раздела Франкской империи и до конца 70-х годов IX в. князь Далматинской Хорватии подчинялся королю Италии. Искажение хронологии событий может объясняться логической конструкцией самого автора этой части главы: исходя из того, что "Белая Хорватия" (с которой он отождествлял Чешское государство) граничила с "Франгией" и зависела после 950 г. от Оттона I, он перенес современную ему ситуацию на "прародине" хорватов и на период их переселения в Далмацию (Ронин В. К. Франко-хорватские отношения. С. 63).

21 О восстании далматинских хорватов против франков другие источники не сообщают. В настоящее время в основном принята выдвинутая еще Э. Дюммлером точка зрения, что описанные здесь события связаны с известным по франкским источникам выступлением посавских славян во главе с Людевитом Посавским (819-823). Вместе с тем, между франкскими анналами и сочинением Константина есть существенные противоречия: выступление хорватов, согласно гл. 30, имело место в Далмации, в действительности же князь далматинских хорватов Борна участвовал в борьбе против Людевита на стороне франков; известиям о поражении Людевита противоречит сообщение в гл. 30 о победе и освобождении хорватов. Видимо, народная традиция, зафиксированная в гл. 30, не различала славянское население Далмации и Посавья и превратила поражение в победу. Кроме того, в гл. 30 явно преувеличена степень зависимости хорватов от франков и вообще интенсивность прямых контактов обоих народов. (Подробнее см.: Ронин В.К. Франко-хорватские отношения. С. 60-68.) Предание о борьбе против франков могло сохраниться у гачан (племени, подвластного Берне, но временно, согласно франкским анналам, перешедшего на сторону Людевита), а затем было воспринято хорватами. Информатор Константин основывался здесь, очевидно, на хорватской традиции, отразившей большой размах антифранкских выступлений 818-823 гг.; гипертрофированное же изображение жестокости врага делало победу над ним более значимой для судьбы народа.

22 Христианизация хорватов отнесена в гл. 30 к периоду после их освобождения от франкской зависимости. В действительности же их крещение было осуществлено, очевидно, в начале IX в. миссионерами из Аквилейского патриархата. Только принятием христианства из Аквилеи можно объяснить и почитание в Хорватии аквилейских святых, франкские имена священников в хорватских грамотах IX-X вв. и связь хорватской епископии в Нине (первое документальное свидетельство о ней относится к концу 20-х - началу 60-х годов IX в.) с Аквилеей и Римом (Klaic N. Povijest Hrvata. S. 191-206; Акимова О. А. формирование. С. 226-227). Ныне признано, что Порин в гл. 30 и Поргвгл.31-одно и то же лицо: хорватский князь Борна (ум. 821). Вполне возможно, что в его правление и произошло крещение хорватов. В конце IX - первой трети X в. хорватские церковные и светские деятели стремились создать независимую от Сплитской архиепископии церковь или даже содействовать обретению хорватским епископу более высокого положения среди далматинских епископов (Акимова О.Л. Формирование. С. 240--241). Вероятно, сообщение о принятии хорватами крещения из Рима - результат смешения хорватских преданий о крещении при Борне и сведений о культивировавшейся в Хорватском государстве идее автокефальности местной церкви.

23 Термин "жупания" впервые зафиксирован именно в гл. 30 трактата Константина. Так здесь обозначены 11 областей Хорватского государства. Названия жупаний не связаны с племенными наименованиями (ср. упоминание жупанов в 29.67 и коммент. 18 к гл. 29), а обозначают территориально-административные единицы Хорватия

24 Хлевиана - область к востоку от р. Цетины, вокруг города того же названия (совр. Ливно); Цендина - область в среднем течении р. Цетины; Имота - область вокруг города Имотски; Плева - область в нижнем течении р. Пливы при впадении в р. Врбас с центром в городе того же названия; Песенда - область в Северо-Западной Боснии, в долине верхнего течения Уны и Саны, центр ее был на месте современных развалин Грмеч-града; Парафалассия ("Прибрежная") - возможно, клисская жупания на адриатическом побережье между р. Цетина и р. Крка; Вревери - область с центром в городе Брибир между р. Крка и побережьем; Нона - область вокруг города Нин; Тнина - область вокруг крепости того же названия на р. Крка, на пути, связывающем Подунавье с Адриатикой; Сидрага-точное местоположение не выяснено, находилась, возможно, на побережье и центром ее был город Биоград; Нина - предположительно жупания Лука, между Книном, Нином,

Сидрагой и Брибиром (ВИИНЈ. С. 33; Klaić N. Povijest Hrvata. S. 285-288).

25. Бан. Этимологически этот термин связан, очевидно, с аварским "баян" ("богатый") - термином, употреблявшимся у аваров для обозначения высокого военного звания. Как правило, банов считают наместниками хорватского князя, затем короля, наделенного большими военными, судебными и административными полномочиями. Поэтому аналогию системе власти в Хорватии усматривают в структуре Аварского хаганата периода его распада, где имело место двоевластие хагана и югура - выходца из среды военной аристократии.

26. Три выделенные области, по-видимому, соответствуют современным областям Крбава, Лика и Гацка. В этих жупаниях сохранилось большое число аварских топонимов, свидетельствующих, как кажется, о длительном пребывании в них остатков аварских племен, управляемых баном (SiSic F. Povijest Hrvata. S. 378-380). Эти области играли роль политического центра в процессе объединения хорватских земель (Klaić N. Povijest Hrvata. S. 207 i d.). Указанные жупании и области, управляемые баном, расположены в средней части Далмации и не охватывают всей территории Хорватии, которая (ср.: 30. 113-116) простиралась от р. Цетины до Истрии. Это противоречие можно объяснить либо тем, что сведения о жупаниях относились к IX в. (когда Хорватия занимала меньшее пространство), а данные о ее границах - к середине X в. (Новаковић Р. О неким питањима. С. 156), либо тем, что у автора не было известий обо всех хорватских жупаниях (Ферјнчић Б. Структура. С. 76). Подробнее описаны жупании, находящиеся вблизи адриатического побережья, прилегающего к Сплиту, откуда, возможно, и получена вся эта информация (DAI. II. P. 121).

27. Важное свидетельство универсальности употребления термина "Славиния" как обозначения социально-политической организации славян, а не только территории их расселения. Ср. гл. 9. 10 и коммент. 21 к гл. 9.

28. Диррахий - см. коммент. 2; Элисс - Льеш; Элкий - Улцинь; Антибари - см. юммент. 3 к гл. 30.

29. Это известие о Травунии без Конавле может относиться только ко времени до 945 г., т.е. до их объединения в этом году (Ферјнчић Б. Структура. С. 76). См. коммент. 3 к гл. 34.

30. Оронтий - р. Неретва.

31. Граница между Хорватией и Захлумьем могла проходить в направлении верхней Боснии и верхнего течения Врбаса (Новаковић Р. О неким питањима. С. 177).

32. ??? - букв: "у головы". Мы видим и здесь след информации с побережья - оттуда восточная часть страны предстает как "голова". Р. Дженкинз предлагает читать: "спереди (at the front)". Тогда пишущий судит, видимо, с точки зрения Константинополя, называя восточную границу захлумов "передней", "главной".

33. Зендина (ниже - Цендина) - р. Цетина. Выше перечислены жупании Хорватии: Цендина в среднем течении Цетины, Хлевиана (Ливно) и Имотски к востоку от р. Цетины. Поэтому упоминание р. Цетина может указывать здесь не на рубеж Пагании в буквальном смысле слова, а лишь на направление ее северо-западной границы. Возможно и другое объяснение. Сведения о границах Пагании о сносились ко времени, когда Хорватия лишилась областей, расположенных к востоку от Цетины. О Пагании см. гл. 36.

34. Растоца - область вокруг современного Растоха на одноименном озере возле Вргорца; Мокр - приморская область, ее центр находился, видимо, на месте современного села Макра, неподалеку от города Макарска; Дален - вероятно, область вокруг современного местечка Доле на притоке Неретвы - Требижате.

35. Мелеты - о. Млет; Куркра - о. Корчула; Враца - о. Брач; Фарос - о. Хвар. См. также гл. 36. 16-21.

36. Имеются в виду, очевидно, романизованные жители Далмации, переселившиеся на острова. Впрочем, они, по всей видимости, занимались и виноградарством, а ниже (30.120-121) прямо сказано, что главным их занятием было земледелие.

37. Алвун (совр. Лабин) - древний римский город в Истрии.

38. Это сообщение используется как основное доказательство хорватской колонизации Восточной и Центральной Истрии (Klaić N. Povijest Hrvata. P. 102), которая никогда не была особой византийской фемой.

39. Здесь, возможно, указаны границы Хорватии в середине X в. Территория ее по яравнению с ее первым описанием расширена в северо-западном направлении до Истрии, но Хорватия тогда уже утратила, вероятно, жупанию Имотски, к востоку от р. Цетины. Информация, относится, по-видимому, ко времени после смерти хорватского князя Томислава (929 г.), когда сербский князь Часлав захватил часть хорватских земель. Выше сказано (30.104-105), что Цетина служит границей между Хорватией и Паганией, так что в данном случае под Сербией можно понимать именно Паганию, которая, согласно гл. 32.5-7, 84-85, находилась под властью архонта Сербии. Данные о границе Хорватии и Сербии противоречат предыдущему пассажи о границах Захлумии - на севере с Хорватией, а на востоке с Сербией. Возможно территорию Захлумии автор также включал в состав земель, принадлежавших Сербии. Ныне считают, что граница между Хорватией и

Сербией проходила от Бреда и Биокова на север, далее между Ливно и Дувно к р. Пливе западнее Яйце (Новаковић Р.7 О неким питанџима. С. 177).

40. Рассказ об урегулировании отношений между романскими жителями далматинских городов и их славянским окружением в деталях схож - до сообщения об уплате подати - с эпизодом из хроники Фомы Сплитского, где эта тема затрагивается только в связи с историей Сплита. Фома пишет, что бывшие жители Салоны нашли вначале убежище на островах, но "из-за скудости земли и недостатка воды" вернулись на материк. Обосновавшись во дворце Диоклетиана (в Сплатуме), "они стали мало-помалу выходить и обрабатывать близлежащие земли". Узнав об этом, завоеватели (у Фомы - готы и славяне), не желая выпускать их за пределы поселения выступили с войском, "разоряя все возделанное ими". Тогда обитатели Сплатума (Сплита) направили посольство в Константинополь, чтобы "им было позволено жить в Сплите и по старинному праву владеть территорией своего города Салоны" Разрешение от императоров было получено, "варварам" же наказывалось не чинить бед бывшим гражданам Салоны. С тех пор граждане Сплита стали жить со славянами в мире и дружбе (HS. P. 31-33). Сходство текстов Константина и Фомы свидетельствует о длительном существовании местного предания, отразившего, видимо, процесс утверждения власти хорватов на далматинских землях и урегулирования в этой связи отношений с Византией. Трудно сказать, какой традиции принадлежало это предание - хорватской или далматинской. Его хорватское происхождение выдают как будто и сам сюжет, и его изложение, в частности, стремление подчеркнуть значительность дани: она оценивается выше, чем выплачиваемая денежная сумма. Однако возможен и далматинский его источник - в средневековой традиции Далмации хорватские правители безоговорочно признавались законными владельцами далматинских земель, получившими это право "от своих отцов и дедов" (HS. P. 39).

Упоминание Василия I как инициатора установления "подати мира" (как ее называют в югославской литературе) согласуется и с его политикой по упрочению власти Византии в западнобалканских землях, и со сложившейся здесь в то время политической ситуацией. Текст Фомы Сплитского во многом объясняет подоплеку выплаты городами указанных в гл. 30 сумм: по всей видимости, оплачивалась обрабатываемая горожанами земля, расположенная за городской территорией. Обложение Сплита более высоким налогом могло объясняться тем, что его жители пользовались также землями своей "старой родины" Салоны (ср.: ВИИН-Г. С. 36-37). Незначительные размеры сумм указывают на их символический характер, но самый факт уплаты дани означал признание прав славян на эту землю. Поэтому добровольная передача славянам права сбора пакта, принадлежавшего ранее византийскому наместнику в Далмации - стратегу, свидетельствовала как о нестабильности позиций Византии в Далмации, так и об укреплении Хорватского государства, а также захлумского и травунского княжеств.

41. О номисме см. коммент. 3 к гл. 22.

К ГЛАВЕ 31

Главы 31-36 и по сюжету и по идейной направленности являются продолжением гл. 29. В них демонстрируется ведущая роль Византии в расселении славянских народов в западной части Балканского полуострова и в организации их политической жизни В гл. 31 вновь, как и в гл. 30, идет речь о поселении хорватов на Балканах, их войне с аварами, крещении и т.д. Здесь также использована местная историческая традиция. Однако Константин, выполняя данное в гл. 29 обещание рассказать о распространении власти империи на "Далмацию и соседствующих с нею народах", начиная с эпохи Ираклия (610-641) и развивая тезис о чрезвычайной роли этого императора в истории хорватов и сербов, представляет иную трактовку упомянутых событий. Константин проводит здесь мысль о полной покорности хорватов Ираклию, но в отличие от гл. 30 тут не названы семь предводителей - прародителей хорватов, хотя указано на наличие у переселявшихся хорватов "архонта" (князя). Два варианта предания о переселении хорватов отражают, по-видимому, борьбу различных направлений в истолковании хорватами древнейшего периода своей истории, т.е. столкновения старых племенных сказаний и новой, княжеской традиции. Сама же эта борьба была порождена условиями формирования раннесредневековой хорватской государственности на Балканах (Наумов Е.П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 169-171).

1. Географическое описание области расселения "белых хорватов" в целом совпадает с сообщениями гл. 30, хотя источники обеих глав имеют разное происхождение. Для гл. 31 сведения о "белых хорватах" получены явно из византийского источника, на что указывают слова: "белые хорваты... обитают по ту сторону Турции, близ Франгии" (ср.: 30.62 - "за Багиварией". См. также коммент. 14 к гл. 31). "Некрещенные сербы", упомянутые как соседи "белых хорватов", - это "белые сербы" гл. 32.2-7. Они, как полагает Ф. Дворник, жили в Саксонии (DAI. II. P. 124, 130-131). Однако эта локализация противоречит данным гл. 32 о том, что "белые сербы" живут около Франгии, под которой в гл.30-32 подразумевается Восточно-Франкское (Германское) королевство, включавшее в

себя и Саксонию. "Белые сербы" в середине X в. находились, видимо, в районе Верхней Вислы (см. коммент. 2 к гл. 32), и поскольку соседями "белых хорватов" названы Германское королевство (с запада) и "Туркия" (с юга), естественно предположить, что "некрещенные сербы" были их северными соседями. В таком случае с востока область расселения "белых хорватов" ограничивалась Карпатами, со стороны которых, по представлениям Константина, на них могли совершать набеги печенеги (32.86-87; Ср. коммент. 1 к гл. 3). Таким образом, ареал расселения "белых хорватов", согласно описанию в гл. 31, как и по данным гл. 30, совпадает с территорией Древнечешского государства.

2. Приводимая здесь этимология этнонима "хорваты" по другим источникам неизвестна; возникла она, очевидно, не на славянской, а на греческой почве (от *chora* - "область", "страна"). Основания для такой трактовки видели, возможно, и в сведениях о разбросанности поселений разных частей этого этноса на большой территории. Распространено мнение о происхождении названия *xъгуагъ* от древнеир? некого (*fsu*-)*haurvata* - "страж скота" (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4. С. 262; другие мнения см.: Lowmianski I. *Poczatki*. Т. II. S. 127-142).

3. Сочинение Константина - наиболее ранний и относительно достоверный памятник, содержащий описание поселения хорватов на Балканах. Поэтому реконструкция ранних этапов их истории строится главным образом на сопоставлении известий в главах 30 и 31. Обычно появление хорватов на Балканах датируют 20-30-ми годами VII в. К этому времени занятые ими впоследствии территории уже были заселены какими-то славянскими племенами, подвластными аварским хаганам, и самими аварами. В борьбе славянских племен против аварского хаганата в 20-х годах VII в. в Приморской Далмации сложился под главенством хорватов племенной союз, в который вошли и находившиеся ранее под аварским господством славяне, и остатки аварского населения. Этнополитическая консолидация этого объединения способствовала утрате старых славянских племенных наименований (за исключением названия племени гачан) и закреплению общего этнонима "хорваты", известного в источниках с IX в. Возможно, именно поэтому предания о переселении знают только аваров как обитателей Далмации, с которыми столкнулись хорваты, но не упоминают славян. Менее распространено в литературе иное мнение, основанное главным образом на данных гл. 30. Согласно ему, хорваты появились в Далмации в конце VII в., во время военных действий франков против аваров; причем древней родиной хорватов называется Карантия (Margetic L. *Konstantin Porfirogenet*. S. 5-88; Klaić N. *Najnoviji ratovi*). Однако доказательств этой точки зрения весьма спорны (ср.: Suic M. *Ocijena radnje L. Margetica // Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. 1977. Sv. 8. S. 89-100). Существенно, что не подкрепляют ее и франкские памятники. Указание на факт переселения на землю империи хорватов ранее сербов является, по всей видимости, редакторской вставкой - с целью объяснить, почему сербы не приняли участия в войне хорватов против аваров и почему Ираклий расселил сербов на уже освобожденной от аваров земле (см. об этом в гл. 32) (ср.: DAI. II. P. 124). Версия о победе хорватов над аварами при расселении в Далмации повторяет основные моменты хорватского предания гл. 30. Указания на "волю" Ираклия являются, видимо, результатом обработки хорватского предания Константином в соответствии с византийской политической традицией. Ряд исследователей, однако, отмечая заинтересованность Византии в союзниках против аваров в начале VII в., считают данные о договоре Ираклия с хорватами достоверными. Ф. Дворник относит его заключение приблизительно к 626 г., когда Константинополь был осажден персами, аварами и славянами (DAI. П. P. 124).

4. Как уже отмечалось выше, в гл. 31 нашло отражение становление княжеской династической традиции в осмыслении хорватами своего прошлого. Большое значение при этом имело, очевидно, воссоздание генеалогии древнейшего хорватского правящего рода, связанной с именем князя Борны (Порина/Порги - см. коммент. 22 к гл. 30). Согласно более поздним далматинским источникам, княжеская традиция развивалась в направлении поиска знатных предков, сначала среди готов, а позднее среди известных в прошлом греков и римлян (Акимова О.А. Развитие средневековых представлений о происхождении хорватов // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. -М., 1988). С утверждением этих новых версий из хорватской традиции исчезают сведения о судьбе Борны (Порина/Порги) и членах его династии.

5. Как и в сообщении о переселении хорватов (см. коммент. 3 к гл. 31), здесь также очевидна переработка хорватского предания о крещении, зафиксированного в гл. 30. Его основа (крещение из Рима при Порине/Порге) сохранена, но добавлено указание на определяющую роль в этом событии Ираклия, который и привел священников из Рима, назначил иерархов местной церкви и крестил хорватов. Характерно расхождение данного сообщения со следующим ниже замечанием о получении хорвагами при Ираклии некоего предписания от папы римского, "пославшего священников и их крестившего" (ср. о том же гл. 30.88-90). Недостоверность версии о крещении хорватов при Ираклии признается большинством исследователей. По данным археологии (особенности погребального ритуала), славяне Далмации в VII - начале IX в. оставались в основном язычниками (BeloSevii-1. *Materijalna kultura odVII do IX stoljeca*. Zagreb. 1980. S. 78-79). Согласно косвенным свидетельствам, могли иметь место лишь единичные случаи крещения

хорватской знати. Так, папа Агафон в 680 г. уведомлял Константина IV о деятельности римских миссионеров среди славян, которых обычно идентифицируют с хорватами (Rvornik F. *Byzantium, Rome, the Franks and the Christianisation of the Southern Slavs // Cyrillo-Methodiane*. Köln; Graz, 1964. S. 90). Далматинская традиция сохранила полулегендарные свидетельства о привлечении "грубых народов" Далмации и их вождей к христианству в VII в.

6. См. коммент. 3, 8, 10 к гл. 29.

7. Другие источники о подобном договоре не сообщают. Ф. Дворник (DAI. II. P. 126-127) полагает, что в этом свидетельстве соединены местные предания об установлении (в результате деятельности христианских миссионеров) мирных отношений между жителями городов византийской Далмации и славянами вскоре после их переселения (см. хронику Фомы Сплитского - HS. P. 33) со сведениями о римско-хорватских отношениях из писем папы Иоанна VIII хорватскому князю Бранимиру в 879г. (Codex diplomaticus. P. 14-15, 18-20). Папа писал, что за свою верность богу Бранимир получит поддержку святых Петра и Павла и апостольского престола и одержит легкую победу над всеми "явными и скрытыми врагами", упоминая о каком-то предписании, направленном "всему народу" Бранимира. Мнение об отражении в этом пассаже сведений о правлении Бранимира объясняет и умолчание здесь о его имени: устраняется хронологическое несоответствие - в гл. 31 речь идет о договоре хорватов с Римом в правление Ираклия, обходится и деликатный факт - убийство Бранимиром в 879 г. византийского ставленника на хорватском престоле Здеслава (захватив власть, Бранимир отверг зависимость от Византии).

8. Хронология, идентификация лиц и само содержание рассказа о Мартине во многом остаются загадочными. В Терпимере видят и князя Трпимира I (около 845-864) (о его сыне Красимире - Крешимире ничего не известно), и Трпимира II (около 928-935), и его сына Крешимира (около 935-945). О Мартине (видимо, миссионере из аквилейского патриархата) достоверных сведений нет. Предполагают, что он либо жил в X в. и может быть отождествлен с папским посланником Мадальбертом, либо идентичен ученому бенедиктинцу Готтшалку, жившему при дворе Трпимира I, либо, наконец, имеется в виду аббат Мартин, собиравший в VII в. в Далмации, как повествует Фома Сплитский, христианские реликвии (ВИИНJ. С. 43; DAI. II. P. 127-128).

9. Длинные суда и кондуры - виды военных кораблей. По другим источникам не известны.

10. В окрестностях Нина археологи обнаружили остатки судов для прибрежного плавания, датируемые XI в. Возможно, хорватские города играли роль центров морской торговли уже в IX-X вв. (BrasicZ. *Nin, Zdrijac-Starohrvatski brodovi//Arheoloski pregled* 1974 T. 16. S. 133-144).

11. Константин умалчивает здесь о том, что в начале IX в. хорватский князь был вассалом франкского императора. С середины IX в. Хорватия проводила вполне самостоятельную политику и действительно не подчинялась правителю Болгарии. И в этом месте император подчеркивает, что именно Византия, а не Болгария имела законные права на Хорватию.

12. В литературе распространена точка зрения ф. Шишича, согласно которой здесь идет речь о войне Бориса (в крещении Михаила) (ум. 907), болгарского князя (852-889, 893), против Трпимира I между 854 и 860 гг. (Sisic F. *Povijest Hrvata*. S. 335; Klaić N. *Povijest Hrvata*. S. 221. i d.; ср.: DAI. II. P. 128-129). Остается неясным, почему Константин считает здесь военные действия Бориса единственным походом болгар против хорватов, умалчивая о войне царя Симеона с хорватами в 927 г. и о победе хорватов, хотя об этом говорится в гл. 32. Характерно, что имя хорватского князя Томислава не упоминается при этом ни здесь, ни там. Ниже в гл. 31 перечислены правители Хорватии X в., но Томислав опять же не назван, хотя именно с ним связывается расцвет ранне-средневекового Хорватского государства. Не исключено, что в замалчивании имени Томислава прослеживается определенная тенденция.

13. Ср. с высказыванием относительно "пакта" сербов (DAI. 32.56-57). Константин явно утверждает мысль о законности прав империи на хорватские и сербские земли и на необоснованность претензий на них со стороны Болгарии.

14. Указанные города расположены главным образом на небольшой территории средней части Далмации от Нина до Скрадина, откуда, возможно, и происходит информация. Их список выглядит произвольным. Нона (совр. Нин) - древнеримский город в Либурнии, недалеко от Задара. Позднее - столица жупании того же названия, резиденция первых хорватских князей и епископов хорватской церкви. Белеград - совр. Биоград-на-мору. Белицин - точное местоположение не установлено; возможно, это разрушенный город Билицы возле Скрадина. Скордона - совр. Скрадин в бывшей Брибирской жупании. Хлевена - совр. Ливно у истока Бистрицы, столица одноименной жупании. Столпон - вероятно. Ступиц возле Рогозницы. Тенин - совр. Книн, бывший центр одноименной жупании. Кори - Карин на одноименном заливе близ Задара. Клавока - вероятно, Клобук (ВИИНJ. С. 44; Klaić N. *Povijest Hrvata* S. 288-289).

15. Данные о численности войска отнесены ко времени "до архонта Красимера", т.е., видимо, ко времени Томислава. Численность пешего войска явно преувеличена (Klaić N. *Povijest Hrvata*. S. 284; ср.: Grafenauer V. *Prilog*. S. 31, bilj. 97). Вероятно, преувеличено и число кораблей. Далматинские города в X в. еще не были завоеваны Хорватией, поэтому трудно предположить, что хорваты имели крупный флот.

16. Крешимир, правитель Хорватии (около 935-945). Ослабление Хорватии было вызвано внутренними усобицами при Мирославе (945-949), который был свергнут баном Прибуной (Прибиной), действовавшим в интересах младшего брата Мирослава - Михаила Крешимира (Sisic F. *Povijest Hrvata*. S. 434-436, 431; ср.: Markotic V. *No ton Hrobaton Theos*. P. 27).

17. В правление Михаила Крешимира. Лакуны в рукописи на месте цифровых данных. возможна лакуна и после слова ????. Поскольку в рассказе о хорватских правителях сообщается и о событиях после смерти Мирослава, весь пассаж 31.75-82 считается позднейшей интерполяцией (DAI. II. P. 4, 99).

18. Употребленный здесь термин "Великая Хорватия" послужил основанием для представлений о существовании в древности в Прикарпатье большого объединения "хорватов", охватывавшего обширные территории Польши, Чехии и Западной Украины. Следует отметить, что в этом месте своего труда, как и в гл. 32.5-6, Константин имеет в виду одно и то же этнополитическое образование, локализуемое, бесспорно, на территории Чехии (Labuda G. *Chrowacja Biate czyli Wielka* // SSS. W-wa. 1961. T. I. Cz. 2. S. 255-256). Исследователи справедливо обращают внимание на противоречия между сообщениями Константина о "белых хорватах" в гл. 30 и 31 его труда. В гл. 30 говорится, что "хорваты" подвластны правителю "франков" Оттону I и вступают в дружественные отношения с венграми, в гл.31 говорится о нападениях "франков"и "турок" (венгров) на их землю. Большинство исследователей полагает, что сведения гл.31 отражают положение до 950 г. - года заключения мира между Болеславом I Чешским и Оттоном I, а сведения гл. 30 - положение после 955 г., когда Болеслав оказывал военную помощь Оттону I в его войне с венграми (*Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxonicarum libri tres*. III, 44), завершившейся поражением венгров на р. Лех, после чего их набеги на страны Центральной Европы прекратились (см.: Lowmianski H. *Poczatki*. T. II. S. 168-169). Иную точку зрения отстаивает Г. Лябуда. По его мнению, гл. 30 составлена раньше, чем главы 29, 31. Он полагает, что текст гл. 30 написан в период конфликта Болеслава с Оттоном I (и соответственно мирных и дружественных отношений с венграми). В пользу такого понимания говорит именование "хорватов" (чехов) некрещеными, уместное в период конфликта в устах немецких послов (Labuda G. *Pierwsze panstwo*. S. 215-216, 229-230). Гипотезу Лябуды ослабляет то, что он не дает ответа на вопрос о соотношении известий о "белых хорватах" в гл. 30 и 31. "Балтийское море" (DAI. II. P. 130).

К ГЛАВЕ 32

Глава содержит уникальные сведения о поселении сербов на Балканах и о древнейших сербских князьях, почерпнутые из сербских источников. Главным и наиболее пространным из них была, видимо, так называемая "Хроника сербских правителей", или "Хроника сербских князей", текст которой, вероятно, был дополнен и отредактирован (возможно, даже неоднократно) византийскими авторами (Острогорски Г. *Порфиригенитова хроника*. С. 79 и след.; Максимовић Л. *Структура*. С. 25-32). Заслуживает внимания предположение Дж.Сп. Радоичича, что старинные сербские предания и "Хроника" могли быть сообщены византийцам в начале X в. сербским князем Захарием Прибиславичем, жившим некоторое время в Константинополе и, бесспорно, заинтересованным в обосновании своих прав на престол с целью получения поддержки византийского двора (Радојичић Сп. *Руварчево место у српској историографији* // Матица Српска. *Зборник за друштвене науке*. 1956. N 13/14. С. 193).

1. Этимология имени "сербы" дискуссионна. Предложенные объяснения из славянских, кавказских и других языков не находят широкого признания (ВИИИ. С. 48-49. Бел. 150; Ditten H. *Bemerkungen*. S. 446-447; *Историја српског народа*. Кн. 1. С. 144. Бел. 9). Использование в сочинении Константина каких-то сербских источников подтверждается тем, что, как и в житии Василия I, он приводит этноним "сербы" со вставным "л", в соответствии со старосербской формой "Срьбли" (Жречек К. *Историја*. Т. 2. С. 1-3); между тем, как известно, в латинских памятниках, как и позже в Византии, обычно употреблялась транслитерация "Серви", "Серби". Примечательно, что использование этнонима в старосербской форме (включавшей "л") отразилось и в истолкованиях составителями гл. 32 терминов "сервилы" и "цервулианы", хотя они иного корня и иного происхождения.

2. Проблема локализации закарпатской прародины сербов ("Белой Сербии") (ср: 31.6; 34.4,6) также остается дискуссионной (Наумов Е.П. *Формирование этнического самосознания древнесербской народности* // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982. С. 182-183 *Историја српског народа*. Кн. 1. С. 144-145). Согласно мнению одних, "некрещеную Сербию" следует искать в бассейне Вислы, что находит некоторое подтверждение в гл. 33. 17-19 о переселении предков захумских князей на Балканы именно из этих областей Центральной Европы (ВИИИ. С. 47. Бел. 146 *Историја Црне Горе*. Кн. 1. С. 292-293 с картосхемой топонимов типа "сарб в бассейне Вислы и Одера). Согласно другой точке зрения, прародина балканских сербов находилась там же, где издавна жили сербы-сорбы между Одером, Заале и Эльбой (Новаковић Р. *Олакле*. С. 362. 386-387; Ditten H. *Bemerkungen*. S.

441; ср.: ВИИНЖ. С. 47. Бел. 146). Р. Новакович при этом допускает, что прародина сербов и хорватов включала всю территорию от Вислы до Эльбы и Заале, хотя он одновременно отделяет "вислян" (предков населения Захумья) от "некрещеных" сербов, т.е. полабских, по его мнению, славян (Новаковић Р. Одакле. С. 362). Ссылки сторонников первой точки зрения на отсутствие лингвистических следов полабского происхождения сербов (в самом сербохорватском языке) отводятся сторонниками второй указанием на невозможность установить для VI-VII вв. какие-либо резкие языковые различия внутри всеславянского языка (Ditten H. Bemerkungen. S. 442). В то время, когда император писал свой труд, сербы не просто "граничили с Франгией", но были уже подвластны германским королям.

3. Венгерское государство в границах середины X в. (см. коммент. 1 к гл. 33).

4. О локализации и толковании топонима "Воики" (Бойки?) ведутся споры. Одни ученые склоняются к отождествлению этого топонима с латинским наименованием современной Константину Чехии (т.е. "Бойки" - искаженное "Богемия", страна бойев"), другие идентифицируют "Воики" с названием "бойков", этнографической группой в Карпатах (ВИИНЖ. С. 46. Бел. 145).

5. О "Белой Хорватии" см.- коммент. 11, 14 к гл. 30, коммент. 1 к гл. 31.

6. Константин переносит здесь административно-географическое понятие своего времени на эпоху императора Ираклия (610-641).

7. Рассказ о первоначальном переселении сербов в окрестности города Сервия ("Сервлия") вызывает сомнения (ВИИНЖ. С. 47-49. Бел. 148 и 153). Примечательно, что составители гл. 32 искажают его название (обычно в византийских источниках город именовался "Сервия", а не "Сервлия"). Вероятно, авторы стремились найти (на самом деле ложные) параллели с этнонимом "сербы", имея в виду старосербское "срѣбли", а вместе с тем расширить скудные сведения о древней истории сербов и их переселении на Балканы, первоначально будто бы в этот район (к юго-западу от Фессалоники) византийских владений (разумеется, употребленный здесь термин "фема" для первой половины VII в. - анахронизм). Фантастичность рассказа гл. 32 о поселении сербов сначала в районе г. Сервия явствует из сравнения его с данными памятника VII в. - "Чудеса св. Димитрия". Согласно "Чудесам", примерно в 616 г. Фессалонику осаждали отряды славянских племен драгувитов, сагудатов и др. Сербы среди них не упомянуты; сам факт окружения и осады Фессалоники славянами свидетельствует о неубедительности рассказа о поселении императором Ираклием сербов в этих районах, которые к тому времени уже были заселены славянами (Ditten H. Zur Bedeutung. S. 98-99).

8. Попытка объяснить этноним "сербы", данная в гл. 32, не только крайне натягута и поверхностна (сопоставление отдаленно похожих слов имеет место и в других главах), но и явно тенденциозна. Автор стремится даже в подборе слов подчеркнуть зависимость сербов от империи (сербы - лат. servi, рабы; servili - обувь рабов и т.д.).

9. Сообщение о наличии на Дунае византийского гарнизона и наместника (после 626 г.?), при всем анахронизме названий "Белеград" (Белград) и "стратиг" для той поры, можно считать правдоподобным; в литературе уже отмечалась возможность восстановления границы империи по Дунаю после неудачной осады аварами Константинополя (626 г.) и ослабления аварского хаганата (ВИИНЖ. С. 49. Бел. 151; Ditten H. Zur Bedeutung. S. 95-96, 98).

10. Об этих племенах см. гл. 33-34.

11. О вторжениях аваров, изгнании романского населения и поселении славян в балканских провинциях Византии ср. также гл. 29-31.

12. Сообщение о крещении сербов (вероятно, при императоре Ираклии, в 610-641 гг.) расценивается как свидетельство первой фазы распространения христианства у южных славян, связанной с деятельностью римской курии (иногда эту фазу датируют 642-731 гг.: Пречек К. Исторџа. Т. 1. С. 98; ср.: Историја Црне Горе. Књ. 1. С. 353). Однако тогда восприятие христианства сербами было неглубоким и недолговременным (ср. гл. 29; ВИИНЖ. С. 49. Бел. 154); следующую фазу христианизации сербов относят к 30-м или (чаще) 70-м годам IX в. (Историја Црне Горе. Књ. 1. С. 353-354; Историја српског народа. Књ. 1. С. 151).

13. Слова в скобках - предполагаемые по смыслу вместо лакуны в рукописи после слова *Ро~маио~н

14. Имя первого сербского князя-родоначальника в других источниках также не названо.

15. Сопоставление этого утверждения о византийской власти в Болгарии (т.е. до создания Первого Болгарского царства в 681 г.) и о смерти первого сербского князя, пришедшего на Балканы, с предшествующими сведениями гл. 32 позволяет датировать поселение сербов в этом регионе примерно концом 20-х или 30-ми годами VII в. Однако такая датировка связана, разумеется, с признанием достоверности сообщения о приходе сербов именно при Ираклии (610-641) (ср.: гл. 33, 36). Возможно, следующие ниже известия гл. 32 восходят к так называемой "Хронике сербских правителей" (Острогорски Г. Порфиригенова хроника. С. 25).

16. Очевидно, Вышеслав, Радослав и Просигой. Время правления этих князей известно (ВИИНЖ. С. 50. Бел. 155).

17. Утверждение о подвластности сербов и болгар Византии вплоть до середины IX в.

является тенденциозным и, видимо, политически рассчитанным искажением исторической действительности (Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный). Возникшее в 681 г. Болгарское государство было независимо от Византии и с конца VII до середины IX в. неоднократно вело войны против империи. Упомянутое заявление противоречит и тексту гл. 29, и биографии Василия I, где сказано об отпадении сербов и других южнославянских племен от империи уже вскоре после правления Ираклия (ВИИНЖ. С. 50. Бел. 157).

18. Хронология этой сербско-болгарской войны и время княжения Властимира определяется приблизительно правлением болгарского хана Пресиана (см. коммент. 21 к гл. 32). В. Златарский отметил противоречие между этим сообщением и предшествующей фразой о мирных взаимоотношениях сербов и болгар Златарски В. История. Т. I, ч. 1. С. 342-343; ср.: ВИИНЖ. С. 51, 159).

19. Об этих князьях ничего не известно.

20. О болгарском князе Борисе, принявшем после крещения имя Михаил, см. коммент. 12 к гл. 31.

21. Пресиан - болгарский хан (836-852).

22. Владимир - болгарский князь (889-893).

23. Боляре, высшая болгарская знать.

24. Датировки второй сербско-болгарской войны различны: от середины 50-х вплоть до 80-х годов IX в. Б. Ферьянчич склонен датировать ее примерно 852-867 гг. (ВИИНЖ. С. 51-52. Бел. 163).

25. Борен ниже назван Браном. Появление в роду сербских князей первых христианских имен (Стефана Мунтимировича и его двоюродного брата Петра Гойниковича) рассматривается как доказательство второй фазы христианизации сербов (нередко ее датируют 867-874 гг.). И. Ковачевич предлагает датировать вторую фазу христианизации и само крещение Стефана Мунтимировича 830-840 гг., однако его тезис малоубедителен, так как неизвестна точная дата вторжения Бориса в Сербию и возраст (в то время) сербского княжича Стефана (ВИИНЖ. С. 49-50. Бел. 154; Историја Црне Горе. Књ. 1. С. 354; Историја српског народа. Књ. 1. С. 151. Бел. 26).

26. Упомянув об ответных- сербских подарках правителю Болгарии Борису, "о чем болгары говорят как о пакте" (т.е. дани), автор гл. 32 как представитель византийского правительства полемизирует с претензиями болгарских царей (вероятно, прежде всего Симеона), стремящихся утвердить свое господство над Сербией. Эти претензии категорически отвергаются в заключительной части гл. 32. Без сомнения с ними связаны неоднократные заявления автора гл. 32 о постоянной зависимости сербов от Византии и их верности императору.

27. О локализации Расы см.: ВИИНЖ. С. 52. Бел. 165,

28. Принимаем общепринятую в югославской историографии транслитерацию "Часлав". Часлав Клонимирович - сербский князь. О хронологии его правления см.: Там же. С. 57. Бел. 193.

29. В литературе обычно предлагаются следующие даты правления сербских князей: Мунтимир правил, видимо, с 60-х годов IX в. до 891-892 гг.. Поибислав - после него, до 893-894 гг., затем Петр - вплоть до 917 или 918 г. (ВИИНЖ. С. 53 Бел. 174; Острогорски Г. Порфиригенитова хроника. С. 81-82).

30. Бран пытался захватить власть в Сербии, возможно, в 895-896 гг.

31. Локализация Достиники (Дестиника), как и других "градов" Сербии, вызывает серьезные затруднения (ВИИНЖ. С. 58; Историја српског народа. Књ. 1. С. 163). Он находился, вероятно, близ границы с Болгарией и, скорее всего, был тогда столицей Сербского княжества; не случайно, видимо, с Достиники начинается список сербских "градов" в гл. 32, подобно тому как сходный список начат с Нина для Хорватии, со Стона (Стагна) для Захлумья, с Требинья для Травунии.

32. Вторжение Клонимира в Сербию относится примерно к 897-898 гг.

33. Лев VI - император Византии (886-912).

34. О дате мирного договора, заключенного Петром с болгарским князем Симеоном (893-927) и скрепленного династическим союзом, нет точных сведений. В. Златарски (История. Т. I, ч. 2. С. 393) относит договор к началу X в.

35. Титул среднего ранга, который обычно жаловали военным (Oikonomides N. Les listes. P. 297).

36. Титул высокого ранга, высший из жалуемых не членам императорской семьи. Жаловали его и иноземным правителям (Ibid. P. 383).

37. Глава имперского ведомства почты и внешних сношений, занимавшегося также разведкой и тайной сыскальной службой.

38. Пагания (см. о ней гл. 36) была подчинена, по всей видимости, сербским князем Петром, хотя мы и не знаем, когда именно это произошло (ср.: ВИИНЖ. С. 54. Бел. 177).

39. Различные предположения о времени миссии Льва Равдуха и о нем самом см.: ВИИНЖ. С. 54. Бел. 178.

40. О князе захлумов Михаиле Вышевиче см. подробно в коммент. 7 к гл. 33.

41. 20 августа 917 г. при Ахелое (близ города Анхиал) византийская армия была наголову разбита Симеоном Болгарским.

42. Об этих полководцах больше ничего не известно.
43. Букв.: "сын архонта", здесь: правителя страны.
44. Г. Острогорский убедительно показал, что Павел Бранович правил в Сербии с конца 917 (или начала 918) до 920 или 921 г. (ВИИНЖ. С. 55. Бел. 185; Острогорски Г. Порфиригенитова хроника. С. 82-83).
45. Поскольку Роман I Лакапин стал императором в конце 920 г., Б. Ферьянчич предложил датировать первый поход Захарии Прибиславиича против сербского князя Павла этим временем, однако такая датировка не согласуется с сообщением в гл. 32.104-108, что Захарии удалось изгнать Павла через три года (после его вокняжения), в результате уже второго похода. Вероятно, в данном случае нужно допустить небрежность автора в использовании наличных материалов, неточное обозначение Романа Лакапина (с 919 г. он имел титул василеоатора) термином "василевс" (император) и отнюдь не удачное соединение в этом разделе главы противоречивых свидетельств. Поэтому неслучаен ошибочный вывод некоторых историков, будто князь Павел, сын Брана, правил в Сербии шесть лет, что, в свою очередь, повлекло за собой неверную датировку последующих событий. По всей видимости, первый поход Захарии относился к 919 г., а второй - к концу 920 или к 921 г. (ВИИНЖ. С. 55. Бел. 184-185; Острогорски Г. Порфиригенитова хроника. С. 82-83).
46. Хронология походов Симеона против сербского князя Захарии определяется приблизительно, в соответствии с перипетиями болгаро-византийской войны и общей обстановкой на Балканах в 20-х годах X в. Первый поход имел место, скорее всего, в 921 или 922 г., второй же обычно датируют 924 г., временем после болгаро-византийского перемирия (сент. 923 г.) (ВИИНЖ. С. 56. Бел. 189; Острогорски Г. Порфиригенитова хроника. С. 84-85).
47. "Жупаны" в Сербии X в. (см. также гл. 29.6) были не племенными старейшинами, а представителями раннефеодальной правящей прослойки, высшей (титулованной) знати, выступавшими в роли особо влиятельных государственных сановников или местных полусамостоятельных правителей в отдельных областях (Наумов Е.П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII-XV вв. М., 1975. С. 55; Грачев В. П. Сербская государственность. С. 199-200). Именно поэтому болгарским воеводам было необходимо взять сербских жупанов в плен под предлогом торжественной встречи и провозглашения нового князя - Часлава (Наумов Е.П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства. С. 208).
48. Ни с чем не сообразное преувеличение, которое к тому же не согласуется со следующим ниже замечанием о богатстве части сербов в Хорватию. Вероятно это преувеличение также связано со стремлением авторов гл. 32 всячески оспорить претензии болгарских владетелей на Сербию, а в данном случае - изобразить сам факт покорения Сербии болгарскими воеводами как бы недействительным ввиду отсутствия в стране князя и населения вообще.
49. Об именах (или титулах) болгарских военачальников, упомянутых в гл. 32, см.: ВИИНЖ. С. 56. Бел. 187, 190.
50. Поход болгарских воевод против Хорватии датируется по-разному. Более правдоподобной представляется точка зрения Г. Острогорского, относившего его примерно к 926 г. (ВИИНЖ. С. 56-57. Бел. 191; Острогорски Г. Историја Византце. Београд, 1959. С. 258).
51. С 893 г. столица Первого Болгарского царства.
52. Бегство Часлава из Болгарии и вокняжение его в Сербии относится к периоду после смерти болгарского царя Симеона (27 мая 927 г.), т.е. ко второй половине 927 или к 928 г. Заявление о том, что в Сербии тогда было только 50 жителей, сделано с целью подчеркнуть необычайность опустошения страны войсками Симеона в противовес тем благодеяниям, которые византийские императоры оказывали сербам (ВИИНЖ. С. 57. Бел. 193; Острогорски Г. Порфиригенитова хроника. С. 86).
53. Тот факт, что в заключение снова выразительно подчеркнута покорность сербских князей Византии и, напротив, их полная независимость от "архонта Булгарии" (титул "василевс болгар" был официально признан империей за Петром лишь при подписании мирного договора 927 г.), позволяет высказать предположение, что тогда в ходе мирных переговоров при обсуждении вопроса о границах Болгарии болгарские послы поставили вопрос о признании Византией зависимости Сербии от Болгарского царства (Златарски В. История. Т. 1. ч. 2. С. 525). Возможно, болгарские послы ссылались и на получение Борисом пакта (дани), и на присоединение страны Симеоном. Византийские дипломаты, напротив, ссылались на аргументы, почерпнутые из истории, которые, видимо, и составили материалы, вошедшие позднее в текст гл. 32 наряду с данными других источников. Предполагая такого рода болгаро-византийскую полемику в ходе мирных переговоров, легче, кажется, объяснить и то, почему Часлав постарался бежать на родину из Преслава. Возможно, впрочем, и другое допущение, поскольку гл. 32 полностью умалчивает о событиях в Сербии после возвращения Часлава и упрочения его власти (достигнутого в борьбе с болгарскими воеводами или с соперниками из сербов), ничего не сообщая о положении в Сербии на протяжении почти 30 лет (928-948/952 гг.). Не потому ли авторы столь упорно повторяют тезис о

верности архонтов Сербии василевсам, что уже наметилось некоторое сближение Часлава и болгарского царя Петра ввиду необходимости отпора после 934 г. венгерским набегам? Крайняя скудость данных не позволяет ответить на эти вопросы (ВИИНЖ. С. 57. Бел. 194; Историја српског народа. Књ. 1. С. 160).

54. О локализации Достиники (Дестиника) см. коммент. 31 к гл. 32.

55. Точной локализации этих сербских "градов" нет (см.: ВИИНЖ. С. 58. Бел. С. 199-200).

56. Очевидно, идентичен средневековому поселению Соли (теперь Тузла) в северо-восточной части современной Боснии.

57. Здесь впервые в источниках упомянута Босния как особая географическая и территориальная единица (уоріов в этом случае равнозначно, вероятно, средневековому сербскому термину "земля"). Босния включала в себя тогда лишь центральную часть образовавшегося позже Боснийского государства - так называемую Врхбосну (ВИИНЖ. С. 59. Бел. 202; йирковип С. Исторща средневековье Босанске државе. Београд, 1964. С. 39).

58. Точной локализации этих "градов" нет (см.: ВИИНЖ. С. 59. Бел. 203-204).

К ГЛАВЕ 33

1. Согласно гл. 30.100-104, страна, или архонтия, захлумов (Захумье, Хум, Хумска земля в славянских памятниках, Chulm, Chulmia, Chelmania, Terra de Chelmo в латинских) простиралась на побережье от Дубровника до р. Неретвы, верхнее течение которой было, вероятно, северной границей Захлумии, занимавшей таким образом юго-восточную часть современной Герцеговины, На северо-востоке цепь гор отделяла страну захлумов от Сербии (отсюда, возможно, они и получили от своих соседей имя "захлумы", т.е. живущие за холмом). На юго-востоке Захлумия граничила с Травунией, со стороны побережья от г. Стон до Неретвы и по среднему течению реки - с Паганией, а где-то на северо-западе имела общую границу с Хорватией.

2. Ср.: DAI. 29.3; 31.12; 35.4; 36.4,

3. Четкое этническое определение захлумов как сербов. Ср., однако: НоеаКоеифл Р. Да ли су сви Захумљани пореклом Срби? // Историјски часопис. 1975. Књ. XXII. С. 19-42.

4. Крепость Хлум - возможно, совр. Благай, к юго-востоку от Мостара. Гора, на которой находится Благай, раньше называлась Хлумом, как и сам город. Крепость Бона располагалась несколько ниже - на р. Буна (Новаковип С. Српске области. С. 38-39). Полагают также, что Константин приводит два названия одного и того же города - Благая (ВИИНЖ. С. 60. Бел. 207).

5. Совр. Буна, левый приток Неретвы, впадающий в нее у Мостара.

6. Анфипат и патрикий (точнее - анфипат патрикий) - один из высших византийских титулов, выше патрикия. Титул давался за особые заслуги перед императором (Oikonomides N. Les listes. P. 287). Архонт Михаил, следовательно, находился в зависимости от империи. См. коммент. 7 к гл. 33

7. По мнению большинства исследователей, ВоноЕроит^т) - греческая транслитерация славянского имени Вышевич, т.е. сын Выша (DAI. II. P. 138). Согласно гл. 32.86-88 Михаил вступил в союз с царем Симеоном (893-927) против Византии и Сербии (события относятся примерно к 917 г.). Имя захлумского князя сохранилось и в хронике Иоанна Дякона (начало XI в.): в 913 г. Michael Sclavogum dix захватил возвращавшегося из Константинополя сына венецианского дожа Пьетро и отправил его к болгарскому царю Симеону (Rai'ki F. Documenta. P. 388). Итальянские анналы сообщают о нападении Михаила (Michael rex Sclavorum) на владения Византии в Апулии (Сипонт) в 926 г. (Ibid. P. 393). Михаил участвовал в Сплитском соборе 925 г., как следует из письма папы Иоанна X (914-928) хорватскому королю Томиславу и князю захлумов Михаилу (Tamislao regi S(h)roatorum et Michaeli duci Chulmorum) (Ibid. P. 189). Томислав в этот период был союзником Византии; высокий титул анфипата-патрикия мог быть дан, конечно, только союзнику или подданному империи. Таким образом, отношения между Византией и князем захлумов Михаилом претерпевали перемены (см.: ВИИНЖ. С. 60. Бел. 209; DAI. II. P. 137-138). К. Иречек отвергает подлинность актов Сплитского собора (они сохранились в сборнике XVI в.) и считает, что враждебную Византии политику Михаил Вышевич проводил до 926 г., когда был захвачен Сипонт (ЈуреџеК К. Исторща. Т. 1. С. 115). Справедливо, как кажется, мнение Ф. Дворника, который полагает, что отношения Михайла с Византией изменились после 921 г., когда империя заключила договор с Хорватией, предоставив ей протекторат над византийскими владениями в Далмации, а на сербский престол возвела своего ставленника Захарю. Поэтому Михаил отказался от враждебной политики по отношению к империи, и его присутствие на Сплитском соборе в 925 г. представляется вполне естественным. Экспедиция же Михаила в Апулию была предпринята, вероятно, в союзе с хорватами по просьбе Византии, опасавшейся за свои владения из-за возобновившихся набегов арабов в 926 г. (DAI. II. P. 138).

8. В рукописи ??? - ??? - конъектура А. Грегуара. В силу того, что это место долгое время не было исправлено, возникло множество гипотез, значительная часть которых после внесения конъектуры лишилась оснований (обзор литературы см.: Wasilewski T. Wislanska dynastia. S. 26-31). Ныне установлено, что у Константина идет речь о происхождении рода князя Михаила из

"личиков" (*линцики), "некрещеных поселенцев на реке Висле". Ф. Дворник считает возможным принять конъектуру П. Скока (*линцики - "линцики"), усматривая здесь один из вариантов того названия ("Ляхи", "Lengyel"), под которым у своих восточных и южных соседей выступали поляки (DA1. II. P. 139). Это предположение принимает ряд польских исследователей, например, Г. Лябуда (Licikaviki // SSS. W-wa, 1967. Т. III, cz. 1. S. 56). Однако данная гипотеза не позволяет решить возникающие при этом проблемы. Во-первых, название польского племени, граничившего с венгерскими и древнерусскими землями (этим названием венгры и русские впоследствии обозначали всю совокупность племен в составе Древнепольского государства), Константин не только хорошо знает в его правильной, первоначальной форме - "лендзяне" (Λεν^αvivoi), но и сам употребляет дважды (9.10; 37.44). Предпочтение в гл. 33 формы леситэ было бы а таком случае непонятно. Во-вторых, этноним "личики" Константина естественно сопоставлять с наименованием "licicaviki" в сочинении младшего современника Константина, саксонского хрониста Видукинда. Описывая деяния Вихманна, одного из родственников Оттона I, хронист отметил, что он "в двух сражениях нанес поражение королю Мешко, под властью которого были славяне, что зовутся лицикавики" (Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum saxoniarum libri ires. III, 66). Так как названный Мешко - хорошо известный правитель Польши а "лицикавики" определены как его подданные, то ясно, что схожие названия "личики" и "лицикавики" относятся к одной и той же территории, главной водной артерией которой являлась р. Висла, т.е. оба эти народа идентичны. Следует учесть также, что в немецкой феодальной среде не существовало традиции обозначать земли Древнепольского государства названием такого польского племени, с которым (в частности, с ляхами) немецкие земли не граничили. Кроме того, отсутствие носового звука в слове "licicaviki" говорит против конъектуры Скока, вводящей этот звук в название "личики", и свидетельствует против сходства конструируемого имени "линцики" с названием "ляхи" ("лендзяне").

Следовательно, "личики" - "лицикавики" и "лендзяне" - разные наименования (Lowmianiski H. Poczatki. T. V. S. 485-486). Что касается значения названия "лицикавики"/"личики", то в настоящее время преобладает мнение, что здесь имеются в виду "лестковичи" (патронимический суффикс "овичи" передан у Видукинда как "avici") - так называли потомков (или подданных) Лестка-Лешка. Кем был Лестко-Лешек, точки зрения расходятся. Т. Василевский считает его имя эпонимом, обозначением легендарного предка малопольского племени вислян. Отголосок этой традиции ученый усматривает в рассказе польского хрониста начала XIII в. Винцента Кадлубка о Лестках - легендарных правителях Польши, сидевших в Кракове (Magistri Wincentii Chronicon Polonorum. Lwow, 1872. Т. II. I. 11, 13, 17) (Wasilewski T. Wislariska dynastia. S. 30-31) "Лицикавики", однако, по данным Видукинда, подчинялись Мешко I, тогда как земля вислян во второй половине X в. входила в состав Древнечешского государства Т. Левицкий, а затем Х. Ловмянский отождествляют "Лестка" с Лестком. который упомянут в хронике Галла Анонима (начало XII в.) как дед Мешко I (Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum sive principum Polonorum/ Ed.K. Maleczyriski. Kraków, 1953.1,3). Лестко, следовательно, жил в первой половине X в. В таком случае термин "лестковичи" означал бы всех лиц, находившихся под властью Лестка и его преемников, т.е. и великопольское племя полян, князем которого был Лестко, и другие племена, подчинившиеся его власти. Этот этноним - новый в политической географии Центральной Европы (возникший в процессе формирования нового политического целого - Древнепольского государства) - просуществовал недолго и к началу XI в. был вытеснен другим названием - Polonia, образованным от имени племени полян. Если принять эту гипотезу, следует думать, что Константин узнал название "лестковичи" от немецких послов, в середине X в. неоднократно посещавших Константинополь (towmianski H. Poczatki. T. V, S. 486-488). Сообщение о том, что "личики" - "некрещеные", правильно, если относить его к территории Древнепольского государства: Мешко I принял крещение только после смерти Константина Багрянородного. В вопросе о происхождении захлумской династии исследователи сходятся в том, что предок (отец?) Михаила Захлумского (Выш?) покинул землю "личиков" и стал князем Захумья во второй половине 70-х годов IX в., когда резко усилилось влияние Византии в Далмации. Этим временем датируется рассказ Константина в биографии Василия I о крещении при нем языческих сербских племен которым император назначил и князей (архонтов). Рассказ заканчивался замечанием, что с тех пор и до времени работы автора над этим трудом князья постоянно избирались из тех же самых родов.

В числе таких родов и был, несомненно, специально отмеченный Константином из-за необычности его происхождения род захлумских князей: разумеется, пришелец с Вислы мог стать князем Захумья лишь при поддержке императора и был, вероятно, его прямым ставленником в этих землях. Не ясны, однако, обстоятельства, в силу которых выходец из земли "личиков" оказался в Захумье. Т. Василевский разделяет старую гипотезу об идентичности предка Михаила (Выша?) с упомянутым в "Житии Мефодия" языческим князем, сидевшим в "Вислех", который воевал с Великой Моравией. но затем потерпел поражение и был крещен "насильно на чужой земле", т.е. в Моравии (MMFH. II. S. 156). Затем этот князь был посажен в Захумье в результате договора между Святополком Моравским, Василием I и сербами, направленного против ВосточноФранкского королевства и Первого Болгарского царства (Wasilewski T. Wislanska dynastia.

S. 34-49). X. Ловмянский отверг эти догадки. По его мнению, термин "личики" /"лицикавики", независимо от его значения, относился в середине X. в. к территории Древнепольского государства, тогда как область племени вислян, соответствующая территории позднейшей Краковской земли, входила в то время в состав Древнечешского государства, и потому население этого района не могло обозначаться термином "личики". Сомневается исследователь также в том, что Великая Моравия могла активно вмешиваться в сербские дела. На его взгляд, предок захлумской династии (Выш?) был князем в восточной части Малой Польши с центром в Сандомире, которая в отличие от Краковской земли в середине X в. входила в состав Древнепольского государства. Под натиском Великой Моравии он был, по-видимому, вынужден бежать в Болгарию, а оттуда в Константинополь, где привлек к себе внимание Василия I (iowmianski H. Poczatki. T. IV. S. 491-493).

9. Совр. Стон на перешейке, связывающем полуостров Пелешац с материком. 10. Принимаем конъектуру Ф. Дворника: ??? вместо ??? рукописи. Локализация четырех остальных городов Захлумии затруднительна. П. Скок отмечает, что названия городов Мокрискик, Галумаиник и Добрискик в славянской транслитерации имеют форму прилагательных, если конечные "к" в этих наименованиях понимать как сокращения, обозначающие слово *кастрон - "крепость". Мокриски(к) - совр. Мокро на правом берегу Неретвы. Ослия - совр. Ошле к северо-востоку от Стона (Skok P. Onsnanienstudien. S. 233). Галумаини(к), согласно С. Новаковичу (Српске области. С. 43), П. Скоку (Ortsnamenstudien. S. 234) и Ф. Дворнику (DAI. II. P. 140), идентичен местечку Глумине, расположенному к северу от Ошле, на левом берегу Неретвы (ВИИНЈ. С. 59; Skok P. Konstantinov *то мокрискик // Jugoslovenski istoriski casopis. 1937. 1-4. S. 93). Добриски(к) некоторые исследователи связывают с Дабаром, расположенным к юго-востоку от Любине (ВИИНЈ. С. 61. Бел. 213-216).

К ГЛАВЕ 34

1. В средневековых сербских и латинских источниках - Травунья, Трибуния. Простиралась вдоль берега Адриатического моря от Котора до Дубровника (см. гл. 30), включая из внутренних областей район совр. Требинье и соседние горные местности (Историја Црне Горе. Књ. 1. С. 332).

2. Страна каналитов - совр. область Конавли на адриатическом побережье (от окрестностей Дубровника до входа в Боку Которскую).

3. Здесь следует усматривать указание на единство этих двух областей, точнее - подчинение земли каналитов власти травунских князей. Подчеркивание данного факта особенно интересно ввиду того, что он противоречит данным списка южнославянских правителей в сочинении Константина "О церемониях" (ВИИНЈ. С. 61-62. Бел. 217; ср.: С. 78. Бел. 289; ср. также: Ферлуга Ј. Листа адреса за стране владаре из Кн,иге о церимошцама // ЗРВИ. 1970. Књ. XII. С. 162 и след.). В том списке названы отдельно архонт травуньян и архонт конавлян, рассматриваемые как самостоятельные и равные по рангу князья что позволяет высказать предположение о времени подчинения конавлян травунским князьям. Учитывая вывод Я. Ферлуги о составлении первоначального списка князей (перечня адресатов) в эпоху Льва VI и о его Редактировании в 30-х - начале 40-х годов X в., можно допустить, что особое княжество в Конавле утратило независимость только после этого редактирования (Там же. С. 176). В гл. 29 также говорится о конавлянах отдельно от травуньян (в рассказе о событиях VII в. и 70-х годов IX в.), т.е., возможно, еще как об особом славянском племени, тогда как в гл. 30 упоминается уже только одна политическая единица - архонтия Травунья (ср. коммент. 29 к гл. 30), что позволяет датировать ее возникновение временем, более поздним, чем составление гл. 29, 32 и 34.

4. О "некрещеных сербах" см. коммент. 2 к гл. 32.

5. Принимаем конъектуру Р. Дженкинза: перенести ??? на место после ??? (в рукописи это слово находится после слова *архонтос), а также добавить запятую и *ои после ???.

6. О сербском князе Властимире см. коммент. 18 к гл. 32.

7. Рассказ о взаимоотношениях сербских и травунских правителей содержит явные противоречия, вызванные или недостатком, или одновременностью сведений. Поэтому в литературе существуют разные оценки политического положения Травунии и ее отношений с Сербией (Рашкой) (ВИИНЈ. С. 62. Бел. 218). Текст говорит о зависимости Травунии в первой половине IX в. от сербского князя Властимира, который делает местного жупана своим зятем и "самовластным" князем; эти слова, как и выказанный ниже (34.11-12) тезис о "постоянной" зависимости князей Травунии от Сербии, мало согласуются с последовательным выделением в труде Константина Травунии в качестве самостоятельной политической единицы.

8. Истолкование хоронима "Травунья" ("Тербуния") - один из примеров вульгарных этимологии в гл. 29-36. В действительности название этой области происходит не от слав. "твердь, твердый", а от слав. "треба, требище" - жертва, жертвенник (Историја Црне Горе. Књ. 1. С. 332).

9. Название области Конавли ("Канали") обычно связывают с латинским *canalis*, "канал". По смыслу, однако, этимология у автора гл. 34 ближе к предложенной Б. Арнимом и возведенной им к тюркской лексеме "канлы" - повозка (ВИИНЈ. С. 62. Бел. 222). Впрочем, и эта гипотеза спорна.

10. Совр. Требинье.
11. Обычно Орм идентифицируют со средневековой жупой и замком Врм, к востоку от Требинье (Исторща Црне Горе. Кнь. 1. С. 333-334).
12. Совр. Рисан в Боке Которской.
13. Возможно, совр. Лукавац (Историја Црне Горе. Кнь. 1. С. 333).
14. Локализация остается спорной (ВИИНЈ. С. 63).

К ГЛАВЕ 35

1. О переселении римлян в Диоклею Диоклетианом см. гл. 29.
2. Умолчание здесь о происхождении славянских жителей Диоклеи (Дукли) от "некрещеных сербов" (ср. гл. 33, 34 и 36) обусловило появление нескольких теории об этнической принадлежности местного населения и политических отношениях Дукли с Сербией (Рашкой). Ряд исследователей объясняют такое умолчание в гл. 35 тем, что "Диоклетианов" (дуклян) нужно вообще считать не сербами, а хорватами или особой группой славян - "дуклянскими славянами". Было высказано также предположение, что невнятность текста на этот счет обусловлена близостью Диоклеи к византийской феме Диррахий, что помешало сербским князьям подчинить Диоклею. Поэтому не было оснований относить дуклян к числу сербских племен в широком смысле (ВИИНЈ. С. 63. Бел. 229; Исторја Црне Горе. Кнь. 1. С. 291-292; ЖивковЛ Др. НаЈНоапја исторща црногорского народа // Стваран,е. 1977. N 6. С. 930-931; Ditten H. Bemerkungen. S. 452) Характерно, что гл. 35 гораздо беднее конкретной информацией о стране дуклян и ее жителях, нежели соседние главы памятника. Видимо, авторам не доставало современных им сведений о Дукле.
3. О Диоклее см. коммент. 4 к гл. 29.
4. Топоним Градеты пытались связывать с различными названиями местностей, замков и племен в Черногории. Вопрос, однако, остается открытым (ВИИНЈ. С. 64. Бел. 231; Историја Црне Горе. Кум. 1. С. 321). 5. Локализация неопределенна (см.: ВИИНЈ. С. 64. Бел. 232). 6. Топоним "Лондодокла" обычно считают соединением двух названий, а именно Лон (или Лонто) и Докла. Второе название, как правило, связывается с Дуклей (Диоклеей), тогда как первое идентифицируют с различными местностями в современной Черногории (ВИИНЈ. С. 64. Бел. 233; Историја Црне Горе. Кнь. 1. С. 320). Признавая возможным такое соединение разных названий (ввиду неточного прочтения или понимания текста), следует отметить все же шаткость приведенных выше объяснений.

К ГЛАВЕ 36

1. О местоположении паганов и их соседях см. также коммент. 22 к гл. 29. Помимо трех жуп (Растоца, Мокро и Дален) (см. коммент. 34 к гл. 30), наганам принадлежало также несколько крупных островов (см. коммент. 5 к гл. 36). Почти все исследователи полагают, что паганы, или неретвляне (Narentani, как их обычно называли итальянские хронисты), во многом отличались от других сербских племен, в том числе и от занимавших далматинское побережье (Грот К. Я. Известия. С. 175; DAI. II. P. 141). Выгодное географическое положение Пагании и удаленность от внутренних областей Сербии (от нее их отделяли Динарские горы) определили специфические черты их быта и истории. Основным занятием жителей морских жуп стало мореплавание, получившее значительное развитие. Обладая сильным флотом, неретвляне были известны как опасные пираты, часто нападавшие на итальянские суда и препятствовавшие связям итальянских городов с Константинополем. Так как со времени своего поселения на побережье они практически никому не подчинялись, то обуздать их пиратство не удавалось до конца X в. Подробные сведения об этом сообщает Иоанн Диакон: в 830 г. венецианцы заключили мир с наганами и пытались обратить их в христианство (Raski F. Documenta. P. 334). Однако такие попытки были безуспешны: христианство паганы приняли позже других южных славян, причем не с Запада, а из Византии (см. коммент. 24 к гл. 29), да и мир с ними был недолог. Нападения неретвлян на итальянские суда в 834-835 гг. возобновились (Ibid. P. 335) и не прекращались до конца X в., причем венецианцы направляли против них экспедиции в 876, 887, 948 гг. (Ibid. P. 366, 374-375, 399-400). Относительно политической организации неретвлян было высказано предположение, что у них был какой-то тип олигархического правления, при котором власть находилась в руках племенных вождей (DAI. II. P. 141). О дальнейших (до XII в.) судьбах Пагании см.: Грот К. Я. Известия. С. 157; Ноеаковић С. Српске области. С. 61.
2. Река, искаженно названная здесь "Аренда", именовалась: Неретва у славян, Нарента у жителей Италии, Нарон у греков (ВИИНЈ. С. 64. Бел. 235). От названия реки и происходит этноним.
3. Мокр - город, существовавший с римских времен в районе совр. Макарска (Новаковић С. Српске области. С. 55; ср. коммент. 34 к гл. 30); Веруллиа - Чебольшое местечко Вруллиа между Макарска и Омишем (ср.: ВИИНЈ. С. 65. Бел. .237); Острок, вероятно, был расположен около совр.

местечка Заострог, южнее Макарска, вблизи р. Неретвы (Новаковић С. Српске области. С. 56; ВИНН. С. 65. Бел. 238); местонахождение Славинецы пока не установлено, допускают, что остатки этого укрепленного центра размещаются близ совр. села Градац на морском берегу у устья р. Неретвы (ВИИН. С. 65. Бел. 239).

4. Куркра (Кикер) - совр. о. Корчула.

5. Мелета (Малозеата) - совр. о. Млет.

6. Деян., 28,1.

7. Фара - совр. о. Хвар; Врац - совр. о. Брач.

8. Ис - совр. о. Вис; Ластов - совр. о. Ластово, Хоары большинство исследователей связывают с совр. о. Сушац (ВИИН. С. 65. Бел. 245). Открытым остается вопрос, кому принадлежали эти острова: Византии, захлумам или хорватам (о. Ис) (DAI, II. P. 142).

К ГЛАВЕ 37

1. Об имени и происхождении печенегов см. коммент, 1 к гл. 1.

2. Междуречье Атила и Геиха как места расселения печенегов идентифицируется с междуречьем Волги - Урала - Эмбы (Бартольд В.В. Соч. Т. 5. С 91, 204; Плетнева С.А. Печенеги. С. 163; Marquart J. Streifzuge. S. 78-79; Minorsky V. Hudud al-'Alam. P. 313, 443; ZA. Т. II. Cz. 2. S. 96). Сведения о расселении печенегов содержит также так называемая "Анонимная записка о народах Восточной Европы" (вторая половина IX в. - ZA. Т. II. Cz. 2. S. 11-13). Ее фрагмент с интересующими нас данными сохранился в сильном сокращении у географа начала X в. Ибн Русте (BGA. Т. 7. P. 143; ZA. Т. II. Cz. 2 S. 34 - текст, 35 - перевод), а в расширенном (и более точном, хотя и более позднем, чем у Ибн Русте) виде - у персидского географа XI в. Гардизи (Бартольд В. В. Соч. Т. 8. С. 35 - текст, С. 56 - перевод).

3. Согласно отрывку "Анонимной записки", край печенегов лежал на расстоянии 17 дней пути от Гурганджа (совр. Куия-Ургенч в Туркменской ССР), имея соседями на востоке - кипчаков, на юго-западе - хазар и на западе - славян. Сама область печенегов занимала пространство в 30 дней пути. О соседстве печенегов с кипчаками свидетельствуют и другие восточные авторы (Бартольд В. В. Соч. Т. 5. С. 205-206). Сведения Константина о соседстве печенегов с узами (гузами, огузами) (см. о них коммент. 76 к гл. 9 и коммент. 5 к гл. 37) находят также соответствие в данных "Анонимной записки" (в передаче Гардизи), согласно которой на расстоянии 17 дней пути от печенегов лежал город Гургандж; путь к нему проходил мимо Аральского моря. Видимо, "узы" Константина - это огузское население указанных среднеазиатских областей, Данные "Анонимной записки" о соседстве печенегов с хазарами на юго-западе и славянами на западе подтверждают известия Константина о Волге (Атиле) как первоначально западном рубеже кочевий печенегов. В конце IX в. часть печенегов перешла Волгу, их кочевья продвинулись далеко на запад и оказались пограничными хазарам и роменской группировке славян.

4. 50 лет назад, т.е. в 898-902 гг., если ориентироваться на принятую в науке датировку написания DAI. Однако это место находится в очевидном противоречии со следующим ниже свидетельством (37.10-14), что изгнанные (50 лет назад) узамы печенеги уже 55 лет, т.е. с 893-897 гг., владеют новыми местами, отнятыми ими у венгров. Д. Дьерффи относит время изгнания узамы (в союзе с хазарами) печенегов к 894 г. (Gyorffy Gy. Istvan. 127. 1.).

5. Сообщение о владениях узов (гузов) в междуречье Волги и Урала подтверждают восточные географы X в. Истахри и Ибн Хаукал (BGA. Т. I. P. 9, 222; Т. II/2. P. 14, 393). На западе их соседями были хазары и болгары (в нижнем и среднем Поволжье), на востоке - карлуки (т.е. Прибалхашье), на севере - кимаки (в Прииртышье). Границей между гузами и кимаками назван Итиль (?) (Агаджанов С.Г. Очерки. С. 78-80). Известия о гузах содержит также отчет арабского путешественника Ибн Фадлана, проследовавшего через их земли на пути к волжским болгарам (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. С. 125-128 - перев.; Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan's Reisebericht. S. 10-15 - текст, S. 28-31 - перев.).

6. После e'trj предполагается лакуна: был указан год от сотворения мира и индикт.

7. Об изгнании печенегами венгров см. коммент. 1-2 к гл. 3, коммент. 7. к гл. 8. Локализация "страны" венгров (занятой печенегами) остается спорной. Дата овладения новыми хозяевами этой землей (ср. коммент. 4 к гл. 37) определялась по-разному (DAI. II. P. 114; Bartha A. A 9-10. szazadi. 96-97, 111-113.1.).

8. Известие о переселении печенегов в результате войн с гузами и хазарами на территорию мадьяр ("турок") сопоставимо с сообщениями арабо-персидских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, согласно которым печенеги завоевали земли "между хазарами и Румом" (Византией), отрезав эти земли от владений русов (BGA. Т. I. P. 10; BGA. Т. II/2. P. 15). Сходную информацию содержит персидское анонимное сочинение "Худуд ал-Алам" (80-е годы X в.), где сказано, что, печенеги, покинув места прежнего обитания, расселились на территории "между хазарами и Румом" (Minorsky V. Hudud al-'Alam. § 47). Впрочем, вполне вероятно, что сведения последних двух сочинений восходят к книге ал-Истахри, сведения которого зависят, в свою очередь, от сочинения

географа конца IX в. ал-Балхи (его труд не сохранился). Указания восточных авторов о появлении печенегов в южнорусских степях подтверждаются и русской летописью, и Хроникой Регинона. Археологически места обитания печенегов определены в обширном пространстве от Дона до Прута (Плетнева С.А. Печенеги. С. 163), где они столкнулись с мадьярами, византийцами и молодым Древнерусским государством (Gyorffy Gy. Sur la question).

9. Термин "фема" употребляется здесь не в его техническом, обычном для царской канцелярии X в. значении (военно-административный округ - см. коммент. 1 к гл. 27), а как обозначение места, области расселения и даже самого племени.

10. Наименования "фем" печенегов после их переселения в бассейн Днепра (Czebe Gy. Turco-byzantinische Miscellen. S. 219) считаются их племенными названиями (Nemeth J. Zur Kenntnis. 219. 1.). Все формы этих названий в гл. 37 - краткие и расширенные - имеют в основе тюркскую форму и поддаются переводу (Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 129; Nemeth J. Zur Kenntnis. 219-224 1.; Idem. Die Inschriften. S. 50).

Племя Иртим (в расширенном варианте - Иавдиертим) соответствует тюрк. Йабды Эрдим - "отличающееся заслугами". Племя Цур (расширенный вариант - Куарцицур) соответствует тюрк. Куэрчи Чур - "голубой чур" (где "чур" - должностное лицо). Племя Гиля (расширенный вариант - Хавуксингила) соответствует тюрк. Кабукшин Йула - "йула цвета древесной коры" (где "йула" или "гила", "дьюла" у мадьяр, - должностное лицо с весьма высоким титулом). Племя Кулпеи (расширенный вариант - Сирукалпеи) соответствует тюрк. Суру Кул-бэй - "серый кулбэй" (где "кул" - часть титула или имени, а "бэй" - "господин"). Племя Харавои соответствует тюрк. Кара Бэй - "черный господин". Племя Талмат (расширенный вариант - Вороталмат) соответствует тюрк. Боро Толмач - "темный переводчик". Племя Хопон (расширенный вариант Гиазихопон) соответствует тюрк. Яязы Копон (где Яязы - собственное имя, встречающееся еще раз у Константина ниже и в перечне имен печенежских "архонтов", а "копон" - титул должностного лица). Племя Цопон (расширенный вариант Вулацопон) соответствует тюрк. Була Чопон (где Була - собственное имя, а "чопон" - "чабан", т.е. пастух). Отмеченный во многих племенных названиях элемент цвета - весьма характерное для кочевых народов явление.

Структура деления "фем" (племен), описанная Константином, а именно: восемь округов, состоящих из сорока родов, разделенных на две части, каждая - по четыре (см.: ДА1. 37.32-40), напоминает племенную структуру и современных кочевых народов (Плетнева С.А. Печенеги. С. 192). Во главе этих восьми округов (племен) стояли "архонты", т.е. племенные вожди, имена которых в тюркском варианте выглядят следующим образом: Майчан, Куэл, Коркут(ан), Й(а)пан, Кайдум, Котан, Яязы/Яязай, Бота(н) (Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 129). Некоторые из этих имен также поддаются объяснению. Так, Майчан - уменьшительное от "бай" (господин); Куэл - "глуповатый"; Коркут - часто встречающееся тюркское имя, первоначальное значение которого: "Тот, кого следует бояться"; Котан (или Коста) - "стрела героя, сама разыскивающая врага"; Бота или Ботан - "новорожденный верблюд" (Nemeth J. Die Inschriften. S. 51). Сорок родов печенегов, подчиненных архонтам, имели, в свою очередь, предводителей более "низкого" разряда.

11. Здесь автор главы не касается вопроса о сезонных перекочевках печенегов (видимо, названных здесь четырех "фем") с левого берега на правый (см. коммент. 13 к гл. 8); проблема эта, связанная с периодическими переменами отношений в среде самих печенежских "фем" и взаимоотношений кочевников с Древней Русью, Византией, Херсоном, рассмотрена Д.А. Расовским (Печенеги) и П. Диакону (Diaconu P. Les Petchenegues).

12. О Климатах см. коммент. 15 к гл. 1.

13. Имеется в виду древнерусское племя уличей, проживавшее между Южным Бугом и Днепром.

14. Имеется в виду древнерусское племя древлян, занимавшее междуречье между Днепром и Горынью (см. коммент. 67 к гл. 9).

15. О лендзянах см. также коммент. 20 к гл. 9, коммент. 8 к гл. 33. Данное свидетельство позволяет заключить, что лендзяне были соседями древлян и уличей, а также граничили с кочевьями печенегов. В этой связи заслуживает внимания такой известный по поздним (XVI в.) источникам топоним, как Silva Pieczyngarum - болотистый лес между Стрвьяжем, верхним Днестром и Луквой (Kuczynski S.M. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // Slavia antiqua. 1956. Т. 5. S. 274, карта между S. 276 и 277), получивший свое название, очевидно, за соседство с печенежской степью. Он, вероятно, и обозначает южную границу расселения лендзян. Судя по данному гл. 9, на севере территория лендзян захватывала, по крайней мере, бассейн южных притоков Припяти, так как лендзяне сплавливали моносилы в Киев (ДА1. II. P. 35). Очерчиваемый район расселения лендзян совпадает с ареалом распространения особого вида курганных захоронений, ограниченных бассейном верхней Припяти на севере, верховьями Днестра на юге, рекой Горынью на востоке и бассейном Западного Буга на западе. Археологи связывают эти курганы с таким племенным объединением восточных славян, как воляняне - бужане, проживавшие, по свидетельству Повести временных лет, в бассейне Западного Буга (Седов В. В. Восточные славяне. С. 94-102). Устанавливаемые соответствия между результатами анализа письменных

источников и археологии позволяют ныне уверенно локализовать лендзян Константина на Волини и отождествить их с восточнославянскими волянянами. Только из сообщения Константина известно о подчинении этого объединения Киеву в середине X в. Как уже отмечалось в научной литературе (Wasilewski T. Dulebowie. S. 18), сведения Константина о местожительстве лендзян не позволяют локализовать их в восточной части Малой Польши - Сandomирской земле, как предлагал Х. Ловмянский (towmianski H. Ledzianie. S. 97-114; Idem. Pocz[^]tki. T. III. S. 128-136). Остается, однако, неясным, почему восточнославянское племенное объединение обозначено у Константина термином, служившим позднее у восточных славян и венгров для обозначения польской народности (см. коммент. 20 к гл. 9). В связи с этим Т. Василевский предположил, что "лендзяне" - иное название волянян (Wasilewski T. Dulebowie. S. 181-187). Однако именно для этой восточнославянской группы известен ряд ее названий, сменявших одно другое: дулебы - бужане - воляняне (ср. во Введении к Повести временных лет: "бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне" и "дулеби, живяху по Бугу, где ныне вельняне" (ПВЛ. Ч. 1. С. 13-14). Кроме того, в "Баварском географе" IX в. Lendizi и Busani помещены в разных местах как название разных племенных объединений (Hordk B., Trdvnicek D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (tzv. Bavorsky geograf). Praha, 1956. S. 2-3).

Иная точка зрения, согласно которой название "лендзяне" было распространено на это объединение восточных славян потому, что в предшествующее образование Древнерусского государства время оно было подчинено польскому племенному объединению с таким названием (towmianski H. Ledzianie. S. 112-114), не опирается на прямые свидетельства источников: о таком племени на территории Польши ничего неизвестно. Население Южной Польши, граничившей с будущими древнерусскими землями в IX в., судя по данным "Баварского географа" (Hordk B., Trdvnicek D. Descriptio. S. 3) и дополнений короля Альфреда к "Истории" Орозия (MMFH. III. S. 338), носило название "висляне". При современном уровне знаний вопрос о том, почему Константин назвал волянян лендзянами, остается открытым.

Последняя обобщающая работа о лендзянах: см.: Labuda G. Czechy, Rus i kraj Ledzian w drugiej potowie X wieku // Labuda G. Studia nad pocz[^]tkami panstwa polskiego. Poznan, 1988. T. II.

16. Единственное раннесредневековое свидетельство о названии территории расселения финского племени - мордвы (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 132) Ср.: DAI. 42.78.

17. Важное свидетельство для решения спора о границах между Болгарией и печенегами в середине X в. (см. коммент. 4 к гл. 8).

18. У Ибн Фадлана есть сведения о кочевьях печенегов, живущих среди гузов, подкрепляющие информацию Константина. Ибн Фадлан отметил бедность и неустроенность этих оторвавшихся от своих соплеменников печенежских племен (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. С. 130 - перевод; Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlans Reisebericht. S. 17-18 - текст, S. 33 - перевод).

19. Названия печенежских крепостей имеют тюркскую основу и поддаются переводу. Вторая составная часть большинства названий, звучащих в передаче Константина как "гатый" или "катый", означает "укрепление" (Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 129; Nemeth J. Die Inschriften. S. 51). Заимствования из древнеиранских наречий в языки западнотюркских групп произошли в глубокой древности (Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 32-33). Итак, названия крепостей переводятся следующим образом: Тунгаты - Тун-катай, т.е. "мирная крепость"; Кракнакаты - Карак-катай, т.е. "сторожевая крепость"; Салмакаты - Салмакатай, т.е. "патрульная крепость"; Сакакаты - Сака-катай, т.е. "крепость на сваях"; Гиэукаты - Иайу-катай, т.е. "военная крепость" (Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 129; Nemeth J. Die Inschriften. S. 51). Лишь название крепости Аспрон (ср.: 9.91) не связано с тюркским языком. Она означает в переводе с греческого "Белая" и идентифицируется с Белгородом Днестровским (DAI. II. P. 57).

20. Константин выделяет среди восьми печенежских племен, переселившихся в южнорусские степи, три племени под названием "кангар". Их названия соответствуют характеристике кангаров как "мужественных и благородных". Это племена "отличающихся заслугами", "голубого чура" и "йула цвета древесной коры" (см. коммент. 10 к гл. 37). Два последних племени имели, как видно из их названий, весьма высоких должностных лиц ("чур" и "гила"). См. коммент. 10 к гл. 38.

К ГЛАВЕ 38

Информация о мадьярах ("турках") в Леведии и Этелькёзе (Ателкузу) - мадьярского происхождения (DAI. II. P. 146). В ней отражено предание мадьяр о их предках как элемент их этнического самосознания в середине X в. (Шушарин В. П. Ранний этап. С. 198-236). Наряду с описанием, восходящим к несохранившемуся сочинению ал-Джайхани и отражающему ситуацию 70-х годов IX в. (текст - в труде Ибн Русте: ZA. 11/2. S. 32-33 - с польским переводом; МЕН. 86-89.1 - венгерский перевод; об ал-Джайхани: Ivdnyi T. Mohamedan forrasok // Bevezetes a magyar ostortenet kutatasanak forrasaiba. Bp., 1976. 1/2. k. 221-222.1.; ZA, II/2. S. 12-13; гипотеза о так называемой Анонимной записке, вошедшей предположительно в труд ал-Джайхани: Левицкий Т. "Мадьяры". С. 57; ZA. 11/2. S. 16-17), гл. 38 - основной источник по истории мадьяр до начала X в. (в Леведии и Этелькёзе). Ее исследование породило обширную литературу (библиография работ:

Jak. I. 219.1., N 3735-3756; II. 210.1., N 5566-5593). Археологической культуры мадьяр восточнее Карпат (кроме отдельных вещей, аналогичных находкам X в. в Среднем Подунавье) не обнаружено (Erdelyi I. A magyar. 19-44.1.; Kristo Gy. Levedi. 73.1.; Bdlin/ Cs. A szaltovomajaki kultura avar es magyar kapcsolatair61 // Archaeologiai Ertesito. Bp., 1975. 53, 54, 60, 62.1.; Bartha A. magyar. 528.1.).

1. Поселение мадьяр в Леведии датируют условно 700-750 гг., а описываемые в главе события с участием Леведии, Алмуца (Алмоша) и Арпада - последней четвертью IX в. (Bartha A. A magyar. 528, 1487.1.; Czegledy K. Magyar. 53-54.1.).

2. О Леведии (венг. Леведи; имя финно-угорского происхождения: Bdrcti G. A magyar szokincs eredete, 2.bov. Bp., 1958. 131.1.) высказано предположение, что он мог родиться около 800 г., а во главе союза племен стоял в 30-е годы IX в. (Kristo Gy. Levedi. 35-39, 41.1.).

3. Перечень предположительных идентификаций: DAI. II. P. 147. Точной идентификации нет (Bartha A. A magyar. 523.1.). О времени поселения в Леведии мадьяр и о ее расположении создано много гипотез: различные отрезки времени между концом VI - концом IX в.; между Доном и Кубанью; между Волгой и Доном; между Доном и Северским Донцом; между Доном, Днестром и Днепром (Banha A. A magyar. 523, 1620-1621.1.; Idem. A IX-X. szazadi. 116-118.1.; Idem. Hungarian Society. P. 79-81; Idem. A magyar honalaptas. 47-54.1.; Kristo Gy. Levedi. 42-43.1.; Erdelyi I. A magyar. 20.1.).

4. Греч. ??? Р. Дженкинз оставляет без перевода. "По всей вероятности, это имя связано с этниконом сабириков и означает "непоколебимые сабары"" (MABF 43.1.). Применение этникона к мадьярам - свидетельство о раннем этапе мадьярско-хазарских отношений, поскольку сабарами называли и хазар (Ligeti L. A magyar. 345.1.; Nemelh Gy. A hontoglalo. 192.1.; Bartha A. A magyar. 519.1.; Erdelyi I. A magyar. 25-26.1.). Этникон "сабары" ("саварты") иногда отождествляют с арабским "ас-савардийа" у Баладзури, арабского историка второй половины IX в. (ум. около 892 г.): ^A.I. S. 220-221, 233-234), с этниконом армянских источников "севордик" (народ VIII в, на р. Кура), а также с латинским антропонимом "Зуард" Венгерского Анонима (SRA. I. P. 41, 75, 77, 78, 80, 90, 92, 93) и автора XIII в. Шимона Кезаи (Ibid P. 160, 167). Обзор и критическая оценка гипотетических отождествлений с библиографией исследований: Ligeti L. A magyar. 344-347.1.; см. также: Минорский В.Ф. История. С. 214; Priisak O. From the Sabirs to the Hungarian // Hungaro-Turcica. Bp., 1976. P. 28, Сближение с этниконом "спали" Плиния и Иордана (Toynbee A. Constantine. P. 422; Toth S. Megjegyzesek Toynbee magyar ostorteneti koncepciojához // Ada Universitatis Szegediensis. Acta Historica. Szeged, 1981. T. 71. 13-181. 15.1.) не имеет оснований.

5. *Генеаи здесь в значении "племена" (ср. гл. 40. 1,4 и др.) (Gyrcffy Gy. Tanulmanyok. 7-8.1.), Известия о семи племенах подтверждаются другими источниками (Kristo Gy. Levedi. 63-65.1.). О возникновении союза племен около 830 г. вблизи Дона: Kristo Gy. Levedi. 65.1.

6. Слово могли заимствовать мадьяры или византийцы из языка восточных славян (Kniezsa I. A magyar. 545-546.1.; Pom A.M. Венгерско-восточнославянские. С. 245). О возможности заимствования византийцем этого слова у болгарина - переводчика посольства во главе с Булчу (см. гл. 40): MABF. 42.1. или у переводчика, использовавшего термин языка паннонских славян: Moor E. Az Arpadmonarchia kialakulasanak kerdesehez // Szazadok. 1970. N 2. 354.1. Высказывались мнения о недостоверности этой информации или о достоверности лишь для времени около 830 г (изложение: Kristo Gy. Levedi. 59-62.1.).

7. Слова "трех лет" вызвали попытки исправить текст: предлагались 300, 200, 20 лет, "много лет" (последнее значение характерно для народных сказаний); DAI. II. P. 148; MABF. 43.1. Предполагают, что "саварты-асфалы" жили в Хазарском хаганате до ухода оттуда в 861-862 гг. 30 или 33 года (Krisio Gy. Levedi. 89-94.1.) либо с 626-628 гг. до 30-х годов IX в. (Gyorffy Gy. Tanulmanyok. 78-79.1.), либо с 750 до 830 г. (Bartha A. A IX-X. szazadi. 103.1.; Idem. Hungarian Society. P. 67; Idem. A magyar. 1487-1488.1.).

8. Видимо, в основном - против печенегов (Kristo Gy. Levedi. 95.1.). Ср. коммент 2 к гл. 3.

9. Подобное родство у тюркских народов - высшее отличие для вассального предводителя (Czegledy K. Magyar. 121.1.), Предполагаемая дата: между 840 и 880 гг., когда, как полагают, Леведия (Леведи) стал сакральным главой (кенде. кюндю) союза мадьярских племен, попавших под власть хазар (Krisio Gy. Levedi. 89.1.; 81--86.1. - изложение других предположений). Но сам этот факт не изменил зависимости союза племен от хагана.

10. Значение этого тюркского слова: "упорный, решительный, мужественный, храбрый" (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 145 - с библиографией исследований). Термин зафиксирован в сирийском источнике VI в. См. также: Кляшторный С. Г. Древнетюркские. С. 164, 178; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 59; Агаджанов С.Г. Очерки. С. 129).

11. О дате ухода печенегов нет общепринятого обоснованного мнения; место нового поселения предположительно: Леведия или Этелькёз, или "восточное Дона" (изложение различных выводов: Krislo Gy. Levedi. 97-100.1.).

12. Предположительная датировка ухода мадьяр в Этелькёз (Ателкузу) - около 850 г. (Kristo Gy. Levedi. 111.1.). Поскольку саварты, если относить к ним известия Баладзури и армянских

источников (см. коммент. 4 к гл. 38), жили в Закавказье уже в VIII в., то предполагают, что информатор Константина путает венгеро-печенежскую войну с более ранней войной печенегов (кангар) с савартами (DAI. P. 148; Czegledy K. Magyar. 246-278.1.).

13. Вснг. Этелькёз - "Междуречье". Расположение области и время прихода туда мадьяр окончательно не установлены (обзор гипотез: Bartha A. A IX-X. szazadi. 116-118.1.; Idem. Hungarian Society. P. 79-81). Современные исследователи предположительно локализируют Этелькёз между Днестром и Сиретом (Kristo Gy. Levedi. 117.1.), восточнее Днепра (Bartha A. A magyar. 527.1.), определенно - западнее Леведии (DAI. П. P. 148; MABF. 44.1.).

14. Видимо, речь идет о попытке хагана снова подчинить мадьяр, предположительно незадолго до 859 г. (Krislo Gy. Levedi. 120-121.1.).

15. Речь Леведии - свидетельство о явном нежелании мадьяр находиться под властью хагана (Kristo Gy. Levedi. 129-132.1.). Это - самый древний памятник венгерского языка, переведенный на среднегреческий (MABF. 44.1.). Он был сохранен устным преданием мадьяр.

16. В традиции раннесредневековых латиноязычных сочинений по истории мадьяр - Almus (перечень упоминаний: SRA.I. P. 508). Венгерский антропоним - Алмош.

17. Реальность личности Арпада сомнений не вызывает. О нем сообщают авторы исторических сочинений королевства Венгрии XI-XIII вв. (перечень упоминаний: SRA. 1. P. 510; II. P. 638), а также - византийский памятник Продолжатель Георгия Монаха в 963-969 гг. (MABF. 59.1.). В последнем, как и в сочинении ал-Джайхани (см. преамбулу к коммент. к гл. 38), отражена традиция о дуализме верховной власти у мадьяр IX в. Сведения мадьярского информатора, записанные византийцем, имели целью обосновать законность единоличной власти потомков Арпада (Gyorffy Gy. Tanulmányok. 127-144, 158-159.1.; Idem. Istvan. 34, 55, 56.1.).

18. Обычай хазар. Слово среднегреческого языка, заимствованное у славян (DAI. П. P. 145-146; MABF. 45.1.).

19. Вероятно, вставка византийца. Мадьяры такого обычая не знали. Ритуал применялся в Римской и Византийской империях при утверждении избранных императоров, а в германских герцогствах X в. - при получении власти новыми династиями (Gyorffy Gy. Istvan. 114, 447.1.).

20. Элемент идеологической фикции, призванной обосновать законность династии Арпада. Ее необоснованность выявляется при сопоставлении со свидетельством восточного автора о дуализме верховной власти у мадьяр (см. преамбулу к коммент. к гл. 38) и со сравнительно-историческим материалом о вождях союзов племен.

21. "Туркия" в византийских памятниках (перечень упоминаний: MABF. 353, 364.1.) - перевод венгерского слова "Мадьярорсаг" - "Страна мадьяр" (русск. Венгрия).

22. Это утверждение мадьяр, информировавших императора. Из других источников ему было известно о нескольких архонтах, что было отмечено в сочинении "О церемониях" (MABF. 34.1., N 3) (см. коммент. 10 к гл. 8).

23. О Великой Моравии см. гл. 13, 40; о Моравии - гл. 41, 42. "Великая Моравия" могла означать также "Старая, Древняя Моравия" (Senga T. Moravia. 317.1.; Kristo Gy. Levedi. 162.1.). О двух областях мораван ("мархариин" и "мерехани") говорит так называемый "Баварский географ" (первая половина IX в.: MMFH.III. P. 287). Занимало это государство небольшую площадь (центральная область - 50 на 50 км: Voпа I. A nevandorlas. 369.1.). Великая Моравия в Действительности не занимала всей территории, где поселились мадьяры после овоеания Среднего Подунавья. В независимых друг от друга памятниках (Константин Багрянородный, Житие Наума, "Хроника" прюмского аббата Регино, "Антаподосис" Лиудпранда) прослеживается традиция о "разрушении" мадьярами Великой Моравии (изложение свидетельств: Senga T. Moravia. 325-342.1.; Szegfu L. Vata. 14-15.1.). Генезис традиции требует изучения. Ее недостоверность, однако, доказывается итогами археологического изучения территории Моравии согласно которым "перед 950 г. в Моравии не прекратилось использование ни одного могильника. "Концентрация" населения произошла в 850-875 гг., а расцвет поселений приходится на 875-950 гг." (Вола I. A nevandorlas. 1604.1.). Свидетельства о "рассеянии", "изгнании" населения относятся к княжеской дружине и дворцовым слугам, а не к массе мораван (убыль населения произошла лишь во второй половине X в.). Таковы выводы венгерских, чешских и словацких исследователей (вывод археолога Б. Досталы: Voпа I. A nevandorlas 1604.1.; см. также: Gyorffy Gy. Honfoglalas. 603-604.1.; Szegfif L. Vata. 14-15.1; Kutera M. Slovensko po pade Vel'kej Moravy. Bratislava, 1974. S. 47-59).

24. Известны свидетельства многих источников о существовании и постепенной ассимиляции части мадьяр, оставшейся на востоке. Зафиксированное здесь народное предание имеет, следовательно, объективные основания (сводка свидетельств: Шушарин В.П. Ранний этап. С. 221-235).

25. Несомненная вставка византийца в информацию мадьяр.

26. Нет никаких данных об этих отношениях.

27. Это Этелькёз, название которого не было известно информаторам императора Данное обстоятельство, а также печенежские названия рек Днепра (Варух) Буга (Куву) и тюркское - Днестра (Трулл) позволяют предполагать печенежский источник информации (DAI. II. P. 145-146;

МАВФ. 45.1.).

28. Гидронимы Брут и Серет (Прут и Сирет) соответственно иранского и древнего, индоевропейского происхождения (Kiss L. Foldrajzi. 526, 511.1.) Сохранение гидронимов - свидетельство непрерывности контактов народов, сменявших здесь друг друга.

К ГЛАВЕ 39

1. Свидетельство о каварах содержится также в западных анналах под 881 г (Kristo Gy. Levedi. 149, 516.1.; MMFH. I. P. 131). Этнокон сохранился в четырех топонимах (Krislo Gy., Makk F., Szegfu L. Adatok. I.k. 12.1.). Предложены этимологии слова "кавар": от тюркского слова "не подчиняющийся, восставший" (Nemeth Gy. A honfoglal6. 39. 237.1.) или от венгерского "смешивать" (Kristo Gy., Makk F., Szegfu L. Adatok. I.k. 12.1.). Источники не содержат определенных указаний относительно времени присоединения каваров к мадьярам, Об этническом составе племен каваров, о их расселении на территории мадьяр. Эти проблемы решаются гипотетически (Erdelyi I. A magyar. 44-46.1.; Gyorffy Gy. A kabar kerdes // Forras. Kecskemet. 1983. N 7. 22-25.1.). Археологические поиски пока не дали определенных результатов (Эрдели И. Кабары (кавары) В Карпатском бассейне // СА. 1983. N 4. С. 179; Mesterhazy K. Die landnehmenden ungarischen Stamme // Acta Archaeologica ASH. 1978. T. 30. N 3/4. S. 323; Idem. Nemzetsegi szervezet es osztalyviszonyok kialakulasa a honfoglalo magyarsagnal. Вр., 1980. 46, 64.1.). Выход каваров из Хазарского хаганата связывают с междоусобицами в хаганате, датируемыми 799-843 г. (Macartney C.A. The Magyars. P. 122-123; Pritsak O. Yowar und Kawar // Ural-Altische Jahrbücher. 1965. Bd. 36. S. 390-393; Dunlop D.M. The History. P. 197). Более обоснованной Представляется дата около 850 г. (Kristo Gy. Levedi. 112-115, 512-513.1) Гипотеза о тождестве каваров и "черных мадьяр" ("угров") памятников XI-XII вв. (ПВЛ. Ч. I. С. 14; CF. I. P. 16, 430; Gyorffy Gy. Istvan. 166, 552.1.; Krist6 Gy. A fekete magyarok es a pecsi puspokseg alapitasa // Acta Universitatis Szegediensis. Acta Historica. Szeged, 1985. T. 82. 15-16.1.) вызывает возражения (Шушарин В.П. Ранний этап. С. 243; Toth S. Kabarok es fekete magyarok//Acta Universitatis Szegediensis. Acta Historica. Szeged, 1987. T. 84.28.1.). Нет оснований считать Булчу (см. коммент. 38 к гл. 40) вождем каваров, который будто бы сообщил около 948 г. в Константинополе информацию, отраженную здесь (Dummerlh D. Az Arpadok nyomaban. Вр., 1977. 75-76, 102.1.).

2. О хазарах см. коммент. 3 к гл. 6.

3. Языковеды (см. изложение их взглядов: Ligeti L. A magyar. 360.1.; Kristo Gy. Levedi. 70, 506.1.) отвергают факт двуязычия мадьяр. Однако известны мнения о его возможности (DAI. II. P. 150; Krislo Gy. Levedi. 71.1.; Wmeth Gy. A. honfoglalo. 279-280.1.).

К ГЛАВЕ 40

1. Мдьярском происхождении информации свидетельствует соответствие греческих форм мадьярским названиям племен: Ньек, Медьер, Кюрт и Дьярмат, Тарьян, Енё Кер, Кеси. Первые два названия - финно-угорского, остальные - тюркского происхождения (DAI. II. P. 150; МТЕ. I-III). Мадьярские формы наименований племен сохранились примерно в трехстах топонимах королевства Венгрии (Nemeth Gy. A honfoglalo. 233.1.; Kristo Gy., Makk F., Szegff L. Adatok. I.k 32-38.1.).

Названия не всех племен интерпретируются в современной науке однозначно. Из предложенных Д. Неметом толкований (Nemeth Gy. A honfoglalo. 241-273.1.). одни остались общепризнанными, другие оспариваются (МТЕ. I-III). В финно-угорском по происхождению и форме имени "Ньек" усматривают значение "препятствие, защищающее границу; ограда, плетень, живая изгородь" (МТЕ. II. 1039.1.). Название "Медьер" (такого же происхождения и формы) сохранило самоназвание мадьяр (первоначальное "мужчина, человек, говорящий человек") (МТЕ. II. 816.1.; Вереш П. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977. С. 59). Ни в одном источнике не находит подтверждения широко распространенный взгляд, воспроизведенный и В. П. Шушариным (Шушарин В. П. Венгерские племена до прихода в Среднее Подунавье. Поселение венгерских племен в Среднем Подунавье. Образование раннефеодального венгерского государства (конец 9 - начало 11 в.) // История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 94), согласно которому племя Медьер играло ведущую роль в союзе племен во главе с Арпадом, ставшим основателем династии королей Венгрии (опровержения этого взгляда: Gyorffy Gy. Istvan. 30-31.1.; Idem. Honfoglalas. 633.1.). Название Кюрт, тюркское по происхождению, означает "вьюга, снежные заносы". В последнее время высказано мнение, что происхождение слова неясно, а первоначальное его значение в языке мадьяр - "духовой инструмент из рога крупного скота" (МТЕ. II. 693-694.1.; Kristo Gy., Makk F., Szegfu L. Adatok. I.k. 34.1.). Название Дьярмат происходит от тюркского "неутомимый". Однако эта этимология не является общепризнанной. Отмечено совпадение названия "Дьярмат" с наименованием одного из племен башкир - "юрматы" (Кузеев Р. Г. Очерки, С. 50; Башкирские шежере / Составл., пер. текстов, введение и коммент. Р.Г. Кузеева.

Уфа, 1960. С. 27, 178; Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия. С. 254; Mnddoki Kangur I. Magyar. 44.!).

В названии племени Тарьян усматривают тюркское обозначение титула "таркан" - "тархан" (один из титулов военного предводителя). Гипотеза об Арпаде как главе племени Тарьян слабо обоснована (Gyorffy Gy. Istvan. 30-31.1.).

Название племени Енё возводится к тюркскому "название сана", "министр". Название совпадает с именем одного из племен башкир - Еней (Кузеев Р.Г. Очерки. С. 57; Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия. С. 14; Mnddoki Kangur I. Magyar. 41, 44.1.).

Племенное имя Кер Немет считал тюркским словом "гигантский, огромный". В последнее время это мнение оспорено, причем указано на то, что мадьярский глагол "кер" ("просить", "требовать") и устаревшее мадьярское "кер" ("кора") имеют финно-угорское происхождение (Kristo Gy, Makk F., Szegff L. Adatok. 1.k., 36.1.).

Сходная ситуация в науке имеет место и относительно этимологии имени племени Кеси. Немет возводил его к тюркскому слову со значением "остаток, часть, кусок, ветвь". Ныне это толкование отвергнуто, вопрос не решен (Kristo Gy., Makk F., SzefgS L. Adatok. I.k, 37.1.). Немет усматривает совпадение этого племенного названия с наименованием башкирского рода - Кесе-Табын (Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия. С. 255; Кузеев Р.Г. Очерки. С. 51). и. Мандоки Кангур решительно отрицает такое совпадение (Mnddoki Kangur I. Magyar. 43.1.), доказывает неосновательность мнения Немета о совпадении названий племен Ньек с именем башкирского рода Нагман и отмечает беспочвенность сопоставления имен этнических групп, обозначенных в русских памятниках терминами "мочар", "можар", "можеряне", с этнонимом мадьяр и названием башкирского племени медьер (Немет Ю. ф. Венгерские племенные названия. С. 255-256; Mandoki Kangur I. Magyar. 43-44.1.). О необходимости дальнейшего исследования: Ligeli L. A magyar. 378.1.

2. Эти события имели место в 894 г. Походу мадьяр на Симеона предшествовало соглашение византийцев с главами мадьяр Арпадом и Курсаном, получение мадьярами императорских даров. Мадьяры воспользовались тем, что Симеон был занят на юге борьбой с войсками империи. Перечень известий: DAI II. P. 150. См. об этом подробно гл. 51.109-124.

3. Столица Болгарии с 893 г. (с начала правления Симеона).

4. Имеется в виду крепость и один из религиозных центров Первого Болгарского царства и в языческую, и в христианскую эпохи - Мадара. Расположен в Северо-Восточной Болгарии. Под этим же названием существует и ныне как небольшой город.

5. Мадьярская форма - "Левейте". Предполагается о нем как о вожде каваров и военачальнике мадьяр см.: Gydrffy Gy. Istvan. 28, 34, 41, 57.1.

6. Мир с Византией был заключен в 895 г., поход Симеона и печенегов против мадьяр датируют летом 895 г. (Gyorffy Gy. Honfoglalas. 593.1.) Есть основания сомневаться в достоверности сообщения об "истреблении целиком... семей" мадьяр (Gyorffy Gy. Honfoglalas. 593.1.). Сообщение носит следы венгерской версии в объяснении причин их ухода в Среднее Подунавье и свидетельствует скорее не об историческом факте, а об элементе этнического самосознания мадьяр (Шушарин В. П. Ранний этап. С. 255-256).

7. Эта форма венгерского слова "Этелькёз" - следствие его непонимания византийцем (ср. коммент. 13 к гл. 38).

8. Его остатки существуют и ныне: DAI. P. 151.

9. Свидетельство осведомленности авторов главы об античной истории Нижнего Подунавья. "Туркия", по их представлениям, начиналась у совр. Турну Северина, несколько ниже Железных ворот (венг. Сёренъвар). Обращает на себя внимание приведенное Константином славянское наименование Сингидуна - "Белеград" (Белград).

10. Некорректность выражения "обратное течение" объясняется древней традицией, согласно которой Дунай, поворачивая назад, "тек" по Саве и впадал в Адриатическое море (MABF. 48.1.; DAI. II. P. 151).

11. Совр. Сремска Митровица. Форма, здесь зафиксированная, развилась, видимо, из латинского Sirmium, к которой восходит и южнославянское "Срем", получившее в венгерском заимствовании форму "Серем", "Серемшер" (Melich J. A honfoglalaskori. 77, 80.1.; Kiss. L. Foldrajzi. 610.1.).

12. О Великой Моравии и о причинах ошибки в определении ее как языческой страны см. коммент. 5 к гл. 12, коммент. 23 к гл. 38. Библиография работ по истории Великой Моравии: Jak. I. 202-203.1., N 3360-3391; П. 191-193.1., N 5056-5146; III. 295-297.1., N 7094-7158.

13. О Сфендоплке (Святополке) см. коммент. 6 к гл. 13.

14. Название Дуная в античной традиции.

15. Как и сведения о мадьярах в главе 13, это описание расположения занятой ими территории сделано с их собственных слов.

16. Кроме реки Тутис, остальные четыре легко идентифицируются с Темешем, Марошем (рум. Муреш), Кёрёшем (рум. Криш) и Тисой (MABF. 48.1.; DAI II. P. 152). Важнейшим доказательством

получения информации об этих реках непосредственно от мадьяр является тот факт, что в грецизированных формах названий рек отразились их мадьярские наименования. Основные формы этих гидронимов существовали еще в языке фракийцев (даков). Мадьярам гидронимы стали известны от славян (Kiss L. Foldrajzi. 358, 408, 637, 643.1.).

17. Обыденное сознание мадьяр, представление которых здесь зафиксировано, воспринимало болгар как своих восточных соседей, хотя они жили юго-восточнее бассейнов указанных рек. Впрочем, в самом начале освоения территории Среднего Подунавья мадьяры поселились в средней части междуречья Дравы и Савы, тогда как восточная часть междуречья (со Сремом) находилась под властью царя Болгарии Симеона. Она была занята мадьярами после его смерти (927 г), в первой половине X в. (Melich J. A honfoglalaskori. 77.1.), так что некоторое время владения болгар соседствовали с жившими в упомянутом районе мадьярами действительно с восточной стороны.

18. О том, что мадьяры могли воспринимать печенегов как северных соседей, (т. коммент. 4 к гл. 13.

19. О франках и хорватах как соседях мадьяр см. коммент. 3 и 8 к гл. 13.

20. Поскольку племен названо восемь, ясно, что в их число включены безоговорочно и кавары. К середине X в., следовательно, по представлениям самих мадьяр (информация исходила от них), уже не было оснований особо выделять каваров ни политически, ни этнически.

21. Заслуживает самого пристального внимания предлагаемая Р. Дженкинзом конъектура: убрать отрицание *οις* перед глаголом *υπειχοιουιν* ("подчиняются"). Смысл пассажа как будто состоит в том, что в мирное время восемь племен венгров подвластны каждому собственному вождю, а во время военной опасности подчиняются, видимо, единому управлению и вместе идут сражаться "в какой бы стороне ни возникла война".

22. Фраза отражает представления мадьярской знати о структуре союза племен как объединения для защиты территорий, осью которых являлись реки.

23. *Генеа (в отличие от *генеаи в гл. 38.10 - "племена") имеет здесь значение "род". Это, на первый взгляд, неправдоподобное утверждение (наличие архонта у каждого рода и в то же время относительное единство мадьяр при их сношениях с Византией), а также разбросанность "племенных" топонимов на территории Венгрии в X в. находят вполне правдоподобное объяснение. Полукочевые и кочевые общности знают быстрый распад племен на роды, ветви, большие семьи под влиянием военных поражений, эпизоотии и т.п. Видимо, в X в. племен, названия которых сообщили мадьяры византийцам, уже не существовало как политической реальности, а начался новый процесс интеграции родов. Не случайно традиции хроник королевства Венгрии не знает наименований племен. В ней фигурируют выдающиеся главы именно родов (Gyorffy Gy. Tanulmányok. 8-9.1.). Археологический материал X в. также подтверждает факт исчезновения ко второй половине X в. территорий, компактно заселенных племенами (Mesterhazy K. Die landnehmenden ungarischen Stamme. S. 345).

24. Грецизированная форма мадьярского "Дьюла" (имя и сан). Здесь - во втором значении ("судья"), а в описании мадьяр 70-х годов IX в., сделанном восточным автором, - фактический глава мадьяр (MÉN.86.1.; ZA. 11/2. S. 32-33). Как антропоним - в сочинении Скилицы (X в.), который сообщает о посещении Константинополя "архонтами" мадьяр - Булчу, а "немного позже" - Дьюлой (MABF. 85.1). Это известие подтверждается рассказом переводного древнерусского памятника (см. коммент. 1 к гл. 3). Кроме того, имя Дьюла носил один из военачальников мадьяр времени их поселения в Среднем Подунавье (перечень упоминаний в исторических сочинениях королевства Венгрии: SRA. I. P. 525; II. P. 653). Само слово попало в язык мадьяр из языка хазар (Ligeli L. A magyar. 253-254, 485.1.); в общетюркском языке имело значение "факел" (MTE. I. 1137-1138.1.); предположение о связи с этим словом названия одного из поколений башкирского рода ("Юламан": Кузеев Р.Г. Очерки. С. 57 (источник сведений неизвестен); антропоним "Юламан": Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия. С. 255) признается или неосновательным (Mandoki Kangur I. Magyar. 44-45.1.) или требующим дальнейшего исследования (Ligeti L. A magyar. 378.1.).

25. Грецизированная форма мадьярского имени "Хорка". О венгерском антропониме в памятниках королевства Венгрии: SRA. I. P. 526; в арабском памятнике XI в. о событии 942 г. ("Хархади"): Czegledy K. Magyar. 131-132, 140-141.1.; Gyorffy Gy. Honioglalas. 609, 1636.1. Венгерское слово тюркского (Kristo Gy., Makk F., Szegfu L. Adatok. I.k. 55-56.1.; "перемешивающий, впутывающий"; есть в шести топонимах средневековой Венгрии) или неизвестного происхождения приобрело грецизированную форму благодаря передаче его переводчиком-славянином: Gyortyffy Gy. Honfoglalas. 1636.1.

26. Только о династии Арпада в памятнике сохранились подробные сведения (MABF. 49.1.; DAI. II. P. 152). Судя по отсутствию в следующей далее генеалогии сына Арпада Лиундики (венг. Левенте), сведения о войне 894 г. (40.9-22) и данные о неочисленных ниже лицах записаны от оазных ишьюоматооов. Библиография работ об этих лицах: MABF. 49.1. Далее приводятся сведения об упоминаниях о них в источниках (в том числе и в форме топонимов) и об их этимологиях, содержащиеся в работе: Kristó Gy., Makk F., Szegfu L. Adatok. I.k. 42-51.1. О многих из

них см. лингвистический анализ с библиографией работ этимологов: Ligeti L. A magyar.

27. Имя Таркацуса (венг. Таркачу) упоминается только здесь. От тюркского слова со значением "высыпаться, выступать, возникать, происходить"; могло обозначать и достоинство, сан. Отражено в восьми топонимах королевства Венгрии.

28. Венг. Юллё идентифицируется с упомянутым в сочинении Анонима "дядей" Арпада - отцом двух вождей мадьяр, пришедших в Среднее Подунавье (SRA. I. P. 41, 74, 75). От тюркского слова со значением "князь" (или "есть, потреблять"). В документах королевства Венгрии упомянуты два таких антропонима и шестнадцать топонимов, в которых он отражен.

29. Венг. Юташ (Ютоша) упоминается только здесь, происходит от тюркского слова со значением "лакомка". Известны два соответствия этому антропониму в документах и пять в топонимии королевства Венгрии.

30. Венг. Золтан (Зулта) фигурирует в исторических сочинениях королевства Венгрии (перечень: SRA. I. P. 552-553) как сын Арпада. Слово происходит от арабского термина, обозначающего сан ("султан"), попало в язык мадьяр при посредстве тюрков. Антропоним единожды отражен в документах и дважды в топонимии королевства Венгрии.

31. Венг. Тевел упомянут только здесь. Из мадьярского глагола "втыкать, вонзать" или из тюркского слова со значением "верблюды". Отражен в семи топонимах королевства Венгрии.

32. Венг. Эзелё упомянут только здесь, произведен от мадьярского слова уральского происхождения со значением "пробующий" (дегустирующий), "сластёна, лакомка".

33. Венг. Фаличи (Файс) возводят к мадьярскому слову уральского происхождения "жрать", "есть" (MTE. I. 833-834.1) или "прожорливый". Отражен в восьми топонимах королевства Венгрии. Как об "архонте" мадьяр в эпоху написания трактата о нем сказано только здесь. Время правления (предположительно): 943 - около 955 г. (Gyorffy Gy. Nonfoglalas. 676-702.1.).

34. Венг. Такшонь от тюрк. слова со значением "сытый". Антропоним отражен в пяти топонимах королевства Венгрии. Лиудпранд в написанном после 958 г. сочинении "Антаподосис" упоминает его, называя "королем мадьяр" при описании набега его отряда на Италию около 947 г. (CF. II. P. 1473-1474; МЕН. 233.1.). Фигурирует в памятниках королевства Венгрии как сын Золты (перечень: SRA. I. P. 548: Toksun). Был правителем мадьяр, основателем королевской династии (около 955 г. - около 970 г.): Gyorffy Gy. Nonfoglalas. 702-716.1.

35. Венг. Таш едва ли идентичен одному из персонажей сочинения Анонима с тем же именем (перечень: SRA. P. 548: Tosu); у Анонима он - один из предводителей мадьяр, пришедших в Среднее Подунавье. От тюркских "камень" или "сытый". Воспроизведен в двух антропонимах и в восьми топонимах, зафиксированных в королевстве Венгрии.

36. Венг. Термачу (Тормаш). Антропоним связывают с тюркскими словами "высыпаться, выступать, возникать, происходить" или "стоять, вставать, возвышаться, существовать", или "жить". Отражен в пятидесяти пяти топонимах королевства Венгрии, содержащих этот антропоним. Сводка известий о посещении Византии: Gyorffy Gy. Nonfoglalas. 682.1. У армянского хрониста VIII в. Левонда (Гевонда) в описании событий 730 г. упомянут хазарский военачальник Тармач. Полагают, что мадьяры заимствовали это имя у западных тюрков до прихода в Среднее Подунавье (Czegledy K. Терцатоой; // Acta antiqua ASH. 1962. T. 10. N 1-2. P. 82-84).

37. Предположительная датировка: около 948 г. (MABF. 49.1.; Gyorffy Gy. Nonfoglalas. 683.1.).

38. Грецизированная форма венг. антропонима Булчу. Весьма вероятно, что этот же антропоним Скилица передал в форме "Вулосудис". (Scyl. P. 237; MABF. 85.1) В славянском переводе XIV-XV вв., воспроизводящем это сообщение в изложении Иоанна Зонары, - "Волисуд" (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. S. 346; Bd. II. S. 107). Антропоним встречается в памятниках королевства Венгрии (перечень: SRA. I. P. 514: Bulsuu; 550: Werbulchu). Аноним охарактеризовал его как "кровавого мужа" (SRA. I. P. 107). Эта же характеристика содержится в антропониме "Вербулчу" (мадьярск. "кровавый Булчу"), под которым в хрониках королевства Венгрии фигурируют седьмой и шестой вожди мадьяр, пришедших в Среднее Подунавье (SRA. I. P. 167, 292). Под этим же именем известны знатный род в раннесредневековой Венгрии и "король" Булчу в западных памятниках (при описании событий 955 г.). (CF. I. P. 199-200, 354; II. P. 1046). Сведения о том, что Булчу являлся кархой и третьим архонтом, содержатся только в рассматриваемом известии. Этимология антропонима спорна: его возводят к мадьярскому слову тюркского происхождения "отпускать" или к тюркскому со значением "смешивать". Отражен в антропонимии (два упоминания) и в 23 топонимах королевства Венгрии. Сводка известий: Gyorffy Gy. Nonfoglalas. 677-704.1.

39. Венг. Кал не упоминается в письменных памятниках. Известно одно отражение в антропонимии Венгрии и шестнадцать - в топонимии. Происходит от тюркского слова в значении "оставаться".

К ГЛАВЕ 41

1. О Моравии и ее правителе Святополке см. коммент. 5 и б к гл. 13.

2. Для рассказа о "завете Святополка" указаны фольклорные параллели от "басен" Эзопа до басен Лафонтена, а также рассказ Плутарха о скифском царе Скилуре. Поскольку в фольклорных версиях говорится обычно о простой семье, а в рассказе Плутарха о царе и его детях, то здесь следует думать, что Константин Багрянородный как знаток Плутарха приспособил рассказ о Скилуре к своим целям. Впрочем, не исключено и фольклорное заимствование, поскольку в аналогичных рассказах из восточного эпоса героем сюжета выступает именно царь (Tille V. Svatopluk et la parabole du viellard et de ses enfants // *Revue des études slaves*. 1925. T. V. P. 82-84). В пользу последнего решения говорит упоминание о трех сыновьях, что типично именно для фольклорных версий, в то время как франкские анналы знают лишь двух сыновей Святополка - Моймира и Святополка, а у Плутарха речь идет о восьмидесяти сыновьях скифского царя.

3. Святополк умер в 894 г., очевидно, в его первой половине, а война между его сыновьями началась в 898 г. (*Annales Fuldenses*. A. 898). Причинная связь, указанная Константином между этой войной и падением Великоморавской державы, по-видимому, не имела места: конфликт был скоротечным, и уже в следующем 899 г. Святополк со своими сторонниками, несмотря на помощь баварских войск, вынужден был бежать из страны (MFH. I. P. 125-126). Распад же Великоморавской державы под напором венгров произошел около 906-907 гг. (либо в 902 г. - Gyorffy Gy. *Honfoglalás*. 604, 1630.1.) и объяснялся иными причинами (Havlik L. *Velkii Morava a stredoevropsti Slovane*. Praha, 1964. S. 74-178). Оценка Константина, однако, не единична: очень близкую характеристику причин падения Великоморавской державы дал в своей хронике Регино, аббат Прюмский (начало X в.) (MMFH. 1. P. 139-140).

4. О полном упадке Великоморавской державы и поселении венгров на ее территории Константин говорит неоднократно. В двух местах (в гл. 38 и 41) он отмечает, что прежнее население покинуло страну, будучи изгнано венграми (гл. 38), или разбежалось (гл. 41). Аналогично оценивали положение и другие современники. Так, Регино Прюмский писал, что "Ungaris omnia usque ad solum depopulantibus" (MMFH. I. P. 140), а автор "Жития Наума", болгарского памятника X в., сообщал, что венгры, придя в Моравию, "поплънише землю их и опустише ю, их же бо не поплънише Оугри, то въ Българы бѣжаше, и оста земля их поуоста Оугром въ власть" (Иванов И. *Български старини из Македония*. С., 1970. С. 307). Однако эти утверждения не совсем соответствуют действительности. Для "ядра" Великоморавской державы (на территории совр. Моравии) раскопки свидетельствуют лишь о разрушении и запустении ряда наиболее крупных "градов", тогда как ряд других центров продолжал существовать, а население стабильно сохранилось во всех районах, заселенных до прихода венгров (см.: Novotny B. *K otázce vztahu mezi středohradistným a pozdnehradistným osídlením na území dnešní Moravy*. // *Pamatky Archeologické*. 1962. T. 53/1). См. также коммент. 23 к гл. 38.

Поселения венгров имелись лишь на южной окраине этой территории (Va-na Z. *Madari a Slovane ve svetle archeologických nálezí X-XII století* // *Slovanska archeologia*. 1954. 2). Об отношениях населения этой территории к венграм в первой половине X в. данных нет, кроме сообщений о набегах венгров на Тюрингию и сорбов, для чего они должны были проходить через Моравию. На восточных землях Великоморавской державы (территория совр. Словакии), несомненно, уже в X в. появилось множество поселений венгров, но и здесь, хотя ход развития был нарушен, по-видимому, сильнее, чем в более западных областях, коренное население в основном осталось на месте (см.: Rutkay A. *Problematyka historického vývoja na území Slovenska v 10-13 storočí z hľadiska archeologického bádania* // *Veľká Morava a počatky československej štátnosti*. Praha; Bratislava, 1985. S. 151 i п.).

Упомянутые здесь "хорваты"- это, вероятно, население Восточной Чехии (о них см. комм. 14 к гл. 30).

К ГЛАВЕ 42

Глава посвящена описанию пути от Фессалоники до Дуная и затем по Северному Причерноморью вплоть до Кавказского побережья Черного моря, а также истории хазарской крепости Саркел и обстоятельствам, в силу которых были приняты меры по укреплению Херсона как центра византийского провинциального округа. Если итинерарий датируется временем после 906 г., то сведения о пути из Фессалоники в Белград могли относиться ко времени после смерти болгарского царя Симеона в 927 г. и изменения характера византийско-болгарских отношений, когда путь из Фессалоники к Белграду стал безопасным. Тем не менее путь к устью Дуная через Белград (от Фессалоники) вдвое длиннее, чем через территорию Болгарии, что не могло не быть известным Константину при редактировании материалов этой главы. Поэтому Г.Г. Литаврин считает возможным, что император, выдерживающий всюду враждебный тон в отношении Болгарии, где правили зять ненавистного ему Романа Лакапина Петр и внучка Романа Ирина-Мария, рассматривал эту страну как враждебную империи, считая проход византийцев по ее земле опасным. Отрезок пути до Белграда также проходил по территории Болгарии, земли которой по договору с Византией 815 г. должны были принадлежать империи, и Константин, вероятно, готов

рассматривать этот район и в момент редактирования главы как владения Византии (Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный (в печати)). Данные о Саркеле следует датировать периодом, еще более близким к эпохе составления трактата (DAI. II. P. 153- 154).

1. Слав. Солунь, совр. Салоники, город и порт в Северной Греции, на юге Македонии. Основан в 316/5 г. до н.э.; после 146 г. до н.э. центр римской провинции; уже в раннехристианское время центр митрополии, в византийский период второй по значению после Константинополя город империи, крупнейший административный, ремесленный, торговый и религиозно-культурный центр Средиземноморья (Bakalopoulos A.E. ????. 315 п.Х. - 1912. ???, 1947). Центром международной торговли была знаменитая, в том числе среди славян, солунская ярмарка (Dieterich K. Zur Kulturgeographie und Kultur-geschichte des byzantinischen Balkanhandels // BZ. 1931. Bd. 31; Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX - начала X в. // ВВ. 1956 Т. 8. С. 77). Не случайно поэтому описываемое здесь путешествие начинается не от Константинополя, а от торгового центра - Фессалоники, что может указывать и на источник информации для Константина. В самой Фессалонике скрещивались важнейшие торгово-стратегические пути региона: помимо проходившей через город знаменитой дороги *via Egnatia*, связывавшей Константинополь с Адриатикой, из Солуни шел путь к Дунаю через Сердику (совр. София) или Филиппополь (совр. Пловдив) (Tafel Th. De Thessalonica eiusque agro dis-sertatio geographica. Berolini, 1839; Jirecek K. Die Heerstrape von Belgrad nach Constantinopel. Prag, 1877. S.. 76-77; Tafrali O. Topographie de Thessalonique P., 1913; Idem. Thessalonique des origines au XIVe siecle. P., 1919; Коледаров П. Името "Македония" в историческата география. С., 1985. С. 72 и след.).

2. Белград. Ср. коммент. 9 к гл. 40.

3. О "Туркии" (Венгрии) см. коммент. 1 к гл. 3.

4. О "Пачинакии" (стране печенегов) см. коммент. 1 к гл. 1.

5. О Саркеле см. коммент. 2 к гл. 11. Крепость предназначалась для обороны хазарских владений от врагов с запада, предположительно русов. Высказывавшееся ранее мнение, что крепость служила для защиты от печенегов или мадьяр, малообоснованно. Оно противоречит и данным Константина: мадьяры являлись в ту пору союзниками Хазарии. Саркел был взят Святославом в 965 г. (ПВЛ. Ч. 1. С. 47), а затем перешел под контроль печенегов или (что вероятнее) половцев. О строительстве Саркела Петроной упоминает и Продолжатель Феофана (Theoph. Cont. P. 122-124). Возможно, описания этого хрониста и Константина восходят к общему источнику.

6. О "Росии" см. коммент. 3 к гл. 9.

7. Залив Черного моря, в древности называвшийся Каркениским (Чичурм И.С. византийские исторические сочинения. С. 110). См. также гл. 42.69, 79.

8. Херсоне см. коммент. 14 к гл. 1.

9. Боспоре см. коммент. 1 к гл. 11.

10. Климатах см. коммент. 15 к гл. 1.

11. Античное название Азовского моря-

12. Город на восточном берегу Керченского пролива. Собственно та Матйруи. Это подтверждается арабской формой его имени - "Матрега" (Ватльевский В. Г. Труды. Т. П. С. 374-380). Русское название - Тмутаракань. В хазарских документах (на древнееврейском языке) фигурирует Самкерц, вероятно идентичный Тмутаракани (Коковцов У.К. Еврейско-хазарская переписка. С. 102, 106-107, 118; Go/A N.. Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents. P. 128, 137) и хазарской крепости Самкуш (Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 385). Этимология названий Матарха и Самкуш (Самкерц) не ясна. В памятниках IX-X вв. Самкерц - Самкуш - Тмутаракань предстает как хазарская крепость, но Константин умалчивает об этом. Возможно, в 40-50-х годах X в. хазарской власти там не было. Город тогда не принадлежал и Руси. Однако хазарский царь Иосиф, писавший в 50-х годах X в., явно относит Самкерц к владениям Хазарии (Коковцов У.К. Еврейско-хазарская переписка. С. 102). Кембриджский документ также свидетельствует о власти хазар в Самкерце (Golb N.. Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents. P. 114-119), хотя там речь идет о событиях более ранних (20-30-е годы X в. ?). Не исключено, что в ту пору, когда составлялся этот трактат Константина, Тмутаракань не подчинялась ни хазарам, ни Руси. Она была захвачена древними русами, видимо, во время походов Святослава на ясов и касогов.

13. О Зихии см. коммент. 4 к гл. 6.

14. Папагня, расположенная, как сказано в гл. 42, "выше" Зихии, в других источниках не упоминается. Очевидно, речь идет об одной из групп адыгов, обитавшей к северо-востоку от Зихии.

15. Видимо, объединение еще одной, самой восточной группы адыгских племен. Касаки (нашаки) (в русской летописи - касоги) известны и по арабским памятникам X в. (Минорский В.Ф. История Ширвана. С. 206-207), но там это название имеет собирательное значение для всех адыгов. Следовательно, общий для всех адыгских племен этноним от их восточных соседей - алан - был воспринят другими народами.

16. Об Алании см. коммент. 2 к гл. 10.

17. Абхазское царство X в. - политическое объединение, возникшее в VIII в. после освобождения от византийской власти с помощью хазар (Летопись Картли. Тбилиси, 1982. С. 48; Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959). Первоначально охватывало территории, преимущественно населенные абхазами, но в IX в. Абхазское царство, центр которого был перенесен в Западную Грузию, стало, по сути дела, западногрузинским государством, игравшим важную роль в истории Грузии. Слово Авагсия имеет здесь, видимо, двойной смысл: как обозначение, во-первых, северной области Абхазского царства, а во-вторых. Абхазского царства в целом. Ср. гл. 46 о магистре Георгии, экскусиасте Авагии, т.е. о Георгии II Абхазском (929-957).

18. Обычно отождествляют с известным городом Черноморского побережья Кавказа - античным Питиунтом (совр. Пицунда) (DAI. II. P. 156). Однако идентификация вызывает сомнения, так как в таком случае придется ограничить южные пределы собственно Абхазии районом Питиунта или предположить, что Авагсия X в. (в узком смысле) не охватывала всей этнической территории абхазов. Проблемы истории Абхазии - предмет длительной дискуссии между историками.

19. О Моравии см. коммент. 5 к гл. 13.

20. Болгарский город Дристра - античный Доростол (совр. Силистра). В первой половине X в. была пограничным опорным пунктом Болгарии на пути вторжения печенегов на Балканы (см.: Мутафчиев 77. Избрани произведения. С., 1973. Т. II. С. 50, ср.: Barnea I., tefanescu §1. Din istoria Dobrogei. Bucuresti, 1971. Vol. III. P. 27-31).

21. Ср. о расположении печенегов относительно Болгарии коммент. 2 и 4 к гл. 8.

22. О таксеотах см. коммент. 7 к гл. 30.

23. Придворный титул низшего ранга.

24. В Херсоне найдена печать, принадлежавшая Петроне, анфипату, царскому патрикию и логофету геникона (Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. 1939. N 1. С. 123), датируемая IX в. Но какое отношение он имел к Петрове Каматиру, неизвестно. Каматиры принадлежали к высшим кругам византийской знати (Stadtmuller G. Geschichte der Familie Kamateros // BZ. 1934. Bd. 34. S. 352-358; Каледин А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М., 1974. С. 107 и след.).

25. Феофил, император (829-842). В период его правления были созданы фемы Пафлагония и Халдия в Южном Причерноморье. Укрепление византийских позиций в Таврике было частью общеполитической линии в этом регионе империи (Ostrogorsky G. Geschichte. S. 169 ff.).

26. О хазарских хаганах см. коммент. 3 к гл. 6.

27. Один из титулов реального правителя Хазарии в X в., который прежде именовался шадом, а в IX-X вв. в арабских и еврейских источниках называется царем (малик, мелех). У арабских авторов встречается и в форме бак (Ибн Хаукал. BGA. Т. II/2 P. 390). Ибн Фадлан (писал в 921-922 гг.) называет его хаганом бехом (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 84: л. 212 об. Мешхедской рукописи) и заместителем хагана (халифа). Тюркский титул бех (бак) явно связан с иранским "баг" (ср. слав "бог"), означавшим также "господин правитель" (Согдийские документы с горы Муг М., 1962. Вып. 11. С. 41, 81). В древнетюркских текстах бег - вождь, правитель, князь (Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 91). В документах, происходящих из Хазарви (на древнееврейском языке), хаган либо вообще не упоминается, либо назван судьей (Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка; Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents). Судя по данным гл. 42, в первой половине IX в. бек (пех) был еще формально вторым лицом государства (он упомянут после хагана). Ибн Фадлан пишет, что у хазар два властителя: главный - "великий хаган" и его заместитель - "хаган-бех" (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. С. 146). Ал-Истахри и следовавший за ним во многих деталях Ибн Хаукал (X в.) называют главного правителя Хазарии "хаган-хазаром" а его заместителя - "малик хазар", т.е. "царь хазар". (BGA Т. I. P. 223; BGA. Т. 11/2, P. 389-390, 395; Бартольд В. В. Соч. Т. 8. С. 58). Таким образом, согласно сведениям восточных источников, глава государства - хаган являлся в X в. номинальным правителем, он не решал дел и не ведал военными силами. Реальной властью обладал его заместитель - бек (шад) (Заходер Б.Н. Каспийский свод. Т. 1. С. 212-226; Dunlop D.M. The History. P. Ю6-108; Zeki Validi Togan A. Ibh Fadlan's Reisebericht. S. 257; ZA. Т. II. Cz. 2. S. 157-158. Komm. 66; Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. N 4. С. 150-159.

28. О хеландиях см. коммент. 1. к гл. 8.

29. О катепанах см. коммент. 37 к гл. 27.

30. Византийская фема на южном побережье Черного моря, в Малой Азии, с центром в Амастриде. Создана при Феофиле на территории прежней фемы Вукеллариев.

31. Античное название Дона, распространенное и в Византии.

32. Букв.: "первенствующим" (см. гл. 1.26). Большинство исследователей, опираясь на данные трактата Константина, считают, что до 833/836 гг. Херсон пользовался самоуправлением, возглавляемый протевомом (местным выборным должностным лицом), а создание фемы включило город с округой в орбиту центральной императорской власти (Якобсон А.Л. Раннесредневековый

Херсонес. С. 53; Левченко М.В. Очерки. С. 194-195; Васильев А.А. Готы в Крыму // Изв. ГАИМК. 1927. Т. V. С. 221-222) Анализ херсонских печатей IX-XI вв. (Соколова И.В. Администрация. С. 207-214) показывает, что в первой половине - второй трети IX в. у власти в Херсоне находились архонты (сохранилось девять печатей). С 70-80-х годов IX в. и до середины X в. их "вытесняют" стратиги - наместники императора в феме Херсон и Климаты, Появляются печати коммерциариев (см. коммент. 46 к гл. 43), других чиновников (всего 21 печать). Константин относит архонтов к членам городского самоуправления: вместе с протевомом они входили в число "отцов города". С образованием фемы Климаты (Херсона) исчезли и печати архонтов. Полномочным представителем византийской администрации стал стратиг, хотя этот округ так и не стал ординарной византийской фемой, сохранив такие привилегии, как чеканка собственной монеты (она возобновилась с 866/7 г. после полуторастолетнего перерыва и продолжалась вплоть до конца X в.) (Соколова И.В. Монеты и печати).

33. архонтах см. коммент. 10 к гл. 8.

34. Опротоспафариях см. коммент. 35 к гл. 32.

35. Букв.: "из этих мест". Судя по переводу, Г.Г. Литаврин понимает данное выражение как указание на обычную практику назначения в фему стратига из центра (ср.: 42.53). Не исключено, однако, что здесь Константин говорит об избрании стратига из жителей Херсона, что еще раз свидетельствует об особом статусе Херсонской фемы в это время.

36. Точной идентификации этих рек пока нет. Предположительно можно считать Сингул Ингулом или Ингульцом.

37. Река, упоминаемая и Феофаном (Theoph. Chron. P. 356.27; 357.9, 434.11) и патриархом Никифором (Nic. Patr. Epist. Col. Кйфи;). Так византийцы называли обычно р. Кубань (античный Гипанис), однако здесь, как и у Феофана (Чичуров и. С. Византийские исторические сочинения. С. 109-110), это, возможно, другая река бассейна Буга и Днепра.

38. Вероятно, Южный Буг.

39. 42.62: ??? ("до") - конъектура Байера - Лерберга.

40. Д. Моравчик идентифицирует эти реки с Сиретом и Прутом (см. коммент. 28 к гл. 38).

41. Не ясно, что Константин имеет в виду под "тридцатью краями".

42. Принимаем, как и Р. Дженкинз, конъектуру Вейберга - Ласкина - Латышева: *Данастреос вместо *Данапреос.

43. О милях см. коммент. 39 к гл. 9.

44. Другие случаи подобного обозначения побережья между устьями Днестра и Днепра неизвестны (Manoilovic G. Studije. Knj. 187. S. 4, bil. 5).

45. О попытках локализации см.: Byzantion. 1937. Т. 12. P. 737-739.

46. Соляной и рыбозасолочный промысел - традиционная, хорошо развитая отрасль херсонской экономики. В Херсоне действовал особый рыбный рынок, вывозились также, помимо соленой высокосортной рыбы, специальные острые соусы и рыбная паста. К настоящему времени на городище раскопано около 300 рыбозасолочных цистерн, 10-14 из них функционировали одновременно, вмещающая свыше 10 тыс. центнеров рыбы для засолки (Романчук А. И. Херсонес в VI - первой половине IX в. Свердловск, 1976. С. 15 и след.).

47. Имеются в виду крепостные сооружения в Таврике, существовавшие уже к IX-X вв. на пространстве от Херсона до Боспора - в Каламите (совр. Инкерман), в районах Ласпи, Кастрополя, Биюк-Исар, Кучук-Исар, Исар-Кая, на горах Хачла-Каясы, Аю-Даг, Ай-Тодор, в Горзувитах (Гурзуф), Алустане (Алушта), в районе Сугдеи (Судак), Феодосии и др., а также многочисленные приморские поселения, укрепленные монастырские комплексы, городища. Только на южном берегу Крыма насчитывалось более 30 крепостей, замков, иных укреплений (Домбровский О.И. Средневековые поселения и "Исары" Крымского Южнобережья // Феодалная Таврика. Киев, 1974. С. 8 и след.; Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Там же. С. 153 и след.).

48. О Черной Булгарии см. коммент. 1 к гл. 12.

49. Мордии см. коммент. 16 к гл. 37. Принимаем конъектуру Томашека: *Мордиан вместо *Суриан рукописи. О походах русов в Сирию ничего не известно. В описании русского похода на Каспий в 945 г. Ибн Мискавейх пишет, что русы овладели Марагой (The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Oxford, 1921. Vol. П. P. 64). Но и Марата находится весьма далеко от Сирии. Некоторые ученые предполагают здесь порчу текста, считая, что речь шла о Берда'а (Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх о походах русов в Берда'а в 332 х. г. (943-944 гг.) // ВВ. 1928. Т. 24). А.А. Куник предлагал конъектуру: *Зихиан. М.В. Левченко (Очеоки. С. 191-192) отстаивал чтение рукописи.

50. Еще Геродот (IV, 3) сообщал о рве, тянувшемся от Таврских гор до Меотидского озера, вырытом потомками ослепленных скифских рабов. По мнению одних, свидетельство достоверно; на взгляд других, под словом "ров" ("канал") скрывается название Перекопского перешейка (Доватур А. И., Каллистов Д. П., ШишоМ И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 204-205).

51. Точной идентификации нет (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 340).

52. Вид рыбы, экспортировавшейся из Таврики и считавшейся у византийцев деликатесом

(Ibid. S. 89).

53. Названия рек не идентифицированы.

54. По смыслу текста речь идет о современном Керченском проливе (в древности - Боспор Киммерийский). Название "Вурлик" в других источниках не встречается.

55. Точной идентификации нет.

56. По смыслу - Кубань, хотя другие источники ее так не называют.

57. Возможно, р. Нечепсухо к северу от Туапсе. В раннем средневековье этот район имел важное военно-стратегическое значение. Не случайно там имела крепость, за которой начиналась Зихия.

58. Здесь явно имеется в виду центральный Кавказский хребет, за которым (к северу) начинались владения аланов.

59. Этот и следующий острова не идентифицированы.

60. Не ясно, какой залив имеется в виду. Недавно Ю.Н. Вороновым предложено новое истолкование текста данной главы. Если исходить из того, что 1 миля = 1481,5 м, то протяженность Зихии, находящейся, по Константину, между реками Укрух и Никопсис, составляет 445 км, а Авагии - тоже 445 км, т.е. общая их протяженность оказывается чуть большей, чем расстояние от Анапы до Трапезунда (около 800 км). Таким образом, отмечает Воронов, Никопсия должна находиться между современной Гагрой и Адлером, а Сотриуполь - не в секторе Сухуми - Пицунда (как считали Ю. Кулаковский. З. Анчабадзе и др.), а в районе Трапезунда. Тем самым границы Авагии в X в., по Константину, простирались вплоть до Трапезунда. Никопсия предположительно идентифицируется с городом Нафсай, известным по "Житию Або Тбилеми", локализуемым в районе современного Гантиади (Цандрипш). (См.: Воронов Ю.Н. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 72-73).

К ГЛАВЕ 43

Главы 43-46 составляют особый раздел, связанный единством сюжета. Они содержат не только многочисленные и разнообразные, но в большинстве случаев и уникальные сведения о Закавказье в целом и в об армянских и грузинских землях, в частности. Главы написаны на основании достоверных источников. Их информация позволяет судить как о статусе политических образований Армении и Грузии в IX-X вв., так и об их отношениях с Византийской империей. Согласно данным гл. 45, все эти четыре главы были написаны ок. 952 г. (DAI. II. P. 159), т.е. непосредственно в царствование Константина VII. С. Рэнсимен полагает, что источником информации, помимо актов имперской канцелярии, были для данного раздела отчеты посольств в Армении и Грузии и сведения, поступающие от армянских и грузинских посольств в Константинополе (DAI. II. P. 157-159. Об этническом и конфессиональном составе информаторов Константина см. коммент. 27 к гл. 46). Армянские и грузинские источники использованы, однако, Рэнсименом в переводах на европейские языки, а литература - лишь до 1956 г. Между тем за последние три десятилетия появилась значительная, в особенности армянская, историография. Был издан, в частности, комментарий Р.М. Барти кяна к труду Константина "Об управлении империей". Ереван, 1970 (далее: Константин).

При разложении Арабского халифата в разных его провинциях к середине IX в. возник ряд независимых государств, формально еще признававших власть Аббасидов. Наряду с Саффаридами (861-900) в Хорасане, Саманидами (819-999) в Мавераннахре, Тулунидами (868-905) в Египте и др., в Армении обрели независимость Багратиды (885-1045). Становление самостоятельной Армении обеспечивается арабо-византийской конфронтацией на Переднем Востоке, ростом производительных сил страны и расцветом ее экономики (развитием городов и ремесел, оживлением международной торговли и т.д.; см.: История армянского народа. Ереван, 1976. Т. III. С. 13-24; на арм. яз.).

В 885 г. Ашот Багратуни был коронован царем Армянского царства и получил признание халифата и Византии. В условиях, когда халифат уже был ослаблен, а Византия еще не начала экспансии на Восток, Ашот I и его преемник Смбат I (890-914) стремились сделать Армению сильным и нейтральным государством (Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 233-240). Однако рост феодального партикуляризма, а также сложные географические, исторические и внутривнутриполитические условия существования разных областей Армении помешали появлению единого Армянского царства (к чему постоянно стремились ширакские Багратиды) и привели к возникновению целого ряда политических образований, находящихся в вассальных отношениях разных форм: от азгапетства до вассалитета (дашинк ухти). При распаде какого-либо царства или княжества части его обычно доставались членам одной фамилии. Формально (а иногда и реально) они подчинялись азгапету - главе рода. Но институт азгапетов не покрывал всей сложности вассальных отношений в армянских царствах и княжествах; эти отношения регулировались формальными договорами (Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 76).

В IX-X вв. статус царств имели: 1) Великая Армения (885-1045), владетели - Багратиды (азгапеты фамилии), столицы последовательно - Ширакаван (Еразговорс) Карс, Ани; 2) Васпуракан (908-1021), владетели - Арцруни, столица - Ван; 3) Карсское, или Ванандское царство (963-1065), владетели - Багратиды, столица - Каре; 4) Лори, (ж Ташир-Дзорагет (979-1113), владетели - боковая линия Багратидов, столица - Шамшудэ, потом Лорэ; 5) Парисос (?-1003), правители - потомки Сахла, сына Сбата, владетеля Шакэ, столица - Парисос; 6) Сюник (987-1170), правители - князья Сюни, столица - Сюник, затем Капан. Тарон имел статус княжества (830- 967(8)), владетели - Багратиды, столица - Муш (Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 147 ff.; Константин. С. 311-312, примеч. 81-89; Варданян В. Васпураканское царство; Утмазян А.М. Сюник в IX-X вв. Ереван, 1958 (на арм. яз.); Григорян Г.А. Феодалное княжество; История армянского народа. Т. III. С. 100-105, 471-474; Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 72-73). Дробление царств и княжеств Армении, продолжавшееся и за хронологическими рамками нашего памятника (деление Васпуракана в 990-1001 г. между братьями Арцруни, деление Ширакского царства между сыновьями Гагика I и т.д.), доказывает, что у Константина зафиксировано начало необратимого процесса.

Завоевание империей армянских земель рассматривалось ею в контексте реализации политической доктрины, считавшей армян подданными империи. Юзбашян полагает, что византийцы не только не рассматривали Армению IX-X вв. как единое государство, но даже не считали армянские царства и княжества частями единого исторически сложившегося целого (Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 68-69). Этому заключению, однако, противоречит свидетельство гл. 48 "О церемониях", где к названию каждой из областей: Васпуракан, Коговит, Тарон, Мокк, Андэвацик, Сюник, Вайоц-дзор, Хачен и т.д. - добавляется слово "Армения", подчеркивающее, что каждая из них является частью Армянской страны (Константин. С. 151, 311-312, примеч. 81-89; Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 239).

Византия, тем не менее, исходя из своих политических целей, строила свои отношения с каждым армянским политическим образованием в отдельности, иными словами намеренно игнорировала иу. историческую, этническую, культурную и идеологическую общность, а также вассальные связи между ними, чтобы тем вернее подчинить власти империи.

Государства, вовлеченные в орбиту византийской внешней политики, составляли феодальное сообщество - *басилеиа, *ойкуменэ, *политэума - Commonwealth (O'Bohlenky D. The Byzantine Commonwealth. P. 104-105; 114-115 sq.). Армения входила в это сообщество, ее владетели и население находились в сложной системе имперской "семьи" правителей и народов. Система "духовных" родственных связей ("братья", "сыновья" и "друзья" византийского императора) и система титулов, жалуемых императором его иноземным контрагентам (эти титулы с византийской точки зрения не только представляли его носителя в международных отношениях, но и призваны были определять его власть по отношению к его собственным подданным), были использованы при завоевании Армении, начатом в X в. с Тарона. Гл. 43-46 - это, по существу военно-политическая программа движения Византии на восток.

1. Тарой - третий гавар области Турубера (или Таврубера) Великой Армении, значение которого было так велико, что нередко вся область именовалась "страной Тарон". Область находится в центре исторической Армении, западнее озера Ван между Армянским Тавром и южным ответвлением Бюраканских гор. С раннего средневековья и до арабского завоевания Тарон принадлежал Мамиконянам. Во второй половине VII в. арабы вместе со всей Арменией заняли и Тарон. Халифат не упразднил права наследования армянских феодалов, что позволило нахарарским родам не только не исчезнуть, но и сохранить свои военные силы. В этих условиях началась борьба за Тарон между двумя могущественными нахарарскими родами: Мамиконянами и Багратидами. В отличие от провизантийски настроенных Мамиконянов Багратиды склонялись к халифату, что привело в 30-х годах VIII в. к получению титула от арабов "ишхан Армении" Ашотом Багратидом (732-749). После поражения антиарабского восстания 774-775 гг. Мамиконяны исчезли с политической арены Турубера, и в конце VIII - начале IX в. Тарон достался Багратидам. При Баграте Багратуни (826-851) возникло суверенное княжество Тарон, в состав которого входили гавары Тарон, Сасун, Хут, Аштеанк, Хордзен, Мананали, южные части Аршамуника, Бзнуник После провозглашения Армянского царства в 885 г. Тарон вошел в его состав (Григорян Г.А. Феодалное княжество. С. 64 и след.).

2. Комментируемая фраза содержит признание, что какое-то время армяне подданными ромеев не являлись, и находится поэтому в очевидном противоречии с имперской доктриной, утверждающей континуитет подчинения армян Византии. Видимо, Константин предпочел ориентировать своего наследника не на теоретический тезис, а на реальное положение вещей.

3. Крикорикий (Григорик, Григор) - внук Баграта Багратуни (826-851), вероятно, сын Торника, третьего сына Баграта (Adontz N. Etudes. P. 213-214, 242). Вопреки сведениям Асолика о трех сыновьях Баграта (Асолик. С. 107) С. Рэнсимэн считает, что у Баграта было два сына (Ашот и Давид) и Григор, "возможно" сын Ашота Курополата, касаясь вопроса о форме имени Григория Таронита, Рэнсимэн полагает, что уменьшительная форма призвана отличить этого Григория от какого-то другого (DAI. II, P. 160, 161). Однако этот другой совершенно неизвестен, и более

предпочтительна поэтому точка зрения Р.М. Бартикяна, который отмечает здесь использование традиций армянского языка (Константин. С. 211), что свидетельствует об этнической принадлежности информантов Константина. Григорий Таронит был одним из выдающихся политических деятелей Армении начала X в. Сведения о нем мы находим у Иованнеса Драсханакертци и Псевдо-Шапуха. Драсханакертци называет его "великим, благоразумным и мудрым" (Иованнес Драсханакертци. История Армении. С. 169-170; История анонимного повествователя. Псевдо-Шапух Багратуни. Ереван, 1971. С. 131 (на др.-арм. яз.). Однако источники не позволяют установить годы жизни Григория Таронита (о генеалогии Таронских Багратидов см.: Григорян Г. Феодальное княжество., С. 126-130; о судьбе Таронитов в Византии см.: Каждан А.П. Армяне. § 6.)

4. Григорий Таронит, а в его лице таронская ветвь Багратидов вернула себе власть над Тароном после изгнания Шайбаидов. Тарон, разумеется, еще находился в сфере интересов блока стран халифата (Аббасиды и их вассалы - Саджиды и Шайбаниды) я был вынужден лавировать между ними и Византией. Катархонт - начальник, предводитель (имеется в виду халиф).

5. Об этом титуле халифа см. коммент. 27 к гл. 25.

6. Лев VI Мудрый император (886-912).

7. Обмен дарами и посланиями как до визита Григория Таронита в Константинополь. так и годы спустя (DAI. 43.21, 50, 80), - свидетельство суверенных прав архонта Тарона (DAI. II. P. 160).

8. Аркаик - не имя, а титул, уменьшительная форма от арм. "арка" -царь. О. Маркварт и Н. Адонц полагают, что этот титул носили и Ашот, и его брат Давид, сыновья Баграта Багратуни, и что здесь имеется в виду именно Давид. Рэнсимен отмечает, что у Давида был только один сын Ашот, тогда как здесь речь идет о двух сыновьях, а "сыновья Аркаика" - скорее не сыновья Давида, а его внуки - сыновья Ашота. Давид - "арка" ("царь"), а Ашот - "аркаик" ("царек"); сыновья Ашота, если принять эту гипотезу, должны были быть в это время малолетними (DAI. II. P. 162; Константин. С. 212, примеч. 8) и приходились бы в таком случае Григорию не двоюродными братьями, а племянниками. Ниже они и названы племянниками, правда, не Григория, а царя Смбата, хлопотавшего о них перед василевсом ромеев (см. схему 1 на вклейке). Перевод слова ?i;u5E^(.poi); как "племянников" также вполне допустим и увязывался бы со сказанным выше, но возможно ли было держать малолетних в оковах? (О потомстве "сыновей Аркаика" см.: Каледин А.П. Армяне. § 6, 3.)

9. Тигул патрикия (см. коммент. 17 в гл. 25 и коммент. 8 к гл. 27) часто жаловался закавказским владетелям, в том числе армянским нахарарам, особенно в части Армении, вошедшей в состав Византии по византийско-иранскому договору 591 г., а также армянским и грузинским нахарарам и мтаварам, признавшим верховную власть империи в VII в. в период арабской экспансии на запад. Арабские авторы поэтому часто называют этим титулом крупных феодалов Закавказья VII-X вв. Согласно Ибн Хордадбеу (IX в.), в Византии было 12 патрикиев, из них шесть в Константинополе, а остальные в провинциях (Ибн Хордадбех. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1889. С. 109 (на араб. яз.); см. также: Guiland R. Recherches. II. P. 178-202; Oikonomides N. Les listes. P. 294-295, 387-388).

10. Протоспафариях см. коммент. 35 к гл. 32.

11. Царь Смбат I Багратуни Тиезеракал ("миродержец") (890-913), наследник Ашота I, возведенного на трон народным движением против арабов. Ашот I и его преемник Смбат I стремились распространить свою власть не только на Армению, но и на все Закавказье, столкнувшись при этом с противодействием халифата и в особенности - арабских наместников Атрпатакана (Азербайджана) - Саджидов, а также с партикуляристскими настроениями армянской знати, поддерживаемыми и провоцируемыми Саджидами. Царствование Смбата I, осложненное феодальными междоусобицами и внешнеполитическими конфликтами, нашло очевидца и летописца в лице католикоса Иованнеса Драсханакертци (Иоанн Драсханакертский. История Армении. 786- 925 / Арм. текст с груз. пер., иссл. и указ. изд. Е.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1965; Иованнес Драсханакертци. История Армении). О царствовании Смбата и его гибели в борьбе с арабами см.: История армянского народа. Ереван, 1976. Т. III. С. 27-39 (на арм. яз.); Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 240-243. Правовая сторона отношений между Византией и Великой Арменией нашла отражение в специфическом титуле армянского царя. Обычно вопрос об этом рассматривался на основе греческих источников. Между тем сведения о "духовном" родстве сохранились и у армянских писателей, например у Иованнеса Драсханакертци (завершил свой труд в 925 г.). Незадолго до смерти император Василий I признал царские права Ашота I Багратуни. Между императором и армянским царем был заключен договор о мире, подчинении (разумеется, царя императору) и любви. При этом Василий нарек Ашота "сыном любимым". Лев VI Мудрый осыпал Смбата I дарами и почестями, но "важнее было то, что император назвал Смбата своим любимым сыном через полюбовный договор о верности" (Юзбашян К.Н. Рец. на кн.: Константин Порфирородный. Об управлении империей. Пер., предисл. и примеч. Р.М. Бартикяна. Ереван, 1970 (на арм. яз.) // ВВ. 1976. Т. 37. С. 266).

12. Специфическим международно-правовым титулом армянского царя "внеродственной" системы был *архон тон архонтон (ср. арм. ишханац ишхан, "князь князей"). В нашем памятнике титул архонта архонтов прилагается исключительно к Багратидам - Ашоту I (885-890), его сыну Смбату I (890-913) и сыну Смбата Ашоту II Железному (914-929), т.е. употребляется как титул Багратидов вообще. Впрочем, Аббаса I (929-953), второго сына Смбата I, Константин именует только магистром. В трактате "О церемониях" в послании архонту архонтов Великой Армении Константин и Роман называли его славнейшим протом (прито^) Великой Армении и своим духовным сыном (De seret I. P. 686-687).

О царе Васпуракана Гагике I Арцруни (908-943) в DAI говорится как об архонте, тогда как в книге "О церемониях" указано, что ныне он титулуется архонтом архонтов. Бартикян полагает, что признание титула архонта архонтов за Гагиком I Арцруни произошло вскоре после 908 г., т.е. почти одновременно с его воцарением (Константин. С. 311, примеч. 81). К.Н. Юзбашян сомневается в этом: будучи царем Гагик I был современником и Смбата I, и Ашота II Багратуни. Но в то время как в DAI последние неоднократно называются архонтами архонтов, Гагик I назван там лишь архонтом. Возможно потому, что архонтом архонтов он стал только после смерти Ашота II Багратуни, когда его преемнику, Аббасу I, в этом титуле было отказано (его упорно именуют магистром). Юзбашян считает, что с византийской точки зрения в Армении мог быть только один архонт архонтов.

Титул "архонта архонтов" предполагал, по-видимому, первенство его носителя власть над прочими архонтами. Как упоминалось, этот титул носили первые трое Багратидов. При Аббасе архонтом архонтов стал Гагик I. По византийским понятиям армянские правители должны были следовать известной субординации и иметь своим главой то лицо, которое император признавал архонтом архонтов (Юзбашян К.Н. Рец. на кн.: Константин Порфирородный. Об управлении империей. С. 267-268). По-видимому, в дальнейшем (к XI в.) титул "архонта архонтов" теряет столь исключительный характер (появляется значительное число носителей этого титула среди армянской знати, не принадлежавшей к царским семьям, - Типик Григория Пакуриана, С. 123-124).

13. Н. Адонц считает, что это не личное имя, а указание на происхождение его носителя из Сюника (Восточная Армения) (Adontz N. Etudes. P. 221; DAI. П. P. 162; ср.: Константин. С. 213, примеч. 14).

14. Чиновник ведомства дрома (внешних сношений) (Константин. С. 213-214, примеч. 15 со ссылкой на *аманту К. ??? // ??? Т. 2. С. 268-270).

15. Адарнасе (ир. Атрнерсех) - царь Картли (888-923). Был коронован Смбатом I Мучеником. См.: Картлис Цховреба. Т. 1. С. 225.-228; Матиане Картлиса / Пер., введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. С. 73, 74; Иованнес Драсханакертци. История Армении. С. 143; ср.: Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. II. С. 461 (на груз. яз.); Метревели Р. Словарь истории Грузии. Тбилиси, 1979. Т. 1. С. 22 (на груз. яз.).

16. Первоначально (при Юстиниане I, 527-565) - высокая придворная должность. позднее - титул. В IX-X вв. звание куропалата занимало четвертое место в византийской табели о рангах и жаловалось членам императорской семьи и владельцам соседних стран. Титул куропалата существовал до XI в. (Oikonomides N. Les listes, P. 293).

17. Об Ивирии см коммент. 1 к гл. 46.

18. Видимо, речь идет о протоспафарии Феодоре, сыне Баграта, о котором в трактате "О церемониях" упомянуто как о лице, вербовавшем армян для критской экспедиции 911 г. (Const. Porph. De seret. I. P. 657.21). Возможно, он идентичен василику Феодору, сопровождавшему сына Смбата царевича Ашота в Константинополь в 914 г. (DAI. II. P. 162; Константин. С. 214, примеч. 17).

19. О василиках см. коммент. 1 к гл. 7. В армянских источниках василики встречаются главным образом как дипломаты или как лица, действующие в интересах внутренней безопасности империи (Константин. С. 214-215, примеч. 18).

20. Константин Липе, чью биографию внимательно рассмотрели С. Рэнсимен и Р.М. Бартикян, был убит в битве при Ахелое в 917 г. и никак не мог быть тем Константином, о котором здесь говорится. Рэнсимен усматривает ошибку в имени Константнв, полагая, что речь идет о сыне Липса Варде (DAI. II. P. 162); Бартикян же, следуя за Н. Адонцем, более основательно предполагает существование в первой половине X в. двух Константинов Липсов (один - погибший при Ахелое, другой - доместк ипургии, анфипат патрикий и великий этериарх, отправленный с дипломатической миссией на Кавказ) (Константин. С. 215, примеч. 19). Адонц полагал также, что имя Варда в семье Липсов свидетельствует о принадлежности ее к армянскому этносу (Adontz N. Etudes. P. 224).

21. Чиновник ведомства ??? (императорского стола) (DAI. II. P. 162; Oiconomides N. Les listes. P. 305, 306).

22. См. гл. 33.16 и коммент. 6 к гл. 33. Звание введено в царствование Феофила (829-842) и употреблялось до конца XI - начала XII в. (Oikonomides N. Les listes. P. 294). Титул анфипата патрикия встречается в армянской эпиграфике. Анфипатом патрикием был, например, Вахрам

Пахлавун (надпись в Мармашеке - XI в.) и вест Саркис Сюнеци Константин. С. 215-216, примеч. 21). Р. Гийан уравнивает звание анфипата и проконсула (Gmlland R. Recherches. Т. II. P. 68-79). Об анфипатах патрикия в X в. см.: Ibid. P. 74-75.

23. Командир великой этерии, корпуса иноземных телохранителей императора (DAI. II. P. 63).

24. Имя брата Григория Таронита достаточно ярко свидетельствует о распространении в Армении арабских личных имен (Апоганем - араб. Абу-Ганим). Носители арабских имен часто получали и христианские имена (Константин. С. 216, примеч. 23).

25. Фема Халдия была образована в 863 г., до этого в VIII-IX вв. была турмой фемы Армениак (ср. коммент. 10 к гл. 45). Занимала площадь между р. Чорох и побережьем Черного моря до Трапезунда (Адонц Н.Г. Армения. С. 60-65; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. P. 256-257; Мухеяишвиани Д.Л. Основные вопросы. С. 17-18). Основное население фемы - Халдия - греки, лазы, армяне (Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981. С 5 и след.).

26. О времени посещения Григорием Таронитом Константинополя идут споры. В 24-й главе "О церемониях" описан прием в Магнаврском дворце в честь праздника Василия Кесарийского 1 января. В 3-м индикте на этом приеме находился "магистр и архонт Тарона" (De cerem. I. P. 136-139). Принимали "императоры", поэтому Н. Адонц полагая, что речь идет о Льве VI Мудром (886-912) и его соправителе Александре, датировал сначала прием 1 января 900 г., а "архонта Тарона" отождествил с Григорием Таронитом (Adontz N. Etudes. P. 197-198 sq.). Он допускал, однако, что в тексте De cerem. возможна ошибка (вместо 3-го индикта - 13-й), в таком случае прием следует отнести к 1 января 910 г. Одновременно с Григорием на приеме присутствовали болгарские (pi).oi ("друзья"), что могло случиться после мира с Болгарией в 927 г. С. Рэнсимен относит прием в Магнавре к 929-930 гг., но полагает, что принимали не Григория, а его сына Баграта (DAI. II. P. 163). Бартикян ограничивается критическими замечаниями по поводу этих точек зрения (Константин. С. 216-217, примеч. 25). Юзбашян напоминает, что прием в Магнавре был дан в честь "магистра и архонта Тарона", а этот титул носил тогда только Григорий (Баграт был патрикием, Ашот - протоспафарием), и что в гл. 24 De cerem. говорится именно о Григории Тароните. Адонц убедительно доказал, что 24-я глава носит целостный характер: прием был устроен одновременно Григорию Тарониту и болгарским "друзьям", а прибытие Григория в Константинополь, возможно, имело место в 13-м индикте (910 г.), т.е. он был владельцем Тарона на протяжении уже 12 (а не 2) лет (время, достаточное для суждения о его политике по отношению к Византии и халифату). Колеблясь между двумя индиктами (3-м и 13-м), Адонц, по-видимому, справедливо ищет дату посещения Константинополя Григорием в пределах одного пятнадцатилетнего цикла (1 сентября 897 - 31 августа 912 г.) соответственно той хронологической последовательности, которая намечена Константином Багрянородным. Обмен дарами происходил между Григорием и Львом VI Мудрым; по поводу сыновей Аркаика просил царь Смбаг I (он мог это сделать до 909 г., так как позже был всецело поглощен борьбой против атратаканского эмира Юсуфа Саджида); византийский чиновник Синут направлен в Тарон Львом VI; тот же император направил в Тарон Константина Липса и пожаловал внебрачному сыну Григория Ашоту и брату его Апоганему титул протоспафария. Затем Григорий прибыл в Константинополь, где ему пожаловали титул магистра и рогу, после чего к "блаженному императору" (т.е. к тому же Льву) вновь явился Апоганем, получил титул патрикия и другие блага, но вскоре умер. Григорий вел переписку по поводу своего прибытия в Константинополь с тем же Львом - "святым" и "блаженным" императором. Только через несколько лет Григорий начал переговоры с "блаженным императором" Романом Лакапином. Таким образом, следует считать, что Григорий прибыл в Константинополь и был принят в Магнавре Львом VI Мудрым и его соправителем Александром, а это обстоятельство определяет terminus post quem поп приема - год смерти Льва VI (912), совпадающий с концом пятнадцатилетнего цикла. Визит Григория совпал с пребыванием в столице болгарских "друзей". Их присутствие в Константинополе возможно и до мира 927 г., так как известно, что в 896-913 гг. (т.е. в промежутке между двумя войнами) Болгария трижды посылала своих послов в Византию. Таким образом, визит Григория Таронита в Константинополь имел место при Льве VI, и, как бы ни исправлять цифру индикта, дату следует искать в 897-912 гг. (Юзбашян К.Н. Армянские государства". С. 118-121).

27. О титуле магистра см. коммент. 36 к гл. 32.

28. О стратигах см. коммент. 39 к гл. 13. Григорий стал стратегом Тарона по воле императора Византии, он получал рогу, в Тароне действовали имперские чиновники со специальными заданиями. Тарон, таким образом, постепенно утрачивал самостоятельность, но еще не стал округом (фемой) империи (см. коммент. 43).

29. Дом варвара" - дворец в Константинополе с угольями, жаловался вассалам империи (DAI. II. 164). Точное местонахождение неизвестно (Janin R. Constantinople byzantin P., 1950. P. 298). С. Рэнсимен локализует его неподалеку от форума Аркадия (DAI. II. 164).

30. Василий Ноф - внебрачный сын Романа I, всеильный временщик (969-985) (Brokkaar W.G. Basil Lacapenus. Byzantium in the Tenth Century // Studia bizantina et neohellenica. Leiden, 1972. P.

199-234). Паракимомен - начальник императорской спальни, обычно евнух.

31. Ежегодная (обычно на пасху) выдача из казны денег и дорогих вещей византийской служилой и титулованной знати. В X в. составляла обычно процент с суммы, которую, соответственно своему рангу и титулу, чиновное (знатное) лицо предварительно вносило в казну.

32. Серебряная монета, составлявшая 1/12 золотой (номисмы).

33. Хрисовул (???) - наиболее торжественная форма императорского указа, касающегося дарования особых привилегий. Ф. Дэльгер считает, что в своем окончательном виде указ типа хрисовула оформился в царствование Льва VI (886-912). Писцы красными чернилами обозначали месяц, год и индикт выдачи документа, затем ставился *legimus* императора и его собственноручная подпись теми же чернилами, к документу подвешивалась золотая печать (см.: Dolger F. *Byzantinische Diplomatik*. S. 10-14, 39-42; ср.: Rouillard G. *Note de diplomatique byzantine // Byzantion*. 1933. 8. P. 117, 121-122; Типик Григория Пакуриана. С. 142-143).

34. Букв. "пригород", загородное поместье (или часть поместья), заселенное крестьянами-париками, безземельными или имеющими свое хозяйство (Сюзюмов М.Я. Экономии пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. XI. С. 61; Каледин АП. Формирование феодального поместья в Византии X в. // Там же. С. 101; Литаврич Г.Г. Византийское общество. С. 14 и след.).

35. Кельцина (арм. Екелеац) - гавар в области Высокая Армения, в верхнем течении реки Евфрат, ныне долина Ерзнка (совр. Турция). До второй половины VIII в. Мамиконяны имели владения в гаваре Екелеац, в конце VIII в. гавар перешел к арабам. В X-XI вв. входил в фему империи Месопотамия как подразделение фемы (турма) (Адонц Н.Г. Армения. С. 48 и след.; DAI. P. 164, 43/92).

36. Поместье Тацата (арм. Татчата). Речь идет, очевидно, о конфискованном поместье богатого армянского вельможи, репрессированного после подавления мятежа его родственника Варды Воилы, стратига фемы Халдия (DAI. II. P. 164; Adoniz N. *Etudes*. P. 217; Константин. С. 221, примеч. 36).

37. Н. Адонц и вслед за ним Р.М. Бартикян полагают, что имеется в виду конфискованное поместье Григория Ивирицы, поддержавшего мятеж своего зятя Константина Дуки в 913 г. (Константин. С. 221, примеч. 38). С. Рэнсимен же считает, что эта идентификация не обоснована (DAI. II. P. 164, примеч. 98). Распространенность имени Григора (Григорий) заставляет согласиться с доводами английского ученого.

38. Васпуракан - самая крупная область Великой Армении по "Ашхарацуйцу". Находилась восточнее оз. Ван, граничила с областями Айрарат, Сюник, Пайтакаран, Парскахайк, Корчайк, Мокк и Туруберан. Состояла из 35 гаваров. Область Васпуракан административно сложилась не ранее падения царства армянских Аршакидов (428 г.). В различные периоды в Васпуракане правили разные нахарарские роды, важнейшими из которых являются Арцруни, Рштуни, Аматыни и Гнуни. Княжеские роды Васпуракана свое значение сохранили и в Марзпанской Армении и неоднократно восставали против Сасанидов. В VII в. Васпуракан стал ареной арабо-византийского противоборства. Нахарары Васпуракана приняли активное участие в восстании под предводительством Теодороса Рштуни. однако в начале VIII в. в Нахиджеване и Храме многие представители крупных нахарарских родов были вероломно истреблены арабами. Во второй половине VIII в. княжеский род Арцруни подчинил себе других нахараров и создал полунезависимое княжество. В 774-775 гг. Арцруни подняли восстание против халифата, но проиграли битву при Арчеше и должны были, как и Багратиды, признать сюзеренитет Аббасидов. В 859 г. князь Васпуракана признали великим князем Дереника Арцруни, а после его смерти царь Багратидской Армении Ашот назначил правителем области Гагика Арцруни.

Развитие феодальных отношений в Армении и усиление центробежных стремлений отдельных княжеских родов привело к тому, что в 908 г. великий князь Васпуракана Гагик Арцруни провозгласил себя царем. В течение X в. правители Васпуракана расширяли свои владения за счет соседних армянских и арабских владений, в зави-симости от них находились арабские эмираты Хлата и Маназкерта. В начале XI в. в связи с усилением опасности нашествия турок-сельджуков царь Васпуракана отдал свои земли Византии и в 1021 г. переселился в Севастию. На месте Васпураканского ства был образован византийский катепанат (Арутюнян Б.А. Область Васпуракан Великой Армении по "Ашхарацуйцу" ("Армянской Географии") // Вести. Ереван, ун-та. 1983. N 3. С. 110-139 (на арм. яз.); Варданян В.М. Васпураканское царство. С. 217 и след.).

39. Ашот II Еркат (914-929), унаследовавший титул архонта архонтов от своего отца Смбата I (см. о нем: Adontz N. *Etudes*. P. 265-283).

40. Здесь: подать, дань. См. о пакте коммент. 13 к гл. 27.

41. С. Рэнсимен полагает, что *iroika* имеет значение *gratis* - соответственно в англ.: "чтобы он получал рогу безвозмездно" (DAI. I. P. 195; DAI. II. P. 165), однако ??? значит "дар, подарок" и правильнее был бы перевод: "чтобы он получал рогу или дар так же, как при блаженнейшем василевсе Льве" (Константин. С. 222, примеч. 43).

42. Представитель армянской семьи, получившей именование от крепости Крни в Четвертой Армении. Представители этой фамилии занимали значительные посты на ружбе империи (Adontz

N. Etudes. P. 229; DAI. II. P. 165; Константин. 222, примеч. 44).

43. Баграт, сын Григория Таронита, также стал стратигом Тарона. Значит ли это, что уже в 30-х годах X в. Тарой сделался византийской фемой? Видимо, нет. Тарониты (по всей вероятности, не только Григорий и Баграт, но и Ашот) были византийскими стратегами, но не обычными. В отличие от стратигов фем права стратига Тарона передавались по наследству. Тарониты выполняли эти функции пожизненно. За свою службу Григорий Таронит долгое время получал ругу, однако он и его сыновья были етратигами не столько в должностном, сколько в титулярном смысле (DAI. II. P. 164; Константин. С. 218, примеч. 27, но на С. XXXIX зависимость "стратига" Григория от империи определяется Бартикяном как зависимость вассала). В трактате "О церемониях" (P. 687. 8-13) Тарой упомянут среди областей, которые не входили в состав империи (Коговит, Мокк, Андэвазак, Сюник, Вайоц Дзор, Хачен, Севордик). Тарой тогда еще обладал суверенитетом, хотя и ограниченным, - в противном случае вряд ли завидовали бы Григорию соседние владетели. Тарон был присоединен к империи после смерти Ашота Таронита, в правление императора Никифора II Фоки в 967/8 гг. (Scyl. P. 279. 82-84; Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 125).

44. О магистре Феофилакте см.: Adontz N. Etudes. P. 229-230.

45. Монастырь был расположен на Мраморном море между Золотыми воротами Константинополя и храмом Иоанна Студита (DAI. II. P. 166). 46. Чиновник секрета финансов, сборщик торговых пошлин (Oikonomidis N. Les listes. P. 313).

47. Улнутин (арм. Волнут или Ёлнут, совр. Олнут) на северо-западе Тарона (DAI. II. P. 16

К ГЛАВЕ 44

Византия, захватив Тарон, начала наступление на те области Армении, которые давались под владычеством арабских эмиров, а затем и на пограничные армяно-грузинские княжества: Тайк (Тао) и Кларджк (Кларджети) - удел ивирских Багратидов.

1. Апахунис (арм. Апахуник) - четырнадцатый гавар области Турубера (Еремян С. Т. Армения. С. 36; см. карту), локализуется примерно на месте современного Мелазгерд-ского санджака (совр. Турция) на обоих берегах Восточного Евфрата (Арацани). Владетели - князья Апахуни в эпоху раннего средневековья. С 60-х годов IX в. Апахуник перешел в руки мусульманских кайсиков (из арабского племени сулайм) (Тер-Гевондян А. И. Арабские эмираты. С. 96 и след. (на арм. яз.); Копантин. С. 224, примеч. 2).

2. Манцикиерт (Манцикерт, арм. Маназкерт) - город на границе гаваров Харк и Апахуник Тарона. Основан в начале I тысячелетия до н.э. Исследователи связывают топоним с именем урартского царя Менуа (VII в. до н.э.). В IX в. - административный центр эмирата кайсиков. Среди жителей города преобладали армяне (Хюбшман Г. Топонимы. С. 193 (на арм. яз.); Еремян С. Т. Армения. С. 36, 65; Акопян Т.Х. Историческая география. С. 169-170 (на арм. яз.).

3. Перкри (арм. Беркри) соответствует гавару Арберани области Васпуракан Великой Армении, с центром в Беркри. Как область, так и город принадлежали в раннее средневековье армянскому роду Гнуни, с VIII в. перешли в руки арабского племени утманик. С 80-х годов IX в. вошли в состав армянского царства Багратидов. Расположен в 20-25 км к северо-востоку от оз. Ван (Honigmann E. Die Ostgrenze. Karte IV; Canard M. Histoire. P. 184, carte VI; P. 188, note 283).

4. Халиат, Хлиат (Ахлат, Хлат) - город и гавар на северо-западном берегу оз. Ван в об-ясти Бзнуник Великой Армении. В раннее средневековье принадлежал княжескому дому Бзнуни, потом частью перешел к армянской церкви, а частью вошел в царский домен. С VIII в. им овладели Багратиды. В 880 г. Ашот Багратид отдал Хлат одному из своих вассалов Абу-л-Варду (Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 104).

5. Арцес (арм. Арчеш.). Город в гаваре Алиовит области Турубера Великой Армении на северном берегу Ванского озера. Во второй половине VII в. арабы заняли город и превратили его в крепость, где стоял арабский гарнизон. Город играл важную роль в арабо-византийской пограничной зоне. С середины IX в. Арчешем владели кайсики которые находились в вассальной зависимости от армянских Багратидов (Хюбшман Г. Топонимы. С. 195-196; Еремян С. Т. Армения. С. 39).

6. Тиви (арм. Двин). Город в гаваре Востан Дана области Айрарат Великой Армении, Основан царем Аршакидской Армении Хосровом Котаком (330-336/7). В 428 г. после ликвидации государственности Восточной Армении Двин стал административным центром Марзпанской Армении. Главный опорный пункт арабов в Армении до 80-х годов X в. и резиденция наместника "Арминии". При Ашоте I Востан ("Царская область") с Двином находилась под властью армянского царя. Некоторые время Двин подчинялся Смбату I, но в 894 г. здесь надолго утвердился Саджиды. В 921 г., согласно Н. Адонцу, ромейские отряды под командованием domestika (возможно, domestika схол Иоанна Куркуаса) проникли в Армению и осадили Двин, но не овладели им. Городом в это время правил эмир Субук (Adontz N. Etudes. P. 218, note 1). С. Рэнсимен обратил внимание на тот факт, что Иоанн Куркуас стал domestikom не ранее 922г., когда

и состоялся, по его мнению, поход на Двин (DAI. II. P. 164; ср.: Константин. С. 232, примеч. 19). Не исключено, однако, что Асолик, на сведения которого опирается Н. Адонц, имеет в виду события 927 г. В 927-931 гг. Иоанн Куркуас предпринял ряд походов против мусульманских правителей Армении, в том числе и неудачный поход против Двина, когда ромеи оставили на поле боя 10000 убитых (Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes. Vol. II. Partie 2. P. 260-261; DAI. 45.55-58; Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 138-139; Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 126).

7. Херт и Саламас (арм. Хер и Саламас). Территории севернее и северо-западнее оз. Урмия или Капутан. Соответствовали девятому и седьмому гаварам области Парскахайк - Херу и Зарэхану (Еремян С. Т. Армения. С. 52, 63; Canard M. Histoire. P. 193-194). О зависимости этих территорий от Ашота I говорится только у Константина.

8. Цермацу упомянут еще один раз (кроме заглавия). И. Маркварт полагал, что его следует отождествить с населенным пунктом у горы Серманц, находившейся к северо-западу от Харка (ныне Бингель-Даг). Эту точку зрения поддержали М. Канар, А.Н. Тер-Гевондян. С. Рэнсимен, Р.М. Бартикян и др. (Константин. С. 224, примеч. 10). По мнению Э. Хо-нигманна, Константин имеет здесь в виду местность Джермадзор в Мокке (Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 147, 197). К.Н. Юзбашян так же считает, что в известии о Цермацу нашла ошибочное преломление информация, относящаяся к Джермадзору в Мокке (Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 127). С этим, однако, трудно согласиться, так как власть кайсиков не распространялась так далеко на юг.

Все вышеперечисленные области и города, находившиеся на берегу оз. Ван и севернее, принадлежали эмирам из племени Кайс. Беркри со своей округой был во владении Утманидов, но и он в начале X в. (не ранее 902 г.) оказался под властью кайсиков Маназкерта (Canard M. Histoire. P. 473; DAI. II. P. 167). История кайсиков достаточно детально изучена в современной историографии (Marquart J. Sudarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen. Wien, 1930. S. 299-305, 501, 505-508; Canard M. Histoire. P. 471-477; Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 96-100. 120-124, 143 -147; DAI. II. P. 169).

9. Армянский царь Ашот I Багратуни (885-890).

10. Юсуф Абу Касим ибн Абу-л-Садж, востикан, наместник Азербайджана (901-919) (древнего Атрпатакана), бывшего в VII-X вв. обширной провинцией Арабского халифата, которая включала обычно территорию совр. Южного (Иранского) Азербайджана и часть областей нынешней Азербайджанской ССР (к югу от излучины Куры и Аракса и на северо-восток от Куры). Центром провинции чаще всего был Ардебиль. С распадом халифата, уже в IX в., правители Атрпатакана стремились к независимости от Багдада. Юсуф ибн Абу-л-Садж, по происхождению дейлемит (ирано-язычные обитатели южного побережья Каспийского моря, области Дейлем), пытался сделать Атрпатакан полуавтономным владением своего рода, но был вынужден выступать и в роли проводника политики халифа в Закавказье. Когда Смбат I при поддержке Византии подчинил своей власти не только армянские земли, но и почти все Закавказье, среди феодалов Закавказья возникла оппозиция армянскому царю, а после того как Смбат захватил царя Эгриси (Западная Грузия) Константина, который претендовал на Гугарк, царь Картли (Восточная Грузия) Адарнасе (Атрнерсе), ранее союзник Смбата, стал его врагом. Этим воспользовался Юсуф, сумевший создать сильную коалицию против Смбата, в которую вошел влиятельный армянский владетель Гагик Арцруни, правитель Васпуракана. Смбат потерпел поражение, был вынужден сдаться Юсуфу и погиб (История армянского народа. Ереван, 1976. Т. III. С. 33-39).

11. Ашот II Еркат (Железный) Багратуни (914-929). Воспользовавшись распрями Саджидов с халифом, провозгласил себя шаханшахом ("царем царей" - титул, идущий от сасанидских времен). Титул шаханшаха давал царям Армении юридическое главенство над другими владетелями Армении и Закавказья. Он упоминается во многих лапидарных надписях вплоть до падения династии Багратидов (Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 248). Ашотик - уменьш. форма (см. коммент. 12 с.гл. 44).

12. Аббасик (уменьш. от Аббас). С. Рэнсимен пытается объяснить частое употребление диминутивных форм в именовании армянских владетелей то необходимостью различать одноименных родственников, то стремлением подчеркнуть (как в данном случае) старшинство одного из них (Аббас - младший брат Ашота II. См.: DAI. II. P. 168). Однако наиболее вероятное объяснение предложено Р.М. Бартикяном: дело в традиции, до сих пор распространенной в Армении при разговорном общении - преимущественное употребление уменьшительных форм личных имен (см. коммент. 3. к гл. 43). Аббас I (929-953) стал царем после смерти брата и перенес столицу Багратидов из Еразгаворса в Каре. Будучи преемником Ашота, он не унаследовал его титула "архонт архонтов". Этим титулом империя в то время именовала Гагика Васпураканского (DAI. II. P. 168). Политическая позиция Аббаса была, возможно, проарабской (Константин. С. 225, примеч. 15).

13. Термин возник в эллинистическую эпоху (в начале II в. до н.э.) для обозначения одного из восстановленных тогда армянских царств (другое называлось Малой Арменией и, в отличие от Великой, располагалась к западу от реки Евфрат). После 112 г. до н.э., когда Малая Армения перестала существовать в качестве политически независимой единицы (она вошла в состав

Понтийского царства Митридата Евпатора), термин "Великая Армения" остался как официальное название царства Арташесидов и затем царства армянских Аршакидов вплоть до окончательной его ликвидации в 428 г. В такой форме название засвидетельствовано в армянских, древнегреческих, латинских, иранских, грузинских, арабских и древнерусских источниках. Великая Армения охватывала территорию от Евфрата до Куры и Каспийского моря, до Кордуенских гор и оз. Урмия (Еремян С.Т. Армения. С. 66-70).

Восстановив в 885 г. Армянское царство, Багратиды восстановили и название арташесидских и аршакидских времен Великая Армения (в позднеасанидский и арабский периоды марзпанство и арабское наместничество назывались просто "Армения" - "Армн", "Арминия"). "Великая Армения" Константина - не географический, а политический термин, который византийцы, как и армяне, связывали Багратидским царством. Впоследствии это название упомянет Скилица в рассказе об анийских царях Иоанне-Смбате и Гагике II, оно иногда входило и в именование византийской фемы Ивирия ("Армения и Ивирия", "Великая Армения и Ивирия") в которую вошли владения Багратидов (Арутюнова-Фиданян В.А. Еще раз о феме Ивирия // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1. С. 49-51). Великая Армения Константина - это прежде всего земли Ширакских Багратидов, экономический политический и культурный центр Армении.

14. Каре - город и крепость в гаваре Вананд области Айрарат Великой Армении. Впервые в армянских источниках упомянут в связи с событиями IX в., когда крепость приобрела особенно важное значение в экономическом и в военном отношении. В 888 г. князь Вананда Саак восстал против Ашота I Багратиды, мятеж был подавлен, а Вананд с Карсом были присоединены к царскому домену. Каре был крупным центром ремесла и торговли, через город шли пути и международной торговли.

15. Эмир Абу-л-Вард - кайситский правитель Манцикерта, вассал Ашота Багратуни, царя Армении (DAI. II. P. 169; Константин. С. 225, примеч. 17).

16. Абд ал-Хамид, младший сын Абу-л-Варда (DAI. II. P. 169; Константин. С. 226, примеч. 19).

17. Абу-Савада, старший сын Абу-л-Варда.

18. Абу-л-Асвад, брат Абу-Савады.

19. Абу-Салим, брат Абу-Савады.

20. Командующий центральными тагмами (отрядами), главнокомандующий, замещавший императора. Разделение должности на две (доместик схол Востока и доместик схол Запада) произошло при сыне Константина Романе II (Oikonomides N. Les listes. P. 329). Имеется в виду знаменитый Иоанн Куркуас, армянин по происхождению (Константин. С. 226, примеч. 23). В 928 г. он осадил Хлат и Балеш (Битлис); жителя капитулировали, после чего Куркуас приказал убрать из соборных мечетей этих городов минбары и установить кресты (Canard M. Histoire. P. 739; Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 148). В 931 г. по призыву Гагика Арцруни ромеи напали на Беркри и Хлат. Часть мусульманского населения была уничтожена, часть взята в плен (Canard M. Histoire. P. 740; Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 148; Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes. Vol. II, Pal-tie 2. P. 266). Это и заставило Абу-Саваду с братьями признать сюзеренитет империи.

21. Кора. С. Рэнсимен полагает, что это Хорхоруник (DAI. II. P. 170), впоследствии включенный в "Армянскую географию" как шестнадцатый гавар области Туруберав (Еремян С. Т. Армения. С. 55). В действительности "Кора" - находящийся северозападнее Хорхоруника Кори, пятнадцатый гавар Туруберав (Там же. С. 61; Константин. С. 227, примеч. 24).

22. Харк (арм. Харк). Девятый гавар области Туруберав Великой Армении, в верхнем течении реки восточный Евфрат (Арацани). До IV в. принадлежал нахарарам Манавазянам. В первой половине IV в. Хосров Котак уничтожил княжеские дома Манавазянов и Ордуни, и их владения передал церкви. В числе этих владений был и Харк (Акопян Т.Х. Историческая география. С. 169-170; Хюбшман Г. Топонимы. С. 193-194; Еремян С.Т. Армения. С. 62, 107, 116).

23. Алцике (арм. Арцкэ, Арцак). Город в гаваре Бзнуник области Туруберав, на мысе северного берега оз. Ван. Во второй половине VII в. арабы, заняв город, назвали его Дат ал-Джауз, отчего и возникло его современное название Алджаваз (или Адильджаваз). В 852 г. город заняли кайсики, он находился в их руках и при Багратиды В начале XI в. Арцкэ вместе с другими городами на берегу оз. Ван, принадлежавшими мусульманским эмирам, вошел в состав Византийской империи (Хюбшман Г. Топонимы. С. 194; Еремян С.Т. Армения. С. 39, 45; Арутюнова-Фиданян В.А. Фема Васпуракан // ВВ. 1977. Т. 38. С. 85-88).

24. По сведениям Константина, кайсики после смерти Смбата I начали платить подати, прежде предназначавшиеся царю Армении, императору ромеев. В середине X в. через территорию Западной Армении совершал ежегодные походы против Византии владетель Диар Бакра Хамданид Сайф ад-Даула. К 966 г. он захватил города кайсиков (Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. С. 246).

25. Повторы (см. выше), возможно, указывают на то, что по этому вопросу были получены сведения от разных информаторов, и их записи не были должным образом отредактированы. Не разобравшись в информации о кайсиках, Константин отождествляет Арцкэ и Беркри, которые находились на значительном расстоянии друг от друга.

26. Абд ар-Рахим.

27. Абу-л-Муйиз.

28. Основная идея этой главы, несмотря на повторы (а может быть, благодаря им), проведена достаточно четко: те города, которые находятся в вассальной зависимости от вассалов империи, подвластны Византии. До Ашота I Беркри, Хлат и Арчеш подчинялись "Персиде", т.е. эмирам Атрпатакана. Став царем Великой Армении, Ашот I подчинил себе эти города, равно как и Двин и Хер с Саламасом. Маназкерт принадлежал Абу-л-Варду, и Ашот передал ему также Хлат, Арчеш и Беркри. Абу-л-Варду наследовал его младший сын Абд-ал-Хамид, а после него старший - Абу-Савада. После смерти царя Смбата I Абу-Савада, утратив сюзерена, стал полновластным владельцем Маназкерта и прочих городов и областей. Эти территории периодически подвергались нападениям ромеев, и тогда Абу-Савада и его братья отдали их императору и стали платить дань. Таким образом, подводит итог Константин, до воцарения Ашота II Хлат, Арчеш и Беркри находились под властью армянского царя и платили ему дань. Также и Маназкерт с Апахуником, Кори с Харком подчинялись армянскому царю, пока Абу-Савада с братьями не подчинился императору и не стал платить дань за эти земли. Поскольку армянский царь является вассалом императора, принадлежавшие ему города и области принадлежат тем самым василевсу ромеев. Подчинившись императору, Абу-Савада с братьями не перестают, с точки зрения Константина, быть вассалами армянского царя. А это, по мнению К.Н. Юзбашяна, создает дополнительные основания для притязаний Византии: власть императора распространяется на кайсикских эмиров - и как на вассалов империи, и как на вассалов вассала империи (Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 128; ср.: Canard M. Histoire. P. 474).

Судя по гл. 44, Византия стремилась утвердиться на северном побережье оз. Ван. "Персидское" войско не может проникнуть в Романию, поскольку, находясь между Романией и Арменией, Хлат, Арчеш, Беркри и Арцкэ - заслон на пути движения вражеских отрядов (DAI. 44. 125-128). В середине X в. сложная система связей с вассалами оказалась нарушенной. Эта система мало отвечала истинному соотношению местных сил с Византией, навязывалась Византией и являлась для империи необходимой предпосылкой военного вмешательства (Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 129-130). Окончательно города кайсиков (кроме Хлата) были завоеваны уже при византийских наместниках фемы Васпуракан в 1026-1027 и 1033-1034 гг. (Арутюнова-Фиданян В.А. Фема Васпуракан. С. 85-88). Генеалогию кайсиков см.: DAI. II. P. 169; Константин. С. 225, примеч. 17, 18; С. 227-228, примеч. 27 и указанную там литературу.

К ГЛАВЕ 45

1. Ивирами названы "люди куроपालата", т.е. подданные ивирской ветви Багратидов (здесь: владетелей Тайка и Кларджии) (DAI. II. P. 170). Тайк (груз. Тао), как и Кларджк (груз. Кларджети), принадлежали к землям, лежащим на армяно-грузинской границе, а колебания пограничной линии включали их в орбиту то Армении, то Грузии. Это отразилось и в двойственности топонимов (Тайк-Тао, Ишхан-Ишхани, Панаскерт-Панаскерти). Вместе с тем Тайк и Кларджк (Кларджия) были объектом притязаний Византийской империи, стремившейся использовать их как свой форпост на Кавказе. Армянское население этих областей было неоднородно в конфессиональном отношении, включая в себя как армян-монофиситов, так и армян-халкидонитов (Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об армянах-халкидонитах // Вести, обществ. наук АН АрмССР. 1971. N 3. С. 95-98). Все это делало Тайк "узловым пунктом", где сплетались интересы трех народностей: греческой, армянской и грузинской (Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского / Введение, издание, перевод Н. Марра // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. СПб., 1911. Кн. VII. С. 101). Некоторые моменты истории Тайка и Кларджии освещены в трудах армянских, грузинских и зарубежных ученых (Toumanoff G. The Bagratids of Iberia from the eight to the eleventh century // Le Museon. 1961. LXXIV; Idem. Studies. P. 435-499).

Тайк - область в бассейне р. Чорох. Территория ее делилась на восемь гаваров (Еремян С. Т. Армения. С. 110- 111, 118; см. здесь же карту).

До VIII в. Тайк входил в состав Армении, и большей его частью владел дом Мамиконянов (Адонц Н.Г. Армения. С. 309). Для Леонтия Руисского Тайк - армянская страна (Toumanoff F. Studies. P. 452). В начале VIII в. представители ивирской ветви Багратидов начали торговаться в Тайк из своих владений на р. Чорох. А после неудачного восстания армян против арабов в 774-775 гг., в котором главную роль играли Мамиконяны, могущество этого рода было серьезно поколеблено, и Багратиды окончательно захватили Тайк. Ашот I Великий (середина IX в.) владел всей территорией Тайка (Ibid. P. 486-487), а также Холарзеной (Кларджией), Шавшией и рядом других земель (Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. С. XVI). В начале X в. правителем Тайка и Кларджии стал энергичный и деятельный Гурген II Великий К 941 г. он сосредоточил в своих руках Тайк, Кларджию, Ачару и Нигали и, по-видимому, даже часть Джавахети (город Тирокастрон - Квелисцихе, который он передал своему тестю), т.е. большую часть земель ивирских Багратидов (Toumanoff C. Studies P. 495). Гурген II носил византийский

титул магистра, что подчеркивает внимание империи к этому династу. Византия из века в век стремилась установить сюзеренитет над ивирскими Багратами, даруя им титулы дук, магистров и куропалатов Багратами, владетели Тайка, были связаны вассальными отношениями с армянскими Багратами Ширака, являвшимися по отношению к ним "азгапетами". После смерти Гургена II тайкская линия Багратами угасла и ее владения были поделены между представителями других ветвей этого дома и частично царем Абхазии. Южный Тайк Ардаан, Шавшия и часть Джавахети, захваченная Гургеном II, армянский гавар Басен а также титул куропалата перешли к старшей линии ивирского дома (Ibid. P. 497). Младшая линия этого дома получила северный Тайк, а Кларджия (Холарзена) перешла к своим исконным владельцам - артануджским Багратами. С середины X в. и до начала XI в. Тайк входил во владения Давида Куропалата (966-1001). В 1001 г. южный Тайк вошел в византийскую фему Ивирия, а северный Тайк - в Грузинское царство (Арутюнова-Фиданян В.А. Еще раз о феме "Ивирия". С. 42-47; Типик Григория Пакуриана. С. 214-216).

Уже в V в. сложилась легенда о происхождении Багратами от некоего Багарата (потомка еврейских царей), прямой предок которого был уведен вавилонским царем Навуходоносором после разрушения Иерусалима в Месопотамию, а затем перешел на службу к армянским царям, получив от них владения и право возлагать корону на царей Армении. Легенда о еврейском происхождении Багратами в измененном виде позже попала в Грузию.

Вопрос о происхождении Багратами остается дискуссионным. Н. Адонц, например, не согласен с версией о их еврейском происхождении, в то время как С. Рэнсимену она представляется вполне вероятной, а К. Туманов связывает появление легенд с урартской или хурритской традициями. Грузинская ветвь Багратами берет начало с патрикия Армении Ашота Багратуни, ослепленного в 748 г. Мамиконянами (подробнее см.: DAI. II. P. 170-172; Константин. С. 228-229; см. генеалогическую таблицу DAI. II. P. 172; см. схему 2). Рэнсимен полагает, что при Адарнасе, сыне Васака, и его внуке Ашоте Великом домен ивирских Багратами простирался на юго-запад в Тао (Тайк) и на северо-восток в Картли в долину р. Куры, и именно в то время эти владетели приняли халкидонитство, что сделало их менее близкими армянским родичам и более лояльными вассалами Константинополя (DAI. II. P. 170; ср. также: Джанашиа С.Н. Сведения Константина Порфирогенета о Тао-Кларджетских Багратами // Тр. Тбилис. ун-та. 1941. С. 69-85).

2. О мегистанах см. коммент. 4 к гл. 30. В Армении мегистану буквально соответствовал мецамец (выше звания нахарара и ишхана) (см., например, о "двух великих ишханах из мецамцев" - Повиннее Драсханакертци. История Армении. С. 139). В Грузии мегистанам соответствовали мтавари (букв.: "главные") и эристави (этимологически: главы народа-войска, где "эри" - первоначально все свободное население страны, обязанное участвовать в ополчении).

3. Иранское имя. В иранском эпосе упоминается Спандиат, сын Вистаспа (Адонц Н.Г. Армения. С. 447. В гл. 40 Книги второй "Истории страны Алуанк" упомянут "персидский бог Аспандиат"; см.: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеармянск., предисловие и комментарий Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 212-213, примеч. 153). С. Рэнсимен ошибается, считая его одним из вариантов армянского имени Смбат. Р.М. Бартикян вслед за Р. Ачаряном отмечает, что это имя (вариант - Спандарат) встречается в армянских источниках еще в IV в. (Ачарян Р. Словарь личных имен. Ереван, 1948. Т. IV. С. 597-598 (на арм. яз.); Константин. С. 229-230, примеч. 3). В "Картлис Цховреба" упоминается Спандиат, сын легендарного персидского царя Вашташби (Виштаспа, Гистаспа).

4. Речь идет об ирано-византийской войне 602-628 гг., начатой шахом Хосровом II Парвизом под предлогом мести за убитого императора Маврикия. Персы дошли до Египта и даже угрожали Константинополю, но затем Ираклию удалось добиться перелома. Византийские войска заняли Закавказье, северную Месопотамию и другие области. Хосров II был убит заговорщиками, а его преемники согласились на мир. Реальным итогом войны было ослабление и Ирана, и Византии, что облегчило успехи арабов и падение Сасанидского царства (Колесников А.И. Иран в начале VII в. // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 22; Константин. С. 230, примеч. 4).

5. О связях Грузии и Иерусалима (до и после воцарения династии Багратами в Закавказье) см.: DAI. II. P. 172.

6. Адарнасе (Атрнерсех) Куропалат (888-923) - сын Давида, а не Ашота, как полагает Константин. Ср. коммент. 15 к гл. 43.

7. 1 сент. 951 - 31 авг. 952 г. Индикт указан верно.

8. Константин Багрянородный и его сын Роман II.

9. Фасиана - первый гавар Айрарата Басен (Еремян С.Т. Армения. С. 44; DAI. II. P. 173; Константин. С. 231, примеч. 11).

10. Фема Армениаки расположена к западу от Халдии, образована при императоре Ираклии из части Каппадокии, прилегавшей к морю с центром в Амасии. Н. Адонц относит образование фемы к периоду после юстиниановых реформ (Типик Григория Пакуриана. С. 217, коммент. 5).

11. Лев Лалакона - куропалат и дука Армениаков (DAI. II. P. 173).

12. Колония была частью фемы Армениаки. Названа по главному городу фемы, основанному

еще в царствование Феофила (829-842). Первый стратиг фемы Колония упомянут под 863 г. (Theoph. Cont. P. 181. 12). Располагалась к северо-востоку от Севастии и граничила на западе с фемой Армениаки, на севере - с Халдией, на востоке - с Феодосиополем и на юго-востоке - с Месопотамией (Const. Porph. De them. P. 141; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. P. 257). Колония и Халдия иногда объединялись, Варда Фока, который захватил Манчэкерт и срыл городские укрепления, был "дукой Халдии и Колонии" (Асолик. С. 183).

13. Месопотамия граничила с севера с фемами Халдия и Колония, с юга с фемой Ликанд, Улзаида с Севастией. Была клисурой, при Льве VI стала фемой и была увеличена Ч1в счет турм Камах и Екелесена, а при Романе I к ней были добавлены Ханзит и Романополь (Const. Porph. De them. P. 139-140; ch.: Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus. P. 257).

14. О Халдии см. коммент. 25 к гл. 43.

15. Магистр Лев Катакалон, побежденный в византийско-болгарской войне в битве при Булгарофигоне (902 г.), оставался домашником схол в течение шести лет после этого (DAI. II. 173-174; Константин. 231, примеч. 17). О домашних схол см. коммент. 20 к гл. 44.

16. Карин (Арзан ар-Рум, совр. Эрзерум). Был отстроен и укреплен при Феодосии II (408-450) и взят арабами в середине VII в. (DAI. II. P. 174). Захват Феодосиополя и его округа был одной из важнейших военно-политических акций империи в северной части "ас-сугур" - пограничной территории между Византией и халифатом. "Ас-сугур" проходила через Месопотамию, Сирию, Армению, где во второй половине VII - начале VIII в. арабы создали сильные укрепления для борьбы с империей (Тер-Гевондян А.Н. Первый этап образования арабской пограничной области (ас-сугур) // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 21-27). Ключевая позиция Феодосиополя по отношению к арабским и армяно-грузинским политическим образованиям объясняет актуальность гл. 45, посвященной истории его завоевания.

Город несколько раз переходил из рук в руки. В 895 г. ромеи безуспешно осаждали Феодосиополь (Товма. С. 231). При Льве VI (около 901 г.) отряды стратига Армениаков патрикия Лалаконы, стратигов Колонии, Месопотамии и Халдии разорили Басен. Доместик схол магистр Катакалон (в 902 г.) подошел к Феодосиополю (возможно, взял город) и разорил окрестности. В 927 г. по дороге к Двину Иоанн Куркуас разорил Басен, а позже эту область опустошил его брат Феофил, назначенный стра-тигом Халдии. В 928 и 931 гг. Иоанн Куркуас вел военные действия против кайсиков Хлата, Балеша, Беркри и, возможно, вновь шел через Басен. Около 934-935 гг. или вскоре после этого византийцы заняли феодосиополь. Неподалеку от Феодосиополя ромеи выстроили город Хавчич (арабск. Хавджидж) к северу от Бингель-Дага, у истоков Аракса (Honigman E. Die Ostgrenze. S. 79-80, 195). Когда в 939 г. Сейф ал-Даула приблизился к Феодосиополю, византийцы разрушили Хавчич. Уже в царствование Константина VII, т.е. после 944 г., отряды протоспафария и стратига Иоанна Арравонита, патрикия Феофила (брата Иоанна Куркуаса) и др. совершали набеги на Авник (ср. коммент. 17 к главе 45), а Иоанн Куркуас, не сумев взять Феодосиополь, который он осаждал в течение семи месяцев, занял Мастат (ср. коммент. 30 к гл. 45) и передал его протоспафарию Петроне Воиле (ср. коммент. 33 к гл. 45).

В 949 г. Феодосиополь был окончательно завоеван империей и, очевидно, стал центром одноименной фемы. Когда была написана гл. 45, стратигом Феодосиополя уже был Феофил (Асолик. С. 179; Honigman E. Die Ostgrenze. S. 79; Тер-Гевондян А.Н. Арабские эмираты. С. 162-163; Юзбашян К.Н. Армянские государства. С. 130-131)

17. Авник (совр. Дживан кале) - самостоятельный арабский эмират, расположенный к востоку от Эрзерума (Honigman E. Die Ostgrenze. S. 80; Еремян С. Т. Армения. С. 42).

18. Кецеон. С. Рэнсимен и Р.М. Бартикян не локализируют эту крепость. Э. Хонигманн считает, что она входила во владения ивирских Багратидов, и сопоставляет ее с деревней Хндах или с крепостью Картлис-кели (турецк. Гурджи-богаз) на дороге из Феодосиополя в Тайк (DAI. II. P. 175; Константин. С. 233, примеч. 22). Э. Даниэлян, однако, уверенно локализует Кецеон на месте селения Кес (или Кез) к западу от Эрзерума (Даниэлян Э. Локализация крепостей Кец и Маздат // Вести, обществ, наук 1976. N 8. С. 75-76).

19. О таксатах, или таксеотах, см. коммент. 7 к гл. 30.

20. Ашот (сын Адарнасе II) и его братья Давид, Баграт и Смбат.

21. Георгий - царь Абхазии (915/6 - 959/60). О терминах "эксусиаст, эксусиократор" см. коммент. 2 к гл. 10. Об Авасгии (Абхазии) см. коммент. 17 к гл. 42.

22. Гагик I Арцруни (908-943) - царь Васпуракана (Варданян В. Васпураканское царство. С. 120-154).

23. Цари из династии армянских Багратидов.

24. Командир турмы (подразделения, составляющего часть воинского контингента провинции) и комендант той части военно-административного округа, на которой расквартирована его турма (DAI. II. P. 175).

25. Р.М. Бартикян обратил внимание на то, что в главе упомянуты "караваны" (*карвания), слово, заимствованное из персидского языка (Константин. С. 234, примеч. 29).

26. Посланцем ивирского куропалата мог быть тот Зурванел, который упоминается в помете

на рукописи (Paris, 2009) как "Зурванел, отец синкелла Торника" (DAI. 20. 5-6). Это Чордванел, сыновьями которого были Иоанн Торник и его брат Иоанн Варазваче. Иоанн Торник - вассал Давида Куропалата (961-1001) - постригся в монахи на Афоне, был одним из основателей Ивилона, выполнял ответственные поручения Василия II, а в 979 г. одержал решающую победу над войсками Варды Склира (Каждан А.П. Армяне. § 15. С. 47-48). В грузинском колофоне к греческой рукописи Иоанна Златоуста из Синодальной библиотеки (Государственный исторический музей. 75/62) Иоанн Торник упоминает своих родителей Чордванела и Мариам, братьев отца Ашушу и Абухарба, своих братьев - Иоанна Варазваче, Баграта, Ашушу и Абухарба, сыновей Иоанна Варазваче - Микаэла и Чордванела - и других членов своего рода (Peelers P. Un Colophon georgien de Thornik le moine // *Analecta Bollandiana*. 1932. 50. P. 361). Тайкские Торникяны (Торник - уменьшительная форма от арм. Торн - "внук") встречаются в греческих, грузинских и армянских источниках, и их этническая принадлежность вызывает дискуссии. Действительно, кем может быть Иоанн Торник (дядя знаменитого Евфимия Ивира), основатель грузинского монастыря на Афоне, активно содействовавший переписыванию грузинских рукописей и переписывавший их сам? Многие исследователи (А. Натроев, М. Тархнишвили, М.Д. Бердзенишвили и др.) однозначно считают Торникянов грузинами (Каждан А.П. Армяне § 15. С. 48, примеч. 6, 9, 10; DAI. II. P. 175). С другой стороны, Н. Адонц, Н. Акинян и другие исследователи полагают, что тайкские Торникяны - армяне. Адонц собрал все документы, относящиеся как к самому "монаху Торнику", так и к его родственникам (Adontz N. *Etudes*. P. 302-318). В числе прочего (колофонов, сочинений Скилицы, Асолика, Яхьи Антиохийского и т.п.) находятся два эпиграфических памятника: надписи на армянском языке на хачкарах (составляющих неотъемлемую часть армянской материальной культуры). Первый хачкар оставил близ Карина (Феодосиополя) Иоанн Торник: "Во имя бога я Иоанн..., сын Чордванела, поставил сей крест во времена Василия и Константина", т.е. соправителей Василия II Болгаробойцы (976-1025) и его брата Константина VIII (1025-1028). Второй хачкар с надписью оставил брат Иоанна Торника Иоанн Варазваче в армяно-халкидонитском соборе в Ани (Adontz N. *Etudes*. P. 317-318). Акинян считает тайкских Торникянов ветвью рода Миконянов, переселившейся в Тайк после поражения восстания 774-775 гг. против халифата и принявшей халкидонитство (Акинян Н. Историко-филологические исследования. Вена, 1938. Т. IV. С. 253; на арм. яз.). Акинян составил генеалогию тайкских Торникянов. Мы приводим ее здесь в части, ближайшей к нашему Чордванелу (см. схему 3).

Существовал и второй Чордванел. О нем рассказывает Асолик как об одном из соратников мятежника Варды Фоки: "Чордванел магистр, сын брата монаха Торника", продолжал сражаться с войсками Василия II "в областях Держана и Тарона". Он погиб в гаваре Держан в 990 г. (Асолик. С. 251). Исследователи указывают на родственные связи между тайкскими Торникянами и Мамихонянами-Торникянами Тарона и Сасуна, которые (в особенности это касается таронских Торникянов) исповедовали имперскую ортодоксию и у которых имена Торник и Чордванел были родовыми, так же как и у тайкских (Даниэлян Э.Л. Мамиконяны - Торникяны Тарона и Сасуна // Историко-филологический журнал. 1979. 2. С. 136-153; см. там же генеалогическую таблицу на С. 145).

В противовес суждению об армянском происхождении Торникянов, равно как и об их грузинском происхождении, А.П. Каждан выдвигает тезис об "армяно-ивирских семьях", представители которых именуется в источниках то армянами, то ивирами, что, по мнению ученого, "могло иметь место не только благодаря переходу части армян в халкидонитство, но и в результате интенсивного взаимного социокультурного проникновения обеих этнических групп" (Каждан А. П. Армяне. С. 144). Это положение поддерживает и К.Н. Юзбашян, полагая, что "в Тайке мы имеем дело с переливом части аристократии из армянского общества в грузинское", что армяно-грузинские семьи мыслимы в границах "только грузинского общества", а "их специфика задавалась армянским началом" и движение происходило "от армян к грузинам, а не наоборот" (Юзбашян К.Н. Рец. на кн.: Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. Ереван, 1975 // ВВ. 1978. Т. 39. С. 238). Нужно отметить, что и Каждан, и вслед за ним Юзбашян выдвигают предположение, что армяно-ивирская аристократия - не армяне и не грузины, но особое этническое образование, возникшее в армяно-грузинской контактной зоне (Тайке) Каждан А.П. Армяне. С. 145; Юзбашян К.Н. Рец. на кн.: Каждан А.П. Армяне. С. 239).

Оба исследователя, с одной стороны, сужают проблему армян-халкидонитов, игнорируя армяно-греческие сближения, а с другой - изобретают новую популяцию.

Армяно-халкидониты, в силу профессиональной принадлежности оказавшиеся на стыке трех культур: армянской, греческой и грузинской, - явление сложное и малоизученное из-за гетерогенности, дискретности и недостаточности источниковедческой базы, а также определенной методической предвзятости. Историки церкви, внимательно рассматривая догматические и вероисповедные различия между монофиситской (армянской) и халкидонитской (греческой и грузинской) церквями, почти совсем не касались армян-халкидонитов как таковых. Для них, как и для монофиситов средних веков, армяно-халкидониты не были истинными армянами, а их противники обычно не выделяли армянских приверженцев халкидонитства из греческой или

грузинской паствы. Эту точку зрения бессознательно усвоили и светские историки.

Тем не менее исследования последних десятилетий установлено, что на протяжении ряда столетий (VII-XIII вв.) армяне-халкидониты составляли значительную часть армянского этноса, а их епархии дислоцировались от Тарона до Тайка.

Греческий и грузинский языки, входя как необходимые составные части в культуру армян-халкидонитов через богослужебные книги, светскую литературу и даже язык общения, не вытесняли армянский. Армяно-халкидонитские общины не только на родине, но и за ее пределами сохраняли свой язык, письменность, бытовые особенности, и эта культурная обособленность вызывала явную неприязнь их греческих и грузинских единоверцев. Армяне-халкидониты называли себя "армянами" в основном до IX-X вв., позже влияние конфессии, интенсивное общение с единоверцами (при нежелании и невозможности слиться с ними из-за этнического и культурного своеобразия) вводит двойственное обозначение армян-халкидонитов как "армян-грузин", "армян-греков" ("ромеез", "ивиров") и даже заставляет армян-халкидонитов осознавать себя иногда как особый "азг" (арм. род, племя). Однако самоназвания для всей группы в целом так и не нашлось. Пожалуй, только "цаты" явились специфическим обозначением армян-халкидонитов, впрочем и цаты именуются то "полугреками", то "обращенными в грузин".

Разумеется, возникновение надэтнических конфессиональных общностей, которые сами по себе обладают четким самосознанием, противодействует процессу этнической консолидации, облегчает размывание границ этноса. Однако армяне-халкидониты - феномен в большей степени не этнической, а культурной трансформации.

Н.Я. Марр полагал, что армянам-халкидонитам обязана армянская литература "если не возникновением, то углублением и усилением эллинофильского течения" что им "принадлежит пересадка на армянскую почву греческой схоластики и философии", а также, что у "армян существовала целая халкидонитская литература, которая не исчерпывалась одними полемическими и догматическо-богословскими трактатами". Он полагал, что грузинские переводы с армянского относились как к древней эпохе единения грузинской и армянской церквей, так и к более позднему времени, когда переводы делались с армянских халкидонитских памятников (Марр Н.Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // Прил. к ВВ. 1905. Т. XII. С. 2 и след.).

Армяне-халкидониты переводили богословскую литературу с греческого и грузинского языков на армянский и с армянского на грузинский с прозелитскими целями и для своих единоверцев (Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 47, примеч. 2, 3, 4, 5; С. 75-88).

Вплитывая и перерабатывая культуру трех народов, армяне-халкидониты служили своего рода культуртрегерами христианского Востока.

В работах А.М. Лидова предложена концепция особой художественной культуры армян-халкидонитов. Главным источником для реконструкции этой культуры служат халкидонитские росписи XI в. на территории Армении (их особенности: ориентация на византийские образцы; тесная связь с национальной армянской традицией; тема армяно-грузинской общности). Иконографические программы этих росписей вполне способны, по справедливому замечанию исследователя, заменить не дошедшие до нас политические и богословские трактаты армян-халкидонитов (Лидов А.М. Росписи Ахталы и искусство армян-халкидонитов // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987. С. 121-136).

Их культуру, очевидно, можно считать типом особой культуры армянского этноса, обогащенной влияниями народов, от церквей которых они восприняли конфессию. Представители этой группы играли значительную роль в жизни Армении, Грузии и Византии (Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 106-169; ср. коммент. 26 к гл. 46). Очевидно, армяне-халкидониты занимали ведущее положение среди "людей куропалата", одним из которых и был "азат Чордванел".

27. Азат (ир.-арм. термин: иранское значение "агнат" см.: Периханян А.Г. Сасанидский судебник. Ереван, 1973. С. 445). В раннее средневековье азатами в Армении именовали в широком смысле всех феодалов как таковых, а в узком - их низшие и средние слои. Здесь слово употреблено в узком смысле. Показательно, что используя именно термин "азат", тогда как его грузинским эквивалентом было бы "азнаур" (от ср.-перс. азнавар). Употребление термина "азат" еще раз доказывает, что информаторами Константина были армяне (см. коммент. 26 к гл. 46).

28. Точная формулировка обязательств одного из восточных вассалов империи, выполнение которых должно повести к подчинению "востока" ромеям.

29. Куропалат Адарнасе (Атрнерсех) умер в 961 г.

30. Мастатон - крепость (у Аристокэса Ластивертци - Маздат). Г. Алишан предположительно локализует ее на месте поселения Массад к востоку от Эрзерума (Даниэлян Э. Локализация крепостей Кец и Маздат // Вести, обществ, наук АН АрмССР. 1976. N. 8. С. 79-80; см. там же карту).

31. Название передано как "Е'ра^" (Еракс) в отличие от обычного Арй^т)^ (Араке) греческих памятников (ср.: Scyl. P. 436). несомненно, это Еракс армянских средневековых источников (Армянская советская энциклопедия. Ереван, 1974. Т. 1. С. 702_703). Здесь нет смешения Аракса с

Фасисом (Рионом), как полагают исследователи (Константин. С. 234, примеч. 34), но согласно "Ашхарацуйцу" (Армянской географии VII в.) Араке в верхнем течении назывался Басеном (???) (Еремян С. Т. Армения. С.110.)

32. См. о нем: DAI. II. P. 176; Guiland R. Recherches. T. II. P. 105.

33. С. Рэнсимен полагает, что появление Воилы на Востоке связано с тем, что он был катепаном армянских военных сил, расквартированных в Никополе в феме Колония (а не в Никополе - морской феме в Эпире (DAI. II. P. 177). О семье Воил см.: Константин. С. 235, примеч. 37).

34. Баграт, брат куропалата Ашота, отец магистра Адарнасе (Атрнерсеха), умер в 945 г. (Константин. С. 236, примеч. 40).

35. О системе связей Византии и ее восточных вассалов см.: введение к коммент. к гл. 43.

36. Левый берег Аракса - берег северный, где находится Феодосиополь, в то время как Авник - на правом, южном берегу. У Константина же "правый" и "левый" берега обозначены, очевидно, с точки зрения наблюдателя, обращенного лицом к Константинополю (DAI. II. P. 177).

37. Гааар Алори к югу от Феодосиополя (Ibid.).

К ГЛАВЕ 46

1. Об "Ивирии" часто упоминают византийские авторы, писавшие до IX в. и в первой половине XI в. Писатели же, повествовавшие о событиях конца IX-X в., почти не употребляют этого хоронима. Так, у Льва Диакона вообще не говорится ни об Ивирии, ни об ивирах (Leon. Diac. Hist.). "Хронография" Льва Грамматика сообщает о некоем Григоре Ивирице, посланном Львом VI на подавление восстания Андроника Дуки (907 г.) (Leon. Gramm. Chron. P. 281. 11-13), а также упоминает о куро-палате Ивири, прибывшем в столицу империи 20 февраля 10 индикта (922 г.) непосредственно вслед за венчанием на царство Софии, супруги императора Христофора (сына и соправителя Романа Лакапина) (Ibid. P. 307. 7-15). Продолжатель Феофана в ряде мест говорит об Ивирии, но имеет в виду Западную Ивирию - Испанию (Theoph. Cont. P. 73. 15-17, 20-21). Впрочем, при описании восстания Фомы Славянина (820-823) он назвал ивириков среди восточных народов, участвовавших в восстании, наряду с египтянами, индусами, персами, сирийцами (Ibid. P. 55. 6-7). Продолжатель Феофана рассказывает о Григоре Ивирице и о прибытии в Константинополь куропалата Ивири (Ibid. P. 372. 14-19; 402. 8-21) почти в тех же выражениях, что и Лев Грамматик, что с несомненностью свидетельствует об общем источнике сведений. Те же сведения содержатся в "Хронике" Симеона Магистра и в сочинении Григория Амартола (Ibid. P. 733. 16-23; 894. 14-19). За исключением этих данных, памятники X в. не содержат никаких сведений об "ивирах". "Ивирия" же в них не упоминается вовсе. Впервые (в памятниках X в.) восточная "Ивирия" появляется у Константина. Этот факт весьма важен тем более, что сведения о ней достаточно широки. Уже в одном из хрисовулов, изданных в 920-922 гг. от имени Романа I (920-944) и Константина VII (913-959), перечислены владельцы ивирского дома Багратидов той эпохи: Адарнасе IV, царь и куропалат Ивирии; Гурген II, дука Тайка; Гурген I, дука Холарзены (900-923); Давид (ум. 937), старший сын и наследник Адарнасе; Давид "Мабалис" (ум. 943), владелец Ачары и Нигали. По словам Константина, куропалату Ивирии были подвластны владельцы четырех областей: Ивирии архонта *ту Вериасах, Ивирии архонта *ту Карнатаэс, Ивирии архонта *ту Куэл и Ивирии архонта *ту Атсара (Toumanoff C. Studies. P. 492-493). Области названы по их главным городам: Таос-Карни (Карнатаэс) - в северном Тайке; Вериасах (арм. Верхняя сторона) - в Кларджии; Квели (или Квелисцихе) - в Джавахети; Ачара. Итак, в X в. в византийских источниках упоминаются две Ивирии: Испания и Ивирия - владения ивирских Багратидов, куда входили Танк, Холарзена, Джавахети, Ачара, Нигали. Интересна традиционность географических представлений византийцев, восходящих к античности. В XI в. понятие Ивирии в византийских памятниках значительно расширяется: это и Грузия, и фема Византийской империи, и Испания. Соответственно этноним "ивир" уже не имеет одного или двух значений: "ивир" в XI в. - испанец, грузин, уроженец фемы Ивирия армянин-халкидонит, принявший конфессию от грузинской церкви, и, наконец монах монастыря Ивирион (Типик Григория Пакуриана. С. 124-134).

"Ивиры" же Константина - это ивирские Багратиды, а "Ивирия" - их владения. К. Туманов включает Ачару, Нигали, Тайк, Кларджию, Джавахети, Артаан и других областей в так называемые "armeno-georgian Marchlands" (Toumanoff C. Studies. P. 498-499). "Большая часть этих территорий - исторически не менее, чем географически, - армяно-грузинские пограничные области и поэтому являлись полем боя между обоими царствами. Битва за них еще продолжается - на поле боя историографии" (Ibid. P. 440-441).

Попытки Византии утвердиться в Тайке и Кларджии непосредственно связаны с военными действиями в Басене. В IX-X вв. эти области дробились на множество уделов, где правили представители ивирской ветви Багратидов.

2. Адрануци (Артанудж) - город гавара Кларджия наханга Гугарк Великой Армении Расположен на берегу горного притока р. Чорох, в VII в. разрушен арабами в начале IX в. восстановлен Ашотом

Багратидом. По данным грузинских памятников, Ашот "обнаружил в Кларджети в лесу скалу одну, где впервые Вахтанг Горгасал воздвиг крепость по имени Артануджи. Была она разорена Глухим из Багдада. Восстановил ее Ашот и выстроил вновь крепость, а перед крепостью у ее подножия, построил город. Внутри крепости воздвиг церковь святых апостолов Петра и Павла и уготовил там же усыпальницу свою, и обосновался на жительство в той же крепости. Затем вновь завладел странами до врат города Бардава" (Сумбат Давитис-Дзе. История и повествование о Багратионах / Пер., введение и примеч. М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 31). При ивирских Багратидах, согласно гл. 46, Артанудж играл значительную роль в международной торговле (Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 216).

3. Смбат Артануджский - владетель Тайка и Кларджии (ум. 889 г.). Имел двух сыновей: Баграта (Панкратий), владетеля Артануджа и Кларджии (ум. 909), и Давида "Мабалиса" (ум. 943). С- Рэнсимен отмечает у Константина неверный перевод на греческий язык: "Мабалис" - не "всесвятой", а "властитель" (груз. мампал) (DAI. II. P. 177). Можно предположить, что либо информатор Константина не знал грузинского языка, либо толкование прозвища Давида принадлежало самому императору (о генеалогии Багратидов см. коммент. 1 к гл. 46). И Смбат Багратид, и Баграт, и Давид носили титул мампала (Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. II С. 459-460 (на груз. яз.).

4. Кискаси (груз.) - "живой, проворный". Р.М. Бартикян сближает это прозвище с патронимом Вхкаци, который в греческой Эгрекской надписи 1006/7 г. звучит как ΚΗΧΚΑΤΖΙ, при этом подмена "беты" "каппой" характерна для всей надписи; правильным было бы написание ΒΗΧΚΑΤΖΙ (Константин. С. 237, примеч. 5). Однако, как замечает К. Туманов, Кискаси - прозвище Ашота, а Вхкаци - патроним. так что сближение невозможно, не говоря уже о том, что в огласовке Вхкаци не имеет с Кискаси ничего общего (Toumanoff C. *Caucasia and Byzantium // Tra-ditio*. 1971. 27. P. 134, note 93).

5. Гурген Тайкский - магистр (ум. 941), глава старшей ветви ивирских Багратидов (см. коммент. 1 к гл. 46).

6. Тирокастрон ("сырная крепость") - перевод с груз. Квелис-цихе; в сочинении "О церемониях" этот город обозначен грузинским наименованием *ту Куэл, Квелис-цихе - центр области Джавахети (Джавахи) (Константин. С. 237, примеч. 7). Расположен к северо-востоку от Артануджа.

7. Река Ачара - правый приток р. Чорох несколько выше устья, служила границей с Византией (совр. Аджарисцкале, в ее долине расположена большая часть территории Аджарской АССР). В раннем средневековье здесь находился гавар Ачара, который упоминается в "Ашхарацуйце" как западная окраина царства Картли. В древности р. Ачара называлась Ноете (Еремян С. Т. Армения. С. 72). Колстрином, по мнению Рэнсимена, именовался пограничный округ (DAI. 11. P. 178). К. Туманов считает, что до сих пор неизвестно, чему соответствует этот топоним (Toumanoff C. *Studies*. P. 495, note 264), Р.М. Бартикин полагает, что Колорин соответствует либо гавару Кол (груз. Кола, совр. турецк. Геле), либо это шестой гавар Тайка Окале (его урартское наименование - Кали) (Константин. С. 238, примеч. 9). Однако с этим невозможно согласиться, так как оба гавара достаточно далеки от Ачары. Возможно, имеется в виду страна Колика поздних античных и ранних христианских источников, в которых упоминается эта страна как приморская именно в юго-восточном углу Понта.

8. См. о нем коммент, 21 к гл. 45.

9. Большой рабаі. Здесь четко прослеживается деление передневозточных мусульманских и христианских городов на две части: собственно город (араб. "медина" и перс. "шахристан"), где обитала привилегированная часть населения, преимущественно феодалы и их семьи, крупные торговцы; находилась часть рынков, общественных зданий и т.д. и часть города, возаикшая именно в IX-X вв., вследствие дальнейшего развития торговли и ремесла. Она-то и именовалась рабат, т.е. предместье (см.: Бартольд В.В. Соч. IV, 1971.7.7. С. 42 и след.).

10. Мы усматриваем в "хорополисе" город - центр области, такие города и имели рабаты. Эти новые города уже не обязательно были только административными центрами или резиденциями феодалов, в большей мере они являлись центрами ремесла и торговли. В Закавказье X в. именно в таких городах появились элементы самоуправления, городские верхи боролись с феодальной знатью. О средневековых городах мусульманского Востока см.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л. 1973, Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VI--XII вв. М., 1984. Библиография с. 304-329.

11. Коммеркий - совокупность торговых пошлин (Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 231)

12. ??? - арабское: "земли, территории" - равнозначно греч. ??? (DAI. II. P. 178; Константин. С. 238-239).

13. Мисхии - мсسخи, жители области Самцп (Месхети) В средние века Месхети при- близительно идентична Верхней Картлг, в узком значении в X в. - область городов Одзрхе и Ахалцихе (Мухелишеи.л Д.Л. Основные вопросы. С. 43; Еремян С. Т. Армения. С. 79).

14. С. Рэнсимен полагает, что это Константин Гонгила (DAI. II. P. 179).

15. Титул воина из отряда телохранителей императора.

16. Иматий - специальное одеяние, соответствовавшее титулу и выдаваемое из казны.

17. Никомндия - город в Вифинии на восточном берегу Мраморного моря (Ныне Измир).

18. Имеется а виду Иерусалим,

19. Форма правительственных указов (простагм) (Яковенно П. Исследования в области византийских грамот Юрьев, 1917. С. 104, 107-108). Иногда простагма употреблялась как хрисовул для подтверждения привилегий (Dolger F. Byzantinische Diplomatie. S. 48). В группу простагм входят орисмос, келевсис, протаксис, питтакий. Простагмы писались обычным шрифтом на бумаге квадратного формата небольших размеров, датировались месяцем и индиктом. Завершалась простагма подписью императора без пышного титулования. Форма простагмы в соответствии с ее целями была очень простой. Обращение к троице обозначалось просто крестом (Ibid. S. 46-48: Rouillard G. Note de diplomatie byantine // Byz. Antiquities 1933. S. P. 117).

20. Главный писец, начальник канцелярии, главный секретарь, С. Рэнсимен вслед за Дж. Бьюри и Ф. Дэльгером идентифицирует протоасикрита Симеона с Симеоном Логофетом, автором "Хронографии" (DAI. II. p. 180).

21. Сын Адарнасе Куропалата, курочалат С)23.-954). Ему наследовал его брат Смбат (ум 958). Его братья Давил и Баграт носили титулы ма; негров (ср. коммент. 1 к гл. 45).

22. Лакуна в рукописи.

23. Акампис - река Чорох, Мургу.чы - Мургул-су. На Чорохе (совр Турция) и поныне есть городок Мургул. Акамписа и Мургулы - восточные турмы пограничной фемы Халдия,

24. Очевидно, доместик Востока (главнокомандующий всеми военными силами империи на Востоке) Иоанн Куркуас (см. о "ем коммент. 20 к гл. 44).

25. Эти события происходили между 923 (когда Ашот наследовал своему брату Гургену) и 937 г. (смерть магистра Давида) (DAI. II. P. 179).

26. Во Введении к комментарию глав 43-46 отмечалось, что у Константина приведены разнообразные и по большей части уникальные сведения об укреплении позиций Византии в Закавказье. Действительно, труд Константина позволяет воссоздать картину постепенного проникновения империи в Тарон и подчинения кайситских эмиров, а также уточнить вопрос о попытках Византии захватить Артанудж и Тайк (до правления Константина ни в Тайк, ни в Кларджию ромеям проникнуть не удалось). Документы константинопольской канцелярии легли в основу свидетельств авторов главы 43 о взаимоотношениях Византии с Таронитами. Покровительствуя "стратигам" - Таронитам, византийский двор стремился в то же время ограничить их власть, о чем достаточно красноречиво сообщается в гл. 43 (особенно в связи с именем "Дом Варвара" и уступкой Торником своих владений империи). В Тарон прибывали византийские чиновники - посланцы императора. Сюда должен был явиться внуч Синут, но его оклеветал переводчик Феодор, и Синут был послан в Ивирию, а в Тарон был направлен протоспафарий Константин Липе. Раздел Тарона был произведен протоспафарием Кринитом, переводчиком. Как показал Н. Адонц, все эти лица - армянского происхождения (Adontz N. Etudes. P. 221-230).

И здесь мы вплотную подходим к вопросу о возможных информаторах Константина. В своей политике в Закавказье империя опиралась на армян-халкидонитов. Немало их находилось на службе империи, они занимали иногда высокие посты и легко находили общий язык с таронскими Багратидами, также исповедовавшими халкидонитство, широко распространенное в Тароне уже во времена патриарха Фотия (Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 91). Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов, военачальников и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность разбираться во внутри- и внешнеполитическом положении Тарона с ясностью, недоступной их греческим единоверцам (Ср. коммент. 26 к гл. 45).

Одновременно с проникновением в Тарон Византия настойчиво пыталась утвердиться и в тех областях Армении, которые продолжали оставаться под владычеством арабских эмиров, и в пограничных армяно-грузинских княжествах Тайка и Кларджи, составлявших уделы представителей боковой (по отношению к армянской) линии Багратидов. Гл. 44 рисует военно-политическую программу империи в ее стремлении на восток, в центральные области Армении. Области, к которым относится географическая номенклатура этой главы, имели различный политический статус. Области и города, находившиеся на берегу оз. Ван, принадлежали мусульманским эмирам, и вместо обычных дипломатических приемов, активно использованных в Тароне (пожалование титулов и поместий владетелям, интриги с целью разобщить их и т.д.), здесь имел место прямой военный нажим как и по отношению к Феодосиополю, одному из основных опорных пунктов арабской укрепленной пограничной территории ("ас-сугур") на севере. Военные действия против арабов вел главным образом Иоанн Куркуас, армянин-халкидонит на службе Византийской империи, почти два десятка лет бывший доместиком Востока. Стратигом Феодосиополя стал его брат Феофил. Переговоры с Константином о феодосиополе вел Чордванел, армянин-халкидонит, азат тайкского курочалата из семьи тайкских Торникянов.

Таким образом армянские информаторы 43-45-й глав представляются наиболее вероятными

не только потому, что именно им принадлежала ведущая роль в военных и дипломатических акциях империи на Востоке, но и потому, что в самом тексте мы встречаем чисто лексические подтверждения их роли (отмеченные выше в комментарии). Приближенный куропалата Чордванел назван азатом - согласно нормам армянской средневековой стратификации (см. коммент. 27 к гл. 45); географическая номенклатура передана в формах, либо близких к армянским (в переогласовке на греческий - см. наименования армянских городов во владении кайсиков), либо совершенно совпадающих с армянскими, таких как именование Аракса в форме Ерасх (как у Мовсеса Хоренаци и в других средневековых армянских источниках).

А главное, в ткань повествования проникает живая речевая традиция армянского языка с ее уменьшительными формами личных имен ряда владетелей (см. коммент. 3 к гл. 43 и коммент. 11-12 к гл. 44).

Источниками гл. 46, посвященной генеалогии Багратидов, могли быть, помимо актов имперской канцелярии, отразивших переписку Романа Лакапина со своими дипломатами и военачальниками, также копия питтакия, направленного друнгарю Константину, послания ивирским Багратидам, отчеты армян, должностных лиц империи и т.д. Возможно, для какой-то части главы информаторами могли быть грузины, но, очевидно, не для всей главы, так как люди, не знавшие, что "мампал" - не "всесвятой", а "властитель", и называющие Квелис-цихе даже не Куэлом, а Тирокастроном, грузинами быть не могли. Именно в гл. 46 встречаются термины, указывающие на близость мусульманского мира, его влияние и проникновение его реалий в Закавказье.

43-46-я главы явно выделяются своей актуальностью - это современный Константину политико-дипломатический справочник. В самом деле, другие разделы труда, в той или иной мере касающиеся административного устройства империи (гл. 14-42), по большей части не содержат современного Константину материала. Предположение авторов лондонского комментария, что материал для большинства глав этого раздела готовился одновременно со сбором материала для труда "О фемах" (т.е. тогда, когда замысел Константина VII относительно трактата "Об управлении империей" не созрел окончательно), по-видимому, вполне обоснованно, так же как и утверждение, что материалы этих глав фиксируют положение в империи на время до середины IX в. (DAI. II. P. 2-5). Напротив, главы 43-46 - это рассказ о тех политико-дипломатических мероприятиях, которые начались при Льве VI, продолжались при Романае Лакапине и Константине Багрянородном и должны были послужить руководством к действию для его сына Романа, как это явствует из заключительного абзаца главы 46.

К ГЛАВЕ 47

Главы 47 и 48 тесно взаимосвязаны. По мнению Р. Дженкинза, гл. 48 была отчасти источником гл. 47 и включена в труд по недосмотру (она составляла лишь сырой материал). Время написания гл. 47 и окончания гл. 48. 22-32 он относит к периоду, когда уже определился характер подготавливаемого труда (951-952 гг.), т.е. гл. 47 была написана одной из последних и отвечает выраженному во введении замыслу - дать представление о народах, окружающих империю, и о внутренних делах (DAI. P. 21-24; DAI. II. P. 5, 180-181).

1. Трудно сказать, о каком захвате острова арабами идет речь. Их первый набег Г. Острогорский датирует 649 г. (Ostrogorsky G. Geschichte. S. 97), Х.-Г. Бек - 648 г. (Beck H.-G. Kirche. S. 199), как и Р. Дженкинз (DAI. II. P. 181). Но в результате остров не стал безраздельным владением арабов. Может быть, уже с этого времени установился своеобразный статус Кипра - кондоминиум, совместное арабско-византийское владение. Дженкинз считает гл. 47 доводом в пользу концепции, согласно которой Кипр не принадлежал империи ни до 648 г., ни в 952 г. (исключая краткий период в семь лет при Василии I). Кондоминиум осуществлялся по крайней мере с 688 г. по специальному соглашению с халифом. По мнению Дженкинза, события в начале гл. 47 представлены в обратной последовательности; на деле не нападение арабов вызвало переселение киприотов, а их переселение повлекло за собой обвинение арабов в нарушении Юстинианом II договора 688 г. и нападение на остров в 691/2 г. (DAI. II. P. 181). Так же расценивает ход событий и Острогорский: переселение киприотов - одно из звеньев политики перемещения населения, проводимой Юстинианом II - опустошенные берега Мраморного моря, в частности Кизик, остро нуждались в пополнении людьми, способными к морской службе (Ostrogorsky G. Geschichte. S. 110; ср.: Browning R. Byzantium and Islam in Cyprus in the Early Middle Ages // EEBE. 1979. IX. E. 101-108).

2. Набеги арабов и переселение киприотов сократили число жителей острова. Но вряд ли остров оказался совершенно ненаселенным.

3. Церковь Кипра с 431 г. имела право избирать епископа без вмешательства патриарха Антиохии. Архиепископией епархия Кипра стала с Халкидонского собора (451 г.) с резиденцией в Константианиане. Набег арабов в 648/9 г. заставил перенести резиденцию в Фамагусту (архиепископ сохранил титул "константианианского"). Иоанн занимал трон архиепископа в конце VII

в. (см.: Beck H.-G. Kirche. S. 199-200).

4. "Народ" архиепископа - это, скорее всего, духовенство, зависимые люди, военные. Вряд ли массы простых киприотов прибыли с Иоанном в Константинополь.

5. Император Юстиниан II (685-695, 705-711).

6. Перевод условен: термин "онкономия" многозначен и философски сложен (Beck H.-G. Kirche. S. 77, 90, 284, 288 etc.).

7. Шестым вселенским собором именовался иногда Трулльский (по залу дворца, в котором он состоялся). Заседал с зимы 691 до весны 692 г.

8. Город на южном берегу Мраморного моря, защищал подступы к столце

9. Посвящение в духовный сан, как и сама церемония рукоположения.

10. Традиция, объявляющая Юстиниана II киприотом, недостоверна (DAI. II. P. 118).

11. Здесь: глава церкви Кизика.

12. Т.е. в 698 г., если считать с начала заседаний собора (691 г.), но "побужден был" не Юстиниан II, а Тиверий III (Апсимар) (698-705).

13. Об "амермумнах" см. коммент. 27 к гл. 25. Резиденцией халифа был тогда Дамаск. Багдад стал столицей халифата лишь при Аббасидах в 750 г.

14. Значение этого слова не установлено (DAI. II. P. 181).

15. О базиликах см. коммент. 1 к гл. 7.

16. Возможно, эти киприоты были уведены арабами в Сирию в 653/4 и 691 гг. (DAI II. P. 182). Х.-Г. Бек полагает, что набег произошел после переселения части киприотов (Beck H.-G. Kirche. S. 199).

17. Артикли t(o) (дважды) предполагают слово Дера в дат. пад. (т.е. "в феме Кивирреотов и в феме Фракисиев"). Имеются в виду прибрежные (близ Эгейского моря) фемы империи. Именно сюда легче всего было бежать морем киприотам. Текст не оправдывает, однако, вывода, что Кипр вошел в сферу византийского владычества. Автор не включает Кипр в состав Романии: договор 698 г., вероятно, возобновлял положение о кондоминиуме.

К ГЛАВЕ 48

1. См. коммент. 7 к гл. 47. Строки 3-21 - цитата из 39-го канона Трулльского собора (DAI. II. P. 182). Текст обладает рядом преимуществ документа. Здесь не утверждается, что после переселения киприотов остров совершенно обезлюдел; определенно указано, что архиепископ (с его "народом") обосновался не в самом Кизике, а по соседству, в специально созданном поселении Новый Юстиниануполь.

2. Ссылка на 8-й канон Третьего (Эфесского) вселенского собора, утверждающий незыблемость древних прав каждой епархии (DAI. II. P. 182).

3. Существовал и другой Юстиниануполь (прежний Мокисос), возведенный Юстинианом I в ранг митрополии (Beck H.-G. Kirche. S. 159).

4. Здесь - множ. число, а выше (48.4, где речь идет о "Геллеспонтской епархии") - ед. число. Видимо, в ед. числе сказано об административном районе Геллеспонт (земли, примыкающие к проливу того же имени, ныне - Дарданеллы), а во множ. числе - о его епископских кафедрах (епархиях), подчиненных теперь архиепископу Константин ианы.

5. Епископ Кизика занимал к этому времени пятое место среди епископий империи, его епархия считалась одной из богатейших. Теперь он был низведен до положенШ подчиненных архиепископу Кипра прочих епархий Геллеспонта и лишен прав первенства среди них. По мнению Х.-Г. Бека, это новшество, введенное по настоянию императора, вряд ли было принято собором без трений и осложнений (Beck H.-G. Kirche. S. 163, 200).

6. Дальнейший текст гл. 48. 22-32 не имеет никакого отношения к ее заголовку Р. Дженкинз относит все дальнейшее к последнему разделу труда (DAI. II. P. 182). Как и в случае с "дипломатическим" разделом секции, Константин дает здесь и краткое заключение к разделу "О народах", и столь же краткое введение к последнему разделу. Фраза со слов "...мы столь детально изложили..." перекликается с программным заявлением Предисловия (Prooimion, 19-24) и вступления к разделу "О народах" (гл. 13. 195-200), а ее продолжение, служащее введением к последнему разделу (гл. 48. 23-27), более пространно, чем заявление на я от счет в Предисловии ко всему труду (Prooimion, 23-24). Нет сомнений в том, что этот пассаж принадлежит самому Константину и вписан им на последнем этапе работы в условиях спешки, отразившейся на состоянии всего последнего раздела. Конечно, гл. 52 целиком и почти вся гл. 53 представляли собой сырой материал и не подлежали включению в труд. Р. Дженкинз делит последний раздел на три фрагмента в соответствии с их сюжетами (порядок которых композиционно перепутан): 1) гл. 49-50. 168; 2) 51. 192-204, 53. 512-535 составляют фрагмент об организации провинциального управления; гл. 50. 169-221, 51. 5-191 - фрагмент об управлении флотом, включая гл. 48. 28-32 и 53. 493-511 - о "греческом огне"; 3) гл. 50. 222-256 - фрагмент о гражд-данских делах. Вероятно, указания императора и состояли в том, чтобы подобрать материал для этих трех тем, но возможно

деление последнего раздела и на большее число фрагментов. Дженкинз, выделив основные темы раздела, убедительно показал, как зачастую неудачно композиционно разбросан материал (DAI. II. P. 182). Редактор ориентировался на поспешно выбранные случайные критерии, а не на ясное представление о трех-четырёх сюжетах, вокруг которых собран материал. Интересно также наблюдение Дженкинза, что первая (49-я) глава последнего раздела (о провинциальном управлении) повествует о землях, отвоеванных у врагов (в противоположность главам 43-46, где идет речь о землях, которые империя стремилась вернуть) (DAI. II. P. 183).

7. Константин советует сыну превосходить других (т.е. придворных и чиновников) в знании административной истории империи, уверяя его, что такие знания повысят его авторитет у подданных. См. об этом Введение.

8. Р. Дженкинз не отвергает предположения Г. Манойловича, что данный отрывок о "жидком огне" возник под пером (или под рукой при отборе материала) Константина VII по ассоциации с Кизиком: именно здесь в 674-678 гг. был впервые в морской битве с арабами применен "греческий огонь" (DAI. II. P. 182). На фоне других небрежностей композиции этого раздела такое предположение кажется вполне правдоподобным: ведь и прочие вставки к разделу включены в материал по случайным, поверхностным ассоциациям. 9. Отцом Константина IV был Констант II (.641-668).

10. Сирийский архитектор, перебежавший на сторону императора.

11. Город к северу от Дамаска, известный впоследствии под названием Баальбек. 12. О "жидком огне" см. коммент. 33 к гл. 13.

К ГЛАВЕ 49

Глава породила огромную литературу, которая (до 1975 г.) учтена Ив. Дуйчевым (*Cronica di Monemvasia*), а затем О. Крестеном (*Kresten O. Zur Echtheit. S. 15-77*). Помимо проблемы достоверности источников, главное внимание уделялось двум вопросам: во-первых, о времени и обстоятельствах первого появления славян на Пелопоннесе и судьбах местного автохтонного населения; во-вторых, о формах и характере зависимости, в которой оказались побежденные славяне, отданные по приказу Никифора I митрополии Патр (*Hrochovd V. Problemes des agglomerations slaves du Peloponnese // EB. 1976. N 1. P. 128-130; Zaslserova B. Zu einigen Fragen aus der slawischen Kolonisation auf dem Balkan // Studien zum 7 Jh. in Byzanz. B., 1976. S. 59-65; Huxley G.L. The Second Dark Age of Peloponnese // ????. 1977. 3. ? 84-110; Weithmann M.W. Die slawische Bevolkerung auf der griechischen Halbinsel. Mu'nchen, 1978; Malingoudis Ph. // Zeitschrift fur Balkanologie. 1980. Bd. 26. S. 212, 219; Idem. Toponymy and History. Observation concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrillomethodianum*. 1983. T. VII. P. 99-111; Graebner M. The Slavs in Byzantine Population transfers of the seventh and eighth Centuries // *EB*. 1975. N 1. P. 40-52; Koder J. Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im mittelalterlichen Griechenland // *BZ*. 1978. Bd. 71. H. 2. S. 315-331; Idem. Arethas von Kaisareia und die sogenannte Chronik von Monembasia // *JOB*. 1976. Bd. 25. S. 75-80; Ztlsterovd B. Die Slawen und die byzantinische Gesellschaft im 8. und 9. Jh. // *Studien zum 8. und 9. Jh. in Byzanz. B.*, 1983. S. 89-94. Знаменательно, что все более глубоко и убедительно обосновывается достоверность свидетельств этой главы и подтверждающих их известий Монемвасийской хроники. Заголовок к гл. 49 - одно из наиболее важных доказательств того, что он был предпослан собранному материалу с самого начала. Скорее всего и материал подбирался для именно так сформулированного самим Константином сюжета: в заголовке упомянуты славяне, тогда как в -первой строке главы они обозначены местоимением "они" (см. подобное же соотношение текста и заголовка в гл. 9. 1-9.9; 40.1-2 - 40 3-4). Глава представляет своего рода оправдание перед возможным со стороны "спрашивающих" обвинением Константина в непоследовательности его политики: он издавал новеллы против роста крупного привилегированного землевладения знати и церкви и в то же время ничем не ущемлял богатую митрополию Патр (Литаврин Г.Г. Из комментария. P. 1349-1353).*

1. См. о *пактон гл. 9.9, 109; 29.40; ср. коммент. 13 к гл. 27. Глагол ??? ("служить") употреблен в трактате Константина еще трижды (см.: 25.53; 32.116, 134) в широком а не в техническом значении,

2. По спорному вопросу о времени восстановления и положении Патр в период от вторжения славян до правления Никифора I (802-811) мы придерживаемся мнения О. Крестеиа, согласно которому Патры не были под властью славян, составляя последний опорный пункт империи на полуострове (*Kresten O. Zur Echtheit. S. 15-25*). Однако церковное значение Патр не выходило, видимо, за пределы города: церковная организация на Пелопоннесе была в совершенном упадке до эпохи Никифора I. Х.-Г. Бек, Г. Острогорский и другие исследователи датируют возвышение Патр в ранг митрой полии примерно 805 г. (*Beck H.-G. Kirche. S. 179; Ostrogorsky G. Geschichte. S. 161*) 3. Согласно Монемвасийской хронике, Пелопоннес (исключая, очевидно, Патры) 218 лет (с 587 до 805 г.) находился под властью славян (*Cronica di Monemvasia. P. 15. 134-140*). Обычно 805 г. признают достоверной датой осады славянами Патр. Однако а гл. 49 сказано, что славяне до их

восстания и осады Патр уже признавали власть империи. В связи с этим не исключено, что они (как и славяне Греции) были подчинены уже в результате похода логофета Ставракия в 783 г. и что тогда и была создана фема Пелопоннес (Ostrogorsky G. Geschichte. S. 160-162). Если это так, тогда следует признать недостоверной либо число лет славянского господства (218), либо дату вторжения славян на полуостров (587 г.). Выход из положения - в допущении, что власть империи на Пелопоннесе с 783 по 805 г. была чисто номинальной, что и дало повод автору Монеувасийской хроники пренебречь тем периодом, за которым при Никифоре I (после 805 г.) наступила пора подлинного утверждения здесь власти Византии.

В греческой историографии (например: Karayannopoulos J. Zur Frage der Slawensiedlung auf den Peloponnes // RESEE. 1971. 9. N 3. S. 443-460) отрицалось присутствие славян на полуострове до конца VII или даже до середины VIII в. именно потому, что славянская колонизация представлялась одновременно как почти полное бегство или переселение местных греков из этих районов. При таком подходе к вопросу не находили объяснения данные о значительных греческих поселениях на Пелопоннесе в IX в., причем такие данные трудно было отнести за счет "регрессивизации" фемы посредством крупных переселений на ее земли греков из других фем. Поэтому проводилась мысль о медленном "просачивании" славян, о лишь кратковременной утрате империей контроля над полуостровом, о недостоверности сведений о господстве в этих местах славян и т.п. Возможно, вскоре после вторжения славяне расселились на Пелопоннесе в непосредственном соседстве с тамошними жителями: согласно гл. 49, порой поселения, и даже сами дома славян и автохтонов находились поблизости друг от друга

Здесь, как мы понимаем, речь идет о славянах, живших вблизи Патр. Тот факт, что славяне, восстав, напали и на греческие поселения, свидетельствует о начальной (несмотря на двухсотлетнее общение с греками) стадии эллинизации славян, а также о том, что до восстания они находились в каких-то политических отношениях с греками, которые, по-видимому, были их данниками. Если судить по аналогия с другими восстаниями пелопоннеских славян в IX и в X вв., то можно допустить, что незадолго до 805 г. имперские власти попытались заставить недавних получателей дани с греков уплачивать налоги фиску, а возможно, и принять христианство (уплата налогов, подданство и христианское исповедание составляли в представлении византийцев нерасторжимое единство). Не случайно Х.-Г. Бек склонен относить утверждение реальной власти империи к периоду до восстания, уже к рубежу VIII-IX вв., а митрополией епископия Патр стала, следует думать, именно после победы над осаждавшими город славянами; ей были подчинены также Мефона, Лакедемон и Корона (в установлении Льва VI упомянута также Болена, или Олена) (Beek H.-G. Kirche. S. 179). По нашему мнению, в повиновении византийским властям отказали славяне всего Пелопоннеса, недовольные резким изменением своего реального статуса (уравнение с их прежними данниками). Но ход восстания в других регионах полуострова не известен: внимание автора сосредоточено на наиболее важном событии, связанном с восстанием. Известно, что Никифор I, подчиняя славян в Македонии, переселял сюда византийцев из разных фем империи (Atntoljak S. Die makedonischen Sklavinnen // La Maci'doine et les Macedoniens dans le passe. Skopje, 1970. S. 40). Подобную политику он проводил и на Пелопоннесе, усилив тем самым враждебность славян к новым поселенцам.

В гл. 49 мы находим необычное для Константина и для византийской историографии вообще употребление этнонима "греки" для обозначения подданных империи вместо обычного "ромей"). Известно, что этноним "греки" римляне распространили на все одноязычное население Балкан, впервые вступив в контакт с племенем греков на западном побережье Пелопоннеса. Этот пассаж, таким образом, - свидетельство использования в главе местного источника (ВИИНЖ. С. 66. Бел. 248).

5. Видимо, после утверждения власти империи, еще до восстания, население города было пополнено. Монеувасийская хроника сообщает о возвращении Никифором I жителей в их город; правда, время этого акта не известно (Cronica di Monemvasia. P. 20.; ВИИНЖ. С. 67. Бел. 252).

6. Разорение округа укрепленного города - обычный прием даже регулярной армии при осаде крепостей: осажденные лишаются возможности во время вылазок пополнять запасы продовольствия; несомненно, имел место и просто грабеж населения.

7. Здесь - арабские воины флота Фатимидов, который на рубеже VIII-IX вв. и в первой половине IX в. разорял берега Сицилии, Италии, Далмации и стремился овладеть шадными областями империи. В рукописи усматривали ошибку: предлагали читать *Африкус а *Асрикус считая, что эти сарацины - из Атрики на Пелопоннесе, где пленные арабы были якобы поселены властями империи, а затем приняли участие в восстании (ВИИНЖ. С. 66. Бел. 249; DAI. II. P. 184). Согласно Феофану (Theoph. Shron. P. 483), в 808 г. арабы напали на о. Родос, а не на Патры; по арабским источникам, арабский флот находился в византийских водах в 807 г. Поэтому ряд ученых либо относил восстание славян к 807 г., либо признавал недостоверным участие африканских арабов в осаде Патр (DAI. II. P. 183; Lemerle P. La chronique. P. 16 sq.). Другие, напротив, считали этот факт несомненным, но арабам отводили главную роль, а славянам - вспомогательную (Zakythenos D. 01 E).dpoi. S. 50; Idem. Byzantinische Geschichte. S. 101). Догадки эти слабо

аргументированы. Если опираться на данные источников, то следует думать, что договоренность славян с арабами о совместной осаде Патр была достигнута еще в период подготовки к восстанию. Арабский флот был нужен для блокады города со стороны моря. Ничто не оправдывает гипотезы о главенствующей роли арабов: они упомянуты вскользь, и их участие было, вероятно, кратким эпизодом в начале осады.

8. Стремление овладеть укрепленным городом находится в определенной связи с углублением социального и политического развития славянского общества: так, "Чудеса св. Димитрия" свидетельствуют об упорном стремлении славян овладеть Фессалоникой. Племенная верхушка славян надеялась обрести опорный пункт для своего господства над округов, создать центр своей государственно-политической организации. Продолжительность осады не известна. Главные воинские силы греков находились далеко от города; восстание явилось неожиданностью; город не был к ней подготовлен. Запасы продовольствия истощились едва ли не через один-два месяца (следовательно, натуральные налоги еще не были собраны и свезены в городские склады).

Переговоры со славянами и возможное соглашение с ними о подчинении им города предполагают, что славяне находились под властью достаточно авторитетных вождей. Безопасность и право проживать в городе и после его подчинения славянам были, по-видимому, единственным условием, которое жители Патр были намерены поставить славянским вождям перед сдачей города.

9. Вопрос о стратегии остается спорным. Как упоминалось (см. коммент. 3 к гл. 49), фема Пелопоннес могла быть организована до восстания славян. Тогда оправданно усматривать в стратегии наместника фемы, что, на наш взгляд, и подтверждает контекст главы: "тогдашний стратег" "на границе фемы", далеко от Патр, находился временно; вернувшись же, именно он оповестил императора о событиях. Б. Ферьянчич отмечает лишь один контрдовод: почему стратег находился в Коринфе который был центром особой фемы Эллада, образованной еще на рубеже VII-VIII вв.? Но этот же исследователь указал на печать конца VIII в. царского протоспафария и стратега Пелопоннеса Исаяи (ВИИН.1. С. 66-67. Бел. 250). Г. Острогорский, полагая, что в гл. 49 идет речь о пелопонесском стратеге, высказал догадку о неверном прочтении на печати имени стратега: стратег, чье имя стоит на печати, - это, скорее всего, Склир, упомянутый в Монеувасийской хронике и в схолии Арефы (Острогорски Г. Постанак. С. 72). В. Зайбт пришел к заключению что поход Ставракия в 763 г. упрочил влияние Византии на полуострове, но не подкрепил его созданием новых опорных пунктов с гарнизонами и что какое-то время после похода Ставракия Пелопоннес оставался турмой фемы Эллады (Seibt W. Die Skleroi. S. 19-20. Anm. 5).

Нет оснований отвергать гипотезу, что стратегом Пелопоннеса, ставшего незадолго до восстания фемой, был Склир, который, таким образом, анонимно фигурирует в гл. 49. Его временное пребывание в Коринфе могло быть вызвано множеством не известных нам причин. Склир, видимо, и укрепил Патры и подчинил часть славян на полуострове. Зайбт предполагает, что при нем и началось то заселение ряда районов полуострова "неславянскими" переселенцами из разных фем (в том числе армянами), о котором упоминает Монеувасийская хроника (Cronica di Monemvasia. P. 18. 144-146); тем более что сам Склир происходил из Малой Азии и его род уже в IX в. приобрел на Пелопоннесе значительное влияние (Seibt W. Die Skleroi. S. 20). Энергичные меры Склира и могли побудить славян к восстанию. Несомненно, Патры имели значительное население и были укреплены еще до событий 805 г. Поскольку налоги в империи обычно взимались в сентябре, то можно датировать этим временем и само восстание (протест против взимания налогов). Тогда был бы понятнее и быстрый уход арабского флота: осада затягивалась, наступила осень (октябрь-ноябрь), и арабы покинули своих союзников.

10. Противоречие, не вполне разрешенное выше: "на границе" какой фемы? Если Пелопоннеса, тогда контекст предполагает, что Коринф входил в фему Пелопоннес. Но это невозможно: известно, что Коринф был столицей фемы Эллада. Если же "на границе" фемы Эллада, тогда Пелопоннес - еще не фема, и речь идет о стратеге Эллады. Выход из противоречия мы видим в допущении, что граница между фемами проходила близ Коринфа и что стратег Пелопоннеса находился вне своей фемы, в резиденции стратега Эллады, возможно, оказывая ему военную помощь. Т.е. выражение "на границе фемы в крепости Коринф" не совсем точно отражает существо дела.

11. Слово "архонты" может обозначать здесь подчиненных стратегу фемы командиров (ВИИН.1. С. 67. Бел. 251), но более вероятно, что это все наиболее значительные лица города: и светские, и духовные чины, поэтому ниже автор говорит о постановлении "жителей города".

12. От Патр до Коринфа по прямой около 100 км. Учитывая гористый рельеф и опасности на пути посланца, надо думать, что стратег узнал о нападении славян на Патры лишь через пять-семь дней после начала осады. В таком случае его поведение трудно объяснимо: либо он не усматривал в нападении серьезной опасности, либо его задерживали не менее серьезные причины, касавшиеся Коринфа и "находящихся к востоку (от Патр) частей гор". Не пришлось ли стратегу на пути к Патрам приводить к повиновению восставших славян в иных местах?

Приводимые в гл. 49 подробности, по-видимому, легендарны.

13. Отчаянное положение осажденных заставляет думать, что блокада была весьма плотной. Но посланец отправился на разведку даже верхом. Видимо, осажденные сохраняли связи с греческим населением округи. Может быть, и сам посланец был из окрестных жителей, а не из самих Патр. "Фламмул" - знамя, значок, штандарт, которые с римских времен имело каждое воинское подразделение войска, империи

14. Возможно, победа была достигнута до возвращения стратига. В таком случае следует допустить, что гарнизон был сильным либо осада не была слишком затяжной, либо осаду предприняла только часть восставших славян.

15. Святой всадник, идущий впереди войска и обеспечивающий ему победу над "варварами", - тоπος византийской литературы.

16. В первые века новой эры - командир сотни воинов, а также военачальник вообще. Здесь, однако, термин употреблен в фигуральном значении.

17. Храм св. Андрея (ср. ниже: 49.33) находился где-то в окрестностях, не слишком близких к стенам Патр. Важно, что о храме говорится как о действующем, т.е. церкви на этой территории действовали, видимо, еще до восстания. Обычай искать спасения в храме был свойствен, как правило, христианам. Однако по добной детали нельзя судить о религии славян: они могли попросту знать о истантианском запрете проливать кровь в храме, где к тому же было легче обороняться. В храме могла найти убежище лишь малая часть осаждавших. Эта часть была, по всей вероятности, взята победителями в плен, если вообще нечто подобное (поиск спасения в храме) имело место.

18. Северная часть Пелопоннеса, прилегающая и к Патрам; через нее шел стратиг из Коринфа. Ряд историков, указывая на победу гарнизона отнюдь не крупного города и на сообщение о разорении лишь "краев Ахайи", считают, что восстание было узко локальным (ВИИНЖ. С. 68. Бел. 253). Но гл. 49 говорит не о восстании славян только в Ахайе, а об их набеге на Ахайю. Кроме того, если стратигом был Склир, то его действия и до восстания, и после него выходили, очевидно, за пределы Ахайи: восстанавливались города и церкви, возвращалось некогда эмигрировавшее местное население, производилось переселение из других фем на Пелопоннес, в том числе в Лакедемон, т.е. в места, отдаленные от Ахайи (Cronica di Monemvasia. P. 20, 22).

19. Очевидно, на рубеже VIII-IX вв. Патры были все-таки и столицей, и церковным центром новой фемы. Е.Э. Липшиц толковала этот пассаж как доказательство роста крупного (в данном случае церковного) землевладения, основанного на труде зависимого крестьянства (Липшиц Е.Э. Очерки. С. 44-45, 48). Б. Ферьянчич также не сомневался, что побежденные славяне были превращены в зависимых крестьян митрополии (ВИИНЖ. С. 68; ср. также: Ostrogorsky G. Geschichte. S. 161). О. Крестей, подкрепляя этот вывод, сослался на "очень сходный сигиллий" Юстиниана II от 688 г. в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике, выданный после победы, одержанной с помощью св. Димитрия" над осаждавшими город славянами (сведения телями, составляла "стась" - основной объект налогообложения в импери У славян она включала два-три поколения взрослых людей, т.е. была большой семьей. Может быть, именно это обстоятельство, отраженное в сигиллии Никифора I, нашло - через устную традицию - отзвук в упоминании о родичах и обо всех, "им принадлежащих" (даже рабах). Все ли пленные были переданы митрополии? Все ли осаждавшие город были взяты в плен? Все ли они жили в окрестностях Патр? Гарнизон Патр захватил, конечно, только часть отступивших славян; указ Никифора I скорее всего не распространялся на села славян вне непосредственной округи Патр. Пленников из отдаленных селений, не переданных храму св. Андрея, могла ждать совсем иная участь.

20. Мы согласны с О. Крестеном (Kresten O. Zur Echtheit. S. 41. Anm. 98a), что перевод Р. Дженкинза "этот подвиг в борьбе" (this exploit in the contest) ошибочен: речь идет не о подвиге святого при осаде Патр, а о его мученических подвигах, совершенных в этой области.

21. Вид императорского указа. Вопрос о сигиллии Никифора I митрополии Патр - это прежде всего вопрос о письменных источниках к гл. 49. Видимо, ко времени написания труда указ Никифора I не сохранился, но Лев VI, подтверждая и уточняя права митрополии Патр, располагал этим сигиллием, как убедительно доказал О. Крестен. Помимо устной традиции, авторы гл. 49 использовали, возможно преамбулу указа Льва VI. Р. Дженкинз не отвергает данных гл. 49 и Монемвасийской хроники, но считает опрометчивым полагаться на них в вопросе о статусе Пелопоннеса на рубеже VIII-IX вв. (DAI. II. P. 183). Наиболее спорными остаются вопросы о статусе славян до осады 805 г., о времени назначения стратигом Склира и укрепления Патр после длительного периода ее упадка.

22. Прямая ссылка автора на устную традицию, насчитывавшую с 805 до 932 г. (предполагаемый год составления Монемвасийской хроники, если только Константин действительно опирался на нее) 127 или примерно 100 лет (если события излагались по сигиллию Льва VI).

23. Обычный в дипломатической практике того времени прием - обеспечивать выполнение

заклученных с иноземцами договоров содержанием в столице под стражей (или постоянным надзором) заложников, чаще - родственников главы государства или народа-контрагента (ср. коммент. 10 к гл. 1).

24. Под "стольниками" (храпеСрлюющ,) имеются в виду, разумеется, не исполнители придворной или какой-либо сходной церковной должности распорядителей трапезы (т.е. не "трапезиты" - *трапезитаи), а просто прислуживающие при принятии пищи указанным выше лицам.

25. Славяне, превращенные в держателей церковной земли, помимо уплаты в пользу митрополии пакта (государственного налога) и взноса за держания, содержали, кроме того, ксенодохию (постояльный двор), в которой названные выше официальные лица получали бесплатный кров и пищу. До передачи славян митрополии она содержала ксенодохию в качестве государственной повинности (Zakythenos D. ????. P. 49. N 2, 3).

26. Д. Закитинос, указывая на термин *омадос ("община"), полагает, что переданные митрополии славяне составили налоговую общность в Византии. Она характеризовалась прежде всего взаимной ответственностью перед государством за уплату сполна всей суммы государственного налога (Zakythenos D. ????. P. 49). Размеры индивидуального телоса (димосия - основного налога) с каждого двора определялись в IX- XI вв. в деревне чиновниками, но так называемые ангарии (натуральные, отработочные повинности) нередко распределялись внутри данной налоговой общности самими общинниками, в соответствии с возможностями каждой семьи. Чиновники фиска устанавливали лишь общий объем ангарии. Повинность, о которой здесь идет речь, являлась ангарией подвида митат, или псомодземия. Долю участия каждого в ее выполнении славяне определяли на общинном сходе. Впрочем, приведенное выше замечание Закитиноса об общине свидетельствует о том, что он разделяет широко распространенную теорию фискального происхождения общины в империи (государство "конструировало" в фискальных целях связанные круговой порукой перед казной налоговые общности, которые якобы и составили общины). Но не всякая налоговая общность - община. Взаимной ответственностью фиск связывал самые разные налоговые единицы, не становившиеся от этого общинами. об этом сигиллий сохранила надпись в храме). Император передал храму права на все солеварни в городе и в его окрестностях, освобождая одновременно храм от повинностей и налогов (Kresten O. Zur Echtheit. S. 17 sq.; см. также: Липшиц Е.Э. Очерки. С. 39-40, 45). Однако надпись в храме св. Димитрия не позволяет сделать вывод о том, что церковь стала собственницей всех указанных солеварен: для этого их нужно было предварительно отнять у их владельцев, среди которых были и фессалонийцы, участвовавшие в отражении врага. Скорее всего, Юстиниан П предоставил храму св. Димитрия солемний, т.е. право сбора в свою пользу налогов с солеварен, ранее вносившихся в казну. Не отвергая важности сопоставления указов Никифора I и Юстиниана II, мы не можем пренебречь значительностью хронологического интервала между ними и отличиями в существе дела. По имперским законам, земли, отвоеванные у врага, вместе с их населением (разумеется, иноплеменным) становились собственностью короны, как нередко и земли подданных, восставших против центральной власти (Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 42, 48-49). До отнятия государством титула собственности у свободных лиц император не мог дарить их имущество да и самих его владельцев кому бы то ни было. Имущество же побежденных славян (и как поверженных врагов, и как мятежников) переходило в ведение казны, и император передал какую-то часть их имущества вместе с ними самими митрополии Патр в качестве особой милости. Речь не идет ни о солемний, ни о патронате. Под имуществом мы здесь понимаем прежде всего обрабатываемую славянами землю. Как следует из дальнейшего, славяне должны были предоставлять по указанию митрополии разные землевладельческие продукты; видимо, участки славян как свободных мелких землевладельцев, обязанных выполнять повинности и платить налоги в казну, стали теперь собственностью митрополии, а сами славяне - ее зависимыми держателями (Литаврин Г.Г. Из комментария. P. 135 sq.). Не случайно, конечно, и упоминание о семьях и родичах (семья, т.е. домохозяйство со всеми его обитаНе создание налоговой общности влекло за собой установление общинного распорядка, а община использовалась фиском, превращавшим ее в налоговую общность. Переданные митрополии деревни (или деревня) составляли и до этого акта соседские общины, где имелись большие семьи и существовали общинные порядки землепользования в отношении пахотной земли и угодий. Видимо, подобные поселения славян еще до восстания были включены в систему византийского налогообложения. Теперь же, став церковными париками, славяне в соответствии с этой системой - как община - были обязаны в том же порядке платить ранее вносившийся в казну налог (телос) храму св. Андрея и, сверх того, платить пакт в качестве держателей чужой земли и выполнять ангарию, лежавшую ранее на митрополии (Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 7-42, 206-224).

27. Сигиллий Льва VI относят обычно к первым годам X в. (901-907) (DAI. II. P. 183). Издание сигиллия связано с незаконным увеличением митрополией требований к славянам и с их жалобой императору. Лев VI, как видно, утвердил традиционные нормы поборов и обязательств. Вряд ли произвол был допущен "византийскими чиновниками" (DAI. II. P. 185). Скорее всего это сделал сам митрополит: ему адресует император свои запреты, да и льготный характер владений митрополии

предполагал слабое вмешательство властей в ее дела.

28. Заслуживает внимания указание на зависимость славян прежде всего от главы местной церкви ("приписанные к митрополиту").

29. Фраза часто и по-разному толковалась. Е.Э. Липшиц (как и Г.И. Ласкин) полагает, что Лев VI запретил переводить оброки и повинности крестьян на деньги (так она передает смысл глагола ??? - Сост.) (Липшиц Е.Э. Очерки. С. 44-45). Р. Дженкинз перевел: Лев VI издал указ, запрещающий "продавать их" (to sell them) (DAI. II. P. 231, 233). Примечательно, что Константин определил этих славян термином, имевшим некогда техническое значение, - "энапографумены" (т.е. энапографы - крепостные колонны в империи в VI в., часто происходившие из военнопленных и "варваров"-поселенцев: История Византии. Т. 1. С. 81, 83-84, 241-245; Kresten O. Zur Echtheit. S. 45, 69). Действительно, в "Эклоге, измененной по Прохирону", статьи об энапографах не только сохранены, но подвергнуты толкованию, причем энапографы сближены с рабами и, во всяком случае, трактуются как крепостные (Ecloga privata aucta ad Prochiron mutata et Epanagoge aucta/Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856. X. 15). Энапографов действительно запрещалось продавать без земли (История Византии. Т. 1. С. 242); они в самом деле не могли жаловаться в суд на господ, произвольно увеличивавших поборы (Там же. С. 83, 244). Но не ближе ли "энапографумены" митрополии к "анагеграммунам" (приписным парикам), отданным казной церкви "для возделывания мест церковных" (Epistoliers byzantins du X-e siecle / Ed. par J. Darrouzes. P. 1960. P. 116. 10-14, 21-24; см. также: Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 66-67)? Что касается глагола ???, то, на наш взгляд, предпочтительнее переводить его не словом "продавать", а словами "обирать", "лишать последних денег" (серебряных денег, может быть, даже женских серебряных украшений).

К ГЛАВЕ 50

Глава 50, справедливо отнесенная Р. Дженкинзом к разряду глав о внутренних делах империи (гл. 48. 22-53), весьма разноплановая по содержанию. Заголовок к ней соответствует лишь первым двум пассажам. Остальное содержание главы также распадается на четыре никак не связанных друг с другом сюжета - свидетельство особенно небрежной аранжировки последних глав труда.

Заголовок был составлен, вероятно, еще до сбора материала - как задание императора. Записки о милингах и эзеритах и жителях Майны оказались объединенными, ибо речь шла об одном и том же районе Южного Пелопоннеса и об одной теме - о доходах с него в виде даней. Прочее было подверстано к гл. 50 вне всякой видимой связи, возможно, в последний момент, когда труду была придана окончательная композиция.

1. О феме Пелопоннес см. коммент. 3 к гл. 49.

2. Только эти два славянских племени на Пелопоннесе известны по имени. Но являются ли их этнонимы самоназваниями, остается дискуссионным, особенно в отношении милингов; название "эзериты" возводят к славянскому "озеро", так как они действительно жили близ побережья, называвшегося по-гречески "Элос" (в переводе "Озеро") (Georgakis D. The Mediaeval Names Milingi and Ezeritae of Slavic Groups in the Peloponnesus // BZ. 1950. Bd. 49. S. 327-330; Glykatzi-Ahrweiler H. Une inscription meconnue sur les Melingues du Taugete // Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. L., 1971; Avramea A. ??? - ??? // ????. 1974, 16. ? 288-300). Однако в таком случае нужно признать, что славяне, переведя греч. Лос, на родной язык, сами и образовали этноним от топонима "Озеро". Согласуется ли с этим чисто греческий суффикс наименования -??? ?

3. О пактах см. коммент. 18 к гл. 9 и коммент. 13 к гл. 27. Мы переводим здесь *пактон как "дань", исходя из контекста: размеры побора, взимаемого фиском со славян и жителей Майны, и порядок сбора пакта не позволяют видеть в нем обычный государственный налог (телос, димосий).

4. Город-крепость Майна лежал на южной оконечности полуострова к западу от Лаконского залива.

5. Время этого второго в IX в. восстания славян Пелопоннеса, как указано в главе, приходится на кратковременный период соправительства Феофила (829-842) и его сына Михаила III (842-867), который был коронован в конце 839 г. Иначе говоря, наиболее вероятны 840-841 гг. (ВИИНЖ. С. 69-70. Бел. 259; DAI. II. P. 185). Причины восстания Р. Дженкинз усматривает в произволе византийских властей, отмечая при этом, что археологические исследования Коринфа свидетельствуют о том, что достаточно прочно господство империи утвердилось там именно в правление Феофила. Восстание охватило значительную (если не основную) часть славян Пелопоннеса. Все это не позволяет переоценивать успехи Склира в его действиях против славян около 805 г. (согласно Монемвасийской хронике, "напав, взял народ сфлавинов войною и уничтожил окончательно", а остальные "крестились и присоединились к вере христианской" - Cronica di Monemvasia. P. 20, 22). Восстание могло быть вызвано уже одним распространением на славян византийской налоговой системы, а также лишением их части земель ввиду размещения на полуострове греков, возвращавшихся после вынужденного бегства и переселяемых из других фем

империи. Изгнав или уничтожив представителей местной власти (став "самостоятельными"), восставшие, как и 36 лет назад, если судить по тексту гл. 50, разграбили имущество местного иноязычного населения.

6. По-видимому, стратиг - предшественник Феоктиста или погиб, или был смещен с поста как не оправдавший надежд.

7. О протоспафариях см. коммент. 35 к гл. 32.

8. Попытки идентифицировать Феоктиста Вриенния со "стратигом Далмации" Вриеннием, чье имя упомянуто на двух печатях, оказались неудачными: Я. Ферлуга показал, что фема Далмации была создана лишь около 867 г., а стратиг Пелопоннеса, удостоенный уже в 842 г. (когда он был отправлен подавлять восстание славян) титула протоспафария, не мог около 867 г., если бы он затем был назначен в Далмацию, носить меньший титул (стратиг Далмации Вриенний был спафарием) (Ferluga 3. L'amministrazione. P. 161-168; ВИИНЖ. С. 70. Бел. 260; DAI. II. P. 186).

9. Вриенний - знатный византийский род, особенно возвысившийся в X-XI вв. Здесь - их первое упоминание.

10. Примечательно, что стратиг явился для подавления восстания, получив войска нескольких фем. Следовательно, восстание было крупным и вызвало тревогу правительства. Названы Фракия и Македония, среди же "прочих западных" фем остаются для этого времени Стримон, Фессалоника, Эллада, Диррахий, Кефаллиния, Никополь. Не были ли войска по крайней мере двух из них также переданы Феоктисту? (о времени создания европейских фем см.: Ostrogorsky G. Geschichte. S. 162-163). Впрочем, первые две фемы упомянуты не через написание их названий, а через указание на воинов этих фем ("фракийцы, македонцы"). Иначе говоря слово "фема" здесь имеет его первоначальное техническое значение - "отряд, рекрутируемый в определенной провинции" (Советы и рассказы. С. 341 и след.). Время похода Феокткста (как и его назначение стратигом Пелопоннеса) следует скорее всего относить ко времени до 20 января 842 г. (смерть Феофила) (ВИИНЖ. С. 71. Бел. 265).

11. Под "прочими не подвластными", помимо восставших славян. Следует, видимо, понимать остатки романизованного населения (подобного жителям Майны - см. в гл. 50 ниже), может быть, также армян, переселенных сюда при Никифоре I; во всяком случае, имеется в виду иноязычное по отношению к грекам население Пелопоннеса (ср.: Zakythenos D. O' I S^dpoi. P; 51, п.5). Возможно, они либо выступили вместе со славянами, либо воспользовались их восстанием, чтобы также отказать в повиновении византийским властям.

12. Т.е. в первом походе Феоктист не смог подчинить милингов и эзеритов.

13. Долина реки Эврота.

14. Приморский район южнее Лакедемона (ныне в провинции Лаконика), а также низина у устья Эврота.

15. Т.е. "Пятипалая" - имеется в виду Тайгет.

16. Б. Ферьянчич справедливо отметил, что у автора главы нет четкого представления о месте расселения милингов и эзеритов. Предлагалось разное решение вопроса (ВИИНЖ. С. 71. Бел. 264). Р. Дженкинз помещает милингов севернее, близ Лакедемонии, на западном склоне Тайгета, а эзеритов - южнее, в приморском районе Эзеро-Элос (DAI. II. P. 186). Это мнение приемлемо в его первой части, но вряд ли эзериты жили на приморской низменности. Константин пишет, что они жили на противоположном по отношению к милингам склоне Тайгета, т.е. также в горах, в "трудно доступном месте"; кроме того, их подчинение было весьма затруднительно (обстоятельство, не легко объяснимое, если бы они жили у моря, близ устья Эврота и к западу от него: местность здесь лишена естественных укреплений и укрытий). Видимо, милинги действительно жили к северу от эзеритов, недалеко от Лакедемонии и Спарты, но на западном склоне Тайгета, тогда как эзериты обитали южнее, около Элоса, на восточном склоне того же горного хребта.

17. Здесь содержится указание на второй поход Феоктиста, уже только против милингов и эзеритов. Поход, по всей вероятности, последовал вскоре за первым. В одном из житий упоминается некий Феоктист Вриенний, бывший в регентство Феодоры, т.е. между 842 и 855 гг., послом к болгарам (DAI. II. 186). Столкновения с болгарями (после истечения в 845 г. срока 30-летнего мира) произошли в 847-850 гг. и сменились новым мирным периодом. Если этот Феоктист Вриенний идентичен стратигу Пелопоннеса, то послом в Болгарию он был скорее всего в пору временного обострения отношений с Болгарией, будучи, разумеется, уже освобожден от должности на Пелопоннесе. Тогда его поход на милингов и эзеритов можно датировать приблизительно 842-850 гг. Эту дату принял и П. Лемерль (Lemerle P. Phi-lippes et la Macedoine orientale a l'epoque chretienne et byzantine. P., 1945. P. 127; Златарски В. История. Т. I, ч. 1. С. 444-446).

18. Характер выплат в казну и разница в суммах между милингами и эзеритами объяснялись по-разному. Р. Дженкинз подчеркивает, что мысль о большем плодородии земли эзеритов или их большей численности не объясняет последовавшего затем уравнения сумм для обоих племен (см.: 50.48-52; DAI. II. P. 186). С. Рэнсимен полагает, что, говоря об уравнении сумм, Константин "мог быть просто дезинформирован" (Runciman S. Emperor Romanus. P. 73-74, п. 1). Б. Ферьянчич

не берется решать этот вопрос, указывая, со ссылкой на А.А. Васильева (Славяне в Греции // ВВ. 1898. Т. 5. С. 426), что милинги и эзериты должны были впредь, помимо указанной выплаты дани, нести также воинскую службу и принимать правителя, назначенного стратигом (см. ниже - 50. 30-32). Добавим, что упомянуты и "иные службы для казны". Однако, по мнению Ферьянчича, они оказались все-таки в лучшем положении, чем славяне Ахайи, "которые потеряли не только политическую, но и личную свободу" (ВИИИ. С. 71. Бел. 267). В целом мы согласны с этим мнением, хотя не считаем, что все славяне Ахайи были переданы митрополиции Патр и потеряли личную свободу. Разницу в размере тягот для славян Ахайи и для тех двух племен мы видим в том, что милинги и эзериты уплачивали только дань, а не регулярные налоги а пользу казны. К сожалению, для рассматриваемой нами эпохи нет данных об абсолютных размерах (в пересчете на деньги) налогов со свободного крестьянина-налогоплательщика. Столетием позже полнонадельный крестьянин платил 1-3 номисмы. Если для 40-х годов IX в. снизить указанную сумму вдвое, то и тогда следует, что племя милингов насчитывало от 120 до 240 семей. Вряд ли такое допущение возможно: оказавшее упорное сопротивление регулярной армии племя должно было быть гораздо многочисленнее. Следовательно, пакт (ср.: 49.48) в 60 номисм был скорее всего не идентичен синоне и капникону, взимавшимся в то время со всех землевладельцев в империи. Если бы это было так, сумма должна была бы быть многократно большей. Видимо, милинги и эзериты подчинились на определенных условиях: их пакт - взнос, свидетельствующий о зависимости от империи, а не регулярный, обычный телос с ее подданных. Во всем труде Константина нет ни одного случая употребления термина "пакт" в более позднем (для X-XI вв.) значении - "арендная плата" или "ординарный государственный налог", или "частновладельческая поземельная рента". Лишь в гл. 30. 124-133 пакт как будто приравнен к "податям" (*фороус), но при этом сказано, что пакт составляет для целых крепостей-городов всего от 100 до 200 номисм. Здесь же и пояснено, что платить пакт означает быть "подплатежными" (*упофора). Указываемые размеры пакта слишком малы для государственного налога, да и в раскладку пакта среди плательщиков здесь никак не вмешивается государство. Во всех случаях, когда Константин сообщает о пакте, его плательщиками выступают либо города, либо племена, либо вожди соседних народов. Ни разу такой термин не употреблен в значении налога с жителей империи вообще (Константин использует для этого слово *апаитэсиос - "вызкание", ординарное для византийских текстов X-XI вв. - см. гл. 51, 193, 197; 52.1).

19. Точные цифры налога в империи не только с отдельных налоговых округов, но и с каждой деревни и каждого домохозяйства фиксировались в кадастрах фиска, хранившихся в ведомстве геникона (налоговый секрет). Здесь же вновь ссылка на устную традицию, т.е. и это место подтверждает высказанное в ком-мент. 18 предположение о пакте милингов и эзеритов.

20. Имеется в виду время автократорства (самодержавия) Романа I Лакапина (921-944). Однако точная дата нового бунта милингов и эзеритов - предмет неоконченной дискуссии: предлагались даты от 921 до 941 г. (в частности, 923, 924, 934 гг. - ВИИИ. С. 72. Бел. 269). Р. Дженкинз выступает за 920-921 гг., ссылаясь на следующие факты: вскоре за принятием новых военных мер против милингов и эзеритов последовал мятеж Варды Платипода; узурпация Романом I всей власти (именно в 920-921 гг.) сопровождалась мятежами в провинции и заговорами в столице; одновременно с мятежом Платипода на Пелопоннес вторглись "слависианы" (их Дженкинз идентифицирует со славяно-болгарами, которые в ходе второй войны Симеона примерно в то же время прорвались на Пелопоннес через Коринфский залив Uenkins R.J.H. The Date of the Slav Revolt in Peloponnese under Romanus I // Late classical and medieval Studies in honor of Albert Mathias Friend. New Jersey, 1955. P. 205-207). Б. Ферьянчич относит восстание к 927-930 гг. (ВНИИ. С. 72. Бел. 269), Г. Острогорский, видимо, принимает эту дату (Oslogorsky G. Geschichte. S. 185. Anm. 2).

Донесение Иоанн Протевон отправил, конечно, не тотчас после отказа славян повиноваться, а скорее всего после неудачных попыток вернуть их к повиновению. Поскольку речь идет об отказе славян выполнять "службы для казны", следует думать, что они не внесли названный выше пакт. Внесение же всех основных платежей в казну совершалось, как правило, в сентябре-октябре. Поэтому новое восстание логично отнести к концу (осени) года, а донесение стратига - к зиме того же или началу следующего года.

21. Иоанн Протевон не известен по другим источникам. Он упомянут еще раз в гл. 51.200- 201, где сказано, что во время его полномочий на Пелопоннесе как стратига, при Романи I, славяне добились замены воинской службы выплатой денег и поставкой боевых коней. Р. Дженкинз впадает, таким образом, в противоречие, датируя новое восстание (при Протевоне) концом 920 г., а упомянутую замену службы материальной компенсацией - первыми тремя месяцами 921 г. (DAI. П. Р. 186-187, 204). Конечно, славяне и других районов Пелопоннеса могли воспользоваться восстанием милингов и эзеритов, чтобы избежать участия в походе в Лангобардию, но для названной замены нужно было согласие Романа I, а император, как следует из рассказа, распорядился жестоко подавить восстание, едва о нем узнав. Хотя оба события (коммутация воинской службы и восстание) произошли при Протевоне, они, на наш взгляд, были разделены

гораздо большим промежутком времени. Восстания в феме Лангобардия и вторжения в нее африканских арабов случались в царствование Романа I неоднократно в 20-х и 30-х годах. И как раз менее всего вероятно, что император намеревался отправить военную экспедицию в Италию именно в 921-922 гг. (когда еще был стратигом Пелопоннеса Протевон), так как узурпация Романа I Лакапина, еще не упрочившегося на троне, вызвала резкое обострение отношений с Болгарией именно в 921-922 гг. Видимо, события развивались в иной последовательности: сначала отказ славян Пелопоннеса от участия в походе и выплата ими материальной компенсации, затем - отказ милингов и эзеритов повиноваться властям. Именно эти два инцидента и стали причиной смещения Иоанна Протевона с поста стратига. Иначе говоря, мы за датировку Б. Ферьянчича.

22. Неповиновение выразилось, вероятно, в отказе от воинской службы и от выполнения отработочных повинностей, в особенности - экстраординарных: лишь в таких случаях провинциальные власти получали особые распоряжения, которые не требовались при выполнении регулярных ангарий и налоговых повинностей.

23. Очевидно, что славяне Пелопоннеса (в том числе милинги и эзериты) и до их подчинения империи, и в период восстания "самоуправлялись", т.е. имели собственную политическую организацию. Без нее было невозможно ни организовывать военные предприятия, ни мобилизовывать материальные ресурсы, ни обеспечивать оборону, ни вести переговоры с властями провинции, ни отправлять послов к императору. Нет никаких оснований предполагать некое отставание именно славян Пелопоннеса от болгар, сербов, хорватов в их общественном развитии. Ведь именно эти славяне находились столетиями в более тесном контакте с местным, несомненно более развитым обществом (Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия. С. 57-90).

24. Под "архонтом" здесь иногда понимают византийского чиновника (Kougeas S. ??? // ???, 1950. Т. 15. С. 28). Напомним в этой связи, что В. Лоран высказал идею, согласно которой печати с надписью "архонт Росии" принадлежали также византийским официальным лицам (Laurent V. // BZ. 1960. Bd. 53. S. 279). Вряд ли такое мнение можно признать сколько-нибудь отвечающим действительности. Б. Ферьянчич воздержался от собственных выводов на этот счет (ВИИИ. С. 71. Бел. 267). С. Кугеас пишет, что если бы речь шла о вожде милингов и эзеритов, то Константин употребил бы термин "жупан". Действительно, Константин резко противопоставляет термин "архонт" термину "жупан" (см. гл. 29. 65-68). Но из гл. 30. 104-106, 120 следует, что жупаны - правители более мелких подразделений страны, подвластные архонту. Согласно 30.90-93, Хорватия делилась на 11 "жупаний". Д. Моравчик проследил употребление этого термина в отношении подчиненных хану Болгарии представителей его администрации в провинциях (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 131-132). Ныне широко признана гипотеза, согласно которой "жу́па" и "жу́пан" имеют иранское или тюркское происхождение. Точка зрения Кугеаса как раз и предполагает, что этот термин должен был быть (как и сам институт) занесен на Пелопоннес аварами: в Моне-васийской хронике и в иных источниках этнонимы "славяне" и "авары" употребляются как равнозначные. Как установил В.П. Грачев, "жупан" уже X в. имел значение правителя территориального округа, часто подчиненного повелителю более широкого политического объединения. К моменту появления в письменных источниках (в том числе в труде Константина) термина "жупан" им "обозначали не столько институт, представляющий племенную организацию, сколько один из элементов государственной надстройки" (Грачев В.П. Сербская государственность. С. 200-201). Если считать Аварский хаганат сильным раннесредневековым государством и если усматривать в "жупане" (в соответствии с теорией тюркского происхождения термина и аварского завоевания Пелопоннеса в VI в.) представителя организованной власти, то действительно нужно признать существование определенных форм политической жизни славян под властью аваров на Пелопоннесе до установления господства империи и в периоды, когда Византия теряла контроль над занятыми славянами землями (ср.: Malingoudis Ph. Die Institution des Zupans als Problem der fruhs-lavischen Geschichte // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1972-1973. Vol. II. P. 61-76). Но все это крайне слабо обосновано источниками. См. на этот счет коммент. 18 к гл. 29 и коммент. 23 к гл. 30. Независимо от того, какой термин ("жупан" или "архонт") был бы употреблен в отношении милингов и эзеритов, и тот, и другой для этого времени означали бы определенную форму политической организации славянского общества. В комментируемом месте использован термин "архонт", и проблема ставится иначе: имеется ли в виду вождь тех двух племен или византийский чиновник. Как нам представляется, :то обстоятельство, что архонта милингам и эзеритам назначал стратиг фемы, отнюдь не означало, что этим архонтом был чуждый славянам византийский чиновник. Он лоялен к византийским властям угоден им в своей роли правителя славян, но избирался из их собственной среды его кандидатура согласовывалась с влиятельными людьми той местности, которой он должен был впредь управлять. Дело обстояло примерно так, как в отношениях империи с сербами и хорватами при Василии I: император "поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими" (ср. коммент. 21 к гл. 29). Иначе говоря, подчинение славян на Пелопоннесе, во всяком случае - милингов и эзеритов, было не полным ни в 805 г., ни в 842 г., ни в правление

Романа I: признавая власть империи, выплачивая пакт и выполняя воинскую службу, они сохраняли некоторую автономию. Именно поэтому Константин в трактате "О фемах" говорит об Элладе и Пелопоннесе: "ославянилась вся страна и стала варварской" (De them. P. 53. 18-19). 25. Видимо, о "беспорядке" в феме император узнал раньше, чем прибыло донесение Иоанна. Мало того, до получения его донесения он уже был снят с должности, вместо него был назначен Аротра Кринит, которому и было поручено подавить восстание.

26. Известный с X в. византийский знатный род. Некий Кринит (примерно, от того же времени и с таким же титулом - протоспафарий) упомянут в гл. 43. 137, 170, 172, 177, но его идентификация с тем, который назван здесь, затруднительна. "Протоспафарий и стратиг Пелопоннеса Кринит", упомянутый в сохранившемся моливдовуле, и протоспафарий и стратиг Эллады Кринит из "Жития св. Луки" идентичны, по мнению Б. Ферьянчича, данному Криниту. Он был сначала стратигом Эллады, а затем был переведен на Пелопоннес (ВИИШ. С. 72. Бел. 268). Р. Дженкинз готов согласиться с этим, однако замечает, что в "Житии", идет речь о начале 40-х годов X в., и тогда перемещение Кринита имело иную последовательность: с Пелопоннеса в Элладу (DAI. II. P. 186). В пользу этой точки зрения можно указать на то, что фема Эллада была выше рангом, чем фема Пелопоннес. В таком случае перевод Кринита - награда и повышение по службе, тогда как понижение (перевод из Эллады) плохо сочетается с одновременным ответственным поручением - подавить восстание на Пелопоннесе.

27. Новый стратиг должен был, конечно, опираться в своих действиях против милингов и эзеритов на силы своей фемы. В таком случае славяне-воины фемного войска Пелопоннеса участвовали в карательной экспедиции. Не исключено, впрочем, что новый стратиг привел с собой (как это было около ста лет назад) отряды из других европейских фем империи.

28. Военные действия против милингов и эзеритов заняли, следовательно, не менее восьми месяцев (с марта по ноябрь). Это лишний раз подтверждает высказанную выше мысль, что домохозяйства названных выше славянских племен исчислялись никак не несколькими десятками или одной-двумя сотнями. Жатва хлебов на Пелопоннесе приходится обычно на вторую половину июня. Тогда, видимо, после трех месяцев боев стратиг и сжег посевы повстанцев: хлеб уже поспел и был доступен огню.

29. Милинги и эзериты сложили оружие в ноябре именно потому, что в преддверии зимы оказались под двойной угрозой (голода и неравной борьбы в зимних условиях). В связи с этим выскажем предположение: горцы на Балканах, как правило, с древнейших времен занимались перегонным скотоводством. На зиму (с октября по апрель-май) скот перегоняли с горных пастбищ в долины и на морское побережье, где и климат был мягче и было больше корма на зимних пастбищах (так называемых зимниках) (Литаврин Г.Г. Влахи в византийских источниках X-XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 107 и след.), Но в этих местах уже укрепились отряды стратига, защищаться здесь было несравненно труднее, чем в горах. Милинги и эзериты оказались перед перспективой лишиться вслед за гибелью посевов также скота, последней их надежды пережить зиму. И они пошли на переговоры с Кринитом.

30. Различие пропорции, в которой пакт был увеличен как наказание за восстание (для милингов он возрос в 10 раз: с 60 до 600 номисм, для эзеритов - только в 2 раза: с 300 до 600 номисм), дает, вероятно, повод думать, что милинги пользовались ранее какими-то льготами не в силу их малочисленности и бедности, а, напротив, благодаря прочности своей позиции, позволившей им более успешно отстаивать свои интересы. Теперь они побеждены, и власти империи, так сказать, припомнили им старое, наказав их десятикратным увеличением поборов. Опираясь на свое войско, Кринит в ноябре и взыскал первый раз повышенные суммы пакта. Наличие этих сумм у славян свидетельствует, несомненно, об участии милингов и эзеритов во внутреннем торговом обмене на полуострове, об их связях с городом.

31. Государственное (императорское) казначейство.

32. Ср. коммент. 26 к гл. 50. Время этого перемещения неизвестно.

33. Варда Платипод не упоминается в других источниках.

34. Среди соратников Платипода названы титулованные лица (протоспафариин) и некие "архонты". Ср. коммент. 23 к гл. 50: среди архонтов, поддержавших претензии Платипода, могли находиться и вожди славян.

35. Трудно решить, кем был Лев Агеласт. Наиболее вероятны две гипотезы: либо это новый стратиг, присланный на смену мятежному, но не допущенный им на полуостров, либо судья фемы, являющийся по должности ближайшим коллегой стратига. Тон повествования, однако, таков, что читателю должно было быть все понятно. Видимо, эти события во время написания главы хорошо помнили в деталях. Восстание милингов и эзеритов и мятеж Платипода произошли, когда Константину было не менее 16-17 лет (даже при самой ранней датировке) и он о них был, конечно, хорошо осведомлен.

36. Этноним *Склавэсианои не равнозначен этнониму "славяне". Б. Ферьянчич выделяет три основные точки зрения на этот счет. Согласно первой, речь идет о славянах, переселенных при Ираклии (610-641) в Опсикий в Малой Азии в качестве военнообязанных поселенцев. Под

названием *Склавэсианои они упоминаются впервые в книге "О церемониях", где сообщается, что слависианы фемы Опсикий-участвовали в сборе средств для похода византийского войска на Крит в 949 г. (De caerem. I, P. 662, 22-663. 1). Причем с трех предводителей ("кефалий") слависианов было взято по 5 номисм, а с прочих - по 3; для самого похода из слависианов было (призвано 220 воинов (Ibid. P. 666. 15-16). Для 127 воинов-слависианов (оставшихся в живых? - Сост.) была определена плата: трем "главам" по 5 номисм, а прочим - по 3. Указана общая сумма - 5 литр 27 номисм (подсчет совершенно точен) (Ibid. P. 669. 10-12). Об участии в другом (победном) походе слависианов на Крит в 961 г. сообщает Продолжатель Феофана (Theoph. Cont. P. 474, 481). Но почему, если это были слависианы фемы Опсикий, в трактате Константина "Об управлении империей" они выступают в качестве врагов империи, совершивших нападение на Пелопоннес? На такой вопрос сторонники данной точки зрения не могут убедительно ответить. Согласно второй гипотезе, в "слависианах" здесь следует видеть славян Эллады или Эпира (вторгшихся через Коринфский залив) или даже славян Фракии и Македонии, которым походы Симеона против Византии дали толчок к последнему их набегу на Грецию и Пелопоннес. Наконец, сторонники третьей точки зрения усматривают в слависианах мятежников-болгар, восставших против Петра во главе с его братом Михаилом, которые около 930 г., после смерти своего предводителя, вторглись на территорию империи и дошли до Никополя на Коринфском заливе, как об этом сообщает Продолжатель Феофана (Theoph. Cont. P. 420). Таково и мнение Б. Ферьянчича (ВИИШ. С. 73. Бел. 274).

Д. Закитинос, приведя свидетельство "Жития св. Петра", епископа Аргоса, о том, что варвары", подвергнув Пелопоннес страшному разорению и лишив его начисто бывшего благосостояния и всякого жизненного порядка, владели полуостровом в течение трех лет, относит это нападение к 923 г.: вслед за Р. Дженкинсом он датирует восстание милингов и эзеритов концом 921 г., а подчинение их Кринитом - 922 г. (Zakythinos D. Byzantinische Geschichte. S. 152-153).

Мы считаем первую и последнюю из перечисленных гипотез наименее вероятными. Решению загадки могло бы помочь определение точного значения термина "слависианы". Если он обозначает славян, переселенных имперскими властями на новые места и превращенных в полнонадельных стратиотов (военнообязанных крестьян), то напавших на Пелопоннес слависианов следует искать, видимо, не в Болгарии а в ближайших к Пелопоннесу фемах. Вопрос остается не решенным.

37. Единственный раз в этом сочинении Константина (гл. 50.66) этноним "славяне" встречается в форме ????. Видимо, это в данном случае след особого источника - может быть, донесения Льва Агеласта.

38. Поведение милингов и эзеритов при вторжении слависианов и во время мятежа Платипода отличали две особенности: во-первых, они сохраняли нейтралитет, не присоединяясь ни к одной из сторон и не опасаясь какой-либо из них; во-вторых, они дали понять императору, что его неуступчивость может толкнуть их в лагерь врагов империи. По-видимому цели мятежного стратига не имели ничего общего с интересами славян на Тайгете. Не желали они почему-то присоединяться и к слависианам, может быть, имело значение и пережитое ими недавнее разорение во время борьбы с Кринитом Аротрой. Былая невысокая дань и военная служба в фемном войске представлялись им наиболее благоприятной формой их подданства империи - добиться восстановления этих условий они и решили, используя затруднения правительства в его пелопоннесских делах. Любопытно, что подобный случай имел место и в 1066/67 г.: восставшие в Фессалии болгары и влахи требовали от Константина X ликвидации налоговых надбавок как условия прекращения мятежа (Советы и рассказы. С. 260. 17-23, 535 и след.). По-видимому, оба славянских племени, состоявшие в длительном союзе, уже убедились в том, что ни мятеж Платипода, ни хозяйничанье слависианов не продлятся долго. Посольство милингов и эзеритов отправилось к Роману I скорее всего весной-летом: важно было получить льготу до наступления времени внесения в казну всевозможных платежей и даней. Константин пишет (и это, возможно, имеет значение) о вероятном присоединении не милингов и эзеритов к слависианам, а наоборот - слависиан к милингам и эзеритам.

39. Термины ??? ("простить") и ??? ("добавки") здесь употреблены в их обиходном, а не в техническом значении (Литаврин Г.Г. Еще раз о симпафиях и класмах налоговых уставов X-XI вв. // Byzantinobulgaria. 1978. V. P. 73-94).

40. Еще одно указание на то, что силы милингов и эзеритов были значительными: по смыслу слов Константина, если бы к ним присоединились слависианы, то это означало бы "гибель этой фемы", т.е. потерю ее Византией.

41. О хрисовулах см. коммент. 33 к гл. 43. Этот хрисовул находился, видимо, в распоряжении автора главы.

42. Размеры дани, следовательно, стали вновь такими, какими они были 100 лет назад, тогда как в это время (в первой трети X в.) полнонадельное крестьянское хозяйство (а большинство хозяйств милингов и эзеритов подходило, по нашему мнению, под эту категорию) уплачивало в качестве налога от 1 до 3 номисм (Литаврин Г. Г. Византийское общество. С. 204 и след.). Если бы

каждый двор в поселениях милингов уплачивал только номисму, то и тогда все их племя исчислялось бы только 60 домо-хозяйствами, что невозможно. Речь здесь идет, конечно, не о регулярном государственном налоге. Ср. коммент. 18 к гл. 50.

43. Пассаж о крепости Майна (см. коммент. 4 к гл. 50) был предусмотрен, судя по названию главы, еще до ее написания (см. выше преамбулу к коммент. к гл. 50). Объединение этого сюжета с рассказом о милингах и эзеритах обусловлено тем, что, как и славяне, жители крепости не столь давно были подчинены империи и имели - даже под ее властью - статус, отличающий их от прочих подданных василевса.

44. Обычно в литературе (Runciman S. *Emperor Romanus*. P. 72; DAI. II. P. 167; Zakylinos D. *Byzantinische Geschichte*. S. 4) термин *Ромаиои переводят словом "ромеи", понимая под ним подданных империи, а в данном случае - истинно греков. Нам не представляется такое толкование единственно возможным в этом месте. Константин, правда, предугадывал возможную путаницу и вводит в гл. 29-33, 35 и 36 специальный термин для обозначения древних римлян - *Романои ("романы"). Но в ряде случаев он нарушает этот порядок: в гл. 29.72-73 он транскрибирует латинское слово, замечая, что так оно звучит на "языке ромеев" (*Ромаиои); несколько раз он обозначает и римлян эпохи правления Диоклетиана также как *Ромаиои (гл. 53.6,46, 47 etc.). Сознвая эту небрежность, в одном месте сам Константин обронил замечание, имеет в виду "римлян, которых император Диоклетиан переселил из Рима" (гл. 33. 4-6). Иначе говоря, отнюдь не абсолютно ясно, словом "римлян" или "ромеев" следует переводить здесь термин *Ромаиои речь могла идти и о потомках подлинных римлян, так как, здесь же дан еще и эпитет - "древних". Мало того, у византийских авторов термин "ромеи" неизменно имеет и конфессиональную нагрузку (предполагает именно христиан, подданных христианской империи). Мог ли император обозначить этим словом язычников-греков? В гл. 24.9 он также называет их, как делали обычно и другие авторы X-XII вв., "эллинами", т.е. язычниками. Язычниками ("эллинами") - гл. 50.73, 75) именует он здесь и ромеев Майны. Мы не решаемся определенно утверждать, говорится ли здесь о потомках древних греков, не знавших христианства в этом захолустном уголке, или о потомках древних римлян (латинян), которые поселились на Пелопоннесе уже в I в. н.э.

45. Указывая на тот факт, что Константин в тщательно отредактированном им самим жизнеописании своего деда Василия I не упоминает о крещении при нем жителей Майны, исследователи ставят это известие под сомнение (DAI. II. P. 187). Но такое умолчание легко объяснить незначительностью в глазах автора этого события - на фоне широкой и успешной политики христианизации основателя Македонской династии. Сам же Р. Дженкинз приводит свидетельства Генесия и житийной литературы, что традиции язычества стойко держались в районе Майны до Льва VI (DAI. II. P. 187).

46. Упоминание об оливах показывает, что жителям Майны принадлежали окружавшие город земли, а недоступным был только тот район на южном крае Пелопоннеса, где был расположен сам город Майна.

47. Р. Дженкинз отмечает неточность в локализации Майны Константином: город лежал не на краю ("у грани") мыса Малая, а в его западной части. Может быть, недоступность этого района для имперских властей отчасти объяснялась тем, что с севера мыс "прикрывали" поселения эзеритов.

48. Перечень обязательств жителей Майны сходен с тем, который был приведен выше в отношении милингов и эзеритов. Ср. коммент. 18, 42 к гл. 50.

49. С "давних времен" означает здесь как будто годы правления Василия I (867-886), когда майниоты были подчинены и крестились.

50. Видимо, восстания милингов и эзеритов никак не отразились на жизни майниотов, связанных в смутные периоды на Пелопоннесе с властями провинции морскими коммуникациями. Денежные обязательства жителей Майны перед фиском обозначены, как и в случае с милингами и эзеритами, термином "пакт". Согласно Лампсакской писцовой книге, небольшой приморский город в конце XII - начале XIII в. насчитывал 173 домохозяйства (Литаврин Г.Г. *Византийское общество*. С. 117-122). Вряд ли Майна X в. была крупнее Лампсака. Закономерно допущение, что пакт в 400 номисм предполагал в среднем более двух золотых монет с каждого городского дома. Известно, что в X-XI вв с каждых 30 масличных деревьев взималась 1 номисма (Там же. С. 205). Но майниоты имели, конечно, помимо оливковых садов, и рыбные "стаей" ("эпохи"), и ремесленные предприятия. Но в данном случае чиновники фиска не облагали в городе, как обычно в других районах, каждого домохозяйина в соответствии с индивидуальной оценкой имущества. На это указывает и цельность круглой суммы пакта (400 номисм), и ее неизменность "с давних времен" до момента написания главы. Горожане, следовательно, сохранили некоторую автономию (как милинги и эзериты) и сумму пакта раскладывали по городским (пригородным?) подворьям самостоятельно.

51. Далее следуют те четыре пассажа, которые не имеют отношения к названию главы (см. преамбулу к коммент. к гл. 50). В соответствии с задачами издания ограничимся минимальными примечаниями. Первый из этих четырех пассажей трактует проблему перемен в фемной (административной) карте империи в период с правления Льва VI (886-912) до царствования

Романа I (920-944). Эти данные были неоднократно подвергнуты анализу вместе с данными трактата "О фемах" (Pertusi A. La formation. S. 1-40; Острогорски Г. Постанак. С. 64-75; Karayannopoulos J. Die Entstehung-Oikonomides N. Les premieres mentions des themes dans la Chronique de Theophane// ЗРВИ. 1975. Кн. XVI. С. 1-8). Основное внимание уделено в главе малоазийским фемам. Их частичная перекройка и появление новых фем связаны с успехами борьбы с арабами за истекшие полвека.

52. Административная область, во главе которой стоял стратиг, т.е. фема.

53. Лежала в центральной части Малоазийского полуострова. О ее административном статусе см.: DAI. II. P. 188.

54. Военно-территориальное подразделение фемы во главе с турмархом (ср. коммент 24 к гл. 45).

55. Собственно - Анатолик (в ед. числе), одна из важнейших фем в Малой Азии, образованная еще при Ираклии. Название фемы во множеств, числе имеет в виду ее военные контингенты (ибо и само слово "фема" первоначально означало отряд, размещенный в определенной области).

56. О Корфу с прилегающими островами, фема с конца VIII в.

57. О "Лагувардии" см. коммент. 2 к гл. 27.

58. Имеется в виду Лев VI.

59. На юге Италии. Превращение ее в фему было связано с потерей империей Сицилии в начале X в. (ср. коммент. 2 к гл. 27).

60. Латинский эквивалент турмы.

61. В центре Малоазийского полуострова. Фема - с 70-х годов IX в.

62. Собственно - Армениак на востоке Малоазийского полуострова. Одна из важнейших фем, образована при Ираклии (ср. коммент. 10 к гл. 45).

63. К северу от Каппадокии и Армениака, с выходом к Черному морю. Фема с середины VIII в.

64. Подразделение турмы, букв.: "штандарт", фламмул (см. коммент. 13 к гл. 49).

65. Букв.: "охраняемое место". Здесь - явно синоним банды.

66. Следуют названия небольших пограничных фем, существовавших очень короткое время.

67. Небрежность: здесь банда приравнена и к турме, и к топотирисии.

68. О сарацинах (арабах) см. коммент. 26 к гл. 29.

69. Города в феме Месопотамия. Речь идет о 30-х годах X в.

70. Жители города Мелитина на востоке Малоазийского полуострова, одного из ключевых пунктов обороны империи в этом регионе после отвоевания этого города у арабов в 934 г. Здесь речь идет о периоде до этого успеха византийского оружия. О клисуре см. коммент. 9 к гл. 29.

71. Район в феме Месопотамия.

72. Армянский князь, находившийся в зависимости от императора.

73. Фема с 60-х годов IX в., образована у восточных границ фемы Армениак.

74. Фема к северу от Колонии, на берегу Черного моря. Образована в первой половине IX в.

75. Создана в самом конце IX в.

76. Иначе говоря. Лев VI сумел захватить Текис, задержав Мануила в столице и, видимо, оставив его на своей службе.

77. Сыновья Мануила в сочинении "О фемах" (De them. P. 31.2-3) названы (кроме первого) иными именами; перечислены здесь не четверо, а только трое сыновей. Причем в трактате "О фемах" Константин пишет, что эти лица сами перешли к императору, передав свои "кастелы", т.е. крепости (De them. P. 31.2-5). Видимо, после акции Льва VI с их отцом им ничего не оставалось другого.

78. Командир (доместик) тагмы иканатов, одного из императорских гвардейских отрядов, созданного при Никифоре I. Тагма иканатов иногда квартировала не в столице, а в одной из провинций.

79. Р. Дженкинз полагает, что это не мог быть Никополь на Адриатическом побережье - центр фемы Никополь (ср.: гл. 45.147): такой пост не мог быть отдан армянскому перебежчику; это - Никополь в феме Колония, и термин "стратиг" здесь не имеет технического значения (DAI. II. P. 190). Но укажем на то, что командир центральной тагмы (здесь тагмы иканатов) был по рангу выше стратига фемы, а Панкратука стал доместиком иканатов, так что мог получить и пост стратига фемы Никополь на Балканах. Примерам, когда представители армянской знати получали в X-XI вв. крупные военные посты в европейских фемах, несть числа.

80. "Царская земля" (или "государственная земля") - собственность казны, расширяемая в результате завоеваний и конфискаций имуществ осужденных и резко отличающаяся юридически от частных и общинных земель. Речь идет, следовательно, о дарении сыновьям Мануила земель казны в собственность или условное владение в районе крупного приморского города, столицы фемы Халдия.

81. Под "достоинствами" имеются в виду почетные титулы.

82. См. коммент. 75 к гл. 50.

83. Происходящий из Харсиана. Этот Орест был, возможно, племянником доместика тагмы

номеров (см.: Шангин М.А. Византийские политические деятели первой половины X в. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 229-230; DAI. II. P. 190).

84. Не фессалийская, а малоазийская Лариса в Армениаке.

85. Местоположение Кимвалея и Симпосия не установлено (DAI. II. P. 190).

86. Ликанд стал фемой позже, около 915 г.

87. Пассаж повествует о сложной игре империи на восточных границах, где она использовала местных армянских князей, таких, как Мелиа (см.: DAI. II. P. 191; Runciman S. Emperor Romanus. P. 13j., 133, 137).

88. Т.е. армянские князья готовы сдать свои крепости за почетные должности, титулы и награды.

89. Главы клисуры (см. коммент. 9 к гл. 29).

90. Точное местоположение неизвестно. Предполагается, что она была турмой фемы Севастия (создана около 910/11 г.).

91. Т.е. арабы, владевшие Мелитиной. Ср. коммент. 70 к гл. 50.

92. О магистрах см. коммент. 36 к гл. 32.

93. О доместиках схол см. коммент. 20 к гл. 44.

94. Представитель знатнейшего рода. После мятежа 906 г. с целью захватить престол (в мятеже участвовали и упомянутый выше Евстафий Аргир и армянские князья) находился в Багдаде, вернулся оттуда в 907 г. Был прощен и получил назначение, о котором здесь говорится.

95. Термин "турмархат" равнозначен термину "турма".

96. Константин VII. Он родился в 905 г. В его малолетство империей сначала управляли регенты во главе с его матерью Зоей.

97. О феме Ликанд см. коммент. 86 к гл. 50.

98. Т.е. при Романе I Лакапине.

99. Здесь начинается второй из четырех пассажей, не охваченных названием гл. 50. Речь идет о неурядицах в управлении фемой Кивирреоты (создана в первой трети VIII в.) и расположенными в ней мардиатами - воинственным племенем, исповедующим христианство и состоящим на службе у империи с VII в. (в район фемы Кивирреоты их переселил с границ Ливана Юстиниан II в конце VII в.). Главы эти подтверждают высокий ранг катепана - главы воинского отряда в провинции (ср. коммент. 37 к гл. 27). Согласно трактату "О церемониях" (De serem. P. 654.2-6), он командовал в это время (т.е. во время создания обоих трудов) войском численностью до 5087 воинов-мардаитов. 100. Р. Дженкинз подчеркивает, что здесь автор переходит от провинциального управления на суше к делам флота, так как мардаиты чаще служили на флоте (да и сама фема Кивирреоты была морской) (DAI. II. P. 192). Описанные ниже события произошли в 906-911 гг.

101. Главный город фемы Кивирреоты, морской порт.

102. В обязанности катепана мардаитов входил также сбор налогов с определенной местности (но не со всей фемы: этим ведал стратиг). Возможно, часть собранных сумм катепан по праву расходовал на содержание воинов. Но здесь он превысил свои полномочия.

103. Писец, нотариус секретов, столичного ведомства.

104. Этот Евстафий не имел ничего общего с упоминавшимся (гл. 50.136) Евстафием Аргиром и с Евстафием - флотоводцем, упомянутым в гл. 51.85 и след.

105. Полномочный представитель видного должностного лица (здесь - самого императора).

106. Логофет дрома (см. коммент. 37 к гл. 32). Имерий - известный политический деятель и флотоводец в правление Льва VI. В 908 г. разгромил флот арабов в Эгейском море, но в 911 г. потерпел тяжелое поражение у Крита.

107. Полномочия Евстафия были столь велики, что он считал свою временную должность равной посту стратига фемы.

108. Т.е. император предпочел доверить дела фемы своему "эк-просопу".

109. Александр, император (912-913). Сменяя должностных лиц, пользовавшихся доверием Льва VI, он не упразднил, однако, столь необычный институт "двоевластия" в феме.

110. Здесь проявилась неприязнь Константина не только к своему дяде Александру, но _ и к окружающим его людям: Александр убрал верных Льву VI людей с ключевых постов, облегчив тем самым в дальнейшем дорогу к трону Роману I Лакапину

111. Конечно, Хасе мог сохранить свою старую религию (мусульманство) лишь втайне: носитель титула и должности не мог быть иноверцем.

112. Рабы знатных лиц (как правило, иноплеменники) достигали порой в X-XII вв. высоких постов, вливаясь в состав имперской знати. Сохраняя верность своим господам юридически они, однако, уже не были рабами: раб не мог занимать государственную должность (ср.: DAI. II. P. 193).

113. Имя брата Хасе, Никита, - чисто христианское (ср. коммент. 111 к гл. 50).

114. Зал Большого дворца в столице. Возведение в сан сопровождалось строго предписанной церемонией. Титул получали из рук императора.

115. Итак, катепаном мардаитов стал сын Никиты, а сам Никита уже был стратигом (навархом) фемы Кивирреоты. Ср. коммент. 107 к гл. 50: не имел ли "эк-просопу" Евстафий власть не только

над мардаитами, но и над всей фемой?

116. Мардаиты после их переселения в район Атталии, видимо, утратили былые привилегии: катепана им присылал василеве (ср. наши заключения об архонте славян Пелопоннеса в коммент. 24 к гл. 50).

117. Новый сюжет (о паракимоменах) композиционно приурочен к этому месту, по-видимому, из-за упоминания в предыдущем пассаже патрикия Дамиана (тезки паракимомена Дамиана, жившего почти столетием раньше), т.е. ассоциация для аранжировки материала - весьма поверхностная, случайная.

118. Феофил, император (829-842). Должность паракимомена (см. коммент. 30 к гл. 43), высшая для дворцовых евнухов, была введена при нем. Р. Дженкинз полагает, что этот пассаж был написан и вставлен в трактат в связи с назначением паракимоменом (из протовестиариев) Василия Нофа. Незаконный сын Романа I от "скифянки" (видимо, славянки), Василий вместе со своей сестрой по отцу Еленой держал сторону Константина VII в его борьбе с Лакапинидами. Василий Ноф получил огромную власть, его влияние имело порой решающее значение. Паракимоменом он был (с перерывом) вплоть до 985 г. Назначен Василий паракимоменом был, видимо, через несколько лет после низвержения Лакапинидов, непосредственно перед написанием этой главы (DAI. II. P. 7, 193).

119. Букв.: "привратник", дворцовая должность чиновника церемониальной службы. Занимали ее, как правило, евнухи.

120. Михаил III, император (842-867).

121. Дамиан, по происхождению славянин, был паракимоменом менее года. Его сменил происходивший из Македонии Василий.

122. Будущий император Василий I был паракимоменом с 865 по 867 г. Он был единственным не-евнухом среди паракимоменов. Именно этот пост позволил ему сблизиться с Михаилом III, а затем организовать его убийство, захватить трон и стать основателем Македонской династии. Паракимомены нередко были главной пружиной заговоров и переворотов. Может быть, именно поэтому, помня о своем опыте, Василий I во время своего царствования паракимоменов не назначал.

123. Самона быгарабом по происхождению, в конце правления Льва VI был пострижен в монахи.

124. Константин стал паракимоменом в 908 г., отстранен в 912 г., восстановлен в должности в 914 г. и окончательно снят в 919 г.

125. Не известен другим источникам. Предполагают, что и он не был евнухом, но эта гипотеза основывается лишь на его прозвище (Варват означает "Бородатый").

126. Выдающийся политический деятель и флотоводец, в 941 г. одержал победу над флотом киевского князя Игоря.

127. Р. Дженкинз думает, что после ??? предполагается ??? (genitivus absolutus): "когда Константин вторично стал автократом". Мы принимаем это предложение.

128. См. о нем коммент. 118 к гл. 50. Лишь при Романе II, с конца 959 до августа 963 г., Василия сменил на этой должности Иосиф Вринга.

129. Последний сюжет из четырех, не отвечающих заглавию, был, по мнению Р. Дженкинза, связан также с присвоением одному из оставшихся в живых Лакапинидов, племяннику паракимомена Василия Михаилу, высокого титула магистра. Михаил был также клириком, и в соответствии со строгостью закона он не мог носить этого титула. Необходимо было указать на прецедент, и Константин нашел его в действиях своего отца Льва в отношении клирика Ктены (DAI. II. P. 7, 193-194). Не исключена здесь и случайная ассоциация: пассаж помещен тотчас после рассказа о паракимоменах, среди которых был Самона - покровитель Ктены. На наш взгляд, изложение этого последнего сюжета главы не лишено юмора. Император не боится обидеть память отца - величайшего "законника", рассказав, как Лев VI сам нарушил закон, соблазнившись выгодой. Эпизод с Ктеней подвергся пристальному анализу, так как он помогает уяснить основания и нормы выплаты из казны знатным титулованным и должностным лицам роги (руги). В эпизоде усматривали и свидетельство о реформе при Льве VI (изменение положения клириков) (DAI. II. P. 194-195; Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 200-201; Yamopoulos P.A. Une liste des themes dans le "Livre des Ceremonies" de Constantin Porphyrogenete // BYZANTINA. 1983. T. 12. P. 233-246). Вряд ли, однако, этот случай можно истолковывать как типичный.

130. Здесь - церковная должность певца (или руководителя) хора.

131. Одна из привилегированных церквей близ Большого дворца, посещаемая императором во время церковных празднеств.

132. Непереводаимо - особый костюм, полагающийся носителю этого титула и выдаваемый из казны. Перевод Р. Дженкинза "мантия" (the mantle) условен, и он готов заменить его на "рубашка" (the shirt) (DAI. II. P. 194).

133. Зал дворца, где император регулярно, на воскресных приемах, встречался с евнухами-протоспафариями; служители церкви при этом никогда ранее не присутствовали.

134. Выплата роги (см. коммент. 31 к гл. 43) была обусловлена внесением в казну соответствующей достоинству титула суммы денег, из которой в размере 6-9% от этого капитала выплачивалась ежегодная рога. Ктеней двигают престижные соображения, и он соглашается на ничтожный размер роги (на 2,5% от внесенной суммы, а затем и на 1,66%).

135. О литре см. коммент. 13 к гл. 28.

136. Иными словами, Ктена успел из 60 литр вернуть в виде роги только 2 литры. Сумма, внесенная в обеспечение роги (если она не была исчерпана ежегодными выдачами), наследникам умершего не возвращалась.

К ГЛАВЕ 51

Глава 51 почти полностью, исключая конец, посвящена организации особой царской флотилии, обслуживающей непосредственно императорскую семью (подробнее см.: DAI. II. P. 195-205; ср.: Ahweiler H. Byzance et la mer). Ограничиваемся краткими примечаниями.

1. Крупное военное судно, имевшее более 100 гребцов, помимо воинов на палубе. Здесь речь идет о дромонии, хотя и сохранявшем военное значение, но специально оборудованном для поездок императора.

2. Корабельная должность, связанная с обеспечением верного курса корабля, может быть, ведал рулевым управлением судна (рулевыми? "штурман"?).

3. Бассейн близ дворца, давший название зданию суда. Протоспафарий фиалы - судья моряков.

4. Имеется в виду Лев VI, отец Константина VII. "Царский флот" этого времени был исключительно военным, стоявшим в гаванях близ столицы и охранявшим подступы к ней. К кораблям, обслуживавшим императора, он не имел никакого отношения.

5. Грузовое судно. По расцветке судов (корпуса, а возможно, и парусов) аграрии делились на алые (красные) и черные, соответственно назывались и обслуживающие их моряки.

6. Имеется в виду Василий I.

7. Бани Прусы (ныне Бруса) на естественных горячих источниках, славятся целебными свойствами с античности до наших дней.

8. Местечко в 18 км к западу от Константинополя. Мостик через устье р. Вафиния существовал с доюстиниановских времен. Видимо, Лев VI его ремонтировал или перестраивал.

9. Т.е. несущие службу на Стеноне (Босфоре).

10. О хеландиях см. коммент. 1 к гл. 8.

11. Местечко на южном берегу Мраморного моря. Дворец, построенный здесь Василием I, получил то же наименование.

12. Пригородная резиденция близ юго-западных стен Константинополя.

13. Дворец на азиатском берегу Мраморного моря, близ устья Босфора.

14. Также на азиатском берегу Мраморного моря, южнее Иерии, напротив Принцевых островов.

15. Бруса - не на море, а в 20 км к югу от Мраморного моря.

16. Здесь архонты - высшие чины империи. Ср. коммент. 10 к гл. 8.

17. О синклите см. коммент. 27 к гл. 13.

18. Принимаем конъектуру Р. Дженкинза ??? (у нас "их") вместо ??? ("это") рукописи.

19. Один из высших военачальников империи, ведавший охраной дворца.

20. О друнгариях флота см. коммент. 31 к гл. 29.

21. О логофетах дрома см. коммент. 37 к гл. 32.

22. Об этериархах см. коммент. 23 к гл. 43.

23. Личный (букв.: "тайный") секретарь императора.

24. Глава (логофет) специального ведомства (секрета) по рассмотрению жалоб и ходатайств подданных.

25. О доместиках схол см. коммент. 20 к гл. 44.

26. О паракимоменах см. коммент. 30 к гл. 43.

27. Евнух, ведавший императорским гардеробом.

28. Евнух, ведавший императорской спальней и относившимся к ней имуществом.

29. ??? Р. Дженкинз предпочитает переводить "Attache" - "привязанный", "следующий на буксире" (DAI. P. 247; II. P. 198).

30. Горы (ныне Кешиг-даг) в Малой Азии, близ Эгейского моря, славившиеся монастырями. Лев VI бывал здесь с благочестивыми целями.

31. Прибрежный городок в Малой Азии.

32. Корпус центрального наемного войска.

33. Место гл. 50.40-45 признается испорченным. О споре Р. Гийана и Р. Дженкинза о понимании здесь текста см.: DAI. II. P. 198. Принимаем мнение Дженкинза, считая, что во время военных действий экипаж одного из дромониев оставался на ипподроме, чтобы нести вместо

тагмы арифма ночную службу по охране дворца, тогда как экипаж другого дромония уходил на войну.

34. Слово *odoiav* P. Дженкинз и здесь перевел *complement*, чтобы подчеркнуть свою мысль (ср. коммент. 33 к гл. 51).

35. Букв.: "черные", т.е. моряки с судов черного цвета (см. коммент. 5 к гл. 50).

36. Иначе говоря, императрица для своих поездок в окрестности столицы имела также свой придворный флот.

37. P. Дженкинз отмечает, что все три лица названы здесь протоспафариями, так сказать, с опережением событий: когда они служили протокаравами и исполняли должность протоспафария фиалы, у них еще не было самого титула протоспафария (DAI II P. 199).

38. О манглавитах см. коммент. 15 к гл. 46.

39. Букв.: "первый гребец" - начальник гребцов на военном судне и одновременно мастер, отвечавший за действие сифонов с "греческим огнем".

40. Мы усматриваем здесь некоторую несообразность: и гребцы, и оба протокарава с каждого дромония отправлялись в поход, но текст в гл. 51.81-82 можно понять так, будто оба протокарава находились только на первом дромонии. Из дальнейшего следует, что оба протокарава отсутствовали и их нужно было заменять. Поэтому предполагаем пропуск после *прютоу* (например, *hai Seutfepol*) - "и второго").

41. Известный флотоводец империи в начале X в.

42. P. Дженкинз заполняет по смыслу лауну в рукописи после слова *каи ("и") словом *Михаэл (имеется в виду Михаил Варкала - см. в тексте ниже).

43. На ипподроме или близ него также функционировал суд с несколькими судьями, один из которых и являлся помогать Подарону.

44. Командующий подразделением царского военного флота. 45. Снова (ср. коммент. 40 к гл. 51) говорится о двух протокаравах одного дромония. Не является ли ??? стилистической небрежностью?

46. Заместитель протэлата.

47. Речь идет о событиях 895 г.: во время византийско-болгарской войны посланный на Дунай византийский военный флот переправил через реку союзных империи венгров, когда войска Симеона воевали против Византии во Фракии (Златарски В. История. Т. I, ч. 2. С. 296-298).

48. О "лесак" (канатах) см.: Советы и рассказы. С. 442.

49. Вновь о двух протокаравах одного дромония (ср. коммент. 40 и 45 к гл. 51).

50. P. Дженкинз предполагает здесь опisku: вместо "Подарен" следует читать "Лев Армянин" (DAI. II. P. 202).

51. Именно это место главы, носящей отчетливые следы внимательной редакторской работы Константина (DAI. II. P. 202), лишний раз убеждает в том, что с воцарением Романа I (в 921 г.) Константин не считал себя автократом (высшая власть перешла к Роману I - ср. коммент. 56 к гл. 13). Свое автократство (первое) он относит, следовательно, к 913-921 гг., а второе - начиная с 944 г. Это место, кроме того, - еще один аргумент в пользу конъектуры P. Дженкинза в гл. 50.233. Сам ученый не указал на эту параллель.

52. Фиала, следовательно, находилась на берегу моря, может быть, в районе Вуколеона.

53. Имеется в виду Константин VII. Как полагает P. Дженкинз, этот пассаж (51.141-188) настолько переработан, что трудно определить, какая его часть восходит к первоначальному тексту (DAI. II. P. 202). В переводе пассаж этот - от слов "И когда василевс входил..." до слов "И с тех пор утвердился порядок...".

54. См. о нем коммент. 124 к гл. 50.

55. Феодот в 921 г. организовал заговор против Романа I, который использовал именно эти события для объявления себя автократом.

56. Серия титулов низшего класса, в порядке возрастания их ранга.

57. Автор хочет сказать, что в нарушение существующего порядка Феодоту был дан слишком высокий титул.

58. Снова личный выпад Константина против тестя - Романа I.

59. Высокий титул, созданный Василием I.

60. Зоя Карвонопсида, вдова Льва VI.

61. P. Дженкинз справедливо отметил, что в совете ректора Иоанна и протокарава Константина Лориката, как и в поступке (реформе) Романа I, отнюдь не было ничего легкомысленного: сам Роман I пришел к власти, опираясь на командиров флота; состав личного флота императорской семьи был слишком приближен к трону, чтобы можно было пренебречь мерами предосторожности (все интриги против Романа I имели центром притяжения как раз августу Зою и Константина, представлявших законную династию). Сам Константин, хотя и рассказывает о реформе Романа I с осуждением, не отменил, став автократом, введенного Романом нового порядка в императорской флотилии.

62. Здесь начало последнего сюжета, случайно попавшего в гл. 51. Все три отрывка этого

пассажа написаны самим императором. Их место было бы композиционно более оправданным в гл. 50.182 и след.

63. Датировка всех трех эпизодов в деятельности фиска затруднительна. Возможно, первая замена личной службы материальной компенсацией имела место в начале X в. в связи с экспедицией в Италию. См. гл. 50.

64. Р. Дженкинз предполагает, что Лев Цикана, или Чикана, был стратигом всех западных (европейских) фем и имел резиденцию в Фессалонике (DAI. II. P. 203-204). Это сомнительно. Как следует из очередной фразы, чрезвычайный сбор вместо личной службы осуществлялся через уполномоченного императора, не занимавшего особого поста в провинции (а тем более не начальствовавшего над всеми провинциями Запада). Лев Цикана, на наш взгляд, - либо стратиг одной из фем, получивший временно дополнительные полномочия (на проведение только этой меры), или вообще военный ("стратиг" не в техническом смысле слова, т.е. не правитель фемы). Касаясь сущности мероприятия, Дженкинз делает два интересных предположения: либо усилившаяся в военном отношении империя (за счет включения армянских земель с крупными воинскими силами) не нуждалась в это время в воинах западных фем, предпочитая укрепить армию материально, либо правительство убедилось в это время в ненадежности славянских отрядов европейских фем (DAI. II. P. 203). Оба предположения кажутся вполне резонными, в особенности второе. См. гл. 49 и 50.

65. Видимо, воинам было предоставлено право выбрать: или участие в походе, или уплата определенной суммы денег.

66. Возможно, на этот раз такая же операция была произведена в связи с подготовкой экспедиции с целью отвоевания Крита у арабов в 911 г. Здесь Р. Дженкинз счел возможным допустить, что с одних фем Запада потребовали воинов, а с других - деньги (DAI. II. P. 204).

67. Об этом эпизоде см. коммент. 21 к гл. 50. Р. Дженкинз датирует его 921 г., а мы 935 г когда имела место экспедиция в Лангобардию.

68. Отличие материальной реквизиции-компенсации на этот раз состояло в том, что она коснулась только Пелопоннеса и состояла не только в уплате денег, но и в поставке боевых коней в полном снаряжении. Из текста следует (см. также гл. 52), что предпочли компенсацию не только славяне, но и все прочие жители Пелопоннеса. Замечание о предпочтении "с большой готовностью" уплатить, а не ходить в поход, дает основание думать, что в правление Романа I полуостров переживал период благосостояния (DAI. II. P. 204).

69. Тысяча лошадей со снаряжением и 7200 золотых монет (кентинарий) - видимо округленные цифры. Они не были определены правительством заранее. От казны были даны лишь указания - сколько и что брать с каждого представителя той или иной имущественной категории. При таком порядке сбора не могло получиться тех круглых цифр, которые здесь указаны. Деньги шли в кассу военного ведомства, боевые кони ~ в распоряжение ведомства "стад", которое распределяло лошадей и других животных между воинскими частями. Весьма любопытно, что Пелопоннес славился в то время коневодством; разведением их занимались, несомненно, и славяне. Поставки сбруи (прежде всего седел) предполагают развитое кожевенное производство и в городах и в селах полуострова.

К ГЛАВЕ 52

Глава 52 состоит из выписок из документов, на которые опирался автор главы 51 и которые, видимо, не предназначались к включению в трактат. Выписок две: первая касается порядка сбора лошадей и сбруи для предстоящей военной экспедиции, вторая - о взыскании денег вместо военной службы в походе (DAI. II. P. 204). Заголовок отражает, однако, только первый сюжет. Заглавие интересно также прямой ссылкой на гл. 51, и это может быть расценено как довод против предположения Р. Дженкинза, что выписки были лишь сырым материалом и попали в состав труда по небрежности. Особое внимание Константин уделил именно второй выписке - о денежном сборе: именно здесь есть следы его редакторского вмешательства ("Должно знать, что..."), тогда как чиновник, готовивший для императора материал, свое внимание сосредоточил, напротив, на первой части, только ее и отразив в заглавии. Можно пойти еще дальше, поддержав гипотезу о ненадежности славянских контингентов западных фем как главной причине, побудившей правительство предложить фемным воинам откупиться от личного участия в походе.

1. Р. Дженкинз, опираясь прежде всего на книгу "О церемониях", говорит, что реквизиции, в особенности лошадей, для крупных кампаний были обычной практикой, но нормы этих реквизиций были намного более скромными, чем в данном случае. По необычно высокой норме были произведены и денежные сборы с военнообязанных крестьян: содержание воина в походе обходилось в 949 г. казначейству в 3, а не в 5 номисм (De serem. P. 662.16). В середине X в. типичным зевгаратным (т.е. полноценным) считалось хозяйство, владевшее парой волов и пахотной землей в 25 модиев первого качества (или в 50 модиев второго). Телос (основной налог) с такого крестьянина составлял 1 номисму и состоял из двух главных частей: из синоны в размере

0,5 номисмы и капникона в такую же сумму. Неимущие (актимоны), т.е. не имевшие земли и волов и живущие за счет других источников дохода (скот, ремесло, работы по найму и т.д.), платили только капникон, т.е. 0,5 номисмы (Литаврин Г. Г. Византийское общество. С. 204 и след.) Воины, служившие в фемном войске, не были освобождены от уплаты телоса, который взимали по тем же нормам, что и с не военнообязанных крестьян. Взимая с имущего воина Пелопоннеса 5 номисм, казначейство брало впятеро больше нормативного телоса. Точно такое же соотношение между сбором на военную экспедицию и телосом (5:1) имело место и в отношении неимущих воинов. Именно поэтому военный побор и представлен Константином в гл. 51 как нечто необычное. Тем более поразительно, что славяне пошли на это "с готовностью".

2. В X в. на Пелопоннесе было едва ли более 7-8 епископий (помимо митрополий Патр и Коринфа) и полуостров отнюдь не отличался тогда широким монашеским движением, сравнительно с другими фемами (Beck H.-G. Kirche. S. 178, 225). Монастырей на полуострове также было не более десятка, так что в общем табуна коней, полученных от представителей духовенства, едва ли превышало несколько десятков.

3. Из дальнейшего противопоставления разных категорий лиц, несущих царскую службу, ясно, что речь идет о титулованных "через посох" (???), а не "через слово" (василевса) (???), т.е. о тех, кто, имея титул, не исполняют определенной государственной должности. Любопытна при этом посылка, из которой исходили деятели фиска: кто имеет более высокий титул, тот является и более состоятельным (Oikonomides N. Les listes. P. 282).

4. Монастыри различаются здесь по их церковно-иерархической подчиненности: патриаршие, царские, частные. Но, видимо, не все виды монастырей имелись на полуострове в это время. Любопытно противопоставление митрополичьим, епископским и архиепископским монастырям монастырей "неимущих" (критерий совершенно иной): обители, находившиеся во власти князей церкви, явно считаются более богатыми, чем монастыри мирян. Все это наводит на мысль, что светские монастыри (с них требовали только одного коня в складчину - от двух обителей) были крестьянскими; о такого рода монастырях, их нищете и о посягательстве на них богатых и влиятельных лиц говорится в новелле Василия II от 996 г. (Zachariae a Ungenthal C. Jus graecoromanum. Lipsiae, 1856. T. 111. P. 313-315). Возможно, названные в главе представители местной знати (протоспафарии, страторы, спафарокандидаты), среди которой было немало славянских архонтов и вождей, еще не приступили к основанию фамильных монастырей, как это уже происходило, например, во Фракии и в фемах Малой Азии.

5. Не ясно, какие архиепископские монастыри имеются здесь в виду. На Пелопоннесе в то время не было диоцеза в ранге архиепископии. Может быть, слова "монастыри архиепископов" попали в главу (выписку) просто из общего формуляра?

6. Обладатели титулов, исполняющие официальные должности, освобождались от военного сбора, а нередко - и от регулярных налогов вообще. Специальное упоминание об их избавлении от побора дает, однако, основание думать, что такого рода льгота предоставлялась не всегда, что подтверждает и книга "О церемониях" (De serem. P. 460 sq.: о сборах вьючных животных для похода с "официалов", т.е. занимающих должности). В этой льготе чиновным лицам Пелопоннеса можно также усмотреть свидетельство о напряженном положении в феме, где славянское население было еще недостаточно послушно императорским властям.

7. Моряки в любом случае должны были служить на флоте лично, о чем говорит и продолжатель Феофана (Theoph. Corn. P. 304. 1).

8. Ловцы раковин и изготовители пергамена, видимо, вообще были в привилегированном положении в силу важности их профессий для государства: из раковин особого вида моллюска изготовлялась пурпурная краска, предназначенная для расцветки именно императорских одеяний; в пергамене же нуждались многочисленные правительственные учреждения (DAI. II. P. 205). Пергамен изготовляли по преимуществу из телячьей кожи. Можно, таким образом, думать, что пелопоннесцы (в том числе славяне?) разводили и имели не только лошадей, но и много крупного рогатого скота - необходимое условие для производства и пергамена, и седел.

9. Вернемся теперь к общему в гл. 51 числу реквизированных и снаряженных коней - одна тысяча. Как следует из документального материала гл. 52, все эти кони были собраны только из хозяйств духовной и светской знати. Как уже отмечалось (см. коммент. 2 к гл. 52), доля духовенства здесь вряд ли составляла более 10%. Конь, в особенности боевой, ценился в Византии X в. в несколько раз выше рабочего вола - от 4 до 12 номисм (Литаврин Г. Г. Византийское общество. С. 147-148, 232). А здесь идет речь еще о полностью снаряженных боевых конях. Даже если мы оценим каждого такого коня в 8-10 номисм, табун в тысячу лошадей можно оценить в 8-10 тысяч номисм, т.е. не меньше, чем было взыскано с воинов фемы (кентинарий = 100 литр = 7200 номисм). Если телос с полнонадельного крестьянина составлял 4,166% его имущества (Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen. Diisseldorf, 1970. S. 50.1-10), т.е. 1/24 от официальной оценки, и равнялся 1 номисме, то крестьянский тягловый двор оценивался в 24 номисмы. Однако по императорским новеллам X в. известно, что хозяйство состоятельного налогоплательщика оценивалось в 50 номисм - сечь идет как паз о том времени,

когда была произведена реквизиция на Пелопоннесе. Как выше сказано, денежный побор был сделан по норме, в 5 раз превышающей норму взыскания регулярного налога (см. коммент. 1 к гл. 52). Если принять такую же пропорцию (как в оценке крестьянского имущества и в норме реквизиции по отношению к регулярному налогу) применительно к владениям представителей знати, то недвижимое имущество протоспафария нужно оценить примерно в стоимость шести полнонадельных крестьянских дворов. В самом деле: протоспафарий поставил три снаряженных коня, стоивших вместе около 30 номисм. Имение же его соответственно оценивалось в сумму от 150 до 300 номисм. Но не следует забывать, что уже в это время и сбор регулярных налогов, и чрезвычайные поборы с представителей знати осуществлялись нередко по льготным нормам. Так или иначе, но можно предполагать, что в правление Романа I пелопоннесская знать, как и динаты прочих фем империи, переживала период быстрого роста своих земельных владений. Упоминания о неимущих военнообязанных крестьянах подтверждают это положение: именно Константину VII пришлось издавать специальную новеллу с целью помешать разорению стратиотов, среди которых появилось немало "складчиков" и "сокопейщиков", способных выставить и снарядить одного воина только объединенными усилиями.

10. В число подвергнутых денежному побору за отказ от участия в походе входили лишь пешие фемные воины. Моряки с их морскими стратиями (земельными наделами связанными с обязательным несением военной службы) не имели права выбирать между походом или уплатой денег. Кроме того, не все свободное полнонадельное крестьянство было военнообязанным. Хозяйства крестьян, приписанных к ведомству дрома, поставщиков угля для железодельных печей, определенных видов продуктов для столицы и т.д., не несли военной службы. Поэтому сумма, собранная с пехотинцев фемы, может дать представление не об общем числе крестьянских хозяйств свободных налогоплательщиков на полуострове, а лишь об общих размерах войска фемы. Если бы все воины были состоятельными, то 7200 номисм составились бы от взносов 1440 домохозяев. Если, напротив, все воины были бы "совершенно неимущими" то эту сумму можно было бы собрать с 2880 домохозяев. Следовательно, пешее фемное войско Пелопоннеса исчислялось цифрой между этими двумя крайними показателями. Мы считаем, что не слишком погрешим против истины, если допустим, что неимущим был примерно каждый 8-й - 10-й воин. В таком случае войско фемы было равно приблизительно 1500 воинам.

К ГЛАВЕ 53

Текст гл. 53.1-491, вероятнее всего, не принадлежит Константину, но представляет собой беллетризованную подборку выписок из местных херсонских хроник античного и позднеантичного времени (Шестаков С.П. Очерки. С. 5; IOSPE. I N 344; Ростовцев М.И.. Сирик - историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Т. 43, вып. 2. Отд-ние классич. филол. С. 151 и след.; Струве В.В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азия. Л., 1968. С. 147 и след.; Латышев В.В. Жития. С. 12-16). На это указывает, например, зачинное упоминание имен семи херсонских "венценосцев и протевоноров", т.е. первых архонтов. Скорее всего, подборка должна была служить источником для Константина, однако использована им не была, а затем вошла в текст в переработанном виде. Текст распадается на пять сюжетов. Первый (стк. 1-123) повествует о войне Савромата с римским полководцем Константом (Констанцием Хлором?) в Азии. Во втором (стк. 124-161) говорится о борьбе херсонитов по приказу Константина Великого против "скифов". Третий (стк. 162-178) рассказывает о выступлении боспорца Савромата, внука Савромата, против Херсона, завершившемся победой херсонитов. Четвертый (стк. 179-233) описывает неудачную попытку "другого" Савромата взять реванш у херсонитов, во главе которых стоял Фарнак. И, наконец, пятый (стк. 234-492), наиболее крупный и сильно беллетризованный, сообщает о подвиге Гикии, дочери херсонского "венценосца и протевона" Ламаха, спасшей родной город от происков своего мужа, сына боспорского правителя Асандра. Хронологическая атрибуция сюжетов не совсем однозначна. Предложенная самим текстом гл. 53 временная последовательность явно несостоятельна, что, начиная с Т. Моммзена (История Рима. М., 1949. Т. 5. С. 270, примеч. 1), объяснившего весь текст "херсонесскими сказками", надолго оставило этот источник за пределами интересов исследователей (Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес. С. 49). Благодаря статье Р. Гарнетта, констатировавшего реальную основу не только первых четырех сообщений, но и сюжета о Гикии (Garnett R. The Story), связав его с боспорским царем Асандром и отнеся его ко второй половине I в. до н.э. (Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 98 и след.; Анохин В. П. Монетное дело Херсонеса. С. 74-76; Зубарь В.М. Из истории. С. 120-123; Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес. С. 48-57), изучение памятника продолжилось, хотя и со слабой интенсивностью. События первых четырех сюжетов датируются рубежом III-IV вв. и первыми двумя третями IV в. Нижнюю границу Я. Харматта, сопоставивший текст гл. 53 с сасанидской надписью из Пайкули, помещает в 291-293 гг. Долго оставался спорным вопрос, какие реально северопричерноморские племена имеются в виду под савроматами (сарматами) и скифами в трактате Константина. Исследователи прошлого

считали их готами. Ныне возобладало мнение, что это - подлинно сарматы.

1. Диоклетиан, римский император 284-305 гг. Ср. коммент. 3, 49 к гл. 29.

2. Редкое греческое имя зафиксировано херсонской эпитафией один раз для III в. (Шангин М. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. N 3. С. 80, N 10). Патронимик от него встречается в двух надписях из Одессоса (IGBR. I2. P. 115-116, № 52в; P. 139, N 79 bis в форме род. пад. на -и, характерной и для боспорской эпитафики (КБН. С. 814-815). О протевонах см. коммент. 32 к гл. 42.

3. По нумизматическим данным, с 285 (Фролова Н.А. Монетное дело. С. 34-46) по 308/9 г. на Боспоре правил царь Фофорс (Gajdukevic V.E. Das Bosporanische Reich. S. 460, 477-478, 574; ср.: Гацдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 459-461 и табл. VI, 96; Харко Л.П. Тиритакский монетный клад 1946 г.// ВДИ. 1949. N2. С. 79 и след. Табл. III, N3; Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 166; Голенко К.В. К датировке одной группы монет Фофорса // СА. 1958. N 2. С. 259-263; Он же. О характере выпуска некоторых монет Фофорса // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1959. Т. 2. С. 187-190). Р. Гарнетт считает этого Савромата Фофорсом (Garnett R. The Story. P. 102). Я. Харматта объясняет появление имени "Савромат" вместо Фофорса (и идущих за ним Радамсада и Рискупорида) тем, что "Савромат" было "общим названием боспорских царей в херсонесской хронике" (Харматта Я. К истории. С. 206). Действительно, Боспор на протяжении более полутора веков имел по крайней мере четырех официальных царей с именем Савромат (I-93/4-123/24 гг.; II - 173/4-210/11 гг.; III - 229/30-231/32 гг.; IV - 275-76 гг.), причем два первых правили почти по трети века, а имя последнего связано со сложными внутривластными коллизиями третьей четверти III в. Патронимик Савромата (сын Крискорона) Э. Миннс считает испорченным именем Рискупорида (Minns E. Scythians and Greeks. P. 526), следуя за М. Кэри, полагавшим, что Савромат, сын Крискорона, это Савромат V, сын Рискупорида, по мнению Б.В. Кене, царствовавший на Европейском Боспоре, когда Фофорс царствовал на Азиатском (Кене Б.В. Описание музеума великого князя В.В. Кочубея. СПб., 1857. С. 173-175). Против Кене выступил В.В. Григорьев, указавший на необоснованность источниками такого сопоставления (Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 407). Н.А. Фролова пришла к заключению, что сведения трактата "Об управлении империей" об азиатском походе Савромата, сына Крискорона, нельзя связывать с именем Фофорса, но надо отнести к более позднему времени (Фролова Н.А. Монетное дело. С. 48, 51-52). Харматта видит Фофорса в отце Вахнама Фуфрусе сасанидской надписи из Пайкули (Харматта Я. К истории. С. 207-208), в чем сомневается Б.И. Надэль (Nadel V. Literary Tradition. P. 100, п. 85-87), хотя и придерживается мнения о реальности азиатского похода Фофорса и тождественности его Савромату, упомянутому в гл. 53 (Надэль Б. И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н.э. // Ada antiqua. ASH. 1961. Т. IX. Fasc. 1-2. P. 233).

4. Р. Дженкинз (DAI. II. P. 206) вслед за А.А. Васильевым (Васильев А.А. Готы. С. 289) считает этих савроматов-сарматов готами. Я. Харматта полагает, что речь идет о сарматах или аланах (Харматта Я. К истории. С. 206-207). В гл. 53 этнонимы савроматы-сарматы употребляются синонимично. Географический трактат из ГИМ (N 415. Л. 76-77) (см.: Шангин М. Новый географический текст. С. 252-255) дважды упоминает Меотиду как "епархии" Азии (в переводе ошибочно (?) названа Европа: быть может, ошибка в самом тексте, который, к сожалению, сейчас не доступен) и Европы, отличая ее от Азиатской и Европейской Сарматий, Боспора Киммерийского и Таврического Херсонеса с Кафой и Сymbолоном. Употребление в гл. 53 беспредложной конструкции (???) предполагает как будто не название Азовского моря, а название области "Меотидское озеро" Характерно четкое разделение в гл. 53 побежденного боспорского войска на собстве но боспорян и "толпу" (???) с Меотиды (ср.: DAI. I. 53. Стк. 223-224).

5. Римляне (ср. коммент. 3 к Лемме и Предисловию). Других упоминаний об этой кампании нет. Р. Гарнетт датирует ее периодом до 292 г. (Garnett R. The Story, P. 102). Р. Дженкинз - 284-293 гг. (DAI. II. P. 206), Я. Харматта - 291-293 гг., располагая события так: 291 г. - отправление Савромата с войском из Боспора и завоевание страны лазов, 292 г. - вторжение его в Понтику и продвижение до р. Галиса, военные действия против Констанция, нападение херсонитов на Боспор и заключение мира между Савроматом и Римом, 293 г. - отступление войска Савромата на Боспор (Харматта Я. К истории. С. 205, 207-208). Действительно, в титулатуре Констанция и Галерия впервые появился соответствующий титул (*sarmaticus maximus*) в 294 г. (Barnes T. The New Empire. P. 255. Table 5). Военным трибуном Констанций стал в начале 70-х годов III в. (Ibid. P. 36-37). В титулатуре Диоклетиана этот эпитет появился впервые в 285 г., вторично в титулатуре Диоклетиана и впервые Максимиана - в 289 г., в третий раз у Диоклетиана, вторично у Максимиана и впервые у Галерия и Констанция - в 294 г. (Ibid. P. 255. Table 5). Н.А. Фролова относит эту и следующую кампанию к более позднему времени, чем правление фофорса и Рискупорида, не уточняя хронологии (Фролова Н.А. Монетное дело. С. 47-52). Б.И. Надэль, доказывающий реальность этой кампании, отмечает отсутствие сведений о ней в римских источниках и наличие в них сведений о военных предприятиях Рима против сарматов на Дунае в 286- 293 гг. (Nadel V. Literary Tradition. P. 97; ср.: Barnes T. The New Empire. P. 51).

6. Лазов античные авторы, начиная с Мемнона и Плиния, помещают в Колхиде Memn. LIV, 2; Arr. PPE, 15; Ael. Herod. VI, 143, 27 = Steph. Bys. s.v. Adi;oi; Ptol. V, 9, 4; Luc. Tox. 44; Plin. NH. VI, 12 etc.). Поздние источники отождествляют их с колхами и употребляют название "Колхида" и "страна лазов" синонимично.

7. разгромив её население" - Латышев, Малицкий. С. 34; "those, who were there" - DAI. 1. P. 259. Обозначения типа ??? употребительны с античности в обобщающе-затемняющем смысле при нежелании уточнять их состав.

8. Совр. р. Кызыл-Ирмак в Турции, впадающая в Черное море.

9. Я. Харматта считает Понтику тождественной римской провинции Pontus Polemoniacy (Харматта Я. К истории. С 205; Шангин М. Новый географический текст. С. 254).

10. Констант (Констанций Хлор) (около 250-306 гг.), трибун, император (305-306 гг.), отец императора Константина Великого (Seston W. Diocletien et la Tetrarchie. I. Guerres et Reformes // Bibliotheque des Ecoles Francaises d'Athenes et de Rome. P., 1946. 162. p. 88-89; Barnes T. The New Empire. P. 36-37).

11. Имена Хрест и Папий (в разных конечных огласовках) распространены в эпиграфике Северного и Западного Причерноморья, начиная с III-II вв. до н.э. (КБН, НО, НЭПХ, IOSPE, IGBR etc.). Предположение А. Бека (SIG. II. 2056c) о возможной принадлежности упомянутого декретом Хреста Херсонесита к тому же роду, что и Хрест, сын Папия, вызывает справедливое сомнение Г. Михайлова (IGBR. 12. N 39).

12. Пантикапей стал официально называться Боспором, вероятно, в IV в. (Кулаков-ский Ю.А. К вопросу об имени города Керчи // ????. Сб. статей в честь Ф.Е. Кор-ша. М., 1896. С. 187 и след.; Gajdukevich V.F. Das Bosphoranische Reich. S. 497. Anm. 3), хотя и раньше это название употреблялось наряду с именем "Пантикапей" (Plin. NH. IV, 18: Panticapaeum quod aliqui Bosporum vocant; Ps-Arr. PPE, 56: ???). Византийские авторы именуют город "Воспором" (Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. VI. С. 190-204).

13. Выделение в DAI 53 "крепостей на Меотиде" как хоротерминологического единства представляется обоснованным и находит археологическое подтверждение. Сие тема античных крепостей прослеживается на азиатской (Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. N 1. С. 28; Кругликова И. Т. Боспор С. 89-100), стороне Меотиды с рубежа новой эры. Европейская сторона, по существу вавшим до сих пор представлениям якобы подверглась сильному разрушению в последней трети III в. и на протяжении IV в. находилась в упадке (Кругликова и.т. Боспор. С. 57, 89), что достаточно аргументированно отрицает А. В. Сазанов, передативавший соответствующие слои более поздним временем (Сазанов А. В. Позднеантичный Боспор: периодизация и историческое развитие // Тезисы докладов крымской научной конференции "Проблемы античной культуры". Симферополь, 1988. Ч. III. С. 215-216). Часть крепостей азиатского Боспора вплоть до Танаиса существует непрерывно или с перемежающимися периодами упадка до начала крепостного строительства Юстиниана (подробнее см.: Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 12-14).

14. Наличие отряда баллистариев в Херсонесе конца IV в. подтверждается эпиграфически (IOSPE. I. N 449 - надпись датируется 370-375 гг.; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. N 7). Надпись (IOSPE. I. N 450, относящаяся к 383-396 гг., сообщает о постое в Херсонесе римского гарнизона под командой трибуна Флавия Вита. "Жития св. епископов Херсонских" - памятник, написанный, видимо, не ранее второй половины IX в. (Латышев В. В. Жития. С.1 6-17), сообщает о 500 стратиготах, сопровождавших в 325 г. епископа Капитона при приезде его в Херсонес и оставшихся, вероятно, там вместе с епископом (Там же. С. 42. 62). Гл. 53, таким образом, свидетельствует о баллистариях-херсонитах конца III - начала IV в. Ср. DAI. 53. С. стк. 149-158.

15. Констант вскоре принял царство ромеев, когда Диоклетиан опять удалился (возвратился) в Никомедию. Видимо, имеется в виду не последнее перед отречением 305 г. возвращение Диоклетиана из Рима в Никомедию летом 304 г. (Barnes T. The New Empire. P. 56), а, как считает Я. Харматта, возвращение имевшее место незадолго перед 1 марта 293 г. (назначение Галерия цезарем) (Харматта Я. К истории. С. 205).

16. Констанций Хлор умер 25 июля 306 г. в Эбораке (Йорке) после победы над пиктами. Его сына Константина, будущего Константина Великого, войско в тот же день провозгласило августом (Barnes T. The New Empire. P. 5-8).

17. Константин заложил новую столицу (Константинополь) на месте древнегреческого Византия в 324 г., а освятил ее 11 мая 330 г. Известны его поход на Византию в январе 317 г. и осада его в 324 г. (Barnes T. The New Empire. P. 73-75).

18. Неясно, кто и когда поднял восстание "в Скифии". Поскольку Константин отправился смирять мятеж "к Византию" (ср. реминисценцию об угрозе скифского царя Византию в Clem. Alex., Strom. V, 5,31 = SC. I. P. 598), речь идет, очевидно, о территории, именуемой у античных авторов "Малой Скифией" (совр. Добруджа: Strab. VII, 4,5; 5,12; ср. Chrest. Strab. ex lib. VII; см. также:

Блаватская Т. В. Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. 1948. N 1. С. 206-213).
Официальный список римских провинций 297 г. (*Nomina provinciarum omnium*, 4 = SC. II. P. 447) фиксирует Скифию как одну из провинций диоцезы Фракии; созданное в середине IV в. анонимное "Описание всего мира и народов" (*Expositio totius mundi et gentium*, 57 = SC. II. P. 448) там же помещает "варварское племя сарматов"; "Список имен всех провинций" Полемиа Сильвия (449 г.) в Иллирике под N 6 называет провинцию "Скифия" (?), а во Фракии под N 4 - провинцию "Нижняя Скифия" (SC. II. P. 416). О взаимозаменяемости этнонимов "скиф - сармат" уже с конца I в. до н.э. см.: Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 г. М., 1984. С. 119-133.

Вероятнее всего, речь идет о кампании против сарматов летом 323 г. (Barnes T. *The New Empire*. P. 75, п. 120; P. 258, Table 8). Не исключено, однако, что имеется в виду одна из сарматских кампаний Лициния (июнь 310г. или около 318г. - *Ibid.* P. 81, 82, 234-237; ср.: Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 78. N 57) или второй поход Константина против сарматов в 334 г. Есть гипотеза, что эта кампания велась против готов (Белов Г.Д. Херсонес Таврический. С. 129-130).

19. О посольстве Константина к херсонитам более ничего не известно. Р. Гарнетт датирует посольство Диогена" 323-337 г. (Garnett R. *The Story*. P. 102).

20. Одно из нередко встречающихся в Херсонесе греческих имен (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 89). "Имена, повторявшие патро-нимиконы, за небольшим исключением, принадлежали вольноотпущенникам и их потомкам, которые благодаря своему богатству заняли видное общественное положение" (Там же. С. 59). Эти имена начали распространяться в Херсонесе с II-I вв. до н.э. (Там же. С. 56). Диоген - одно из наиболее распространенных имен боспорской эпиграфики; встречается в Ольвии, часто в эпиграфике Северо-Западного Понта.

21. Со времен Диоклетиана аннона - поземельный налог, в основном натуральный (зерно, мясо, шерсть и т.п.), регулярно взимавшийся с населения Римской империи.

22. Р. Гарнетт считает этого Савромата преемником Рискупорида VI, правившего до 342 г. (Garnett R. *The Story*. P. 102). Выпуск его монет прекратился в 336/7 г. (Голенко К.В. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // Зап. Одесск. археологич.об-ва. 1960. Т. 1(34). С. 336- 338). Ныне дата отодвинута к 341/2 г. (Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. N4. С. 52-53).

23. Не идентифицирован.

24. Выражение "вне" (???) указывает на то, что граница Боспорского государства пролегал за Феодосией и только после неудачного похода Савромата, внука Савромата, сын Крискорона, она прошла через самую Феодосию. Во всяком случае, согласно датированной 306 г. надписи КБН, N 64 в 306 г. в Феодосии еще сидел боспорский наместник Аврелий Валерий Сог, сын Олимпа. Переименование Феодосии Кафой обычно относят ко времени после IV в. (Фролова Н.А. Монетное дело. С. 48-49). Отметим, однако что название "Кафа" фигурирует в небольшом географическом трактате из ГИМ составленном между 360 и 386 г. (Шангин М. Новый географический текст. С. 253-254)

25. Описание битвы "другого Савромата" с Фарнаком, сыном Фарнака, произошедшей "через некоторое время", носит литературный характер. Р. Гарнетт считает, что между событиями прошло 15 лет (Garnett R. *The Story*. P. 103).

26. Р. Гарнетт справедливо полагает, что дальнейшая путаница хронологии в гл. 53 произошла в связи с идентичностью имен "венценосца и протевона" херсонитов Фарнака, сына Фарнака, победителя боспорского Савромата, и Фарнака, царя Боспора, сына Митридата Евпатора, предшественника Асандра на боспорском престоле (Garnett R. *The Story*. P. 105). Имя Фарнак, очень распространенное в боспорской эпиграфике вплоть до поздней античности, практически не встречается в эпиграфике Северо-Западного Причерноморья и Херсонеса.

27. Согласно географическому трактату из ГИМ (N 415. Л. 76-77; Шангин М. Новый географический текст. С. 252-255), содержание которого в основном не выходит за рамки 360-386 гг., Кафа и Сямболон входили в епархию Херсонеса. 40 миль (около 60 км), указанные в гл. 53, дают не античный Киммерик, локализуемый у г. Опук (Гайдукевич В.Ф. О местоположении древней Тиритак // МИА. 1941. 4. С. 85 и след.), с которым отождествили Киверник Ф.К. Брун и Ю.А. Кулаковский (Брун Ф.К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II. С. 300 и след.; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк с 3-мя картами и 6-ю рисунками. Киев, 1906. Карта древних поселений на берегах Черного моря), а район античной Казеки Арриана и псевдо-Арриана (Arr. PPE, 30 = SC. I. P. 335; Ps-Arr. PPE, 76-77 = SC. I. P. 283. Краткое описание городища С. Вереврюсова см.: Архив Института истории материальной культуры. Д. АК. N 7. 1882 г. Л. 21). О дальнейшем продвижении границы Боспора к востоку до Кит (античный Китей) можно судить по сообщению Псевдо-Арриана (V в.) и Стефана Византийского (VI в.) (Ps.-Arr. PPE, 76 = SC. I. P. 283; Steph. Byz. S.v. Кита = SC. I. P. 262).

28. Гибель, а точнее глубокий упадок, Боспорского государства традиционно связывают с гуннским нашествием и датируют 70 годами IV в. (ср.: Schmidt L. *Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgang der Volkerwanderung. Die Ostgermanen.* Munchen. 1934. S. 253; Гайдукевич В.Ф. *Боспорское царство.* С. 478-484; Gaidukevic V.F. *Das Bosporanische Reich.* S. 492-496; Блаватский В. Д. *Боспорское царство в позднеантичное время // Блаватский В. Д. Античная археология и история.* М., 1985. С. 251-255), что опровергается новейшими исследованиями (см. коммент. 13 к гл. 53).

29. Согласно хронологии гл. 53, события следовало бы датировать 80-ми годами IV в. (Garnet! R. *The Story.* P. 103), что невозможно. Р. Гарнетт, впервые отнесшийся к пятому сюжету гл. 53 как к аутентичному источнику, аргументировал датировку событий "легенды о Гикий" второй половиной I в. до н.э. (*Ibid.* P. 103-105).

30. Редкое в античной ономастике имя. В двух херсонесских надписях 45 г. до н.э. (IOSPE. I. N 347, 691) имя одного из членов коллегии номофилаков восстанавливается как "Ламах, сын Даматрия". По сообщению Мемнона (Memn. XLII, 3), это имя носил гражданин метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской, пришедший к власти в этом полисе около 72 г. до н.э. Ламах - единственный в гл. 53 "венценосец и протевон", упомянутый без патронимика.

31. Назначенный Фарнаком наместником Боспора на период малоазийской кампании, Асандр в 47 г. до н.э. узурпировал власть в Пантикапее (Dio Cass. XLII, 46,4). После гибели Фарнака, пытавшегося вернуть престол (Strab. XIII, 4,3; Dio Cass. XLII, 47; App. Mithr. 120), стремился получить у римлян поддержку, затем расправился с боспорским ставленником Цезаря Митридатом Пергамским (Strab. XIII, 4, 3) и "узаконил" свое положение женитьбой на внучке Митридата Евпатора, дочери Фарнака Динамии (Dio Cass. LIV, 24), именуя себя, однако, на своих первых монетах 44-42 гг. "архонтом Боспора". Официально его признал боспорским царем уже Август в 42 или 41 г. до н.э. (Ps.-Luc. *Macr.*, 17; Gajdukevi! V.F. *Das Bosporanische Reich.* S. 325), после чего он чеканил золотые статеры с легендой - "царя Асандра" (Орешников А.В. *Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова.* М., 1987. С. 63-66). В.М. Зубарь датирует события "легенды о Гикий" 44-31 гг. до н.э. (Зубарь В.М. *Из истории Херсонеса Таврического.* С. 122). С.Ю. Сапрыкин высказывается за 45-40 гг., отмечая, что реальное отсутствие у Асандра в то время царского титула и обозначение его этим титулом в гл. 53 не составляет противоречия, поскольку "в византийское время и в трактате Константина Багрянородного, в частности, термином "царь" поинято было обозначать любого носителя верховной власти предшествующей эпохи" (Сапрыкин С.Ю. *Асандр и Херсонес.* С. 55-56).

32. Э. Миннз считает возможным происхождение имени "Гикий" из сокращенного "Гликария" (Minus E. *Scythians and Greeks.* P. 561; DAI. II. P. 208): так звали, возможно, жену Асандра до женитьбы на Динамией (КБН, N 913; Шкорпил В.В., Ростовцев М.И. *Эпиграмма из Эль-Тегеня // ИАК.* 1910. Вып. 37. С. 15-16, 21-22).

33. В.М. Зубарь сближает с сообщением о сыновьях Асандра информацию передатированного В.И. Кадеевым временем Августа херсонесского декрета IOSPE. I. N 355 (Кадеев В.И. *Херсонес.* С. 57; ср.: Шелов-Коведяев Ф.В. *Новый декрет из Херсонеса // ВДИ.* 1982. N 2. С. 83), соотнося упомянутых там чьих-то сыновей и дочь с "сыном Асандра" и "дочерью Ламаха" (Зубарь В.М. *Из истории.* С. 123), хотя Кадеев считает декрет "источником для истории Херсонеса 20-х гг." (Кадеев В.И. *Херсонес.* С. 57). С.Ю. Сапрыкин полагает, что в "легенде о Гикий" речь идет о сыновьях Асандра от брака его с Гликарией (Сапрыкин С.Ю. *Асандр и Херсонес.* С. 55-56).

34. В рукописи - *Sououv*, отвергнутое Д. Моравчиком. Сосы в гл. 53 являлись, по-видимому, одним из окраинных (стк. 306) кварталов прибрежной части (стк. 306, 312) нижнего (стк. 263) города. Полагают, что Сосы должны "согласно тексту легенды", находиться "в нижнем городе близ порта" (очевидно, юго-восточный квартал Херсонеса) (Сапрыкин С.Ю. *Асандр и Херсонес.* С. 50). Однако и текст гл. 53, и топография Херсонеса рубежа н.э. представляют две возможных локализации квартала - юго-восточную и юго-западную. Н.В. Пятышева, доказывая этническое содержание имени "Скиф" (что неверно. См., например: Кадеев В.И. *Херсонес Таврический.* С. 91-96), предполагает, что квартал с этим именем (она принимает огласовку ???) был местом жительства иранских купцов и "постоянных городских жителей родом из Ирана" (Пятышева Н.В. *К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I-VI веках н.э. // Античное общество.* М., 1967. С. 183-185).

35. В.И. Кадеев относит имя Зет к наиболее распространенным греческим именам в Херсонесе (Кадеев В.И. *Херсонес Таврический.* С. 89). С.Ю. Сапрыкин указывает на наличие патронимика Зет при имени Аполлония из двух херсонесских надписей 45 г. до н.э. (IOSPE. I. N 347, 691), представляющих собой список коллегии номофилаков, а также имени Зет в двух надписях рубежа старой и новой эры (IOSPE. IV. N 86, 96) (Сапрыкин С.Ю. *Асандр и Херсонес.* С. 56-50).

36. Имеется в виду Балаклавская бухта (Minns E. *Scythians and Greeks.* P. 496; Латышев, Малицкий. С. 108, коммент. 69). Название зафиксировано античными авторами, начиная со Страбона, в форме ??? (Strab. VII, 4,2; Ptol. *Geogr.* III, 6,2; Ps.-Arr. *PPE*, 81; *Chrest.* Strab. ex lib. VII // *Strabonis Geographica recensuit, commentario critico instruxit Gustavus Kramer (Gymnasii regii Gallici*

Director). Berolini, 1892. Vol. III. P. 502) или ??? (Strab. VII, 4,3; Arr. PPE. 29; PS-Arr. PPE, 81), причем Страбон употребляет обе формы, не оговаривая различия, а Псевдо-Ариан специально его подчеркивает (ср. также: SC (ВДИ). 1948. N 4. С. 235, примеч. 7). Латинская традиция, представленная Плинием, дает в именит, падеже название как имя собственное: *Symbolum portus*. В аналогичной форме по-гречески оно стоит в географическом тексте из ГИМ (Шангин М. Новый географический текст. С. 253), а также у Феофана (Theoph. Chron. P. 704-705; ср.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 127, коммент. 321), как и здесь - гл. 53, стк. 296, 302, 309.

37. ??? - конъектура Меурсия вместо ??? рукописи. Р. Гарнетт, приводя слово в форме ??? (по изданию Ж.-П. Миня), считает его "диалектным вариантом" ??? и источником "татарского" "лимман" или "этим самым словом, перенесенным в греческий язык", допуская, что оно обозначает Балаклавскую гавань (Garnett R. The Story. P. 101, N. 1). Однако указание гл. 53, стк. 304-305 на расстояние примерно в 3 римских мили (ок. 4,5 км), на которое отходили боспоряне от города в глубь хоры а потом возвращались к Лимону и переплывали к Сосам, исключает Балаклавскую бухту предполагая современную Карантинную бухту или, что вероятнее, - Песочную. В любом случае следовало бы оставить рукописное чтение ???, - вероятнее всего, контаминацию и переосмысление ??? с семантическим гнездом ??? и являющуюся здесь именем нарицательным для обозначения бухты.

38. Р. Гарнетт говорит о том, что в дохристианскую эпоху захоронения внутри города были обыкновенно запрещены (Garnett R. The Story. P. 102, N 2), отмечая "странность" просьбы Гикий похоронить ее именно в "черте города" для христианской эпохи, когда резоннее было бы ожидать просьбы о захоронении в базилике (ibid P. 103). С.Ю. Сапрыкин находит подтверждение просьбы Гикий захоронить ее в пределах города в археологических источниках: на территории юго-восточной части Херсонеса имелся ряд богатых захоронений IV в. до н.э., перекрытых оборонительной стеной III в. до н.э. и попавших таким образом в черту более позднего города (Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес. С. 50). Наличие захоронений IV в. (Жеребцов Е.Н Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. 1979. N 159. С. 34-36) или V-IV sa. до н.э. (Зедгендзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н.э. // Там же. 1981. N 168. С. 3-7) в черте, более позднего города, конечно, нельзя рассматривать как "подтверждение" в археологическом источнике просьбы Гикий, тем более что эти захоронения, перекрытые более поздними постройками, вряд ли были известны горожанам на рубеже новой эры иначе как по случайным находкам. Херсонесская ситуация, когда ранний некрополь попадает под более поздний город, не является исключительной и зафиксирована для многих греческих городов античной ойкумены.

39. С.Ю. Сапрыкин полагает, что резиденция Гикий была не в стенах Херсонеса, а представляла собой загородную укрепленную усадьбу (Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес. С. 50), поскольку башни характерны для архитектуры большинства укрепленных усадеб Гераклеяского полуострова, начиная с II в. до н.э. (Pe'cirka J.. Country Estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea // Ricerche Storiche ed Economiche in memoria di Corrado Barbagallo. Napoli, 1970. Vol. 1. P. 475; Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове // КСИА. 1981. N 168. С. 14-15).

40. В гл. 53 упомянуты три статуи Гикий. В.А. Анохин считает, что описание второй статуи "полностью соответствует раннему монетному типу Девы" (по терминологии Анохина, "защищающейся"), добавляя, что "версия, именующая статую божества Гикийей, появилась вне всяких сомнений, в позднее время как результат приспособления остатков языческих верований и "идолов" к новой христианской религии" (Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса С. 76). Действительно, на реверсе ряда херсонесских монет, начиная с выпуска, датированного Анохиным 63-47 гг. до н.э. (Там же. Каталог. N 199), появляется тип "дева в рост с луком и копьем", варианты которого существуют непрерывно почти до конца античного чекана, т.е. до второй половины III в. н.э. (Там же. Каталог. N 204-212, 215-216, 228-229, 233-257, 261-265, 267-269, 273-276, 286-290, 296-308). В действительности, описания статуи в гл. 53 просто нет, сказано лишь, что Гикий представлена "вступающей в борьбу и отвращающей злоумышляющих против полиса". Кроме того, реверс этого типа появляется как отмечает и Анохин (Там же. С. 76), еще "при Фарнаке", сыне Митридата Евпатора. Таким образом, сближение монетного изображения божества (Девы) с почетным скульптурным изображением конкретного исторического лица представляется не совсем корректным.

41. Не идентифицирован.

42. Город - наследник античной Гермонассы на мысу Таманского п-ва (совр. станция Таманская). Городище с толщиной культурного слоя более 10 м. трапециевидной формы площадью 300x200 м, частично смытое водой, ограничено глубокими оврагами и высохшим соленым озером или бывшим заливом. К X в. город был густо заселен: кварталы застраивались примерно каждые 20 лет с заменой уличного мощения. В слоях хазарского периода есть находки и византийских монет, импортной керамики (Плетнева С.А. Хазары. С. 52-53).

Упоминание в русско-византийском договоре князя Игоря пункта об участии русских дружин в

охране Корсуня (Херсона) от набегов черных булгар (из Приазовья) породило предположение о существовании уже в первой половине X в. владений русских князей на Таманском полуострове. (Якобсон А.Л. Средневековый Крым; ср.: Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // Ист. зап. 1940. Т. 6. С. 79 и след.). Ал-Масуди, называя Черное море "Русским", указывает, что русские живут "на одном из его берегов" (Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX-X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 26). Однако русско-византийский договор мог иметь в виду и русские гарнизоны, находившиеся в это время в ряде византийских крепостей (ср.: Бейлис В.М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С.23), а не Тмутараканское княжество начала X в. (ср.: Мавроди" В.В. Тмутаракань // Вопр. истории. 1980. N 11. С. 177-182), известия о котором относятся в основном к XI в. (Litavrin G.G. A propos de Tmutarakan // Byzantion. 1965. Т. 25. P. 221-234).

43. Актуальность и важность для Константина сведений о районах нефтедобычи объясняется тем, что нефть была составной частью "греческого огня" (см. гл. 13 и 48), применение которого не раз приносило победу имперскому флоту, в том числе во время византийского похода Игоря 941 г., незадолго до составления труда DA1. Константин указывает местами нефтедобычи Таманский полуостров и территорию Адыгеи, что подтверждают и сведения ал-Масуди (DA1. II. P. 208), а также, вероятно, район Армении (если верно отождествление фем Дерзина и Цилияперт - см. коммент. 48 к гл. 53).

44. О Зихии см. коммент. 4 к гл. 6.

45. О Панагии см. момент. 14 к гл. 42.

46. За минимальный расчет расстояния в "день пути" принимают 3в-35 км (Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 181).

47. Местность, известная также как Терцан, Дерган. Локализуется в Армении, между Келцином и феодосиуполем (Эрзерумом) (DA1. II. P. 209).

48. Р. Дженкинз идентифицирует это название с искаженным то Пашерте (Паиперт), известным из хроники Продолжателя Феофана (Theoph. Cont. P. 404. 7). В таком случае эту область следует искать к северу от Дерзины (DA1. II. P. 209).

49. Хотя Константин представляет Херсон форпостом византийской власти в регионе, его лояльность вызывала сомнения. Система удержания херсонитов в повиновении, возможно, предусматривалась постольку, поскольку еще свежа была память о восстаниях херсонитов и нескольких карательных экспедициях Юстиниана II в начале VIII в. (см. коммент. 14 к гл. 1), о мятеже в 896 г., последовавшем за византийским Поражением при Болгарофиге (Theoph. Cont. P. 360. 14-16), об убийстве херсонского гратига Симеона, после чего произошла реорганизация фемы (Const. Porph. De them. P. 183). Гарантией успешного проведения своих акций в Восточном Причерноморье император считал верность Херсона, которую, однако, надо было контролировать. Гревого за прочность позиций в Причерноморье к середине X в. была оправданной.

50. О базиликах см. коммент. 1 к гл. 7.

51. О феме Армениаки см. коммент. 62 к гл. 50.

52. О Пафлагонии см. коммент. 30 к гл. 42.

53. О феме Вукелларии см. коммент. 63 к гл. 50.

54. О литре см. коммент. 13 к гл. 28.

55. О пакте см. коммент. 13 к гл. 27. Здесь - плата за воинскую помощь.

56. О стратигах см. коммент. 39 к гл. 13.

57. Сведения о предметах печенежской торговли (ср. коммент. 1 к гл. 1 и коммент. 4 к гл. 2). 58. Аминс, или Амис на южном побережье Черного моря. Сельские районы Юго-Западной Таврики не могли снабжать город продовольствием. Из археологических материалов здесь известны небольшие земледельческие поселки из одного-двух десятков глинобитных домов. Из-за отсутствия площадей для плужного земледелия хлеб сеяли на небольших террасах, только для себя, о чем говорят малые размеры жерновов, зернотерок и ступ (Домбровский О.И. Средневековые поселения и "Исары" Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 18-19). На низкой продуктивности сельского хозяйства херсонской округи в конце IX - начале X в. сказывались и последствия печенежских набегов (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения в юго-западной Таврике / МНАН 168. М., 1970. С. 10 и след., 155 и след.). Указание на районы, откуда Херсон импортировал хлеб, вино и прочие продукты, определяет зону внешних экономических связей Херсона. Отношения с Пафлагонией были для Херсона традиционными: еще в IX в. Никита Пафлагонский писал о торговле Северного Причерноморья с Амастридой (PG. T. 105. Col. 421). Судя по гл. 53 (ср. также гл. 42), Константинополь видел во флоте Пафлагонии и окрестных южнопонтских провинциях удобное средство экономического и политического давления на Херсон.

